

ИСТОРІЯ РОССІИ.

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Сергѣя Соловьева.

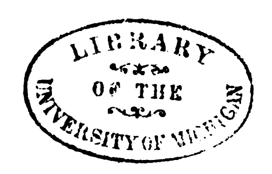
ТОМЪ ОСЬМОЙ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА.
1866.

ИСТОРІЯ
СМУТНАГО ВРЕМЕНИ.

СОЧИНЕНІЕ

Сергѣя Соловьева.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА.
1866.

Типографія Московскаго Императорскаго Университета (Катковъ и К°.),
на Страстномъ бульварѣ.

ГЛАВА I.

Царствованіе Бориса Годунова.

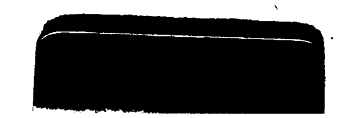
Избраніе Годунова. — Неоффиціальныя извѣстія объ этомъ избраніи. — Въѣздъ новаго царя въ Москву. — Подкрестная запись. — Слухъ о нашествіи хана. — Борисъ выводитъ войско за Москву. — Торжество безъ подвига. — Мѣры для утвержденія Бориса на престолѣ. — Царское вѣнчаніе Бориса. — Милости. — Благопріятныя отношенія къ сосѣдямъ. — Посольство Льва Сапѣги въ Москву. — Посольство Салтыкова въ Литву. — Сношенія Годунова съ Ливонскими недовольными. — Вызовъ Шведскаго принца Густава въ Россію. — Датскій принцъ Іоаннъ женихъ царевны Ксеніи; его смерть. — Сношенія съ Австріею, Англіею, городами Ганзейскими, Италіею, Крымомъ. — Неудачи Русскихъ за Кавказомъ. — Успѣхи за Уральскими горами. — Внутреннія распоряженія Бориса.

Русь древняя, Кіевская жила обычаемъ: по старому обычаю великое княженіе принадлежало старшему въ цѣломъ родѣ; Русь новая, сѣверная пошла противъ этого обычая; обычай потерялъ силу, но до закона о престолонаслѣдіи юное государство еще не доросло; вся власть собралась въ рукахъ единовластителей, и вотъ Іоаннъ III объявилъ: «Развѣ я не воленъ въ своемъ внукѣ и въ своихъ дѣтяхъ? кому хочу, тому и дамъ княжество.» Этой воли не оспоривалъ никто и у правнука Іоаннова, Ѳеодора въ знаменитый 1598 годъ.

Никогда еще для Московскаго государства завѣщаніе, послѣдная воля царя не имѣла такого важнаго значенія, какъ при смерти Ѳеодора Іоанновича, сходившаго въ могилу безпотомственно. На кого указалъ царь и указаніемъ этимъ освободилъ народъ отъ многотруднаго дѣла избранія? Но

Θеодоръ умеръ какъ жилъ: и въ послѣднія минуты жизни какъ во все продолженіе ея, онъ, избывая мірской суеты и докуки, не рѣшилъ великаго вопроса, предложеннаго ему патріархомъ и боярами: «Кому царство, насъ сиротъ и свою царицу приказываешь?» Тихимъ голосомъ отвѣчалъ на это Θеодоръ: «Во всемъ царствѣ и въ васъ воленъ Богъ: какъ ему угодно, такъ и будетъ; и въ царицѣ моей Богъ воленъ, какъ ей жить, и объ этомъ у насъ улажено.[1]» Патріархъ Іовъ въ житіи Θеодора говоритъ, что царь вручилъ скипетръ супругѣ своей; но въ другихъ памятникахъ, заслуживающихъ въ этомъ отношеніи большаго довѣрія, въ избирательныхъ грамотахъ Годунова и Михаила Θеодоровича сказано: «послѣ себя великій государь оставилъ свою благовѣрную великую государыню Ирину Θеодоровну на всѣхъ своихъ великихъ государствахъ.» Но понятно, какъ велика разница между выраженіями: «вручить скипетръ» и «оставить послѣ себя на престолѣ.» Дѣйствительно, по смерти Θеодора оставалась особа, къ нему самая близкая, носившая царскій титулъ, Ирина, и ей поспѣшили присягнуть, чтобъ избѣжать междуцарствія[2]. Но Ирина отказалась отъ престола, объявивъ желаніе постричься; патріархъ, съ боярами и народомъ, били ей челомъ, чтобъ не оставила ихъ сиротъ до конца, была бы на государствѣ, а править велѣла брату своему Борису Θедоровичу, какъ было при покойномъ царѣ. Много разъ били объ этомъ челомъ Иринѣ, но она не согласилась, и въ девятый день по кончинѣ мужа выѣхала изъ дворца въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ и постриглась подъ именемъ Александры.

Во главѣ правленія долженъ былъ стать патріархъ, какъ первое лицо въ государствѣ послѣ царя. О томъ, какъ рѣшались дѣла въ это время, всего лучше можетъ дать намъ понятіе слѣдующее мѣстническое дѣло: «Писалъ государынѣ царицѣ инокѣ Александрѣ Θеодоровнѣ изъ Смоленска князь Трубецкой на князя Голицына, что тотъ никакихъ дѣлъ съ нимъ не дѣлаетъ, думая, что ему меньше его, Трубецкаго, быть невмѣстно. По царицыну указу, бояре князь Θедоръ

Ивановичъ Мстиславскій съ товарищами сказывали о томъ патріарху Іову, и по царицыну указу писалъ патріархъ Іовъ къ Голицыну, чтобъ онъ всякія дѣла дѣлалъ съ Трубецкимъ, а не станетъ дѣлать, то патріархъ Іовъ со всѣмъ соборомъ и со всѣми боярами приговорили послать его Трубецкому головою.[3]»

Итакъ, несмотря на то, что Ирина заключилась въ монастырѣ, дѣла производились по ея указу; по ея указу, бояре сказываютъ патріарху о дѣлѣ, патріархъ съ соборомъ и боярами приговариваетъ и пишетъ объ исполненіи приговоровъ. И въ дѣлѣ царскаго избранія слѣдовательно патріарху принадлежалъ первый голосъ, за нимъ оставалось самое сильное вліяніе, и патріархъ старался закрѣпить за собою право на это вліяніе въ сознаніи современниковъ: «Благодатію св. Духа, писалъ онъ, имѣемъ мы власть, какъ Апостольскіе ученики, сошедшись соборомъ поставлять своему отечеству пастыря и учителя и царя достойно, кого Богъ избралъ.[4]»

Кого же должно было избрать въ цари достойно по мнѣнію патріарха Іова? Послѣ онъ самъ говорилъ: «Когда былъ я на Коломенской епископіи, и на Ростовской архіепископіи, и на степени патріаршеской — не могу и пересказать превеликой къ себѣ смиренному милости отъ Бориса Өедоровича.[5]»

За Годунова былъ патріархъ, всѣмъ ему обязанный, патріархъ, стоявшій во главѣ управленія; за Годунова было долголѣтнее пользованіе царскою властію при Өеодорѣ, доставлявшее ему обширныя средства: вездѣ — въ думѣ, въ приказахъ, въ областномъ управленіи были люди всѣмъ ему обязанные, которые могли все потерять, если правитель не сдѣлается царемъ; пользованіе царскою властію при Өеодорѣ доставило Годунову и его родственникамъ огромныя богатства, также могущественное средство пріобрѣтать доброжелателей; за Годунова было то, что сестра его, хотя заключившаяся въ монастырѣ, признавалась царицею правительствующею, и все дѣлалось по ея указу: кто же мимо роднаго брата могъ взять скипетръ изъ рукъ ея? Наконецъ

для большинства и большинства огромнаго царствованіе Ѳеодора былъ временемъ счастливымъ, временемъ отдохновенія послѣ бѣдъ царствованія предшествовавшаго, а всѣмъ было извѣстно, что правилъ государствомъ при Ѳеодорѣ Годуновъ.

Многое было за Годунова; но есть извѣстія, что сильны были и препятствія, сильны были враги. Патріархъ Іовъ говоритъ: «Въ большую печаль впалъ я о преставленіи сына моего, царя Ѳеодора Ивановича; тутъ претерпѣлъ я всякое озлобленіе, клеветы, укоризны; много слезъ пролилъ я тогда.» Кто же были эти люди, которые мѣшали патріарху въ его стремленіи доставить престолъ Годунову, осыпали его клеветами, укоризнами, заставляли проливать много слезъ? Лѣтопись указываетъ на однихъ князей Шуйскихъ;[6] но конечно Шуйскіе, по значенію своему, стояли только на первомъ планѣ: отъ однихъ Шуйскихъ Іову не пришлось бы много плакать. Послушаемъ сначала, что говорятъ памятники оффиціальные. Когда Ирина заключилась въ монастырѣ, то дьякъ Василій Щелкаловъ вышелъ къ собравшемуся въ кремлѣ народу и требовалъ присяги на имя думы боярской, но получилъ въ отвѣтъ: «не знаемъ ни князей, ни бояръ, знаемъ только царицу.» Когда же дьякъ объявилъ, что царица въ монастырѣ, то раздались голоса: «да здравствуетъ Борисъ Ѳеодоровичь!» Патріархъ съ духовенствомъ, боярами и гражданами московскими отправились въ Новодѣвичій монастырь просить царицу благословить брата на престолъ, потому что при покойномъ царѣ «онъ же правилъ и все содержалъ милосердымъ своимъ премудрымъ правительствомъ по вашему царскому приказу.» Просили и самого Годунова принять царство. Борисъ отвѣчалъ: «мнѣ никогда и на умъ не приходило о царствѣ; какъ мнѣ помыслить на такую высоту, на престолъ такого великаго государя, моего пресвѣтлаго царя? Теперь бы намъ промышлять о томъ, какъ устроить праведную и безпорочную душу пресвѣтлаго государя моего, царя Ѳедора Ивановича, о государствѣ же и о земскихъ всякихъ дѣлахъ радѣть и промышлять тебѣ,

государю моему, отцу, святѣйшему Іову патріарху, и съ тобою боярамъ. А если моя работа гдѣ пригодится, то я за святыя Божія церкви, за одну пядь Московскаго государства, за все православное христіанство, и за грудныхъ младенцевъ радъ кровь свою пролить и голову положить.» Послѣ этого патріархъ много разъ наединѣ упрашивалъ Годунова, и, какъ видно, вслѣдствіе этихъ тайныхъ совѣщаній, Іовъ отложилъ дѣло до тѣхъ поръ, пока исполнится сорокъ дней по Ѳеодорѣ, и пока съѣдутся въ Москву всѣ духовныя лица, которыя на великихъ соборахъ бываютъ, весь царскій синклитъ всякихъ чиновъ, служивые и всякіе люди.[7] По иностраннымъ извѣстіямъ[8] Борисъ прямо требовалъ созванія государственныхъ чиновъ, т. е. отъ каждаго города по осьми и десяти человѣкъ, дабы весь народъ рѣшилъ единодушно, кого должно возвести на престолъ.

Итакъ съ достовѣрностію можно положить, что Годуновъ не хотѣлъ принять короны до пріѣзда выборныхъ изъ областей и всѣхъ лицъ, которыя на соборахъ бываютъ, совѣтныхъ людей, какъ тогда выражались, хотѣлъ быть избранъ земскимъ соборомъ. Понятно, что въ этомъ только выборѣ всею землей онъ могъ видѣть полное ручательство за будущую крѣпость свою и потомства своего на престолѣ. Иностранцы и свои говорятъ о средствахъ, употребленныхъ Борисомъ и сестрою его для привлеченія народа на свою сторону: царица призывала къ себѣ тайно сотниковъ и пятидесятниковъ стрѣлецкихъ, деньгами и льстивыми обѣщаніями склоняла ихъ убѣждать войско и горожанъ, чтобы не выбирали на царство никого кромѣ Бориса. Правитель пріобрѣталъ приверженцевъ съ помощію монаховъ, разосланныхъ изъ всѣхъ монастырей въ разные города, съ помощію вдовъ и сиротъ, благодарныхъ ему за рѣшеніе своихъ продолжительныхъ тяжбъ, съ помощію людей знатныхъ, которыхъ онъ снабжалъ деньгами, обѣщая дать и больше, когда будетъ избранъ въ государи.[9] На соборѣ должны были участвовать 474 человѣка: изъ нихъ 99 духовныхъ лицъ, которыя не могли противорѣчить патріарху, да и сами по себѣ были за

Годунова; 272 человѣка бояръ, окольничихъ, придворныхъ чиновъ, дворянъ, дьяковъ: у Годунова была партія и между боярами, тѣмъ легче было ему пріобрѣсть большинство между второстепенными лицами; выборныхъ изъ городовъ было 33 человѣка только; за тѣмъ было семь головъ стрѣлецкихъ, 22 гостя, 5 старостъ гостиныхъ сотенъ и 16 сотниковъ черныхъ сотенъ. Все дѣло рѣшалось значитъ духовенствомъ и дворянствомъ второстепеннымъ, которые были давно за Годунова или смотрѣли на патріарха, какъ на верховный авторитетъ; люди неслужилаго сословія составляли ничтожное меньшинство, въ выборѣ изъ городовъ видимъ также людей служилыхъ.

17 февраля, въ пятницу передъ масляницей[10] открылся соборъ; патріархъ началъ рѣчь, объявилъ, что по смерти Θеодора предложено было царство Иринѣ; когда та не согласилась, просили ее благословить брата, просили и самого Годунова; когда и онъ не согласился, отложили дѣло на 40 дней, до пріѣзда выборныхъ: «Теперь, продолжалъ Іовъ, вы бы о томъ великомъ дѣлѣ намъ и всему освященному собору мысль свою объявили и совѣтъ дали: кому на великомъ преславномъ государствѣ государемъ быть?» и не дожидаясь отвѣта, продолжалъ: а у меня, Іова патріарха, у митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ, и у всего освященнаго вселенскаго собора, у бояръ, дворянъ, приказныхъ и служилыхъ у всякихъ людей, у гостей и всѣхъ православныхъ христіанъ, которые были на Москвѣ, мысль и совѣтъ всѣхъ единодушно, что намъ мимо государя Бориса Θеодоровича инаго государя никого не искать и не хотѣть». Тогда совѣтные люди громко и какъ бы одними устами сказали: «Нашъ совѣтъ и желаніе одинаковы съ твоими отца нашего, всего освященнаго собора, бояръ, дворянъ и всѣхъ православныхъ христіанъ, что неотложно бить челомъ государю Борису Θеодоровичу и кромѣ его на государство никого не искать». Послѣ этого началось на соборѣ исчисленіе правъ Бориса на престолъ:[11] «Царь Иванъ Васильевичъ женилъ сына своего, царевича Θеодора

на Иринѣ Өедоровнѣ Годуновой, и взяли ее, государыню въ свои царскія палаты семи лѣтъ, и воспитывалась она въ царскихъ палатахъ до брака; Борисъ Өедоровичъ также при свѣтлыхъ царскихъ очахъ былъ безотступно еще съ несовершеннолѣтняго возраста, и отъ премудраго царскаго разума царственнымъ чинамъ и достоянію навыкъ. По смерти царевича Ивана Ивановича, великій государь Борису Өедоровичу говорилъ: Божіими судьбами, а по моему грѣху, царевича не стало, и я въ своей кручинѣ не чаю себѣ долгаго живота; такъ полагаю сына своего царевича Өедора и Богомъ данную мнѣ дочь царицу Ирину на Бога, Пречистую Богородицу, великихъ чудотворцевъ и на тебя, Бориса: ты бы объ ихъ здоровьи радѣлъ и ими промышлялъ: какова мнѣ дочь царица Ирина, таковъ мнѣ ты, Борисъ, въ нашей милости ты все равно какъ сынъ. На смертномъ одрѣ царь Иванъ Валильевичъ, представляя въ свидѣтельство духовника своего, архимандрита Өеодосія, говорилъ Борису Өедоровичу: тебѣ приказываю сына своего Өедора и дочь Ирину, соблюди ихъ отъ всякихъ золъ. Когда царь Өедоръ Ивановичъ принялъ державу Россіискаго царства, тогда Борисъ Өедоровичъ, помня приказъ царя Ивана Васильевича, государское здоровье хранилъ какъ зеницу ока, о царѣ Өедорѣ и царицѣ Иринѣ попеченіе великое имѣлъ, государство ихъ отвсюду оберегалъ съ великимъ радѣніемъ и попеченіемъ многимъ, своимъ премудрымъ разумомъ и бодро-опаснымъ содержательствомъ учинилъ ихъ царскому имени во всемъ великую честь и похвалу, а великимъ ихъ государствамъ многое пространство и расширеніе, окрестныхъ прегордыхъ царей послушными сотворилъ, побѣдилъ прегордаго царя Крымскаго и непослушника короля Шведскаго подъ государеву высокую десницу привелъ, города, которые были за Шведскимъ королевствомъ, взялъ; къ нему, царскому шурину, цесарь христіанскій, салтанъ Турецкій, шахъ Персидскій и короли изъ многихъ государствъ пословъ своихъ присылали со многою честію; все Россійское царство онъ въ тишинѣ устроилъ, воинскій чинъ въ призрѣніи и во многой милости, въ строе-

ніи учинилъ, все православное христіанство въ покоѣ и тишинѣ, бѣдныхъ вдовъ и сиротъ въ крѣпкомъ заступленіи, всѣмъ повиннымъ пощада и неоскудныя рѣки милосердія изливались, святая наша вѣра сіяетъ во вселенной выше всѣхъ, какъ подъ небесемъ пресвѣтлое солнце, и славно было государево и государынино имя отъ моря и до моря, отъ рѣкъ и до конецъ вселенной.»

Въ субботу 18 числа и въ воскресенье 19-го въ Успенскомъ соборѣ торжественно служили молебны, чтобы Господь Богъ даровалъ православному христіанству по его прошенію государя царя Бориса Ѳедоровича. Въ понедѣльникъ на масляницѣ, 20 февраля, послѣ молебна патріархъ съ духовенствомъ, боярами и всенароднымъ множествомъ отправились въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ Борисъ жилъ вмѣстѣ съ сестрою; со слезами били челомъ, много молили — и получили отказъ, Годуновъ отвѣчалъ: «Какъ прежде я говорилъ, такъ и теперь говорю: не думайте, чтобъ я помыслилъ на превысочайшую царскую степень такого великаго и праведнаго царя». Православное христіанство было въ недоумѣніи, въ скорби многой, въ плачѣ неутѣшномъ. Опятъ святѣйшій патріархъ созываетъ къ себѣ всѣхъ православныхъ христіанъ и совѣтуетъ устроить на другой день во вторникъ празднество пречистной Богородицѣ въ Успенскомъ соборѣ, также по всѣмъ церквамъ и монастырамъ, послѣ чего съ иконами и крестами идти въ Новодѣвичій монастырь, пусть идутъ всѣ съ женами и грудными младенцами бить челомъ государынѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ и брату ея, Борису Ѳедоровичу, чтобъ показали милость. Тутъ же патріархъ съ духовенствомъ приговорили тайно: если царица Александра Ѳедоровна брата своего благословитъ и государь Борисъ Ѳедоровичъ будетъ царемъ, то проститъ его и разрѣшитъ въ томъ, что онъ подъ клятвою и слезами говорилъ о нежеланіи своемъ быть государемъ; если же опятъ царица и Борисъ Ѳедоровичъ откажутъ, то отлучить Бориса Ѳедоровича отъ церкви, а самимъ снять съ себя святительскіе саны,

сложить панагіи, одѣться въ простыя монашескія рясы и запретить службу по всѣмъ церквамъ.

21 февраля во вторникъ двинулся крестный ходъ въ Новодѣвичій монастырь; къ нему на встрѣчу, при звонѣ колоколовъ, вынесли изъ монастыря икону Смоленской Богородицы, за иконою вышелъ Годуновъ. Подошедъ къ иконѣ Владимірской Богородицы, онъ громко возопилъ со слезами: «О милосердая царица! за чѣмъ такой подвитъ сотворила, чудотворный свой образъ воздвигла съ честными крестами и со множествомъ иныхъ образовъ? Пречистая Богородица, помолись о мнѣ и помилуй меня!» Долго лежалъ онъ предъ образомъ и омочалъ землю слезами; потомъ приложился къ другимъ иконамъ, подошелъ къ патріарху и сказалъ ему: Святѣйшій отецъ и государь мой Іовъ патріархъ! за чѣмъ ты чудотворныя иконы и честные кресты воздвигнулъ и такой многотрудный подвигъ сотворилъ?» Патріархъ отвѣчалъ ему, обливаясь слезами: «Не я этотъ подвигъ сотворилъ, то Пречистая Богородица съ своимъ предвѣчнымъ Младенцемъ и великими чудотворцами возлюбила тебя, изволила прійти и святую волю сына твоего на тебѣ исполнить. Устыдись пришествія Ея, повинись волѣ Божіей и ослушаніемъ не наведи на себя праведнаго гнѣва Господня.» Годуновъ отвѣчалъ одними слезами. Послѣ этого Іовъ пошелъ въ церковь, Годуновъ къ сестрѣ въ келью, а бояре и весь народъ вошли на монастырь, которые же не помѣстились на монастырѣ, тѣ всѣ стояли около ограды. Послѣ обѣдни, патріархъ со всѣмъ духовенствомъ, въ священныхъ одеждахъ, съ крестомъ и образами, пошли въ келью къ царицѣ, и били ей челомъ со слезами долго, стоя на колѣнахъ; съ ними пошли бояре и всѣ думные люди, а дворяне, приказные люди, гости и весь народъ, стоя у кельи по всему монастырю и около монастыря, упали на землю и долго съ плачемъ и рыданіемъ вопили: «Благочеетивая царица! помилосердуй о насъ, пощади, благослови и дай намъ на царство брата своего Бориса Θеодоровича! Царица долго была въ недоумѣніи, наконецъ заплакала и сказала: «Ради Бога, Пречистой

Богородицы и великихъ чудотворцевъ, ради воздвигнутія чудотворныхъ образовъ, ради вашего подвига, многаго вопля, рыдательнаго гласа и неутѣшнаго стенанія, даю вамъ своего единокровнаго брата, да будетъ вамъ государемъ царемъ.» Годуновъ, съ тяжелымъ вздохомъ и со слезами сказалъ: «Это ли угодно твоему человѣколюбію, Владыко! и тебѣ, моей великой государынѣ, что такое великое бремя на меня возложила и предаешь меня на такой превысочайшій царскій престолъ, о которомъ и на разумѣ у меня не было? Богъ свидѣтель и ты, великая государыня, что въ мысляхъ у меня того никогда не было, я всегда при тебѣ хочу быть и святое, пресвѣтлое, равноангельское лице твое видѣть.» Александра отвѣчала ему: «Противъ воли Божіей кто можетъ стоять? и ты бы безо всякаго прекословія, повинуясь волѣ Божіей, былъ всему православному христіанству государемъ». Тогда Годуновъ сказалъ: «Буди святая твоя воля, Господи»! Патріархъ и всѣ присутствовавшіе пали на землю, возсылая благодареніе Богу, послѣ чего отправились въ церковь, гдѣ Іовъ благословилъ Бориса на всѣ великія государства Российскаго царствія.

Такъ говорится объ избраніи Годунова въ актѣ оффиціальномъ, въ утвержденной грамотѣ объ этомъ избраніи, составленной уже въ августѣ 1598 года. Но до насъ дошли другія извѣстія, другія преданія, записанныя въ памятникахъ неоффиціяльныхъ. Такъ дошло до насъ извѣстіе о желаніи бояръ, чтобы Годуновъ цѣловалъ крестъ на ограничивающей его власть грамотѣ; Борисъ не хотѣлъ этого сдѣлать, не хотѣлъ и отказать прямо, и потому выжидалъ, чтобы простой народъ принудилъ бояръ выбратъ его безъ договора: отсюда и происходилъ его отказъ принять престолъ. Шуйскіе, видя его упрямство, начали говоритъ, что неприлично болѣе его упрашивать, а надобно приступить къ избранію другаго. Тогда-то патріархъ и рѣшился идти съ крестнымъ ходомъ въ Новодѣвичій монастырь.[12] Есть также извѣстіе, что Годуновъ, желая заставить Романовыхъ забыть права свои на престолъ, далъ старшему изъ нихъ, Өедору Ники-

тичу страшную клятву, что будетъ держать его какъ брата и помощника въ дѣлѣ государственнаго управленія.[13] Наконецъ о торжественномъ моленіи, плачѣ и воплѣ народномъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ сохранилось такое преданіе: «Народъ неволею былъ пригнанъ приставами, нехотящихъ идти велѣно было и бить и заповѣдь положена: если кто не придетъ, на томъ по два рубли править на день. Приставы понуждали людей, чтобъ съ великимъ кричаніемъ вопили и слезы точили. Смѣху достойно! какъ слезамъ быть, когда сердце дерзновенія не имѣетъ? вмѣсто слезъ глаза слюнями мочили. Тѣ, которые пошли просить царицу въ келью, наказали приставамъ: когда царица подойдетъ къ окну, то они дадутъ имъ знакъ, и чтобы въ туже минуту весь народъ падалъ на колѣна; не хотящихъ били безъ милости.[14]»

26 февраля, въ воскресенье на масляницѣ, Годуновъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ Москву, въ Успенскомъ соборѣ слушалъ молебенъ, послѣ котораго принималъ поздравленіе отъ духовенства, бояръ и всего православнаго христіанства. Отслушавъ обѣдню въ Успенскомъ соборѣ, Борисъ пошелъ въ Архангельскій, гдѣ, припадая къ гробу великихъ князей и царей, говорилъ со слезами: «Великіе государи! хотя тѣломъ отъ своихъ великихъ государствъ вы и отошли, но духомъ всегда пребываете неотступно, и предстоя предъ Богомъ, молитву творите: помолитесь и обо мнѣ и помогите мнѣ.» Изъ Архангельскаго собора пошелъ въ Благовѣщенскій, отсуда въ царскія палаты, изъ дворца поѣхалъ къ сестрѣ въ Новодѣвичій монастырь; отсюда пріѣхалъ опять въ кремль къ патріарху, долго разговаривалъ съ нимъ наединѣ, послѣ чего простился съ нимъ и съ знатнымъ духовенствомъ на великій постъ, и возвратился на житье въ Новодѣвичій монастырь.

Неизвѣстно, въ какое время присягали на вѣрность новому царю; но извѣстна любопытная подкрестная запись. Присягавшій по ней между прочимъ клялся: «мнѣ надъ государемъ своимъ царемъ и надъ царицею и надъ ихъ дѣтьми, въ ѣдѣ, питьѣ, и платьѣ и ни въ чемъ другомъ лиха никакого

не учинить и не испортить, зелья лихаго и коренья не давать и не велѣть никому давать, и мнѣ такого человѣка не слушать, зелья лихаго и коренья у него не брать; людей своихъ съ вѣдовствомъ, со всякимъ лихимъ зельемъ и кореньемъ не посылать, вѣдуновъ и вѣдуней не добывать на государское лихо. Также государя царя, царицу и дѣтей ихъ на слѣду никакимъ вѣдовскимъ мечтаніемъ не испортить, вѣдовствомъ по вѣтру никакого лиха не насылать, и слѣду не вынимать никакимъ образомъ, никакою хитростію. А какъ государь царь, царица или дѣти ихъ куда поѣдутъ или пойдутъ, то мнѣ слѣду волшебствомъ не вынимать. Кто такое вѣдовское дѣло захочетъ мыслить или дѣлать, и я объ этомъ узнаю, то мнѣ про того человѣка сказать государю своему царю или его боярамъ или ближнимъ людямъ, не утаить мнѣ про то никакъ, сказать въ правду безъ всякой хитрости; у кого узнаю, или со стороны услышу, что кто нибудь о такомъ зломъ дѣлѣ думаетъ, то мнѣ этого человѣка поймать и привести къ государю своему царю, или къ его боярамъ и ближнимъ людямъ въ правду, безъ всякой хитрости, не утаить мнѣ этого никакимъ образомъ, никакою хитростію, а не смогу я этого человѣка поймать, то мнѣ про него сказать государю царю или боярамъ и ближнимъ людямъ.» Насъ здѣсь останавливаетъ не вѣра въ волшебство, которая господствовала въ описываемое время; насъ останавливаетъ перечисленіе видовъ зла, которое можно было сдѣлать Борису и его семейству, повтореніе, распространеніе одного и того же, что должно приписать не времени уже только, а лицу, приписать мелкодушію Бориса, его подозрительности, ибо въ подкрестныхъ записяхъ преемниковъ его мы этого не видимъ.

Присягавшій долженъ былъ клясться также: «Мнѣ мимо государя своего царя Бориса Ѳедоровича, его царицы, ихъ дѣтей, и тѣхъ дѣтей, которыхъ имъ впередъ Богъ дастъ, царя Симеона Бекбулатова и его дѣтей и никого другаго на Московское государство не хотѣть, ни думать, ни мыслить, ни семьиться, ни дружиться, ни ссылаться съ царемъ Симеономъ, ни грамотами, ни словомъ не приказывать на всякое

лихо; а кто мнѣ станетъ объ этомъ говорить, или кто съ кѣмъ станетъ о томъ думать, чтобъ царя Симеона или другаго кого на Московское государство посадить, и я объ этомъ узнаю, то мнѣ такого человѣка схватить и привести къ государю [15]» и т. д.

9 марта, въ четвергъ на второй недѣли поста, патріархъ созвалъ знатное духовенство, бояръ, дворянъ и весь царскій синклитъ, и говорилъ имъ: «Уже время молить намъ Бога, чтобъ благочестиваго великаго государя царя нашего Бориса Ѳедоровича сподобилъ облечься въ порфиру царскую; да установить бы намъ свѣтлое празднество преславному чуду Богородицы, въ тотъ день, когда Богъ показалъ на насъ неизрѣченное свое милосердіе, даровалъ намъ благочестиваго государя Бориса Ѳедоровича, учредить крестный ходъ въ Новодѣвичій монастырь каждый годъ непремѣнно.» Всѣ, слыша такой премудрый глаголъ святѣйшаго Іова патріарха, отвѣчали со слезами, обѣщали молиться Богу безпрестанно, день и ночь. Разосланы были по областямъ грамоты съ приказаніемъ пѣть молебны по три дня со звономъ [16].

Проведши великій постъ и Пасху въ монастырѣ съ сестрою, Борисъ 30 апрѣля въ мироносицкое воскресенье торжественно переѣхалъ на житье во дворецъ кремлевскій. Опять былъ онъ встрѣченъ крестнымъ ходомъ, въ Успенскомъ соборѣ патріархъ надѣлъ на него крестъ Петра митрополита; опять Борисъ обошелъ соборы, ведя за руки дѣтей, сына Ѳедора и дочь Ксенію; былъ большой обѣдъ для всѣхъ. Но царское вѣнчаніе не могло скоро послѣдовать: еще 1-го апрѣля пришла вѣсть, что крымскій ханъ Казы-Гирей собирается на Москву со всею ордою и съ полками турецкими. Вѣсть пришла рано, и потому черезъ мѣсяцъ на берегахъ Оки могла собраться огромная рать: говорятъ число ея простиралось до 500,000 человѣкъ. 2-го мая самъ царь выѣхалъ изъ Москвы съ дворомъ своимъ, въ числѣ котораго находилось пять служилыхъ царевичей. Борисъ остановился въ Серпуховѣ и отсюда распоряжался устройствомъ рати. Но среди этихъ распоряженій новый царь занимался и тѣмъ, чтобъ ще-

дростію и угощеніями привязать къ себѣ служилыхъ людей: пишутъ, что почти ежедневно бывали у него обѣды на 70,000 человѣкъ: «и подаваль, говоритъ лѣтописецъ, ратнымъ людямъ и всякимъ въ Серпуховѣ жалованье и милость великую» Цѣль, повидимому, была достигнута: «они всѣ, видя отъ него милость, обрадовались, чаяли и впередъ себѣ отъ него такого же жалованья.» И такъ вотъ на чемъ основался союзъ Годунова съ служилыми людьми: они чаяли впередъ себѣ отъ него большаго жалованья!

Слухъ о походѣ ханскомъ оказался ложнымъ: вмѣсто грозной рати явились мирные послы. Годуновъ воспользовался случаемъ, чтобы произвесть на Татаръ самое сильное впечатлѣніе: пословъ поставили верстахъ въ семи отъ стана царскаго, расположеннаго на лугахъ на берегу Оки, ночью велѣно было ратнымъ людямъ стрѣлять по всѣмъ станамъ. 29 іюня послы представлялись Борису; когда они ѣхали къ нему, то на протяженіи семи верстъ отъ ихъ стана до царскаго, по обѣ стороны дороги стояли пѣшіе ратники съ пищалями и разъѣзжали повсюду конные. Послы, видя огромное войско и безпрестанную стрѣльбу, такъ перепугались, что пришедши къ царю, едва могли справить посольство отъ страха. Царь пожаловалъ ихъ великимъ жалованьемъ, отпустилъ съ большою честію и послалъ съ ними богатые дары къ хану [17]. Въ тотъ же день царь угостилъ все войско и отправился въ Москву.

Сюда онъ въѣхалъ съ большимъ торжествомъ, какъ будто одержалъ знаменитую побѣду или завоевалъ цѣлое царство иноплеменное: патріархъ съ духовенствомъ и множествомъ народа вышли къ нему на встрѣчу; Іовъ благодарилъ за совершеніе великаго подвига, за освобожденіе христіанъ отъ кровопролитія и плѣна: «Радуйся и веселися, говорилъ онъ Борису: Богомъ избранный и Богомъ возлюбленный и Богомъ почтенный, благочестивый и христолюбивый, пастырь добрый, приводящій стадо свое именитое къ начальнику Христу Богу нашему!» По окончаніи рѣчи, патріархъ, духовенство и весь народъ, пали на землю, плакали и потомъ, вставъ,

привѣтствовали Бориса «на его государевѣ вотчинѣ и на царскомъ престолѣ и на всѣхъ государствахъ Россійской земли».

Столько слезъ было пролито при челобитьяхъ и встрѣчахъ! Кажется можно было бы увѣриться въ преданности народа къ доброму пастырю; но, видно, царь и патріархъ были еще далеки отъ этой увѣренности. 1-го августа Іовъ созвалъ всѣхъ бояръ, дворянъ, приказныхъ, служилыхъ людей и гостей и началъ имъ говорить: «Мы били челомъ соборно и молили со слезами много дней государыню царицу Александру Ѳедоровну и государя царя Бориса Ѳедоровича, который насъ пожаловалъ, сѣлъ на государствѣ: такъ я васъ, бояръ и весь царскій синклитъ, дворянъ, приказныхъ людей и гостей, и все христолюбивое воинство благословляю на то, что вамъ великому государю Борису Ѳедоровичу, его благовѣрной царицѣ и благороднымъ чадамъ служить вѣрою и правдою, зла на нихъ не думать и не измѣнять ни въ чемъ, какъ вы имъ государямъ души свои дали у чудотворнаго образа Богородицы и у цѣлбоносныхъ гробовъ великихъ чудотворцевъ.» Бояре и всѣ православные христіане отвѣчали: «мы цѣловали крестъ и обѣтъ дали Богу и всѣмъ святымъ, тебя, великаго господина, и весь освященный соборъ въ свидѣтельство представляемъ, что за великаго государя, благовѣрную царицу и дѣтей ихъ души и головы положить и служить имъ вѣрою и правдою, и никого, мимо ихъ на престолъ не искать и не хотѣть; а кто похочетъ мимо ихъ инаго государя искать или какое лихо учинить: и намъ на того измѣнника извѣстить тебѣ, св. патріарху и стоять на него всею землею заодно. Также намъ не по отечеству и не по своему достоинству, свыше своего отечества и службы, мимо царскаго повелѣнія, чести никакъ не хотѣть, и быть въ государевыхъ дѣлахъ безъ прекословія, а кто станетъ сопротивляться царской власти и повелѣнію, на того положить клятву святительскую; а намъ беречь того: какъ кому государь на своей службѣ и у всякаго дѣла быть велитъ, такъ тому и быть. Также намъ смотрѣть накрѣпко, чтобы государю царю въ разрядныхъ и земскихъ дѣлахъ кручины не приносить ника-

кой.» Великій и пресвятѣйшій патріархъ, услыхавъ такія рѣчи, сказалъ: «Если вы такой обѣтъ предъ Богомъ полагаете, то намъ грамоту утвержденную написать и руки свои къ ней приложить, чтобы было впредь крѣпко, неподвижно, стоятельно на вѣки.» Всѣ единогласно отвѣчали: «Благословенъ глаголъ твой отъ Бога, святитель первопрестольнѣйшій Іовъ патріархъ, отецъ нашъ великій, пастухъ душамъ нашимъ! Св. Духа преисполнены всѣ глаголы устъ твоихъ, владыко! Подобаетъ такъ быть, какъ ты глаголешь.»

Годуновъ былъ избранъ голосомъ всей земли; народъ, стоя на колѣнахъ, съ воплемъ и слезими умолялъ его умилосердиться, принять престолъ: какого права нужно было послѣ того человѣку, хотя бы онъ былъ самаго низкаго происхожденія? Какого соперника могъ бояться онъ, хотя бы этотъ соперникъ и былъ самаго знатнаго происхожденія? Не было ли признакомъ крайняго мелкодушія тяготиться своимъ относительно незнатнымъ происхожденіемъ, подозрѣвать, что для другихъ это происхожденіе уменьшаетъ права, значеніе всенароднаго избранника? не было ли признакомъ крайняго мелкодушія не умѣть скрыть этого подозрѣнія, обнаружить свою слабость, напомнить народу о томъ, о чемъ вѣроятно большая часть его не думала или забыла? Издано было соборное опредѣленіе объ избраніи Годунова въ цари. Въ немъ прежде всего прямо объявлено, что царь Иванъ Васильевичъ, умирая, вручилъ сына своего Ѳедора боярину Борису Ѳедоровичу съ такими словами: «тебѣ предаю съ Богомъ этого сына моего, будь благопріятенъ ему до скончанія живота его, а по его смерти тебѣ приказываю и царство это.» И царь Ѳеодоръ, по приказу отца своего и по пріятельству, вручилъ царство Борису Ѳедоровичу. Далѣе патріархъ счелъ нужнымъ примѣрами изъ священной и Римской исторіи показать, что восходили на царскій престолъ люди не отъ царскаго рода и не отъ великихъ синклитъ, и не смотря на то, большой славы достигали, ибо не на благородство зритъ Богъ, но благовѣріе предъизбираетъ и душу благочествую почитаетъ. Наконецъ въ заключеніи говорится: «да не скажетъ кто-нибудь:

отлучимся отъ нихъ, потому, что царя сами себѣ поставили; да не будетъ того, да не отлучаются, а если кто скажетъ такое слово, то не разуменъ есть и проклятъ [18].» Странное предпоженіе возможносги подобнаго слова послѣ стольких всенародныхъ слезъ и воплей!

1-го сентября, въ праздникъ Новаго года, Борисъ вѣнчался на царство. Въ рѣчи своей, произнесенной при этомъ случаѣ патріарху, Борисъ сказалъ, что покойный царь Өеодоръ приказалъ патріарху, духовенству, боярамъ и всему народу избрать кого Богъ благословитъ на царство, что и царица Ирина приказала тоже самое «и по Божіимъ неизреченнымъ судьбамъ и по великой его милости, избралъ ты, св. патріархъ и проч., меня Бориса [19].» Эти слова вполнѣ подтверждаютъ извѣстіе лѣтописи, что никакихъ назначеній со стороны Өедора не было, и что онъ не вручалъ царства женѣ. Но патріархъ и тутъ явился усерднѣе къ выгодамъ Годунова, чѣмъ самъ Годуновъ: въ отвѣтной рѣчи своей царю онъ сказалъ, что Өеодоръ приказалъ свое царство Иринѣ; здѣсь впрочемъ Іовъ еще сдержался, употребилъ еще не столько опредѣленное слово: приказалъ, тогда какъ въ житіи Өеодора употребилъ слово: вручилъ, а въ соборномъ опредѣленіи сказано, что вручилъ царство прямо Борису!

Современники не оставили намъ извѣстій, что замѣтили разнорѣчіе въ словахъ царя, патріарха и соборнаго опредѣленія; ихъ поразило другое во время царскаго вѣнчанія Борисова; новый царь, принимая благословеніе отъ патріарха, громко сказалъ ему: «Отче великій патріархъ Іовъ! Богъ свидѣтель, что не будетъ въ моемъ царствѣ бѣднаго человѣка!» — и тряся воротъ рубашки своей, продолжалъ: «и эту послѣднюю рубашку раздѣлю со всѣми!»[20].

Первые шаги Бориса, сдѣланные при новомъ положеніи, первыя слова, имъ сказанныя, уже достаточно обнаруживали характеръ человѣка, сѣвшаго на престолъ государей Московскихъ. Этотъ престолъ для знаменитаго конюшаго боярина былъ самою лучшею мѣркой нравственнаго величія, и тотчасъ же обнаружилось, что онъ не доросъ до этой мѣр-

ки. Что Годуновъ искалъ престола, употреблялъ всѣ зависѣвшія отъ него средства для достиженія своей цѣли — это понятно: онъ искалъ престола не по одному только властолюбію, онъ искалъ его и по инстинкту самосохраненія. Но еслибы Годуновъ по своему нравственному характеру былъ въ уровень тому положенію, котораго добивался, то онъ не обнаружилъ бы такой мелочной подозрительности, какую видимъ въ присяжной записи и въ этомъ стремленіи связать своихъ недоброжелателей нравственными принудительными мѣрами; съ одной стороны видимъ въ актахъ, относящихся къ избранію Годунова, страшное злоупотребленіе въ извѣстіяхъ о всеобщей преданности, всеобщихъ вопляхъ и слезахъ при челобитьи, всеобщемъ восторгѣ при согласіи принять царство: и тутъ же встрѣчаемъ, въ совершенномъ противорѣчіи, сильную подозрительность со стороны человѣка, которому оказывается столько усердія. Одно изъ двухъ: или эта подозрительность, оскорбительная для усердствующихъ, обличала человѣка, недостойнаго такого усердія, или, если подозрительность была основательна, то безпрерывно повторяемыя извѣстія о всеобщемъ усердіи заключали въ себѣ вопіющую ложь, средство страшное и недостойное. Мелкая подозрительность, неувѣренность въ самомъ себѣ высказалась и въ этомъ страхѣ предъ низостію происхожденія, страхѣ, недостойномъ человѣка, избраннаго всею землей, которая самымъ этимъ избраніемъ подняла его выше всѣхъ. Мелкодушіе Годунова, непониманіе своего положенія высказалось и въ этомъ явномъ стремленіи задаривать, заискивать себѣ расположеніе народное расточеніемъ милостей, небывалыхъ при прежнихъ государяхъ, напримѣръ, въ этихъ пиршествахъ и подаркахъ ратнымъ людямъ, которые не видали непріятеля; Годуновъ не понималъ, что только тотъ можетъ пріобрѣсть прочное народное расположеніе, кто не ищетъ его, или, по крайней мѣрѣ, не показываетъ ни малѣйшаго вида, что ищетъ, не понималъ, что расточеніе милостей только уменьшаетъ ихъ цѣну, что милость, дарованная государемъ, по наслѣдству престолъ получившимъ, имѣетъ толь-

ко значеніе милости, тогда какъ милость отъ царя избраннаго является въ видѣ платы за избраніе. Наконецъ недостатокъ нравственнаго величія, умѣнья владѣть собою, не забыться при достиженіи желанной цѣли, всего разительнѣе оказался въ словахъ Годунова, произнесенныхъ при царскомъ вѣнчаніи: «Богъ свидѣтель, что не будетъ въ моемъ царствѣ бѣднаго человѣка!» Какъ можно было обрадоваться до такой степени, забыться отъ радости до такой степени, чтобы торжественно связять себя подобнымъ обѣщаніемъ!

Годуновъ принадлежалъ къ новому, второму поколѣнію бояръ Московскихъ. Представителями стараго поколѣнія были Патрикѣевы и старые Шуйскіе съ товарищами, помнившіе хорошо свое происхожденіе, прежнее положеніе свое относительно великихъ князей и старавшіеся поддержать его. Это поколѣніе было сломлено усиліями Іоанна III, сына его Василья и внука Іоанна IV. Годуновъ воспитался, достигъ боярства во вторую половину царствованія Грознаго, въ то время, когда бояринъ не могъ безнаказанно обнаружить самостоятельность своего характера, когда онъ долженъ былъ сохранить свою жизнь, свое приближенное къ царю положеніе только при ясномъ сознаніи своей слабости, своей полной зависимости, безпомощности, только заботливо наблюдая за каждымъ движеніемъ на верху и около себя, съ напряженнымъ вниманіемъ озираясь на всѣ стороны. Понятно, какое вліяніе должно было имѣть такое положеніе на человѣка, особенно если природа этого человѣка не представляла сильнаго противодѣйствія подобному вліянію, понятно, какъ подозрительность Грознаго должна была заражать окружавшихъ его, особенно тѣхъ, которые по слабости своей природы были воспріимчивы къ этой болѣзни. Въ числѣ такихъ, какъ видно, былъ и Годуновъ, человѣкъ очень умный безспорно, быть можетъ болѣе всѣхъ другихъ вельможъ способный къ правительственному дѣлу, бить можетъ яснѣе другихъ понимавшій потребности государства, главную изъ нихъ, потребность просвѣщенія, сближенія съ народами западной Европы; человѣкъ благонамѣренный, гото-

вый сдѣлать все возможное добро тамъ, гдѣ дѣло не шло о его личныхъ выгодахъ, но человѣкъ, не имѣвшій столько нравственной твердости, нравственнаго величія, чтобъ освободиться изъ-подъ вліянія школы, въ которой воспитался, чтобъ, приближаясь къ престолу, и на престолѣ, сбросить съ себя боярство временъ Грознаго и явиться съ царственнымъ величіемъ, тѣмъ болѣе необходимымъ, что онъ былъ царь избранный, начинавшій новую династію. Годуновъ, который, будучи бояриномъ, казался достойнымъ царствовать, явился на престолѣ бояриномъ и бояриномъ временъ Грознаго, неувѣреннымъ въ самомъ себѣ, подозрительнымъ, пугливымъ, неспособнымъ къ дѣйствіямъ прямымъ, открытымъ, привыкшимъ къ мелкой игрѣ въ крамолы и доносы, неумѣвшимъ владѣть собою, ненаходчивымъ въ случаяхъ важныхъ, рѣшительныхъ.

Царское вѣнчаніе, по обычаю, ознаменовано было милостями, пожалованіями: званіе конюшаго получилъ Дмитрій Ивановичъ Годуновъ, дворецкаго — Степанъ Васильевичъ (на мѣсто Григорія Васильевича, незадолго предъ тѣмъ умершаго); нѣкоторымъ лицамъ пожаловано было боярство, другимъ окольничество; служилымъ людямъ выдано двойное жалованье, купцамъ дано право безпошлинной торговли на два года, земледѣльцы освобождены отъ податей на годъ; есть извѣстіе, что опредѣлено было, сколько крестьяне должны были работать на господъ и платить имъ; вдовамъ и сиротамъ, русскимъ и чужеземнымъ розданы деньги и съѣстные припасы; заключенные въ темницахъ освобождены и получили вспоможеніе. Новгородцы получили особыя льготы: были у нихъ два кабака, отъ которыхъ имъ нужда, тѣснота, убытки и оскуденье учинились: поэтому царь, царица, и царскіе дѣти пожаловали гостей и всѣхъ посадскихъ людей, царскіе денежные доходы съ кабаковъ отставили и кабакамъ на посадѣ быть не велѣли. Кромѣ того пожаловали гостей и всѣхъ посадскихъ людей, съ сихъ дворовъ, лавокъ, прилавковъ, скамей, анбаровъ, лавочные денежные оброки сложили, и мелкіе промыслы, для младшихъ посадскихъ людей, никому

на откупъ давать и оброка съ нихъ брать не велѣли, свою отчину великое государство великій Новгородъ во всемъ отархании. Инородцы освобождены были также на цѣлый годъ отъ ясака, «чтобъ они дѣтей своихъ и братью, дядей, племянниковъ и друзей отовсюду призывали и сказывали имъ царское жалованье, что мы ихъ пожаловали, ясаку съ нихъ брать не велѣли, а велѣли имъ жить безоброчно, и въ городахъ бы юрты и въ уѣздахъ волости они полнили.»

Облегчена была участь нѣкоторыхъ опальныхъ Ѳедорова царствованія; такъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы Иванъ Григорьевичъ Нагой, который разсказываетъ о своей бѣдѣ и о своемъ избавленіи въ слѣдующей любопытной грамотѣ: «Я, Иванъ Григорьевичъ Нагой, пожаловалъ, далъ человѣку своему Богдану Сидорову старинную свою вотчинку, за его къ себѣ прямую службу и за терпѣніе, что онъ со мною животъ свой мучилъ на государевой службѣ въ Сибири, да его же Богдана за мой грѣхъ государь царь Ѳедоръ Ивановичъ велѣлъ у меня взять изъ Сибири, и привезти въ Москву скованнаго, мучилъ онъ животъ свой, сидя у приставовъ въ цѣпи и желѣзахъ годъ. Когда государь надо мною смиловался и велѣлъ его отпустить, то онъ Богданъ билъ челомъ обо мнѣ государю царю Ѳедорю Ивановичу, и по его челобитью государь надо мною смилосердовался, велѣлъ изъ Сибири отпустить въ Казань. Но въ Казани грѣхъ мой надо мною взыскался: пришла на меня царская опала, прислалъ государь князя Якова Борятинскаго въ Казань и велѣлъ ему меня ограбить до нага, отвезти на Вологду и посадить въ тюрьму. Тогда Богданъ въ другой разъ поѣхалъ въ Москву, былъ тамъ схваченъ и сидѣлъ полгода у пристава. Государь царь Борисъ Ѳедоровичъ пожаловалъ, отъ пристава велѣлъ его освободить, и онъ Богданъ обо мнѣ билъ челомъ, о моей женѣ и о дѣткахъ. По его челобитью государь меня пожаловалъ, изъ тюрьмы велѣлъ выпустить, и велѣлъ мнѣ жить въ Тверской моей вотчинѣ. И мнѣ его Богдана за такую великую себѣ работу и за терпѣніе пожаловать нечѣмъ: что было моихъ животовъ, то все взято на государя. Такъ жа-

лую ему старую свою вотчинку: владѣть ему этимъ моимъ жалованьемъ и, если захочетъ, можетъ его продать, заложить или по душѣ отдать. А послѣ моей смерти ему Богдану за то мое жалованье, жену мою и дѣтей не покинуть, и ихъ устроить по моей духовной грамотѣ, чѣмъ я ихъ благословлю; и дѣтей моихъ, Никифора и Гаврилу ему Богдану грамотѣ научить, и беречь и покоить всѣмъ, пока Богъ ихъ на ноги подниметъ.»[24]

Царствованіе Бориса, относительно западныхъ, самыхъ опасныхъ сосѣдей, Польши и Швеціи, началось при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ: эти державы, такъ недавно грозившія Москвѣ страшнымъ союзомъ своимъ подъ однимъ королемъ, теперь находились въ открытой и ожесточенной враждѣ вслѣдствіе этого самого союза: Сигизмундъ Польскій воевалъ съ дядею своимъ, Карломъ Шведскимъ, въ которомъ видѣлъ похитителя своего отчиннаго престола. Годуновъ далъ знать Сигизмунду о своемъ воцареніи чрезъ думнаго дворянина Татищева; въ Польшѣ рѣшили отправить въ Москву для переговоровъ уже бывалаго тамъ и славнаго своею ловкостію въ дѣлахъ канцлера Литовскаго Льва Сапѣгу, къ которому приданы были Станиславъ Варшицкій, каштелянъ Варшавскій и Илья Пелгржымовскій, писарь великаго княжества Литовскаго 16 октября 1600 года въѣхалъ Сапѣга въ Москву съ обычнымъ торжествомъ, и на другой же день начались непріятности, жалобы; посольство, по обычаю, держали въ строгомъ заключеніи, но что всего непріятнѣе было для Сапѣги, представленіе царю откладывали день за день, объявляя, что у государя болитъ большой палецъ на ногѣ. 16 ноября подлѣ посольскаго дома былъ пожаръ, сгорѣло нѣсколько домовъ; Сапѣга жаловался приставу, что ихъ держатъ въ тѣснотѣ, во всѣхъ углахъ накладена солома, Боже сохрани пожаръ: не только вещей не спасешь, но и самъ не выбѣжишь: «если насъ еще будутъ держать въ такой тѣснотѣ, прибавилъ Сапѣга, то намъ надобно иначе распорядиться и промыслить о себѣ». Послѣднее слово не понравилось приставу, и онъ сказалъ, что это слово высокое и къ доброму дѣлу не пристойно. 26 ноября наконецъ пословъ представили госу-

дарю: подлѣ Бориса сидѣлъ сынъ его, царевичъ Ѳеодоръ, имя котораго было неразлучно съ именемъ отца, такъ напримѣръ посламъ говорили: «Великій государь, царь и великій князь Борисъ Ѳедоровичъ всея Руси самодержецъ и сынъ его царевичъ Ѳедоръ Борисовичъ жалуютъ васъ своимъ обѣдомъ». И тутъ высказалось недовѣріе Бориса къ присягѣ русскихъ людей, которые клялись служить ему и дѣтямъ его и мимо ихъ никого не хотѣть на царство. Подобное допущеніе сына въ соправительство для упроченія за нимъ великокняжескаго стола было очень благоразумно со стороны Василія Темнаго, испытавшаго слѣдствіе борьбы съ притязаніями родичей; но такая же мѣра со стороны Бориса не имѣла никакого смысла.

И послѣ представленія медлили начатіемъ переговоровъ, выставляя причинами то нездоровье царя, то что день праздничный. 3-го декабря послы явились во дворецъ и на царскомъ мѣстѣ нашли не Бориса, но сына его, окруженнаго боярами и людьми думными. Ѳеодоръ объявилъ посламъ, что отецъ его приказалъ своимъ боярамъ вести съ ними переговоры: «Мы этому рады, отвѣчалъ Сапѣга; мы для этого и пріѣхали, а не для того, чтобъ лежать и ничего не дѣлать.» Первое засѣданіе прошло въ спорахъ о титулѣ царя и самодержца, котораго бояре требовали для Бориса и, въ случаѣ упорства со стороны Поляковъ, грозили войною; Сапѣга отвѣчалъ: «войну вы начать можете; но конецъ войны въ рукахъ Божіихъ.» На другой день, во второмъ засѣданіи, Сапѣга представилъ условія вѣчнаго мира, состоявшія изъ слѣдующихъ статей: 1) Обоимъ великимъ государямъ быть между собою въ любви и вѣчной пріязни, также панамъ раднымъ и всѣмъ станамъ духовнымъ и свѣтскимъ короны Польской и великаго княжества Литовскаго съ боярами думными и со всѣми чинами великаго государства Владимірскаго и Московскаго и иныхъ быть въ вѣчной, нераздѣльной любви братской, какъ людямъ одной вѣры христіанской, одного языка и народа Славянскаго. 2) Обоимъ великимъ государямъ имѣть однихъ враговъ и друзей. 3) Никакихъ соглаше-

ній, перемирій, и союзовъ великіе государи ко вреду другъ друга заключать не будутъ; во всѣ соглашенія, перемирія и союзы будутъ входить не иначе, какъ напередъ посовѣтовавшись другъ съ другомъ. 4) Въ случаѣ нападенія на одного изъ государей, другой обязанъ защищать его. 5) Земли, добытыя у врага общими силами, отходятъ къ тому государству, которое имѣло на нихъ давнія права. 6) Землями, никогда прежде не принадлежавшими ни одному изъ союзныхъ государствъ, владѣть или сообща, или раздѣливъ пополамъ. 7) Подданнымъ обоихъ государствъ вольно пріѣзжать, вступать въ службу придворную, военную и земскую—Полякамъ и Литовцамъ въ Москвѣ, Русскимъ въ Польшѣ и Литвѣ. 8) Вольно имъ вступать другъ съ другомъ въ браки. 9) Поляки и Литовцы въ Московскомъ государствѣ, Русскіе въ Польшѣ и Литвѣ могутъ выслуживать вотчины, помѣстья, покупать земли, брать въ приданое. 10) Жителямъ Польскихъ владѣній вольно присылать дѣтей своихъ учиться и въ службу въ Московское государство, и жителямъ послѣдняго во владѣнія Польскія. 11) Тѣмъ Русскимъ, которые пріѣдутъ въ Польшу и Литву для науки или для службы, вольно держать вѣру Русскую; а которые изъ нихъ поселятся тамъ, пріобрѣтутъ земли, такимъ вольно на своихъ земляхъ строить церкви Русскія. Тѣмъ же правомъ пользуются Поляки и Литовцы въ Московскомъ государствѣ, держатъ вѣру Римскую, и ставятъ Римскіе церкви на своихъ земляхъ. 12) Государь и великій князь Борисъ Ѳедоровичъ позволитъ въ Москвѣ и по другимъ мѣстамъ строить Римскія церкви для тѣхъ Поляковъ, которые у него будутъ въ службѣ, для купцовъ и пословъ польскихъ и другихъ католическихъ государствъ. 13) Купцамъ путь чистый по землямъ обоихъ государствъ и чрезъ нихъ въ другія государства; мыто остается старое. 14) Бѣглецовъ, воровъ, разбойниковъ, зажигателей и всякихъ преступниковъ выдавать съ обѣихъ сторонъ. 15) За одно оборонять Украйну отъ Татаръ. 16) Оба государства должны имѣть общій флотъ на морѣ Литовскомъ и на морѣ Великомъ. 17) Монета должна

быть одинакая въ обоихъ государствахъ. 18) Для крѣпчайшаго соединенія этихъ славныхъ государствъ и для объявленія его предъ цѣлымъ свѣтомъ должны быть сдѣланы двойныя короны: одна посломъ Московскимъ возлагается при коронаціи на короля Польскаго, а другая посломъ Польскимъ возлагается на государя Московскаго. 19) Король въ Польшѣ избирается по совѣту съ государемъ Московскимъ. 20) Еслибы король Сигизмундъ не оставилъ сына, то Польша и Литва имѣютъ право выбрать въ короли государя Московскаго, который, утвердивъ права и вольности ихъ, долженъ жить поочередно два года въ Польшѣ и Литвѣ, и годъ въ Москвѣ. 21) По смерти государя Московскаго, сынъ его, при вступленіи на престолъ, подтверждаетъ присягою этотъ союзъ. 22) Еслибы у государя Московскаго не осталось сына, то король Сигизмундъ долженъ быть государемъ Московскимъ. 23) Княжество Смоленское и Сѣверское съ тремя крѣпостями, принадлежавшими къ Полоцку, должны быть возвращены Польшѣ.

Итакъ, вмѣсто условій вѣчнаго мира посолъ Сигизмундовъ предложилъ условія союза, и союза, приближавшагося къ соединенію двухъ государствъ въ одно. Цѣль Сигизмунда и совѣтниковъ его, іезуитовъ, при этомъ была ясна: еслибы царь Московскій принялъ условія, то этимъ отворилъ бы въ свое государство дорогу для католицизма. Бояре отвѣчали посламъ, что статьи о союзѣ оборонительномъ и наступательномъ, о выдачѣ перебѣжчиковъ, о свободной торговлѣ могутъ быть приняты по заключеніи вѣчнаго мира, для котораго прежде всего надобно рѣшить вопросъ о Ливоніи, искони вѣчной вотчинѣ государей Россійскихъ, начиная отъ великаго князя Ярослава. Что же касается до другихъ статей, поданныхъ Сапѣгою, то государь не можетъ согласиться, чтобъ Поляки и Литовцы женились въ Московскомъ государствѣ, пріобрѣтали земли и строили церкви латинскія, но не запрещаетъ имъ пріѣзжать, жить и оставаться при своей вѣрѣ; о томъ, кому послѣ кого наслѣдовать престолъ, говорить нечего, потому что это дѣло въ рукахъ

Божіихъ; при царскомъ вѣнчаніи возлагать корону принадлежитъ духовенству, а не свѣтскимъ людямъ. Начались жаркіе споры о главномъ предметѣ, о Ливоніи. До чего доходили бранныя рѣчи, видно изъ слѣдующаго разговора Сапѣги съ думнымъ дворяниномъ Татищевымъ: Татищевъ: «Ты, Левъ, еще очень молодъ; ты говоришь все неправду, ты лжешь». Сапѣга: Ты самъ лжешь, холопъ, а я все время говорилъ правду; не съ знаменитыми бы послами тебѣ говорить, а съ кучерами въ конюшнѣ, да и тѣ говорятъ приличнѣе, чѣмъ ты». Татищевъ: «Что ты тутъ раскричался! я всѣмъ вамъ сказалъ, и говорю, и еще разъ скажу и докажу, что ты говоришь неправду». Тутъ Сапѣга обратился къ боярамъ съ жалобою на Татищева, и тѣ велѣли послѣднему замолчать. Но когда Сапѣга, чтобъ уклониться отъ споровъ о Ливоніи, сказалъ, что не имѣетъ никакого полномочія говоритъ о ней, то Татищевъ не утерпѣлъ и снова закричалъ: «Не лги, мы знаемъ, что у тебя есть полномочіе». Сапѣга отвѣчалъ: «Ты, лжецъ, привыкъ лгать, я не хочу съ такимъ грубіяномъ ни сидѣть вмѣстѣ, ни разсуждать объ дѣлахъ». Съ этими словами онъ всталъ и вышелъ. Пословъ Польскихъ задерживали нарочно, ибо ждали Шведскихъ. Наконецъ Шведскіе послы, Гендрихсонъ и Клаусонъ пріѣхали и ихъ нарочно провезли мимо дома, который занималъ Сапѣга съ товарищами. Польскимъ посламъ бояре объявляли, что Карлъ Шведскій уступаетъ царю Эстонію и самъ поддается Москвѣ, а Шведскимъ посламъ было объявлено, что Сигизмундъ уступаетъ царю часть Ливоніи, если только Борисъ будетъ воевать съ королемъ; этимъ объявленіемъ думали испугать Шведовъ и принудить ихъ къ уступкѣ Нарвы; но Шведы не поддались и настаивали, чтобъ послѣдній договоръ былъ сохраненъ ненарушимо. Въ слѣдствіе этихъ переговоровъ Сапѣгу держали до августа 1601 года и наконецъ заключили съ нимъ двадцатилѣтнее перемиріе, причемъ въ грамотѣ не написали Сигизмунда Шведскимъ королемъ. Сапѣга уѣхалъ озлобленный, вмѣняя себѣ впрочемъ въ важную заслугу то, что успѣлъ порвать связь Годунова съ Михаиломъ, воеводою Во-

лонскимъ, который домогался Польскаго престола и заключилъ было тайный союзъ съ царемъ, обѣщавшимъ помогать ему въ его предпріятіи.

Взять съ короля присягу въ соблюденіи перемирія отправились бояре Михайла Глѣбовичъ Салтыковъ Морозовъ и думный дьякъ Власьевъ. Когда они пріѣхали въ Литву, то имъ объявили, что король при войскѣ въ Ливоніи и чтобъ они ѣхали къ нему въ Ригу: на это Салтыковъ отвѣчалъ приставу: «Ты намъ сказываешь отъ себя, что насъ хотятъ везти къ Жигимонту королю въ Ливонскую землю Двиною рѣкою въ судахъ; но мы того и слушать не хотимъ: великій государь нашъ прислалъ насъ къ государю вашему съ великими дѣлами, а на посольствѣ велѣлъ намъ быть у государя вашего въ корунѣ Польской или въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, въ которомъ городѣ, государь вашъ въ то время будетъ; а въ Ливонскую землю намъ не хаживать, того себѣ и въ мысли не держите, хотя бы король надъ нами и неволю какую велѣлъ учинить, то и тутъ намъ мимо царскаго приказа ничего сдѣлать нельзя». Паны прислали къ посламъ грамоту съ сожалѣніемъ, что они такъ долго принуждены будутъ ждать, при чемъ складывали вину на самихъ пословъ, зачѣмъ они поторопились пріѣхать, желая поскорѣе взять съ короля крестное цѣлованіе, и при этомъ паны употребили выраженіе, что будутъ бить челомъ королю о послахъ. Салтыковъ отвѣчалъ: «Такихъ бы непригожихъ и гордыхъ словъ паны рада впередъ къ намъ не приказывали, тѣмъ доброму дѣлу порухи не чинили: идемъ мы отъ великаго государя къ государю вашему по прежнему обычаю, а не для того, чтобъ намъ перемирье у государя вашего крестнымъ цѣлованіемъ утвердить. Великому государю нашему то перемирье не нужно, и спѣшить намъ было ничего; нынѣшнее перемирье коронѣ Польской и великому княжеству Литовскому больше нашего надобно, потому что у васъ многіе недруги и войны частыя, да у васъ же Божіе посѣщеніе, хлѣбный недородъ, а у великаго государя нашего Божіею милостію и его государскимъ

счастіемъ недруга никакого нѣтъ, отовсюду его царскимъ премудрымъ разумомъ и бодропаснымъ содержательствомъ и храбростію великимъ государствамъ его прибавленіе и расширеніе; а нынѣшнее перемиріе великій государь нашъ велѣлъ учинить по своему царскому обычаю, жалѣя о христіанствѣ и за челобитьемъ сына своего царевича Ѳедора Борисовича, по прошенью вашихъ пословъ. Если государю вашему насъ принять теперь не время будетъ для воинскаго дѣла, то государь вашъ велѣлъ бы намъ себя ждать въ Литовской или въ Польской землѣ и кормъ намъ велѣлъ бы давать по прежнему обычаю, и мы государя вашего дожидаемся, гдѣ намъ велитъ хотя долгое время».

Наконецъ Сигизмундъ пріѣхалъ въ Вильну, гдѣ Московскіе послы представились ему и начали переговоры. Послы требовали, по обычаю, царскаго титула для Бориса. Сапѣга отвѣчалъ жалобою: «Какъ пріѣхалъ я въ Москву, и мы государскихъ очей не видали шесть недѣль, а какъ были на посольствѣ, то мы послѣ того не видали государскихъ очей 18 недѣль, потомъ отъ думныхъ бояръ слыхали мы много словъ гордыхъ, все вытягивали они у насъ царскій титулъ. Я имъ говорилъ также какъ и теперь говорю, что намъ отъ государя нашего наказа о царскомъ титулѣ на перемирье нѣтъ, а на доконьчаньѣ наказъ королевскій былъ о царскомъ титулѣ, еслибы государь вашъ по тѣмъ по всѣмъ статьямъ, которыя мы дали боярамъ, согласился. Били мы челомъ государскому сыну, просили его доложить отцу, чтобъ насъ задерживать не велѣлъ, велѣлъ бы отпустить и безъ дѣла; но нашего челобитья не приняли и къ тому насъ привели, что мы просили себѣ смерти: ни дѣла не дѣлаютъ, ни отпускаютъ. Да и то намъ вашего государя люди сказывали, что хотятъ насъ разослать по городамъ и засадить, что и дворы уже подѣлали, гдѣ намъ сидѣть, и мы съ сердца приставамъ говорили: если государь вашъ не велитъ насъ отпустить, то мы на коней сядемъ и поѣдемъ сами, а кто насъ станетъ бить, и мы начнемъ бить, потому что пришло намъ не до государской чести, намъ жизнь

своя всего дороже, въ неволѣ жить не привыкли. И видя надъ собою такую тѣсноту, мы приговорили на перемирье по неволѣ. А что государя нашего не назвали въ грамотѣ Шведскимъ королемъ, то мы съ боярами много говорили и плакали: Боже святый! увидь неправду государя вашего надъ государемъ нашимъ, что безъ Божіей воли отнимаютъ титулъ дѣдовскій: и на то насъ неволею привели, что и титулъ государя своего мы изъ грамоты вычеркнули.»

Послы отвѣчали, что Сапѣга говоритъ это все на ссору, что задержанья и тѣсноты ему не было, а задержались послы на Москвѣ оттого, что великій государь ножкою долгое время недомогалъ, выходу его государскаго не было. Паны настаивали, чтобъ Сигизмундъ назывался въ грамотахъ по прежнему королемъ Шведскимъ, ибо Карлъ есть похититель; послы отвѣчали: Вы говорите, что государь вашъ короновался Шведскою короною; но великому государю нашему про шведское коронованье государя вашего никакого вѣдома не бывало, съ царскимъ величествомъ Сигизмундъ король не обсылывался; только про то намъ вѣдомо, что государь вашъ Жигимонтъ король ходилъ въ Швецію и надъ нимъ въ Шведской землѣ невзгода приключилась. Еслибы государь вашъ короновался Шведскою короною, то онъ прислалъ бы объявить объ этомъ царскому величеству и самъ былъ бы на Шведскомъ королевствѣ, а не Арцы-Карло (герцогъ Карлъ); теперь на Шведскомъ королевствѣ Арцы-Карлусъ, и Жигимонту королю до Шведскаго королевства дѣла нѣтъ, и вамъ о Шведскомъ титулѣ праздныхъ словъ говорить и писать нечего, нечего о томъ говорить, чего за собою нѣтъ. А что ты, Левъ говорилъ, будто вы послы въ государствѣ государя нашего были заперты за сторожами и никуда васъ не пускали, и ты говоришь не гораздо: береженье было на дворѣ отъ огня, потому что у васъ на дворѣ конскаго корму, сѣна и соломы было много, люди ваши хаживали ночью съ огнемъ небережно, и за дворомъ сторожа были не для безчестья, для береженья, чтобъ надъ вами какого нибудь лиха не сдѣлалось.»

Если послы не хотѣли давать Сигизмунду титула Шведскаго короля, то паны никакъ не согласились называть Бориса царемъ и самодержцемъ; они говорили: «Государь нашъ король и мы паны рада отъ этого не отказываемся и пригоже государю вашему титулъ царскій писать, только это будетъ впередъ, какъ между государей искренняя сердечная любовь и вѣчное доканчаніе совершится. Прежде надобно сдѣлать вѣчное соединенье, чтобъ одинъ другаго не берегся, а не такъ какъ нынѣшнее перемирье на время: скоро минется и послѣ того кто вѣдаетъ, какой государь на которомъ государствѣ будетъ? и теперь на перемирье какъ царскій титулъ писать?»

Не согласившись на счетъ титуловъ, положили подтвердить двадцатилѣтнее перемиріе какъ оно было заключено Сапѣгою въ Москвѣ. Но, предъ цѣлованіемъ креста, Сигизмундъ сказалъ: «Цѣлую крестъ, что мнѣ тотъ миръ держать во всемъ потому какъ въ перемирной грамотѣ написано; а въ томъ передъ св. крестомъ обѣщаюсь, что мнѣ своего дѣдовскаго титула Шведскаго короля не отступаться, также и въ Ливонской землѣ городовъ Нарвы и Ревеля и другихъ, которые теперь за Швеціею, въ эти перемирныя лѣта доступать, за кѣмъ бы они ни были, и никому ихъ не уступать. А Велижской волости быть по прежнему къ коронѣ Польской и великому княжеству Литовскому.» Салтыковъ, услыхавъ это, сказалъ: «Цѣлуй государь Жигимонтъ король крестъ къ великому государю нашему на томъ на всемъ, что въ перемирныхъ грамотахъ написано.» Паны рада сказали на это: «цѣлуетъ нашъ государь крестъ на всемъ на томъ, что въ перемирныхъ грамотахъ написано;» самъ король подтвердилъ то же самое [22].

Какую же пользу извлекъ для себя Годуновъ изъ благопріятныхъ обстоятельствъ на западѣ, изъ борьбы между Польшею и Швеціею — перемиріе, удовольствіе отнять у Сигизмунда титулъ короля Шведскаго? Но не одной этой отрицательной пользы хотѣлъ Годуновъ: ему хотѣлось Ливоніи. Пріобрѣсть эту желанную страну или часть ея было

теперь легко, но для этого было средство одно, средство прямое, рѣшительное: заключить тѣсный союзъ съ Карломъ Шведскимъ противъ Польши. Но Годуновъ, по характеру своему, именно не былъ способенъ къ средствамъ рѣшительнымъ, прямымъ, открытымъ. Онъ думалъ, что Швеція уступитъ ему Нарву, а Польша Ливонію или часть ея, если только онъ будетъ грозить Швеціи союзомъ съ Польшею, а Польшѣ союзомъ съ Швеціею, раздражать и ту и другую, обнаруживая политику мелочную, двоедушную! Онъ боялся войны: самъ не имѣлъ ни духа ратнаго, ни способностей воинскихъ, воеводамъ не довѣрялъ, страшился неудачею затмить свое прежнее, счастливое въ глазахъ народа правленіе, и вотъ онъ хочетъ, чтобъ Ливонія сама поддалась ему, старается поддержать неудовольствіе ея жителей противъ Польскаго правительства, возбудить сильнѣйшее, осыпаетъ милостями плѣнныхъ Ливонцевъ, приказываетъ внушать Рижанамъ: «слухъ дошелъ до великаго государя, что имъ, Рижанамъ, отъ Польскихъ и Литовскихъ людей во всемъ тѣснота, хотятъ ихъ отвести отъ ихъ вѣры и привести въ папежскую и въ езовитскую вѣру, права, обряды и вольности ихъ порушить, и такъ сдѣлать, чтобъ ихъ Нѣмцевъ всѣхъ не найти и съ фонаремъ въ Ливонской землѣ. Великаго государя это очень опечалило; онъ жалованье и милосердіе показалъ ко многимъ Ливонскимъ Нѣмцамъ: такого милосердія имъ ни отъ котораго государя не бывало и не будетъ; такого государя благочестиваго, храбраго и разумнаго отъ начала Русской земли не бывало.» Наслѣдовавъ мысль Грознаго о необходимости Ливоніи, Годуновъ подражалъ ему и относительно средства пріобрѣсть расположеніе жителей: какъ Грозный хотѣлъ сдѣлать изъ Ливоніи вассальное королевство и назначалъ изъ своей руки королемъ Датскаго принца Магнуса, такъ Годуновъ для тойжецѣли еще при царѣ Ѳеодорѣ завелъ сношеніе съ Шведскимъ принцемъ Густавомъ, сыномъ Эрика XIV, изгнаннымъ изъ Швеціи и жившимъ въ Италіи; въ царствованіе Бориса Густавъ пріѣхалъ въ Москву, и царь

началъ стращать имъ двоюроднаго брата его Сигизмунда Польскаго; Льва Сапѣгу, во время торжественнаго въѣзда посольскаго, нарочно провезли мимо дома, занимаемаго Густавомъ, чтобъ послы могли видѣть этого соперника Сигизмундова. Но понятно, что всѣ эти средства, не подкрѣпляемыя дѣйствіями прямыми и рѣшительными, не вели ни къ чему. Нѣсколько горожанъ Нарвскихъ составили заговоръ сдать городъ Русскимъ; но заговоръ былъ открытъ и заговорщики казнены [23].

Годуновъ вызвалъ Густава не для того только, чтобъ сдѣлать его вассальнымъ королемъ Ливоніи: онъ хотѣлъ выдать за него дочь свою Ксенію, но Густавъ не захотѣлъ отказаться отъ протестантизма и любовницы; за это у него отняли Калугу съ тремя другими городами, назначенными ему сперва въ удѣлъ и вмѣсто нихъ дали Угличь [24]. Нужно было искать другаго жениха Ксеніи между иностранными принцами, и жениха нашли въ Даніи: принцъ Іоаннъ, братъ короля Христіана, согласился ѣхать въ Москву, чтобъ быть зятемъ царскимъ и княземъ удѣльнымъ. Въ августѣ 1602 года Іоаннъ пріѣхалъ въ Россію, и въ устьѣ Наровы былъ встрѣченъ бояриномъ Михайлою Глѣбовичемъ Салтыковымъ и дьякомъ Власьевымъ. Въ Ивань-городѣ Датскіе послы, сопровождавшіе принца, говорили Салтыкову: Когда королевичъ поѣдетъ изъ Ивань-города, будетъ въ Новѣгородѣ и другихъ городахъ и станутъ королевича встрѣчать въ дорогѣ боярскія дѣти и княжата: то королевичу какую имъ честь оказывать? Салтыковъ отвѣчалъ: «Въ томъ королевичева воля; онъ великаго государя сынъ, какъ кого захочетъ пожаловать по своему государскому чину.» Салтыковъ писалъ царю: «Когда мы приходимъ къ королевичу челомъ ударить, то онъ государь насъ жалуетъ не по нашей мѣрѣ; противъ насъ встаетъ и здоровается (витается) шляпу снявъ; мы холопи ваши государскіе того недостойны, и потому говорили посламъ Датскимъ, чтобъ королевичь обращался съ нами по вашему царскому чину и достоинству. Послы намъ отвѣчали: ко-

ролевичь еще молодъ, а они Московскихъ обычаевъ не знаютъ; какъ дастъ Богъ королевичь будетъ на Москвѣ, то, узнавъ Московскіе обычаи, станетъ по нимъ поступать.» Салтыковъ описывалъ царю подробно, въ чемъ былъ одѣтъ принцъ каждый день: «Платьице на немъ было атласъ алъ, дѣлано съ канителью по-нѣмецки; шляпка пуховая, на ней кружевца, дѣлано золото да серебро съ канителью; чулочки шелкъ алъ; башмачки сафьянъ синь.» Въ Новгородѣ королевичь ѣздилъ тѣшится рѣкою Волховомъ вверхъ и иными рѣчками до Юрьева монастыря, а ѣдучи тѣшился, стрѣлялъ изъ самопаловъ, билъ утятъ; натѣшившись, пріѣхалъ въ городъ поздно и сталъ очень веселъ. За столомъ у королевича играли по музыкѣ, въ цымбалы и по литаврамъ били, играли въ сурны. Салтыковъ писалъ царю: «Датскіе послы говорятъ королевичу, чтобъ онъ Русскіе обычаи перенималъ не вдругъ. Послы и ближніе люди королевича на то наговаривали, чтобъ онъ вашего царскаго жалованья, платьица что-нибудь къ брату своему послалъ, и королевичъ говорилъ, что ваше царское жалованье, платьице къ нему первое, что онъ принялъ его съ покорностью, съ радостнымъ сердцемъ, и послать ему вашего царскаго жалованья перваго не годится.»

Іоаннъ былъ принятъ въ Москвѣ съ большимъ торжествомъ, очень ласково отъ будущаго тестя и сына его; царицы и царевны, разумѣется, онъ не видалъ. Царь поѣхалъ въ половинѣ октября къ Троицѣ, и на возвратномъ пути узналъ о болѣзни Іоанна: у принца сдѣлалась горячка, отъ которой онъ 28 октября умеръ на двадцатомъ году жизни. Борисъ сильно горевалъ, Ксенія была въ отчаяніи, — а въ народѣ шелъ слухъ, что принцу приключилась смерть съ умыслу царскаго, что Борисъ, видя, какъ всѣ полюбили Іоанна, боялся, чтобъ послѣ не возвели его на престолъ мимо сына его Ѳедора. Въ 1604 году начались было переговоры о бракѣ Ксеніи съ однимъ изъ герцоговъ Шлезвигскихъ, но прерваны были несчастіями Борисова семейства [25]. Годуновъ искалъ жениха для дочери и невѣсты

для сына между владѣльцами Грузинскими; о томъ же предметѣ велись переговоры съ Австріею и Англіею.

Сношенія съ Австрійскимъ домомъ продолжали носить прежній характеръ. Въ іюнѣ 1599 году Борисъ отправилъ къ императору Рудольфу посланника, думнаго дьяка Аѳанасія Власьева, который ѣхалъ моремъ изъ Архангельска, Норвежскимъ и Датскимъ берегомъ, а потомъ Эльбою. На дорогѣ Гамбурское правительство встрѣтило Власьева съ честію, и онъ прославлялъ предъ нимъ могущество и добродѣтели своего царя, разсказывалъ, какъ Борисъ при восшествіи на престолъ велѣлъ дать служилымъ людямъ на одинъ годъ вдругъ три жалованья: одно для памяти покойнаго царя Ѳеодора, другое для своего царскаго поставленья и многолѣтняго здоровья, третье годовое. Со всей земли не велѣлъ брать податей, дани, посохи, и на городовыя постройки, дѣлаетъ все своею царскою казною. Да не только Русскихъ людей пожаловалъ, и надъ всѣми иноземными милосердье его царское излилось: Нѣмцевъ и Литву, которые по грѣхамъ своимъ были въ ссылкѣ по дальнимъ городамъ, велѣлъ взять въ Москву, далъ помѣстья, вотчины, дворы и деньги, а которые захотѣли служить, тѣхъ принялъ въ службу и годовымъ жалованьемъ устроилъ; торговымъ людямъ Нѣмцамъ далъ по тысячѣ рублей, инымъ по двѣ тысячи, и многихъ пожаловалъ званіемъ гостя. Бурмистры отвѣчали: «Слышали мы подлинно, что государь вашъ дороденъ, счастливъ и милостивъ, и за его къ бѣднымъ Нѣмцамъ Лифляндскимъ жалованье по всей землѣ Нѣмецкой во вѣки ему честь и хвала.»

Нашедши Рудольфа въ Пильзенѣ, куда онъ выѣхалъ изъ Праги отъ мороваго повѣтрія, Власьевъ такъ говорилъ большимъ думнымъ людямъ императорскимъ: «Вѣдомо цесарскому величеству и вамъ совѣтникамъ его, что попустилъ Богъ бусурманъ на христіанство, овладѣлъ Турскій султанъ Греческимъ царствомъ и многими землями — Молдованами, Волохами, Болгарами, Сербами, Босняками и другими государствами христіанскими; также гдѣ была изъ

давнихъ лѣтъ православная христіанская вѣра — Корсунь городъ, и тутъ вселился магометанскій законъ, и тутъ теперь Крымское царство. Для избавы христіанской царское величество самъ своею персоною хочетъ идти на врага Креста Христова со многими своими ратями, русскими и татарскими, сухимъ путемъ и водянымъ, чтобъ Рудольфу цесарю вспоможенье, а православному христіанству свободу учинить. Но царскому величеству и вамъ вѣдомо, что къ Крымскому хану водянаго пути нѣтъ, кромѣ Днѣпра, а по Днѣпру города Литовскаго короля и Литовскіе Черкасы; великій государь посылалъ къ Сигизмунду королю посланника просить судовой дороги Днѣпромъ: но Сигизмундъ и паны рада дороги не дали и посланника къ цесарскому величеству не пропустили. Король не хочетъ видѣть между великимъ государемъ нашимъ и цесаремъ дружбы, а христіанамъ добра, съ Турскимъ ссылается и Крымскаго черезъ свою землю на цесареву землю пропускаетъ. Да и прежде отъ польскихъ людей надъ Максимиліаномъ, арцыкняземъ Австрійскимъ, многое безчестье учинилось. Такъ цесарское величество, подумавъ съ братомъ своимъ Максимиліаномъ и со всѣми курфирстами, государю нашему объявилъ бы: какъ ему надъ Польшею промышлять и такія досады и грубости отомстить? а великій государь нашъ хочетъ стоять съ нимъ на Польшу и Литву заодно.»

Эта хитрая по тогдашнему рѣчь, начавшаяся несбыточнымъ обѣщаніемъ, что самъ Борисъ пойдетъ на Крымъ и кончившаяся призывомъ къ войнѣ съ Польшею, показываетъ, какія жалкія попытки дѣлало Московское правительство въ слѣдствіе совершеннаго незнанія отношеній между западными государствами. Годуновъ надѣялся голословными обвиненіями побудить императора Рудольфа къ разрыву съ Польшею! Цесаревы совѣтники отвѣчали: король Сигизмундъ и паны радные намъ отказали: на Турскаго заодно стоять съ нами не хотятъ. Да что съ ними и говорить! смятенье у нихъ великое, сами не знаютъ, какъ имъ впе-

редъ жить, короля не любятъ. Цесарское величество большую надеждудержитъ на великаго государя Бориса Θеодоровича: думаетъ, что по братской любви и для всего христіанства онъ его не забудетъ. Всего досаднѣе на Поляковъ цесарскому величеству, что не можетъ ихъ на то привести, чтобъ стояли съ нимъ заодно на Турка; но дѣлать нечего, надобно терпѣть, хотя и досадно: цесарское величество съ Турскимъ воюетъ, и если еще съ Поляками войну начать, то съ двухъ сторонъ два недруга будутъ, а казны у цесаря не стаетъ отъ Турецкой войны, но какъ дастъ Богъ время, то цесарь станетъ надъ Польшею промышлять... Правду сказать, король Сигизмундъ цесарю недавно послушенъ и любителенъ показался; король ни въ чемъ не виноватъ, пенять на него нельзя, надобно пенять на Поляковъ, которые великіе недруги Австрійскому дому.» Этими словами Австрійскіе вельможи давали ясно выразумѣть послу о тѣсномъ союзѣ императора съ королемъ Сигизмундомъ; поэтому сношенія Москвы съ Австріею не могли повести ни къ чему: Борисъ не могъ, въ угоду императору, начать войну съ Турками, а императоръ, въ угоду Борису, не могъ воевать Польшу.

Королева Елисавета по прежнему льстила Борису и посламъ его, чтобъ доставить въ Россіи выгоды купцамъ Англійскимъ. Узнавъ о восшествіи на престолъ Годунова, Елисавета писала ему: «мы радуемся, что нашъ доброхотъ, по избранію всего народа, учинился на такомъ преславномъ государствѣ великимъ государемъ» Борисъ отвѣчалъ ей, что онъ учинился царемъ по приказу царя Θеодора, по благословенію царицы Ирины и по челобитью всего народа. Въ 1600 году отправленъ былъ въ Англію посланникомъ дворянинъ Микулинъ, которому данъ наказъ: если спросятъ, какимъ образомъ учинился на государствѣ Борисъ Θеодоровичъ? — отвѣчать: «Вѣдомо вамъ самимъ, при великомъ государѣ Өедорѣ Ивановичѣ царскій шуринъ Борисъ Θеодоровичъ, будучи во властодержавномъ правительствѣ, въ какой мѣрѣ и въ какой чести былъ, и своимъ

разумомъ премудрымъ, храбростію, дородствомъ и промысломъ царскаго величества имени какую честь и повышенье, и государству Московскому прибавленье во всёмъ сдѣлалъ: всякимъ служилымъ людямъ милосердье свое показалъ и многое воинство устроилъ, чернымъ людямъ тишину, бѣднымъ и виновнымъ пощаду, всю Русскую землю въ покоѣ и тишинѣ и въ благоденственномъ житіи устроилъ. И великій государь Ѳеодоръ Ивановичъ, отходя сего свѣта, приказалъ и благословилъ государынѣ царицѣ и своему царскому шурину быть на государствѣ Московскомъ. Государыня пошла въ монастырь, и, по слезному челобитью всего народа, благословила брата своего.»

Микулину при всякомъ удобномъ случаѣ давали знать, что ему оказывается особенная честь предъ другими послами. Такъ ему говорили: «Въ томъ мѣстѣ, гдѣ вамъ выйдти изъ судовъ въ Лондонѣ, пристаетъ одна государыня наша Елисавета королевна, а кромѣ нея никто.» Елисавета говорила по прежнему: «Со многими великими христіанскими государями у меня братская любовь, но ни съ однимъ такой любви нѣтъ, какъ съ вашимъ великимъ государемъ.» — За обѣдомъ во дворцѣ Московскій посланникъ съ подъячимъ и переводчикомъ сидѣли за особымъ столомъ по лѣвую руку отъ королевы. Когда столъ отошелъ, королева начала умывать руки, и умывъ, велѣла серебряный умывальникъ съ водою подать Микулину; но посланникъ на жалованьѣ билъ челомъ, рукъ не умывалъ и говорилъ: «Великій государь нашъ королевну зоветъ себѣ любительною сестрою, и мнѣ, холопу его, при ней рукъ умывать не годится.» Королева засмѣялась и Микулина похвалила за то, что ее почтилъ, рукъ при ней не умывалъ.

Микулинъ чтилъ королеву, но больше всего боялся уменьшить чѣмъ-нибудь честь своего государя: когда лорды приглашали его вести переговоры на ихъ дворѣ, то онъ не согласился, требовалъ непремѣнно, чтобъ переговоры происходили во дворцѣ, и его требованію уступили, лорды съѣзжались съ нимъ на казенномъ дворѣ, какъ онъ выра-

жается. Лордъ меръ позвалъ его обѣдать; купцы, бывавшіе въ Россіи, сказали Микулину, что лордъ меръ сядетъ за столомъ выше его, ибо таковъ обычай, и всѣ послы садятся ниже лорда мера. Микулинъ отвѣчалъ: «Намъ никакихъ государствъ послы и посланники не образецъ; великій государь нашъ надъ великими славными государями высочайшій великій государь самодержавный царь. Если лордъ меръ захочетъ насъ видѣть у себя, то ему насъ чтить для имени царскаго величества, и мы къ нему поѣдемъ; а если ему чину своего порушить и меня мѣстомъ выше себя почтить нельзя, то мы къ нему не поѣдемъ.» И дѣйствительно посланникъ не обѣдалъ у лорда мера. Микулинъ былъ въ Лондонѣ во время возстанія Эссекса (13 Февраля 1601); Елисавета писала Годунову, что Микулинъ готовъ былъ подвергнуться опасности и биться съ бунтовщиками. Но самъ Микулинъ доноситъ только, что была смута, и 24 февраля ерль Ексетскій (графъ Эссексъ) казненъ смертію, и по немъ въ Лундѣ (Лондонѣ) было великое сѣтованье и плачь великій во всѣхъ людяхъ [26].

Кромѣ Англіи, по дѣламъ торговымъ были сношенія съ городами Ганзейскими: Борисъ исполнилъ просьбу 59 городовъ и далъ имъ жалованную грамоту для торговли; при этомъ Любчанамъ сбавлена была пошлина до половины. Въ 1601 и 1604 годахъ папа Климентъ VIII и кардиналъ Альдобрандини писали къ Борису о пропускѣ нунціевъ и миссіонеровъ, отправлявшихся въ Персію: позволеніе было дано Съ герцогомъ Тосканскимъ Борисъ пересылался насчетъ вызова въ Москву Италіянскихъ художниковъ, на что герцогъ объявлялъ радушное согласіе.

Отношенія къ Крыму были благопріятны; ханъ, жившій не въ ладу съ султаномъ, принуждаемый принимать участіе въ войнахъ послѣдняго, и видя, съ другой стороны, могущество Москвы, невозможность приходить въ расплохъ на ея украйны, ибо въ степяхъ являлись одна за другою Русскія крѣпости, долженъ былъ смириться и соглашаться съ Московскими послами, которые провозглашали, что госу-

дарь ихъ не боится ни хана, ни султана, что рати его безчисленны. Борисъ приказывалъ отпускать Крымскихъ гонцовъ такъ, чтобъ новые города: Осколъ, Валуйки, Борисовъ были въ сторонѣ, чтобъ они шли не близко тѣхъ городовъ, не видали ихъ и не разсматривали; провожатыхъ съ ними изъ Ливенъ не посылать, потому что они провожатыхъ бьютъ и въ полонъ берутъ. Лѣтомъ 1601 года въ новый Борисовъ городъ посланъ былъ окольничій Бутурлинъ для размѣна Русскихъ и Крымскихъ пословъ; въ послахъ долженъ былъ идти князь Григорій Волконскій; со стороны хана пріѣхалъ извѣстный уже намъ Ахметъ паша Сулешовъ; переговоры происходили на мосту, который былъ наведенъ на Донцѣ. Когда Бутурлинъ сказалъ Ахметъ-пашѣ, что князь Волконскій везетъ къ хану деньгами больше 14000 рублей, то Ахметъ отвѣчалъ: «Въ прежніе годы было посылывано больше того; и въ послѣдній разъ, какъ я на Ливнахъ размѣнивалъ пословъ, было послано больше: что это за любовь, часъ отъ часу все убавлять? привезши казну не сполна, хотите меня къ шерти привести; вашъ государь къ царю писалъ, что по цареву запросу все сполна послано, — и мнѣ шерти не давать.» Бутурлинъ отвѣчалъ, что царь Борисъ на преславныхъ государствахъ учинился вновѣ, государь мудрый, храбрый, милосердый, такого милостиваго государя въ Россійскомъ царствѣ не бывало: объявляя свое царское милосердіе всякимъ ратнымъ людямъ для своего царскаго вѣнца и для своего многолѣтняго здоровья и для блаженной памяти царя Ѳедора Ивановича, пожаловалъ на одинъ годъ три жалованья, а что было казны прежнихъ государей и что было его прежней казны, все роздалъ, и никакихъ податей брать не велѣлъ; а что въ казнѣ осталось, то прислалъ къ хану. Пусть, продолжалъ Бутурлинъ, ханъ дастъ шерть и соблюдаетъ ее; а если онъ захочетъ это сдѣлать обманомъ, на своемъ словѣ и на правдѣ не устоитъ, то государь нашъ самъ своею царскою персоною, со всѣми своими несчетными ратами, Русскими, Татарскими и Нѣмецкими, противъ

царя пойдетъ и станетъ надъ нимъ своего дѣла искать, гдѣ царь ни будетъ. Ахметъ сказалъ на это: «Я знаю, что государь вашъ милостивый и дородный, захочетъ какую недружбу своему недругу истить и ему все можно сдѣлать.» Но и признавъ могущество Бориса, Ахметъ никакъ не хотѣлъ давать шерти, потому что денегъ было мало, и Бутурлинъ долженъ былъ размѣняться послами безъ шерти. Послѣ размѣна Бутурлинъ звалъ Ахметъ-пашу къ себѣ въ шатеръ за полученіемъ царскаго жалованья; но Ахметъ не пошелъ. Тогда князь Волконскій, уже бывшій съ нимъ за Донцомъ, далъ знать Бутурлину, что Ахметъ-паша двинулся съ мѣста, говоритъ, что ему царскаго жалованья не дали, такъ онъ хочетъ государеву казну, что съ послами, взять, а самихъ пословъ покинуть. Бутурлинъ испугался, возобновилъ переговоры, и рѣшили поставить шатеръ на мосту, на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде сходились, и въ шатрѣ Ахмету взять жалованье.

Но ханъ не отказался дать шерти, и прислалъ клятвенную грамоту въ Москву съ посломъ своимъ Ахметъ-Челибеемъ, при чемъ писалъ Борису: «Вы на правдѣ не стоите: Донскіе казаки дважды уже въ нашу землю приходили и улусы наши побрали.» Очень любопытна тайная грамота Казы-Гирея Борису, въ которой ханъ старается убѣдить царя, чтобъ тотъ не строилъ крѣпостей въ степи: «Теперь, пишетъ ханъ, ты города поставилъ, и этими городами къ нашему государству близко подошелъ, а тѣ мѣста, которыя по Донцу, нашихъ улусовъ угодья. Будь тебѣ, брату нашему, вѣдомо: Турскій государь на ваше государство какъ ни помыслитъ рать послать, такъ я ему отговариваю тѣмъ, что мѣсто дальнее и пѣшей его рати до вашего государства не дойдти, тѣмъ ему и запрещаю; а только онъ свѣдаетъ, что къ вашимъ городамъ близко и дойдти можно, то онъ будетъ вашимъ государствамъ вредить. И тебѣ бы впередъ гораздо помыслить: если дальше тѣхъ городовъ, которые поставлены, станете подвигаться, то это шерть и добро порушитъ. Татарскіе князья и лучшіе люди намъ

говорятъ: Русскіе города къ намъ близко поставлены, и если между нами будетъ недалеко, то нашимъ людямъ съ Русскими людьми нельзя не задираться.» На это данъ былъ отвѣтъ: «Турскаго рать великому государю не страшна; великій государь можетъ стоять противъ всѣхъ своихъ недруговъ, а рати у государя нашего несчетно. Города поставлены на полѣ для воровъ Черкасъ, потому что многіе воры Черкасы и Донскіе казаки пословъ и гонцовъ громили; а какъ тѣ города поставлены, то теперь посламъ, посланникамъ и гонцамъ дорога чиста; государя вашего улусамъ отъ тѣхъ городовъ убытка нѣтъ, а только прибыль, что уже тутъ воры Черкасы больше не живутъ.»

Перемѣна отношеній ясно высказывалась во всемъ: когда Борисъ долженъ былъ клясться въ соблюденіи мирныхъ условій, то велѣлъ быть Ахметъ-Челибею у себя наединѣ, взялъ въ руки книгу, и, подержавъ ее, сказалъ: «Это наша большая клятва, больше ея у насъ не бываетъ,» и отдалъ книгу бояриву Семену Никитичу Годунову. Ахметъ-Челибей ударилъ челомъ о землю и говорилъ: «Когда государь нашъ Казы-Гирей передъ вашимъ посломъ, княземъ Григоріемъ Волконскимъ прямую шерть учинилъ на коранѣ, то князь Волконскій велѣлъ эту книгу смотрѣть толмачу своему; со мною Казы-Гирей для такого же дѣла прислалъ дьяка Грека; и въ томъ какъ ты, государь, повелишь.» Борисъ отвѣчалъ: «Сказывалъ я тебѣ, что мы такой клятвы не давали никогда, какъ теперъ брату своему дали; съ которыми великими государями бываетъ у насъ мирное постановленье, то съ ихъ послами утверждаютъ бояре наши, окольничіе и думные дьяки, а большимъ укрѣпленіемъ царское слово бываетъ: то и правда. А теперь желая крѣпить братство съ Казы-Гиреемъ свыше всѣхъ государей, велѣли мы тебѣ быть у себя наединѣ, только теперь при насъ сродникъ (и указалъ на боярина Семена Никитича), да ближній дьякъ Аѳанасій Власьевъ, потому что всѣ большія дѣла тайныя.» Посолъ долженъ былъ удовольствоваться этимъ объясненіемъ.

То, что Борисъ подержалъ книгу въ рукахъ, разумѣется, не мѣшало Донскимъ казакамъ нападать на Крымцевъ; ханъ требовалъ у Московскаго посла, князя Борятинскаго, чтобъ тотъ или самъ поѣхалъ или послалъ кого-нибудь къ казакамъ унять ихъ и взять у нихъ плѣнныхъ Татаръ; Борятинской отвѣчалъ съ сердцемъ, что онъ посланъ не для того, чтобъ унимать казаковъ и полонъ отыскивать. За такой отвѣтъ ханъ выслалъ его изъ Крыма; но и это не имѣло никакихъ непріятныхъ послѣдствій для Москвы, и сношенія возобновились.

Мирныхъ сношеній съ Турціей не было при Борисѣ. Какъ прежде при царѣ Θеодорѣ Борисъ помогъ Австрійскому двору казною противъ Турокъ, такъ теперь помогалъ онъ противъ нихъ единовѣрному воеводѣ Молдавскому Михаилу; кромѣ денегъ на военныя издержки въ Молдавію посылались церковныя украшенія, образа [28].

Если отношенія къ Крыму видимо принимали благопріятный оборотъ, то иначе шли дѣла за Кавказомъ: рано еще, не по силамъ было Московскому государству бороться въ этихъ далекихъ краяхъ съ могущественными Турками и Персіянами. Мы видѣли уже, что Александръ Кахетинскій не могъ быть усерденъ къ Москвѣ, изъ которой ему давали знать, чтобъ онъ не надѣялся скораго освобожденія отъ страшныхъ магометанскихъ сосѣдей, и манилъ султана. Александръ горько жаловался, что ошибся въ своихъ надеждахъ. Преждевременное вмѣшательство въ дѣла Закавказья обошлось дорого Москвѣ уже при Θеодорѣ; еще дороже обошлось въ царствованіе Бориса: уполномоченный Москвою хитрить, Александръ, признавая себя слугою Бориса, сносился въ то же время съ сильнымъ Аббасомъ Персидскимъ и позволилъ сыну своему Константину принять магометанство, но и это не помогло: Аббасъ хотѣлъ совершеннаго подданства Кахетіи, и велѣлъ отступнику Константину убить отца и брата за преданность Москвѣ. Преступленіе было совершено; съ другой стороны въ Дагестанѣ Русскіе, подъ начальствомъ воеводъ Бутурлина и

Плещеева, вторично утвердились было въ Таркахъ; но Турки вытѣснили ихъ отсюда, а Кумыки перерѣзали при отступленіи послѣ отчаяннаго сопротивленія: 7000 Русскихъ пало вмѣстѣ съ воеводами, и владычество Москвы исчезло въ этой странѣ [29]. (1605 г.)

Въ далекомъ Закавказьѣ Москва не могла защитить единовѣрцевъ своихъ отъ могущественныхъ народовъ магометанскихъ; за то безпрепятственно утверждалась ея власть въ степяхъ Приволжскихъ и въ пустыняхъ Сибири, гдѣ государи магометанскіе, по своей отдаленности, не могли защитить отъ нея своихъ слабыхъ единовѣрцевъ. Ногаи раздѣлялись на три орды, изъ которыхъ одна только признавала власть Московскаго царя. Борисъ, желая подчинить себѣ всѣ три орды и опасаясь связи одной изъ нихъ съ Турціею и Крымомъ, приказывалъ подчиненному себѣ хану тѣснить Ногаевъ Турецкихъ, и въ то же время, чтобъ вѣрнѣе достигнуть цѣли, приказывалъ Астраханскимъ намѣстникамъ ссорить хановъ, слѣдствіемъ чего была кровопролитная война и запустѣніе непріязненнаго улуса; но въ подчиненномъ себѣ улусѣ Борисъ строго запрещалъ междоусобія [30].

Въ Сибири Кучумъ былъ живъ и не переставалъ отводить Сибирскія волости отъ Московскаго государя. Въ августѣ 1598 года за нимъ погнался воевода Воейковъ, сбирая на дорогѣ языки о кочевьяхъ слѣпаго Сибирскаго царя; кинувъ обозъ, Воейковъ шелъ день и ночь, нашелъ Кучума на лугу на Оби, бился съ нимъ отъ восхода солнечнаго до полудня, и, наконецъ одолѣлъ; семейство Кучума попалось въ плѣнъ къ Русскимъ, старикъ самъ-третей ушелъ въ лодкѣ внизъ по Оби. Съ какими же средствами велись эти Сибирскія войны, въ слѣдствіе которыхъ вся сѣверная Азія подчинялась Москвѣ, подчинялась христіанству и гражданственности Европейской? Воевода Воейковъ пишетъ, что у него въ походѣ противъ Кучума было рати: три сына боярскихъ, да голова Татарскій, три атамана, да четыреста безъ трехъ человѣкъ Литвы, казаковъ, юртовскихъ и волостныхъ та-

таръ. Съ такою разноплеменною ратью воевода бился полдня и поразилъ Кучума; но при этомъ надобно сказать также, что у Сибирскаго царя было только 500 человѣкъ войска.

Пока упрямый Кучумъ былъ живъ и не отказывался отъ вражды къ Москвѣ, до тѣхъ поръ нельзя было ждать покоя въ Сибири, и вотъ завели съ нимъ опять сношенія. Воейковъ послалъ сказать ему, чтобъ онъ ѣхалъ къ государю, государь его пожалуетъ, женъ и дѣтей велитъ отдать; Кучумъ отвѣчалъ: «Не поѣхалъ я къ государю, по государевой грамотѣ, своею волею, въ ту пору, когда я былъ совсѣмъ цѣлъ; а теперь за саблею мнѣ къ государю ѣхать не почто, теперь я сталъ глухъ и слѣпъ, и нѣтъ у меня ничего. Взяли у меня промышленника, сына моего Асманака царевича; хотя бы у меня всѣхъ дѣтей побрали, а одинъ остался Асманакъ, то я бы съ нимъ еще прожилъ; а теперь самъ иду въ Ногаи, а сына посылаю въ Бухары.» Старикъ пошелъ въ Ногаи за смертію: его убили тамъ. Семейство Кучума отправили въ Москву съ воеводами и казаками: дорога была тяжела для плѣнныхъ, потому что провожавшіе ихъ воеводы не смѣли ничего сдѣлать безъ царской грамоты, обо всякой бездѣлицѣ писали въ Москву и дожидались отвѣта, а между тѣмъ плѣнники нуждались въ необходимомъ. Казаки, по обычаю, буйствовали; воеводы писали царю: «Пришелъ къ царевичамъ ночью пьяный казакъ, царевичей бранилъ непристойными словами, потомъ пришли ночью и къ намъ казаки, и насъ бранили. Мурзамъ отъ казаковъ тѣснота великая, а насъ не слушаютъ, ходятъ пьяные, воруютъ, къ царевичамъ и къ царицамъ ходятъ безчинно, а насъ и атамановъ своихъ не слушаютъ, говорятъ: «мы вамъ не приказаны, такъ мы такіе же, что и вы.» Плѣнниковъ ввезли торжественно въ Москву, на показъ народу, и потомъ разослали по городамъ.

Строеніе городовъ въ Сибири продолжалось: построены были: Верхотурье, Мангазея, Туринскъ, Томскъ. Томскому воеводѣ велѣно было прибрать въ свой городъ въ служивые

люди и на пашню изъ Зырянъ 50 человѣкъ, но ему удалось прибрать въ Сургутѣ только пять человѣкъ. Тогда царь писалъ на Верхотурье, чтобы тамъ прибрали для Томска 50 человѣкъ изъ гулящихъ охочихъ людей, и дать имъ по два рубля съ полтиною денегъ человѣку, хлѣба по четверти муки, по полъосминѣ крупъ, столько же толокна; прибрать молодцевъ молодыхъ добрыхъ, которые бы стрѣлять умѣли. Кромѣ служилыхъ и пашенныхъ людей, въ новопостроенные Сибирскіе города переводились изъ другихъ городовъ и торговые люди: такъ въ 1599 году велѣно было двоимъ купцамъ изъ Вятки переселиться на Верхотурье. Прибирались туда и ямскіе охотники: имъ дано было отъ заимодавцевъ льготы на три года, съ тѣмъ, чтобъ они въ это время устроили себѣ дворы и завели пашню. Верхотурскіе стрѣльцы, казаки, пашенные крестьяне и ямскіе охотники били челомъ государю: держатъ они по найму для своей нужды, для пашни и для гоньбы ярыжныхъ казаковъ, даютъ имъ найму по три рубля съ полтиною и по четыре рубля на лѣто. кромѣ того, что они ѣдятъ и пьютъ у нихъ; но этихъ казаковъ берутъ у нихъ воевода и голова на царскія издѣлья; кромѣ того воевода и голова нанимаютъ къ казеннымъ банямъ ярыжныхъ казаковъ, даютъ имъ найму въ годъ по четыре и по пяти рублей, и эти деньги, также деньги на банную подѣлку велятъ собирать съ ихъ ярыжныхъ казаковъ. Царь запретилъ это. Позволено было Пинежанамъ и Мезенцамъ ѣздить въ Сибирь, торговать съ тамошними народцами, платя десятый лучшій мѣхъ въ казну царскую. Въ 1604 году билъ царю челомъ Верхотурскій ямской охотникъ Глазуновъ: торгуетъ на Верхотурьѣ Верхотурскій жилецъ, торговый человѣкъ Лучанинъ всякими товарами съ Вогуличами; у кого свѣдаетъ какой товаръ, перекупаетъ, а младшимъ людямъ товару никакого купить не дастъ; самъ на товарѣ дастъ рубли два или три, а возьметъ рублей восемь, десять или пятнадцать, царской десятинной пошлины не платитъ, говоритъ, что у него жалованная грамота. Царь писалъ воеводѣ, что если ямщикъ говоритъ правду, то брать у Лу-

чанина пошлину, какая берется съ пріѣзжихъ торговыхъ людей, и не велѣть ему перекупаться товарами, чтобы Верхотурскимъ всякимъ людямъ въ томъ нужды и тѣсноты не было. Въ Верхотурскомъ уѣздѣ заведены были казенныя соляныя варницы; но промышленность эта не могла идти успѣшно по причинѣ недостатка въ людяхъ. Своего хлѣба въ новопостроенныхъ Сибирскихъ городахъ недоставало, надобно было присылать хлѣбные запасы туда изъ Европейской Россіи; самый удобный способъ доставки былъ по рѣкамъ, но для этого нужны были суда, и вотъ для постройки судовъ велѣно было выслать въ Сибирь плотниковъ съ Перьми, Вятки, Выми, Сольвычегодска, Устюга, человѣкъ 80 и больше; эти плотники устроивались пашнею въ удобныхъ для судостроенія мѣстахъ; судовыя снасти отправлялись изъ Ярославля и Вологды. Надобно было озаботиться и о дорогахъ сухопутныхъ: проведена была дорога между Соликамскомъ и Верхотурьемъ; прокладывали ее посошные люди подъ надзоромъ вожа и цѣловальниковъ; вожъ воровалъ, приказывалъ дороги чистить узко, мосты мостить худые, цѣловальники на него жаловались; жаловались воеводы и служилые люди, ѣздившіе въ Сибирь, что по этой новой дорогѣ хлѣбныхъ запасовъ и Сибирской казны провозить будетъ нельзя, и служилымъ людямъ ѣздить по ней будетъ съ большою нуждою; царь велѣлъ послать цѣловальниковъ и посошныхъ людей чистить дорогу съизнова, чтобы на ней залоновъ и пней не было. Годуновъ заботился и о туземцахъ: въ 1598 году онъ писалъ, чтобы не брать утюменскихъ Татаръ подводъ для гонцовъ, не взыскивать ясака съ Татаръ и Остяковъ бѣдныхъ, старыхъ, больныхъ и увѣчныхъ; заботился о примиреніи выгодъ туземцевъ и Русскихъ переселенцевъ, писалъ Верхотурскому воеводѣ, чтобъ онъ Вогуличамъ съ Верхотурскими торговыми людьми сѣнные покосы, рыбныя и звѣриныя ловли и всякія угодья подѣлилъ, какъ доведется, чтобы Вогуличамъ нужды не было, и Верхотурскимъ торговымъ людямъ чтобы также нужды не было. Крещеныхъ дикарей велѣно было записывать въ

стрѣльцы; церкви въ новопостроенныхъ городахъ были снабжаемы книгами [31].

Такъ распоряжался Борисъ въ странахъ новопріобрѣтенныхъ и новонаселенныхъ. Теперь взглянемъ на его распоряженія въ старыхъ областяхъ Московскаго государства. Въ 1599 году патріархъ объявилъ, что грамота, данная Грознымъ митрополиту Аѳанасію, ветха, и потому Борисъ возобновилъ ее на свое имя: въ этой грамотѣ подтверждено, что духовенство патріаршихъ монастырей и всѣ люди, служащіе патріарху и живущіе на его земляхъ и земляхъ его монастырей, подлежатъ только его патріаршему суду, исключая душегубство; кромѣ того крестьяне патріаршіе и его монастырей освобождены отъ разныхъ повинностей.

Мы видѣли, что въ 1580 году жители города Хлынова просили царя, чтобъ у нихъ былъ основанъ монастырь; теперь, въ 1599 году жители Вятскаго же города Слободскаго били челомъ, что у нихъ много людей желаютъ постричься, но нѣтъ монастыря, а которые уже постриглись, то волочатся безъ пристроя между дворовъ, отца духовнаго у нихъ близко нѣтъ, и они помираютъ безъ покаянія и причащенія; есть монастырь Успенскій въ Хлыновѣ, но далеко, да посадскимъ людямъ и волостнымъ крестьянамъ постригаться въ немъ трудно: архимандритъ и старцы просятъ много вкладу, по десяти, пятнадцати и двадцати рублей, съ убогаго человѣка меньше десяти рублей не берутъ, а кому случится постричься у себя на подворьѣ, то они безъ пяти рублей не пострigутъ. Поэтому Слобожане просили, чтобъ патріархъ позволилъ имъ построить монастырь у себя въ городѣ, а строителя уже они выбрали; патріархъ согласился. Въ Верхотурьѣ монахъ Іона построилъ монастырь по своему обѣщанью. Мы видѣли, какой данъ былъ наказъ поповскимъ старостамъ въ 1594 году; но въ 1604 году патріаршій тіунъ Чортовъ доносилъ Іову, что старосты и десятскіе поповскіе въ поповскую избу не приходятъ, поповъ и дьяконовъ отъ безчинія не унимаютъ: безмѣстные попы и дьяконы въ поповскую избу не ходятъ и передъ

литургіею правила не правятъ, садятся у Фроловскаго мостта и безчинства дѣлаютъ большія, бранятся скаредно, а иные играютъ, борются, и на кулачки бьются; а которые нанимаются обѣдни служить, тѣ идутъ въ церковь, не простившись съ тѣми изъ своихъ братій, съ которыми бранились; служатъ обѣдни не во время рано, безъ часовъ; пріѣзжіе попы ему тіуну ставленныхъ грамотъ своихъ не кажутъ, его не слушаютъ, бранятъ и позорятъ. Патріархъ подтвердилъ прежній наказъ поповскимъ старостамъ [38].

При вступленіи своемъ на престолъ, собирая войско противъ хана, Борисъ объявилъ, чтобъ воеводы были безъ мѣстъ. Но мѣстничество при немъ не ослабѣвало. Въ этомъ отношеніи любопытна переписка съ царемъ Михайлы Глѣбовича Солтыкова, посыланнаго въ Ивань-городъ на встрѣчу принцу Іоанну Датскому. Въ Ивань-городѣ было трое воеводъ: князь Василій Ростовскій, Третьякъ Вельяминовъ и князь Петръ Кропоткинъ. Салтыковъ, пріѣхавъ въ Ивань-городъ, обратился съ вопросомъ къ двумъ младшимъ воеводамъ — Вельяминову и Кропоткину: нѣтъ ли нѣмецкихъ выходцевъ на государево имя, и если есть, то посланы ли они къ государю? Воеводы отвѣчали, что выходцы есть, выѣхали тому дня съ четыре, о вѣстяхъ, ими принесенныхъ, написали они воеводы къ государю грамоту, но эта грамота еще не отпущена, потому что старшій воевода, князь Василій Ростовскій въ съѣзжую избу не пріѣзжалъ, выходцевъ не распрашиваетъ и государю о томъ не пишетъ; они же мимо его писать не смѣютъ и писать у нихъ некому: подъячіе живутъ у князя Василья на дворѣ, и прогоновъ имъ дать нечего, денегъ у нихъ нѣтъ. Они, воеводы, ежедневно къ князю Василью приказываютъ, чтобъ онъ Нѣмцевъ спросилъ или бы велѣлъ имъ, воеводамъ, быть къ себѣ на дворъ и съ ними тѣхъ Нѣмцевъ распросилъ и о всякихъ дѣлахъ городовыхъ съ ними поговорилъ; но князь Василій ихъ къ себѣ не пускаетъ и дѣла не дѣлаетъ: ключи городовые и списки дворянамъ прислалъ съ подъячимъ въ избу, велѣлъ положить на столѣ и отказалъ, что ему государевыхъ дѣлъ

не дѣлать. Салтыковъ сказалъ на это Вельяминову и Кропоткину: «вы дѣлаете не гораздо, что такія великія многія дѣла за вашею рознею теперь стали». Потомъ Салтыковъ пошелъ къ князю Ростовскому и говорилъ съ нимъ наединѣ; воевода отвѣчалъ, что дѣла ему никакого дѣлать нельзя за Вельяминовымъ, у котораго написано въ наказѣ, что по государеву указу велѣно ему быть въ Ивань-городѣ въ воеводахъ, а воеводы — князь Ростовскій и князь Кропоткинъ уже тутъ въ Ивань-городѣ были, и этимъ ему, князю Василью, голова ссѣчена, и за тѣмъ ему и никакого дѣла дѣлать нельзя. Салтыковъ отвѣчалъ ему: «какое тебѣ будетъ до Третьяка дѣло, то пиши и бей челомъ государю, а униженья тебѣ тутъ никакого нѣтъ, Третьякъ тебѣ не мѣстникъ, велѣно ему быть съ тобою, да и самъ Третьякъ передъ тобою говоритъ, что ему съ тобою не сошлось». Князь Ростовскій сказалъ на это, что онъ дѣла не дѣлаетъ явно за Третьякомъ, а тайно всякія дѣла дѣлаетъ и за нимъ не станетъ, и прибавилъ: «Кто такихъ дураковъ воеводъ посылаетъ?» Потомъ, спохватившись, сказалъ: «Государь этого не вѣдаетъ.» Но Салтыковъ отвѣчалъ ему, что онъ говоритъ не гораздо: жалуетъ воеводъ государь, отпускаетъ отъ своего царскаго лица и отъ своей царской руки и посылаютъ ихъ по государеву указу; да и про свою братію воеводъ такъ ему говорить непригоже. Князь Ростовскій, съ своей стороны, жаловался царю, что двое другихъ воеводъ не велѣли ходить къ нему подъячимъ, отъ чего ему писать къ царю нельзя, ибо своею рукою писать не можетъ, боленъ; жаловался, что Салтыковъ ни о какихъ государевыхъ дѣлахъ ему не говоритъ [33].

Къ царствованію Бориса принадлежитъ любопытный мѣстническій случай, въ которомъ видимъ столкновеніе интересовъ родственныхъ съ интересами родовыми: въ іюлѣ 1598 года билъ челомъ князь Ноготковъ вмѣсто всѣхъ князей Оболенскихъ: въ нынѣшнемъ году былъ на берегу въ правой рукѣ въ третьихъ бояринъ князь Иванъ Васильевичъ Сицкій, а въ передовомъ полку въ третьихъ князь Алек-

сандръ Репнинъ—Оболенскій. И князь Репнинъ былъ меньше князя Сицкаго, не билъ челомъ въ отечествѣ, дружась съ княземъ Сицкимъ и угождая Өедору Никитину Романову, потому что Өедоръ Романовъ, князь Сицкій и князьРепнинъ между собою братья и великіе друзья. А умышлялъ это Өедоръ Романовъ для того, чтобы воровскимъ нечелобитьемъ князя Репнина поруха и укоръ учинились въ отечествѣ отъ его рода Романовыхъ и отъ другихъ чужихъ родовъ всему ихъ роду князей Оболенскихъ. Государь бы ихъ пожаловалъ, велѣлъ это ихъ челобитье записать, чтобы всему ихъ роду въ отечествѣ порухи и укору не было отъ чужихъ родовъ. И государь князя Ноготкова пожаловалъ, велѣлъ челобитье въ разрядѣ записать, что князь Репнинъ былъ съ княземъ Сицкимъ по дружбѣ, и князь Репнинъ князю Сицкому виноватъ одинъ, а роду его всѣмъ князьямъ Оболенскимъ отъ этого порухи въ отечествѣ нѣтъ никому.

Борисъ, если вѣрить показаніямъ иностранцевъ, увеличилъ число стрѣльцовъ въ Москвѣ: по Флетчеру, при Өеодорѣ было въ Москвѣ 7000 стрѣльцовъ; при Борисѣ, по Маржерету, уже было 10,000; они раздѣлялись на приказы, каждый въ 500 человѣкъ, приказомъ начальствовалъ голова. Голова, смотря по службѣ, получалъ жалованья отъ 30 до 60 рублей, и кромѣ того помѣстье; сотники получали отъ 12 до 20 рублей, десятники до 10, рядовые отъ 4 до 5, [34] кромѣ того получали ежегодно по 12 четвертей ржи и столько же овса. Когда Борисъ выѣзжалъ изъ Москвы, хотя бы не далѣе шести верстъ, то его окружало множество стрѣльцовъ, которымъ выдавались лошади изъ царскихъ конюшенъ, и число всей конницы, какъ стрѣлецкой, такъ и дворянской, окружавшей царя привыѣздахъ, простиралось отъ 18 до 20,000. Каждый воевода имѣлъ свое знамя съ изображеніемъ извѣстнаго святаго, знамя это благословлялось патріархомъ, для ношенія его опредѣлялось двое или трое человѣкъ; кромѣ того каждый воевода имѣлъ свой собственный набатъ, или большіе мѣдные барабаны, которые возились на лошадяхъ; у каж-

даго воеводы такихъ барабановъ 10 или 12, столько же трубъ и нѣсколько бубновъ; при звукѣ всѣхъ этихъ инструментовъ начинается битва, но одинъ барабанъ назначенъ бить отступленіе. Жалованья боярамъ, по Маржерету, простиралось отъ 500 до 1200 рублей: послѣднюю сумму получалъ первый бояринъ князь Мстиславскій; окольничіе получали отъ 200 до 400 рублей и отъ 1000 до 2000 четвертей земли, окольничихъ было 15; думные дворяне, числомъ шесть, получали отъ 100 до 200 рублей и до 1200 четвертей земли; московскій дворянинъ отъ 20 до 100 рублей и отъ 500 до 1000 четвертей; выборный дворянинъ отъ 8 до 15 рублей, и городовой отъ 5 до 12 и до 500 четвертей земли; боярскіе дѣти получаютъ по 4, 5, 6 рублей и отъ 100 до 500 четвертей земли. Изъ этихъ служилыхъ людей, говоритъ Маржеретъ, составляются огромныя толпы, не знающія порядка и дисциплины, и потому приносящія гораздо болѣе вреда, чѣмъ пользы. Вспомогательные отряды Черемисъ, Мордвы и Татаръ простираются до 30,000; Черкасъ отъ 3 до 4000, иностранцевъ, то-есть Нѣмцевъ, Поляковъ и Грековъ 1500; послѣдніе получаютъ отъ 12 до 60 рублей жалованья, а начальные люди до 120 рублей, и кромѣ того отъ 600 до 1000 четвертей. Даточные люди выставляются съ земель духовенства, съ каждой четверти по два ратника, одинъ конный, другой пѣшій. Лошади большею частію получаются изъ Ногайской орды (кони), онѣ средней величины и могутъ бѣжать отъ семи до осьми часовъ не останавливаясь, очень дики и пугаются ружейнаго выстрѣла, цвѣтомъ онѣ бѣлыя съ черными пятнами, ѣдятъ мало овса или вовсе не ѣдятъ его; Русскіе употребляютъ еще Грузинскихъ лошадей: эти красивы, но относительно выдерживости и скорости ихъ нельзя и сравнивать съ Ногайскими. Употребляются также Турецкіяи Польскія лошади, которыя называются аргамаками; собственно русскія лошади малы ростомъ, но добры, особенно тѣ, которыхъ пригоняютъ изъ Вологды и сосѣднихъ странъ. Можно купить хорошую Русскую или Татарскую лошадь за 20 руб-

лей, и она служитъ лучше, чѣмъ Турецкій арганакъ, стòящій отъ 50 до 100 рублей.

Давно уже Московскіе государи начали принимать въ службу иностранцевъ, Нѣмцевъ; но никогда еще эти иностранцы не пользовались такимъ почетомъ и такими выгодами, какъ при Борисѣ. Главною причиною тому опять было желаніе приласкать Ливонцевъ, потомъ явное преимущество иностранныхъ ратниковъ предъ Русскими, наконецъ можно присоединить сюда и подозрительность Бориса, который, не довѣряя своимъ Русскимъ, хотѣлъ окружить себя иностранцами, вполнѣ ему преданными. Въ 1601 году пріѣхали въ Москву Ливонцы, лишившіеся имѣній своихъ вслѣдствіе войны Польши съ Швеціею; пріѣхало также нѣсколько Нѣмцевъ изъ Германіи, изъ Швеціи; Борисъ принялъ ихъ чрезвычайно милостиво, и при торжественномъ представленіи сказалъ. «Радуемся, что вы по здорову въ нашъ царствующій городъ Москву доѣхали. Очень скорбимъ, что вы своими выгнаны и всѣхъ животовъ лишились; но не печальтесь: мы въ три раза возвратимъ вамъ то, чтò вы тамъ потеряли; дворянъ мы сдѣлаемъ князьями, другихъ, меньшихъ людей, боярами; слуги ваши будутъ у насъ людьми свободными; мы дадимъ вамъ землю, людей и слугъ, будемъ водить васъ въ шелку и золотѣ, кошельки ваши наполнимъ деньгами; мы не будемъ вамъ царемъ и господиномъ, но отцомъ, вы будете нашими дѣтьми, и никто, кромѣ насъ самихъ, не будетъ надъ вами начальствовать; я самъ буду васъ судить; вы останетесь при своей вѣрѣ. Но за это вы должны поклясться по своей вѣрѣ, что будете служить намъ и сыну нашему вѣрою и правдою, не измѣните и ни въ какія другія государства не отъѣдите, ни къ Турскому, ни въ Крымъ, ни въ Нагаи, ни къ Польскому, ни къ Шведскому королю. Свѣдаете противъ насъ какой злой умыселъ, то намъ объ этомъ объявите, никакимъ вѣдовствомъ и злымъ кореньемъ насъ не испортите. Если будете все это исполнять, то я васъ пожалую такимъ великимъ жалованьемъ, что и въ иныхъ государствахъ славно будетъ.» Тизенгаузенъ,

ловкій и краснорѣчивый Ливонскій дворянинъ, благодарилъ царя отъ имени своихъ собратій и клялся за нихъ въ вѣрности до смерти. «Дѣти мои! отвѣчалъ на это Борисъ: молите Бога о насъ и о нашемъ здоровьѣ, а пока мы живы, вамъ ни въ чемъ нужды не будетъ», и, взявшись за свое жемчужное ожерелье, прибавилъ: «и это раздѣлю съ вами». Нѣмцевъ раздѣлили на 3 статьи: находившіеся въ первой получили по 50 рублей жалованья и помѣстье со 100 крестьянами; находившіеся во второй 30 рублей жалованья и помѣстье съ 50 крестьянами; въ третьей 20 рублей жалованья и помѣстье съ 30 крестьянами; наконецъ слуги дворянскіе получили по 15 рублей и помѣстье съ 20 крестьянами [35].

Не одни служилые Нѣмцы пользовались благосклонностію Бориса: купцы Ливонскіе, выведенные въ Москву еще при Грозномъ, получили по 300 и по 400 рублей въ займы изъ царской казны, безъ роста, на безсрочное время, подъ условіемъ не выѣзжать изъ Россіи безъ позволенія и не распускать за границею дурныхъ слуховъ о государѣ. Должно быть къ числу этихъ Нѣмцевъ принадлежали Поперзакъ и Виттъ, которымъ Борисъ далъ жалованныя грамоты на званіе московскихъ лучшихъ торговыхъ людей съ правомъ безпошлинной торговли съ иностранными государствами; вѣдалъ и судилъ ихъ во всемъ печатникъ Василій Щелкаловъ; московскіе дворы ихъ были свободны отъ всякихъ податей и повинностей; на дворахъ своихъ они имѣли право держать питье всякое про себя, а не на продажу; причислены они были къ московской гостинной сотнѣ, а съ посадскими людьми московскими ничего не тянули [36].

Такимъ образомъ въ сословіи служилыхъ людей увеличилось число иноземцевъ, иноземцы появились и среди купцовъ московскихъ. Касательно внѣшней торговли при Борисѣ мы имѣемъ извѣстіе, что въ 1604 году къ Архангельску приходило 29 кораблей Англійскихъ, Голландскихъ и Французскихъ; товары, привозимые на этихъ корабляхъ, были: жемчугъ, яхонты, сердолики, ожерелья мужскія кани-

тельныя, стоячія и отложныя, сукна, шелковыя матеріи, миткаль, киндяки, сафьянъ, камкасеи, полотенца Астрадамскія (Амстердамскія), вина, сахаръ, изюмъ, миндаль, лимоны въ патокѣ, лимоны свѣжіе, винныя ягоды, чернословъ, сарачинское пшено, перецъ, гвоздика, корица, анисъ, кардамонъ, инбирь въ патокѣ, цвѣтъ мускатный, мѣдь красная, мѣдь волоченая, мѣдь въ тазахъ, мѣдь зеленая въ котлахъ, мѣдь *паздера*, мѣдь зеленая тонкая, олово прутовое и блюдное, желѣзо бѣлое, свинецъ, ладанъ, порохъ, хлопчатая бумага, сельди, соль, сѣра горячая, зеркала, золото и серебро пряденое, мыло греческое, сандалъ, киноварь, квасцы, цылибуха, колокола, паникадила, подсвѣчники мѣдные, рукомойники, замки круглые, погребцы порожніе со скляницами, ртуть, ярь, камфора, москательный товаръ, проволока желѣзная, камешки льячиые въ кисткахъ, камешки бѣлые льячные, масло спиконардовое, масло деревянное, масло бобковое. Корабли приходили изъ Лондона, Амстердама, Діеппа [37].

Мы видѣли, что въ началѣ царствованія Θеодорова произошла важная перемѣна въ судьбѣ земледѣльческаго сословія—выходъ крестьянскій былъ запрещенъ; Борисъ, какъ говоритъ одно иностранное извѣстіе, при восшествіи своемъ на престолъ, опредѣлилъ, сколько крестьянинъ долженъ платить землевладѣльцу и сколько работать на него. Не смотря на то, сильныя притѣсненія, которыя претерпѣвали крестьяне въ слѣдствіе новаго порядка вещей, заставили Годунова въ 1601 году, измѣнить законъ такъ, чтобы цѣль, для которой онъ былъ изданъ, достигалась, т. е., чтобы богатые землевладѣльцы не могли переманивать крестьянъ съ земель мелкихъ служилыхъ и приказныхъ людей, а между тѣмъ крестьянинъ, притѣсняемый мелкимъ помѣщикомъ, могъ освободиться отъ него выходомъ, только не къ богатому землевладѣльцу, у котораго могъ получить больше льготы, а къ другому мелкому же. «Великій государь царь, говоритъ указъ, и сынъ его великій государь царевичъ пожаловали, во всемъ своемъ государствѣ отъ налога и отъ продажъ

велѣли крестьянамъ давать выходъ.» Но отказывать и возить крестьянъ могли только: дворяне, которые служатъ изъ выбору, жильцы, дѣти боярскіе городовые, городовые приказчики, иноземцы всякіе, большаго дворца люди всѣхъ чиновъ (ключники, стряпчіе, ситники, подключники), конюшеннаго приказа приказчики, конюхи стремянные и стряпчіе, ловчаго пути охотники и конные псари, сокольничья пути кречетники, сокольники, ястребники, трубники и сурначеи, царицыны дѣти боярскіе, всѣхъ приказовъ подъячіе, сотники стрѣлецкіе, головы казачьи, посольскаго приказа переводчики и толмачи, патріаршіе и архіерейскіе приказные люди и дѣти боярскіе. Срокъ крестьянскаго отказа и возки прежній — Юрьевъ день осенній да послѣ него двѣ недѣли; пожилаго крестьяне платятъ по Судебнику рубль и два алтына. Крестьяне не могли переходить: въ дворцовыя села и черныя волости, за патріарха, архіереевъ, за монастыри, за бояръ, окольничихъ, дворянъ большихъ, за приказныхъ людей и дьяковъ, за стольниковъ, стряпчихъ головъ стрѣлецкихъ; а въ Московскомъ уѣздѣ и въ Московскій уѣздъ изъ другихъ областей запрещено было отказывать и возить крестьянъ всѣмъ людямъ безъ исключенія. Кромѣ того было постановлено, чтобъ одинъ человѣкъ отъ другаго могъ вывести не больше двухъ крестьянъ. Въ 1602 году новое постановленіе было подтверждено; велѣно было въ городахъ и по сельскимъ торжкамъ биричу кликать нѣсколько разъ: кто изъ крестьянъ хочетъ за кого идти въ крестьяне же, можетъ какъ и въ прошломъ году выходить на Юрьевъ день осенній; чтобы такихъ крестьянъ помѣщики и вотчинники выпускали изъ-за себя со всѣмъ ихъ имѣніемъ, безъ всякой зацѣпки, и въ крестьянской возкѣ между людьми боевъ и грабежей не было бы, силою дѣти боярскіе крестьянъ за собою не держали бы и продажъ имъ никакихъ не дѣлали; а кто станетъ крестьянъ грабить, изъ-за себя не выпускать, тѣмъ быть въ большой опалѣ. Очень вѣроятно, что голодъ, свирѣпствовавшій въ это время, былъ причиною налоговъ и продажъ, которые заставили прибѣгнуть къ означенной мѣ-

рѣ; отъ описываемаго времени, именно отъ 1599 года дошли до насъ любопытныя извѣстія, показывающія намъ точку зрѣнія, съ какой въ московскомъ государствѣ смотрѣли на отношеніе прикрѣпленныхъ крестьянъ къ землевладѣльцамъ вскорѣ послѣ прикрѣпленія. Крестьянинъ съ сыномъ и пасынкомъ, прикрѣпленный къ землѣ Вяжицкаго монастыря, бѣжалъ и скрылся въ имѣніи одного сына боярскаго. Игуменъ Вяжицкаго монастыря его отыскивалъ и чрезъ нѣсколько лѣтъ отыскалъ; тогда вдова того сына боярскаго, у котораго онъ укрывался, не желая тягаться съ монастыремъ, выдала бѣглаго игумену. Какъ же послѣдній поступилъ съ нимъ? Онъ его порядилъ къ себѣ въ крестьяне на пашню; крестьянинъ обязался поставить избу съ разными службами, распахать пашни и проч., а игуменъ далъ ему разныя льготы и подмогу. — Потомъ тотъ же Вяжицкій монастырь счелъ для себя выгоднымъ переселить нѣсколько крестьянъ съ одной своей земли на другую; какъ же онъ распорядился? онъ заключилъ съ этими крестьянами порядную запись: крестьяне порядились жить за монастыремъ на новой землѣ, обязались, по старому обычаю, произвести извѣстныя работы, а монастырь обязался дать имъ извѣстныя льготы; въ случаѣ же неисполненія условій со стороны крестьянъ, они обязались заплатить монастырю извѣстную сумму денегъ. Уже въ описываемое время правительство должно было вооружиться противъ людей, которые, отбывая отъ платежа податей, закладывались, по тогдашнему выраженію, за другихъ: въ 1599 году Борисъ велѣлъ выслать на житье въ городъ Корелу тѣхъ Корелянъ, которые жили въ Спасскомъ Кижскомъ погостѣ за митрополитомъ, монастырями, за дѣтьми боярскими и за всякими людьми (въ захребетникахъ и подсусѣдникахъ). Царскіе послы прославляли Годунова предъ иностранцами за облегченіе народа отъ податей; дѣйствительно въ распоряженіяхъ его встрѣчаемъ извѣстіе о такомъ облегченіи; напримѣръ въ грамотѣ въ Серпуховъ 1601 года говорится, что въ Серпуховѣ и Коломнѣ отмѣнены цѣловальники и дьячки для де-

межныхъ сборовъ, и жители освобождались отъ платежа или подмоги, которая собиралась съ сохъ; остались губные цѣловальники, дьячки, сторожа, палачи и биричи, и денежные доходы съ сохъ велѣно собирать губнымъ цѣловальникамъ; брать въ цѣловальники крестьянъ съ сохъ, и подмогу имъ давать съ сохъ же; а съ посадовъ и съ дворцовыхъ селъ губнымъ цѣловальникамъ, дьячкамъ, сторожамъ, палачамъ и биричамъ не быть, потому что во всѣхъ городахъ на посадахъ и по слободамъ всякія таможенныя пошлины указалъ царь собирать посадскимъ людямъ. Въ той же грамотѣ говорится, чтобы въ Серпуховѣ и Коломнѣ впередъ тюрмъ сохами не строить, строить ихъ на деньги изъ царской казны. При Годуновѣ былъ данъ въ разбойный приказъ боярскій приговоръ: которые разбойники говорили на себя въ распросѣ и съ пытокъ, и сказали: были на одномъ разбоѣ, а на томъ разбоѣ убійство или пожогъ дворовый или хлѣбный былъ, и тѣхъ казнить смертью. А которые разбойники были на трехъ разбояхъ, а убійства и пожогу хотя и не было, и тѣхъ казнить смертію же; а которые разбойники были на одномъ разбоѣ, а убійства и пожогу на тѣхъ разбояхъ не было, и тѣмъ разбойникамъ сидѣть въ тюрьмѣ до указу. Которые разбойники или тати сидятъ въ тюрьмѣ года два или три, и на которыхъ людей съ пытокъ въ первомъ году не говорили, а въ другомъ или третьемъ году станутъ говорить, то ихъ рѣчамъ не вѣрить [38].

Мы видѣли, какъ Борисъ былъ вѣренъ мысли Грознаго о необходимости пріобрѣсть прибалтійскіе берега Ливоніи для безпрепятственнаго сообщенія съ западною Европою, для безпрепятственнаго принятія отъ нея плодовъ гражданственности, для принятія науки, этого могущества, котораго именно не доставало Московскому государству, повидимому такъ могущественному. Неудивительно потому встрѣчать извѣстіе, что Борисъ хотѣлъ повторить попытку Грознаго, вызвать изъ-за границы ученыхъ людей и основать школы, гдѣ бы иностранцы учили Русскихъ людей разнымъ языкамъ. Но духовенство воспротивилось этому; оно говорило, что

обширная страна ихъ едина по религіи, правамъ и языку; будетъ много языковъ, встанетъ смута въ землѣ. Тогда Борисъ придумалъ другое средство: уже давно былъ обычай посылать русскихъ молодыхъ людей въ Константинополь учиться тамъ по-гречески; теперь царь хотѣлъ сдѣлать то же относительно другихъ странъ и языковъ; выбрали нѣсколько молодыхъ людей и отправили однихъ въ Любекъ, другихъ въ Англію, нѣкоторыхъ во Францію и Австрію учиться. Ганзейскіе послы, бывшіе въ Москвѣ въ 1603 году, взяли съ собой въ Любекъ пять мальчиковъ, которыхъ они обязались выучить по-латыни, по-нѣмецки и другимъ языкамъ, при чемъ беречь накрѣпко, чтобъ они не оставили своей вѣры и своихъ обычаевъ. Съ Англійскимъ купцомъ Джономъ Мерикомъ отправлены были въ Лондонъ четверо молодыхъ людей «для науки разныхъ языковъ и грамотамъ [39].» Но пока эти молодые люди учились за границею иностраннымъ языкамъ и грамотамъ, государство нуждалось въ знаніяхъ, искусствахъ необходимыхъ, и вотъ Борисъ отправилъ извѣстнаго уже намъ Бекмана въ Любекъ для приглашенія въ царскую службу врачей, рудознатцевъ, суконниковъ и другихъ мастеровъ. Въ наказной памяти Бекману говорилось: «пріѣхавъ въ Псковъ, сказать воеводѣ, чтобъ отпустилъ его тотчасъ не шумно, чтобъ о томъ иноземцы не узнали. Изъ Пскова ѣхать въ Любекъ Лифляндскою землю на Юрьевъ или на Кесь, или другіе какіе города, куда ѣхать лучше и безстрашнѣе.» Изъ этихъ словъ ясно видно, что̀ заставляло Московскихъ государей добиваться хотя одной гавани на Балтійскомъ морѣ: иначе надобно было дѣйствовать тайкомъ, не шумно, надобно было выкрадывать знанія съ Запада. Далѣе въ наказѣ говорится: «пріѣхавши въ Любекъ, говорить бурмистрамъ, ратманамъ и палатникамъ, чтобъ они прислали къ царскому величеству доктора навычнаго, который былъ бы навыченъ всякову докторству и умѣлъ лѣчить всякія немощи. Если откажутъ, то промышлять въ Любекѣ докторомъ самому, чтобъ непремѣнно докторомъ въ Любекѣ про-

мыслить. Посланы съ нимъ опасныя грамоты суконнымъ мастерамъ, рудознатцамъ, которые умѣютъ находить руду золотую и серебряную, часовникамъ: такъ ему промышлять накрѣпко, чтобъ мастеровые люди ѣхали къ царскому величеству своимъ ремесломъ послужить, сказывать имъ государево жалованье и отпускъ повольный, что имъ пріѣхать и отъѣхать во всемъ будетъ повольно безо всякаго задержанья [40].»

Борисъ, по характеру своему, особенно дорожилъ медиками, потому что трепеталъ за свое здоровье и здоровье своего семейства, думалъ, что враги постоянно умышляютъ противъ его жизни и здоровья, слѣдовательно хотѣлъ окружить себя искусными людьми, которые могли бы противодѣйствовать вражьимъ замысламъ. У него было шесть иностранныхъ медиковъ, которымъ онъ давалъ богатое содержаніе и подарки, почиталъ ихъ какъ большихъ князей или бояръ, позволилъ имъ построить себѣ большую протестантскую церковь. Относительно медицинскихъ понятій вѣка сохранился любопытный разговоръ печатника Василья Щелкалова съ пріѣхавшимъ изъ Англіи докторомъ Вильсомъ. Щелкаловъ спрашивалъ доктора: «сказываешься ты докторъ; а грамота у тебя Елисаветъ королевнина докторская и книги докторскія и лечебныя и зелье съ тобою есть ли? и какъ немочи знаешь? и почему у человѣка какую немочь познаешь?» Докторъ отвѣчалъ: «которыя книги были со мною повезены изъ Англійской земли для докторства, и я тѣ книги всѣ оставилъ въ Любекѣ для проѣзда, и сказывался въ дорогѣ торговымъ человѣкомъ для того, чтобъ меня пропустили, а зелья не взялъ для проѣзду же, потому что насъ докторовъ въ Москву нигдѣ не пропускаютъ.» Щелкаловъ спросилъ: «почему же тебѣ у человѣка безъ книгъ какую немочь можно познать — по водамъ ли или по жиламъ?» Докторъ отвѣчалъ: «Немочь въ человѣкѣ всякую можно и безъ книгъ разумомъ знать по водамъ; а если будетъ въ человѣкѣ тяжкая болѣзнь, то ее и по жиламъ

можно познать; лечебная книга со мною есть, а старая книга у меня въ головѣ [41].»

Печатаніе книгъ продолжалъ при Годуновѣ старый типографщикъ временъ Грознаго, Андроникъ Тимоѳеевъ Невѣжа, а потомъ сынъ его, Иванъ Андрониковъ Невѣжинъ. Послѣдній, въ послѣсловіи къ Цвѣтной Тріоди, распространяется въ похвалахъ Борису, и между прочимъ говоритъ: «И о семъ богодухновенныхъ писаній трудолюбственнѣмъ дѣлѣ тщаніе веліе имѣлъ и съ прилежнымъ усердіемъ слова истины исправляя, дѣлателей же преславнаго сего печатнаго дѣла преизъобилнѣ своими царскими уроки повсегда удоволяя, и домъ превеликъ устроити повелѣ: въ немъ же трудолюбному сему книжнаго писанія печатному дѣлу совершатися.»

Ясно высказанная правительствомъ необходимость сближенія съ иностранцами для заимствованія у нихъ знаній, ясно высказанное слѣдовательно убѣжденіе въ превосходствѣ иностранцевъ, у которыхъ должно учиться, умноженіе числа этихъ иностранцевъ въ войскѣ, появленіе ихъ въ сословіи торговомъ, почесть, которую оказывалъ имъ царь, державшій медиковъ своихъ какъ князей или бояръ, — все это не могло не породить въ нѣкоторыхъ Русскихъ людяхъ желанія подражать иностранцамъ, и начать это подражаніе, по извѣстному закону, со внѣшняго вида. Современники Борисова царствованія, и свои и чужіе, согласно говорятъ о пристрастіи Русскихъ къ иноземнымъ обычаямъ и одеждамъ, о введеніи обычая брить бороды, при чемъ выставляется и причина: царь очень любилъ иностранцевъ, былъ ихъ потаковникомъ. Приверженцы старины обратились къ патріарху: «Отецъ святый! говорили они ему: зачѣмъ ты молчишь, видя все это?» Совѣсть Іова уязвлялась этими рѣчами, какъ стрѣлами; но говорить царю противъ нововведеній у него недоставало духа: «видя сѣмена лукавствія, сѣемыя въ виноградѣ Христовомъ, дѣлатель изнемогъ, и только къ Господу Богу единому взирая, ниву ту недобрую обливалъ слезами [42])»

ГЛАВА II.

Продолженіе царствованія Бориса Годунова.

Причины смуты. — Дѣло Богдана Бальскаго. — Доносы. — Опала Романовыхъ. — Отношенія царя къ другимъ вельможамъ. — Навязанная молитва при заздравной чашѣ. — Голодъ. — Моръ и разбои. — Слухи о самозванцѣ. — Разборъ мнѣній о самозванцѣ. — Похожденія Отрепьева. — Обличенія ему изъ Москвы.—Мѣры царя и патріарха противъ самозванца.— Вступленіе Лжедимитрія въ Московскіе предѣлы. — Сдача Путивля. — Битва подъ Новгородомъ Сѣверскимъ. — Битва при Добрыничахъ. — Недѣятельность царскихъ воеводъ. — Смерть Бориса Годунова.— Присяга царю Ѳедору Борисовичу. — Отправленіе воеводы Басманова къ войску. — Переходъ войска къ самозванцу. — Возмущеніе Москвы противъ царя Ѳедора. — Сверженіе патріарха Іова. — Убіеніе царя Ѳедора и матери его.

Для многихъ въ Московскомъ государствѣ Борисъ и на престолѣ оставался такимъ же, какимъ былъ во время правленія своего при царѣ Ѳеодорѣ. Мужъ чудный и сладкорѣчивый [43] продолжалъ устроивать въ Русскомъ государствѣ много достохвальныхъ вещей, по прежнему ненавидѣлъ мздоимство, старался искоренить разбои, воровство, корчемства, былъ свѣтлодушенъ, милостивъ и нищелюбивъ. Ради такихъ строеній всенародныхъ, Борисъ въ первые годы своего царствованія былъ всѣмъ любезенъ, Россія цвѣла всѣми благами [44]. И, не смотря на то, онъ палъ, потому что, говорятъ Русскіе современники, навелъ онъ на себя негодованіе чиноначальниковъ всей Русской земли.

Годуновъ палъ вслѣдствіе негодованія чиноначальниковъ Русской земли. Такъ говорятъ современники, иностранцы и Русскіе, и послѣ повѣрки ихъ объясненія, мы

не можемъ не согласиться съ ними. Но паденіемъ Годуновыхъ дѣло не кончилось, за нимъ послѣдовало страшное смутное время, и потому надобно объяснить еще, почему смута, произведенная меньшинствомъ, не встрѣтила сопротивленія въ большинствѣ, не была имъ затушена? почему зло могло такъ приняться на Русской почвѣ въ началѣ XVII вѣка и принести такіе страшные плоды?

У Годунова были враги, были соперники между боярами; но вступленіе его на престолъ со всѣми обстоятельствами, сопровождавшими это событіе, показывало ясно могущественныя средства Годунова и безсиліе враговъ его. Явнаго противодѣйствія быть не могло ни тутъ, ни послѣ; у враговъ Годунова не было средствъ вещественныхъ: это не были правители сильныхъ областей, въ которыхъ, пользуясь народнымъ расположеніемъ, могли поднять знамя возстанія; соперники Годунова не имѣли на своей сторонѣ и средствъ нравственныхъ: онъ былъ лучшій между ними по общему признанію. Средства Годунова были велики; но, по характеру своему, онъ не былъ въ уровень своему положенію, не умѣлъ признать своихъ средствъ и воспользоваться ими. «Если бы тернъ завистной злобы не помрачилъ цвѣтъ его добродѣтели, то могъ бы древнимъ царямъ уподобиться.» Эти слова современника объясняютъ какъ нельзя лучше дѣло. Годуновъ не могъ уподобиться древнимъ царямъ, не могъ явиться царемъ на престолѣ и упрочить себя и потомство свое на немъ по неумѣнью нравственно возвыситься въ уровень своему высокому положенію. Восходя на престолъ, онъ не могъ освободиться отъ боярскихъ отношеній, отъ боярскихъ чувствъ, продолжалъ питать завистную злобу къ своимъ старымъ соперникамъ, былъ способенъ унизиться до зависти, т. е., до признанія въ другихъ равныхъ или бо́льшихъ правъ на престолъ, чѣмъ какія онъ имѣлъ самъ; неувѣренность въ собственномъ достоинствѣ, въ собственныхъ правахъ, собственныхъ средствахъ не могла дать ему необходимаго въ его положеніи спокойнаго величія, и развила въ немъ эту

мелкую, болѣзненную подозрительность, заставившую его осквернить царство доносами неслыханными; не имѣя довѣрія, уваженія къ самому себѣ, онъ не могъ довѣрять никому. Подозрительностію, завистною злобою онъ раздражилъ родовитыхъ людей, въ которыхъ видѣлъ враговъ своихъ, то отдалялъ ихъ отъ себя по какому-нибудь доносу, то опять приближалъ, преслѣдуя однако людей, сносившихся съ ними; но раздражая враговъ, онъ въ то же время своимъ мелкодушіемъ, подозрительностію, боязливостію уничтожалъ въ нихъ уваженіе къ себѣ, обнаруживалъ предъ ними свою слабую сторону, указывалъ средство дѣйствовать противъ себя, дѣйствовать испугомъ, отнимавшимъ у него духъ, рѣшительность.

Такимъ образомъ въ характерѣ человѣка, возсѣвшаго на престолѣ Рюриковичей, заключалась возможность начала смуты; но продолженіе ея и сильное развитіе условливались другими обстоятельствами: болѣзнь прикинулась и сильно развилась въ общественномъ тѣлѣ, потому что тѣло это заключало въ себѣ много дурныхъ соковъ. Давно уже мы имѣли случаи замѣчать неудовлетворительное состояніе народной нравственности въ Московскомъ государствѣ. Мы видѣли причины тому въ борьбѣ, сопровождавшей появленіе и утвержденіе новаго порядка вещей, собраніе земли. Борьба между князьями за волости смѣнилась борьбою государей московскихъ съ основанными на старинѣ притязаніями князей служебныхъ и дружины вообще. Борьба эта достигла до ужасныхъ размѣровъ въ царствованіе Грознаго. Водворилась страшная привычка не уважать жизни, чести, имущества ближняго; сокрушеніе правъ слабаго предъ сильнымъ, при отсутствіи просвѣщенія, боязни общественнаго суда, боязни суда другихъ народовъ, въ общество которыхъ еще не входили, ставило человѣка въ безотрадное положеніе, дѣлало его жертвою случайностей; заставляло сообразоваться съ этими случайностями; но эта привычка сообразоваться со случайностями, разумѣется, не могла способствовать развитію твердости гражданской, ува-

женія къ собственному достоинству, умѣнья выбирать средства для цѣлей. Преклоненіе предъ случайностію не могло вести къ сознанію постояннаго, основнаго, къ сознанію отношеній человѣка къ обществу, обязанности служенія обществу, требующаго подчиненія частныхъ стремленій и выгодъ общественнымъ. Внутреннее, духовное отношеніе человѣка къ обществу было слабо; все держалось только формами, внѣшею силою, и гдѣ эта внѣшняя сила отсутствовала, тамъ человѣкъ сильный забывалъ всякую связь съ обществомъ и позволялъ себѣ все на счетъ слабаго. Во внѣшнемъ отношеніи земля была собрана, государство сплочено; но сознаніе о внутренней, нравственной связи человѣка съ обществомъ было крайне слабо; въ нравственномъ отношеніи и въ началѣ XVII вѣка Русскій человѣкъ продолжалъ жить особѣ, какъ физически жили отдѣльные роды въ IX вѣкѣ. Слѣдствіемъ преобладанія внѣшней связи и внутренней, нравственной особности были тѣ грустныя явленія народной жизни, о которыхъ одинаково свидѣтельствуютъ и свои, и чужіе, прежде всего эта страшная недовѣрчивость другъ къ другу: понятно, что когда всякій преслѣдовалъ тольки свои интересы, нисколько не принимая въ соображеніе интересовъ ближняго, котораго, при всякомъ удобномъ случаѣ, старался сдѣлать слугою, жертвою своихъ интересовъ, то довѣренность существовать не могла. Страшно было состояніе того общества, члены котораго, при видѣ корысти, порывали всѣ, самыя нѣжныя, самыя священныя связи! Страшно было состояніе того общества, въ которомъ лучшіе люди совѣтовали щадить интересы ближняго, вести себя по-христіански съ цѣлію пріобрѣсти выгоды матеріальныя, какъ совѣтовалъ знаменитый Сильвестръ своему сыну. И любопытно видѣть, какъ подобные совѣты обнаруживали свое дѣйствіе въ поведеніи Годунова, который стремился къ вещамъ достохвальнымъ, былъ свѣтлодушенъ, милостивъ, нищелюбивъ — для достиженія своихъ честолюбивыхъ видовъ, для того, чтобъ прослыть вездѣ благотворителемъ. Любопытно видѣть, какъ въ характерѣ Бори-

са и въ отношеніяхъ къ нему общества отразился господствующій недугъ времени: Борисъ былъ боленъ страшною недовѣрчивостію, подозрѣвалъ всѣхъ, боязливо прислушивался къ каждому слову, къ каждому движенію; но и общество не осталось у него въ долгу: каждый шагъ его былъ заподозрѣнъ, ни въ чемъ ему не вѣрили; если онъ осквернилъ общество доносами, то и общество явилось въ отношеніи къ нему страшнымъ доносчикамъ, страшнымъ клеветникомъ; онъ, поувѣренію современнаго ему общества, отравилъ царскую дочь, самого царя, сестру свою, царицу Александру, жениха своей дочери, сжегъ Москву, навелъ на нее хана! Царь и народъ играли другъ съ другомъ въ страшную игру.

Но послушаемъ современниковъ о нравственномъ состояніи общества при Борисѣ: иностранцы, какъ и Русскіе, говорятъ о стараніи Бориса уничтожить взяточничество. Если судья былъ уличенъ во взяткахъ, то долженъ былъ возвратить взятое, заплатить штрафъ отъ 500 до 1000 и 2000 рублей, имѣніе его отбиралось въ казну. Если это былъ дьякъ, не пользовавшійся случайно особеннымъ расположеніемъ власти, то его возили по городу и сѣкли, при чемъ висѣлъ у него на шеѣ мѣшокъ со взяткою, будьто деньги, или мѣхъ, или соленая рыба; потомъ преступника заточали. Но взяточничество не уменьшалось, только взяточники поступали осторожнѣе: для избѣжанія подозрѣнія просители вѣшали подарокъ къ образу въ домѣ правительственнаго лица, или при христосываніи всовывали деньги въ руку вмѣстѣ съ краснымъ яйцомъ.» Во всѣхъ сословіяхъ, говоритъ другой современникъ-иностранецъ, воцарились раздоры и несогласія; никто не довѣрялъ своему ближнему; цѣны товаровъ возвысились неимовѣрно; богачи брали росты больше жидовскихъ и мусульманскихъ; бѣдныхъ вездѣ притѣсняли. Другъ ссужалъ друга не иначе, какъ подъ закладъ, втрое превышавшій занятую сумму, и сверхъ того бралъ по четыре процента еженедѣльно; если же закладъ не былъ выкупленъ въ опредѣленный срокъ,

то пропадалъ невозвратно. Не буду говорить о пристрастрастіи къ иноземнымъ обычаямъ и одеждамъ, о нестерпимомъ, глупомъ высокомѣріи, о презрѣніи къ ближнимъ, о неумѣренномъ употребленіи пищи и напитковъ, о плутовствѣ и развратѣ. Все это, какъ наводненіе, разлилось въ высшихъ и низшихъ сословіяхъ.» Это говорятъ иностранцы; а вотъ слова Русскаго современника: «впали мы въ объяденіе и въ пьянство великое, въ блудъ, и въ лихвы, и въ неправды, и во всякія злыя дѣла» [45]. Послѣ услышимъ еще не менѣе рѣзкія слова.

Кромѣ дурнаго состоянія нравственности, развитію смутъ въ Московскомъ государствѣ въ описываемое время благопріятствовало еще одно обстоятельство. Мы упоминали о сильномъ развитіи казачества во второй половинѣ XVI вѣка, видѣли и характеръ казаковъ. Бѣглецъ изъ общества потому ли, что общественныя условія ему не нравились, или потому, что общество преслѣдовало его за нарушеніе наряда, казакъ, разумѣется, не могъ согласить своихъ интересовъ съ интересами государства, безпрестанно дѣйствовалъ вопреки послѣднимъ. Государство терпѣло это по слабости, но для казаковъ было ясно, что терпѣніе не будетъ продолжительно. Открыто дѣйствовать противъ государства они не смѣли: при обычномъ ходѣ дѣлъ, при внутреннемъ спокойствіи государства они не могли имѣть ни малѣйшей надежды дѣйствовать съ успѣхомъ противъ него. Но когда открылась смута, нарядъ исчезъ, то казакамъ явилась полная возможность войдти въ предѣлы государства и жить на его счетъ. Къ этимъ степнымъ казакамъ, разумѣется, должны были пристать всѣ люди съ казацкимъ характеромъ, люди, которые, по разнымъ обстоятельствамъ, тяготились своимъ положеніемъ, искали выхода изъ него, люди хотѣвшіе пожить на чужой счетъ. Толпы степныхъ казаковъ должны были слѣдовательно увеличиться толпами казаковъ внутреннихъ; и тѣмъ, и другимъ было необходимо поддерживать смуту какъ можно долѣе, ибо съ возстановленіемъ спокойствія, наряда, прекращалось ихъ царство,

ихъ выгодное положеніе относительно государства, которое по прежнему стало бы грозить ихъ противуобщественному быту. Такимъ образомъ смутное время мы имѣемъ право разсматривать какъ борьбу между общественнымъ и противуобщественнымъ элементомъ, борьбу земскихъ людей, собственниковъ, которымъ было выгодно поддержать спокойствіе, нарядъ государственный для своихъ мирныхъ занятій,— съ такъ называемыми казаками, людьми безземельными, бродячими, людьми, которые разрознили свои интересы съ интересами общества, которые хотѣли жить на счетъ общества, жить чужими трудами. Нѣкоторые полагаютъ причиною смуты запрещеніе крестьянскаго выхода, сдѣланное Годуновымъ. Но мы не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ вопервыхъ потому, что ни одинъ изъ современныхъ писателей не намекаетъ на это, хотя они объясняютъ, почему Сѣверская Украйна стала гнѣздомъ смуты, указываютъ на столпленіе въ ней холопей опальныхъ бояръ, преступниковъ, бѣжавшихъ отъ казни; вовторыхъ, законъ объ укрѣпленіи крестьянъ былъ вполовину отмѣненъ Годуновымъ въ его царствованіе, участь крестьянъ была облегчена именно тамъ, гдѣ она могла быть тяжела. При этомъ должно замѣтить, что казаки подъ знаменемъ самозванцевъ дѣйствительно стараются повсюду возбудить низшіе классы противъ высшихъ, дѣйствительно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на югѣ крестьяне возстаютъ противъ помѣщиковъ; но это явленіе мѣстное, общее же явленіе таково, что тѣ крестьяне, которые были недовольны своимъ положеніемъ, по характеру своему были склонны къ казачеству, переставали быть крестьянами, шли въ казаки и начинали бить и грабить прежде всего свою же братью—крестьянъ, которые, въ свою очередь, толпами вооружаются противъ казаковъ въ защиту своихъ семействъ, собственности и мирнаго труда; нигдѣ мы не видимъ, чтобъ крестьяне подъ знаменами самозванцевъ возставали какъ крестьяне въ защиту своихъ сословныхъ правъ и интересовъ.

Только два первые года царствованія Бориса, два по-

слѣдніе XVI столѣтія, современникъ называютъ спокойными, счастливыми; въ первомъ году новаго вѣка мы должны слѣдовательно положить начало смутъ; но какая же была первая смута? этого мы не знаемъ по недостатку хронологическихъ указаній въ источникахъ. Мы не знаемъ, къ какому именно времени относится дѣло Богдана Бѣльскаго, извѣстнаго намъ по смутѣ въ началѣ царствованія Ѳеодорова. Лѣтописецъ такъ разказываетъ объ этомъ дѣлѣ: Послалъ царь Борисъ на поле ставить городъ Борисовъ окольничаго Богдана Яковлевича Бѣльскаго да Семена Алферьева, и съ ними послалъ многихъ всякихъ людей. Богданъ, человѣкъ богатый, пошелъ на городское строеніе съ большимъ богатствомъ и всякаго запасу взялъ съ собою много. Пришедши на городище, сталъ онъ дѣлать городъ прежде своимъ дворомъ и сдѣлалъ своими людьми башню и городки, укрѣпилъ великую крѣпостью; потомъ съ того образца велѣлъ всей рати дѣлать, и сдѣлали весь городъ вскорѣ и укрѣпили всякими крѣпостями; ратныхъ людей Богданъ поилъ и кормилъ всякій день множество, и бѣднымъ давалъ деньги, платье и запасъ. Прошла на Москвѣ про него отъ ратныхъ людей хвала великая. Царь Борисъ исполнился ярости, велѣлъ его схватить, раззорить и сослать въ одинъ изъ низовыхъ городовъ въ тюрьму, дворянъ старыхъ, которые были съ нимъ и на него не доводили, также велѣлъ раззорить. По иностраннымъ свидѣтельствамъ Борису донесли, будто Бѣльскій величалъ себя царемъ Борисовскимъ. Изъ этихъ свидѣтельствъ узнаемъ и опозорномъ наказаніи, которому подвергся Бѣльскій: одинъ изъ иностранныхъ медиковъ царскихъ вырвалъ у него длинную густую бороду [46]. Зная мелкодушіе Бориса, мы можемъ принять причину опалы какъ она показана въ приведенныхъ извѣстіяхъ; естественно, что Борисъ, одержимый завистною злобою, наполнился яростію на человѣка, который осмѣлился пріобрѣсти народное расположеніе щедростію, то-есть употребить тѣже самыя средства, какія употреблялъ Годуновъ; подозрительность же Бориса должна

была особенно возбудиться тѣмъ, что народное расположенія пріобрѣталъ человѣкъ, выдававшійся изъ толпы собратій своихъ умомъ, энергіею и дознанпымъ крамольнымъ духомъ. Сохранилось впрочемъ еще одно извѣстіе, въ которомъ отразился извѣстный народный взглядъ на дѣятельность Бориса: Бѣльскій, по этому извѣстію, былъ сосланъ за то, что покаялся на духу въ смерти царя Іоанна и царя Θеодора, которыхъ онъ умертвилъ по наученію Годунова; духовникъ сказалъ объ этомъ патріарху, а патріархъ царю [47]. Нельзя не обратить вниманіе также и на способъ наказанія, которому подвергся Бѣльскій: мы встрѣчали извѣстія своихъ и чужихъ современниковъ о страсти къ подражанію иноземнымъ обычаямъ, которая открылась между Русскими людьми въ царствованіе Бориса; царь былъ покровителемъ иностранцевъ, а Бѣльскій ненавидѣлъ ихъ, и вотъ Борисъ велитъ иностранцу вырвать у Бѣльскаго бороду которая такъ дорога была людямъ, отличавшимся привязанностію къ старинѣ и ненавистію къ новымъ, чужимъ обычаямъ, а изъ этихъ обычаевъ бритье бороды было самомъ виднымъ [48].

Дьяволъ, говоритъ лѣтописецъ [49], вложилъ Борису мысль все знать, что ни дѣлается въ Московскомъ государствѣ; думалъ онъ объ этомъ много, какъ бы и отъ кого все узнавать, и остановился на томъ, что кромѣ холопей боярскихъ узнавать не отъ кого. Начали тайно допытываться у людей князя Шестунова о замыслахъ господина ихъ. Одинъ изъ нихъ, кокой-то Воинко, явился съ доносомъ. Что онъ объявилъ о Шестуновѣ — неизвѣстио, вѣроятно, что нибудь нестоющее вниманія, потому что князя оставили на это время въ нокоѣ; но доносчику сказали царское жалованное слово предъ челобитнымъ приказомъ на площади, выставили передъ всѣмъ народомъ его службу и радѣнье, объявили, что царь даетъ ему помѣстье и велитъ ему служитъ въ дѣтяхъ боярскихъ. Это поощреніе произвело дѣйствіе страшное: боярскіе люди начали умышлять всякій надъ своимъ бояриномъ; сговорившись между собою чело-

вѣкъ по пяти и по шести — одинъ шелъ доводить, а другихъ поставлялъ въ свидѣтели. Тѣхъ же людей боярскихъ, которые не хотѣли душъ своихъ погубить и господъ своихъ не хотѣли видѣть въ крови, пагубѣ и раззореніи, — тѣхъ бѣдныхъ мучили пытками и огнемъ жгли, языки имъ рѣзали и по тюрьмамъ сажали. А доносчиковъ царь Борисъ жаловалъ много, помѣстьями и деньгами. И отъ такихъ доносовъ была въ царствѣ большая смута: доносили другъ на друга попы, чернецы, пономари, просвирни, жены доносили на мужей, дѣти на отцовъ, отъ такого ужаса мужья отъ женъ таились, и въ этихъ окянныхъ доносахъ много крови пролилось не повинной, многіе отъ пытокъ померли, другихъ казнили, иныхъ по тюрьмамъ разослали и со всѣми домами раззорили: ни при одномъ государѣ такихъ бѣдъ никто не видалъ. Люди происхожденія знаменитаго, князья, потомки Рюрика доносили другъ на друга, мужчины доносили царю, женщины царицѣ; такъ князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ, въ челобитной на князя Пожарскаго, поданной царю Василію Шуйскому, говоритъ. «Прежде, при царѣ Борисѣ, онъ князь Дмитрій Пожарскій доводилъ на меня ему царю Борису многіе затѣйные доводы, будто бы я, сходясь съ Голицыными, да съ княземъ Татевымъ, про него царя Бориса разсуждаю и умышляю всякое зло; а мать князя Дмитрія, княгиня Марья, въ тоже время доводила царицѣ Марьѣ на мою мать, будто моя мать, съѣзжаясь съ женою князя Василья Ѳеодоровича Скопина-Шуйскаго, разсуждаетъ про нее царицу Марью и про царевцу Аксинью злыми словами. И за эти затѣйные доводы царь Борисъ и царица Марья на мою мать и на меня положили опалу и стали гнѣвъ держать безъ сыску [50].»

Поданъ былъ доносъ на Романовыхъ. Лѣтопись разсказываетъ дѣло такъ: дворовый человѣкъ и казначей боярина Александра Никитича Романова, Второй Бартеневъ пришелъ тайно къ дворецкому Семену Годунову и объявилъ, что готовъ исполнить волю царскую надъ господиномъ своимъ. Семенъ, по приказу царя наклалъ съ Бартеневымъ въ

мѣшки разныхъ кореньевъ, и велѣлъ Бартеневу положить ихъ въ кладовую Александра Никитича. Исполнивши это, Бартеневъ явился съ доносомъ, что у господина его припасено отравное зелье. Царь послалъ окольничаго Салтыкова обыскать; тотъ нашелъ мѣшки и привезъ ихъ прямо на дворъ къ патріарху; собрано было туда множество народа, предъ которымъ высыпали коренья изъ мѣшковъ. Привели Романовыхъ, Ѳедора Никитича съ братьями. Многіе бояре пышали на нихъ какъ звѣри и кричали; обвиненные не могли ничего отвѣчать отъ многонароднаго шума. Романовыхъ отдали подъ стражу вмѣстѣ совсѣми родственниками ихъ и пріятелями — князьями Черкасскими, Шестуновыми, Репниными, Сицкими, Карповыми. Ѳедора Никитича съ братьями и племянника ихъ, князя Ивана Борисовича Черкасскаго приводили не разъ къ пыткѣ; людей ихъ, мужчинъ и женщинъ, пытали и научали, чтобъ они что-нибудь сказали на господъ своихъ, но они не сказали ничего. Долго держали обвиненныхъ за приставами въ Москвѣ; наконецъ въ іюнѣ 1601 года состоялся приговоръ боярскій: Ѳедора Никитича Романова постригли и, подъ именемъ Филарета, послали въ Антоніевъ Сійскій монастырь; жену его, Аксинью Ивановну, также постригли, и подъ именемъ Марѳы, сослали въ одинъ изъ Заонѣжскихъ погостовъ; ея мать, Шестову, въ Чебоксары въ монастырь; Александра Никитича въ Усолье-Луду, къ Бѣлому морю; Михайлу Никитича въ Пермь, въ Ныробскую волость; Ивана Никитича въ Пелымъ; Василья Никитича въ Яренскъ; мужа сестры ихъ, князя Бориса Черкасскаго съ женою и съ племянниками ея, дѣтьми Ѳедора Никитича, пятилѣтнимъ Михаиломъ и маленькою сестрою его, съ теткою ихъ Настасьею Никитичною, и съ женою Александра Никитича на Бѣлоозеро; князя Ивана Борисовича Черкасскаго въ Малмыжъ на Вятку; князя Ивана Сицаго въ Кожеозерскій монастырь; другихъ Сицкихъ, Шестуновыхъ, Рѣпниныхъ и Карповыхъ розослали по разнымъ дальнимъ городамъ.

Только двое изъ братьевъ Романовыхъ пережили свое не-

счастіе — Филаретъ и Иванъ Никитичи. Въ смерти остальныхъ упрекаютъ Годунова, но несправедливо, какъ свидѣтельствуетъ дошедшее до насъ дѣло о ссылкѣ ихъ. Изъ этого дѣла узнаемъ, что съ Васильемъ Никитичемъ былъ отправленъ человѣкъ его для прислуги; приставу данъ былъ такой наказъ: «везти дорогою Василья бережно, чтобъ онъ съ дороги не ушелъ и лиха никакого надъ собою не сдѣлалъ; беречь, чтобы къ нему на дорогѣ и на станахъ никто не приходилъ и не разговаривалъ ни о чемъ и грамотами не ссылался; а кто придетъ къ Василью и станетъ съ нимъ разговаривать, или принесетъ письмо, то этого человѣка съ письмомъ схватить и прислать въ Москву, или распрося, отписать къ государю; а кто доведется до пытки, тѣхъ пытать и распрашивать подлинно. Пріѣхавши въ Яренскъ, занять для себя и для Василья дворъ въ городѣ, отъ церкви, отъ съѣзжей избы и отъ жилыхъ дворовъ подальше; если такого двора нѣтъ, то, присмотря мѣсто, велѣть дворъ поставить, подальше отъ жилыхъ дворовъ, да чтобы прохожей дороги мимо двора не было. На дворѣ велѣть поставить хоромы; двѣ избы, да сѣни, да клѣть, да погребъ; чтобъ около двора была городьба. Съ двора Василья и дѣтины его никуда ни спускать, и беречь накрѣпко, чтобы къ Василью и къ человѣку его никто не подходилъ. Корму Василью давать съ человѣкомъ: по калачу да по два хлѣба денежныхъ; въ мясные дни по двѣ части говядины да по части баранины; въ рыбные дни по два блюда рыбы, какая гдѣ случится, да квасъ житный: на кормъ послано сто рублей денегъ. Что Василій станетъ говорить, о томъ приставъ долженъ отписать государю».

Исполняя послѣднія слова наказа, приставъ Некрасовъ писалъ царю: «Ѣдучи дорогою, твой государевъ злодѣй и измѣнникъ со мною ничего не разговаривалъ; только укралъ у меня на Волгѣ цѣпной ключъ и кинулъ его въ воду, чтобъ я его не ковалъ, и хотѣлъ у меня убѣжать; но я другой ключъ прибралъ, и цѣпь и желѣза на Василья положилъ за его воровство; пріѣхавши въ Яренскъ, онъ со мною воров-

ствомъ говори ... ѣзъ вины, къ го-
сударю въ нан ... они на насъ на-
носили сами ... ами они помрутъ
скоро, прежде

Скоро обоих ... а соединили вмѣ-
стѣ въ одномъ ... силій былъ уже
при послѣднем ... истава; что при-
ставы поступал ... о приказа, видно
изъ грамоты Б ... ему указу Ивана
и Василья Рома ... ѣно: вы это сдѣ-
лали мимо наш ... вдывая себя, доносилъ, что онъ ковалъ Василья, слыша многія разговорныя рѣчи, напримѣръ: приставъ сталъ говорить Василью: «Кому Божіимъ милосердіемъ, постомъ, молитвою и милостынею Богъ далъ царство, а вы, злодѣи измѣнники, хотѣли царство достать вѣдовствомъ и кореньемъ.» Василій отвѣчалъ на это съ насмѣшкою: «Не то милостыня, что мечутъ по улицамъ; добра та милостыня, дать десною рукою, а шуйца не вѣдалабы». О смерти Василія приставъ доносилъ такъ: «Взялъ я твоего государева измѣнника Василья Романова больнаго, чуть живаго, на цѣпи, ноги у него опухли; я, для болѣзни его цѣпь съ него снялъ, и сидѣлъ у него братъ его Иванъ, да человѣкъ ихъ Сенька; и я ходилъ къ нему и попа пускалъ; умеръ онъ 15 февраля и я похоронилъ его, далъ по немъ тремъ попамъ, да дьячку, да пономарю двацать рублей. А измѣнникъ твой Иванъ Романовъ боленъ старою болѣзнію, рукою не владѣетъ, на ногу немного прихрамываетъ». Послѣ этого Иванъ Никитичъ былъ переведенъ въ Уфу, а потомъ вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ Черкасскимъ отправленъ на службу въ Нижній Новгородъ, при чемъ царь наказывалъ приставу: «Ѣдучи дорогою и живучи въ Нижнемъ Новгородѣ, ко князю Ивану и къ Ивану Романову береженье держать большое, чтобъ имъ нужды ни въ чемъ никакой отнюдь не было и жили бъ они и ходили свободны.» И о княгинѣ Черкасской, жившей съ дѣтьми Ѳедора Никитича на Бѣлѣозерѣ, царь повторялъ нѣсколько

разъ: «чтобъ имъ всѣмъ въ ѣдѣ, питьѣ и платьѣ никакой нужды не было.» Скоро Иванъ Никитичъ съ княземъ Иваномъ Черкасскимъ возвращены были въ Москву, а княгиня Черкасская съ дѣтьми Өедора Никитича и женою Александра Никитича переведены въ уѣздъ Юрьева Польскаго въ отчину Өедора Никитича, при чемъ царь опять наказывалъ приставу: «Чтобы дворовой никакой нужды не было; корму имъ давать вдоволь, покоить всѣмъ, чего ни спросятъ, а не такъ бы ты дѣлалъ, какъ писалъ прежде, что яицъ съ молокомъ даешь не по многу; это ты дѣлалъ своимъ воровствомъ и хитростью: по нашему указу велѣно тебѣ давать имъ ѣды и питья во всемъ вдоволь, чего ни захотятъ.»

О Филаретѣ Никитичѣ приставъ Воейковъ доносилъ: «Твой государевъ измѣнникъ, старецъ Филаретъ Романовъ мнѣ говорилъ: «Государь меня пожаловалъ, велѣлъ мнѣ вольность дать, и мнѣ бъ стоять на крылосѣ.» Да онъ же мнѣ говорилъ: «Но годится со мною въ кельѣ жить малому; чтобы государь меня, богомольца своего пожаловалъ, велѣлъ у меня въ кельѣ старцу жить, а бѣльцу съ чернецомъ въ одной кельѣ жить непригоже.» Это онъ говорилъ для того, чтобъ отъ него изъ кельи малаго невзяли, а онъ малаго очень любитъ, хочетъ душу свою за него выронить. Я малаго распрашивалъ: чтосъ тобою старецъ о какихъ-нибудъ дѣлахъ разговаривалъ ли, или про кого-нибудъ разсуждаетъ ли? и друзей своихъ кого поимяни поминаетъ ли? Малый отвѣчалъ: «отнюдь со мной старецъ ничего не говоритъ». — Если малому впередъ жить въ кельѣ у твоего государева измѣнника, то намъ отъ него ничего не слыхать; а малый съ твоимъ государевымъ измѣнникомъ душа въ душу. Да твой же государевъ измѣнникъ мнѣ про твоихъ государевыхъ бояръ въ разговорѣ говорилъ: «Бояре мнѣ великіе недруги; они искали головъ нашихъ, а иные научали на насъ говорить людей нашихъ, я самъ видалъ это не однажды.» Да онъ же про твоихъ бояръ про всѣхъ говорилъ: «Не станетъ ихъ нисъ какое дѣло, нѣтъ у нихъ разумнаго; одинъ у нихъ разуменъ Богданъ Бѣльскій, къ посольскимъ и

ко всякимъ дѣламъ очень досужъ.» — Велѣлъ я сыну боярскому Болтину распрашивать малаго, который живетъ въ кельѣ у твоего государева измѣнника, и малый сказывалъ: «Со мною ничего не разговариваетъ; только когда жену вспомянетъ и дѣтей, то говоритъ: «Малыя мои дѣтки! маленьки бѣдныя остались; кому ихъ кормить и поить? такъ ли имъ будетъ теперь, какъ имъ при мнѣ было? А жена моя бѣдная! жива ли уже? чай она туда завезена, куда и слухъ никакой не зайдетъ! мнѣ ужъ что надобно? бѣда на меня жена да дѣти: какъ ихъ вспомнишь, такъ точно рогатиной въ сердце толкаетъ; много они мнѣ мѣшаютъ: дай Господи слышать, чтобъ ихъ ранѣе Богъ прибралъ, я бы тому обрадовался. И жена, чай, тому рада, чтобъ имъ Богъ далъ смерть, а мнѣ бы уже не мѣшали, я бы сталъ промышлять одною своею душею; а братья уже всѣ, далъ Богъ, на своихъ ногахъ.»

На это донесеніе царь отвѣчалъ приставу: «Ты бъ старцу Филарету платье давалъ изъ монастырской казны и покой всякій къ нему держалъ, чтобъ ему нужды ни въ чемъ не было; если онъ захочетъ стоять на крылосѣ, то позволь, только бъ съ нимъ никто изъ тутошнихъ и прихожихъ людей ни о чемъ не разговаривали; малому у него въ кельѣ быть не вели, вели съ нимъ жить въ кельѣ старцу, въ которомъ бы воровства никакого не чаять. А которые люди станутъ въ монастырь приходить молиться, прохожіе или тутошные крестьяне и вкладчики: то вели ихъ пускать, только смотри накрѣпко, чтобы къ старцу Филарету къ кельѣ никто не подходилъ, съ нимъ не говорилъ и письма не подносилъ и съ нимъ не сослался.» Эти распоряженія относились къ 1602 году; въ 1605 приставъ Воейковъ жаловался царю на послабленіе Сійскаго игумена Іоны Филарету; вотъ что писалъ Борисъ къ игумену Іонѣ въ мартѣ мѣсяцѣ: «Писалъ къ намъ Богданъ Воейковъ, что разсказывали ему старецъ Иринархъ и старецъ Леонидъ: 3-го февралаля ночью старецъ Филаретъ старца Иринарха бранилъ, съ посохомъ къ нему прискакивалъ, изъ кельи его выслалъ вонъ, и въ

келью ему къ себѣ и за собою ходить никуда не велѣлъ; а живетъ старецъ Филаретъ не по монастырскому чину, всегда смѣется невѣдомо чему и говоритъ про мірское житье, про птицъ ловчихъ и про собакъ, какъ онъ въ мірѣ жилъ, и къ старцамъ жестокъ, старцы приходятъ къ Воейкову на старца Филарета всегда съ жалобою, бранитъ онъ ихъ и бить хочетъ, и говоритъ имъ: «увидите, каковъ я впередъ буду!» Нынѣшнимъ великимъ постомъ у отца духовнаго старецъ Филаретъ не былъ, въ церьковь и къ тебѣ на прощанье не приходилъ и на крылосѣ не стоитъ. И ты бы старцу Филарету велѣлъ жить съ собою въ кельѣ, да у него велѣлъ жить старцу Леониду, и къ церкви старцу Филарету велѣлъ ходить вмѣстѣ съ собою да за нимъ старцу, отъ дурна его унималъ и разговаривалъ, а безчестья бы ему никакого не дѣлалъ. А на котораго онъ старца бьетъ челомъ, и ты бы тому старцу жить у него не велѣлъ. Если ограда около монастыря худа, то ты велѣлъ бы ограду подѣлать, безъ ограды монастырю быть не гоже, и между кельями двери задѣлать. А которые люди станутъ къ тебѣ приходить, и ты бы имъ велѣлъ приходить въ переднюю келью, а старецъ бы въ то время былъ въ комнатѣ или въ чуланѣ; а незнакомыхъ людей ты бы къ себѣ не пускалъ и нигдѣ бы старецъ Филаретъ съ прихожими людьми не сходился». Для объясненія этого извѣстія надобно вспомнить, что въ 1605 году шатость, броженіе умовъ были во всей силѣ отъ появленія и успѣховъ самозванца, слѣдовательно мысль о скорой гибели Годуновыхъ не могла не придти въ голову игумену Іонѣ, который, сообщивъ Филарету о событіяхъ, началъ обращаться съ нимъ снисходительнѣе; невольный постриженникъ, съ своей стороны, не могъ удержаться отъ мысли о скоромъ концѣ своихъ бѣдствій, о скорой перемѣнѣ къ лучшему, вслѣдствіе гибели своего гонителя: вотъ откуда этотъ смѣхъ невѣдомо чему и нетерпѣніе при грубомъ обращеніи старцевъ, которые по прежнему видѣли въ немъ опальнаго человѣка. Любопытно также это извѣстіе, что Филаретъ любилъ разговаривать о птицахъ

ловчихъ и собакахъ: здѣсь мы видимъ родовую страсть къ охотѣ, которая была такъ сильно во внукѣ Ѳедора Никитича, царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и въ правнукѣ послѣдняго, Петрѣ II-мъ [51].

Кромѣ Романовыхъ оставались еще знаменитыя фамиліи, которыхъ боялся Годуновъ. Князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій по прежнему стоялъ въ челѣ знатныхъ родовъ, по прежнему занималъ первое мѣсто въ думѣ; но, подобно отцу, по характеру своему долженъ былъ уступать на дѣлѣ первое мѣсто старшему другой знаменитой фамиліи, князю Василью Ивановичу Шуйскому, превосходившему его живостію, способностію къ начинанію дѣла, многочисленностію сторонниковъ. Но, страдая завистною злобою, Борисъ одинаково подозрѣвалъ и дѣятельнаго Шуйскаго и болѣе спокойнаго Мстиславскаго, потому что оба равно превосходили его знатностію рода; не имѣя уликъ явныхъ, обоихъ одинаково преслѣдовалъ, мучилъ своею подозрительностію, у обоихъ отнялъ семейное счастіе, не позволивъ имъ жениться, чтобъ отсутствіемъ потомства отнять побужденіе къ честолюбивымъ замысламъ; надъ обоими, вслѣдствіе этого мелкодушія, недовѣрчивости Бориса, висѣлъ постоянно ножъ, что, разумѣется, дѣлало существованіе ихъ невыносимымъ и должно было наполнять сердца ихъ страшною ненавистію. Нѣсколько разъ Борисъ удалялъ Шуйскаго отъ двора и потомъ опять приближалъ, пыталъ людей невинныхъ, только за то, что они посѣщали иногда Шуйскихъ, даже и въ то время, когда послѣдніе были въ милости [52]. Мы видѣли также, что Борисъ считалъ своими врагами князей Голицыныхъ, Татева, Лыкова. Изъ князей Гедиминовичей по способностямъ и энергіи рядомъ съ Рюриковичемъ Шуйскимъ могъ стать князь Василій Васильевичъ Голицынъ, представитель знаменитаго Патрикѣевскаго рода; мы увидимъ, что онъ питалъ сильную ненависть къ Годуновымъ и не разбиралъ средствъ для удовлетворенія этой ненависти.

Борисъ былъ неспособенъ величіемъ духа обезоружить

ненависть людей родовитыхъ, былъ неспособенъ и поддержать расположеніе къ себѣ большинства народа вслѣдствіе той же подозрительности и мелочности взгляда. Онъ подозрѣвалъ народъ въ нерасположеніи къ себѣ, и, чтобы уничтожить это нерасположеніе, къ какому средству прибѣгъ онъ? Онъ приказалъ всѣмъ читать особенную молитву при заздравной чашѣ [53]. Здѣсь высказалась также одна изъ болѣзней тогдашняго общества, вѣра въ господство внѣшняго, формы, буквы, надъ внутреннимъ, духовнымъ; Годуновъ вѣрилъ, что молитва, произнесенная языкомъ безъ вѣдома духа, будетъ дѣйствительна. И тутъ Годуновъ, по мелкодушію своему, стремился показать народу, что онъ не похожъ на древнихъ прирожденныхъ государей, которые не нуждались въ особенныхъ молитвахъ, кромѣ установленныхъ церковію, и тутъ достигалъ совершенно противнаго своему желанію, возбуждая въ народѣ мысль, что что нибудь не такъ, что царь чего-нибудь боится, ибо этого при прежнихъ государяхъ не бывало.

При заздравной чашѣ должно было молиться, «чтобъ онъ, Борисъ, единый подсолнечный христіанскій царь, и его царица и ихъ царскіе дѣти, на многія лѣта здоровы были и счастливы, недругамъ своимъ страшны; чтобы всѣ великіе государи приносили достойную почесть его величеству; имя его славилось бы отъ моря до моря и отъ рѣкъ до концевъ вселенной, къ его чести и повышенію, а преславнымъ его царствамъ къ прибавленію; чтобы великіе государи его царскому величеству послушны были съ рабскимъ послуженіемъ, и отъ посѣченія меча его всѣ страны трепетали; чтобы его прекрасноцвѣтущія, младоумножаемыя вѣтви царскаго изращенія въ наслѣдіе превысочайшаго Россійскаго царствія были на вѣки и нескончаемые вѣки, базъ урыву; а на насъ бы, рабахъ его, отъ пучины премудраго его разума и обычая и милостиваго нрава неоскудныя рѣки милосердія изливались выше прежняго».

Въ 1601 году страшное общественное бѣдствіе дало Борису случай излить рѣки милосердія выше прежняго и этимъ

милосердіемъ усилить зло, ибо въ добрыхъ дѣлахъ Борисовыхъ, какъ замѣчали современники [54], клятва смѣшивалась съ благословеніемъ, добрыя дѣла служили только средствомъ къ достиженію корыстныхъ цѣлей, какъ училъ впрочемъ всѣхъ Русскихъ людей Домострой Сильвестровъ. Все лѣто были дожди великіе по всей землѣ и не давали хлѣбу созрѣвать, стоялъ онъ, налившись, зеленый, какъ трава. На праздникъ Успенія Богородицы былъ морозъ великій и побилъ весь хлѣбъ, рожь и овесъ. Въ этомъ году люди еще кормились съ нуждою старымъ хлѣбомъ и что собрали новаго. Новымъ же хлѣбомъ посѣяли; но онъ весь погибъ въ землѣ, и тогда-то сдѣлался голодъ, купить стало негдѣ, отцы покидали дѣтей, мужья женъ, мерли люди какъ никогда отъ мороваго повѣтрія не мерли. Видали людей, которые валяясь по улицамъ, щипали траву, подобно скоту. зимою ѣли сѣно; у мертвыхъ находили во рту вмѣстѣ съ навозомъ человѣческій калъ; отцы и матери ѣли дѣтей, дѣти родителей, хозяева гостей, мясо человѣческое продавалось на рынкахъ за говяжье, въ пирогахъ, путешественники боялись останавливаться въ гостинницахъ. Если мы примемъ, что каждый изъ описанныхъ ужасовъ случился только разъ гдѣ нибудь, то и этого уже будетъ довольно [55]. Зло увеличилось тѣмъ, что Борисъ велѣлъ раздавать въ Москвѣ ежедневно деньги бѣднымъ; услыхавъ объ этомъ, окрестные жители устремились въ Москву, хотя нѣкоторые изъ нихъ имѣли средства кормиться на мѣстѣ; когда же они приходили въ Москву съ пустыми руками, то не имѣли средства содержать себя одною царскою милостынею и умирали съ голоду—одни въ Москвѣ же на улицахъ, другіе дорогою на возвратномъ пути. Наконецъ Борисъ, узнавъ, что со всего государства народъ двинулся въ Москву на явную смерть, приказалъ прекратить раздачу денегъ, и тогда, разумѣется, число жертвъ еще увеличилось. Въ одной Москвѣ, говорятъ, погибло около 500,000 человѣкъ: царь хоронилъ ихъ на свой счетъ. Къ голоду присоединилось моровое повѣтріе, холера [56]. Наконецъ для прекращенія голода упо-

требили дѣйствительныя мѣры: послали въ отдаленныя области, отыскали тамъ запасы хлѣба отъ прежнихъ годовъ, привезли въ Москву и въ другіе города, и продавали за половинную цѣну; бѣднымъ, вдовамъ, сиротамъ и особенно Нѣмцамъ отпущено было большое количество хлѣба даромъ; въ нѣкоторыхъ областяхъ, напримѣръ въ Курской, былъ большой урожай, вслѣдствіе чего туда стеклось много народа, и Курскъ наполнился жителями. Чтобы дать работу людямъ, стекшимся въ Москву, построены были большія каменныя палаты въ Кремлѣ, гдѣ были прежде хоромы Грознаго; наконецъ урожай 1604 года прекратилъ бѣдствіе. Какія явленія были слѣдствіемъ голода въ областяхъ, можно видѣть изъ отписки царю Ивань-городскаго воеводы, князя Буйносова-Ростовскаго по случаю встрѣчи Датскаго принца Іоанна: ямскіе охотники отъ хлѣбной дороговизны охудали, лошади у нихъ попадали; Московской дороги всѣхъ ямовъ охотники отъ дороговизны, падежа и большой гоньбы хотѣли бѣжать, но Михайла Глѣбовичъ Салтыковъ ихъ уговорилъ перетерпѣть; Новгородскіе ямскіе охотники также хотѣли бѣжать, и воеводы, видя ихъ великую нужду, дали имъ по рублю на человѣка, чтобы не разбѣжались [57].

За голодомъ и моромъ слѣдовали разбои: люди спасавшіеся отъ голодной смерти, составляли шайки, чтобы вооруженною рукою кормиться на счетъ другихъ. Преимущественно эти шайки составлялись изъ холопей, которыми наполнены были домы знатныхъ и богатыхъ людей, особенно послѣ извѣстнаго намъ закона о холопяхъ, изданнаго въ царствованіе Ѳеодора. Во время голода, найдя обременительнымъ для себя кормить толпу холопей, господа выгоняли ихъ отъ себя, нѣкоторые съ отпускными, а другіе такъ, въ надеждѣ, что когда голодъ прекратится, то можно будетъ взять ихъ опять къ себѣ, а тѣхъ, которые дадутъ имъ пристанище и пропитаніе, обвинить въ укрывательствѣ бѣглыхъ и взять съ нихъ деньги. Вслѣдствіе этого никто не хотѣлъ принять несчастнаго холопа безъ отпускной. Въ августѣ 1603 года только Борисъ издалъ указъ, по кото-

рому господа непремѣнно обязывались, отсылая холопей для прокормленія, выдавать имъ отпускныя; тѣмъ же холопямъ, которые не получатъ отпускныхъ отъ господъ, будетъ выдавать ихъ Холопій приказъ. Но зло было трудно поправить, тѣмъ болѣе, что съ увеличеніемъ бѣдствія холопи и съ отпускными едва ли могли найдти себѣ у кого нибудь пристанище. Число этихъ холопей, лишенныхъ пріюта и средствъ къ прокормленію, увеличивалось еще холопями опальныхъ бояръ, Романовыхъ и другихъ, пострадавшихъ вмѣстѣ съ ними; такъ какъ эти холопи не доводили на господъ своихъ, то Борисъ заподозрилъ ихъ и запретилъ всѣмъ принимать ихъ къ себѣ. Эти люди, изъ которыхъ многіе были привычны къ военному дѣлу, шли къ границамъ, въ Сѣверскую Украйну, которая уже и безъ того была наполнена людьми, ждавшими только случая начать непріязненныя дѣйствія противъ общества: еще царь Іоаннъ, желая умножить народонаселеніе этой страны людьми воинственными, способными защищать ее отъ Татаръ и Поляковъ, позволялъ преступникамъ, осужденнымъ на смерть, спасать жизнь свою бѣгствомъ въ украинскіе города. Такимъ образомъ давно уже народонаселеніе Сѣверской Украйны, какъ обыкновенно бываетъ въ пограничныхъ областяхъ, отличалось характеромъ вовсе неблагонадежнымъ; мы видѣли, какъ дурно отзывались о Севрюкахъ во времена Грознаго [58]. Въ этой-то прежепогибшей Украйнѣ, по выраженію современниковъ, теперь послѣ голода образовались многочисленныя разбойничьи шайки, и не только не было отъ нихъ проѣзда по пустымъ мѣстамъ, но и подъ самою Москвою; атаманомъ ихъ былъ Хлопко Косолапъ. Царь долго думалъ съ боярами, какъ помочь бѣдѣ, и наконецъ рѣшился послать противъ разбойниковъ воеводу съ большою ратью. Воеводою отправленъ былъ окольничій Иванъ Басмановъ, который сошелся съ Хлопкою подъ Москвою. Разбойники бились, не щадя головъ своихъ, и убили Басманова; не смотря на то, царское войско одолѣло ихъ; Хлопка, чуть живаго, взяли въ плѣнъ; товарищей его, бѣжав-

шихъ въ Украйну, ловили и вѣшали; но тамъ было много имъ подобныхъ, черная роль прежепогибшей Украйны только что начиналась: начинали ходить слухи о самозванцѣ [69].

Слухи, мнѣнія о самозванцѣ ходили и ходятъ разные.

Первое мнѣніе состоитъ въ томъ, что человѣкъ, объявившій себя царевичемъ Димитріемъ, былъ истинный царевичь, сынъ Іоанна Грознаго, спасшійся отъ гибели, приготовленной ему Годуновымъ, въ Угличѣ, гдѣ вмѣсто его былъ убитъ другой ребенокъ, подставной. Здѣсь прежде всего надобно замѣтить, что въ извѣстіяхъ о спасеніи Димитрія находятся историческія несообразности, напримѣръ, говорятъ, будто онъ спасся бѣгствомъ въ Украйну къ отцу своему крестному, князю Ивану Мстиславскому, жившему тамъ въ осылкѣ еще со временъ Грознаго. А послѣ смерти Мстиславскаго, въ скорости случившейся, царевичь отправился въ Польшу; но извѣстно, что никакого Мстиславскаго на Украйнѣ никогда не бывало; притомъ, если царевичь былъ спасенъ и отправленъ въ Польшу, то что мѣшало ему немедленно же открыться Польскому правительству? Гонимые удѣльные князья обыкновенно убѣгали изъ Москвы въ Литву. Тогда дѣло не подлежало бы никакому сомнѣнію Далѣе въ извѣстіяхъ о спасеніи встрѣчаются противорѣчія относительно обстоятельствъ спасенія: одни говорятъ, что спасъ царевича докторъ, подмѣномъ, другіе, что сама мать. Но важнѣе слѣдующее обстоятельство: всѣ извѣстія согласны, какъ и должно быть, въ одномъ, что убійство подмѣненнаго ребенка произошло ночью, тогда какъ намъ достовѣрно извѣстно, что происшествіе случилось днемъ: и тѣ показанія, которыя говорятъ, что царевичь былъ убитъ, и тѣ, которыя утверждаютъ, что онъ накололся ножемъ въ припадкѣ падучей болѣзни, вполнѣ согласны въ этомъ обстоятельствѣ, слѣдовательно не было возможности убійцамъ, потомъ роднымъ царевича, близкимъ къ нему людямъ и гражданамъ углицкимъ обмануться; еслибы даже обманулись сначала, то мертвое тѣло лежало долго предъ глазами всѣхъ, всѣ имѣли возможность увидать свою ошибку. Свидѣтельства оче-

видцевъ о несходствѣ малолѣтнаго Димитрія съ тѣмъ, кто потомъ назвался его именемъ,—не важны, взятыя отдѣльно: ибо часто люди, знавшіе младенца и увидавшіе потомъ того же человѣка взрослымъ, не могутъ найдти между ними ничего общаго; не важно и свидѣтельство о томъ, что настоящій Димитрій былъ бы гораздо моложе, чѣмъ казался Лжедимитрій: часто человѣкъ можетъ казаться многими годами старѣе или моложе своего настоящаго возраста, а жизнь Димитрія была именно такова, что могла его состарить. Но чрезвычайной важности для насъ свидѣтельства современниковъ, вполнѣ безпристрастныхъ, какъ напримѣръ Буссова, который былъ очень привязанъ къ Лжедимитрію, превозноситъ его достоинства, имѣетъ всѣ побужденія засвидѣтельствовать его правду, его царское происхожденіе, и между тѣмъ свидѣтельствуетъ о противномъ; его свидѣтельство основывается на свидѣтельствѣ Басманова, который больше всѣхъ другихъ имѣлъ причины утверждать законность Лжедимитрія, и, не смотря на то, свидѣтельствуетъ о его самозванствѣ, свидѣтельствуетъ наединѣ, въ разговорѣ съ человѣкомъ довѣреннымъ и привязаннымъ къ царю

Но если тотъ, кто царствовалъ въ Москвѣ подъ именемъ Димитрія, сына царя Іоанна, носилъ это имя незаконно, то раждается вопросъ: въ собственной ли головѣ родилась мысль о самозванствѣ, или она внушена была ему другими? и во второмъ случаѣ, сознательно ли онъ принялъ на себя роль самозванца, или былъ убѣжденъ, что онъ истинный царевичъ? Чтобъ сознательно принять на себя роль самозванца, сдѣлать изъ своего существа воплощенную ложь, надобно быть чудовищемъ разврата, что и доказываютъ намъ характеры самозванцевъ, начиная со втораго. Что же касается до перваго, то въ немъ нельзя не видѣть человѣка съ блестящими способностями, пылкаго, впечатлительнаго, легко увлекающагося: но чудовищемъ разврата его назвать нельзя. Въ поведеніи его нельзя не замѣтить убѣжденія въ законности правъ своихъ: ибо чѣмъ объяснить эту увѣренность, доходившую до неосторожности, эту открытость и

свободу въ поведеніи? чѣмъ объяснить мысль отдать свое дѣло на судъ всей земли, когда онъ созвалъ соборъ для изслѣдованія обличеній Шуйскаго? чѣмъ объяснить въ послѣднія минуты жизни это обращеніе къ матери? на вопросъ разъяренной толпы—точно ли онъ самозванецъ? Димитрій отвѣчалъ: «спросите у матери!» — «Почему, говорятъ, разстрига, сѣвъ на престолѣ, не удовлетворилъ народному любопытству знать всѣ подробности его судьбы чрезвычайной? для чего не объявилъ Россіи о мѣстахъ своего убѣжища, о своихъ воспитателяхъ и хранителяхъ?» Возможность такихъ вопросовъ служитъ самымъ лучшимъ доказательствомъ того, что Лжедимитрій не былъ сознательный обманщикъ. Если бы онъ былъ обманщикъ, а не обманутый, то чего же бы ему стоило сочинить подробности своего спасенія и похожденій? Но онъ этого не сдѣлалъ. Что онъ могъ объявить? могущественные люди, его подставлявшіе, разумѣется, были такъ осторожны, что не дѣйствовали непосредственно; онъ зналъ и говорилъ, что нѣкоторые вельможи спасли его и покровительствуютъ, но именъ ихъ не зналъ; по имени онъ упоминалъ только о дьякахъ Щелкаловыхъ.

Но теперь раждается другой вопросъ: кѣмъ же былъ подставленъ самозванецъ? кто увѣрилъ его въ томъ, что онъ царевичь Димитрій? Кому было выгодно, нужно появленіе самозванца? Оно было выгодно для Польши, Лжедимитрій пришелъ отсюда, слѣдовательно онъ могъ быть подставленъ Польскимъ правительствомъ. Кого же мы должны разумѣть подъ Польскимъ правительствомъ? короля Сигизмунда III-го? но характеръ послѣдняго даетъ ли намъ право приписать ему подобный планъ для заведенія смутъ въ Московскомъ государствѣ? и осторожное, робкое поведеніе Сигизмунда въ началѣ дѣятельности самозванца даетъ ли основаніе предполагать въ королѣ главнаго виновника дѣла? Планъ придуманъ кѣмъ нибудь изъ вельможъ Польскихъ? указываютъ на Льва Сапѣгу, канцлера Литовскаго. Сапѣга два разъ былъ въ Москвѣ посломъ, одинъ разъ при царѣ Ѳеодорѣ, другой при Борисѣ, и въ послѣдній разъ пріѣхалъ изъ Мо-

сквы съ сильнымъ ожесточеніемъ противъ царя; когда самозванецъ объявился у князя Вишневецкаго, то Петровскій, бѣглый Москвичь, слуга Сапѣги, первый явился къ Вишневецкому, призналъ Отрепьева царевичемъ и указалъ примѣты: бородавки на лицѣ и одну руку короче другой. Потомъ Сапѣга является сильнымъ поборникомъ плановъ Сигизмунда противъ Москвы, ожесточеннымъ врагомъ новаго царя Михаила, восшествіе котораго разстроивало его планы; въ царствованіе Михаила, до самой смерти своей, держитъ подъ рукою, наготовѣ, самозванца, несчастнаго Лубу, какъ орудіе смутъ для Москвы. Любопытно, что и нашъ лѣтописецъ злобу Поляковъ и разореніе, претерпѣнное отъ нихъ Московскимъ государствомъ, приписываетъ раздраженію Льва Сапѣги и товарищей его за то, что они видѣли въ Москвѣ много иностраннаго войска. Наконецъ нѣкоторые разсказываютъ, что послѣ сраженія при Добрыничахъ самозванецъ издалъ манифестъ, въ которомъ между прочимъ говорилъ, что былъ въ Москвѣ при посольствѣ Льва Сапѣги; такого манифеста впрочемъ не сохранилось, и въ дошедшемъ до насъ ни слова не упоминается объ этомъ обстоятельствѣ [60]. Какъ бы то ни было, если заподозривать кого нибудь изъ вельможъ польскихъ въ подстановкѣ самозванца, то конечно подозрѣніе прежде всего должно пасть на Льва Сапѣгу; но можно ли заподозривать одного частнаго человѣка въ начинаніи такого дѣла? Гораздо болѣе основанія заподозрить могущественныхъ тогда въ Польшѣ іезуитовъ, которымъ появленіе самозванца, какъ орудія для введенія католицизма въ Московское государство, было очень нужно [61]; на Сапѣгу же можно смотрѣть какъ на повѣреннаго іезуитовъ. Но, принимая это мнѣніе, надобно непремѣнно принять, что самозванецъ былъ человѣкъ воспитанный, подставленный въ польскихъ владѣніяхъ, а не Григорій Отрепьевъ, какъ согласно утверждаютъ всѣ русскія свидѣтельства, отвергнуть которыя чрезвычайно трудно. Очевидцы признавали въ первомъ Лжедимитріи Великороссіянина и грамотѣя, который бѣгло и краснорѣчиво изъяснялся на

московском нарѣчіи, как на родном, четко и красиво писал, латинскую же грамоту знал плохо или почти вовсе не знал: побочный сын Стефана Баторія, воспитанник іезуитских школ, за котораго выдавали его нѣкоторые, не мог бы писать Inperator; когда посол папскій произносил пред ним латинскую рѣчь, то ее должно было переводить ему [62]. Московское правительство при Годуновѣ, Шуйском и при Михаилѣ Өеодоровичѣ постоянно упрекало польское правительство за то, что оно было виновником раззоренія Московскаго государства, помогая Лжедимитрію, и в тоже время постоянно утверждало, что самозванец этот был Москвич, именно Григорій Отрепьев: еслибы была малѣйшая возможность усумниться в этом, то что препятствовало московскому правительству укорить польское за то, что оно прибрало своего Поляка, назвало его царевичем Димитріем и выслало в Московское государство для смуты? Нѣкоторые современники говорили, что монах Григорій Отрепьев играл в дѣлѣ важную роль, был руководителем самозванца; это мнѣніе основывалось на том, что подлѣ самозванца при его появленіи дѣйствительно находился монах, называвшійся Григорьем Отрепьевым; но дѣло объясняется тѣм, что Отрепьев, объявивши себя царевичем, сдал свое прежнее имя монаху Леониду. Что самозванец был Москвич, с которым іезуиты познакомились уже послѣ того, как он объявил себя царевичем, неоспоримо доказывает посланіе папы Павла V к воеводѣ Сендомирскому, гдѣ говорится, что Лжедимитрій обращен в католицизм францисканцами, а не іезуитами [63].

Но если самозванец был человѣк из Москвы, или даже если согласимся, что руководителем его был монах Московскій, то как объясним себѣ возможность для Сапѣги или для іезуитов издалека ковать эту крамолу в Москвѣ? Предполагают, что Сапѣга во время своего пребыванія в Москвѣ, сговорился с боярами о подстановкѣ посредством дьяка Власьева. Слѣдовательно это мнѣніе о

подстановкѣ самозванца іезуитами и Сапѣгою требуетъ, для вѣроятности своей, соединенія съ другимъ мнѣніемъ, высказаннымъ современниками событія, а именно, что самозванецъ былъ подставленъ въ Москвѣ тамошними врагами Бориса. Это послѣднее мнѣніе твердо само по себѣ, не требуетъ никакихъ предположеній, не находится ни въ малѣйшемъ противорѣчіи съ извѣстіями о похожденіяхъ Отрепьева. Принимая это мнѣніе какъ вѣроятнѣйшее, мы, разумѣется, не имѣемъ никакой нужды отвергать участіе Сапѣги или іезуитовъ въ замыслѣ; но должно замѣтить, что если Польшѣ или іезуитамъ было выгодно появленіе самозванца и смута, имѣющая оттого произойти, то внутреннимъ врагамъ Бориса, терзавшимся мыслію, что Годуновъ на престолѣ, грозимымъ ежечасно тяжелою опалою, это появленіе было болѣе чѣмъ выгодно; оно вполнѣ соотвѣтствовало ихъ цѣли, ибо имъ надобно было орудіе, которое было бы такъ могущественно, что могло свергнуть Годунова, и въ тоже время такъ ничтожно, что послѣ легко было отъ него отдѣлаться и очистить престолъ для себя. Мнѣніе о подстановкѣ Самозванца внутренними врагами Бориса высказывается ясно въ не разъ приведенномъ мѣстѣ изъ хронографовъ о Годуновѣ: «навелъ онъ на себя негодованіе чиноначальниковъ всей Русской земли: отсюда много напастныхъ золъ на него возстали и доброцвѣтущую царства его красоту внезапно низложили.» Но не въ однихъ хронографахъ русскіе современники выразили такое мнѣніе. Изъ иностранныхъ писателей, его высказываетъ Буссовъ, оставившій намъ лучшее описаніе событій, которыхъ былъ очевидцемъ, находившійся въ близкихъ сношеніяхъ съ главными дѣятелями. Буссовъ говоритъ также, что самъ царь Борисъ считалъ появленіе самозванца дѣломъ бояръ.

Это мнѣніе о подстановкѣ самозванца внутренними врагами Бориса, кромѣ того, что правдоподобнѣе всѣхъ другихъ само по себѣ, кромѣ того, что высказано современниками, близкими къ дѣлу, имѣетъ за себя еще и то, что вполнѣ согласно съ русскими свидѣтельствами о похожденіи Гри-

горія Отрепьева, свидѣтельствами, которыя, какъ мы видѣли, отвергнуть нѣтъ возможности. И по извѣстіямъ польскимъ, Отрепьевъ, открывая о своемъ происхожденіи князю Вишневецкому, объявилъ, что онъ, спасенный отъ убійцъ, отданъ былъ на воспитаніе къ одному сыну боярскому, а потомъ былъ въ монахахъ [64].

По согласному показанію всѣхъ свидѣтельствъ, правительственныхъ и частныхъ, Юрій Отрепьевъ, перемѣнившій въ монастырѣ это имя на созвучное имя Григорія, былъ сынъ Галицкаго сына боярскаго Богдана Отрепьева, убитаго Литвиномъ въ Москвѣ, въ Нѣмецкой слободѣ. Въ дѣтствѣ является онъ въ Москвѣ, отличается грамотностію, живетъ въ холопяхъ у Романовыхъ и у князя Бориса Черкасскаго, и тѣмъ самымъ становится извѣстенъ царю какъ человѣкъ подозрительный. Бѣда грозитъ молодому человѣку; онъ спасается отъ нея постриженіемъ, скитается изъ монастыря въ монастырь, попадаетъ наконецъ въ Чудовъ, и берется даже къ Іову патріарху для книжнаго письма. Но здѣсь рѣчи молодаго монаха о возможности быть ему царемъ на Москвѣ навлекли на него новую бѣду: Ростовскій митрополитъ Іона донесъ объ нихъ сперва патріарху, и когда тотъ мало обратилъ на нихъ вниманія, самому царю. Борисъ велѣлъ дьяку Смирнову-Васильеву сослать Отрепьева подъ крѣпкимъ присмотромъ въ Кирилловъ монастырь. Лѣтописцу XVII вѣка казалось, что самъ дьяволъ замѣшался въ это дѣло и заставилъ Смирнаго сперва тронуться просьбами другаго дьяка, Семена Ефимьева, а потомъ и совершенно забыть указъ царскій: мы, разумѣется, можемъ объяснить себѣ это дѣло не иначе, какъ тѣмъ, что промыслъ людей сильныхъ бодрствовалъ надъ Григорьемъ и предохранялъ его отъ бѣды. Узнавъ объ опасности, Отрепьевъ убѣжалъ изъ Чудова монастыря въ Галичъ, оттуда въ Муромъ, въ Борисоглѣбскій монастырь, гдѣ настоятель далъ ему лошадь для возвращенія въ Москву.

Въ февралѣ 1602 года, въ понедѣльникъ второй недѣли великаго поста, въ Москвѣ, Варварскимъ крестцомъ шелъ

монахъ Пафнутьева Боровскаго монастыря Варлаамъ; его нагналъ другой монахъ, молодой, и вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій и вопросовъ: кто и откуда? Варлаамъ спросилъ у своего новаго знакомца, назвавшагося Григорьемъ Отрепьевымъ, какое ему до него дѣло? Григорій отвѣчалъ, что, живя въ Чудовомъ монастырѣ, сложилъ онъ похвалу Московскимъ чудотворцамъ, и патріархъ, видя такое досужество, взялъ его къ себѣ, а потомъ началъ брать съ собою и въ царскую думу, и оттого вошелъ онъ Григирій въ великую славу. Но ему не хочется не только видѣть, даже и слышать про земную славу и богатство, и потому онъ рѣшился съѣхать съ Москвы въ дальній монастырь: слышалъ онъ, что есть монастырь въ Черниговѣ, и туда-то онъ хочетъ звать съ собою Варлаама. Тотъ отвѣчалъ Отрепьеву, что если онъ жилъ въ Чудовѣ у патріарха, то въ Черниговѣ ему не привыкнуть: Черниговскій монастырь, по слухамъ, мѣсто не важное На это Григорій отвѣчалъ: «хочу въ Кіевъ, въ Печерскій монастырь, тамъ старцы многіе души свои спасли; а потомъ, поживя въ Кіевѣ, пойдемъ во святой городъ Іерусалимъ, ко гробу Господню.» Варлаамъ возразилъ, что Печерскій монастырь за рубежомъ, въ Литвѣ, а за рубежъ теперь идти трудно — «Вовсе нетрудно, отвѣчалъ Григорій: государь нашъ взялъ миръ съ королемъ на двадцать два года, и теперь вездѣ просто, заставъ нѣтъ.» Тогда Варлаамъ согласился идти вмѣстѣ съ Отрепьевымъ: оба монаха поклялись другъ другу, что не обманутъ, и отложили путь до завтра, уговорившись сойтись въ Иконномъ ряду. На другой день, въ условленномъ мѣстѣ, Варлаамъ нашелъ Отрепьева и съ нимъ третьяго спутника: то былъ чернецъ Мисаилъ, а въ міру звали его Михайла Повадинъ, Варлаамъ знавалъ его у князя Иванъ Ивановича Шуйскаго

Богомольцы счастливо добрались до Новгорода Сѣверскаго, прожили здѣсь не долго въ Преображенскомъ монастырѣ и, сыскавъ провожатаго, какого-то отставнаго монаха, перебрались за границу. Въ Кіевѣ они были приняты въ Пе-

черскомъ монастырѣ, прожили здѣсь три недѣли и отправились въ Острогъ, къ тамошнему владѣльцу князю Василію. Проведши лѣто въ Острогѣ, Варлаамъ и Мисаилъ посланы были княземъ Василіемъ въ Троицкій Дерманскій монастырь; но Григорій не пошелъ туда съ ними: онъ отправился въ городъ Гащу, и скоро товарищи его узнали, что онъ скинулъ съ себя монашеское платье и въ Гащинской школѣ учится по-латыни и по-польски. Варлаамъ ѣздилъ изъ Дерманскаго монастыря въ Острогъ бить челомъ князю Василію, чтобы тотъ велѣлъ взять Григорія изъ Гащи и сдѣлать по старому чернецомъ; но дворовые люди князя отвѣчали ему: «здѣсь земля вольная: кто въ какой вѣрѣ хочетъ, въ той и живетъ»; а самъ князь сказалъ: «вотъ у меня и сынъ родной родился въ православной вѣрѣ, а теперь держитъ латинскую, мнѣ и его не унять» Отрепьевъ зимовалъ въ Гащѣ; но весною, послѣ Свѣтлаго Воскресенья, пропалъ безъ вѣсти: по всѣмъ вѣроятностямъ къ этому времени должно отнести пребываніе его у Запорожцевъ, потомъ встрѣтили его снова въ польскихъ предѣлахъ, въ службѣ у князя Адама Вишневецкаго, которому онъ и нашелъ случай открыть свое царственное происхожденіе, при чемъ показалъ дорогой крестъ, возложенный на него при крещеніи крестнымъ отцомъ, княземъ Мстиславскимъ.

Вишневецкій повѣрилъ и вѣсть о московскомъ царевичѣ, чудесно спасшемся отъ смерти, быстро распространилась между сосѣдними панами. Отрепьевъ долженъ былъ переѣзжать отъ одного изъ нихъ къ другому, и вездѣ принимали его съ царскимъ почетомъ. Особенно понравилось ему въ Самборѣ, гдѣ жилъ богатый Сендомирскій воевода Юрій Мнишекъ, младшая дочь котораго была за мужемъ за Константиномъ, братомъ князя Адама Вишневецкаго. Здѣсь Отрепьевъ пораженъ былъ явленіемъ, до сихъ поръ ему неизвѣстнымъ; онъ увидалъ старшую дочь воеводы Маріанну или Марину, и легко понять, какое впечатлѣніе на пылкаго молодаго человѣка произвело это энергическое существо, въ высшей степени обладавшее тѣми

качествами, которыя давали польской женщинѣ такое видное мѣсто въ обществѣ. Панна Марина Мнишекъ поняла, что ей предстоитъ случай отличнымъ образомъ устроить свою судьбу, принялась за дѣло и скоро овладѣла сердцемъ мнимаго царевича. Мнишки были ревностные католики; принятіе латинства всего болѣе помогало Отрепьеву, ибо становило на его сторону духовенство и особенно могущественныхъ іезуитовъ, и Лжедимитрій позволилъ францисканскимъ монахамъ обратить себя въ католицизмъ, а между тѣмъ слалъ письмо за письмомъ къ папскому нунцію при польскомъ дворѣ, Рангони. Тотъ не отвѣчалъ ни на одно изъ нихъ и, говоря съ королемъ о появленіи царевича, обнаруживалъ полное равнодушіе къ дѣлу; но въ тоже время, съ помощію іезуитовъ и другихъ людей, заботливо сторожилъ за всякимъ движеніемъ Лжедимитрія, справился и въ Москвѣ, есть ли надежда на успѣхъ? Удостовѣрившись въ послѣднемъ, Рангони приказалъ іезуитамъ склонить Сендимирскаго воеводу къ поѣздкѣ въ Краковъ, вмѣстѣ съ царевичемъ — и вотъ Лжедимитрій въ Краковѣ, въ началѣ 1604 года. Наружность искателя московской державы не говорила въ его пользу: онъ былъ средняго или почти низкаго роста, довольно хорошо сложенъ, лице имѣлъ круглое, непріятное, волосы рыжеватые, глаза темноголубые; былъ мраченъ, задумчивъ, неловокъ. Это описаніе наружности Лжедимитріевой, сдѣланное очевидцемъ, сходно съ лучшимъ дошедшимъ до насъ портретомъ Лжедимитрія: и здѣсь видимъ лице очень некрасивое съ задумчиво-грустнымъ выраженіемъ. Рангони очень обрадовался пріѣзду Мнишка и Лжедимитрія; на другой день утромъ они посѣтили его и были приняты чрезвычайно ласково. Въ продолжительномъ разговорѣ съ Отрепьевымъ нунцій далъ ему ясно выразумѣть, что если онъ хочетъ получить помощь отъ Сигизмунда, то долженъ отказаться отъ греческой вѣры и вступить, по своему обѣщанію, въ лоно церкви Римской. Лжедимитрій согласился, и въ слѣдующее воскресенье, въ присутвіи многихъ особъ, далъ торжественную клятву, скрѣплен-

ную рукоприкладствомъ, что будетъ послушнымъ сыномъ апостольскаго престола; послѣ этого Рангони причастилъ его и муропомазалъ, на исповѣди же Отрепьевъ былъ у одного изъ іезуитовъ. Когда Рангони достигъ такимъ образомъ главной цѣли своей, то повезъ новообращеннаго къ королю, и тотъ призналъ его царевичемъ. Король былъ однако въ большомъ затрудненіи: съ одной стороны ему очень хотѣлось завести смуту въ Московскомъ государствѣ, ослабить его опасное могущество, отмстить Борису за его недоброжелательство къ нему относительно дѣлъ шведскихъ, получить большія выгоды отъ Димитрія, посаженнаго на престолъ съ его помощію, наконецъ способствовать введенію католицизма въ Москву; Отрепьевъ говорилъ, что успѣхъ вѣренъ, что бояре за него, іезуиты утверждали то же самое; съ другой стороны, страшно было нарушить перемиріе, оскорбить могущественнаго сосѣда, который, въ случаѣ неудачи дѣла Димитріева, могъ жестоко отмстить за свою обиду наступательнымъ союзомъ съ Швеціею; четверо знаменитѣйшихъ вельможъ: Замойскій, Жолкѣвскій, князь Василій Острожскій, Збаражскій были противъ вмѣшательства въ дѣло. Сигизмундъ рѣшился употребить такую хитрость: онъ призналъ Димитрія Московскимъ царевичемъ, хотя и не публично, назначилъ ему ежегодное содержаніе (40,000 злотыхъ), но не хотѣлъ помогать ему явно войскомъ отъ своего лица, а позволилъ панамъ частнымъ образомъ помогать царевичу. Королю хотѣлось, чтобъ въ челѣ предпріятія былъ князь Збаражскій, воевода брацлавскій, но тотъ никакъ не могъ убѣдить себя въ томъ, что Димитрій истинный царевичъ, и никакъ не соглашался руководить дѣломъ, въ правдѣ котораго не былъ убѣжденъ. Надобно было обратиться къ человѣку, менѣе совѣстливому, а такимъ именно былъ старый воевода Сендомирскій, Юрій Мнишекъ, извѣстный участіемъ своимъ въ грязномъ дѣлѣ расхищенія казны королевской въ послѣднее время Сигизмунда Августа. Природная склонность и привычка къ интригѣ, неразборчивость средствъ, гордость, тщеславіе,—

были господствующими чертами въ характерѣ Сендомирскаго воеводы; и отсюда понятна та грустная роль, которую онъ игралъ въ смутахъ московскихъ, особенно при второмъ Лжедимитріи. Принявъ отъ короля порученіе вести дѣло, Мнишекъ съ торжествомъ привезъ царевича въ Самборъ, гдѣ тотъ предложилъ руку свою Маринѣ. Что онъ былъ дѣйствительно очарованъ ею, и предложилъ ей руку не изъ однихъ корыстныхъ цѣлей, не для того только, чтобъ побудить Мнишка и родню его къ оказанію болѣе дѣятельной помощи, — это мы увидимъ изо всего послѣдующаго поведенія его относительно Марины. Предложеніе было принято, но бракъ отложенъ до утвержденія жениха на престолѣ московскомъ. 25 мая 1604 года Лжедимитрій далъ Мнишку запись, въ которой обязывался жениться на Маринѣ съ такими условіями: 1) тотчасъ по вступленіи на престолъ выдать Мнишку 1,000,000 польскихъ золотыхъ для подъема въ Москву и уплаты долговъ, а Маринѣ прислать брилліанты и столовое серебро изъ казны царской; 2) отдать Маринѣ Великій Новгородъ и Псковъ со всѣми жителями, мѣстами, доходами въ полное владѣніе, какъ владѣли прежніе цари; города эти остаются за Мариною, хоть бы она не имѣла потомства отъ Димитрія, и вольна она въ нихъ судить и рядить, постановлять законы, раздавать волости, продавать ихъ, также строить католическія церкви и монастыри, въ которыхъ основывать школы латинскія, при дворѣ своемъ Марина также вольна держать латинскихъ духовныхъ и безпрепятственно отправлять свое богослуженіе, потому что онъ, Димитрій, соединился уже съ римскою церковію, и будетъ всѣми силами стараться привести и народъ свой къ этому соединенію. Въ случаѣ, если дѣло пойдетъ несчастно, и онъ, Димитрій, не достигнетъ престола въ теченіе года, то Марина имѣетъ право взять назадъ свое обѣщаніе или, если захочетъ, то ждетъ еще годъ. Не прошло мѣсяца, какъ 12 іюня Лжедимитрій долженъ былъ дать другую запись, по которой обязывался уступить Мнишку княжества Смоленское и Сѣверское въ

потомственное владѣніе, и такъ какъ половина Смоленскаго княжества и шесть городовъ изъ Сѣверскаго отойдетъ къ королю, въ чемъ также обязался Димитрій, то Мнишекъ получалъ еще изъ близь лежащихъ областей столько городовъ и земель, чтобы доходы съ нихъ равнялись доходамъ съ городовъ и земель, уступленныхъ королю [65].

Мнишекъ собралъ для будущаго зятя 1600 человѣкъ всякаго сброда въ польскихъ владѣніяхъ; но подобныхъ людей было много въ степяхъ и украйнахъ Московскаго государства, слѣдовательно сильная помощь ждала Самозванца впереди Московскіе бѣглецы, жаждавшіе случая возвратиться безопасно и съ выгодою въ отечество, первые пріѣхали къ нему и провозгласили истиннымъ царевичемъ; Донскіе казаки, стѣсненные при Борисѣ болѣе чѣмъ когда либо прежде, ибо царь не велѣлъ ихъ пускать ни въ одинъ городъ, куда ни пріѣдутъ, вездѣ ихъ ловили и сажали по тюрьмамъ, — Донскіе казаки откликнулись также немедленно на призывъ Лжедимитрія: они отправили къ нему еще въ Польшу двоихъ атамановъ, которые застали его въ Краковѣ, признали законнымъ царевичемъ, обѣщали помощь и исполнили обѣщаніе: 2,000 казаковъ присоединились къ ополченію Лжедимитрія, которое состояло такимъ образомъ изъ 4,000 человѣкъ.

Какъ скоро Лжедимитрій объявился въ Польшѣ, то слухи объ немъ начали съ разныхъ сторонъ приходить въ Москву, и ужаснули Бориса, такъ склоннаго къ испугу; слухи приходили изъ Ливоніи, изъ Польши, отъ Донскихъ казаковъ, которые подняли теперь головы, ограбили одного изъ царскихъ родственниковъ, и послали сказать Годунову, что скоро явятся въ Москвѣ съ законнымъ царемъ. Борисъ началъ провѣдывать, кто былъ этотъ новый врагъ, и къ удивленію своему узналъ, что то былъ извѣстный уже ему прежде Григорій Отрепьевъ, сосланный въ Кирилловъ монастырь; онъ велѣлъ призвать къ себѣ дьяка Смирнаго, и спросилъ, гдѣ монахъ Отрепьевъ? Смирной стоялъ предъ нимъ какъ мертвый и ничего не могъ отвѣчать. Борисъ

велѣлъ считать Смирнова, и начли на него множество дворцовой казны: дьяка вывели на правежъ и засѣкли до смерти.

Борисъ объявилъ прямо боярамъ, что подстановка самозванца ихъ дѣло, велѣлъ привезти въ Москву, въ Новодѣвичій монастырь мать царевича, Мароу, и ѣздилъ къ ней вмѣстѣ съ патріархомъ; что она имъ говорила, неизвѣстно. Между тѣмъ, по приказу и образцу, присланному изъ Москвы, пограничные воеводы разослали къ пограничнымъ державцамъ польскимъ грамоты съ извѣстіями объ Отрепьевѣ; но грамоты эти давали самозванцу и бывшимъ при немъ русскимъ людямъ возможность уличать показанія московскаго правительства во лживости и противорѣчіи другъ другу. Такъ въ 1604 году прислана была грамота къ старостѣ Остерскому отъ Черниговскаго воеводы князя Кашина-Оболенскаго, гдѣ говорилось, что царевичъ Димитрій самъ зарѣзался въ Угличѣ, тому лѣтъ 16, ибо случилось это въ 1588 году, и погребли его въ Угличѣ же, въ соборной церкви Богородицы; а теперь монахъ изъ Чудова монастыря, вышедшій въ Польшу въ 1593 году, называется царевичемъ. Москвичи, бывшіе при самозванцѣ, доказывали Полякамъ, что вмѣсто царевича убили другаго ребенка въ Угличѣ въ 1591 году, и похоронили его въ соборной церкви Св. Спаса, а не Богородицы, которой церкви нѣтъ вовсе въ Угличѣ, доказывали многими свидѣтельствами, что царевичъ ихъ вышелъ въ Польшу въ 1601 (?) году, а не въ 1593. Потомъ уже въ 1605 году пришла грамота, въ которой говорилось, что царевичъ умеръ въ Угличѣ тому лѣтъ 13, а князь Татевъ писалъ изъ Чернигова, что это происшествіе случилось тому 14 лѣтъ назадъ. Въ то же время Поляки все больше и больше убѣждались въ справедливости показаній Лжедимитрія, ибо изъ Москвы приходили къ нему вѣсти о всѣхъ замыслахъ Борисовыхъ, приходили призывы, просьбы, чтобъ шелъ скорѣе къ границамъ московскимъ. Въ грамотахъ воеводъ Борисовыхъ говорилось, что еслибы Димитрій и дѣйствительно былъ живъ, то онъ не отъ законной жены царя Іоанна родился: но въ Польшѣ

хорошо было извѣстно, что Димитрій родился отъ царицы, которая была обвѣнчана съ Іоанномъ, всѣ привыкли къ повтореніямъ, что послѣ Грознаго осталось двое сыновей — Ѳедоръ и Димитрій. Между многими свидѣтелями въ пользу Лжедимитрія явились два свидѣтеля противъ него: спутникъ его Варлаамъ, слѣдя за нимъ повсюду, пробрался въ Краковъ и (если вѣрить его собственному показанію), объявилъ королю, что человѣкъ, котораго привозилъ сендомирскій воевода, не царевичъ, а монахъ, Гришкою зовутъ, прозвищемъ Отрепьевъ, и шелъ съ нимъ, Варлаамомъ, вмѣстѣ изъ Москвы. Король и паны радные ему не повѣрили и отослали его въ Самборъ къ Мнишку; туда же явился другой обличитель, сынъ боярскій Яковъ Пыхачевъ; Лжедимитрій (какъ показываетъ тотъ же Варлаамъ) сталъ говорить, что оба они подосланы Годуновымъ, чтобъ его убить, вслѣдствіе чего Пыхачева казнили смертію, а Варлаама бросили въ тюрьму, изъ которой, послѣ ухода самозванца и Мнишка, онъ былъ освобожденъ женою послѣдняго и дочерью Мариною. Почему сдѣлано было такое различіе, что Пыхачева казнили, а Варлаама посадили только въ тюрьму, и по какому побужденію невѣста Димитріева и ея мать освободили Варлаама — неизвѣстно. Борисъ придумалъ послать въ Польшу болѣе сильнаго обличителя. Отъ имени бояръ московскихъ онъ отправилъ къ польскимъ панамъ раднымъ дядю самозванцева, Смирнаго Отрепьева; что же случилось? Въ грамотѣ, привезенной Смирнымъ, не оказалось ни одного слова о самозванцѣ! даже вопреки обычаю, не было означено имени гонца, написаны были только жалобы, что судьи королевскіе не выѣзжаютъ на границы, жалобы на грабежи пограничные, на новыя мыта! Сохранилось также любопытное извѣстіе, что бояре отправили къ королю тайно Ляпунова, племянника знаменитаго въ послѣдствіи Прокофья, который обнадежилъ крѣпко Поляковъ, и отъ имени бояръ просилъ короля, чтобы тотъ помогъ самозванцу. Къ королю былъ отправленъ Посникъ Огаревъ съ слѣдующею грамотою: «Въ вашемъ государствѣ

объявился воръ разстрига, а прежде онъ былъ дьякономъ въ Чудовѣ монастырѣ и у тамошняго архимандрита въ келейникахъ, изъ Чудова былъ взятъ къ патріарху для письма, а когда онъ былъ въ міру, то отца своего не слушался, впалъ въ ересь, разбивалъ, кралъ, игралъ въ кости, пилъ, нѣсколько разъ убѣгалъ отъ отца своего и наконецъ постригся въ монахи, не отставши отъ своего прежняго воровства, отъ чернокнижества и вызыванія духовъ нечистыхъ. Когда это воровство въ немъ было найдено, то патріархъ съ освященнымъ соборомъ осудили его на вѣчное заточеніе въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь; но онъ съ товарищами своими, попомъ Варлаамомъ и клирошаниномъ Мисаиломъ Повадинымъ ушелъ въ Литву. И мы дивимся, какимъ обычаемъ такого вора въ вашихъ государствахъ приняли и повѣрили ему, не пославши къ намъ за вѣрными вѣстями. Хотя бы тотъ воръ и подлинно былъ князь Димитрій Углицкій, изъ мертвыхъ воскресшій, то онъ не отъ законной, отъ седьмой жены.» Годуновъ требовалъ, чтобы король велѣлъ казнить Отрепьева и совѣтниковъ его. Отъ имени короля объявили Огареву, что Димитрій не получаетъ никакой помощи отъ польскаго правительства и помощники его будутъ наказаны. Патріархъ Іовъ отправилъ отъ себя Аѳанасья Пальчикова къ князю Острожскому убѣждать его во имя православія не помогать разстригѣ: князь отпустилъ Пальчикова безъ отвѣта. Наконецъ патріархъ и все духовенство отправили Андрея Бунакова къ духовенству польскому съ увѣщаніемъ неблагопріятствовать смутѣ: Бунаковъ былъ задержанъ на границѣ въ Оршѣ. Лжедимитрій не остался въ долгу у Годунова, и послалъ къ нему грамоту, въ которой прописывалъ его преступленія и увѣщевалъ къ покаянію: «Жаль намъ, что ты душу свою, по образу Божію сотворенную, такъ осквернилъ, и въ упорствѣ своемъ гибель ей готовишь: развѣ не знаешь, что ты смертный человѣкъ? Надобно было тебѣ, Борисъ, удовольствоваться тѣмъ, что Господь Богъ далъ: но ты, въ противность воли Божіей, будучи нашимъ подданнымъ,

укралъ у насъ государство съ дьявольскою помощію. Сестра твоя, жена брата нашего, доставила тебѣ управленіе всѣмъ государствомъ, и ты, пользуясь тѣмъ, что братъ нашъ по большей части занимался службою Божіею, лишилъ жизни нѣкоторыхъ могущественнѣйшихъ князей подъ разными предлогами, какъ-то князей Шуйскихъ — Ивана и Андрея, потомъ лучшихъ горожанъ столицы нашей и людей, приверженныхъ къ Шуйскимъ; царя Симеона лишилъ зрѣнія, сына его Ивана отравилъ; ты не пощадилъ и духовенства: митрополита Діонисія сослалъ въ монастырь, сказавши брату нашему Өедору, что онъ внезапно умеръ, а намъ извѣстно, что онъ и до сихъ поръ живъ, и что ты облегчилъ его участь по смерти брата нашего; погубилъ ты и другихъ, которыхъ имени не упомнимъ, потому что мы были тогда не въ совершенныхъ лѣтахъ. Но хотя мы были и малы, помнишь однако, сколько разъ въ грамотахъ своихъ мы тебѣ напоминали, чтобъ ты подданныхъ нащихъ не губилъ; помнишь, какъ мы отправили приверженца твоего Андрея Клешнина, котораго прислалъ къ намъ въ Угличъ братъ нашъ Өедоръ, и который, справивъ посольство, оказалъ къ намъ неуваженіе, въ надеждѣ на тебя. Это было тебѣ очень не по нраву, мы были тебѣ препятствіемъ къ достиженію престола, и вотъ, изгубивши вельможъ, началъ ты острить ножъ и на насъ, подговорилъ дьяка нашего Михайлу Битяговскаго и 12 спальниковъ съ Никитою Качаловымъ и Осипомъ Волоховымъ, чтобы насъ убили; ты думалъ, что за одно съ ними былъ и докторъ нашъ Симеонъ, но по его старанію мы спасены были отъ смерти, тобою намъ приготовленной. Брату нашему ты сказалъ, что мы сами зарѣзались въ припадкѣ падучей болѣзни; ты знаешь, какъ братъ нашъ горевалъ объ этомъ; онъ приказалъ тѣло наше въ Москву принести, но ты подговорилъ патріарха, и тотъ сталъ утверждать, что не слѣдуетъ тѣла самоубійцы хоронить вмѣстѣ съ помазанниками Божіими; тогда братъ нашъ самъ хотѣлъ ѣхать на похороны въ Угличъ, но ты сказалъ ему, что въ Угличѣ повѣтріе боль-

шое, а съ другой стороны подвелъ Крымскаго хана: у тебя было вдвое больше войска, чѣмъ у непріятеля, но ты расположилъ его въ обозѣ подъ Москвою и запретилъ своимъ подъ смертною казнію нападать на непріятеля; смотрѣвши три дня въ глаза Татарамъ, ты отпустилъ ихъ на свободѣ, и ханъ вышелъ за границы нашего государства, не сдѣлавши ему никакого вреда; ты возвратился послѣ этого домой, и только на третій день пустился за нимъ въ погоню. А когда Андрей Клобуковъ перехваталъ зажигальщиковъ, и они объявили, что ты велѣлъ имъ жечь Москву, то ты научилъ ихъ оговорить въ этомъ Клобукова, котораго велѣлъ схватить и на пыткѣ замучить. По смерти брата нашего (которою ты ускорилъ), началъ ты подкупать большими деньгами убогихъ, хромыхъ, слѣпыхъ, которые повсюду начали кричать, чтобы ты былъ царемъ; но когда ты воцарился, то доброту твою узнали Романовы, Черкаскіе, Шуйскіе. Опомнись и злостью своей не побуждай насъ къ большему гнѣву; отдай намъ наше, и мы тебѣ, для Бога, отпустимъ всѣ твои вины и мѣсто тебѣ спокойное назначимъ: лучше тебѣ на этомъ свѣтѣ что-нибудь претерпѣть, чѣмъ въ аду вѣчно горѣть за столько душъ, тобою погубленныхъ».

Что же дѣлалъ Борисъ, какъ приготовлялся къ борьбѣ, въ которой однихъ матеріальныхъ силъ было недостаточно? Новый врагъ былъ не ханъ Крымскій, не король Польскій или Шведскій: развертывая свитокъ, исписанный преступленіями, вскрывая душу царя, страшный врагъ звалъ его на судъ Божій. Въ Москвѣ патріархъ Іовъ и князь Василій Шуйскій уговаривали народъ не вѣрить слухамъ о царевичѣ, который дѣйствительно погибъ въ Угличѣ, и онъ, князь Шуйскій, самъ погребалъ его, а идетъ воръ Гришка Отрепьевъ подъ царевичевымъ именемъ. Но народъ не вѣрилъ ни патріарху, ни Шуйскому; въ толпѣ слышались слова: «Говорятъ они это поневолѣ, боясь царя Бориса, а Борису нечего другаго говорить: если этого ему не говорить, такъ надобно царство оставить и о животѣ своемъ

промышлять.» По областямъ только въ генварѣ 1605 года патріархъ разослалъ духовенству приказъ пѣть молебны, чтобъ Господь Богъ отвратилъ свой праведный гнѣвъ, не далъ бы Россійскаго государства и Сѣверской области въ расхищенье и плѣнъ поганымъ Литовскимъ людямъ, не далъ бы ихъ въ Латинскую ересь превратить. Велѣно было читать въ церквахъ народу, что «Литовскій король Жигимонтъ преступилъ крестное цѣлованіе и, умысля съ панами радными, назвалъ страдника, вора, бѣглаго чернеца разстригу, Гришку Отрепьева, княземъ Димитріемъ Углицкимъ, для того, чтобъ имъ, бѣсовскимъ умышленіемъ своимъ, въ Россійскомъ государствѣ церкви Божіи раззорить, костелы Латынскіе и Люторскіе поставить, вѣру христіанскую попрать и православныхъ христіанъ въ Латынскую и Люторскую ересь привести и погубить. А намъ и вамъ и всему міру подлинно вѣдомо, что князя Дмитрія Ивановича не стало на Угличѣ тому теперь 14 лѣтъ, и теперь лежитъ на Угличѣ въ соборной церкви; на погребеніи его была мать его и ея братья. отпѣвалъ Геласій митрополитъ съ освященнымъ соборомъ, а великій государь посылалъ на погребеніе бояръ своихъ, князя Василья Ивановича Шуйскаго съ товарищами. И то не явное ли ихъ злодѣйское умышленье, воровство и бѣсовскія мечты? Статочное ли то дѣло, что князю Дмитрію изъ мертвыхъ воскреснуть прежде общаго воскресенія? А дѣлаютъ это Сигизмундъ король и паны радные своимъ умышленіемъ, для того, чтобъ сѣверской земли городовъ доступить къ Литвѣ, для того страдника назвали княземъ Дмитріемъ; а страдникъ этотъ разстрига, вѣдомый воръ, въ мірѣ звали его Юшкомъ Богдановъ сынъ Отрепьевъ, жилъ у Романовыхъ во дворѣ, и заворовавшись, отъ смертной казни постригся въ чернецы, былъ по многимъ монастырямъ, въ Чудовѣ монастырѣ въ дьяконахъ, да и у меня, Іова патріарха, во дворѣ для книжнаго письма побылъ въ дьяконахъ же; а послѣ того сбѣжалъ съ Москвы въ Литву съ товарищами, чудовскими чернецами, съ попомъ Варлаамомъ Яцкимъ да съ клирошаниномъ Мисаиломъ Повадинымъ; былъ

тотъ Гришка Отрепьевъ въ Кіевѣ, въ Печерскомъ и Никольскомъ монастыряхъ въ дьяконахъ, потомъ отвергся христіанской вѣры, иноческій образъ попралъ, платье съ себя черническое скинулъ и уклонился въ Латынскую ересь, впалъ въ чернокнижіе и вѣдовство, и, по призыванію бѣсовскому и по умышленію короля Сигизмунда и литовскихъ людей, сталъ Дмитріемъ царевичемъ ложно называться. Товарищи его воры, которые за рубежъ его проводили и въ Литвѣ съ нимъ знались, чернецъ Пименъ, да чернецъ Венедиктъ да Ярославецъ Степанко иконникъ предо мною патріархомъ на соборѣ сказывали: чернецъ Пименъ сказывалъ, что познакомился съ Гришкою Отрепьевымъ въ Новгородѣ Сѣверскомъ и проводилъ его за Литовскій рубежъ; чернецъ Венедиктъ сказалъ, что видѣлъ вора Гришку въ Кіевѣ, въ Печерскомъ и Никольскомъ монастыряхъ въ чернецахъ, и у князя Острожскаго былъ въ дьяконахъ, и послѣ того присталъ къ Лютарямъ, уклонился въ ересь и чернокнижье, сталъ воровать у Запорожскихъ Черкасъ, въ чернецахъ мясо ѣсть: и онъ Венедиктъ извѣщалъ на него Печерскому игумену; и Печерскій игуменъ посылалъ къ козакамъ этого вора схватить, и онъ, узнавъ про то своими бѣсовскими мечтами, скрылся и ушелъ къ князю Адаму Вишневецкому и, по сатанинскому ученью, по Вишневецкихъ князей воровскому умышленью и по королевскому велѣнью, сталъ называться княземъ Дмитріемъ». Патріаршая грамота оканчивалась такъ: «Вы бы эту грамоту велѣли прочесть всѣмъ и того разстиргу Гришку и его воровскихъ совѣтниковъ и государевыхъ измѣнниковъ, которые тому вору послѣдуютъ, и впередъ кто станетъ на то прельщаться и ему вѣрить, соборно и всенародно прокляли и впередъ проклинать велѣли, да будутъ они всѣ прокляты въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ. А мы здѣсь въ царствующемъ градѣ Москвѣ соборно и со всѣми православными христіанами, также ихъ вѣчному проклятію предали и впередъ проклинать повелѣваемъ [66]».

Только въ генварѣ 1605 года сѣверныя Русскія области

были увѣдомлены правительствомъ о *Лжедимитріи*, тогда какъ южныя давно уже волновались его подметными грамотами. «Люди, которые въ государствѣ за ихъ богомерзкія злодѣйскія дѣла приговорены были на сожженіе, а другіе къ ссылкѣ, бѣжали въ Литовскую землю за рубежъ, и злые плевелы еретическіе сѣяли, между царствъ вражду и ссору дѣлали; и въ сѣверской странѣ мужики Севрюки люди простые, забывъ Бога и душу свою, повѣря Сендомирскому воеводѣ съ товарищи, что паны радные, начали приставать къ вору». Подметныя грамоты провозились въ мѣшкахъ съ хлѣбомъ, котораго доставлялось тогда много изъ Литвы по случаю дороговизны. Такимъ образомъ заставы, поставленныя подъ предлогомъ мора, а въ самомъ дѣлѣ для перехватыванія подозрительныхъ людей съ вѣстями о Димитріи, не помогали. Борисъ велѣлъ двинуться и войскамъ въ Ливны подъ предлогомъ нашествія Крымцевъ, но воеводы этого ополченія, Петръ Шереметевъ и Михайла Салтыковъ, сказали Хрущову (посланному на Донъ уговаривать козаковъ), «что трудно противъ природнаго государя воевать». Въ Москвѣ были схвачены Василій Смирновъ и Меньшой Булгаковъ за то, что на пиру пили здоровье Димитрія; а между тѣмъ въ народѣ шли разговоры о странныхъ явленіяхъ, предвѣщавшихъ что-то удивительное: на небѣ по ночамъ сражались другъ съ другомъ огненныя полчища, являлось по два мѣсяца, по три солнца; неслыханныя бури сносили верхи башенъ и кресты съ церквей, у людей и животныхъ раждались уроды; птица и рыба, приготовленныя для стола, теряли свой настоящій вкусъ; собака пожрала другую собаку, волкъ волка; волки ходили огромными стаями и выли страшнымъ образомъ; лисицы среди бѣлаго дня бѣгали по Москвѣ; лѣтомъ 1604 года показалась яркая комета: Борисъ призвалъ старика астролога, котораго выписалъ изъ Лифляндіи, и велѣлъ дьяку Аѳанасію Власьеву спросить у него, что это значитъ? Астрологъ отвѣчалъ, что Господь Богъ этими новыми звѣздами и кометами остерегаетъ государей: пусть и царь теперь остережется и вни-

мательно смотритъ за тѣми, кому довѣряетъ, пусть велитъ крѣпко беречь границы отъ чужеземныхъ гостей.

Опасные гости въ самомъ дѣлѣ шли къ границамъ Московскаго государства: 15 августа 1604 года Лжедимитрій выступилъ въ походъ. Подъ Глинянами Поляки, сопровождавшіе его собрались въ коло и выбрали гетманомъ Юрія Мнишка, выбрали и полковниковъ. Войско князя Острожскаго слѣдило за ними до самаго Днѣпра и заставляло ихъ не спать по цѣлымъ ночамъ.

Въ октябрѣ 1604 года Лжедимитрій вошелъ въ области Московскаго государства. Жители перваго пограничнаго города, Моравска, узнавъ, что идетъ царь съ польскимъ войскомъ, стали волноваться, и, больше изъ страха, чѣмъ по доброй волѣ, отправили къ Димитрію пословъ съ покорностію, и присягнули ему. Козаки, которые всегда шли впередъ главнаго войска, приблизились къ Чернигову и были встрѣчены выстрѣлами; но потомъ, узнавши, что Моравскъ сдался, Черниговцы вступили въ переговоры и связали воеводу, не хотѣвшаго сдаваться царевичу. Не смотря на то, козаки, до прихода главнаго войска, бросились на посадъ и выграбили его. Димитрій послалъ сказать имъ, чтобъ отдали добычу: иначе онъ поведетъ противъ нихъ рыцарство; козаки долго ругались и отговаривались, однако принуждены были возвратить добычу, хотя и не всю. Черниговъ поддался; но не поддался Новгородъ Сѣверскій, гдѣ засѣлъ воевода, Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ, любимецъ Годунова, который возвысилъ его наперекоръ мѣстничеству. На требованіе сдачи, изъ Новгорода Сѣверскаго отвѣчали Полякамъ: «А...... дѣти! пріѣхали на наши деньги съ воромъ»! Басмановъ отбилъ приступъ, не далъ зажечь города, и нетерпѣливый Лжедимитрій, раздраженный помѣхою, началъ укорять Поляковъ: «Я думалъ больше о Полякахъ, говорилъ онъ; а теперь вижу, что они такіе же люди, какъ и другіе». Рыцарство отвѣчало ему: «Мы не имѣемъ обязанности брать городовъ приступомъ, однако не отказываемся и отъ этого, пробей только отверстіе въ стѣнѣ». Поляки

хотѣли было уже покинуть его, какъ пришла вѣсть, что воевода князь Василій Рубецъ Мосальскій сдалъ Путивль, самый важный городъ въ Сѣверской землѣ. Примѣру Путивля послѣдовали другіе Украинскіе города, и на протяженіи 600 верстъ отъ запада къ востоку Лжедимитрій уже признавался истиннымъ царевичемъ. Народъ видѣлъ этого царевича, окруженнаго Поляками, но видѣлъ и усердіе его къ вѣрѣ православной: такъ онъ велѣлъ принести въ Путивль изъ Курска чудотворную икону Богородицы, встрѣтилъ ее съ честію и поставилъ въ своихъ палатахъ и каждый день горячо молился передъ нею; эта икона сопровождала его и въ Москву, гдѣ онъ держалъ ее также во дворцѣ. Царскій воевода, бояринъ князь Дмитрій Шуйскій, стоялъ неподвижно у Брянска, не помогалъ Басманову и писалъ царю, что надобно выслать больше войска. Борисъ велѣлъ набирать полки, но въ приговорѣ объ этомъ наборѣ долженъ былъ признаться, что «войска очень оскудѣли: одни прельщенные воромъ, передались ему; многіе козаки, позабывъ крестное цѣлованіе, измѣнили, иные отъ долгаго стоянія изнурились и издержались, по домамъ разошлись; многіе люди, имѣя великія помѣстья и отчины, службы не служатъ ни сами, ни дѣти ихъ, ни холопи, живутъ въ домахъ, не заботясь о гибели царства и святой церкви. Мы судили и повелѣли, продолжаетъ царь, чтобы всѣ патріаршіе, митрополичьи, архіепископскіе, епископскіе и монастырскіе слуги, сколько ни есть ихъ годныхъ, немедленно собравшись, съ оружіемъ и запасами, шли въ Калугу; останутся только старики да больные».

Новая рать была поручена первому боярину, князю Ѳедору Ивановичу Мстиславскому, который сошелся съ войсками самозванца подъ Новгородомъ Сѣверскимъ 18 декабря: царскаго войска было отъ 40 до 50,000, у Самозванца же не болѣе 15,000. И прежде, при недостаткѣ ратнаго искусства, многочисленность Московскихъ войскъ мало оказывала пользы въ чистомъ полѣ, а теперь шаткость, недоумѣніе отнимали нравственныя силы у воеводъ и воиновъ;

мы видѣли, какъ Шереметевъ и Салтыковъ еще прежде говорили, что трудно сражаться съ прирожденнымъ государемъ; послѣ этого легко понять, почему, какъ выражается очевидецъ, у Русскихъ не было рукъ для сѣчи. Мстиславскій подступилъ къ стану Самозванца, но медлилъ, ожидая еще подкрѣпленія: 50,000 противъ 15,000 казалось ему еще мало! Лжедимитрій не хотѣлъ медлить: 21 декабря, одушевивъ свое войско рѣчью, которая дышала полною увѣренностью въ правотѣ дѣла, онъ ударилъ на царское войско, которое тотчасъ дрогнуло, Мстиславскій былъ смятъ въ общемъ разстройствѣ, сбитъ съ лошади, получилъ нѣсколько ранъ въ голову; царское войско потеряло 4000 человѣкъ убитыми, и только неопытность Лжедимитрія въ ратномъ дѣлѣ помѣшала ему нанесть Мстиславскому совершенное пораженіе. Обозрѣвая послѣ битвы поле сраженія и видя столько труповъ съ Русской стороны, Лжедимитрій заплакалъ [67].

Не смотря однако на эту побѣду, которая по настоящему должна была бы сильно возвысить духъ въ подвижникахъ Лжедимитрія, дѣла его грозили принять очень дурной оборотъ. Левъ Сапѣга писалъ Мнишку, что въ Польшѣ на его предпріятіе смотрятъ очень дурно, и совѣтовалъ возвратиться; и Мнишекъ, подъ предлогомъ сейма, сталъ сбираться въ Польшу; рыцарство начало требовать у Лжедимитрія денегъ: «Если не дашь, то ѣдемъ всѣ въ Польшу», — кричало оно. Рота Фредрова сказала ему: «Дай только намъ, а другимъ не давай: другіе смотрятъ на насъ, и останутся, если мы останемся.» Лжедимитрій повѣрилъ, далъ деньги одной ротѣ; но другія, узнавъ объ этомъ, еще больше взволновались, и когда Мнишекъ выѣхалъ изъ обоза, то за нимъ поѣхала большая часть Поляковъ. Лжедимитрій ѣздилъ отъ одной роты къ другой, уговаривая рыцарство остаться, но встрѣчалъ только оскорбленія: одинъ Полякъ сказалъ ему: «Дай Богъ, чтобъ посадили тебя на колъ.» Лжедимитрій далъ ему за это въ зубы, но этимъ не унялъ рыцарство, которое стащило съ него соболью шубу;

Русскіе приверженцы царевича должны были потомъ выкупать ее. Съ Лжедимитріемъ осталось только 1500 Поляковъ, которые вмѣсто Мнишка выбрали гетманомъ Дворжицкаго. Но эта убыль въ войскѣ скоро была вознаграждена: пришло 12,000 казаковъ Малороссійскихъ, съ которыми самозванецъ засѣлъ въ Сѣвскѣ.

Такъ какъ главный воевода, князь Мстиславскій, былъ раненъ, то другіе воеводы, князь Дмитрій Шуйскій съ товарищами, не позаботились извѣстить царя о битвѣ подъ Новгородомъ Сѣверскимъ. Борисъ узналъ объ ней стороною, и тотчасъ послалъ къ войску чашника Вельяминова-Зернова съ рѣчью и милостивымъ словомъ. Посланный говорилъ Мстиславскому: «Государь и сынъ его жалуютъ тебя, велѣли тебѣ челомъ ударить; да жалуютъ тебя, велѣли о здоровьѣ спросить » Потомъ, упомянувъ о сраженіи и ранахъ Мстиславскаго, посланный продолжалъ отъ имени царя: «и ты то сдѣлалъ, бояринъ нашъ князь Ѳеодоръ Ивановичъ! помня Бога и крестное цѣлованье, что пролилъ кровь свою за Бога, Пречистую Богородицу, за великихъ чудотворцевъ, за святыя Божіи церкви, за насъ и за всѣхъ православныхъ христіанъ: и если дастъ Богъ, службу свою довершишь и увидишь образъ Спасовъ, Пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцевъ и наши царскія очи: то мы тебя, за твою прямую службу, пожалуемъ великимъ своимъ жалованьемъ, чего у тебя и на умѣ нѣтъ » Съ тѣмъ же посланнымъ Борисъ отправилъ Мстиславскому для леченія ранъ медика и двоихъ антекарей. Князю Димитрію Шуйскому съ товарищами царь велѣлъ поклониться, но прибавить: «Слухъ до насъ дошелъ, что у васъ, бояръ нашихъ и воеводъ, съ крестопреступниками Литовскими людьми и съ разстригою было дѣло; а вы къ намъ не писали, какимъ обычаемъ дѣло дѣлалось: и вы то дѣлаете не гораздо, вамъ бы о томъ къ намъ отписать вскорѣ.» У дворянъ, дѣтей боярскихъ и всѣхъ ратныхъ людей царь и сынъ его велѣли также спросить о здоровьѣ. Такое благоволеніе могло быть оказано войску только за самую блистатель-

ную побѣду; слѣдовательно здѣсь обнаружилась вся робость Годунова предъ опасностью, робость, заставившая его унизиться до ласкательства предъ войскомъ. Если и разбитое войско получило знаки царскаго благоволенія, то понятно, что Борисъ спѣшилъ осыпать милостями воеводу, который одинъ исполнилъ свою обязанность какъ должно, Басманова, защитника Новгорода Сѣверскаго: онъ былъ вызванъ въ Москву, куда имѣлъ торжественный въѣздъ, получилъ боярство, богатое помѣстье, множество денегъ и подарковъ, не въ примѣръ больше, чѣмъ первый воевода, сидѣвшій въ Новгородѣ, князь Никита Трубецкой.

На помощь къ больному отъ ранъ Мстиславскому былъ посланъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій, который при появленіи Самозванца, торжественно, съ Лобнаго мѣста, свидѣтельствовалъ предъ Московскимъ народомъ, что истинный царевичъ умеръ и погребенъ имъ, Шуйскимъ. Самозванецъ вышелъ изъ Сѣвска, и 21 января 1605 года ударилъ на царское войско при Добрыничахъ, но, не смотря на храбрость необыкновенную, потерпѣлъ пораженіе вслѣдствіе многочисленности наряда въ царскомъ войскѣ. Знаменитый въ послѣдствіи Михайла Борисовичъ Шеинъ, бывшій тогда въ званіи чашника, привезъ царю въ Троицкій монастырь вѣсть о побѣдѣ, и былъ пожалованъ за такую радость въ окольничіе; воеводы получили золотые, войску роздано 80,000 рублей; въ письмѣ къ воеводамъ Борисъ употреблялъ обычную фразу, что готовъ раздѣлить съ вѣрными слугами послѣднюю рубашку. Но радость Бориса не была продолжительна: скоро пришли вѣсти о шаткости жителей Смоленска, этой неприступной ограды Московскаго государства; царь послалъ выговоръ Смоленскимъ воеводамъ, зачѣмъ они поступаютъ милостиво и совѣстятся пытать людей духовныхъ? «Вы это дѣлаете не гораздо, что такія дѣла ставите въ оплошку, а пишете, что у дьякона некому спять скуфьи и за тѣмъ его не пытали; вамъ бы велѣть пытать накрѣпко и огнемъ жечь.»

Пришли вѣсти, что и самозванецъ не истребленъ оконча-

тельно, а усиливается. Послѣ пораженія при Добрыничахъ самозванецъ заперся въ Путивлѣ, и видя малочисленность своего войска, хотѣлъ было уѣхать въ Польшу; но теперь между Русскими было уже много людей, которые тѣсно соединили свою судьбу съ его судьбою и которые не хотѣли бѣжать въ Польшу, ни отдаваться въ руки Борису; они удержали Лжедимитрія, грозя, что могутъ спасти себя, выдавъ его живымъ Годунову, утверждали, что не смотря на пораженіе, средствъ у него еще много, что у Бориса много враговъ. Враги Бориса, которымъ нужно было поддержать самозванца, не замедлили предложить послѣднему свою помощь: 4000 Донскихъ козаковъ явилось въ Путивль. Что же дѣлали въ это время царскіе воеводы? Они пошли осаждать Рыльскъ; но тутъ Поляки распустили слухъ, что къ нимъ на помощь идетъ Жолкѣвскій, гетманъ польный; языкъ сообщилъ эту вѣсть царскимъ воеводамъ, которые испугались, отступили поспѣшно отъ Рыльска, стали въ Комарницкой волости, и начали страшно мстить ея жителямъ за приверженность къ Лжедимитрію: не было пощады ни старикамъ, ни женщинамъ, ни дѣтямъ, что, разумѣется, еще болѣе усилило ненависть Севрюковъ къ Борису и привязанность ихъ къ Лжедимитрію. Недѣятельность воеводъ разсердила царя: онъ послалъ сказать воеводамъ, что они ведутъ дѣло нерадиво: столько рати побили, а Гришку не поймали. Бояре и все войско оскорбились; въ войскѣ, по словамъ лѣтописца, стало мнѣніе и ужасъ отъ царя Бориса, и съ той поры многіе начали думать, какъ бы царя Бориса избыть и служить окаянному Гришкѣ. Такъ при шаткости, при усобицѣ, первая немилость со стороны одного соперника уже производила сильное неудовольствіе, заставляла многихъ думать, какъ бы избыть немилостиваго государя; уже многіе начали смотрѣть на свою службу, не какъ на необходимую обязанность въ отношеніи къ царю и царству, но какъ на милость, которую они оказывали Борису, и при первомъ неудовольствіи начинали думать объ отступленіи отъ него; при появленіи соперника царю тождество царя и

царства рушились и возвращалось безнарядное время многовластія, когда вольно было переходить отъ одного знамени къ другому.

Побуждаемые царемъ воеводы пошли осаждать Кромы, гдѣ засѣлъ приверженецъ Лжедимитрія Акинѳіевъ да Донскіе козаки съ атаманомъ Корелою. Воеводы, по словамъ иностранца очевидца, Маржерета, при осадѣ Кромъ занимались дѣлами, достойными одного смѣха; но Русскій лѣтописецъ говоритъ еще о другихъ дѣлахъ, достойныхъ не одного смѣха: когда деревянная стѣна Кромъ уже сгорѣла и нужно было порѣшить дѣло, извѣстный намъ Михайла Глѣбовичъ Салтыковъ, велѣлъ отвезти нарядъ отъ крѣпости «норовя окаянному Гришкѣ». Къ шаткости, ослабленію нравственному присоединилось еще бѣдствіе физическое, открылась сильная смертность въ станѣ царскомъ: Борисъ прислалъ лѣкарства ратнымъ людямъ, а между тѣмъ попытался отдѣлаться отъ самозванца отравою, подослалъ къ нему въ Путивль монаховъ съ зельемъ; но умыселъ былъ открытъ, и скоро разнеслась вѣсть о смерти самого Бориса: 13 апрѣля, когда онъ всталъ изъ-за стола, кровь хлынула у него изо рта, ушей и носа, и послѣ двухчасовыхъ страданій онъ умеръ, постриженный въ монахи подъ именемъ Боголѣпа. Понесся слухъ, что онъ погибъ отъ яда, собственною рукою приготовленнаго.

Послѣ Бориса остался сынъ Ѳедоръ, который, по отзыву современниковъ, хотя былъ и молодъ, но смысломъ и разумомъ превосходилъ многихъ стариковъ сѣдовласыхъ, потому что былъ наученъ премудрости и всякому философскому естественнословію. Дѣйствительно, какъ видно, Борисъ первый изъ царей Московскихъ расширилъ для своего сына кругъ знаній, которымъ ограничивались при воспитаніи Русскихъ людей: такъ извѣстна карта Московскаго государства, начерченная рукою Ѳедора. Говорятъ, Борисъ сильно любилъ сына; мы видѣли, что онъ пріобщилъ его къ правленію, имя его постоянно соединялось въ грамотахъ съ отцовскимъ; какъ въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича обык-

новенно писалось, что просьбы исполняются царемъ по ходатайству конюшаго боярина Годунова, такъ въ царствованіе Бориса писалось, что просьбы исполняются по ходатайству царевича Өедора[68].

Жители Москвы спокойно присягнули Өедору; цѣловали крестъ: «Государынѣ своей царицѣ и великой княгинѣ Марьѣ Григорьевнѣ всея Руси, и ея дѣтямъ, государю царю Өедору Борисовичу и государынѣ царевнѣ Ксеніи Борисовнѣ.» Форма присяги та же самая, что и Борису: повторено обязательство не хотѣть на Московское государство Симеона Бекбулатовича, но прибавлено: «И къ вору, который называется княземъ Дмитріемъ Углицкимъ, не приставать, съ нимъ и съ его совѣтниками не ссылаться ни на какое лихо, не измѣнять, не отъѣзжать, лиха никакого не сдѣлать, государства не подъискивать, не по своей мѣрѣ ничего не искать, и того вора, что называется царевичемъ Димитріемъ Углицкимъ, на Московскомъ государствѣ видѣть не хотѣть.» Здѣсь самозванецъ не названъ Отрепьевымъ не потому, что само правительство перемѣнило мнѣніе о его происхожденіи, но чтобъ отнять у измѣнниковъ всякую оговорку въ нарушеніи присяги, чтобъ они не могли сказать: мы не нарушили клятвы и не присягаемъ Отрепьеву, потому что царевичъ не есть Отрепьевъ; такъ по крайней мѣрѣ объясняли это самозванцу сами измѣнники: «Форма присяги, говорили они, иначе была намъ выдана, не такъ какъ мы разумѣли, имя Гришки въ ней не упомянуто, чтобы мы противъ тебя, природнаго государя нашего дѣйствовали и тебя въ государи себѣ не избрали.» Прибавлена была особая присяга для дьяковъ: «Мнѣ, будучи у ея государынина и государева дѣла, всякія дѣла дѣлать въ правду, тайныхъ и всякихъ государевыхъ дѣлъ и вѣстей никакихъ никому не сказывать, государыниной и государевой казны всякой и денегъ не красть, дѣлъ не волочить, посуловъ и поминковъ ни у него не брать, ни кому ни въ чемъ по дружбѣ не норовить и не покрывать, по недружбѣ ни на кого ничего не затѣвать, изъ книгъ писцовыхъ, отдѣльныхъ и изъ дачь выписывать под-

линно прямо.» Въ присягѣ Ѳедору Борисовичу можетъ остановить то обстоятельство, что имя царицы Марьи Григорьевны поставлено впереди: изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы Ѳедоръ вступилъ на престолъ подъ опекою матери; въ противномъ случаѣ надобно бы предположить, что и царевна Ксенія была соправительницею брату. И присяга при вступленіи на престолъ отца Ѳедорова также дана была цѣлой семьѣ: царю Борису, женѣ его, царевичу Ѳедору, царевнѣ Ксеніи и тѣмъ дѣтямъ, которыхъ имъ впередъ Богъ дастъ. Любопытно, что въ грамотахъ владыкамъ о молебствіи за новаго царя вступленіе на престолъ Ѳедора разсказывается точно также, какъ разсказывалось о вступленіи на престолъ отца его: «по преставленіи великаго государя нашего, святѣйшій Іовъ и весь освященный соборъ и весь царскій синклитъ, гости и торговые люди и всенародное множество Россійскаго государства, великую государыню царицу Марью Григорьевну молили со слезами и милости просили, чтобы государыня пожаловала, положила на милость, не оставила насъ сирыхъ до конца погибнуть, была на царствѣ по прежнему, а благороднаго сына своего благословила быть царемъ и самодержцемъ; также и государю царевичу били челомъ, чтобы пожаловалъ, по благословенію и приказу отца своего, былъ на Россійскомъ Государствѣ царемъ и Самодержцемъ. И великая государыня слезъ и моленій не презрѣла, сына своего благословила, да и государь царевичъ, по благословенію и по приказу отца своего, по повелѣнію матери своей, насъ пожаловалъ, на Московскомъ государствѣ сѣлъ.» Вѣроятно хотѣли показать, что кромѣ благословенія отцовскаго, Ѳедоръ принялъ престолъ вслѣдствіе единодушнаго желанія и слезнаго моленія народнаго. Въ Москвѣ всѣ присягнули безъ сопротивленія; но состояніе умовъ въ жителяхъ областей было подозрительно, и потому въ грамотахъ, разосланныхъ къ воеводамъ съ приказаніемъ приводить жителей къ присягѣ, было прибавлено: «Берегли бы накрѣпко, чтобъ у васъ всякіе люди намъ крестъ цѣловали, и не было бы ни одного человѣка, который бы намъ

креста не цѣловалъ.» Доносили, что въ отдаленныхъ сѣверныхъ областяхъ разносятся слухи о грамотахъ Лжедимитрія, въ которыхъ онъ обѣщается быть въ Москвѣ «какъ на деревѣ станетъ листъ разметываться.»

Недѣятельность бояръ — Мстиславскаго и Шуйскаго, воеводъ огромной рати, неумѣнье или нежеланіе ихъ истребить самозванца, вождя дружины малочисленной, сбродной заставили новое правительство отозвать обоихъ князей въ Москву и на ихъ мѣсто послать уже показавшаго свою вѣрность и мужество Басманова; но Басманова нельзя было назначить главнымъ воеводою, ибо вслѣдствіе мѣстничества, надобно было бы смѣнить другихъ воеводъ, которымъ съ Басмановымъ быть не приводилось, и потому первымъ воеводою послали князя Катырева Ростовскаго, а Басманова назначили вторымъ воеводою большаго полка. Вмѣстѣ съ боярами, княземъ Ростовскимъ и Басмановымъ, отправленъ былъ Новогородскій митрополитъ Исидоръ для приведенія войска къ присягѣ царю Ѳедору. Ратные люди дали присягу, но недолго соблюдали ее. Басмановъ увидалъ, что съ войскомъ, въ которомъ господствовала шаткость умовъ и нравственная слабость, ничего сдѣлать нельзя, что дѣло Годуновыхъ проиграно окончательно смертію Бориса, въ которой многіе видѣли указаніе свыше на рѣшеніе борьбы, притомъ же за Ѳедора, при всѣхъ личныхъ достоинствахъ его, извѣстныхъ впрочемъ не всѣмъ, не было старины какъ за отцаего, а это въ то время очень много значило; Басмановъ видѣлъ, что воеводы, сколько-нибудь дѣятельные, способные сообщать дѣятельность, одушевленіе войску, не хотятъ Годуновыхъ, видѣлъ, что противиться общему расположенію умовъ, значитъ идти на явную и безполезную въ его глазахъ гибель, и, не желая пасть жертвою присяги, рѣшился покончить дѣло. Онъ соединился съ князьями Голицыными — Василіемъ и Иваномъ Васильевичами, съ Михайлою Глѣбовичемъ Салтыковымъ, и 7 мая объявилъ войску, что истинный царь есть Димитрій. Полки безъ сопротивленія провозгласили послѣдняго государемъ; только немногіе

не захотѣли нарушить присяги Ѳедору, и съ двумя воеводами, князьями Ростовскимъ и Телятевскимъ, побѣжали въ Москву.

Князь Иванъ Васильевичъ Голицынъ былъ посланъ въ Путивль объявить самозванцу о переходѣ войска на его сторону. Говорятъ, что нѣкоторые изъ пріѣхавшихъ съ Голицынымъ узнали въ новомъ царѣ монаха Отрепьева, но уже было поздно объявлять о подобныхъ открытіяхъ. Лжедимитрій приказалъ войску идти подъ Орелъ и тамъ его дожидаться, а самъ двинулся туда изъ Путивля 19 мая. Къ нему навстрѣчу поѣхали сперва Салтыковъ и Басмановъ, а потомъ князь Василій Голицынъ и Шереметевъ, который прежде другихъ сказалъ, что трудно воевать съ прирожденнымъ государемъ. Прибывши въ Орелъ, Лжедимитрій отпустилъ войско къ Москвѣ съ княземъ Василіемъ Голицынымъ, а самъ пошелъ за нимъ съ свою Польскою и Русскою дружиною. Поляки говорятъ, что онъ не хотѣлъ идти вмѣстѣ съ Русскимъ войскомъ изъ недовѣрчивости, и всегда распоряжался такъ, чтобы между обоими войсками было не менѣе мили или полмили разстоянія.

Послѣ измѣны войска гонцы съ грамотами отъ Лжедимитрія безпрестанно являлись въ Москвѣ, но ихъ хватали и замучивали до смерти. 1-го іюня пріѣхали съ грамотами, Наумъ Плещеевъ и Гаврила Пушкинъ, и отправились сперва въ Красное село, гдѣ жили богатые купцы и ремесленники, а мы знаемъ, что при царѣ Ѳедорѣ Іоанновичѣ Московскіе купцы были не за Годунова. Плещеевъ и Пушкинъ прочли Красносельцамъ Лжедимитріеву грамоту, написанную на имя бояръ — Мстиславскаго, Василія и Димитрія Шуйскихъ и другихъ, окольничихъ и гражданъ Московскихъ. Лжедимитрій напоминалъ въ ней о присягѣ, данной отцу его, Іоанну, о притѣсненіяхъ, претерпѣнныхъ имъ въ молодости отъ Годунова, о своемъ чудесномъ спасеніи, въ общихъ, неопредѣленныхъ выраженіяхъ: извинялъ бояръ, войско и народъ въ томъ, что они присягнули Годунову, «не вѣдая злокозненнаго нрава его и боясь того, что онъ при братѣ нашемъ царѣ Ѳедорѣ владѣлъ всѣмъ Московскимъ государ-

ствомъ, жаловалъ и казнилъ, кого хотѣлъ, а про насъ, прироженнаго государя своего не знали, думали, что мы отъ измѣнниковъ нашихъ убиты». Напоминалъ о притѣсненіяхъ, какія были при Борисѣ «боярамъ нашимъ и воеводамъ и родству нашему укоръ и поношеніе и безчестіе, и всѣмъ вамъ, чего и отъ прирожденнаго государя терпѣть было невозможно». Въ заключеніе самозванецъ обѣщалъ награды всѣмъ въ случаѣ признанія, гнѣвъ Божій и свой царскій въ случаѣ сопротивленія. Красносельцы съ радостію приняли посланныхъ и собрались шумною толпою провожать ихъ въ городъ. Правительство выслало было противъ нихъ стрѣльцовъ, но тѣ, испугавшись, возвратились съ дороги, и послы Лжедимитрія съ Красносельцами достигли беспрепятственно Лобнаго мѣста, гдѣ прочли народу грамоту Лжедимитріеву. Народъ взволновался; бояре объявили патріарху о мятежѣ; тотъ заклиналъ ихъ выйти къ народу и образумить его; бояре, повидимому, послушались, вышли на Лобное мѣсто и ничего не сдѣлали. Говорятъ, что народъ просилъ князя Василія Ивановича Шуйскаго объявить правду, точно ли онъ похоронилъ Димитрія царевича въ Угличѣ? Шуйскій отвѣчалъ, что царевичъ спасся отъ убійцъ, а вмѣсто его убитъ и похороненъ поповъ сынъ. Ворота въ Кремль не были заперты; толпы народа ворвались туда, схватили царя Ѳедора съ матерью и съ сестрою во дворцѣ и вывели ихъ въ прежній боярскій домъ Борисовъ; родственниковъ ихъ взяли подъ стражу, имѣніе ихъ разграбили, домы разломали. Въ это смутное время является опять на сцѣну Богданъ Бѣльскій, возвращенный изъ ссылки по смерти Бориса: врага его уже не было въ живыхъ, семейству этого врага уже мстили другіе; но у Бѣльскаго оставались еще враги, Нѣмцы Борисовы; онъ шепнулъ народу, что лѣкаря иноземные были совѣтниками Бориса, получили отъ него несмѣтныя богатства и наполнили погреба свои всякими винами; толпы черни бросились немедленно къ Нѣмцамъ и осушали не только всѣ бочки въ погребахъ, но и разграбили все имѣніе.

3 іюня отправлены были изъ Москвы къ самозванцу въ Тулу съ повинною бояринъ князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій и князь Андрей Телятевскій, тотъ самый, который убѣжалъ въ Москву, увидя измѣну Басманова и войска. Въ то же время съ другой стороны пріѣхали къ Лжедимитрію послы отъ Донскихъ казаковъ, первыхъ и самыхъ вѣрныхъ его помощниковъ. Лжедимитрій позвалъ Донцовъ къ рукѣ прежде бояръ Московскихъ, которыхъ встрѣтилъ грозною рѣчью за долгое сопротивленіе законному царю; козаки, хвалясь своею вѣрностію, также позорили бояръ, а князя Телятевскаго чуть не убили по смерти за прежнюю вѣрность Годунову. Еще прежде пріѣзда Воротынскаго и Телятевскаго, какъ скоро узнано было о присягѣ Лжедимитрію, отправились въ Москву князья Василій Голицынъ и Василій Мосальскій, да дьякъ Сутуповъ покончить съ Годуновыми. Посланные начали съ патріарха Іова, самаго ревностнаго приверженца послѣднихъ: его съ безчестіемъ вывели изъ собора во время самой службы, и какъ простаго монаха сослали въ Старицкій монастырь; сидѣвшихъ подъ стражею родныхъ бывшаго царя, Годуновыхъ, и одногородцевъ ихъ, Сабуровыхъ и Вельяминовыхъ, также разослали въ заточеніе; одинъ только Семенъ Годуновъ былъ задушенъ въ Переяславлѣ: онъ больше другихъ навлекъ на себя ненависть, потому что ревностнѣе другихъ заботился о выгодахъ своего рода. Покончивъ съ патріархомъ и Годуновыми, князья Голицынъ и Мосальскій съ Молчановымъ, Шелефединовымъ и тремя стрѣльцами пошли въ старый домъ Борисовъ: царицу Марью удавили скоро; но молодой Өеодоръ боролся отчаянно; наконецъ одному изъ убійцъ удалось умертвить его самымъ отвратительнымъ образомъ; народу объявили, что царица Марья и сынъ ея со страху отравились. Царевна Ксенія осталась въ живыхъ. Тѣло царя Бориса выкопали въ Архангельскомъ соборѣ, положили въ простой гробъ и вмѣстѣ съ женою и сыномъ погребли въ бѣдномъ Варсонофьевскомъ монастырѣ на Срѣтенкѣ [69].

ГЛАВА III.

Царствованіе Лжедимитрія.

Грамоты Лжедимитрія. — Присяжная запись. — Въѣздъ царя въ Москву. — Дѣйствія князя Шуйскаго противъ новаго царя. — Патріархъ Игнатій. — Пріѣздъ царицы Маrоы въ Москву. — Правительственная дѣятельность царя. — Поведеніе Поляковъ, приведенныхъ имъ въ Москву. — Новыя обычаи. — Обличители — Сношенія съ Польшею. — Сношенія съ Римомъ. — Женитьба царя на Маринѣ Мнишекъ. — Самозванецъ Петръ. — Неудовольствія въ Москвѣ на царя. — Новые обличители. — Заговоръ Шуйскаго. — Смерть Лжедимитрія. — Избраніе князя Василія Шуйскаго въ цари.

Узнавъ объ успѣхѣ своего дѣла въ Москвѣ, Лжедимитрій тотчасъ же разослалъ грамоты по городамъ съ извѣстіемъ о томъ, что Москва признала его истиннымъ Димитріемъ, и съ требованіемъ послѣдовать ея примѣру. Новый царь писалъ, что Богъ поручилъ ему Московское государство, и патріархъ Іовъ, духовенство и всякихъ чиновъ люди, «узнавъ прирожденнаго государя своего, въ своихъ винахъ добили челомъ. И вы бы о нашей матери и о нашемъ многолѣтнемъ здоровьи по всѣмъ церквамъ велѣли Бога молить, и намъ служили и прямили во всемъ, и того берегли накрѣпко, чтобы въ людяхъ шатости, грабежа и убійства не было, и о всякихъ дѣлахъ писали бы къ намъ». Въ слѣдъ за первою грамотою отправлена была и другая, съ предписаніемъ не выпускать денегъ изъ казны, беречь ее накрѣпко и такъ же не позволять никакого замедленія въ сборахъ. Потомъ былъ разосланъ приказъ приводить жи-

телей къ присягѣ. Въ присяжной записи соблюдена была таже форма, какую мы видѣли въ Годуновской: присяга бралась на имя царицы Мареы Өедоровны и сына ея Димитрія; но было и важное различіе: въ записи Димитріевой не было того исчисленія всѣхъ возможныхъ посягновеній на особу царскую, какое видѣли мы въ записяхъ Годуновыхъ; о Годуновыхъ сказано: «съ измѣнниками ихъ, съ Өедькою Борисовымъ сыномъ Годуновымъ, съ его матерью, съ ихъ родствомъ, съ ихъ совѣтниками, не ссылаться ни письмомъ, ни какимъ другимъ образомъ.»

Лжедимитрій узналъ въ Серпуховѣ о гибели Годуновыхъ; на дорогѣ изъ этого города къ Москвѣ остановился на нѣсколько дней въ селѣ Коломенскомъ и 20 Іюня въѣхалъ торжественно въ столицу, при звонѣ колоколовъ у всѣхъ церквей, при безчисленномъ множествѣ народа на улицахъ, на крышахъ домовъ, на колокольняхъ; народъ падалъ на колѣна предъ новымъ царемъ и кричалъ: «Дай, Господи, тебѣ, государь, здоровья! ты наше солнышко праведное!» Димитрій отвѣчалъ на эти крики: «Дай Богъ и вамъ здоровья! встаньте и молитесь за меня Богу!» День былъ ясный и тихій; но когда новый царь, переѣхавши живой мостъ черезъ москворѣцкія ворота, вступилъ на площадь, поднялась сильная буря; народъ смутился, началъ креститься, приговаривая: «Помилуй насъ Богъ! помилуй насъ Богъ!» духовенство встрѣтило его на Лобномъ мѣстѣ съ крестами; по старому обычаю, царь пошелъ по соборамъ, слушалъ молебны; но замѣтили и новое, которое не понравилось: во время этихъ молебновъ Латыне-Литва сидѣли на лошадяхъ, трубили въ трубы и били въ бубны. Была и другая новость: Благовѣщенскій протопопъ Терентій говорилъ витіеватую рѣчь, въ которой умолялъ царя о помилованіи народа, по невѣдѣнію преступившаго клятву: «Когда слышимъ похвалу нашему преславному царю, говорилъ ораторъ, то разгараемся любовію къ произносящему эти похвалы; мы были воспитаны во тьмѣ и привлекли къ себѣ свѣтъ. Уподобляяся Богу, подвигнись принимать, благочестивый царь, наши

мольбы, и не слушай людей, влагающихъ въ уши твои слухи неподобные, подвигающихъ тебя на гнѣвъ; ибо если кто и явится тебѣ врагомъ, то Богъ будетъ тебѣ другомъ, Богъ, который освятилъ тебя въ утробѣ матерней, сохранилъ невидимою силою отъ всѣхъ враговъ и устроилъ на престолѣ царскомъ; Богъ укрѣпилъ тебя и утвердилъ, и поставилъ ноги твои на камнѣ своего основанія: кто можетъ тебя поколебать? Воздвигни милостивыя очи свои на насъ, пощади насъ, отврати отъ насъ праведный гнѣвъ свой.» Замѣчательно, что въ этой рѣчи ораторъ не одинъ разъ упоминаетъ о людяхъ, которые хотятъ поссорить царя съ его народомъ: вѣроятно онъ разумѣлъ подъ этими людьми Поляковъ. Когда новый царь былъ уже во дворцѣ, изъ Кремля на Красную площадь выѣхалъ Богданъ Бѣльскій, окруженный боярьми и дьяками: онъ вошелъ на Лобное мѣсто и громко свидѣтельствовалъ предъ всѣмъ народомъ, что новый царь есть истинный Димитрій, и въ доказательство правды словъ своихъ поцѣловалъ крестъ. Но другое втихомолку свидѣтельствовалъ человѣкъ, который при жизни царя Бориса торжественно объявлялъ Московскому народу, что царевичъ убитъ, и тотъ, кто называется его именемъ, есть воръ Гришка Отрепьевъ. Князь Василій Шуйскій не повторилъ торжественно этого свидѣтельства предъ народомъ по смерти Годунова, не повторилъ когда оно было всего нужнѣе, когда Пушкинъ и Плещеевъ читали на Лобномъ мѣстѣ грамоту Лжедмитріеву и толпы стремились въ Кремль низводить съ престола Ѳедора Годунова; говорятъ даже, что онъ въ это время объявилъ совершенно противное. Но когда съ Годуновыми было покончено, и когда самозванецъ съ горстію поляковъ былъ въ Москвѣ, Шуйскій началъ повторять прежнее свидѣтельство свое; онъ объявилъ торговому человѣку Ѳедору Коневу и какому-то Костѣ лѣкарю, что новый царь самозванецъ, и поручилъ имъ разглашать объ этомъ тайно въ народѣ. Но Коневъ и Костя не умѣли сдѣлать этого тайно: Басмановъ узналъ о слухахъ, узналъ отъ кого они идутъ, и донесъ царю. Но

Польскимъ извѣстіямъ, Шуйскій хотѣлъ поджечь посольскій дворъ, занимаемый Поляками. 23 іюня Шуйскій былъ схваченъ, и Лжедимитрій отдалъ дѣло на судъ собору, на которомъ, кромѣ духовенства и членовъ думы, были и простые люди, ибо лѣтописецъ говоритъ, что изъ простыхъ людей никто не былъ за Шуйскаго, всѣ на него кричали. По нѣкоторымъ иностраннымъ извѣстіямъ, самозванецъ самъ оспаривалъ Шуйскаго и уличалъ его въ клеветѣ, при чемъ говорилъ съ такимъ искусствомъ и умомъ, что весь соборъ былъ приведенъ въ изумленіе и рѣшилъ, что Шуйскій достоинъ смерти. 25-е число назначено было для исполненія приговора. Шуйскій былъ уже выведенъ къ плахѣ, уже прочитана была ему сказка или объявленіе вины, уже простился онъ съ народомъ, объявивъ, что умираетъ за правду, за вѣру и народъ христіанскій, — какъ прискакалъ гонецъ съ объявленіемъ помилованія. Источники разногласятъ въ названіи лицъ, которыя убѣдили Лжедимитрія помиловать Шуйскаго: одни называютъ бояръ, другіе Поляковъ, и именно секретаря царскаго, Бучинскаго, нѣкоторые Аѳанасья Власьева; извѣстія, что убѣдила къ тому царица Мареа, мы принять не можемъ, ибо ея не было еще тогда въ Москвѣ. Какъ бы то ни было, Шуйскаго вмѣстѣ съ двумя братьями, сослали въ Галицкіе пригороды, имѣніе отобрали въ казну; но прежде нежели они достигли мѣста ссылки, ихъ возвратили въ Москву, отдали имѣніе и боярство.

Извѣстить народъ о восшествіи на престолъ новаго царя долженъ былъ патріархъ. Первымъ изъ Русскихъ архіереевъ, признавшимъ торжественно Лжедимитрія, былъ Рязанскій архіепископъ Игнатій, родомъ Грекъ, прежде бывшій архіепископомъ въ Кипрѣ и пришедшій въ Россію въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича; когда Лжедимитрій былъ въ Тулѣ, Игнатій, къ епархіи котораго принадлежала Тула, встрѣтилъ его здѣсь какъ царя. Этого-то Игнатія 24 іюня возвели въ патріархи. Новый патріархъ разослалъ по всѣмъ областямъ грамоты съ извѣстіемъ о восшествіи Димитрія на престолъ и возведеніи его, Игнатія, въ патріаршеское до-

стоинство, по царскому изволенію, при чемъ предписывалъ молиться за царя и за царицу-мать, и между прочимъ, чтобы возвысилъ Господь Богъ ихъ царскую десницу надъ латинствомъ и бесерменствомъ.

Но признаніе Игнатія не могло окончательно утвердить новаго царя на престолѣ: это могло сдѣлать только признаніе матери, царицы Мареы. Великій мечникъ (новое достоинство придворное, учрежденное Лжедимитріемъ по образцу Польскому), знаменитый въ послѣдствіи князь Михайла Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, былъ посланъ за Мареою и привезъ ее въ Москву 18 іюля; царь встрѣтилъ ее въ селѣ Тайнинскомъ и имѣлъ съ нею свиданіе наединѣ въ шатрѣ, раскинутомъ близь большой дороги; говорятъ, Мареа очень искусно предетавляла нѣжную мать, народъ плакалъ, видя, какъ почтительный сынъ шелъ пѣшкомъ подлѣ кареты материнской; Мареу помѣстили въ Вознесенскомъ монастырѣ, куда царь ѣздилъ къ ней каждый день. Вскорѣ по пріѣздѣ матери, 30 іюля, Лжедимитрій вѣнчался на царство по обыкновенному обряду. Объявлены были милости: мнимый дядя царя, Михайла Өедоровичъ Нагой получилъ званіе конюшаго боярина; Филаретъ Никитичъ Романовъ возведенъ въ санъ Ростовскаго митрополита, брату его, Ивану Никитичу, дано боярство. Бывшій царь и великій князь Тверской, Симеонъ Бекбулатовичъ былъ также вызванъ изъ ссылки и явился при дворѣ съ прежнею честію: мнимый сынъ Грознаго не боялся его совмѣстничества. Между пожалованіями видимъ и небывалыя: двое думныхъ дьяковъ— Василій Щелкаловъ и Аөанасій Власьевъ были произведены въ окольничіе. Замѣчательно, что Лжедимитрій, еще будучи въ Польшѣ, говорилъ о покровительствѣ, оказанномъ ему Щелкаловыми; и замѣчательно, что Борисъ удалилъ Василія Щелкалова отъ дѣлъ. Изъ родственниковъ и приверженцевъ бывшаго царя подверглись ссылкѣ 74 семейства.

Не проходило дня, въ который бы царь не присутствовалъ въ думѣ. Иногда, слушая долговременные безплодные споры думныхъ людей о дѣлахъ, онъ смѣялся и говорилъ: «Столько

часовъ вы разсуждаете и все безъ толку! такъ я вамъ скажу: дѣло вотъ въ чемъ!»—и въ минуту, ко всеобщему удивленію, рѣшалъ такія дѣла, надъ которыми бояре долго думали. Онъ любилъ и умѣлъ поговорить; какъ всѣ тогдашніе грамотѣи, любилъ приводить примѣры изъ исторіи разныхъ народовъ; разсказывалъ и случаи собственной жизни. Нерѣдко, впрочемъ всегда ласково, упрекалъ думныхъ людей въ невѣжествѣ, говоря, что они ничего не видали, ничему не учились, обѣщалъ позволить имъ ѣздить въ чужія земли, гдѣ могли бы они хотя нѣсколько образоваться; велѣлъ объявить народу, что два раза въ недѣлю, по середамъ и субботамъ, будетъ самъ принимать челобитныя, предписалъ приказамъ рѣшать дѣла безъ посуловъ. Когда Поляки совѣтовали ему принять строгія мѣры противъ подозрительныхъ людей, то онъ отвѣчалъ имъ, что далъ обѣтъ Богу не проливать христіанской крови, что есть два средства удерживать подданныхъ въ повиновавіи: одно — быть мучителемъ, другое — расточать награды, не жалѣя ничего, и что онъ избралъ послѣднее. Онъ велѣлъ заплатить всѣмъ тѣ деньги, которыя были взяты взаймы еще Грознымъ и не отданы. Жалованье служилымъ людямъ удвоено; духовенству подтверждены старыя льготныя грамоты и даны новыя; послано соболей на 300 рублей во Львовъ для сооруженія тамъ православной церкви, при чемъ въ царской грамотѣ къ тамошнему духовенству говорится: «Видя васъ несомнѣнными и непоколебимыми въ нашей истинной правой христіанской вѣрѣ Греческаго закона, послали мы къ вамъ отъ нашей царской казны.» Въ духовники себѣ Лжедимитрій выбралъ архимандрита Владимірскаго Рождественскаго монастыря. Печатаніе священныхъ книгъ продолжалось въ Москвѣ: Иванъ Андрониковъ Невѣжинъ напечаталъ Апостолъ, въ послѣсловіи къ которому читаемъ: «Повелѣніемъ благочестія поборника и божественныхъ велѣній изрядна ревнителя, благовѣрнаго и христолюбиваго, исконнаго государя всея великія Россіи, крестоноснаго царя и великаго князя Димитрія Ивановича.»

Относительно крестьянъ и холопей въ правленіе Лжеди-

митріи сдѣланы два распоряженія: 1) приговорили бояре: «если дѣти боярскіе, приказные люди, гости и торговые всякіе люди станутъ брать на людей кабалы, а въ кабалахъ напишутъ, что занялъ у него, да у сына его деньги, и кабалу имъ на себя даетъ, то этихъ кабалъ, отцу съ сыномъ, писать и въ книги записывать не велѣть, а велѣть писать кабалы порознь, отцу особая кабала и сыну особая, сыну же съ отцомъ, брату съ братомъ, дядѣ съ племянникомъ кабалъ писать и въ книги записывать не велѣть. Если же отецъ съ сыномъ или братъ съ братомъ, станутъ по служилымъ кабаламъ на комъ-нибудь холопства искать, то этимъ исцамъ отказывать, а тѣхъ людей, на кого они кабалу положатъ, освободить на волю.» Этотъ приговоръ состоялся вѣроятно для избѣжанія слѣдующаго случая: вольный человѣкъ бралъ деньги и давалъ на себя служилую кабалу; взявшій кабалу, чтобъ упрочить, въ случаѣ своей смерти, холопа и наслѣдникамъ своимъ, сыну, брату или племяннику, писалъ, что холопъ взялъ деньги у обоихъ и такимъ образомъ дѣлалъ его холопомъ для обоихъ, что могло случиться безъ вѣдома неграмотнаго холопа; особыя же кабалы никакъ не могли быть даны безъ его вѣдома. Законъ имѣлъ вѣроятно цѣлію ограничить распространеніе холопства, чтобы сынъ или вообще наслѣдникъ не могъ наслѣдовать холопей умершаго отца или родственника. Другой боярскій приговоръ касается бѣглыхъ крестьянъ: «Если землевладѣлецъ будетъ бить челомъ на крестьянъ, сбѣжавшихъ съ его земли за годъ до бывшаго голода, то бѣглецовъ сыскивать и отдавать старымъ помѣщикамъ. Если крестьяне бѣжали къ другимъ помѣщикамъ и вотчинникамъ въ голодные годы, но съ имѣніемъ, которымъ прокормиться имъ было можно, то ихъ также сыскивать и отдавать старымъ помѣщикамъ и вотчинникамъ. Если крестьяне бѣжали далеко, изъ подмосковныхъ городовъ на Украйны или обратно, и пошли отъ старыхъ помѣщиковъ съ имѣніемъ, но растеряли его дорогою и пришли къ другимъ помѣщикамъ въ бѣдности, про такихъ велѣно было спросить окольныхъ лю-

дей стараго помѣстья, и если они скажутъ, что крестьянинъ былъ прежде не бѣденъ и сбѣжалъ съ имѣніемъ достаточнымъ для прокормленія, то бѣглеца отдать прежнему помѣщику; если же окольные люди скажутъ, что крестьянинъ бѣжалъ въ голодные годы отъ бѣдности, было нечѣмъ ему прокормиться, такому крестьянину жить за тѣмъ, кто кормилъ его въ голодные года, а истцу отказать: не умѣлъ онъ крестьянина своего кормить въ тѣ голодные года, и теперь его не ищи. Если крестьяне въ голодные года пришли въ холопи къ своимъ или чужимъ помѣщикамъ и вотчинникамъ и дали на себя служилыя кабалы, а потомъ старые помѣщики или вотчинники станутъ ихъ опять вытягивать къ себѣ въ крестьяне, въ такомъ случаѣ сыскивать накрѣпко: если шелъ отъ бѣдности, имѣнья у него не было ничего, то истцамъ отказывать: въ голодные лѣта помѣщикъ или вотчинникъ прокормить его не умѣлъ, а самъ онъ прокормиться не могъ, и отъ бѣдности, не хотя голодною смертію умереть, билъ челомъ въ холопи, и тотъ, кто его принялъ, въ голодные года кормилъ и себя истощалъ, проча его себѣ: и теперь такого крестьянина изъ холопства въ крестьяне не отдавать, и быть ему у того, кто его въ голодныя лѣта прокормилъ, потому что не отъ самой большой нужды онъ въ холопи не пошелъ бы. Если кабальный человѣкъ станетъ оттягиваться, будетъ говорить, что помѣщикъ взялъ его во дворъ съ пашни насильно, а ему прокормиться было нечѣмъ, въ такомъ случаѣ сыскивать по крѣпостямъ: если крѣпости будутъ записаны въ книгѣ въ Москвѣ или другихъ городахъ, то холопъ укрѣпляется за господиномъ, потому что если бы кабала была взята насильно, то крестьянинъ долженъ бить челомъ у записки; если же кабалы въ книги не записаны, то имъ и вѣрить нечего. Если же крестьяне бѣжали за годъ до голода или годъ спустя послѣ него, то ихъ сыскивать прежнимъ помѣщикамъ и вотчинникамъ, въ случаѣ же спора давать судъ; равно если крестьяне пошли въ холопи до голода, то обращаются снова въ крестьянство; приговоръ оканчивается

повторенiемъ стараго постановленiя, что на бѣглыхъ крестьянъ далѣе пяти лѣтъ суда не давать. Этотъ приговоръ особенно замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ ясно высказано различiе, существовавшее въ то время между состоянiемъ крестьянина и состоянiемъ холопа. Милости новаго царя достигли и отдаленныхъ Остяковъ: притѣсненные Верхотурскими сборщиками ясака, Остяки просили царя, чтобы велѣлъ собирать съ нихъ ясакъ по прежнему изъ Перми Великой; Лжедимитрiй сдѣлалъ болѣе: онъ освободилъ ихъ совершенно отъ сборщиковъ, приказалъ имъ самимъ отвозить ясакъ въ Верхотурье [70].

Послѣ царскаго вѣнчанiя своего, Лжедимитрiй отпустилъ иностранное войско, состоявшее преимущественно изъ Поляковъ, выдавъ ему должное за походъ жалованье; но этотъ сбродъ, привыкшiй жить на чужой счетъ, хотѣлъ подолѣе повеселиться на счетъ царя Московскаго; взявши деньги, Поляки остались въ Москвѣ, начали роскошничать, держать по 10 слугъ, пошили имъ дорогое платье, стали буйствовать по улицамъ, бить встрѣчныхъ. Шляхтичъ Липскiй былъ захваченъ въ буйствѣ и приговоренъ къ кнуту; когда передъ наказанiемъ, по обычаю, стали водить его по улицамъ, то Поляки отбили его, переранивши сторожей. Царь послалъ сказать имъ, чтобы выдали Липскаго для наказанiя: иначе онъ велитъ пушками разгромить ихъ дворъ и истребить ихъ всѣхъ. Поляки отвѣчали, что помрутъ, а не выдадутъ товарища; но прежде чѣмъ помрутъ, надѣлаютъ много зла Москвѣ. Тогда царь послалъ сказать имъ, чтобы выдали Липскаго для успокоенiя народа, а ему не будетъ ничего дурнаго, и Поляки согласились. Пропировавши и проигравши всѣ деньги, Поляки снова обратились къ царю съ просьбами, когда же тотъ отказалъ имъ, то они отправились въ Польшу съ громкими жалобами на неблагодарность Лжедимитрiя. Осталось при царѣ нѣсколько Поляковъ, его старыхъ прiятелей, нѣсколько способныхъ людей, необходимыхъ ему для сношенiй съ Польшею, какъ напримѣръ братья Бучинскiе; остались въ прежнемъ значенiи тѣлохранителей царскихъ

иностранцы, набранные Борисомъ, преимущественно изъ Ливонцевъ. Лжедимитрій ласкалъ ихъ не менѣе Бориса, испытавъ ихъ храбрость и искусство воинское въ битвахъ, которыя они выдержали противъ него подъ знаменемъ Годунова. И на Бориса дошли до насъ сильныя жалобы за то, что онъ очень любилъ иностранцевъ, отъ чего распространилось пристрастіе къ иностраннымъ обычаямъ. Легко понять, что гораздо болѣе поводовъ къ подобнымъ жалобамъ долженъ былъ подать Лжедимитрій, человѣкъ молодой, съ природою необыкновенно живою, страстною, дѣятельною, человѣкъ, самъ побывавшій на чужбинѣ. Онъ ввелъ за обѣдомъ у себя музыку, пѣніе, не молился передъ обѣдомъ, не умывалъ рукъ въ концѣ стола, ѣлъ телятину, что было не въ обычаѣ у Русскихъ людей того времени, не ходилъ въ баню, не спалъ послѣ обѣда, а употреблялъ это время для осмотра своей казны, на посѣщеніе мастерскихъ, при чемъ уходилъ изъ дворца самъ-другъ, безо всякой пышности; при обычной потѣхѣ тогдашней, бою со звѣрями, онъ не могъ, по своей природѣ, оставаться празднымъ зрителемъ, самъ вмѣшивался въ дѣло, билъ медвѣдей; самъ испытывалъ новыя пушки, стрѣлялъ изъ нихъ чрезвычайно мѣтко; самъ училъ ратныхъ людей, въ примѣрныхъ приступахъ къ землянымъ крѣпостямъ лѣзъ въ толпѣ на валы, не смотря на то, что его иногда палками сшибали съ ногъ, давили. Все это могло казаться страннымъ; отступленіе отъ старыхъ обычаевъ могло оскорблять нѣкоторыхъ; трудно сказать, что оно могло оскорблять всѣхъ, потому что пристрастіе къ иноземнымъ обычаямъ начало распространяться еще при Годуновѣ. Могли оскорбляться нѣкоторые приближенные люди, большинство не было свидѣтелемъ уклоненія самозванца отъ старыхъ обычаевъ; молодечество его, видное для всѣхъ, конечно не могло оскорблять большинства.

Сильнѣе всего могли оскорбиться пристрастіемъ самозванца къ чуждой вѣрѣ. Онъ принялъ католицизмъ; но изъ всего видно, что это принятіе было слѣдствіемъ расчета:

въ Польшѣ оно было необходимо ему для полученія помощи отъ короля, то есть отъ іезуитовъ. Теперь, когда онъ уже сидѣлъ на престолѣ Московскомъ, ему нужно было сохранить дружескія отношенія къ папѣ, королю Сигизмунду и ко всѣмъ католическимъ державамъ. Въ это время, не-смотря на появленіе другихъ могущественыхъ интересовъ въ Европѣ, еще не утратила своей силы и привлекательности мысль о необходимости всеобщаго христіанскаго ополченія противъ страшныхъ Турокъ; неудивительно, что походъ противъ Турокъ сталъ любимою мечтою пылкаго, храбраго Лжедимитрія; но онъ зналъ, что для осуществленія этой мечты нужно было находиться въ тѣсномъ союзѣ, въ единеній съ католическими державами, съ папою. Пріязнь папы, іезуитовъ и руководимаго ими короля Сигизмунда нужны были Лжедимитрію еще по другой причинѣ: онъ былъ влюбленъ въ Марину Мнишекъ, которую хотѣлъ какъ можно скорѣе видѣть въ Москвѣ: король, духовенство католическое могли препятствовать ея пріѣзду, и сами Мнишки были ревностные католики Нѣтъ сомнѣнія, что для выхода изъ затруднительнаго положенія относительно Римскаго двора и для своихъ политическихъ замысловъ Лжедмитрій желалъ соединенія церквей, которое должно было рѣшиться на соборѣ, желалъ внушить Русскимъ людямъ, что дѣло это не такъ трудно, какъ они думали, что нѣтъ большой разницы между обоими исповѣданіями, такъ напримѣръ у него вырывались слова, что можно быть осьмому и девятому собору, что въ Латинахъ нѣтъ порока, что вѣра Латинская и Греческая — одно; говорятъ, что на вопросъ одного изъ Русскихъ вельможъ, правда ли, что онъ хочетъ построить для Поляковъ въ Москвѣ церковь? Димитрій отвѣчалъ: «Почему мнѣ этого не сдѣлать? они христіане и оказываютъ мнѣ вѣрныя услуги; вы позволили же имѣть свою церковъ и школу еретикамъ.» Но мысль о рѣшительныхъ, насильственныхъ мѣрахъ въ пользу католицизма была ему совершенно чужда, какъ видно изо всѣхъ извѣстныхъ намъ его поступковъ

и сношеній съ Римскимъ дворомъ. Слова самозванца о безразличіи исповѣданій, о возможности новаго собора, должны были оскорблять Русскихъ людей, заставлять ихъ смотрѣть на него какъ на еретика, прелестника; но многіе ли люди слышали подобныя слова? Одинъ изъ современниковъ, смотрѣвшій на Лжедимитрія какъ на еретика, приписывавшій ему много дурныхъ дѣлъ, долженъ однако признаться, что большинство было за него, что онъ пользовался сильною народною привязанностію [71]. Это особенно обнаружилось, когда явились новые обличители: дворянинъ Петръ Тургеневъ и мѣщанинъ Ѳедоръ Калачникъ: послѣдній, когда вели его на казнь, вопилъ всему народу: »приняли вы вмѣсто Христа антихриста, и покланяетесь посланному отъ сатаны, тогда опомнитесь, когда всѣ погибнете.» Но народъ ругался надъ нимъ, кричалъ: «По дѣломъ тебѣ смерть.» Роворятъ, что въ Галичѣ Отрепьевы, мать и дядя Лжедимитрія, объявляли гласно о настоящемъ происхожденіи царя: дядю сослали въ Сибирь, мать не тронули [73].

Между тѣмъ какъ все это происходило въ Москвѣ, дѣятельно велись сношенія внѣшнія, преимущественно съ Польшею и Римомъ. Когда Лжедимитрій еще боролся съ Годуновымъ, въ Польшѣ сеймъ высказался противъ него. Въ инструкціяхъ посламъ воеводства Бельзскаго, написанныхъ Замойскимъ, говорилось: «О подлинности Димитрія господарчика нѣтъ достовѣрности; да если бы даже и была, то удивительно намъ, какъ рѣшились помогать ему частнымъ образомъ, мимо сейма: прежде не бывало ничего подобнаго, дурной это примѣръ въ республикѣ; знаемъ, что король съ господаремъ Московскимъ заключилъ перемиріе и подтвердилъ его клятвою: но если присяга всякаго человѣка священна, то тѣмъ болѣе должна быть священна присяга королевская, потому что король присягнулъ не только за себя, но и за насъ.» На сеймѣ панъ Остророгъ, каштелянъ Позпанскій, объявилъ, что, по его мнѣнію, въ такихъ дѣлахъ, какъ Дмитріево, нельзя принимать скорыхъ рѣшеній; боюсь, говорилъ онъ, чтобъ этотъ Димитрій не

принесъ намъ чего-нибудь дурнаго. Замойскій говорилъ: «По моему мнѣнію, дѣло это должно было отложить до сейма; не думаю (развѣ Богъ сдѣлаетъ особенное чудо), чтобъ оно пошло хорошо; боюсь, чтобъ слава наша, которую мы пріобрѣли въ чужихъ краяхъ военными подвигами, не затмилась, если войска наши, столь страшныя Москвѣ при королѣ Стефанѣ, будутъ поражены Борисомъ, такимъ негоднымъ человѣкомъ, ибо въ чужихъ краяхъ не знаютъ, пошло ли въ Москву только козачество или войско Польское. Что касается до самаго Димитрія, то никакъ не могу себя убѣдить, чтобъ его разсказъ былъ справедливъ Это похоже на Плавтову или Теренціеву комедію: приказать кого нибудь убить, и особенно такого важнаго человѣка, и потомъ не посмотрѣть, того ли убили, кого было надобно! Величайшая была бы глупость, если бы велѣно было убить козла или барана, подставили другаго, а тотъ, кто билъ не видалъ. Притомъ и кромѣ этого Димитрія есть въ княжествѣ Московскомъ настоящіе наслѣдники престола, именно князья Шуйскіе: легко увидать ихъ права изъ лѣтописей Русскихъ. По моему, надобно послать къ Московскому князю съ объявленіемъ, что дѣло сдѣлалось безъ согласія короля и республики». Въ артикулахъ, поданныхъ на сеймѣ, прямо было сказано: «Будемъ стараться всѣми силами, чтобъ смута, начатая Московскимъ господарчикомъ, была утушена, чтобъ отъ Московскаго государя ни корона ни Литва никакого вреда не потерпѣли. Съ тѣми, которые бы осмѣлились нарушить миръ съ чужими государствами, должно поступать какъ съ измѣнниками». Король не одобрилъ этихъ артикуловъ. Успѣхъ Лжедмитрія на время заставилъ недовольныхъ молчать; Мнишекъ торжествовалъ; онъ прислалъ къ боярамъ и всему Московскому рыцарству письмо, въ которомъ называлъ себя началомъ и причиною возвращенія Димитріева на престолъ предковъ, и обѣщался, какъ скоро пріѣдетъ въ Москву, способствовать увеличенію правъ боярскихъ и дворянскихъ. Бояре — Мстиславскій и Воротынскій съ товарищами отвѣчали ему: «Въ грамотѣ

своей писалъ ты и рѣчью приказывалъ къ намъ съ посланцемъ своимъ, что ты великому государю нашему въ дохожденіи прирожденныхъ панствъ его служилъ и промышлялъ съ великимъ раденьемъ, и впередъ служить и во всемъ добра хотѣть хочешъ: и мы тебя за это хвалимъ и благодаримъ.» Царь немедленно отправилъ Афанасія Власьева въ Краковъ уговаривать Сигизмунда къ войнѣ съ Турками и испросить согласіе его на отъѣздъ Марины въ Москву; секретаря своего Яна Бучинскаго отправилъ для переговоровъ съ Мнишкомъ; изъ наказовъ, данныхъ Бучинскому. можно ясно видѣть желаніе царя, чтобъ поведеніе жены иновѣрки не произвело непріятнаго впечатлѣнія на народъ: такъ онъ домагался у Мнишка, чтобъ тотъ выпросилъ у легата позволеніе Маринѣ причаститься у обѣдни изъ рукъ патріарха, потому что безъ этого она не будетъ коронована; чтобъ ей позволено было ходить въ Греческую церковь, хотя втайнѣ можетъ оставаться католичкою; чтобъ въ субботу ѣла мясо, а въ середу постилась по обычаю Русскому, чтобъ голову убирала также по русски, Говорятъ, будто Сигизмундъ сказалъ Власьеву, что государь его можетъ вступить въ бракъ, болѣе сообразный съ его величіемъ, и что онъ, король, не преминетъ помочь ему въ этомъ дѣлѣ; но Власьевъ отвѣчалъ, что царь никакъ не измѣнитъ своему обѣщанію; прибавляютъ, что Сигизмундъ имѣлъ въ виду женить Лжедимитрія на сестрѣ своей или на княжнѣ Трансильванской. Сигизмундъ скоро долженъ былъ оставить намѣреніе породниться съ царемъ и безъ настояній Власьева; къ нему пріѣхалъ какой-то Шведъ изъ Москвы съ тайными рѣчами отъ царицы Мареы, въ которыхъ она извѣщала короля, что царь Московскій не ея сынъ. Сигизмундъ немедленно объявилъ объ этомъ извѣстіи Мнишку, который хотя повидимому не обратилъ на него вниманія, однако изъ медленности, съ какою онъ сбирался въ путь и ѣхалъ въ Москву, можно заключить, что онъ чего-то опасался, ждалъ подтвержденія своихъ опасеній.

10 ноября въ Краковѣ совершено было обрученіе, съ большою пышностію, въ присутствіи короля. Власьевъ, представлявшій жениха, не могъ понять своего положенія и потому смѣшилъ своими выходками. На вопросъ кардинала, совершавшаго обрядъ обрученія, не давалъ ли царь обѣщанія другой невѣстѣ, Власьевъ отвѣчалъ: «а мнѣ какъ знать? о томъ мнѣ ничего не наказано:» и потомъ, когда настоятельно потребовали рѣшительнаго отвѣта, сказалъ: «если бы обѣщалъ другой невѣстѣ, то не послалъ бы меня сюда.» Изъ уваженія къ особѣ будущей царицы, онъ никакъ не хотѣлъ взять Марину просто за руку, но непремѣнно прежде хотѣлъ обернуть свою руку въ чистый платокъ и всячески старался, чтобъ платье его никакъ не прикасалось къ платью сидѣвшей подлѣ него Марины. Когда за столомъ король уговаривалъ его ѣсть, то онъ отвѣчалъ, что холопу неприлично ѣсть при такихъ высокихъ особахъ, что съ него довольно чести смотрѣть, какъ они кушаютъ. Ясно послѣ этого, съ какимъ негодованіемъ долженъ былъ смотрѣть Власьевъ, когда Марина стала на колѣна предъ королемъ, чтобъ благодарить его за всѣ милости: посолъ громко жаловался на такое униженіе будущей царицы Московской.

Исполняя желаніе царя, Власьевъ требовалъ, чтобъ Мнишекъ съ дочерью ѣхалъ немедленно въ Москву; но воевода медлилъ, отзываясь недостаткомъ въ деньгахъ для уплаты долговъ, хотя изъ Москвы пересланы были ему большія суммы, и Лжедимитрій просилъ его поспѣшить пріѣздомъ, не смотря ни на какіе расходы. Мы видѣли уже, что не одинъ недостатокъ въ деньгахъ могъ быть причиною его медленности; такъ въ письмѣ своемъ къ Лжедимитрію онъ говоритъ, что въ Польшѣ много царскихъ доброхотовъ, но также много и злодѣевъ, которые распускаютъ разные нелѣпые слухи; потомъ намекаетъ на одну изъ важнѣйшихъ причинъ своего замедленія — связь Лжедимитрія съ дочерью Годунова — Ксеніею, и проситъ удалить ее. Самозванецъ поспѣшилъ исполнить требованіе: Ксенія была пострижена подъ

именемъ Ольги и сослана въ одинъ изъ Бѣлозерскихъ монастырей. Но Мнишекъ все медлилъ; Лжедимитрій сердился, особенно досадовалъ онъ на невѣсту, которая не отвѣчала ему на его письма, сердясь за Ксенію. Власьевъ, который послѣ обрученія уѣхалъ въ Слонимъ и тамъ дожидался Мнишка, писалъ къ нему: «Сердцемъ и душею скорблю и плачу о томъ, что все дѣлается не такъ, какъ договорились со мною и какъ по этому договору къ Цесарскому величеству писано; великому государю нашему въ томъ великая кручина, и думаю, что на меня за это опалу свою положитъ и казнить велитъ. А по цесарскаго величества указу, на рубежѣ для великой государыни нашей цесаревы и для васъ присланы ближніе бояре и дворяне и многій дворъ цесарскій, и, живя со многими людьми и лошадьми на границѣ, проѣдаются.» Самъ царь писалъ къ нареченному тестю съ упрекомъ, что не только самъ не даетъ о себѣ никакого извѣстія, но даже задерживаетъ гонцовъ Московскихъ; наконецъ Власьевъ, ждавши по напрасну цѣлый мѣсяцъ Мнишковъ въ Слонимѣ, рѣшился самъ ѣхать къ нимъ въ Самборъ; его увѣщаніе подѣйствовало, и Марина выбралась въ дорогу, съ огромною свитою родныхъ и знакомыхъ [73].

Сигизмундъ надѣялся, что зять Сендомирскаго воеводы, отдастъ всѣ силы Московскаго царства въ распоряженіе Польскому правительству, которому тогда легко будетъ управиться съ Турками, Крымцами и Шведами, легко будетъ завести торговлю съ Персіею и Индіею. Лжедимитрій дѣйствительно хотѣлъ тѣснаго союза съ Польшею, но не хотѣлъ быть только орудіемъ въ рукахъ Польскаго правительства, хотѣлъ, чтобъ союзъ этотъ былъ столько же выгоденъ и для него, сколько для Польши, и главное, онъ хотѣлъ, чтобъ народъ Московскій не смотрѣлъ на него, какъ на слугу Сигизмундова, обязаннаго заплатить королю за помощь на счетъ чести и владѣній Московскаго государства. По утвержденіи своемъ въ Москвѣ Лжедимитрій спѣшилъ показать свои дружественныя отношенія къ

Польшѣ, спѣшилъ сдѣлать то, что можно было для нея сдѣлать. 17 іюля Смоленскій воевода писалъ Оршинскому старостѣ, что государь Литовскихъ торговыхъ людей пожаловалъ, позволилъ имъ пріѣзжать въ Смоленскъ со всякими товарами и торговать съ государевыми людьми во всемъ повольною торговлею, а кто изъ нихъ захочетъ въ Москву, можетъ ѣхать безпрепятственно. Но этимъ все и ограничилось. Сигизмундъ замѣчалъ холодность со стороны Лжедимитрія и считалъ себя въ правѣ обнаружить досаду. Въ Августѣ пріѣхалъ въ Москву посланникъ Сигизмундовъ Александръ Гонсѣвскій поздравить Лжедимитрія съ восшествіемъ на престолъ; какъ бы желая показать Лжедимитрію, что онъ еще не крѣпокъ на престолѣ и потому рано обнаруживаетъ свою холодность къ Польшѣ, Сигизмундъ велѣлъ объявить ему о слухѣ, будто Борисъ Годуновъ живъ и скрывается въ Англіи; король велѣлъ прибавить при этомъ, что онъ, какъ вѣрный другъ Московскаго государя, велѣлъ пограничнымъ воеводамъ быть наготовѣ и при первомъ движеніи непріятелей Димитрія спѣшить на помощь къ послѣднему. Далѣе Сигизмундъ требовалъ, чтобы царь не держалъ Густава Шведскаго какъ сына королевскаго, но посадилъ бы въ заключеніе, потому что Густавъ можетъ быть соперникомъ его, Сигизмунда, въ притязаніяхъ своихъ на Шведскій престолъ; требовалъ также, чтобъ царь отослалъ къ нему Шведскихъ пословъ, которые пріѣдутъ въ Москву отъ Карла IX-го; требовалъ отпуска и уплаты жалованья Польскимъ ратнымъ людямъ, служившимъ Димитрію; для Польскихъ купцовъ требовалъ свободной торговли въ Московскомъ государствѣ; просилъ позволенія Хрипуновымъ, отъѣхавшимъ въ Польшу при Годуновѣ, возвратиться въ отечество, наконецъ просилъ разыскать о сношеніяхъ Виленскаго посадника Голшаницы съ Годуновымъ. Въ грамотѣ королевской Димитрій не былъ названъ царемъ. Лжедимитрій отвѣчалъ: «Хотя мы не мало не сомнѣваемся въ смерти Бориса Годунова, и потому не боимся съ этой стороны никакой опасности, однако съ

благодарностію принимаемъ предостереженіе королевское, потому что всякій знакъ его расположенія для насъ пріятенъ; усердно благодаримъ также короля за приказъ, данный старостамъ Украинскимъ. Карлу Шведскому пошлемъ суровую грамоту, но подождемъ еще, въ какихъ отношеніяхъ будемъ сами находиться съ королемъ, потому что сокращеніе нашихъ титуловъ, сдѣланное его величествомъ, возбуждаетъ въ душѣ нашей подозрѣніе на счетъ его искренней пріязни. Густава хотимъ держать у себя не какъ князя или королевича Шведскаго, но какъ человѣка ученаго. Если Карлъ Шведскій пришлетъ гонцовъ въ Москву, то я дамъ знать королю, съ какими предложеніями они пріѣхали, а потомъ уже будемъ сноситься съ королемъ, чтò предпринять далѣе. Ратныхъ людей, которые намъ служили, какъ прежде не задерживали, такъ и теперь всѣхъ отпускаемъ свободно. Свободную торговлю купцамъ Польскимъ повсюду въ государствѣ нашемъ позволимъ и отъ обидъ ихъ будемъ оборонять. Хрипуновымъ, по желанію королевскому, позволяемъ возвратиться на родину и обѣщаемъ нашу благосклонность. О Голшаницѣ прикажемъ развѣдать и дадимъ знать королю съ гонцомъ нашимъ.

Лжедимитрій не только не хотѣлъ, въ угоду королю, отказаться отъ царскаго титула своихъ предшественниковъ, но еще вздумалъ перевесть Русское слово царь на понятное всей Европѣ Цесарь или императоръ, прибавивъ къ нему слово непобѣдимый. Ясно, что это новое требованіе могло повести только къ новымъ неудовольствіямъ. Однако Лжедимитрій зналъ, что Сигизмунда нельзя раздражать, пока Марина еще въ Польшѣ, и потому просилъ папскаго посланника, графа Рангони, сказать отъ него королю, что онъ очень удивляется сомнѣнію, которое обнаружилъ король касательно его расположенія лично къ нему и ко всему королевству Польскому, что сильно оскорбляетъ его также и умаленіе его титуловъ, сдѣланное королевскою канцеляріею. Если онъ, царь, обнаружилъ холодность къ королю и къ Польшѣ, то единственно изъ опасенія возбудить

нерасположеніе и измѣну подданныхъ, ибо между ними уже идутъ слухи, что царь хочетъ отдать королю часть Московскаго государства и даже объявить себя подручникомъ Польши. Лжедимитрій просилъ Рангони увѣрить короля, что онъ не забылъ его благодѣяній, почитаетъ его не столько братомъ, сколько отцемъ, и согласенъ исполнить всѣ его желанія, но что касается до титуловъ, то никогда не откажется отъ своего требованія, хотя изъ-за этого и не начнетъ войны съ Польшею. Касательно Густава Рангони долженъ былъ сказать королю, что царь держитъ его и ждетъ, чтò велитъ сдѣлать съ нимъ Сигизмундъ. Любопытны послѣднія слова наказа даннаго Рангони; изъ нихъ ясно видно, что царь льстилъ королю только для того, чтобы какъ можно скорѣе выманить изъ Польши Марину: «Мы хотимъ, велѣлъ сказать Лжедимитрій Сигизмунду, отправить нашихъ великихъ пословъ на большой сеймъ; но теперь отсрочили это посольство, потому что прежде хотимъ поговорить о вѣчномъ мирѣ съ вельможнымъ паномъ Юріемъ Мнишкомъ». Бучинскій послѣ объяснялъ королю, что нѣкоторые Поляки задержаны Димитріемъ именно изъ опасенія, что не выпустятъ Марину изъ Польши; Бучинскому былъ данъ наказъ: соглашаться на все, лишь бы выпустили панну.

Бучинскій пересылалъ Лжедимитрію дурныя вѣсти: онъ писалъ, что требованія его относительно титула произвели всеобщее негодованіе между панами; что тѣ изъ нихъ, которые и прежде ему не благопріятствовали, подняли теперь снова головы и голоса: такъ воевода Познаньскій упрекалъ короля въ неблагоразумномъ поведеніи относительно дѣлъ Московскихъ, говорилъ, что отказавши Димитрію въ помощи, можно было бы много выторговать у Годунова, а теперь отъ Димитрія вмѣсто благодарности однѣ только досады: требуетъ такого титула, какого не имѣетъ ни одинъ государь христіанскій; за это самое, продолжалъ воевода, Богъ лишитъ Димитрія престола, да и въ самомъ дѣлѣ пора уже показать всему свѣту, что это за человѣкъ, а под-

данные его должны и сами о томъ догадаться. Сюда присоединялись еще жалобы Поляковъ, пріѣхавшихъ изъ Москвы ни съ чѣмъ, потому что пропировали тамъ все жалованье. Въ заключеніе Бучинскій доносилъ о слухахъ изъ Москвы, что Димитрій не есть истинный царевичь и не долго будетъ признаваться такимъ. Слухи эти, по Польскимъ извѣстіямъ, дошли такимъ образомъ: когда Димитрій, узнавши объ обрученіи Марины, выбиралъ человѣка, котораго бы могъ послать съ благодарственными письмами къ Мнишку и королю, то Шуйскіе обратили его вниманіе на Ивана Безобразова, который и былъ отправленъ въ Краковъ съ письмами отъ Димитрія и съ тайнымъ порученіемъ отъ бояръ. Онъ требовалъ свиданія съ Литовскимъ канцлеромъ Сапѣгой; но король нашелъ, что важность сана Сапѣги обращала на него всеобщее вниманіе, и потому трудно было бы скрыть переговоры его съ Безобразовымъ отъ Бучинскаго и Русскихъ, находившихся въ Краковѣ. Уговорились, чтобы вмѣсто Сапѣги Безобразовъ открылся возвратившемуся изъ Москвы Гонсѣвскому. Послѣдній узналъ отъ Безобразова, что Шуйскій и Голицыны жалуются на короля, зачѣмъ онъ навязалъ имъ человѣка низкаго, легкомысленнаго, распутнаго тирана, ни въ какомъ отношеніи недостойнаго престола. Безобразовъ объявилъ о намѣреніи бояръ свергнуть Лжедимитрія и возвести на престолъ сына Сигизмундова, королевича Владислава. Бояре, если извѣстіе справедливо, достигали своей цѣли какъ нельзя лучше: Сигизмундъ, который теперь въ низложеніи Димитрія видѣлъ не ущербъ, но выгоду для себя и для Польши, велѣлъ отвѣчать боярамъ, что онъ очень жалѣетъ, обманувшись на счетъ Димитрія и не хочетъ препятствовать имъ промышлять о самихъ себѣ. Что же касается до королевича Владислава, то онъ, король, самъ не увлекается честолюбіемъ, хочетъ и сыну внушить такую же умѣренность, предоставляя все дѣло волѣ Божіей [74].

Римскій дворъ внимательно слѣдилъ за отношеніями Лже-

димитрія къ Польшѣ, потому что отъ нихъ всего болѣе зависѣло дѣло католицизма, введеніе котораго въ свое государство обѣщалъ самозванецъ папѣ: еслибы царь разорвалъ связь съ Польшею, съ Мнишкомъ, то уже тѣмъ меньше сталъ бы обращать вниманія на прежнія обязательства свои относительно двора Римскаго. Вотъ почему кардиналъ Боргезе писалъ къ папскому нунцію въ Польшѣ, Рангони, что его святѣйшество очень безпокоится на счетъ неудовольствія Московскаго посла Власьева на Поляковъ, хотя должно надѣяться, прибавляетъ кардиналъ, что великій князь не раздѣлитъ мнѣніе своего посла, и не забудетъ услугъ, оказанныхъ ему королемъ. Нунцій Рангони писалъ къ Лжедимитрію, что онъ всего болѣе старается объ усиленіи любви и укрѣпленіи союза между нимъ и Сигизмундомъ. Извѣщая царя о восшествіи на престолъ папы Павла V-го Рангони просилъ его, чтобъ онъ послалъ поздравить новоизбраннаго папу, къ которому уже отправленъ портретъ его Посылая къ Лжедимитрію, между прочими подарками, Латинскую библію послѣдняго изданія, Рангони изъявляетъ желаніе, чтобы царь особенно обратилъ вниманіе свое на глаголъ Божій къ Израильтянамъ: «Нынѣ аще послушаніемъ послушаете гласа моего и снабдите завѣтъ мой, будете мои люди суще отъ всѣхъ языкъ». Текстъ этотъ нунцій примѣняетъ къ Димитрію, намекая, что ему остается, въ благодарность за благодѣяніе Божіе, исполнить обѣщаніе свое, ввести католицизмъ въ Московское государство; но при этомъ Рангони совѣтуетъ, чтобы царь началъ это дѣло мудро и бережно, дабы, въ противномъ случаѣ не претерпѣть какого-нибудь вреда. Также осторожно поступалъ и іезуитъ Лавицкій, бывшій при Димитріи въ Москвѣ: извѣщая старшину своего ордена въ Польшѣ о дѣлѣ Шуйскаго, о томъ, что однимъ изъ обвиненій Шуйскаго царю было намѣреніе послѣдняго разрушить всѣ церкви Московскія по совѣту враговъ народа Русскаго, іезуитовъ, Лавицкій пишетъ: «мы наложили на себя молчаніе, не говоримъ съ царемъ ни объ одномъ нашемъ дѣлѣ, опасаясь Москвитянъ,

чтобы царь имѣлъ полную свободу въ дѣйствіяхъ и могъ склонить вельможъ къ своимъ намѣреніямъ.»

Лжедимитрій исполнилъ просьбу нунція, отправилъ къ новому папѣ поздравительное письмо, въ которомъ съ признательностію упоминаетъ о расположеніи къ себѣ покойнаго папы Климента VIII. Извѣщая о счастливомъ окончаніи борьбы своей съ Годуновымъ, Димитрій говоритъ, что въ надеждѣ на помощь и покровительство Божіе, столь явно ему оказанное, онъ не хочетъ проводить время въ праздности, но будетъ всѣми силами заботиться о благѣ христіанства: для этого онъ намѣренъ соединить свои войска съ императорскими противъ Турокъ и проситъ папу убѣдить императора не заключать мира съ послѣдними. О введеніи католицизма между своими подданными ни слова, и хотя пишетъ, что о нѣкоторыхъ дѣлахъ сообщитъ папѣ отправившійся въ Римъ іезуитъ Лавицкій, однако въ наказѣ, данномъ послѣднему, также ничего не говорится о введеніи католицизма: изъ этого наказа узнаемъ только о желаніи царя, чтобы папа склонилъ императора и короля Польскаго въ войнѣ съ Турками, чтобы папа склонилъ также Сигизмунда дать Димитрію императорскій титулъ, наконецъ чтобы папа возвелъ въ кардиналы пріятеля Димитріева, Рангони. Новый папа отвѣчалъ Димитрію также поздравленіемъ съ побѣдою надъ тираномъ Годуновымъ, при чемъ особенно благодарилъ Бога за то, что Димитрій взошелъ на престолъ предковъ, уже принявши католицизмъ: это обстоятельство, по словамъ папы, и было главною причиною его торжества; письмо заключается увѣщаніемъ сохранить принятое ученіе. Между тѣмъ кардиналъ Валенти писалъ къ нунцію въ Польшу, что должно разыскивать всѣми средствами и вести переписку со многими особами, чтобы имѣть вѣрныя извѣстія о Московскихъ событіяхъ; особенно нужно знать мнѣніе, какое имѣютъ о нихъ люди умные и опытные. Въ письмѣ къ Сигизмунду папа благодаритъ его за помощь, оказанную Димитрію особенно потому, что эта помощь полезна церкви Божіей, ибо если Димитрій, принявши во вре-

мя изгнанія своего католицизмъ, сохранитъ это ученіе и по возвращеніи къ своему народу, то нѣтъ сомнѣнія, что оно распространится со временемъ и между Москвитянами. Папа писалъ также къ кардиналу Мацѣевскому, чтобы тотъ уговорилъ Мнишка воспользоваться своимъ вліяніемъ на Димитрія и поддерживать въ немъ расположеніе къ католицизму; въ такомъ случаѣ, прибавляетъ папа, Москвитяне со временемъ приведены будутъ въ лоно Римской церкви, потому что народъ этотъ, какъ слышно, отличается необыкновенною привязанностію къ своимъ государямъ. Въ томъ же духѣ писалъ Павелъ V-й къ самому Мнишку, убѣждая его содѣйствовать всѣми силами трудному дѣлу обращенія Москвитянъ. Кардиналъ Валенти наказывалъ, именемъ папы, нунцію Рангони, чтобы тотъ обращался какъ можно ласковѣе съ Московскимъ посломъ Власьевымъ, чтобы послѣдній остался имъ вполнѣ доволенъ и расположенъ къ продолженію дружелюбныхъ сношеній. Вскорѣ послѣ тотъ же кардиналъ писалъ къ тому же нунцію, что папа въ восхищеніи отъ успѣшныхъ дѣлъ Димитрія, и воздаетъ благодарность Богу, Который, среди трудовъ, предпринятыхъ для блага общаго, соблаговолилъ утѣшить его надеждою видѣть во время своего первосвященства обращеніе Московскихъ отщепенцовъ къ религіи католической. Увѣдомляетъ также, что папа очень доволенъ обращеніемъ нунція съ Московскимъ посломъ, который уласканъ учтивостями Рангони, что папа проситъ послѣдняго продолжить подобное обращеніе, могущее служить очень полезнымъ средствомъ для уловленія умовъ, особенно въ тѣхъ странахъ, гдѣ ласковость очень дорого цѣнится. Узнавъ о коронованіи Димитрія, папа писалъ къ нему: «Мы увѣрены, что католическая религія будетъ предметомъ твоей горячей заботливости, потому что только по одному нашему обряду люди могутъ поклоняться Господу и снискивать его помощь; убѣждаемъ и умоляемъ тебя стараться всѣми силами о томъ, чтобы желанныя наши чада, народы твои, приняли Римское ученіе; въ этомъ дѣлѣ обѣщаемъ тебѣ нашу дѣятельную

помощь, посылаемъ монаховъ, знаменитыхъ чистотою жизни, а если тебѣ будетъ угодно, то пошлемъ и епископовъ.

Между тѣмъ король Сигизмундъ, недовольный поведеніемъ Димитрія относительно Польши, не очень охотно видѣлъ сильное доброжелательство къ нему Римскаго двора, и потому противился отправленію графа Рангони, племянника нунціева, посломъ въ Москву. Рангони поѣхалъ къ Димитрію противъ воли королевской, за что Римскій дворъ очень сердился на дядю его, нунція, какъ видно изъ двухъ писемъ кардинала Боргезе къ послѣднему; папа боялся, чтобы это посольство не увеличило смуты, подозрѣнія Москвитянъ, и такимъ образомъ не повредило дѣлу католицизма, пользы которому папа болѣе всего надѣялся отъ брака Димитріева на Маринѣ: кардиналъ Боргезе писалъ нунцію, что его святѣйшество ожидаетъ и духовныхъ плодовъ отъ этого брака для блага всего христіанства. Самъ папа писалъ къ Димитрію, что бракъ его на Маринѣ есть дѣло въ высокой степени достойное его великодушія и благочестія, что этимъ поступкомъ Димитрій удовлетворилъ всеобщему ожиданію: «мы не сомнѣваемся, продолжаетъ папа, что такъ какъ ты хочешь имѣть сыновей отъ этой превосходной женщины, рожденной и свято воспитанной въ благочестивомъ католическомъ домѣ, то хочешь также привести въ лоно Римской церкви и народъ Московскій, потому что народы необходимо должны подражать своимъ государямъ и вождямъ. Вѣрь, что ты предназначенъ отъ Бога къ совершенію этого спасительнаго дѣла, причемъ большимъ вспоможеніемъ будетъ для тебя твой благороднѣйшій бракъ». Тоже самое писалъ папа къ Маринѣ и отцу ея. Павелъ V-й счелъ нужнымъ напомнить Димитрію о письмѣ, которое тотъ писалъ къ предшественнику его, Клименту VIII 30 іюля 1604 года; напомнивъ о письмѣ, папа повторяетъ увѣщанія свои просвѣтить свѣтомъ католическаго ученія народъ, до сихъ поръ сидѣвшій во мракѣ и сѣни смертной, при чемъ снова обѣщается прислать благочестивыхъ людей и даже епископовъ на помощь великому дѣлу, если царь признаетъ это нужнымъ. Папа

такъ спѣшилъ бракомъ самозванца съ Мариною, что уполномочилъ патера Савицкаго обвѣнчать ихъ тайно въ великій постъ. Зная, что Лжедимитрій добивается императорскаго титула, папа черезъ кардинала Боргезе наказывалъ нунцію удовлетворить въ этомъ отношеніи желанію царя, и потому Рангони даетъ Димитрію требуемый титулъ: «Serenissimo et invictissimo Monarchae Demetrio Ioannis, Caesari ac Magno Duci totius Russiae, atque universorum Tartariae regnorum aliorumque plurimorum dominiorum, Monarchiae Moscoviticae subjectorum, Domino et Regi.

Не считая приличнымъ прямо требовать отъ Сигизмунда, чтобы тотъ уступилъ желаніямъ Димитрія относительно титула, папа косвеннымъ образомъ намекалъ королю, какъ бы важенъ былъ союзъ Москвы съ Польшею для дружнаго нападенія на общихъ враговъ —Татаръ. Кардиналъ Боргезе, въ письмѣ своемъ къ нунцію говоритъ, что такъ какъ великій князь Московскій показываетъ сильное расположеніе къ союзу съ Польшею противъ Татаръ, то на будущемъ сеймѣ не должно быть никакого затрудненія на счетъ предложеннаго союза, при чемъ требуетъ отъ нунція, чтобы тотъ устремилъ всѣ свои мысли для приведенія этого дѣла къ желанному концу. Въ то же самое время кардиналъ писалъ другое письмо къ Рангони, въ которомъ отъ имени папы уполномочивалъ его убѣждать короля къ уступкѣ требованіямъ Димитрія, если только онъ, Рангони думаетъ, что посредничество папы можетъ подѣйствовать на короля, и если уступка послѣдняго склонитъ царя къ союзу противъ Татаръ; и самъ папа писалъ къ Сигизмунду, умоляя его поддержать и усилить союзъ съ Димитріемъ.

Но въ то самое время, какъ Римскій дворъ употреблялъ всѣ усилія для скрѣпленія союза между Москвою и Польшею, возникли затрудненія въ собственныхъ сношеніяхъ его съ Димитріемъ: папа надѣялся, что бракъ царя на католичкѣ будетъ могущественно содѣйствовать распространенію Латинства въ Московскихъ областяхъ; но Димитрій требовалъ, чтобы Марина содержала католицизмъ въ тайнѣ,

наружно же исполняла обряды закона Греческаго, ходила въ Русскую церковь, постилась въ дни предписанные православіемъ. Нунцій Рангони, къ которому Димитрій обратился съ этими требованіями, отвѣчалъ, что, не смотря на пламенное желаніе услужить ему, онъ не имѣетъ никакой возможности удовлетворить его желанію, ибо такое важное и трудное дѣло требуетъ для своего рѣшенія власти высшей и разсужденія болѣе зрѣлаго. Не желая, чтобъ это дѣло пошло далѣе, Рангони пишетъ къ Димитрію: «Я не сомнѣваюсь, что когда ваше величество разсмотрите это дѣло съ своею обычною мудростію и извѣстнымъ благочестіемъ, то, посредствомъ самодержавной власти, которой никто противиться не долженъ, отстраните всѣ затрудненія, не потерпите, чтобы закону дано было неприличное истолкованіе, и не сдѣлаете никакого принужденія вашей невѣстѣ въ столь важномъ дѣлѣ: въ противномъ случаѣ могутъ произойти большія непріятности. Притомъ же это дѣло не новое: повсюду видимъ, что женщины Греческаго закона выходятъ замужъ за Латыновъ, и на оборотъ, при чемъ каждый изъ супруговъ сохраняетъ прежнее исповѣданіе, прежніе обряды; этотъ обычай имѣетъ силу не только для частныхъ людей, но и для государей; говорятъ, что одинъ изъ вашихъ предковъ, задумавъ жениться на королевнѣ Польской, именно предлагалъ, чтобъ она удержала всѣ обряды церкви Латинской.» Однако Димитрій не тронулся увѣщаніями нунція, и дѣло было отослано на рѣшеніе папы. 4 Марта 1606 года Боргезе увѣдомлялъ Рангони, что пункты, предложенные царемъ, рѣшены не согласно съ его желаніемъ, ибо конгрегація изъ кардиналовъ и теологовъ, послѣ тщательнаго обсужденія предмета, произнесла приговоръ, что престолъ апостольскій не разрѣшаетъ въ подобныхъ случаяхъ, и не бывало примѣра, чтобы когда нибудь разрѣшилъ. Въ такихъ же точно обстоятельствахъ находился и нынѣ царствующій король Польскій, когда отправился въ Швецію для принятія престола: но ему не было позволено сообразоваться съ Лютеранскими обычаями.

Между тѣмъ пріѣхалъ въ Римъ Лавицкій; папа извѣстилъ объ этомъ Димитрія въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Мы съ такимъ нетерпѣніемъ ждали отъ тебя писемъ, что даже упрекали въ медленности Андрея Лавицкаго, человѣка самаго старательнаго: когда сильно чего-нибудь желаешь, то всякое замедленіе нестерпимо. Наконецъ онъ пріѣхалъ, отдалъ намъ твои письма, разсказалъ о тебѣ вещи достойныя; мы жалѣли только объ одномъ, отчего онъ не могъ сказать намъ всего вдругъ, какъ бы намъ хотѣлось Такое наслажденіе доставилъ онъ намъ своими рѣчами, что мы не могли удержать радостныхъ слезъ; мы твердо увѣрены теперь, что апостольскій престолъ сдѣлаетъ самыя великія пріобрѣтенія, когда ты будешь твердо и мудро управлять тѣми странами. Благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, соблаговолившій утѣшить насъ въ безпокойствахъ! У тебя поле обширное: сади, сѣй, пожинай на немъ, повсюду проводи источники благочестія, строй зданія, которыхъ верхи касались бы небесъ; воспользуйся удобностію мѣста, и, какъ второй Константинъ, первый утверди на немъ римскую церковь. Такъ какъ ты можешь дѣлать въ землѣ своей все, что захочешь, то повелѣвай. Пусть народы твои услышатъ гласъ истиннаго пастыря, Христова на земли намѣстника!» Не смотря однако на восторженный тонъ папскаго письма, въ немъ проглядываетъ безпокойство: видно, что Лавицкій принесъ папѣ не однѣ только утѣшительныя вѣсти; Павла V безпокоило то, что тѣлохранителями Димитрія были иностранцы, исповѣдывавшіе протестантизмъ, что въ числѣ самыхъ приближенныхъ къ нему людей были два Поляка, братья Бучинскіе, которые также не были католиками; вотъ почему папа пишетъ въ заключеніе письма: «Посылаемъ къ тебѣ обратно Лавицкаго, который много кой чего объявитъ тебѣ отъ нашего имени; особенно внемли увѣщаніямъ не ввѣрять себя и своихъ еретикамъ и не удаляться отъ совѣта мудрыхъ и благочестивыхъ людей.» Подъ послѣдними папа разумѣетъ Мнишка съ товарищами, и особенно католическихъ духов-

ныхъ; изъ этихъ же словъ видно, что царь не слишкомъ приклонялся къ совѣтамъ мудрыхъ и благочестивыхъ, и, нуждался въ увѣщаніяхъ поэтому случаю. Гораздо болѣе могъ надѣяться папа отъ Марины; онъ писалъ къ ней: «Мы оросили тебя своими благословеніями, какъ новую лозу, посаженную въ виноградникѣ Господнемъ; да будешь дщерь, Богомъ благословенная, да родятся отъ тебя сыны благословенные, каковыхъ надѣется, каковыхъ желаетъ святая матерь наша церковь, каковыхъ обѣщаетъ благочестіе родительское, то есть, самыхъ ревностныхъ распространителей вѣры Христовой.» Потомъ папа увѣщеваетъ Марину воспитывать будущихъ дѣтей своихъ въ строгости и благочестіи, съ младенчества напитать ихъ мыслію, что на нихъ лежитъ обязанность распространять истинную религію. Въ заключеніи Павелъ V-й поручаетъ расположенію Московской царицы Андрея Лавицкаго и весь орденъ Іезуитовъ, полезный цѣлому свѣту. Къ воеводѣ Сендомирскому папа писалъ, что онъ всего болѣе полагается на его благочестіе и нуждается въ его совѣтѣ и помощи. Павелъ V-й изъявляетъ надежду, что народъ Московскій легко обратится въ католицизмъ, потому что отъ природы кротокъ и до сихъ поръ еще не былъ зараженъ ересями.

Доѣхавши до Вязьмы, старый Мнишекъ оставилъ здѣсь дочь, а самъ поспѣшилъ въ Москву, куда пріѣхалъ 24 апрѣля 1606 года; 2 мая съ большимъ великолѣпіемъ въѣхала въ Москву Марина и остановилась въ Вознесенскомъ монастырѣ; считали, что самозванецъ на одни дары Маринѣ и Полякамъ издержалъ до четырехъ милліоновъ нынѣшнихъ серебряныхъ рублей. 8 мая Марина была коронована и обвѣнчена съ Лжедимитріемъ по старому Русскому обряду; новостію было то, что у Марины въ другихъ дружкахъ былъ панъ Тарло, во свахахъ его жена[75]; другою новостію было то, что на свадьбѣ присутствовали послы короля Польскаго, Николай Олѣсницкій и Александръ Гонсѣвскій; но присутствіе этихъ небывалыхъ гостей не придало большаго веселья свадьбѣ. При первомъ пріемѣ ихъ уже начинались

неудовольствія, не смотря на усердное посредничество стараго Мнишка. Димитрій требовалъ императорскаго титула, Сигизмундъ отказывалъ ему даже и въ томъ титулѣ, который Польское правительство довало его предшественникамъ, не называлъ даже его великимъ княземъ, а просто княземъ. Послѣднее трудно объяснить одною только досадою на неумѣренныя требованія Лжедимитрія: вѣроятно эта охота дразнить послѣдняго пришла королю тогда, когда получилъ онъ вѣрныя вѣсти о непрочности его на престолѣ. Когда Димитрій не хотѣлъ взять королевской грамоты, потому что въ ней не давалось ему цесарскаго титула, то Олѣсницкій сказалъ ему: «Вы оскорбляете короля и республику, сидя на престолѣ, который достался вамъ дивнымъ промысломъ Божіимъ, милостію королевскою, помощію Польскаго народа; вы скоро забыли это благодѣяніе.» Лжедимитрій отвѣчалъ: «Мы не можемъ удовольствоваться ни титуломъ княжескимъ, ни господарскимъ, ни царскимъ, потому что мы императоръ въ своихъ обширныхъ государствахъ и пользуемся этимъ титуломъ не на словахъ только, какъ то дѣлаютъ другіе, но на самомъ дѣлѣ, ибо никакіе монархи, ни Ассирійскіе, ни Мидійскіе, ни цезари Римскіе не имѣли на него большаго, чѣмъ мы, права. Намъ нѣтъ ровнаго въ полночныхъ краяхъ касательно власти: кромѣ Бога и насъ здѣсь никто не повелѣваетъ.» Олѣсницкій отговорился тѣмъ, что царь не прислалъ къ королю особыхъ пословъ съ требованіемъ императорскаго титула, и что Сигизмундъ не можетъ дать ему этотъ титулъ безъ согласія сейма. Димитрій возражалъ, что уже сеймъ конченъ и послы отправились съ сейма, но что нѣкоторые Поляки не совѣтуютъ королю давать ему, Димитрію, должнаго титула. Олѣсницкій требовалъ отпуска и хотѣлъ выйти; Димитрій, бывши хорошо знакомъ съ нимъ въ Польшѣ, звалъ его къ рукѣ, какъ частнаго человѣка и стараго пріятеля, но посолъ отвѣчалъ, что не можетъ принять этой чести: «Какъ вы, сказалъ онъ царю, знали меня въ Польшѣ усерднымъ своимъ пріятелемъ и слугою, такъ теперь пусть король узнаетъ во

мнѣ вѣрнаго подданаго и добраго слугу.» Тогда Димитрій сказалъ Олѣсницкому: «Подойди, вельможный панъ, какъ посолъ;» Олѣсницкій отвѣчалъ: «Подойду тогда, когда вы согласитесь взять грамоту королевскую,»—и Димитрій согласился взять ее. Послѣ этого оба послы подошли къ рукѣ царской; дьякъ взялъ грамоту и, прочитавъ, отвѣчалъ, что цесарь беретъ ее только для своей свадьбы, но что послѣ никогда, ни отъ кого не приметъ грамоты, въ которой не будетъ прописано его полнаго титула. Но этимъ споры и неудовольствія не кончились: послы отказались участвовать въ брачныхъ пирахъ Димитрія, потому что онъ не хотѣлъ посадить ихъ за одинъ столъ съ собою; въ этомъ случаѣ уступили Поляки, благодаря посредничеству Мнишка.

Обнаружилось, что главная цѣль, для которой, послѣ пріѣзда Марины, царь хотѣлъ поддержать союзъ съ Польшею, не могла быть достигнута. Нунцій Рангони писалъ къ Димитрію, что хотя онъ, по приказу папы, и говорилъ съ королемъ Сигизмундомъ о тайномъ союзѣ между Москвою, Польшею и Имперіею, однако къ заключенію этого союза встрѣчаются неодолимыя препятствія, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаетъ народная вражда между Нѣмцами и Поляками; король можетъ согласиться на союзъ съ Имперіею только на томъ условіи, чтобы всѣ имперскіе князья на это согласились и дали клятву не оставлять Поляковъ во все продолженіе войны съ невѣрными; но при извѣстномъ состояніи дѣлъ въ Германіи отъ князей нельзя ожидать подобнаго обязательства. Поэтому папа хотѣлъ ограничиться союзомъ Москвы съ Польшею противъ однихъ Крымскихъ Татаръ, истребленіемъ которыхъ оба государства отняли бы у Порты важное пособіе и дали бы императору возможность съ бо́льшимъ успѣхомъ дѣйствовать противъ нея въ Венгріи. Но война съ Крымцами была вмѣстѣ и войною съ Турціею, которая не могла оставить безъ помощи своихъ подданныхъ, и если Сигизмундъ отговаривался отъ войны съ Турками, то не могъ начать и похода на

Крымъ. Послы — Олѣсницкій и Гонсѣвскій, начавши переговоры съ боярами, предложили имъ вопросъ: «когда и съ какими силами государь ихъ намѣренъ ополчиться противъ невѣрныхъ?» Бояре отвѣчали: «Нашъ цесарь намѣренъ воевать съ погаными единственно по ревности къ славѣ Божіей и святой вѣрѣ, безо всякихъ другихъ видовъ. Если же король поручилъ вамъ только вывѣдать наши мысли, чтобъ послѣ самому ничего не дѣлать, то это будетъ коварствомъ и обманомъ.» На это послы сказали: «Вамъ самимъ извѣстенъ порядокъ переговоровъ: кто предлагаетъ какое-нибудь важное дѣло и требуетъ чего-нибудь отъ другаго, тотъ самъ прежде объявляетъ свои средства » Тогда бояре пошли переговорить съ цесаремъ, и, возвратившись, объявили, что самъ Димитрій будетъ скоро говорить съ послами въ присутствіи ближнихъ бояръ; но эти переговоры не могли состояться. Димитрій, по свидѣтельству лѣтописи, объявилъ своимъ подданнымъ, что ни одной пяди Московской земли не отдастъ Литвѣ: что это объявленіе не было сдѣлано только для успокоенія своихъ, доказательствомъ служатъ условія, предложенныя ему Польскимъ правительствомъ, и отвѣты его на нихъ. Поляки требовали: 1) чтобы Димитрій отдалъ Польшѣ землю Сѣверскую; 2) заключилъ вѣчный союзъ съ Польшею; 3) чтобы позволилъ іезуитамъ и прочему католическому духовенству войти въ Московское государствое и строить тамъ церкви; 4) чтобы помогъ Сигизмунду возвратить Шведскій престолъ. На первое требованіе Лжедимитрій отвѣчалъ: земли Сѣверской не отдамъ, но дамъ за нее деньги; на второе: союза съ Польшею и самъ чрезвычайно желаю; на третье: церквей Латинскихъ и іезуитовъ не хочу; на четвертое: для возвращенія Швеціи буду помогать деньгами. Чтобы показать на дѣлѣ расположеніе свое къ союзу съ Польшею, готовность сдѣлать для короля все, что только не влекло за собою ущерба цѣлости и чести Московскаго государства, Лжедимитрій, еще въ 1605 году послалъ къ Карлу IX Шведскому письмо съ объявленіемъ о своемъ воцареніи, съ увѣщаніемъ воз-

вратить похищенный престолъ Сигизмунду и съ угрозою начать войну въ случаѣ отказа [76].

Но въ то время какъ въ Москвѣ происходили брачныя торжества и велись переговоры о великихъ предпріятіяхъ, на юговосточныхъ границахъ государства обнаружилось явленіе, которое показывало опасное состояніе государственнаго организма, показывало, что рана раскрылась и дурные соки начали приливать къ ней: при жизни перваго самозванца уже явился второй. Самые дальнѣйшіе казаки, Терскіе хотѣли, подобно другимъ собратіямъ своимъ, жить на счетъ сосѣдей: сперва думали они идти на рѣку Куру и грабить Турецкія области, а въ случаѣ неудачи предложить услуги свои Персидскому шаху Аббасу. Но скоро ихъ кто-то надоумилъ, что гораздо выгоднѣе, подъ знаменами самозванца, пустошить Московское государство и получить такую же честь, какую Донцы и Черкасы получили отъ Лжедимитрія, Триста самыхъ удалыхъ изъ Терскихъ казаковъ, подъ начальствомъ атамана Ѳедора Бодырина, условились выставить искателя престола, и стали разглашать, что въ 1592 году царица Ирина родила сына Петра, котораго Годуновъ подмѣнилъ дѣвочкою Ѳеодосіею, скоро послѣ того умершею: выдумка, по всѣмъ вѣроятностямъ, Московская, а не Терская, ибо странно, чтобы какому-нибудь казаку пришли на умъ такія хитрости. Какъ бы то ни было, двое молодыхъ казаковъ, Астраханецъ Димитрій и Муромецъ Илья признаны были способными играть роль царевича; но первый отказался, что въ Москвѣ онъ никогда не бывалъ, не знаетъ и тамошнихъ дѣлъ и царскихъ обычаевъ; тогда положили Ильѣ быть царевичемъ. Илья былъ побочный сынъ Муромскаго жителя Ивана Коровина. По смерти отца и матери его взялъ Нижегородскій купецъ Грозильниковъ въ сидѣльцы, и сидѣлъ онъ въ лавкѣ съ яблоками да съ горшками. Оставаясь три года въ этой должности, Илья имѣлъ случай съѣздить въ Москву, гдѣ прожилъ пять мѣсяцевъ. Отойдя отъ Грозильникова, нанимался онъ у разныхъ торговыхъ людей въ кормовые казаки и ходилъ съ

судами по Волгѣ, Камѣ и Вяткѣ; въ 1603 году онъ является уже казакомъ при войскѣ, ходившемъ въ Тарки; здѣсь перешелъ изъ казаковъ въ стрѣльцы, а по возвращеніи изъ похода въ Терскій городъ, вступилъ въ услуженіе къ Григорію Елагину, у котораго и зимовалъ. Лѣтомъ 1604 года, поѣхалъ въ Астрахань, гдѣ опять вступилъ въ казаки и отправился на Терекъ въ отрядѣ головы Аѳанасія Андреева. Всѣ эти похожденія показываютъ, что Ильѣ не могло быть меньше двадцати лѣтъ отъ роду, тогда какъ царевичу Петру не могло быть больше четырнадцати; но такая несообразность не остановила казаковъ, они говорили: «Государь насъ хотѣлъ пожаловать, да лихи бояре, переводятъ жалованье бояре, да не дадутъ жалованья.» Они твердо положили исполнить свое намѣреніе и отвезли Илью къ казачьему атаману Гаврилѣ Пану. Терскій воевода, Петръ Головинъ, узнавъ о появленіи самозванца, послалъ къ казакамъ съ предложеніемъ отослать его къ нему въ городъ; но казаки не послушались и спустились на стругахъ до моря, гдѣ остановились на островѣ, противъ устья Терека. Напрасно Головинъ уговаривалъ ихъ не покидать границы беззащитною и оставить, по крайней мѣрѣ, половину казаковъ на Терекѣ: казаки не хотѣли ничего слушать, и всѣ, въ числѣ 4000, отправились къ Астрахани. Не будучи впущены въ городъ, они миновали его и поплыли вверхъ по Волгѣ, занимаясь разбойничествомъ. Лжедимитрій, неизвѣстно по какому побужденію, послалъ звать царевича Петра въ Москву, объявивъ, что приказано взять нужныя мѣры для обезпеченія его продовольствія на пути. Посланный засталъ его въ Самарѣ; казаки приняли предложеніе и двинулись съ Ильею въ Москву; но дядя не могъ уже свидѣться съ племянникомъ [77].

Шуйскій былъ возвращенъ изъ ссылки, снова приблизился къ царю, который позволилъ ему жениться, вмѣстѣ съ княземъ Мстиславскимъ, и старикъ спѣшилъ помолвить на княжнѣ Буйносовой-Ростовской; но вмѣстѣ онъ спѣшилъ составить заговоръ противъ довѣрчиваго царя. Не-

удовольствія противъ послѣдняго должны были увеличиться съ исполненіемъ его пламеннаго желанія, съ пріѣздомъ Марины. Мы видѣли, что Лжедимитрій, не будучи въ состояніи отказаться отъ брака съ Мариною, въ то же время не хотѣлъ оскорблять Русскихъ людей въ ихъ коренныхъ убѣжденіяхъ, требовалъ и настоялъ, чтобъ Марина, оставаясь втайнѣ католичкою, сообразовалась съ постановленіями православной церкви и съ обычаями народными. Но этою сдѣлкою нельзя было всѣхъ удовлетворить: люди приближенные хорошо знали, что царица остается латынкою некрещенною, и между духовенствомъ не могли не явиться ревнители, которые явно возстали противъ этого: такъ Гермогенъ, митрополитъ Казанскій, Іоасафъ, архіепископъ Коломенскій, говорили, что если Марина не перемѣнитъ исповѣданія, то бракъ не будетъ законнымъ: Гермогена удалили въ его епархію и тамъ заключили въ монастырь; Іоасафа оставили въ покоѣ, неизвѣстно по какимъ причинамъ. Неизвѣстно также по какимъ причинамъ Лжедимитрій, столько осторожный въ этомъ отношеніи, не хотѣлъ сообразоваться съ уставомъ церковнымъ, и вѣнчался 8 мая, на пятницу и на Николинъ день. Были неудовольствія и другаго рода: для помѣщенія родныхъ невѣсты и другихъ свадебныхъ гостей вывели изъ кремлевскихъ домовъ не только купцовъ и духовныхъ, но даже бояръ; арбатскіе и чертольскіе священники выведены были также изъ домовъ, въ которыхъ помѣщены иностранные тѣлохранители царскіе. Поляки, спутники Марины, вели себя нагло; казаки подражали имъ; но торговые люди утѣшали себя тѣмъ, что получали большіе барыши съ расточительныхъ гостей. Говорятъ еще объ одномъ распоряженіи Лжедимитрія, которое еслибы въ самомъ дѣлѣ было исполнено, то могло бы возбудить сильное неудовольствіе въ духовенствѣ: говорятъ, будто царь велѣлъ осмотрѣть монастыри, представить вѣдомость ихъ доходамъ, оцѣнить ихъ вотчины, и, оставивъ только необходимое для содержанія монаховъ, остальное отобралъ въ казну на жалованье

войску, сбиравшемуся въ походъ противъ Турокъ. Но трудно принять это извѣстіе вопервыхъ потому, что, какъ мы знаемъ, Димитрій подтверждалъ монастырямъ жалованныя грамоты и давалъ новыя; вовторыхъ потому, что объ этомъ распоряженіи не говорится въ Русскихъ источникахъ. Вѣроятно, что, подобно Грозному, Лжедимитрій потребовалъ у духовенства щедраго вспоможенія для наступающей войны съ невѣрными, а это ревностнымъ протестантамъ показалось отобраніемъ имущества у монаховъ.

Но если и были причины къ неудовольствію, то неудовольствіе это, по прежнему, не было сильно и всеобще; по прежнему, любовь большинства къ царю продолжала обнаруживаться: однажды Басмановъ донесъ самозванцу, что нѣкоторые стрѣльцы распускаетъ о немъ дурные слухи: Лжедимитрій, какъ прежде отдалъ дѣло Шуйскаго на рѣшеніе собора, такъ теперь отдалъ дѣло семерыхъ обличенныхъ стрѣльцовъ на рѣшеніе ихъ товарищей; тогда голова Стрѣлецкій, Григорій Микулинъ грубо выразилъ свое усердіе: «освободи меня, государь, сказалъ онъ: Я у тѣхъ измѣнниковъ не только что головы поскусаю, и черева изъ нихъ своими зубами повытаскаю;» и тутъ же, по знаку Микулина, стрѣльцы бросились на обвиненныхъ товарищей и изрубили ихъ въ куски. Явился еще обличитель, дьякъ Тимоѳей Осиповъ: постившись и причастясь св. Таинъ, Осиповъ пришелъ во дворецъ и передъ всѣми началъ говорить Лжедимитрію: «Ты воистинну Гришка Отрепьевъ, разстрига, а не цесарь непобѣдимый, не царевъ сынъ Димитрій, но грѣху рабъ и еретикъ.» Осипова казнили, и народъ остался покоенъ. Свободный въ обращеніи съ приближенными людьми, Лжедимитрій позволялъ имъ дѣлать замѣчанія насчетъ его образа жизни, если только эти замѣчанія не переходили границъ вѣжливости: такъ однажды, когда въ четвергъ на шестой недѣлѣ великаго поста за столомъ царскимъ подали телятину, то князь Василій Шуйскій замѣтилъ, что въ постъ Русскіе не могутъ ѣсть мяса; Лжедимитрій началъ споръ съ княземъ; думный дворянинъ, из-

вѣстный уже намъ неразборчивостію выраженій, Татищевъ, взялъ сторону Шуйскаго и наговорилъ царю такихъ вещей, что тотъ долженъ былъ выгнать его изъ-за стола и хотѣлъ было сослать въ Вятку, но простилъ по просьбѣ Басманова.

Видя расположеніе большинства Московскихъ жителей къ Лжедимитрію, расположеніе, не нарушаемое противными старинѣ поступками послѣдняго; наученый страшнымъ опытомъ, что нельзя подвинуть народа противъ царя однимъ распущеніемъ слуховъ о самозванствѣ, Шуйскій прибѣгъ къ другому средству,: къ составленію заговора, въ челѣ котораго вмѣстѣ съ нимъ стали князья — Василій Васильевичъ Голицынъ и Иванъ Семеновичъ Куракинъ. Еще прежде свадьбы царя между ними было все улажено; для сохраненія единства между собою, необходимаго въ такомъ дѣлѣ, бояре положили прежде всего убить растригу «а кто послѣ него будетъ изъ нихъ царемъ, тотъ не долженъ никому мстить за прежнія досады, но по общему совѣту управлять Россійскимъ царствомъ.» Условившись съ знатными заговорщиками, Шуйскій сталъ подбирать другихъ изъ народа, успѣлъ привлечь на свою сторону осьмнадцатитысячный отрядъ Новгородскаго и Псковскаго войска, стоявшій подлѣ Москвы и назначенный къ походу на Крымъ: быть можетъ тутъ помогла давняя связь Новгородцевъ съ Шуйскими. Ночью собрались къ князю Василію бояре, купцы, сотники и пятидесятники изъ полковъ. Шуйскій объявилъ имъ о страшной опасности, которая грозитъ Москвѣ отъ царя, преданнаго Полякамъ, прямо открылся, что самозванца признали истиннымъ Димитріемъ только для того, чтобъ освободиться отъ Годунова, думали что такой умный и храбрый молодой человѣкъ будетъ защитникомъ вѣры православной и старыхъ обычаевъ; но вмѣсто того царь любитъ только иноземцевъ, презираетъ святую вѣру, оскверняетъ храмы Божіи, выгоняетъ священниковъ изъ домовъ, которые отдаетъ иновѣрцамъ, наконецъ женится на Полькѣ поганой. «Если мы, продолжалъ Шуйскій, за-

ранѣе о себѣ не промыслимъ, то еще хуже будетъ. Я, для спасенія православной вѣры, опять готовъ на все лишь бы вы помогли мнѣ усердно: каждый сотникъ долженъ объявить своей сотнѣ, что царь самозванецъ и умышляетъ зло съ Поляками; пусть ратные люди совѣтуются съ гражданами, какъ промышлять дѣломъ въ такой бѣдѣ; если будутъ всѣ за одно, то бояться нечего: за насъ будетъ нѣсколько сотъ тысячъ, а за него пять тысячъ Поляковъ, которые живутъ не въ сборѣ, а въ разныхъ мѣстахъ.» Но заговорщики никакъ не надѣялись, что большинство будетъ за нихъ, и потому условились по первому набату броситься во дворецъ съ крикомъ: «Поляки бьютъ государя!» окружить Лжедимитрія какъ будто для защиты и убить его; положено было ворваться въ то же время въ домы Поляковъ, отмѣченные наканунѣ Русскими буквами, и перебить ненавистныхъ гостей; Нѣмцевъ положено не трогать, потому что знали равнодушіе этихъ честныхъ наемниковъ, которые храбро сражались за Годунова, вѣрны Димитрію до его смерти, а потомъ будутъ также вѣрны новому царю изъ бояръ.

Если заговорщики условились разглашать о самозванствѣ царя и злыхъ его умыслахъ, то понятно, что эти разглашенія должны были немедленно обнаружиться: если трезвые были осторожны, то пьяные ругали царя еретика и поганую царицу. Нѣмецкіе алебардщики схватили одного изъ такихъ крикуновъ и привели во дворецъ; но бояре сказали Лжедимитрію, что не слѣдуетъ обращать вниманія на слова пьянаго человѣка и слушать доносы нѣмецкихъ наушниковъ, особенно когда у него столько силы, что легко задавитъ всякій мятежъ, еслибъ даже кто-нибудь и вздумалъ его затѣять. Такіе совѣты какъ нельзя лучше приходились по душѣ Димитрію. Вотъ почему, когда начальники иноземной стражи на бумагѣ три дня сряду доносили ему, что въ народѣ замышляется недоброе, то сначала Димитрій спряталъ ихъ донесеніе, сказавъ: «все это вздоры!» а потомъ, когда это ему наскучило, велѣлъ наказывать до-

носчиковъ. Въ это время готовилась воинская потѣха: Димитрій хотѣлъ сдѣлать примѣрный приступъ къ деревянному городку, выстроенному за Срѣтенскими воротами. Заговорщики воспользовались этими приготовленіями и распустили слухъ, что царь, во время потѣхи, хочетъ истребить всѣхъ бояръ, а потомъ уже безъ труда подѣлится съ Польшею Московскими областями и введетъ Латынство. Если заговорщики не щадили царя, то тѣмъ менѣе должны были щадить его гостей, съ которыми, по ихъ словамъ, онъ замышлялъ сгубить Русскую землю: по ночамъ толпы бродили по улицамъ, ругая Поляковъ: разумѣется въ этомъ случаѣ къ нимъ приставали и многіе изъ тѣхъ, которые не хотѣли предпринимать ничего противъ самого Димитрія; дѣло доходило и до драки; домъ, гдѣ жилъ князь Вишневецкій, былъ разъ осажденъ толпою тысячъ изъ четырехъ человѣкъ. Лжедимитрій смотрѣлъ на это какъ на необходимое столкновеніе между двумя враждебными народами; ему донесли однажды, что одинъ Полякъ обезчестилъ боярыню, ѣхавшую въ повозкѣ: царь нарядилъ слѣдствіе во дворцѣ, изъ котораго однако, по увѣренію Поляковъ, ничего не оказалось.

Сами Поляки впрочемъ не раздѣляли безпечности Лжедимитрія, который долженъ былъ два раза посылать къ Олѣсницкому и Гонсѣвскому съ увѣреніемъ, что нечего бояться, ибо онъ такъ хорошо принялъ въ руки государство, что безъ воли его ничего произойдти не можетъ. Не смотря на то, послы поставили у себя на дворѣ стражу, а Мнишки помѣстили у себя всю Польскую пѣхоту, которую привели съ собою. Эти ратные люди донесли воеводѣ, что Москвитяне не продаютъ имъ больше пороху и оружія; испуганный Мнишекъ тотчасъ пошелъ сказать объ этомъ Лжедимитрію, но тотъ отвѣчалъ ему смѣхомъ, удивляясь малодушію Поляковъ; однако, для успокоенія тестя, велѣлъ разставить по улицамъ стрѣлецкую стражу.

Въ ночь, съ шестнадцаго на семнадцатое Мая, вошелъ въ Москву осьмнадцатитысячный отрядъ войска, привлечен-

ный на сторону заговорщиковъ, которые заняли всѣ двѣнадцать воротъ и не пускали уже никого ни въ Кремль, ни изъ Кремля. Нѣмцы, которыхъ обыкновенно находилось во дворцѣ по сту человѣкъ, получили именемъ царскимъ приказъ отъ бояръ разойтись по домамъ, такъ что при дворцѣ осталось только тридцать алебардщиковъ. Поляки ничего не знали объ этихъ распоряженіяхъ и спали спокойно, тѣмъ болѣе, что пятница шестнадцатое число, прошла безъ всякаго шума и приключенія; но не спали заговорщики, дожидаясь условленнаго знака. Около четырехъ часовъ утра ударили въ колоколъ на Ильинкѣ, у Ильи Пророка, на Новгородскомъ дворѣ, и разомъ заговорили всѣ колокола Московскіе. Толпы народа, между прочимъ и преступники, освобожденные изъ темницъ, вооруженные чѣмъ ни попало, хлынули на Красную площадь: тамъ уже сидѣли на коняхъ бояре и дворяне, числомъ до двухъ сотъ, въ полномъ вооруженіи; на тревогу выбѣжали изъ домовъ и тѣ, которые не знали о заговорѣ; на вопросы о причинѣ смятенія имъ отвѣчали, какъ было условлено, что Литва бьетъ бояръ, хочетъ убить и царя; тогда всѣ спѣшили на защиту своихъ. Для бояръ было важно поскорѣе, безъ объясненій, кончить дѣло съ Димитріемъ внутри Кремля и дворца, среди участниковъ заговора, безъ многочисленныхъ свидѣтелей; и вотъ Шуйскій, не дожидаясь, пока много народа соберется на площадь, въ сопровожденіи однихъ приближенныхъ заговорщиковъ, въѣхалъ въ Кремль чрезъ Фроловскія (Спасскія) ворота, держа въ одной рукѣ крестъ, въ другой мечь. Подъѣхавъ къ Успенскому собору, онъ сошелъ съ лошади, приложился къ образу Владимирской Богородицы и сказалъ окружавшимъ: «во имя Божіе идите на злаго еретика». Толпы двинулись ко дворцу.

Набатъ и тревога разбудили Лжедимитрія; онъ послалъ Басманова (неизвѣстно, почему ночевавшаго во дворцѣ), узнать о причинахъ смятенія: встрѣченные имъ бояре отвѣчали, что они сами не знаютъ, но вѣроятно гдѣ-нибудь случился пожаръ. Димитрій сначала было успокоился этимъ

отвѣтомъ; но потомъ, когда шумъ становился все сильнѣе и сильнѣе, выслалъ вторично Басманова освѣдомиться обстоятельнѣе. На этотъ разъ его встрѣтили неприличными ругательствами и крикомъ: «выдай самозванца!» Басмановъ бросился назадъ, приказалъ стражѣ не впускать ни одного человѣка, а самъ въ отчаяніи прибѣжалъ къ царю, крича: «Ахти мнѣ! ты самъ виноватъ, государь! все не вѣрилъ; вся Москва собралась на тебя». Стража оробѣла и позволила одному изъ заговорщиковъ ворваться въ царскую спальню и закричать Димитрію: «Ну, безвременный царь! проспался ли ты? зачѣмъ не выходишь къ народу и не даешь ему отчета?» Басмановъ, схвативъ царскій палашъ, отрубилъ голову крикуну; самъ Лжедимитрій, выхвативъ мечь у одного изъ тѣлохранителей, вышелъ къ толпѣ и, махая мечемъ, кричалъ: «я вамъ не Годуновъ!» однако выстрѣлы принудили его удалиться. Въ это время явились бояре: Басмановъ подошелъ къ нимъ и началъ уговаривать ихъ не выдавать народу Димитрія: но тутъ Татищевъ, тотъ самый, который былъ спасенъ Басмановымъ отъ ссылки, обругалъ его какъ нельзя хуже, и ударилъ своимъ длиннымъ ножемъ такъ, что тотъ палъ мертвый; трупъ его сбросили съ крыльца. Смерть Басманова охмѣлила толпу, ждавшую первой крови; заговорщики стали смѣлѣе напирать на тѣлохранителей; Димитрій снова вышелъ, хотѣлъ разогнать народъ палашомъ, но увидалъ, что сопротивленіе безполезно: въ отчаяніи бросилъ онъ палашъ, схватилъ себя за волосы, и, не говоря ни слова Нѣмецкой стражѣ, кинулся въ покои жены; сказавъ ей, чтобы спасалась отъ мятежниковъ, самъ поспѣшилъ пробраться въ каменный дворецъ; здѣсь онъ выскочилъ изъ окна на подмостки, устроенныя для брачнаго празднества, съ однихъ подмостокъ хотѣлъ перепрыгнуть на другія, но оступился, упалъ съ вышины въ 15 саженъ на житный дворъ, вывихнулъ себѣ ногу и разбилъ грудь.

Между тѣмъ заговорщики, обезоруживъ стражу, бѣгали изъ одной комнаты въ другую, ища Димитрія, и ворвались въ покои царицы. Узнавъ отъ мужа объ опасности, Мари-

на спустилась сперва внизъ въ подвалъ; но потомъ, когда ей отсовѣтовали тутъ оставаться, опять взошла на верхъ, при чемъ была столкнута съ лѣстницы не узнавшею ее толпою, и едва успѣла пробраться въ свою комнату, какъ заговорщики показались у дверей. Тутъ встрѣтилъ ихъ слуга Марины, Янъ Осмульскій, и долго одинъ сдерживалъ натискъ толпы, наконецъ палъ подъ ударами. Марина, небольшаго роста и худенькая, легко спряталась подъ юбку своей гофмейстерины. Ворвавшись въ комнату, заговорщики съ ругательствомъ спрашивали у женщинъ, гдѣ царь и царица? Имъ отвѣчали, что о царѣ не знаютъ, а царицу отправили въ домъ къ отцу ея. Прибытіе бояръ, главъ заговора, положило конецъ отвратительнымъ сценамъ грабежа и безстыдства: они выгнали толпу и приставили стражу, чтобы не пускать никого къ женщинамъ; Марину, которая вышла изъ своего убѣжища, проводили въ другую комнату.

Распорядившись на счетъ Марины, бояре спѣшили отвратить страшную опасность, которая начинала было грозить имъ: стрѣльцы, стоявшіе на караулѣ близъ того мѣста, гдѣ упалъ Димитрій, услыхали стоны раненаго, узнали царя, отлили его водою и перенесли на каменный фундаментъ сломаннаго годуновскаго дома. Придя въ себя, Димитрій сталъ упрашивать стрѣльцовъ, чтобъ они приняли его сторону, обѣщая имъ въ награду женъ и имѣніе измѣнниковъ бояръ. Стрѣльцамъ понравилось обѣщаніе, они внесли его снова во дворецъ уже опустошенный и разграбленный; въ передней Димитрій заплакалъ, увидавъ вѣрныхъ своихъ алебардщиковъ, стоявшихъ безъ оружія, съ поникшими головами; когда заговорщики хотѣли приблизиться къ нему, то стрѣльцы начали стрѣлять изъ ружей. Для главъ заговора теперь шло дѣло о жизни и смерти, и Шуйскій сталъ горячо убѣждать своихъ докончить начатое дѣло убійствомъ самозванца. Заговорщики придумали средство испугать стрѣльцовъ и заставить ихъ покинуть Димитрія, они закричали: «Пойдемъ въ стрѣлецкую слободу, истребимъ ихъ женъ

и дѣтей, если они не хотятъ намъ выдать измѣнника, плута, обманщика». Стрѣльцы испугались и сказали боярамъ: «Спросимъ царицу: если она скажетъ, что это прямой ея сынъ, то мы всѣ за него помремъ; если же скажетъ, что онъ не сынъ ей, то Богъ въ немъ воленъ». Бояре согласились. Въ ожиданіи отвѣта отъ Мароы, заговорщики не хотѣли остаться въ покоѣ, и съ ругательствомъ и побоями спрашивали Лжедимитрія: кто ты? кто твой отецъ? откуда ты родомъ?» Онъ отвѣчалъ: «Вы всѣ знаете, что я царь вашъ, сынъ Ивана Васильевича. Спросите обо мнѣ мать мою, или выведите меня на лобное мѣсто и дайте объясниться». Тутъ явился князь Иванъ Васильевичъ Голицынъ и сказалъ, что онъ былъ у царицы Мароы, спрашивалъ: она говоритъ, что сынъ ея убитъ въ Угличѣ, а этотъ самозванецъ. Эти слова повѣстили народу съ прибавкою, что самъ Димитрій винится въ своемъ самозванствѣ и что Нагіе подтверждаютъ показаніе Мароы. Тогда отовсюду раздались крики: «бей его! руби его!» Выскочилъ изъ толпы сынъ боярскій Григорій Валуевъ и выстрѣлилъ въ Димитрія, сказавши: «Что толковать съ еретикомъ: вотъ я благословлю Польскаго свистуна!» Другіе дорубили несчастнаго и бросили трупъ его съ крыльца на тѣло Басманова, говоря: «Ты любилъ его живаго, не разставайся и съ мертвымъ». Тогда чернь овладѣла трупами, и, обнаживъ ихъ, потащила черезъ Спасскія ворота на Красную площадь; поровнявшись съ Вознесенскимъ монастыремъ, толпа остановилась и спрашивала у Мароы: «твой ли это сынъ?» Та отвѣчала: «Вы бы спрашивали меня объ этомъ, когда онъ былъ еще живъ; теперь онъ уже разумѣется не мой». На Красной площади выставлены были оба трупа въ продолженіе трехъ дней: Лжедимитрій лежалъ на столѣ въ маскѣ, съ дудкою и волынкою, Басмановъ на скамьѣ у его ногъ. Потомъ Басманова погребли у церкви Николы Мокраго, а самозванца въ убогомъ домѣ за Серпуховскими воротами; но пошли разные слухи: говорили, что сильные морозы стоятъ благодаря волшебству разстриги, что надъ его могилою дѣются чудеса: тог-

да трупъ его вырыли, сожгли на Котлахъ и, смѣшавъ пепелъ съ порохомъ, выстрѣлили имъ изъ пушки въ ту сторону, откуда пришелъ онъ.

Въ то время какъ однѣ толпы народа ругались надъ обезображеннымъ трупомъ того, кто незадолго величался краснымъ солнцемъ Россіи, другія раздѣлывались съ ненавистными гостями. Прежде всего были побиты польскіе музыканты, найденные во дворцѣ; потомъ бросились къ домамъ, занятымъ ихъ единоземцами; мужчинъ били, женщинъ уводили къ себѣ; но воевода Сендомирскій, сынъ его и князь Вишневецкій отражали силу силою до тѣхъ поръ, пока имъ на помощь не подоспѣли бояре, которые, имѣя только въ виду раздѣлаться съ самозванцемъ, вовсе не хотѣли заводить войну съ Польшею безполезнымъ убійствомъ ея пановъ. Пословъ Польскихъ не тронули: бояре послали сказать Олѣсницкому и Гонсѣвскому, что имъ, какъ посламъ, опасаться нечего, и, съ своей стороны, послы и люди ихъ не должны мѣшаться съ другими Поляками, которые пріѣхали съ воеводою Сендомирскимъ въ надеждѣ завладѣть Москвою и надѣлали много зла Русскимъ. Гонсѣвскій отвѣчалъ: «Вы сами признали Димитрія царевичемъ, сами посадили его на престолъ; теперь же узнавъ, какъ говорите, о самозванствѣ его, убили. Намъ нѣтъ до этого никакого дѣла, и мы совершенно покойны насчетъ нашей безопасности, потому что не только въ христіанскихъ государствахъ, но и въ бусурманскихъ послы неприкосновенны. Что же касается до остальныхъ Поляковъ, то они пріѣхали не на войну, не для того, чтобъ овладѣть Москвою, но на свадьбу, по приглашенію вашего государя, и если кто-нибудь изъ ихъ людей обидѣлъ кого-нибудь изъ вашихъ, то на это есть судъ, просимъ бояръ не допускать до пролитія крови подданныхъ королевскихъ, потому что если станутъ бить ихъ предъ нашими глазами, то не только люди наши, но и мы сами не будемъ равнодушно смотрѣть на это, и согласимся лучше всѣ вмѣстѣ погибнуть, о слѣдствіяхъ же предоставимъ судить самимъ боярамъ». Для охраненія пословъ

было поставлено около дома ихъ пятьсотъ стрѣльцовъ. За часъ до полудня прекратилась рѣзня, продолжавшаяся семь часовъ; по однимъ извѣстіямъ Поляковъ было убито 1200 или 1300 человѣкъ, а Русскихъ 400; по другимъ однихъ Поляковъ 2135 человѣкъ; иные же полагаютъ 1500 Поляковъ и 2000 Русскихъ [78].

Не смотря на то, что возстаніе было возбуждено во имя вѣры православной, во имя земли Русской, гибнувшихъ отъ друга еретиковъ и Ляховъ, въ народѣ не могло не быть сознанія, что совершено дѣло не чистое, или, по крайней мѣрѣ, нечистымъ образомъ. При гибели Годуновыхъ народъ былъ спокоенъ: онъ былъ увѣренъ, что новый царь есть истинный сынъ Іоанна IV-го, и въ истребленіи Борисова семейства видѣлъ казнь, совершенную законнымъ царемъ надъ своими измѣнниками; но теперь не было этой всеобщей увѣренности. Многіе были за Лжедимитрія; многіе взяли оружіе при извѣстіи, что Поляки бьютъ царя, прибѣжали въ Кремль спасать любимаго государя отъ рукъ враговъ ненавистныхъ, и видятъ трупъ его, обезображенный и поруганный не Поляками, а Русскими, слышатъ, что убитый царь былъ обманщикъ, но слышатъ это отъ такихъ людей, которые за минуту предъ тѣмъ обманули ихъ, призвавъ вовсе не на то дѣло, какое хотѣли совершить: обманомъ не бываютъ довольны, его не забываютъ, какъ самую жестокую обиду. И кто же былъ обманутъ, кто былъ недоволенъ? Масса людей умѣренныхъ, спокойныхъ, самая могущественная часть народонаселенія, которая даетъ прочный успѣхъ всякому дѣлу. Согласіе немногихъ людей отважныхъ, скопъ, заговоръ можетъ дать мгновенный успѣхъ дѣлу; но прочность его зависитъ отъ да или нѣтъ умѣренной, спокойной массы народонаселенія. Вотъ почему 17 мая 1606 года въ Москвѣ не было ознаменовано тѣмъ одушевленнымъ ликованіемъ, какое обыкновенно бываетъ по совершеніи общаго дѣла. Нѣкоторые радовались гибели друга еретиковъ, но не смѣли, для принесенія благодарности Богу, созвать въ храмы толпы людей, хмѣльныхъ отъ

вина и крови. Не долго раздавались по улицамъ клики заговорщиковъ, не долго слышалось хвастовство ихъ легкою побѣдою: этимъ кликамъ не было отзыва, разсказамъ о кровавыхъ подвигахъ не было сочувствія, и Москва скоро успокоилась, ночью царствовала глубокая тишина: смущенное, оробѣвшее общество притаилось, гнетомое тяжелою думой о прошедшемъ и будущемъ.

Были однако люди, которые осмѣлились забыть прошедшее для честолюбивыхъ замысловъ о будущемъ, которые осмѣлились думать, что и другіе также забудутъ прошедшее. Мы видѣли, что бояре, составляя заговоръ противъ Лжедимитрія, уже думали о томъ, какъ поступать, когда одинъ изъ нихъ сдѣлается царемъ. Виднѣе всѣхъ бояръ московскихъ по уму, энергіи, знатности рода, по умѣнью сохранять родовыя преданія, быть имъ вѣрными, были два князя—Василій Шуйскій и Василій Голицынъ: они-то и были главами заговора, они-то и должны были думать о томъ, какъ бы прежде другихъ воспользоваться его успѣхомъ. Оба князя имѣли сильныя стороны: но могъ ли Голицынъ успѣшно бороться съ Шуйскимъ? Родъ Шуйскихъ давно уже гораздо больше выдавался впередъ, чѣмъ родъ Голицыныхъ, ибо о Патрикѣевыхъ уже забыли; самъ Шуйскій гораздо больше выдавался впередъ, чѣмъ Голицынъ, особенно въ послѣднее время. Онъ первый поднялся противъ самозванца, былъ страдальцемъ за правду для тѣхъ, которые были убѣждены въ самозванствѣ бывшаго царя; онъ былъ на первомъ мѣстѣ въ заговорѣ, въ его домѣ собирались заговорщики, его рѣчамъ, его увѣщаніямъ внимали, за нимъ шли въ Кремль губить злаго еретика: для людей, совершившихъ дѣло убійства Лжедимитріева, кто могъ быть лучшимъ царемъ какъ не вождь ихъ въ этомъ дѣлѣ? Но это дѣло было чисто Московское, и далеко не всѣ Москвичи его одобряли, а что скажутъ совѣтные люди, выборные изъ городовъ по всей Россіи? Годуновъ, при избраніи своемъ, имѣлъ всѣ причины требовать созванія выборныхъ изо всѣхъ городовъ Россійскаго царства: онъ долгое вре-

мя былъ хорошимъ правителемъ, и это знала вся земля; дурное о Годуновѣ было преимущественно извѣстно въ Москвѣ, хорошее въ областяхъ; притомъ за Годунова былъ патріархъ, долженствовавшій имѣть самое сильное вліяніе на выборныхъ. Въ другомъ положеніи находился Шуйскій: его хорошо знали только въ Москвѣ, но мало знали въ областяхъ, такъ что для совѣтныхъ людей, присланныхъ изъ Галича или Вологды, Шуйскій былъ извѣстенъ не болѣе чѣмъ Голицынъ или Воротынскій; патріарха не было, ибо Игнатія, какъ потаковника Лжедимитріева, тотчасъ же свергнули, и потому совѣтные люди могли легко подчиниться вліянію людей, нехотѣвшихъ Шуйскаго, людей, не одобрявшихъ его послѣдняго, самаго виднаго поступка. Вотъ почему Шуйскому опасно было дожидаться выборныхъ изъ городовъ. По убіеніи разстриги, говоритъ лѣтописецъ, бояре начали думать, какъ бы согласиться со всею землею, чтобы пріѣхали изъ городовъ въ Москву всякіе люди, чтобы выбрать, по совѣту, Государя такого, который бы всѣмъ былъ любъ. Но Богу не угодно было насъ помиловать по грѣхамъ нашимъ: чтобы не унялась кровь христіанская, немногіе люди, по совѣту князя Василія Шуйскаго, умыслили выбрать его въ цари.

19 мая, въ 6 часовъ утра, купцы, разнощики, ремесленники, толпились на Красной площади точно также, какъ и 17 числа; бояре, чины придворные, духовенство, вышли также на площадь и предложили избрать патріарха, который долженъ былъ стоять во главѣ временнаго правленія, и разослать грамоты для созванія совѣтныхъ людей изъ городовъ: но понятно, какъ страшно было Шуйскому избраніе патріарха, еслибы избрали человѣка къ нему равнодушнаго, а можетъ быть даже и не расположеннаго. На предложеніе бояръ въ толпѣ закричали, что царь нужнѣе патріарха, а царемъ долженъ быть князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Этому провозглашенію толпы, только - что ознаменовавшей свою силу истребленіемъ Лжедимитрія, никто не осмѣлился противодѣйствовать, и Шуйскій былъ — не ска-

жемъ избранъ, но выкрикнутъ царемъ. Онъ сдѣлался царемъ точно также слѣдовательно, какъ былъ свергнутъ, погубленъ Лжедимитрій, скопомъ, заговоромъ, не только безъ согласія всей земли, но даже безъ согласія всѣхъ жителей Москвы; умѣренная, спокойная, охранительная масса народонаселенія не была довольна въ обоихъ случаяхъ, не сказала своего: да: гибельное предзнаменованіе для новаго царя, потому что когда усердіе клевретовъ его охладѣетъ, то кто поддержитъ его? Такимъ образомъ на Московскомъ престолѣ явился царь партіи; но партія противная существовала: озлобленная неудачею, она не теряла надеждъ; къ ней присоединились, т. е. объявили себя противъ Шуйскаго всѣ тѣ, которымъ были выгодны перемѣны, и всякая перемѣна могла казаться теперь законною, ибо настоящаго, установленнаго, освященнаго ничего не было. Масса людей умѣренныхъ, охранительныхъ, молчала, потому что не питала сочувствія ни къ одному явленію, ни къ новому порядку вещей, ни къ движеніямъ, противъ него направленнымъ; произволу людей безпокойныхъ открывалось свободное поприще и, представители общества, люди, не разрознившіе своихъ интересовъ съ его интересами, должны были сносить все буйство этого произвола, не имѣя на что опереться, во имя чего ратовать, не имѣя сочувствія къ человѣку, который провозгласилъ себя главою государства [78].

ГЛАВА IV.

Царствованіе Василія Ивановича Шуйскаго.

Грамота новаго царя о своемъ избраніи.— Ограниченіе царской власти.— Царскія грамоты по областямъ. — Царское вѣнчаніе Шуйскаго. — Патріархъ Гермогенъ и отношенія его къ царю. — Причины появленія втораго самозванца. — Молчановъ. — Возмущеніе въ Украйнѣ. — Волненіе въ Москвѣ.— Болотниковъ. — Пораженіе царскаго войска и повсемѣстное возстаніе на югѣ.— Ляпуновы. — Болотниковъ у Москвы.— Отступленіе дворянъ отъ Болотникова.— Пораженіе и бѣгство Болотникова. — Наступательное движеніе Шуйскаго. — Разрѣшительная грамота патріарховъ — Іова и Гермогена.— Болотниковъ и самозванецъ Петръ въ Тулѣ. — Побѣда царскихъ войскъ.— Шуйскій осаждаетъ Тулу.— Появленіе втораго самозванца. — Взятіе Тулы царемъ. — Составъ войска втораго Лжедимитрія. — Рожинскій, Заруцкій. — Новые самозванцы. — Безпокойство въ Москвѣ.—Лжедимитрій спѣшитъ къ Москвѣ. — Миръ Шуйскаго съ Польшею. — Лжедимитрій въ Тушинѣ.—Война его съ Шуйскимъ. — Марина и отецъ ея въ Тушинѣ.— Польскій наказъ для втораго Лжедимитрія.—

Исполняя обѣщаніе, данное товарищамъ своимъ по заговору, Шуйскій такъ повѣстилъ о своемъ воцареніи: «Божіею милостію мы великій государь царь и великій князь Василій Ивановичъ всея Руси, щедротами и человѣколюбіемъ славимаго Бога, и за моленіемъ всего освященнаго собора, по челобитью и прошенію всего православнаго христіанства, учинились на отчинѣ прародителей нашихъ, на Россійскомъ государствѣ царемъ и великимъ княземъ. Государство это даровалъ Богъ прародителю нашему Рюрику, бывшему отъ Римскаго кесаря, и потомъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ, до самаго прародителя нашего великаго князя Александра Ярославича Невскаго, на семъ россійскомъ го-

сударствѣ были прародители мои, а потомъ удалились на Суздальскій удѣлъ, не отнятіемъ или неволею, но по родству, какъ обыкли большіе братья на большихъ мѣстахъ садиться. И нынѣ мы, великій государь, будучи на престолѣ Россійскаго царства, хотимъ того, чтобы православное христіанство было нашимъ доброопаснымъ правительствомъ въ тишинѣ, и въ покоѣ, и въ благоденствѣ, и поволилъ я царь и великій князь всея Руси цѣловать крестъ на томъ: что мнѣ великому государю всякаго человѣка, не осудя истиннымъ судомъ съ боярами своими, смерти не предать, вотчинъ, дворовъ и животовъ у братьи его, у женъ и дѣтей не отнимать, если они съ нимъ въ мысли не были; также у гостей и торговыхъ людей, хотя который по суду и по сыску дойдетъ и до смертной вины, и послѣ ихъ у женъ и дѣтей дворовъ, лавокъ и животовъ не отнимать, если они съ ними въ этой винѣ невинны. Да и доводовъ ложныхъ мнѣ, великому государю, не слушать, а сыскивать всякими сысками накрѣпко и ставить съ очей на очи, чтобы въ томъ православное христіанство невинно не гибло; а кто на кого солжетъ, то, сыскавъ, казнить его, смотря по винѣ, которую взвелъ напрасно. На томъ на всемъ, что въ сей записи писано, я, царь и великій князь Василій Ивановичъ всея Руси, цѣлую крестъ всѣмъ православнымъ христіанамъ, что мнѣ, ихъ жалуя, судить истиннымъ, праведнымъ судомъ, и безъ вины ни на кого опалы своей не класть, и недругамъ никого въ неправдѣ не подавать, и отъ всякаго насильства оберегать.» Лѣтописецъ разсказываетъ, что какъ скоро Шуйскій былъ провозглашенъ царемъ, то пошелъ въ Успенскій соборъ и началъ говорить, чего искони вѣковъ въ Московскомъ государствѣ не важивалось: «цѣлую крестъ на томъ, что мнѣ ни надъ кѣмъ не дѣлать ничего дурнаго безъ собору, и если отецъ виновенъ, то надъ сыномъ ничего не дѣлать, а если сынъ виновенъ, то отцу ничего дурнаго не дѣлать, а которая была мнѣ грубость при царѣ Борисѣ, то никому за нее мстить не буду.» Бояре и всякіе люди, продолжаетъ лѣтописецъ, ему гово-

рили, чтобъ онъ на томъ креста не цѣловалъ, потому что въ Московскомъ государствѣ того не повелось, но онъ никого не послушалъ и цѣловалъ крестъ. Любопытно, если лѣтописецъ не ошибся, и Шуйскій сначала обязывался не произносить смертныхъ приговоровъ безъ соборнаго рѣшенія, какъ сдѣлалъ Лжедимитрій въ дѣлѣ самого Шуйскаго, а потомъ уже въ грамотѣ, вмѣсто собора поставлено: «не осудя съ боярами своими», что сообразнѣе было съ прежнимъ обѣщаніемъ при составленіи заговора: «общимъ совѣтомъ Россійское царство управлять»; впрочемъ и здѣсь общій совѣтъ—выраженіе довольно неопредѣленное: такъ какъ бояре уговаривались, то общимъ совѣтомъ прежде всего можетъ относиться къ нимъ, что и вѣротнѣе; но можетъ также означать и соборъ. Что же касается до обѣщанія не наказывать вмѣстѣ съ виновнымъ и невинныхъ родственниковъ, то, по всѣмъ вѣроятностямъ, представленіе о правдѣ этого устава принесено Лжедимитріемъ и спутниками его изъ Польши, гдѣ, какъ мы видѣли, давно уже, въ слѣдствіе болѣе ранняго ослабленія родовыхъ отношеній, родственники преступника не подвергались вмѣстѣ съ нимъ наказанію; мы видѣли, что Мнишекъ обѣщалъ боярамъ расширеніе правъ ихъ при Лжедимитріи.

Разослана была по областямъ и другая грамота отъ имени бояръ, окольничихъ, дворянъ и всякихъ людей московскихъ, съ извѣщеніемъ о гибели Лжедимитрія и возведеніи на престолъ Шуйскаго: «мы узнали про то подлинно, что онъ прямой воръ Гришка Отрепьевъ; да и мать царевича Димитрія, царица инока Мароа, и братъ ея Михайла Нагой съ братьею всѣмъ людямъ Московскаго государства подлинно сказывали, что сынъ ея царевичъ Димитрій умеръ подлинно и погребенъ въ Угличѣ, а тотъ воръ называется царевичемъ Димитріемъ ложно; а какъ его поймали, то онъ и самъ сказалъ, что онъ Гришка Отрепьевъ и на государствѣ учинился бѣсовскою помощію, и людей всѣхъ прельстилъ чернокнижествомъ; и тотъ Гришка, за свое злодѣйственное дѣло, принялъ отъ Бога возмездіе, скончалъ

свой животъ злою смертію. И послѣ того, прося у Бога милости, митрополиты, архіепископы, епископы и весь освященный соборъ, также и мы бояре, окольничіе, дворяне, дѣти боярскіе и всякіе люди московскаго государства избирали всѣмъ Московскимъ государствомъ, кому Богъ изволитъ быть на Московскомъ государствѣ государемъ; и всесильный, въ Троицѣ славимый Богъ нашъ на насъ и на васъ милость свою показалъ, объявилъ государя на Московское государство, великаго государя царя и великаго князя Василія Ивановича всея Руси самодержца, государя благочестиваго, по Божіей церкви и по православной христіанской вѣрѣ побoрателя, отъ корени великихъ государей Россійскихъ, отъ великаго государя князя Александра Ярославича Невскаго: многое смертное изгнаніе за православную вѣру съ братіею своею во многія лѣта онъ претерпѣлъ, и больше всѣхъ отъ того вора, богоотступника и еретика смертью пострадалъ[79].»

Въ слѣдъ за этою грамотою новый царь разослалъ другую, уже отъ своего имени, въ которой также объявлялъ о гибели Лжедимитрія, съ точнѣйшимъ объясненіемъ причинъ, а именно объявлялъ о бумагахъ найденныхъ въ комнатахъ самозванца: «взяты въ хоромахъ его грамоты многія ссыльныя воровскія съ Польшею и Литвою о раззореніи Московскаго государства». Но Шуйскій не объясняетъ ничего о содержаніи этихъ воровскихъ грамотъ, хотя въ слѣдъ за этимъ упоминаетъ о содержаніи писемъ отъ Римскаго папы, намъ уже извѣстныхъ. Далѣе Шуйскій пишетъ о показаніи Бучинскихъ, будто царь былъ намѣренъ перебить всѣхъ бояръ во время воинской потѣхи, и потомъ, отдавши всѣ главныя мѣста въ управленіе Полякамъ, ввести католицизмъ. Въ самомъ дѣлѣ сохранилось это показаніе; но достовѣрность его прежде насъ уже отвергнута[80]. Шуйскій приводитъ также свидѣтельство о записяхъ, дѣйствительно данныхъ въ Польшѣ Мнишку и королю объ уступкѣ Русскихъ областей, и заключаетъ: «Слыша и видя то, мы всесильному Богу хвалу воздаемъ, что отъ такого злодѣйства

избавилъ», Наконецъ разослана была окружная грамота отъ имени царицы Мароы, гдѣ она отрекалась отъ Лжедимитрія; Мароа говоритъ: «Онъ вѣдовствомъ и чернокнижествомъ назвалъ себя сыномъ царя Ивана Васильевича, омраченіемъ бѣсовскимъ прельстилъ въ Польшѣ и Литвѣ многихъ людей, и насъ самихъ и родственниковъ нашихъ устрашилъ смертію; я боярамъ, дворянамъ и всѣмъ людямъ объявила объ этомъ прежде тайно, а теперь всѣмъ явно, что онъ не нашъ сынъ царевичъ Димитрій, воръ, богоотступникъ, еретикъ. А какъ онъ своимъ вѣдовствомъ и чернокнижествомъ пріѣхалъ изъ Путивля въ Москву, то, вѣдая свое воровство, по насъ не посылалъ долгое время, а прислалъ къ намъ своихъ совѣтниковъ и велѣлъ имъ беречь накрѣпко, чтобы къ намъ никто не приходилъ, и съ нами объ немъ никто не разговаривалъ. А какъ велѣлъ насъ къ Москвѣ привести, и онъ на встрѣчѣ былъ у насъ одинъ, а бояръ и другихъ никакихъ людей съ собою пускать къ намъ не велѣлъ, и говорилъ намъ съ великимъ запретомъ, чтобы мнѣ его не обличать, претя намъ и всему нашему роду смертнымъ убійствомъ, чтобы намъ тѣмъ на себя и на весь родъ свой злой смерти не навести, и посадилъ меня въ монастырь, и приставилъ ко мнѣ также своихъ совѣтниковъ, и остерегать того велѣлъ на крѣпко, чтобъ его воровство было не явно, а я, для его угрозы, объявить въ народѣ его воровство явно не смѣла.» Мароа говоритъ. или за нее говорятъ, что Лжедимитрій прислалъ за нею своихъ совѣтниковъ, но кого именно, объ этомъ ни слова. тогда какъ это всего важнѣе: кто были именно совѣтники Лжедимитрія, которые знали о его самозванствѣ и между тѣмъ дѣйствовали въ его пользу? или этихъ совѣтниковъ не существовало во все, а если существовали, то теперь были такъ могущественны, что именъ ихъ нельзя было открыть народу; но намъ извѣстно, что Димитрій посылалъ за Мароою князя Михайлу Васильевича Скопина-Шуйскаго! Слѣдовательно, Скопинъ былъ главнымъ изъ этихъ совѣтниковъ Лжедимитрія, которымъ приказано было беречь

накрѣпко, чтобы никто къ ней не приходилъ и не разговаривалъ съ нею о царѣ...

Легко можно представить, какое впечатлѣніе должны были произвести эти объявленія Шуйскаго, царицы Мареы и бояръ на многихъ жителей самой Москвы и преимущественно на жителей областныхъ? Неизбѣжно должны были найтись многіе, которымъ могло показаться страннымъ, какъ воръ Гришка Отрепьевъ могъ своимъ вѣдовствомъ и чернокнижествомъ прельстить всѣхъ Московскихъ правителей? Недавно извѣщали народъ, что новый царь есть истинный Димитрій; теперь увѣряютъ въ противномъ, увѣряютъ, что Димитрій грозилъ гибелью православной вѣрѣ, хотѣлъ дѣлиться съ Польшею Русскими землями, объявляютъ, что онъ за это погибъ, но какъ погибъ? — это остается въ тайнѣ; объявляютъ, что избранъ новый царь — но какъ и кѣмъ? не извѣстно; никто изъ областныхъ жителей не былъ на этомъ собраніи, оно совершено безъ вѣдома земли; совѣтные люди не были отправлены въ Москву, которые, пріѣхавъ оттуда, могли бы удовлетворить любопытству своихъ согражданъ, разсказать имъ дѣло обстоятельно, разрѣшить всѣ недоумѣнія. Странность, темнота событія извѣщаемаго необходимо порождали недоумѣнія, сомнѣнія, недовѣрчивость, тѣмъ болѣе, что новый царь сѣлъ на престолъ тайкомъ отъ земли, съ нарушеніемъ формы уже освященной, уже сдѣлавшейся стариною. До сихъ поръ области вѣрили Москвѣ, признавали каждое слово, приходившее къ нимъ изъ Москвы, непреложнымъ: но теперь Москва явно признается, что чародѣй прельстилъ ее омраченіемъ бѣсовскимъ; необходимо рождался вопросъ: не омрачены ли Московитяне и Шуйскимъ? До сихъ поръ Москва была средоточіемъ, къ которому тянули всѣ области; связью между Москвою и областями было довѣріе ко власти, въ ней пребывающей: теперь это довѣріе было нарушено, и связь ослабѣла, государство замутилось; вѣра, разъ поколебленная, повела необходимо къ суевѣрію: поторявъ политическую вѣру въ Москву, начали вѣрить всѣмъ и всему, особенно, когда

стали пріѣзжать въ области люди, недовольные переворотомъ и человѣкомъ, его произведшемъ, когда они стали разсказывать, что дѣло было иначе, нежели какъ повѣщено въ грамотахъ Шуйскаго. Тутъ то въ самомъ дѣлѣ наступило для всего государства омраченіе бѣсовское, омраченіе, произведенное духомъ лжи, произведенное дѣломъ темнымъ и нечистымъ, тайкомъ отъ земли совершеннымъ.

1 іюня 1606 года Шуйскій вѣнчался на царство: новый царь былъ маленькій старикъ лѣтъ за 50 слишкомъ, очень некрасивый съ подслѣповатыми глазами, начитанный, очень умный и очень скупой, любилъ только тѣхъ, которые шептали ему въ уши доносы и сильно вѣрилъ чародѣйству. Подлѣ новаго царя немедленно явилось и второе лицо по немъ въ государствѣ — патріархъ: то былъ Гермогенъ, бывшій митрополитъ Казанскій, извѣстный своимъ сопротивленіемъ неправославнымъ поступкамъ Лжедимитрія. Это сопротивленіе показывало уже въ Гермогенѣ человѣка съ твердымъ характеромъ, готоваго страдать за свои убѣжденія, за правду и неприкосновенность ввѣреннаго ему дѣла; такимъ образомъ новый патріархъ, по природѣ своей, былъ совершенно въ уровень своему высокому положенію въ бурное смутное время; но современники жалуются, что съ этою твердостію Гермогенъ соединялъ жесткость нрава, непривлекательность въ обращеніи, неумѣренную строгость; жалуются также, что онъ охотно слушалъ навѣты, худо отличалъ истинное отъ ложнаго, вѣрилъ всему. Этою слабостію воспользовались враги Шуйскаго: они наговорили патріарху на царя и успѣли поссорить ихъ; по жесткости нрава, патріархъ не скрывалъ своего неудовольствія и обращался съ царемъ вовсе недружественно, хотя въ тоже время по основнымъ убѣжденіямъ своимъ, готовъ былъ всегда защищать Шуйскаго, какъ царя вѣнчаннаго, противъ возмутителей.[81]

Легко себѣ представить, какъ вредны были для Шуйскаго такія отношенія его къ патріарху, когда ужъ онъ и безъ того не пользовался большимъ уваженіемъ и довѣренностію

подданныхъ. Клятва, данная имъ при восшествіи на престолъ, повела къ тому, что на него стали смотрѣть не такъ какъ смотрѣли на прежнихъ государей; ограниченіе власти царской относительно наказанія, ограниченіе ея боярами, къ царю нерасположенными, обѣщало безнаказанность смутамъ, крамоламъ: клевретъ Голицына или другаго какого-нибудь сильнаго боярина могъ отважиться на все по внушенію своего милостивца, зная, что послѣдній можетъ защитить его. Современники прямо говорятъ, что съ воцареніемъ Шуйскаго, бояре стали имѣть гораздо больше власти, чѣмъ самъ царь. Нѣкоторые изъ бояръ крамолили противъ царя съ цѣлію занять его мѣсто, другіе не хотѣли видѣть его царемъ по прежнимъ отношеніямъ; не всѣ бояре были въ заговорѣ съ Шуйскимъ противъ Лжедимитрія, нѣкоторые, и изъ нихъ самые способные, напримѣръ Михайла Глѣбовичъ Салтыковъ, князь Рубецъ-Масальскій и другіе, оставались вѣрны Лжедимитрію, и слѣдовательно были враждебны новому правительству, которое и не замедлило подвергнуть ихъ опалѣ: князь Рубецъ-Масальскій былъ сосланъ воеводою въ Корелу, Аѳанасій Власьевъ въ Уфу, Салтыковъ въ Ивань-городъ, Богданъ Бѣльскій въ Казань; другихъ стольниковъ и дворянъ разослили также по разнымъ городамъ, у нѣкоторыхъ отняли помѣстья и вотчины. Такимъ образомъ въ отдаленныя области, и даже въ качествѣ правителей, были отправлены люди озлобленные, то есть вѣрные возмутители или, по крайней мѣрѣ, готовые принять самое дѣятельное участіе въ возмущеніи для сверженія правительства, имъ враждебнаго; скоро замѣтили также, что и вообще новый царь измѣнилъ своему обѣщанію, преслѣдуетъ людей, которые прежде были ему враждебны. Глава заговора, виновникъ возстанія, Шуйскій былъ выкрикнутъ царемъ участниками въ заговорѣ, возстаніи, людьми самыми безпокойными, площадными крикунами и смутниками, испытавшими уже три раза свою силу при сверженіи и возведеніи царей; они выкрикнули Шуйскаго, своего вождя, въ надеждѣ богатыхъ наградъ отъ него: но отъ скупаго старика

нельзя было ничего дождаться; тогда эти люди стали готовымъ орудіемъ въ рукахъ враговъ Шуйскаго.

Но всѣ эти люди, и бояре могущественные, имѣвшіе виды на престолъ, и сановники второстепенные, враждебные Шуйскому или по личнымъ и родовымъ отношеніямъ или по приверженности къ его предшественнику, наконецъ смутники изъ людей всякаго происхожденія, которымъ выгодны были перемѣны — никто не могъ отважиться прямо на сверженіе Шуйскаго: Голицынъ не имѣлъ никакого права, никакой возможности прямо выставить себя соперникомъ новому царю и открыто противъ него дѣйствовать: какое изъ своихъ правъ могъ выставить Голицынъ, которое бы превышало права Шуйскаго? онъ могъ надѣяться получить престолъ только тогда, когда Шуйскій будетъ свергнутъ чужимъ, а не его именемъ, слѣдовательно могъ только крамолить противъ него, а не дѣйствовать открыто; то же самое должно сказать и о всѣхъ другихъ людяхъ, почему бы то ни было недовольныхъ Шуйскимъ и желавшихъ перемѣны: во чье имя возмутились бы они, кого предложили бы въ замѣнъ Шуйскаго? Для всѣхъ нуженъ былъ предлогъ къ возстанію, нужно было лицо, во имя котораго можно было дѣйствовать, лице, столько могущественное, чтобы могло свергнуть Шуйскаго, и вмѣстѣ столько ничтожное, чтобы не могло быть препятствіемъ для исполненія извѣстныхъ замысловъ, однимъ словомъ нуженъ былъ самозванецъ, Шуйскаго можно было свергнуть только такъ, какъ свергнутъ былъ Годуновъ. Вотъ причина появленія втораго самозванца и успѣха его внутри государства; что же касается до казаковъ, то мы уже видѣли, какъ имъ былъ необходимъ самозванецъ: еще при жизни перваго они подставили другаго. Какъ для государства спокойнаго, благоустроеннаго, государь, правительство не можетъ умирать (le roi est mort — vive le roi!), такъ для тогдашняго Русскаго общества, потрясеннаго въ своихъ основахъ, не могъ умереть самозванецъ: и точно, еще кровавый трупъ перваго Лже-

димитрія лежалъ на Красной площади, какъ уже пронеслась вѣсть о второмъ.

17 Мая, когда заговорщики были заняты истребленіемъ самозванца и Поляковъ, Михайла Молчановъ, одинъ изъ убійцъ Ѳедора Годунова, успѣлъ скрыться изъ дворца и изъ Москвы. Въ сопровожденіи двоихъ Поляковъ, Молчановъ направилъ путь къ литовскимъ границамъ, распуская вездѣ по дорогѣ слухъ, что онъ царь Димитрій, который спасается изъ Москвы и вмѣсто котораго Москвитяне, ошибкою, убили другáго человѣка. Этотъ слухъ скоро достигъ Москвы и распространился между ея жителями. Мы не удивимся такому, съ перваго взгляда странному, явленію, если вспомнимъ, что не всѣ Москвичи принимали участіе въ убійствѣ Лжедимитрія, что многіе изъ нихъ шли въ Кремль съ цѣлію спасать царя изъ рукъ Поляковъ, и вдругъ имъ выкинули обезображенный трупъ Лжедимитрія, въ которомъ трудно было различить прежнія черты. Чему хотимъ вѣрить, тому вѣримъ охотно; какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, всякій старался представить свое мнѣніе о чудномъ, таинственномъ событіи, свою догадку, свое: мнѣ показалось; такъ одному французскому купцу показалось, что на трупѣ Лжедимитрія остались ясные знаки густой бороды, уже обритой, тогда какъ у живаго царя не было бороды; тому же Французу показалось, что и волосы у трупа были длиннѣе, чѣмъ у живаго царя наканунѣ; комнатный слуга убитаго Лжедимитрія, Полякъ Хвалибогъ клялся, что трупъ, выставленный на Красной площади, нисколько не походилъ на его прежняго господина: лежалъ тамъ, говорилъ онъ, какой-то малый толстый, съ бритымъ лбомъ, съ косматою грудью, тогда какъ Димитрій былъ худощавъ, стригся съ малыми по сторонамъ кудрями, по обычаю студенческому, волосъ на груди у него не было по молодости лѣтъ.— Маска, надѣтая на лицо Лжедимитрія, также была поводомъ къ толкамъ, что тутъ скрывалась подстановка, — и вотъ молва росла болѣе и болѣе. Но если нѣкоторые жители Москвы вѣрили въ спасеніе Лжедимитрія, тѣмъ болѣе должны

были вѣрить ему жители областей. Самъ Шуйскій видѣлъ, что ему нельзя разувѣрить народъ касательно слуховъ о второмъ Лжедимитріи, и что гораздо благоразумнѣе вооружиться противъ правъ перваго, дабы самозванецъ, и спасшійся по мнѣнію нѣкоторыхъ отъ убійцъ, оставался все же самозванцемъ. Для этого Шуйскій немедленно велѣлъ съ большимъ торжествомъ перенести изъ Углича въ Москву тѣло царевича Димитрія, послѣ чего разосланы были грамоты съ извѣщеніемъ объ этомъ событіи и съ повтореніемъ о злодѣйствахъ Лжедимитрія, съ пріобщеніемъ показанія Бучинскихъ, грамотъ, данныхъ самозванцемъ воеводѣ Сендомирскому, и переписки его съ папою, равно какъ извѣстія о покаяніи царицы Мареы. Но въ то время, какъ въ Угличѣ и въ Москвѣ прославляли святость невиннаго младенца, павшаго подъ ножами убійцъ, на престолѣ сидѣлъ человѣкъ, который при царѣ Өеодорѣ торжественно объявилъ, что царевичъ самъ себя закололъ въ припадкѣ падучей болѣзни! Шуйскій рѣшился даже самъ нести всею Москвою до Архангельскаго собора тѣло царевича!

Грамоты Шуйскаго не помогли. Въ то время какъ Молчановъ въ самую минуту убійства Лжедимитрія уже помышлялъ о его воскрешеніи, въ то же время князь Григорій Петровичъ Шаховской думалъ о томъ же и, во время смуты во дворцѣ, унесъ государственную печать какъ вещъ нужную для исполненія своихъ замысловъ. Новый царь помогъ ему въ этомъ какъ нельзя лучше, сославши его воеводою въ Путивль за преданность Лжедимитрію. Шаховской, пріѣхавъ въ Путивль, собралъ жителей и объявилъ имъ, что царь Димитрій живъ и скрывается отъ враговъ; Путивльцы немедленно возстали противъ Шуйскаго и примѣру ихъ послѣдовали другіе Сѣверскіе города. Въ Черниговѣ начальсвовалъ тотъ самый бояринъ князь Андрей Телятевскій, который прежде не хотѣлъ участвовать въ переходѣ цѣлаго войска на сторону перваго Лжедимитрія, а теперь объявилъ себя на сторонѣ втораго, о которомъ еще никто ничего не зналъ обстоятельно: нѣтъ сомнѣнія, что личныя отношенія къ

Шуйскому были причиною такого поступка. Начались волненія и въ Москвѣ: здѣсь еще не смѣли произнести громко имя Димитрія, и потому старались привести толпу въ движеніе по другому поводу: на домахъ иностранцевъ и бояръ написали, что царь предаетъ домы этихъ измѣнниковъ народу на разграбленіе. Толпы начали сбираться, но на этотъ разъ ихъ разогнали. Чрезъ нѣсколько времени, въ одинъ воскресный день, когда царь шелъ къ обѣднѣ, увидѣлъ онъ множество народа у дворца: толпы были созваны извѣстіемъ, что царь будетъ говорить съ народомъ. Шуйскій остановился, и плача отъ досады, началъ говорить окружавшимъ его боярамъ, что имъ не нужно выдумывать коварныхъ средствъ, если хотятъ отъ него избавиться, что избравъ его царемъ, могутъ и низложить его, если онъ имъ неугоденъ, и что онъ оставитъ престолъ безъ сопротивленія. Потомъ отдавъ имъ царскій посохъ и шапку, продолжалъ: «если такъ, выбирайте кого хотите». Видя однако, что всѣ неподвижны, ни откуда нѣтъ возраженія, Шуйскій подумалъ, что пристращалъ крамольниковъ, что большинство за него, и потому, взявши снова посохъ, сказалъ: «Мнѣ уже наскучили эти козни: то меня хотите умертвить, то бояръ и иностранцевъ, или, по крайней мѣрѣ ограбить ихъ; если вы меня признаете царемъ, то я требую казни виновныхъ.» На этотъ разъ всѣ спѣшили увѣрить его въ преданности своей и просили наказать возмутителей; схватили пятерыхъ изъ толпы, высѣкли кнутомъ и сослали. Шуйскій хотѣлъ воспользоваться этимъ усердіемъ, чтобы вскрыть заговоръ, составленный во имя князя Мстиславскаго; но по изслѣдованіи дѣла нашли, что этотъ бояринъ вовсе не виноватъ въ немъ, что во имя его дѣйствовали родные, изъ которыхъ больше всѣхъ былъ уличенъ бояринъ Петръ Никитичъ Шереметевъ: его послали въ Псковъ воеводою.

Между тѣмъ Шаховскому для успѣха поднятаго имъ возстанія необходимъ былъ самозванецъ, откуда бы то ни было. Зная, что Молчановъ прежде всѣхъ выдалъ себя за Димитрія, онъ звалъ его въ Путивль изъ Самбора, гдѣ

тотъ, съ согласія Марининой матери, распространялъ слухи о спасеніи царя. Но Молчановъ самъ не хотѣлъ играть роль самозванца и не нашелъ еще никого, кто бы согласился и былъ способенъ принять ее; однако медлить было нельзя: надобно было подкрѣпить возстаніе, давши ему вождя смѣлаго; такимъ явился Болотниковъ.

Болотниковъ былъ холопомъ князя Телятевскаго; разказываютъ, что въ молодости, взятый въ плѣнъ Татарами и проданный Туркамъ, онъ нѣсколько лѣтъ былъ галернымъ невольникомъ Получивъ какъ-то свободу, онъ былъ заброшенъ судьбою въ Венецію, откуда, въ описываемое время, пробирался черезъ Польшу на родину. Въ Польшѣ услыхалъ онъ о событіяхъ, волновавшихъ Русь; какъ Русскаго, Болотникова схватили и представили Молчанову, который увидалъ въ немъ полезнаго для своего дѣла человѣка, одарилъ его и послалъ съ письмомъ въ Путивль къ князю Шаховскому, который принялъ его какъ царскаго повѣреннаго и далъ начальство надъ отрядомъ войска. Холопъ Болотниковъ тотчасъ же нашелъ средство увеличить свою дружину и упрочить дѣло Самозванца въ прежде погибшей украйнѣ: онъ обратился къ своимъ, обѣщая волю, богатства и почести подъ знаменами Димитрія, и подъ эти знамена начали стекаться разбойники, воры, нашедшіе пристанище въ украйнѣ, бѣглые холопы и крестьяне, козаки, къ нимъ пристали посадскіе люди и стрѣльцы, начали въ городахъ хватать воеводъ и сажать ихъ въ тюрьмы; крестьяне и холопи стали нападать на домы господъ своихъ, раззоряли ихъ, грабили, мужчинъ убивали, женъ и дочерей заставляли выходить за себя за мужъ. На московскихъ улицахъ показались подметныя грамоты, въ которыхъ упрекали Москвитянъ въ неблагодарности къ Димитрію, спасшемуся отъ ихъ ударовъ, и грозили возвращеніемъ его, для наказанія столицы, не позже 1-го Сентября, тогдашняго новаго года; царь велѣлъ созвать всѣхъ дьяковъ и сличить почерки ихъ съ почеркомъ грамотъ, но сходнаго не нашли; грамоты, какъ видно, явились изъ украйны, туда

надобно было обратить оружіе; но прежде начала военныхъ дѣйствій царь хотѣлъ попытаться утишить возстаніе средствами религіозными: для этого онъ послалъ въ Сѣверскую землю духовенство съ увѣщаніями; въ Елецъ былъ посланъ бояринъ Михайла Нагой съ грамотою сестры своей царицы Маrѳы, съ образомъ Димитрія царевича; но эти средства не помогли. Тогда бояринъ князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій осадилъ Елецъ, стольникъ князь Юрій Трубецкой Кромы; но на выручку Кромъ явился Болотниковъ: съ 1300 человѣкъ напалъ онъ на 5000 царскаго войска и наголову поразилъ Трубецкаго; побѣдители — казаки насмѣхались надъ побѣжденными, называли царя ихъ Шуйскаго шубникомъ. Московское войско и безъ того не усердствовало Василію, слѣдовательно уже было ослаблено нравственно; побѣда Болотникова отняла у него и послѣдній духъ; служилые люди, видя всеобщую смуту, всеобщее колебаніе, не хотѣли больше сражаться за Шуйскаго и начали разъѣзжаться по домамъ; воеводы, Воротынскій и Трубецкой, обезсиленные этимъ отъѣздомъ, не могли ничего предпринять рѣшительнаго и пошли назадъ При состояніи умовъ, какое господствовало тогда въ Московскомъ государствѣ, при всеобщей шаткости, неувѣренности, недостаткѣ точки опоры, при такомъ состояніи первый успѣхъ, на чьей бы сторонѣ ни былъ, имѣлъ важныя слѣдствія, ибо увлекалъ толпу нерѣшительную, жаждущую увлечься, пристать къ чему бы то ни было, опереться на что бы то ни было, лишь бы только выйти изъ нерѣшительнаго состоянія, которое для каждаго человѣка и для общества есть состояніе тяжкое, нестерпимое. Какъ скоро узнали, что царское войско отступило, то возстаніе на югѣ сдѣлалось повсемѣстнымъ. Боярскій сынъ, сотникъ Истома Пашковъ возмутилъ Тулу, Веневъ и Каширу; въ то же время встало противъ Шуйскаго и древнее княжество Рязанское; здѣсь въ челѣ возстанія были воевода Григорій Сунбуловъ и дворянинъ Прокофій Ляпуновъ.

Писатели иностранные хвалятъ храбрость стараго наро-

донаселенія Рязанскаго; лѣтописцы Московскіе удивляются его дерзости и рѣчамъ высокимъ: Рязанцы Ляпуновы оправдываютъ тотъ и другой отзывъ. Во время народнаго волненія по смерти Грознаго Рязанцы — Ляпуновы и Кикины являются на первомъ планѣ; Захаръ Ляпуновъ, братъ Прокофья, дерзкій, какъ увидимъ, на слово и на руку, первый въ такомъ дѣлѣ, на которое рѣдкіе могли рѣшиться, заявляетъ въ первый разъ себя тѣмъ, что не хочетъ быть въ станичныхъ головахъ вмѣстѣ съ Кикинымъ и бѣжитъ со службы изъ Ельца. Въ 1603 году о немъ опять встрѣчаемъ извѣстіе: царь Борисъ велѣлъ спросить дѣтей боярскихъ Рязанцевъ: кто на Донъ къ атаманамъ и казакамъ посылалъ вино, зелье, сѣру, селитру и свинецъ, пищали, панцыри и шлемы и всякіе запасы, заповѣдные товары? отвѣчали: былъ слухъ, что Захаръ Ляпуновъ вино на Донъ казакамъ посылалъ, панцырь и шапку желѣзную продавалъ. Захара за это высѣкли кнутомъ. Братъ его Прокофій, красивый, умный, храбрый и въ военномъ дѣлѣ искусный человѣкъ, какъ отзывались объ немъ современники, обладалъ также страшною энергіею, которая не давала ему покоя, заставляла всегда рваться въ первые ряды, отнимала у него умѣнье дожидаться. Такіе люди обыкновенно становятся народными вождями въ смутныя времена: истомленный, гнетомый нерѣшительнымъ положеніемъ, народъ ждетъ перваго сильнаго слова, перваго движенія, и кто первый произнесетъ роковое слово, кто первый двинется, тотъ и становится вождемъ народнаго стремленія. Ляпуновъ сталъ за Димитрія противъ Шуйскаго: мы не имѣемъ права полагать, что Ляпуновъ былъ увѣренъ въ самозванствѣ того, кто называлъ себя Димитріемъ, въ ложности слуховъ о его спасеніи: по всѣмъ вѣроятностямъ, онъ, какъ и большая часть, если не всѣ Рязанцы, какъ большая часть, если не всѣ жители другихъ Московскихъ областей, не имѣлъ никакихъ крѣпкихъ убѣжденій въ этомъ отношеніи, и возсталъ при вѣсти о возстаніи, повинуясь своей энергической природѣ, не умѣя сносить, подобно другимъ, нерѣшительнаго поло-

женія, не умѣя ждать. Съ другой стороны возстаніе подъ знаменами Димитрія противъ Шуйскаго, т. е. противъ правленія бояръ, охранявшихъ старину, не допускавшихъ въ свои ряды людей новыхъ, такое возстаніе было привлекательно для людей, подобныхъ Ляпунову, Сунбулову и Пашкову, людей, чувствовавшихъ въ себѣ стремленіе быть впереди, но по происхожденію не имѣвшихъ на это права.

Кромѣ Рязани двадцать городовъ въ нынѣшнихъ губерніяхъ Орловской, Калужской и Смоленской, стали за Лжедимитрія. На восточной украйнѣ, въ странахъ Приволжскихъ, точно также какъ и въ украйнѣ Сѣверской, встали холопи и крестьяне; къ нимъ присоединились инородцы, недавно, послѣ долгаго сопротивленія принужденные подчиниться государству и теперь обрадовавшіеся случаю сбросить съ себя это подчиненіе. Мордва, холопи и крестьяне осадили Нижній Новгородъ подъ начальствомъ двухъ Мордвиновъ Москова и Вокорлина, волненіе коснулось областей Вятской и Пермской; рознь встала между Пермичами, набранными въ войско для царя: они начали биться другъ съ другомъ, едва не убили царскаго приставника, хотѣвшаго разнять ихъ, и кончили тѣмъ, что разбѣжались отъ него съ дороги. Въ землѣ Вятской, Московскаго чиновника, присланнаго для набора войскъ, встрѣтили громкою хулою на Шуйскаго, говорили, что Димитрій уже взялъ Москву, пили за него заздравныя чаши. Но въ Астрахани не чернь встала за Лжедимитрія: здѣсь измѣнилъ Шуйскому воевода, князь Хворостининъ; здѣсь, наоборотъ, дьякъ Аѳанасій Карповъ и мелкіе люди были побиты съ раскату.

Болотниковъ, соединившись со Пашковымъ и Рязанцами, переправилися за Оку, взялъ и разграбилъ Коломну; отрядъ царскаго войска, подъ начальствомъ князя Михайлы Васильевича Скопина-Шуйскаго, одержалъ верхъ въ сшибкѣ на берегахъ Пахры; но главная рать подъ начальствомъ князя Мстиславскаго и другихъ бояръ старыхъ была поражена въ семидесяти верстахъ отъ Москвы, при селѣ Троицкомъ. Болотниковъ, гоня побѣжденныхъ, дошелъ до Мо-

сквы и сталъ въ селѣ Коломенскомъ. Царствованіе Шуйскаго, казалось, должно было кончиться; при нерасположеніи къ себѣ многихъ, онъ имѣлъ мало средствъ къ защитѣ; на остатки разбитыхъ Болотниковымъ полковъ была плохая надежда; области кругомъ, съ юго-востока и запада признавали Лжедимитрія; цѣны на хлѣбъ возвысились въ Москвѣ, а кто хотѣлъ терпѣть голодъ для Шуйскаго? Но въ полкахъ, пришедшихъ осаждать Шуйскаго, господствовало раздвоеніе, которое и спасло его на этотъ разъ. Пришедши подъ Москву, Болотниковъ тотчасъ обнаружилъ характеръ своего возстанія: въ столицѣ явились отъ него грамоты съ воззваніями къ низшему слою народонаселенія: «велятъ боярскимъ холопамъ побивать своихъ бояръ, женъ ихъ, вотчины и помѣстья имъ сулятъ, шпынямъ и безъименникамъ ворамъ велятъ гостей и всѣхъ торговыхъ людей побивать, имѣнье ихъ грабить, призываютъ ихъ воровъ къ себѣ, хотятъ имъ давать боярство, воеводство, окольничество и дьячество.» Рязанскіе и Тульскіе дворяне и дѣти боярскіе, дружины Ляпунова и Сунбулова, соединившись съ Болотниковымъ, увидали, съ кѣмъ у нихъ общее дѣло, и изъ двухъ, по ихъ мнѣнію, золъ, рѣшились выбрать меньшее, т. е. снова служить Шуйскому; они явились съ повинною въ Москву, къ царю Василію, безъ сомнѣнія увѣренные прежде въ прощеніи и милости, ибо наказать первыхъ раскаявшихся измѣнниковъ значило заставить всѣхъ другихъ биться отчаянно и такимъ образомъ продлить и усилить страшное междоусобіе; Ляпуновъ и Сунбуловъ явились первые, и Ляпуновъ получилъ санъ думнаго дворянина. Въ то же время счастливый для Шуйскаго оборотъ дѣла произошелъ на сѣверо-западѣ: если на югѣ, увлеченные примѣромъ энергическихъ людей — Ляпунова, Сунбулова, Пашкова, жители бросились на сторону самозванца, то въ Твери произошло иначе: архіепископомъ здѣсь былъ въ это время Ѳеоктистъ, человѣкъ, какъ видно, сильный духомъ, способный стать въ челѣ народонаселенія: когда толпа приверженцевъ самозванца показалась въ Тверскомъ

уѣздѣ, Ѳеоктистъ собралъ духовенство, приказныхъ людей, своихъ дѣтей боярскихъ, торговыхъ и посадскихъ людей, и укрѣпилъ ихъ въ вѣрности къ Шуйскому, такъ что Лжедимитріевцы были встрѣчены съ оружіемъ въ рукахъ и побиты. Другіе города Тверской области, присягнувшіе самозванцу, вслѣдствіе упадка духа и нерѣшительности, послѣдовали тотчасъ примѣру Твери, и служилые люди ихъ отправились подъ Москву помогать Шуйскому. Также сильное усердіе къ нему показали жители Смоленска; Смольнянамъ, говорятъ современники, Поляки и Литва были враждебны, искони вѣчные непріятели, жили Смольняне съ ними близко и бои съ ними бывали частые; поэтому Смольняне не могли ждать хорошаго отъ царя, который былъ другомъ Поляковъ и за помощь ему оказанную могъ уступить Смоленскъ Польшѣ. Какъ скоро узнали въ Смоленскѣ, что изъ Польши готовъ явиться царь, ложный или истинный, новый или старый,—все равно, ибо никто ничего не зналъ подлинно, то немедленно служилые люди собрались и пошли подъ Москву, выбравши себѣ въ старшіе Григорія Полтева, на дорогѣ очистили отъ Лжедимитріевцевъ Дорогобужъ и Вязьму. Дорогобужскіе, Вяземскіе и Серпейскіе служилые люди соединились съ Смольнянами и вмѣстѣ пришли въ Можайскъ 15 ноября, куда пришелъ также воевода Колычевъ, успѣвшій очистить отъ воровъ Волоколамскъ.

Шуйскій ободрился; онъ послалъ уговаривать Болотникова отстать отъ самозванца, но люди, изъ которыхъ состояло войско Болотникова, бились не за самозванца, а за возможность жить на счетъ государства, отъ примиренія съ которымъ они не могли ожидать для себя никакой выгоды; Болотниковъ не прельстился обѣщаніемъ царя дать ему знатный чинъ, и отвѣчалъ: «Я далъ душу свою Димитрію и сдержу клятву, буду въ Москвѣ не измѣнникомъ, а побѣдителемъ.» Надобно было рѣшить дѣло оружіемъ: молодой воевода, князь Михайла Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій свелъ полки у Данилова монастыря, и 1 декабря,

дождавшись прихода Смольнянъ, пошелъ къ Коломенскому; Болотниковъ вышелъ къ нему на встрѣчу и сразился у деревни Котловъ; холопи и казаки бились отчаянно, но Истома Пашковъ, съ дворянами и дѣтьми боярскими, передался на сторону царя: причиною отступленія Пашкова полагаютъ то, что Болотниковъ не хотѣлъ уступить ему первенства, а Пашковъ не хотѣлъ быть ниже холопа. Болотниковъ, потерпѣвъ пораженіе, засѣлъ въ своемъ укрѣпленномъ Коломенскомъ станѣ; три дня воеводы били изъ пушекъ по острогу и не могли разбить, наконецъ сдѣлали ядра огненныя и зажгли острогъ. Тогда Болотниковъ побѣжалъ къ Серпухову, собралъ міръ и спросилъ: есть ли у нихъ столько съѣстныхъ припасовъ, чтобъ могли цѣлый годъ прокормить и себя и войско? если есть, то онъ останется у нихъ и будетъ дожидаться царя Димитрія; если же нѣтъ, то уйдетъ. Серпуховичи отвѣчали, что имъ нечѣмъ будетъ цѣлый годъ и себя прокормитъ, не телько что войско. Тогда Болотниковъ пошелъ дальше и засѣлъ въ Калугѣ, жители которой объявили, что могутъ содержать его войско въ продолженіе года; нѣкоторые изъ его казаковъ засѣли въ деревнѣ Заборьѣ, но принуждены были сдаться царскимъ воеводамъ; Шуйскій велѣлъ ихъ взять въ Москву, поставить по дворамъ, кормить и ничѣмъ не трогать; но тѣхъ, которые были пойманы на бою, велѣлъ посажать въ воду; если въ это число были включены тѣ, которыхъ взяли при Котлахъ, то ихъ было не мало, ибо лѣтописецъ говоритъ, что имъ не находили мѣста въ тюрьмахъ Московскихъ.

Шуйскій не терялъ времени для наступительнаго движенія: пять воеводъ двинулись на югъ для осады городовъ, вѣрныхъ самозванцу; братъ царскій, князь Иванъ Ивановичь Шуйскій осадилъ Калугу, нѣсколько разъ приступалъ къ ней, но ничего не сдѣлалъ; царь послалъ къ Калугѣ послѣднее войско подъ начальствомъ перваго боярина, князя Мстиславскаго, Скопина-Шуйскаго и князя Татева, но Болотниковъ отбилъ приступы и этихъ воеводъ. Также не-

удачны были приступы къ Веневу и Тулѣ; но бояринъ Иванъ Никитичъ Романовъ и князь Мезецкій разбили князя Василія Рубца-Мосальскаго, приближавшагося къ Калугѣ на помощь Болотникову; самъ воевода, князь Мосальскій, былъ убитъ, и ратные люди его сѣли на пороховыя бочки и взорвали сами себя на воздухъ. Порадовали Шуйскаго и вѣсти съ востока: тамъ Арзамасъ былъ взятъ; Нижній освобожденъ отъ осады; на жителей Свіяжска, присягнувшихъ Лжедмитрію, Казанскій митрополитъ Ефремъ наложилъ церковное запрещеніе, и они принесли повинную Шуйскому.

Такъ начался 1607 годъ. Не смотря на успѣхи въ разныхъ мѣстахъ, дѣло Шуйскаго было далеко не въ благопріятномъ положеніи, ибо югъ упорно стоялъ за самозванца. Матеріальныя средства не помогли, захотѣли употребить нравственныя. Еще въ 1606 году, принуженный бороться съ тѣнью Лжедмитрія, Шуйскій счелъ нужнымъ оправить царя Бориса и семейство его, погибшее жертвою самозванца: съ этою цѣлію онъ велѣлъ вынуть гробы Годуновыхъ изъ Варсонофіевскаго монастыря; Ксенія (Ольга) Борисовна провожала гробы родныхъ своихъ и, по обычаю, громко вопила о своихъ несчастіяхъ. Въ началѣ 1607 года придумали другую церемонію которая должна была произвести сильнѣйшее впечатлѣніе. 3 февраля великій государь велѣлъ быть у себя патріарху Гермогену съ лучшимъ доховенствомъ для своего государства и земскаго дѣла, и приговорилъ послать въ Старицу за прежнимъ патріархомъ Іовомъ, чтобъ онъ пріѣхалъ въ Москву, простилъ и разрѣшилъ всѣхъ православныхъ христіанъ въ ихъ клятвопреступленіи. Въ Старицу съ приглашеніемъ отправился Крутицкій митрополитъ Паѳнутій и повезъ Іову грамоту отъ Гермогена: «Государю отцу нашему, святѣйшему Іову патріарху сынъ твой и богомолецъ, Гермогенъ, патріархъ Московскій и всея Руси, Бога молю и челомъ бью. Благородный и благовѣрный, благочестивый и христолюбивый великій государь царь и великій князь Василій Ивановичъ, всея Руси самодержецъ, совѣтовавшись со мною и со всѣмъ

освященнымъ соборомъ, съ боярами, окольничими, дворянами, съ приказными людьми и со всѣмъ своимъ царскимъ синклитомъ, съ гостями, торговыми людьми и со всѣми православными христіанами паствы твоей, послалъ молить твое святительство, чтобъ ты учинилъ подвигъ, и ѣхалъ въ царствующій градъ Москву для его государева и земскаго великаго дѣла; да и мы молимъ съ усердіемъ твое святительство и колѣна преклоняемъ, сподоби насъ видѣть благолѣпное лице твое и слышать пресладкій голосъ твой.»

14 февраля Іовъ пріѣхалъ въ Москву въ царской каптанѣ (каретѣ), подбитой соболями, и остановился на Троицкомъ подворьѣ. 16 числа два патріарха съ архіереями сочинили слѣдующую грамоту: «Царь Иванъ Васильевичъ повелѣлъ царствовать на Россійскомъ государствѣ сыну своему Θеодору Ивановичу; а второму сыну своему, царевичу Димитрію Ивановичу далъ въ удѣлъ городъ Угличь, и царевича Димитрія въ Угличѣ не стало, принялъ закланіе неповинное отъ рукъ измѣнниковъ своихъ. По отшествіи къ Богу царя Θедора Ивановича мы и всякіе люди всего Московскаго государства цѣловали крестъ царю Борису Θедоровичу. Во времена царства его огнедыхательный дьяволъ, лукавый змѣй, поядатель душъ человѣческихъ, воздвигъ на насъ чернеца Гришку Отрепьева. Когда царя Бориса Θедоровича не стало, всѣ православные христіане цѣловали крестъ сыну его, Θедору Борисовичу; но грѣхъ ради нашихъ растрига прельстилъ всѣхъ людей Божіихъ именемъ царевича Димитрія Ивановича; православные христіане, не зная о немъ подлинно, приняли этого вора на Россійское государство, царицу Марью и царевича Θедора злою смертью уморили, множество народа вошло въ соборную церковь съ оружіемъ и дрекольями, во время божественнаго пѣнія, и не давъ совершиться литургіи, вошли въ алтарь, меня Іова патріарха взяли и, таская по церкви и по площади, позорили многими позорами, а въ царскихъ палатахъ подобіе Христова тѣла, Богородицы и Архангеловъ, что приготовлено было для плащаницы, раздробили,

воткнули на копья и на рогатины и носили по городу, забывъ страхъ Божій. Потомъ этотъ врагъ разстрига, пріѣхавши въ Москву съ Люторами, Жидами, Ляхами и Римлянами, и съ прочими оскверненными языками, и назвавши себя царемъ, владѣлъ мало не годъ, и какихъ злыхъ дьявольскихъ бѣдъ не сдѣлалъ и какаго насилія не ученилъ — и писать неудобно: Люторами и Жидами христіанскія церкви осквернилъ, и, не будучи сытъ такимъ бѣсовскимъ ядомъ, привезъ себѣ изъ Литовской земли невѣсту, Люторской вѣры дѣвку, ввелъ ее въ соборную церковь, вѣнчалъ царскимъ вѣнцомъ, въ царскихъ дверяхъ св. міромъ помазалъ. Видя достояніе свое въ такой погибели, воздвигъ на него Богъ обличителя, великаго государя нашего, воистину святаго и праведнаго царя, Василія Ивановича: его промысломъ тотъ врагъ до конца сокрушенъ былъ, а на Россійское государство избранъ былъ великій государь Василій Ивановичъ, потому что онъ отъ корени прежде бывшихъ государей, отъ благовѣрнаго великаго князя Александра Ярославича Невскаго. Святая наша вѣра въ прежній добрый покой возвратилась и начала сіять какъ солнце на тверди небесной, святыя церкви отъ оскверненія очистились и всѣ мы православные христіане, какъ отъ сна воспрянувъ, отъ буйства уцѣлому дрились. Но прегордый сатана возставилъ плевелы золъ, хочетъ поглотить пшенниценосные класы; собрались тойже прежепогибшей сѣверской Украйны севрюки и другихъ Рязанскихъ и Украинскихъ городовъ стрѣльцы и казаки, разбойники, воры, бѣглые холопы, прельстили преждеомраченную безуміемъ Сѣверскую Украйну и отъ той Украйны многіе и другіе города прельстились и кровь православныхъ христіанъ какъ вода проливается, называютъ мертваго злодѣя разстригу живымъ, а намъ и вамъ всѣмъ православнымъ христіанамъ смерть его подлинно извѣстна.—И теперь я, смиренный Гермогенъ патріархъ, и я смиренный Іовъ, бывшій патріархъ и весь освященный соборъ молимъ скорбными сердцами премилостиваго Бога, да умилосердится о всѣхъ насъ. Да и васъ мо-

лить наше смиреніе, благородные князья, бояре, окольничіе, дворяне, приказные люди, дьяки, служилые люди, гости, торговые люди и всѣ православные христіане! подвигнитесь трудолюбезно, постомъ и молитвою и чистотою душевною и тѣлесною и прочими духовными добродѣтелями, начнемъ вмѣстѣ со всякимъ усердіемъ молить Бога и Пречистую Богородицу, и великихъ чудотворцевъ Московскихъ Петра, Алексія, Іону и новоявленнаго страстотерпца Христова, царевича Димитрія, и всѣхъ святыхъ, да тѣхъ молитвами подастъ намъ Богъ всѣмъ миръ, любовь и радость и Россійское государство отъ непотребнаго сего раздѣленія въ прежнее благое соединеніе и мирный союзъ устроитъ. А что вы цѣловали крестъ царю Борису и потомъ царевичу Ѳедору и крестное цѣлованіе преступили: въ тѣхъ во всѣхъ прежнихъ и нынѣшнихъ клятвахъ я Гермогенъ и я смиренный Іовъ, по данной намъ благодати, васъ прощаемъ и разрѣшаемъ; а вы насъ, Бога ради, также простите въ нашемъ заклинаніи къ вамъ, и если кому какую-нибудь грубость показали».

19 февраля по государеву указу, патріархъ Гермогенъ приказалъ на оба земскіе двора разослать памяти: послать по всѣмъ сотнямъ къ старостамъ и соцкимъ, чтобы изъ сотенъ и изъ слободъ посадскіе, мастеровые и всякіе люди мужескаго пола были въ Успенскій соборъ на другой день, 20 февраля. Когда въ назначенный день всенародное множество собралось въ соборъ, а нѣкоторые, не помѣстившись, стояли внѣ церкви, патріархъ Гермогенъ началъ служить молебенъ, послѣ котораго гости, торговые и черные люди начали у патріарха Іова просить прощенія съ великимъ плачемъ и неутѣшнымъ воплемъ: «О пастырь предобрый! прости насъ, словесныхъ овецъ бывшаго твоего стада: ты всегда хотѣлъ, чтобы мы паслись на злаконосныхъ поляхъ словеснаго твоего любомудрія и напаялись отъ сладкаго источника книгородныхъ божественныхъ догматовъ, ты крѣпко берегъ насъ отъ похищенія лукавымъ змѣемъ и нагубнымъ волкомъ; но мы окаянные отбѣжали отъ тебя, пре-

диваго пастуха, и заблудились въ дебрѣ грѣховной и сами себя дали въ снѣдь злолютому звѣрю, всегда готовому губить наши души. Восхити насъ, богоданный рѣшитель! отъ нерѣшимыхъ узъ, по данной тебѣ благодати!» Послѣ этой рѣчи гости и торговые люди подали Іову челобитную, написанную такимъ же витіеватымъ слогомъ: «Народъ христіанскій отъ твоего здраваго ученія отторгнулся и на льстивую злохитрость лукаваго вепря уклонился; но Богъ, твоею молитвою, преславно освободилъ насъ отъ руки зломысленнаго волка, подалъ намъ вмѣсто нечестія благочестіе, вмѣсто лукавой злохитрости благую истину, и вмѣсто хищника щедраго подателя, государя царя Василья Ивановича, а родъ, благоцвѣтущей его отрасли корень самъ ты, государь и отецъ, знаешь, какъ написано въ Степенной книгѣ; но и то тебѣ знать надобно, что отъ того дня до сего всѣ мы во тьмѣ суетной пребываемъ и ничего намъ къ пользѣ не спѣется; поняли мы, что во всемъ предъ Богомъ согрѣшили, тебя, отца нашего, не послушали и крестное цѣлованіе преступили. И теперь я, государь царь и великій князь Василій Ивановичъ, молю тебя о прегрѣшеніи всего міра, преступленіи крестнаго цѣлованія, прошу прощенія и разрѣшенія». Когда подали эту челобитную, Гермогенъ велѣлъ успенскому архидіакону взойти на амвонъ и громко читать ее; а послѣ этого патріархи велѣли тому же архидіакону, читать разрѣшительную грамоту. Народъ обрадовался, припадали къ ногамъ патріарха Іова и говорили: «Во всемъ виноваты, честный отецъ! прости, прости насъ и дай благословеніе, да пріимемъ въ душахъ своихъ радость великую».

Такъ разсказываетъ дѣло оффиціальное извѣстіе, въ которомъ замѣчаемъ тотъ же духъ, подъ вліяніемъ котораго составлялись грамоты объ избраніи царя Бориса. Конечно многимъ изъ присутствовавшихъ въ соборѣ могло показаться страннымъ, какъ тотъ же самый Василій Ивановичъ Шуйскій торжественно свидѣтельствовалъ, что царевичъ Димитрій самъ закололся въ припадкѣ падучей болѣзни, и тотъ

же патріархъ Іовъ объявлялъ, что это свидѣтельство истинное, а теперь оба говорятъ, что царевича Димитрія убили его измѣнники! Любопытно, что во всемъ этомъ дѣлѣ торжественнаго разрѣшенія дѣйствуютъ одни гости и торговые люди, они просятъ устно о прощеніи, они подаютъ челобитную.

Но если, какъ говоритъ извѣстіе, народъ обрадовался, что получилъ разрѣшеніе отъ патріарха, то радость эта была непродолжительна. Чрезъ нѣсколько дней понесся по городу слухъ, что сторожа, карауливщіе ночью на паперти Архангельскаго собора, слышали, какъ въ соборѣ были голоса, говоръ, смѣхъ, а потомъ плачь, соборъ освѣтился, и одинъ толстый голосъ заглушилъ другіе, говорилъ за упокой безпрестанно. Желая дѣйствовать на успокоеніе народа, оживленіе его нравственныхъ силъ средствами нравственными, религіозными, Шуйскій въ тоже время хотѣлъ прекратить сопротивленіе другими средствами. Онъ принялъ предложеніе Нѣмца Фидлера отравить Болотникова въ Калугѣ. Фидлеръ обязался такою клятвою: «во имя Пресвятой и Преславной Троицы я даю сію клятву въ томъ, что хочу изгубить ядомъ Ивана Болотникова; если же обману моего государя, то да лишитъ меня Господь навсегда участія въ небесномъ блаженствѣ; да отрѣшитъ меня навѣки Іисусъ Христосъ, да не будетъ подкрѣплять душу мою благодать Св. Духа, да покинутъ меня всѣ Ангелы, да овладѣетъ тѣломъ и душою моею дьяволъ. Я сдержу свое слово и этимъ ядомъ погублю Ивана Болотникова, уповая на Божію помощь и Св. Евангеліе», Царь далъ Фидлеру лошадь и 100 рублей, обѣщая въ случаѣ успѣха дѣла 100 душъ крестьянъ и 300 рублей ежегоднаго жалованья. Но Фидлеръ, пріѣхавъ въ Калугу, открылъ все Болотникову и отдалъ ему самый ядъ.

Положеніе Болотникова съ товарищами было однако очень затруднительно: долгое неявленіе провозглашеннаго Димитрія отнимало духъ у добросовѣстныхъ его приверженцевъ; тщетно Шаховской умолялъ Молчанова явиться въ Путивль

подъ именемъ Димитрія: тотъ не соглашался. Въ такой крайности Шаховской послалъ звать къ себѣ казацкаго самозванца Петра, который, узнавъ о гибели Лжедимитрія, поворотилъ было назадъ на Донъ. Царевичъ Петръ явился на зовъ: замучивъ нѣсколько вѣрныхъ Шуйскому воеводъ, обезчестивъ дочь убитаго имъ князя Бахтеярова, получивъ подкрѣпленіе изъ Запорожья, онъ двинулся вмѣстѣ съ Шаховскимъ къ Тулѣ. Узнавши объ этомъ движеніи и подкрѣпленный однимъ изъ отрядовъ самозванца, Телятевскій выступилъ изъ Тулы къ Калугѣ, на помощь къ Болотникову и поразилъ при Пчельнѣ царское войско, высланное противъ него Мстиславскимъ изъ-подъ Калуги. Вѣсть объ этомъ пораженіи навела ужасъ на рать Мстиславскаго, и она поспѣшно отступила отъ Калуги, при чемъ 15,000 человѣкъ перешли на сторону Болотникова; послѣдній, пользуясь этимъ, оставилъ Калугу и соединился въ Тулѣ съ Лжепетромъ, чтобы дѣйствовать отсюда соединенными силами. Тогда Шуйскій принялъ мѣры рѣшительныя: разосланы были строгіе приказы собираться отовсюду служилымъ людямъ, монастырскія и церковныя отчины должны были также выставить ратниковъ, и такимъ образомъ собралось до 100,000 человѣкъ, которыми царь рѣшился самъ предводительствовать. 21 Мая Шуйскій выступилъ на свое государево и и земское великое дѣло, какъ сказано въ грамотахъ патріарха, призывавшаго молиться объ успѣхѣ похода; скоро получены были другія грамоты отъ патріарха, въ которыхъ онъ уже призывалъ пѣть благодарственные молебны за побѣду царскихъ войскъ надъ мятежниками при рѣкѣ Восмѣ: цѣлый день бились съ ожесточеніемъ и царскіе полки уже начали колебаться; но тутъ воеводы, князь Андрей Голицынъ и князь Борисъ Лыковъ, ѣздя по полкамъ, начали говорить ратнымъ людямъ со слезами: «Куда намъ бѣжать? лучше намъ здѣсь помереть другъ за друга единодушно всѣмъ»! ратные люди отвѣчали: «надобно вамъ начинать, а намъ помирать за вами». Царскія войска одержали побѣду: князь Телятевскій, предводитель Лжедимитріевскихъ войскъ,

ушелъ съ немногими людьми; но по другимъ извѣстіямъ, князь Телятевскій во время самаго сраженія, съ 4000 войска перешелъ на сторону Шуйскаго и тѣмъ рѣшилъ дѣло въ пользу послѣдняго.

Шуйскій хотѣлъ воспользоваться побѣдою и докончить дѣло; онъ самъ лично осадилъ Тулу, куда скрылись Шаховской, (Телятевскій), Болотниковъ и Лжепетръ. Осажденные два раза отправляли гонца въ Польшу, къ друзьямъ Мнишка, чтобы тѣ постарались немедленно выслать какого нибудь Лжедимитрія, въ отчаяніи писали къ нимъ: «отъ границы до Москвы все наше, придите и возьмите, только избавьте насъ отъ Шуйскаго». Наконецъ самозванецъ отыскался: что̀ это былъ за человѣкъ, никто не могъ ничего сказать навѣрное; ходили разные слухи; одни говорили, что это былъ поповъ сынъ, Матвѣй Веревкинъ, родомъ изъ Сѣверской страны; другіе, что поповичь Дмитрій изъ Москвы, отъ церкви Знаменья на Арбатѣ, которую построилъ князь Василій Масальскій; иные разглашали, что это былъ сынъ князя Курбскаго; иные — царскій дьякъ, иные — школьный учитель, по имени Иванъ, изъ города Сокола, иные жидъ, иные — сынъ Стародубскаго служилаго человѣка. Подробнѣе другихъ источниковъ говоритъ о немъ одна Бѣлорусская лѣтопись: «Тогоже рѣку 1607 мѣсяца мая послѣ семое суботы ишолъ со Шклова изъ Могилева на Попову гору якійсь Дмитръ Ивановичъ, менилъ себе быти царемъ Московскимъ. Тотъ Дмитръ Нагій былъ на первей у попа Шкловскаго именемъ дети грамотѣ училъ, школу держалъ, также у священника Өедора Сазоновича Никольскаго у села дети училъ, а самъ оный Дмитръ Нагій имѣлъ господу у Могилевѣ у Теремка, который проскуры заведалъ при церкви св. Николы, и прихаживалъ до того Теремка часъ не малый, каждому забѣгаючи, послугуючи, и мѣлъ на себѣ плохой кожухъ бараній, влете въ томъ ходилъ». Вѣрно только то, что этотъ второй Лжедимитрій вовсе не былъ похожъ наружностію на перваго, и что былъ человѣкъ грамотный, начетчикъ въ священномъ писаніи: послѣднее обстоятельство

и заставляю догадываться, что онъ былъ изъ духовнаго званія; такъ лѣтописецъ говоритъ: «Всѣ воры, которые назывались царскимъ именемъ, извѣстны были многимъ людямъ, откуда который взялся; но этого вора, который назвался разстригинымъ именемъ, отнюдь никто не зналъ, не вѣдомо, откуда взялся; многіе догадывались, что онъ былъ не изъ служилыхъ людей, думали, что онъ или поповъ сынъ или церковный дьячекъ, потому что зналъ весь кругъ церковный». Что же касается до его нравственнаго характера, то уже можно догадаться, каковъ могъ быть человѣкъ, сознательно принявшій на себя роль самозванца, и потому мы не имѣемъ права предполагать сильное преувеличеніе въ тѣхъ извѣстіяхъ чужеземныхъ, слѣдовательно безпристрастныхъ, которыя называютъ его безбожнымъ, грубымъ, жестокимъ, коварнымъ, развратнымъ, составленнымъ изъ преступленій всякаго рода, недостойнымъ носить имя даже и ложнаго государя. Мы должны прибавить только, что, какъ видно изъ его поступковъ, это былъ человѣкъ, умѣвшій освоиться съ своимъ положеніемъ и пользоваться обстоятельствами.

Человѣкъ, знаменитый въ нашей исторіи подъ именемъ Тушинскаго вора, или просто вора, вора по преимуществу, показался впервые въ Бѣлорусскомъ мѣстечкѣ Пропойскѣ, гдѣ былъ схваченъ какъ лазутчикъ и посаженъ въ тюрьму. Здѣсь онъ объявилъ о себѣ, что онъ Андрей Андреевичъ Нагой, родственникъ убитаго на Москвѣ царя Димитрія, скрывается отъ Шуйскаго, и просилъ, чтобы его отослали въ Стародубъ. Рагоза, урядникъ Чечерскій, съ согласія пана своего, Зеновича, старосты Чечерскаго, отправилъ его въ Попову Гору, откуда онъ пробрался въ Стародубъ. Проживъ не долго въ Стародубѣ, мнимый Нагой послалъ товарища своего, который назывался Московскимъ подъячимъ Александромъ Рукинымъ, по Сѣверскимъ городамъ разглашать, что царь Димитрій живъ и находится въ Стародубѣ. Въ Путивлѣ жители обратили вниманіе на рѣчи Рукина и послали съ нимъ нѣсколько дѣтей боярскихъ въ Стародубъ,

чтобы показалъ имъ царя Димитрія, при чемъ пригрозили ему пыткою, если солжетъ. Рукинъ указалъ на Нагаго; тотъ сначала сталъ запираться, что не знаетъ ничего о царѣ Димитріѣ, но когда стародубцы пригрозили и ему пыткою и хотѣли уже его брать, то онъ схватилъ палку и закричалъ: «Ахъ вы б..... дѣти, еще вы меня не знаете: я государь»! Стародубцы упали ему въ ноги и закричали: «Виноваты, государь, передъ тобою».

Стародубцы начали давать государю своему деньги и разсылать по другимъ городамъ грамоты, чтобы высылали къ нимъ своихъ ратныхъ людей на помощь царю; какъ въ другихъ городахъ, такъ и въ Стародубѣ теперь, жители слушались одного человѣка, какого то Гаврилу Веревкина, успѣвшаго взять въ свои руки народную волю. Нашелся между Стародубцами сынъ боярскій, который рѣшился ѣхать подъ Тулу въ царскій станъ и спросить самого царя Василія, за чѣмъ онъ подъискался царства подъ прирожденнымъ государемъ? Мученикъ обмана умеръ геройски, поджариваемый на медленномъ огнѣ и повторяя тѣ же рѣчи, что Шуйскій подыскался подъ прирожденнымъ государемъ. Этотъ прирожденный государь между тѣмъ разсылалъ грамоты по Литовскимъ пограничнымъ городамъ съ просьбою о помощи: «въ первый разъ, писалъ онъ, я съ Литовскими людьми Москву взялъ, хочу и теперь идти къ ней съ ними же». О томъ же писалъ къ Мстиславскому державцу Пацу Рославскій намѣстникъ и воевода, князь Димитрій Мосальскій: «чтобы вы прислужились государямъ нашимъ прирожденнымъ Димитрію и Петру, прислали бы служилыхъ всякихъ людей на государевыхъ измѣнниковъ, а тамъ будетъ добра много; если государь царь и государь царевичь будутъ на прородителвскомъ престолѣ на Москвѣ, то васъ всѣхъ служилыхъ людей пожалуютъ своимъ великимъ жалованьемъ, чего у васъ на разумѣ нѣтъ [82].»

Около самозванца начала собираться дружина, надъ которою онъ поставилъ начальникомъ Поляка Мѣховецкаго; въ концѣ августа пришелъ къ нимъ изъ Литвы панъ Будзило, хорун-

жій Мозырскій; но съ этою малочисленною еще дружиною Лжедимитрій не могъ идти на освобожденіе Тулы и участь ея была рѣшена: Муромскій сынъ боярскій Кровковъ или Кравковъ предложилъ царю затопить Тулу, запрудивъ рѣку Упу; сначала царь и бояре смѣялись надъ этимъ предложеніемъ, но потомъ дали волю Кровкову: тогда онъ велѣлъ каждому изъ ратныхъ людей привезти по мѣшку съ землею и началъ прудить рѣку: вода обступила городъ, влилась внутрь его, пресѣкла всѣ сообщенія жителей съ окрестностями; насталъ голодъ, и Болотниковъ съ Лжепетромъ, какъ говорятъ, вошли въ переговоры съ царемъ, обѣщая сдать городъ, если Василій обѣщаетъ имъ помилованіе; въ противномъ случаѣ грозили, что скорѣе съѣдятъ другъ друга, чѣмъ подвергнутся добровольной казни. Шуйскій, имѣя уже на плечахъ втораго Лжедимитрія, естественно долженъ былъ хотѣть какъ можно скорѣе избавиться отъ Лжепетра и Болотникова, и потому обѣщалъ помилованіе. 10 Октября Тула сдалась. Болотниковъ пріѣхалъ въ царскій станъ, подошелъ къ Василію, палъ предъ нимъ на колѣна и, положивъ саблю на шею, сказалъ: «Я исполнилъ свое обѣщаніе, служилъ вѣрно тому, кто называлъ себя Димитріемъ въ Польшѣ—справедливо или нѣтъ — не знаю, потому что самъ я прежде никогда не видывалъ царя. Я не измѣнилъ своей клятвѣ, но онъ выдалъ меня, теперь я въ твоей власти: если хочешь головы моей, то вели отсѣчь ее этою саблею; но если оставишь мнѣ жизнь, то буду служить тебѣ такъ же вѣрно какъ и тому, кто не поддержалъ меня». Въ страшное время смуты, всеобщаго колебанія, человѣкъ, подобный Болотникову, не имѣвшій средствъ узнать истину касательно событій, могъ въ самомъ дѣлѣ думать, что исполнилъ свой долгъ, если до послѣдней крайности вѣрно служилъ тому, кому началъ служить съ перваго раза. Но не всѣ такъ думали какъ Болотниковъ; другіе, не зная, кто царь законный — Шуйскій или такъ называемый Димитрій, считали себя въ правѣ оставлять одного изъ нихъ тотчасъ, какъ скоро военное счастіе объявитъ себя противъ него; иные, считая и Шуйска-

го и Лжедимитрія одинаково незаконными, уравнивали обоихъ соперниковъ вслѣдствіе одинакой неправоты обоихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ уравнивали свои отношенія къ нимъ, считая себя въ правѣ переходить отъ одного къ другому: и тѣхъ и другихъ было очень много. Болотникова сослали въ Каргополь и тамъ утопили; Шаховскаго, всей крови заводчика, по выраженію лѣтописцевъ, сослали на Кубенское озеро, въ пустынь; Лжепетра повѣсили; объ участи Телятевскаго мало извѣстно [88].

Шуйскій съ торжествомъ возвратился въ Москву, какъ будто послѣ завоеванія царства; собственно говоря, походъ Шуйскаго былъ важнѣе завоеванія многихъ царствъ, потому что пораженіе шаекъ Болотникова было пораженіемъ противу-общественнаго начала; но подвигъ былъ не конченъ, и потому былъ безполезенъ. Шуйскому не слѣдовало бы возвращаться въ Москву; ему надобно было воспользоваться своимъ успѣхомъ, двинуться на самозванца, и его истребленіемъ упрочить себя на престолѣ. Но мы должны взять во вниманіе тогдашнѣе состояніе войска, не позволявшее удерживать его долго подъ оружіемъ, и въ какое время года? въ глубокую осень; помѣщиковъ должно было распустить по домамъ до зимняго пути. Спѣшить, казалось, было не для чего: самозванецъ находился сначала въ очень незавидномъ положеніи.

Набравъ тысячъ до трехъ войска, Лжедмитрій пошелъ подъ Козельскъ и тамъ, напавъ въ росплохъ, разбилъ отрядъ царскихъ войскъ. Но когда оттуда возвращался въ Корачевъ, то Литовцы захотѣли уйдти у него съ добычею, взятою подъ Козельскимъ, и начали волноваться. Самозванецъ испугался и ушелъ отъ нихъ съ небольшимъ отрядомъ людей, на которыхъ совершенно полагался, и засѣлъ въ Орлѣ. Но и здѣсь сильно трусилъ, особенно послѣ покушенія убить его ночью. Мѣховецкій не зналъ сначала, куда дѣвался царь, потомъ узнавъ, что онъ въ Орлѣ, послалъ къ нему съ просьбою возвратиться, потому что одно его присутствіе можетъ удержать войско. Лжедимитрій воз-

вратился, но видя, что войско не перестаетъ волноваться, снова украдкою выѣхалъ по дорогѣ въ Путивль Тутъ онъ встрѣтилъ Валавскаго, который изъ Кіевской украйны шелъ къ нему отъ князя Романа Рожинскаго съ тысячью человѣкъ; потомъ встрѣтилъ Тышкевича съ 1000 человѣкъ Поляковъ, князя Адама Вишневецкаго, знаменитаго Лисовскаго, и другихъ. По совѣту Лисовскаго, Лжедимитрій пошелъ осаждать Брянскъ, на подмогу къ которому спѣшили воеводы, князья Куракинъ и Литвинъ Мосальскій. Послѣдній пришелъ 15 декабри къ Деснѣ, которая отдѣляла его отъ города; не смотря на позднее время, рѣка еще не стала, ледъ шелъ по ней большими глыбами. Жители Брянска, видя, что ратные люди остановились за льдомъ, кричали имъ: «помогите! погибаемъ»! Ратные люди, слыша это, сказали: «лучше намъ всѣмъ помереть, нежели видѣть свою братію въ конечной погибели; если помремъ за православную вѣру, то получимъ у Христа вѣнцы мученическіе». Взявъ прощеніе другъ у друга, они начали метаться въ рѣку и поплыли. Ни ледъ, ни стрѣльба съ другаго берега, гдѣ стояли осаждающіе, не остановили ихъ, и они благополучно добрались до города: ни одинъ человѣкъ и ни одна лошадь не погибли. Въ слѣдъ за Мосальскимъ пришелъ и князь Куракинъ. Не надѣясь отбиться отъ Лжедимитрія, онъ отступилъ, снабдивъ Брянскъ продовольствіемъ и засѣлъ въ Корачевѣ; Лжедимитрій, не надѣясь взять этого города, пошелъ на зимовку въ Орелъ.

Когда вѣсть о появленіи самозванца разнеслась по Польшѣ, то люди, хотѣвшіе пожить на счетъ Москвы, начали собираться со всѣхъ сторонъ подъ знамя Димитрія, выставленное княземъ Рожинскимъ. Когда собралось до 4,000 войска, Рожинскій выступилъ въ походъ и остановился въ Кромахъ, откуда отправилъ пословъ въ Орелъ къ Лжедимитрію объявить ему о своемъ приходѣ, предложить условія службы и требовать денегъ. Самозванецъ встрѣтилъ пословъ не ласково; на ихъ рѣчи онъ отвѣчалъ имъ самъ на Московскомъ нарѣчіи: «я радъ былъ, когда услышалъ,

что Рожинскій идетъ ко мнѣ; но дали мнѣ знать, что онъ хочетъ измѣнить мнѣ: такъ пусть лучше воротится. Посадилъ меня прежде Богъ на столицѣ моей безъ Рожинскаго, и теперь посадитъ; вы уже требуете денегъ; но у меня здѣсь много Поляковъ не хуже васъ, а я еще ничего имъ не далъ. Сбѣжалъ я изъ Москвы отъ милой жены моей, отъ милыхъ пріятелей моихъ, ничего не захвативши. Когда у васъ было коло подъ Новгородомъ, то вы допытывались, настоящій ли я царь Димитрій, или нѣтъ?» Послы отвѣчали ему на это съ сердцемъ: «Видимъ теперь, что ты не настоящій царь Димитрій, потому что тотъ умѣлъ людей рыцарскихъ уважать и принимать, а ты не умѣешь. Разскажемъ братьи нашей, которые насъ послали, о твоей неблагодарности, будутъ знать, что дѣлать.» Съ этими словами послы вышли; Лжедимитрій прислалъ потомъ звать ихъ обѣдать и просить, чтобы не сердились за его слова. Оказалось, что самозванецъ встрѣтилъ ихъ такъ грубо по наущенію Мѣховецкаго, который предчувствовалъ, что долженъ будетъ уступить Рожинскому всю власть. Когда послы возвратились въ Кромы и разсказали своимъ о пріемѣ, какой имъ сдѣлалъ царь, то Поляки рѣшились идти назадъ: но тѣ Поляки, которые были въ Орлѣ съ Лжедимитріемъ, удержали ихъ, давъ знать, что все пойдетъ иначе, когда пріѣдетъ самъ князь Рожинскій.

Рожинскій поѣхалъ въ Орелъ съ отрядомъ своего войска, и переночевалъ въ городѣ; на другое утро получилъ приглашеніе ѣхать до руки царской; но когда онъ собрался и выѣхалъ, то прискакалъ гонецъ, чтобы воротился: царь еще въ банѣ; самозванецъ каждый день ходилъ въ баню и говорилъ, что онъ тамъ отдыхаетъ отъ трудовъ. Но Рожинскій не воротился и вошелъ въ домъ, гдѣ жилъ Лжедимитрій; тутъ начался споръ между его провожатыми и придворными: послѣдніе требовали, чтобы Поляки вышли изъ избы и дали время царю придти и усѣсться на своемъ мѣстѣ, и тогда уже, по его зову, должны войдти. Но Рожинскій и на это не согласился, и самозванецъ долженъ

былъ проходить между Поляками: идучи, онъ отворачивалъ лице отъ той стороны, гдѣ стоялъ Рожинскій, и когда усѣлся на престолѣ, то князь подошелъ къ нему, сказалъ рѣчь и поцѣловалъ руку. Послѣ этого былъ обѣдъ: Рожинскій сидѣлъ съ царемъ за однимъ столомъ, остальные Поляки за другимъ. За обѣдомъ и послѣ обѣда было много разныхъ разговоровъ: самозванецъ распрашивалъ о сильномъ возстаніи, рокошѣ, бывшемъ тогда противъ короля въ Польшѣ, и между прочимъ сказалъ, что несогласился бы быть королемъ въ Польшѣ: «Не на то уродился монархъ Московскій, чтобы имъ заправлялъ какой-нибудь арцыбискупъ». На другой день Рожинскій потребовалъ, чтобы ему было позволено поговорить наединѣ съ царемъ. Начали оттягивать, день, другой; Рожинскій разсердился и собрался уже выѣхать, какъ вдругъ прибѣгаютъ къ нему ротмистры и простые Поляки, бывшіе прежде у Лжедимитрія, просятъ его и всѣхъ его товарищей, чтобы подождали до другаго дня: »Мы, говорили они, соберемъ коло, и если царь не перемѣнитъ своего поведенія, то мы соединимся съ вами, свергнемъ Мѣховецкаго и провозгласимъ гетманомъ тебя, князя Рожинскаго». Рожинскій выѣхалъ изъ города въ посадъ и тамъ рѣшился ждать до утра.

На другой день дѣйствительно Поляки собрались въ коло, сидя на лошадяхъ, пригласили и Рожинскаго съ товарищами. Тутъ провозгласили, что Мѣховецкій лишенъ гетманства и изгоняется изъ войска вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, и если осмѣлятся остаться при войскѣ, то вольно каждому убить ихъ; гетманомъ выкрикнули Рожинскаго и отправили посольство къ царю, чтобы назвалъ тѣхъ, которые донесли ему объ измѣнѣ Рожинскаго. Тотъ отказался объявить объ этомъ черезъ пословъ, но обѣщалъ самъ пріѣхать въ коло, и дѣйствительно пріѣхалъ на богато-убранномъ конѣ, въ золотомъ платьѣ, пріѣхало съ нимъ нѣсколько бояръ, пришло нѣсколько пѣхоты. Въѣхавъ въ коло и услыхавъ шумъ, Лжедимитрій крикнулъ съ неприличною бранью; когда все успокоилось, одинъ изъ войска отъ име-

ни кола повторилъ ему просьбу указать тѣхъ, кто называлъ Рожинскаго измѣнникомъ. Сперва самозванецъ велѣлъ отвѣчать одному изъ своихъ Русскихъ, но тотъ отвѣчалъ не такъ, и самозванецъ сказалъ: «Молчи: ты не умѣешь по ихъ говорить, я самъ буду», и началъ: «Вы посылали ко мнѣ, чтобы я выдалъ вамъ вѣрныхъ слугъ моихъ, которые меня предостерегаютъ отъ бѣды; никогда этого не повелось, чтобы государи Московскіе вѣрныхъ слугъ своихъ выдавали, и я этого не сдѣлаю не только для васъ, но еслибы даже и самъ Богъ сошелъ съ неба и велѣлъ мнѣ это сдѣлать». Ему отвѣчали: «чего же ты хочешь? оставаться только съ тѣми, которые тебѣ по угламъ языкомъ прислуживаютъ, или съ войскомъ, которое пришло здоровьемъ и саблей служитъ?»—«Какъ себѣ хотите, хоть ступайте прочь», отвѣчалъ самозванецъ. Тутъ начался страшный шумъ; одни кричали: «убить негодяя, разсѣчь»! другіе: «схватить его негодяя: привелъ насъ, а теперь вотъ чѣмъ кормишь»? самозванецъ не смутился, и поѣхалъ спокойно въ городъ къ своему двору; но Поляки Рожинскаго приставили къ нему стражу, чтобы не убѣжалъ. Тогда онъ пришелъ въ отчаяніе, и, будучи всегда трезвымъ, выпилъ множество горѣлки, думая этимъ себя уморить, однако остался живъ. Между тѣмъ весь остальной день и всю ночь придворные его—Валавскій канцлеръ, Харлинскій маршалокъ, князь Адамъ Вишневецкій конюшій бѣгали между нимъ и войскомъ, хлопоча о примиреніи. Наконецъ помирились, самозванецъ опять пріѣхалъ въ коло, извинился, и Рожинскій отправился покойно въ свой станъ къ Кромамъ. Въ это время пріѣхали къ Лжедимитрію другіе союзники: пріѣхало 3,000 Запорожцевъ; также пріѣхало 5,000 Донцовъ подъ начальствомъ Заруцкаго. Этотъ Заруцкій былъ родомъ изъ Тарнополя; еще ребенкомъ былъ взятъ въ плѣнъ Татарами; выросши, ушелъ къ донскимъ казакамъ, отличился между ними и теперь пріѣхалъ на службу къ Лжедимитрію уже старшиною, выдавался онъ дѣйствительно предъ товарищами красотою, стройностію, отвагою. Донцы при-

вели къ Лжедимитрію вмѣсто казненнаго въ Москвѣ Лжепетра другаго племянника, также сына царя Ѳедора; дядя велѣлъ убить его; казакамъ понравились самозванцы: въ Астрахани объявился царевичъ Августъ, потомъ князь Иванъ, сказался сыномъ Грознаго отъ Колтовской; тамъ же явился третій царевичъ Лаврентій, сказался внукомъ Грознаго отъ царевича Ивана; въ степныхъ юртахъ явились: царевичъ Ѳедоръ, царевичъ Клементій, царевичъ Савелій, царевичъ Семенъ, царевичъ Василій, царевичъ Ерошка, царевичъ Гаврилка, царевичъ Мартынка, все сыновья царя Ѳедора Іоанновича.

Когда на югѣ обнаруживались явные признаки, показывавшіе, что тяжелая болѣзнь государственнаго тѣла будетъ продолжительна, Москва продолжала волноваться страшными слухами. Тотчасъ по взятіи Тулы, когда еще царь не пріѣзжалъ въ столицу, Москва была напугана видѣніемъ: какой-то мужъ духовный видѣлъ во снѣ, что самъ Христосъ явился въ Успенскомъ соборѣ и грозилъ страшною казнью Московскому народу, этому новому Израилю, который ругается Ему лукавыми своими дѣлами, праздными обычаями и сквернословіемъ: приняли мерзкіе обычаи, стригутъ бороды, содомскія дѣла творятъ и судъ неправедный, правымъ насилуютъ, грабятъ чуждыя имѣнія, нѣтъ истины ни въ царѣ, ни въ патріархѣ, ни въ церковномъ чинѣ, ни въ цѣломъ народѣ. Видѣвшій этотъ сонъ сказалъ объ немъ Благовѣщенскому протопопу Терентію, тотъ все списалъ съ его словъ и подалъ записку патріарху, дали знать и царю, скрыли однако имя человѣка, видѣвшаго сонъ, потому что онъ заклялъ Терентія именемъ Божіимъ не говорить объ немъ. Видѣніе это читали въ Успенскомъ соборѣ въ слухъ всему народу, и установили постъ съ 14 октября по 19-е. Не смотря однако на недобрыя предвѣщанія, Шуйскій спѣшилъ воспользоваться спокойнымъ зимнимъ временемъ, и 17 января 1608 года отпраздновалъ свадьбу свою на княжнѣ Марьѣ Петровнѣ Буйносовой-Ростовской, съ которою помолвилъ еще при Лжедимитріи.

Весною самозванецъ съ гетманомъ своимъ Рожинскимъ двинулся къ Болхову и здѣсь въ двухдневной битвѣ, 10 и 11 мая, поразилъ царское войско, бывшее подъ начальствомъ князей Димитрія Шуйскаго и Василія Голицына, который первый замѣшался и обратилъ тылъ. Болховъ сдался побѣдителямъ, которые будучи увѣрены, что скоро посадятъ своего царя на престолъ Московскій, собрали коло и требовали отъ самозванца, чтобъ онъ далъ имъ обѣщаніе, какъ скоро будетъ въ Москвѣ, заплатитъ все жалованье сполна и отпуститъ безъ задержки домой. Лжедимитрій далъ обѣщаніе, что заплатитъ жалованье; но просилъ со слезами, чтобы не отъѣзжали отъ него, онъ говорилъ: «Я безъ васъ не могу быть паномъ на Москвѣ; я бы хотѣлъ, чтобы всегда Поляки при мнѣ были, чтобъ одинъ городъ держалъ Полякъ, а другой Москвитянинъ. Хочу, чтобы все золото и серебро было ваше, а я буду доволенъ одною славою. Если же выуже непремѣнно захотите отъѣхать домой, то меня такъ не оставляйте, подождите, пока я другихъ людей на ваше мѣсто призову изъ Польши».

Бѣглецы съ Болховской битвы, или дѣйствительно пораженные страхомъ, или для своего извиненія, распустили въ Москвѣ слухъ, что у самозванца войско безчисленное, что они бились съ передними полками, а задніе стояли еще у Путивля. Желая воспользоваться побѣдою и страхомъ, нагнаннымъ на приверженцевъ Шуйскаго, самозванецъ спѣшилъ къ Москвѣ, дѣлая по семи и по осьми миль на день. Но пять тысячъ ратныхъ людей, сдавшихся въ Болховѣ и присягнувшихъ Димитрію, измѣнили ему; они первые переправились черезъ Угру, ночью ушли отъ Поляковъ и, прибѣжавъ въ Москву, объявили царю и народу, что бояться нечего, потому что у самозванца очень мало войска. Но самозванецъ спѣшилъ увеличить это войско, увеличить число своихъ приверженцевъ: онъ велѣлъ объявить во всѣхъ городахъ, чтобы крестьяне, которыхъ господа служатъ Шуйскому, брали себѣ помѣстья и вотчины ихъ и женились на ихъ дочеряхъ. Такимъ образомъ, говоритъ одинъ

современникъ, многіе слуги сдѣлались господами, а господа должны были въ Москвѣ у Шуйскаго терпѣть голодъ. Черезъ Козельскъ, Калугу, Можайскъ и Звенигородъ шелъ самозванецъ къ Москвѣ, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія; только въ Звенигородѣ встрѣтилъ онъ Петра Борзковскаго, отправленнаго изъ Москвы королевскими послами. Послы приказали сказать Полякамъ, провожавшимъ Лжедимитрія, чтобъ они вышли изъ Московскаго государства и не нарушали мира, который они, послы, заключаютъ между этимъ государствомъ и короною Польскою [84].

Мы оставили Марину, отца ея Мнишка съ товарищами и пословъ королевскихъ въ страшную минуту истребленія Лжедимитрія. Мы видѣли, что Шуйскій немедленно же принялъ мѣры для охраненія жизни знатныхъ Поляковъ. Марину отпустили въ домъ къ отцу ея, которому былъ сдѣланъ допросъ о появленіи самозванца въ Польшѣ и о связяхъ его съ нимъ, воеводою. О появленіи самозванца въ Польшѣ Мнишекъ отвѣчалъ уже всѣмъ извѣстное; касательно же связи своей съ нимъ объявилъ, что онъ призналъ его за настоящаго царевича Димитрія, провожалъ и помогалъ, потому что все Московское государство признало его такимъ, всѣ Русскіе люди встрѣтили его и помогли сѣсть на престолѣ. Послѣ этого допроса простыхъ ратниковъ Польскихъ, оставшихся въ живыхъ, отправили за границу, отобравъ у нихъ только оружіе и лошадей; но знатныхъ Поляковъ, равно и пословъ королевскихъ оставили въ Москвѣ, какъ важныхъ заложниковъ, на которыхъ можно было вымѣнять у Польши миръ, а въ мирѣ сильно нуждались. Послы, Олесницкій и Гонсѣвскій, были призваны во дворецъ, гдѣ бояре въ длинной рѣчи хотѣли оправдаться въ убійствѣ Поляковъ, сложивъ всю вину на нихъ самихъ. Гонсѣвскому, какъ прежде Мнишку, легко было отвѣчать на это обвиненіе: онъ показалъ, что король никогда не думалъ вооружаться за Димитрія, но предоставилъ все дѣло суду Божію; что еслибы пограничные города не признали Димитрія сыномъ Іоанна IV-го, то Поляки никогда не стали

бы провожать его далѣе; такъ, когда Димитрій встрѣтилъ первое сопротивленіе подъ Новгородомъ Сѣверскимъ, и въ тоже время царь Борисъ написалъ къ королю о самозванствѣ Отрепьева и напомнилъ о мирномъ договорѣ, заключенномъ недавно между Москвою и Польшею, то король немедленно отозвалъ всѣхъ Поляковъ отъ Димитрія. По смерти царя Бориса король ожидалъ, что Москвитяне, пользуясь свободою, доставятъ ему своимъ рѣшеніемъ достовѣрное свѣдѣніе объ истинѣ: и вотъ все войско, всѣ лучшіе воеводы передались Димитрію, бояре, остававшіеся въ Москвѣ, Мстиславскій и Шуйскій, выѣхали къ нему на встрѣчу за 30 миль отъ столицы. Потомъ послы Московскіе и бояре не переставали говорить, что не Поляки посадили Димитрія на престолъ, но сами Русскіе приняли его добровольно, и никогда никто послѣ того не говорилъ Полякамъ, чтобы Димитрій не былъ истиннымъ царевичемъ. Гонсѣвскій заключилъ свою рѣчь такъ: «Теперь, убивъ Димитрія, вдругъ, вопреки вашимъ рѣчамъ и клятвамъ, сами себѣ противорѣчите и несправедливо обвиняете короля. Все остается на вашей отвѣтственности. Мы не станемъ возражать противъ убійства Димитрія, потому что намъ нечего жалѣть объ немъ: вы сами видѣли, какъ онъ принялъ меня, какія объявилъ нелѣпыя требованія, какъ оскорбилъ короля. Мы только тому не можемъ надивиться, какъ вы, думные бояре, люди, какъ полагаемъ, разумные, позволяете себѣ противорѣчія и понапрасну упрекаете короля, не соображая того, что человѣкъ, называвшійся Димитріемъ, былъ природный Москвитянинъ, и что не наши о немъ свидѣтельствовали, а ваши Москали, встрѣчая его на границѣ съ хлѣбомъ и солью; Москва сдавала города, Москва ввела его въ столицу, присягнула ему на подданство и короновала. Однимъ словомъ, Москва начала, Москва и кончила, и вы не въ правѣ упрекать за то кого нибудь другаго; мы жалѣемъ только о томъ, что побито такъ много знатныхъ людей королевскихъ, которые съ вами не ссорились за того человѣка, жизнь его не охраняли, объ убійствѣ не вѣдали, и

спокойно оставались на квартирахъ своихъ, подъ покровительствомъ договоровъ.» Гонсѣвскій совѣтовалъ боярамъ, для собственной ихъ пользы и спокойствія, отпустить Мнишка и другихъ Поляковъ съ ними, послами, въ отечество, обѣщая въ такомъ случаѣ стараться о продолженіи мира. Слова Гонсѣвскаго смутили бояръ: они молчали, поглядывая другъ на друга; но между ними находился извѣстный намъ окольничій Татищевъ, который вызвался отвѣчать Гонсѣвскому. Повторивъ прежніе упреки, Татищевъ прибавилъ, что Польша находится въ самомъ бѣдственномъ положеніи, угрожаемая Татарами, Шведами и мятежнымъ сеймомъ. Татищевъ сказалъ правду, ибо дѣйствительно въ это время, въ слѣдствіе страшнаго возстанія (рокоша), возникало сомнѣніе, останется ли Сигизмундъ на престолѣ Польскомъ. Гонсѣвскій однако возразилъ, что все сказанное Татищевымъ есть чистая выдумка, что непріятель никогда такъ далеко не заходилъ въ глубь Польши, какъ заходилъ въ глубь Московскаго государя, и что Русскимъ не слѣдуетъ стращать Поляковъ. Наконецъ бояре согласились, что въ дѣлѣ Лжедимитрія никто не виноватъ: «Все дѣлалось по грѣхамъ нашимъ, сказали они: этотъ воръ обманулъ и васъ и насъ.»

Послѣ того послы думали, что ихъ скоро отпустятъ въ Польшу, но обманулись въ своей надеждѣ. Тщетно Гонсѣвскій писалъ къ боярамъ, чтобъ они выпросили у государя немедленный имъ отпускъ, угрожая, въ противномъ случаѣ, что король и республика могутъ заключить объ убійствѣ пословъ и потому начать войну; тщетно грозилъ, что если царь безъ нихъ отправитъ въ Польшу своихъ пословъ, то они не ручаются за ихъ безопасность, ибо братья убитыхъ въ Москвѣ Поляковъ отомстятъ за своихъ. Съ отвѣтомъ на эти представленія пріѣхалъ къ посламъ тотъ же Татищевъ; онъ говорилъ прежнія рѣчи и показывалъ, какъ новое обвиненіе, запись самозванца Маринѣ, письмо короля, въ которомъ тотъ хвалился, что посредствомъ Поляковъ своихъ посадилъ Димитрія на престолѣ, также пись-

мо легата и кардинала Малагриды о введеніи латинства въ Московское государство. При этомъ Татищевъ объявилъ, что послѣ такихъ замысловъ нельзя отпустить пословъ и другихъ Поляковъ до тѣхъ поръ, пока Московскіе послы не возвратятся изъ Польши съ удовлетворительными объясненіями. Гонсѣвскій отвѣчалъ на первое обвиненіе касательно записи Маринѣ прямо, что воевода, убѣжденный свидѣтельствомъ всего Московскаго государства, рѣшился выдать дочь свою за Димитрія; согласившись же на бракъ, онъ долженъ былъ устроить какъ можно выгоднѣе судьбу дочери: почему вовсе неудивительно, если онъ вытребовалъ у царевича эти условія, исполненіе которыхъ однако зависѣло отъ Москвитянъ. Когда воевода пріѣхалъ въ Москву, то покойный царь совѣтовался со всѣми боярами, какое содержаніе назначить Маринѣ на случай ея вдовства, и сами бояре дали ей больше, чѣмъ Новгородъ и Псковъ, потому что согласились признать ее наслѣдственною государынею и еще до коронаціи присягнули ей въ вѣрности. Но трудно было Гонсѣвскому отвѣчать на обвиненіе касательно стараній Римскаго духовенства распространить латинство въ Московскомъ государствѣ: неловко и сбивчиво опирался посолъ на правѣ Поляковъ и Литовцевъ, служившихъ въ Россіи, покупать въ ней имущества, имѣть свои церкви и совершать въ нихъ богослуженіе по своему обряду: не объ этомъ правѣ говорилось въ письмахъ Римскаго духовенства. Всего легче было отвѣчать на обвиненія относительно письма королевскаго: «Вы сами, сказалъ Гонсѣвскій, черезъ пословъ своихъ приписали-эту честь королю и благодарили его.» Наконецъ посламъ, призваннымъ во дворецъ, рѣшительно объявили, что царь не отпуститъ ихъ до возвращенія своихъ пословъ изъ Польши. Послы были въ отчаяніи; люди ихъ говорили неприличныя слова о новомъ правительствѣ: за это царь велѣлъ уменьшить посламъ кормъ на половину. Еще болѣе раздосадованные послы вздумали было уѣхать насильно, но, разумѣется, это имъ неудалось; когда пришолъ подъя-

чій выговаривать имъ за это отъ имени посольскаго дьяка, то они отвѣчали: «мы здѣсь живемъ долгое время, отъ дурнаго запаха у насъ многіе люди померли, а иные лежатъ больны, и намъ лучше умереть, чѣмъ жить такъ; мы поѣдемъ, а кто станетъ насъ бить, и мы того станемъ бить. Намъ очень досадно, что государь вашъ нами управляетъ, положилъ на насъ опалу — не велѣлъ корму давать; мы подданные не вашего государя, а королевскіе, вашему государю непригоже на насъ опалу свою класть и смирять, за такое безчестье мы всѣ помремъ и чѣмъ намъ здѣсь съ голоду помереть, лучше убейте насъ.» Подъячій отвѣчалъ: «и такъ отъ васъ много крови христіанской пролилось, а вы теперь опять кровь затѣваете; сами видите, сколько народу стоитъ! троньтесь только, и васъ тотчасъ Московскимъ народомъ побьютъ за ваши многія грубости. А корму не велѣли вамъ бояре давать за то, что люди ваши говорятъ такія непригожія слова, что и одно слово молвить теперь страшно, да и за то, что дѣтей боярскихъ бьютъ.» Пословъ содержали въ Москвѣ; но Мнишка съ дочерью и родственниками отослали въ Ярославль.

13-го іюня 1606 года отправлены были къ королю посланники — князь Григорій Волконскій и дьякъ Андрей Ивановъ. Волконскому дали 300 рублей подмоги, но царь велѣлъ записать въ посольскомъ приказѣ, чтобы впередъ этой подмоги въ примѣръ не выписывать, потому что князю Григорію дано для бѣдности. Посланникамъ данъ былъ наказъ объяснить въ Польшѣ недавнія событія; успѣхъ самозванца они должны были объяснить такъ: «одни изъ русскихъ людей отъ страха ослабѣли, а другіе отъ прелести, а нѣкоторые и знали прелесть, но злобою на царя Бориса дышали, потому что онъ правилъ сурово, а не царски». Если паны радные спросятъ, какимъ обычаемъ воръ растрига убитъ, то отвѣчать: «какъ изо всѣхъ городовъ Московскаго государства дворяне и всякіе служилые люди съѣхались въ Москву, то царица Мароа, великій государь нашъ Василій Ивановичъ, бояре, дворяне, всякіе служилые

люди и гости богоотступника вора растригу Гришку Отрепьева обличили всѣми его злыми богомерзскими дѣлами, и онъ самъ сказалъ предъ великимъ государемъ нашимъ и предъ всѣмъ многонароднымъ множествомъ, что онъ прямой Гришка Отрепьевъ, а дѣлалъ все то, отступя отъ Бога, бѣсовскими мечтами, и за тѣ его злыя богомерскія дѣла осудя истиннымъ судомъ, весь народъ Московскаго государства его убилъ.» — Если паны будутъ указывать на свидѣтельство Аѳанасія Власьева, бывшаго посломъ въ Польшѣ, то Волконскій долженъ былъ отвѣчать: «Аѳанасію Власьеву какъ было вѣрить? Аѳанасій воръ раззоритель вѣрѣ христіанской, тому вору совѣтникъ, поѣхалъ къ государю вашему Сигизмунду королю по его волѣ. безъ вѣдома Сенаторей (бояръ).»

Когда посланники переѣхали границу, то приставъ сказалъ имъ, что царь Димитрій живъ и находится у Сендомирской воеводши. Послы отвѣчали, что это говорить не пригоже: сбѣжалъ въ то время, какъ убили вора, Михалко Молчановъ, а жилъ онъ у вора для чернокнижія. И если Молчановъ называется Димитріемъ, то пусть намъ его покажутъ, у него примѣты на спинѣ. Какъ онъ за воровство и за чернокнижество былъ на пыткѣ, то его кнутомъ били, и эти кнутные бои можно на немъ видѣть. А если другой воръ такой же называется Димитріемъ, то вамъ такихъ принимать и слушать не надобно, а если онъ вамъ годенъ, то вы посадите его у себя на королевство, а государю вашему въ великое Россійское государство посылать и сажать непригоже, хотябъ былъ и прямой прирожденный государь царевичъ Димитрій, но если его на государство не похотѣли, то ему силою нельзя быть на государствѣ; а то воръ убѣжалъ отъ смерти, называется царевичемъ и такому вѣрить?» Приставъ говорилъ: «Польскіе и Литовскіе люди, которые пріѣхали изъ Москвы, сказываютъ, а слышали они отъ вашихъ же, что убитъ и лежалъ на пожарѣ, а подлинно не знаютъ, его ли убили или кого-нибудь другаго въ его мѣсто.» Посланники спрашивали у пристава: «Видѣлъ ли

кто того вора, каковъ онъ рожеемъ (лицемъ) и волосомъ?» Приставъ отвѣчалъ, что онъ ростомъ не малъ, лицемъ смуглъ, нось немного покляпъ, брови черныя большія, нависли, глаза небольшіе, волосы на головѣ черные курчеватые, отъ лба вверхъ взглаживаетъ, усы черные, бороду стрижетъ, на щекѣ бородавка съ волосами, по-польски говоритъ, грамотѣ польской гораздъ и по-латыни говорить умѣетъ. Посланники сказали на это, что Молчановъ такой именно лицемъ, а прежній воръ разстрига былъ лицемъ не смуглъ и волосомъ русъ. Другой приставъ говорилъ, что при Димитріи въ Самборѣ князь Масальскій самъ другъ да Заболоцкій, и Заболоцкаго Димитрій послалъ въ Сѣверскую страну уговаривать Сѣвруковъ, чтобы Шуйскому не поддавались и что онъ, Димитрій, собравши людей, къ нимъ будетъ.

Народъ въ Литвѣ встрѣчалъ Московскихъ посланниковъ дурно: по городамъ и въ посадахъ и въ панскихъ имѣніяхъ ихъ безчестили, бранили непристойными словами, называли измѣнниками, въ Минскѣ въ ихъ людей бросали камнями и грязью и хотѣли драться, къ посланникамъ на дворъ приходили, бранили и грозили убить. Посланники говорили приставу, что такого безчестья и тѣсноты надъ посланниками прежде никогда не бывало; приставъ отвѣчалъ, что у нихъ теперь люди стали самовольны, короля не слушаютъ, и ему ихъ унять нельзя. Въ Краковѣ король посланниковъ обѣдать не позвалъ и вмѣсто стола корму не прислалъ. Посланники подали королю письменное объявленіе, въ которомъ раскрыто было происхожденіе самозванца, его похожденія, какъ онъ съ Польскими и Литовскими людьми пришелъ въ Московское государство, какъ онъ потомъ призвалъ въ Москву Сендомирскаго воеводу съ его пріятелями, и какъ они церкви Божіи и святыя иконы обругали, Московскимъ людямъ Польскіе и Литовскіе люди много насильства и кровопролитія учинили, великихъ людей женъ безчестили, изъ возковъ вырывали, и такое насильство чинили, какого никогда въ Москвѣ не бывало. Потомъ въ объ-

ясненіи упомянуто о появленіи въ Польшѣ новаго самозванца, который есть не иной кто, какъ Михайло Молчановъ, вовсе не похожій на перваго Лжедимитрія. Посланники требовали удовлетворенія за кровопролитіе и расхищеніе царской казны, бывшія слѣдствіемъ подсылки отъ Польши Лжедимитрія, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявили, что царь Василій не хочетъ нарушать мира съ Польшею. Паны радные отвѣчали: «Государь нашъ ни въ чемъ не виноватъ; вы говорите, что Димитрій, который былъ у васъ государемъ, убитъ, а изъ Сѣверской страны пріѣхали многіе люди, ищутъ этого Димитрія по нашему государству, сказываютъ, что онъ живъ, ушелъ: такъ нашему государю вашихъ людей унять ли? А въ Сѣверской странѣ теперь государемъ какой-то Петръ: но этого вѣдь не нашъ государь подставилъ? Сами люди Московскаго государства между собою розруху сдѣлаютъ, а на насъ пеняютъ. Если государь вашъ отпуститъ Сендомирскаго воеводу съ товарищами и всѣхъ Польскихъ и Литовскихъ людей, которые теперь на Москвѣ, то ни Дмитряшки, ни Петрушки не будетъ; а если государь вашъ ихъ не отпуститъ, то и Димитрій, и Петръ настоящіе будутъ и наши за своихъ съ ними за одно станутъ.» Посланники грозили панамъ также, что если король не исправится, то царь Василій пошлетъ на Ливонію королевича Густава. Но для Сигизмунда грознѣе былъ польскій рокошъ, чѣмъ какой-нибудь Густавъ, и потому онъ во все не хотѣлъ войны съ новымъ Московскимъ царемъ, радуясь, что послѣдній также не можетъ желать этой войны, угрожаемый Дмитряшкою и Петрушкою. О судьбѣ перваго Лжедимитрія король не могъ жалѣть не потому только, что непобѣдимый цесарь не хотѣлъ ничѣмъ поступиться Польшѣ: ходили слухи, что нѣкоторые изъ рокошанъ имѣли тайныя сношенія съ Лжедимитріемъ, что дѣло шло у нихъ о провозглашеніи его королемъ Польскимъ, что Димитрій обѣщалъ выслать деньги нѣкоторымъ панамъ, и между прочимъ Стадницкому, самому яростному противнику короля. Вотъ почему король обѣщалъ Волконскому въ скоромъ вре-

мени отправить своихъ посланниковъ въ Москву, и дѣйствительно, въ октябрѣ 1607 года, пріѣхали въ Москву посланники Сигизмундовы — панъ Витовскій и князь Друцкой-Соколинской поздравить царя Василія съ восшествіемъ на престолъ и требовать отпуска прежнихъ пословъ и всѣхъ другихъ Поляковъ. Переговоры длились до 25 іюля 1608 года, когда посланники заключили перемиріе съ боярами на три года и одиннадцать мѣсяцевъ, на слѣдующихъ условіяхъ: оба государства остаются въ прежнихъ границахъ; Москва и Польша не должны помогать врагамъ другъ друга; царь обязывается отпустить въ Польшу воеводу Сендомирскаго съ дочерью и сыномъ и всѣхъ задержанныхъ Поляковъ; король обязывается тѣмъ же самымъ относительно Русскихъ, задержанныхъ въ Польшѣ; король и республика должны отозвать всѣхъ Поляковъ, поддерживающихъ самозванца, и впередъ никакимъ самозванцамъ не вѣрить и за нихъ не вступаться, Юрію Мнишку не признавать зятемъ втораго Лжедимитрія, дочь свою за него не выдавать, и Маринѣ не называться Московскою государынею. Посланники обязались писать къ Лжедимитріевымъ Полякамъ съ увѣщаніемъ оставить самозванца; на возвратномъ пути отсылать обратно въ свои земли польскихъ ратныхъ людей, которые имъ встрѣтятся и разослать во всѣ пограничные города объявленія, чтобы никто не смѣлъ идти на войну въ Московское государство; обязались, что поѣдутъ прямо въ Польшу, избѣгая всякихъ сношеній и свиданій съ Поляками Лжедимитріевыми; но не хотѣли обязаться, что король выведетъ Лисовскаго изъ Московскаго Государства, потому что Лисовскій изгнанникъ изъ земли и чести своей отсужденъ [85].

Мы видѣли, что еще до заключенія договора, когда Лжедимитрій былъ въ Звенигородѣ, посланники отправили въ его станъ Борзковскаго съ приказомъ Полякамъ выйдти изъ Московкаго государства. Но Рожинскій съ товарищами отвѣчали, что такъ какъ они уже взялись за дѣло, то ничьего приказу больше не слушаютъ и того, съ кѣмъ

пришли, хотятъ посадить въ его столицѣ. Послѣ этого Лжедимитрій немедленно двинулся къ Москвѣ, не встрѣчая по прежнему никакого сопротивленія: царь выслалъ-было противъ него войско подъ начальствомъ князя Скопина-Шуйскаго и Ивана Никитича Романова, и воеводы эти расположились на рѣкѣ Незнани между Москвою и Калугою, но въ войскѣ открылся заговоръ — князья: Иванъ Катыревъ, Юрій Трубецкой и Троекуровъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, рѣшились передаться самозванцу; заговорщиковъ схватили, пытали, знатныхъ разослали въ города по тюрьмамъ, незнатныхъ казнили, но царь не велѣлъ уже этому войску встрѣчать самозванца, но велѣлъ ему идти въ Москву. Здѣсь, въ народныхъ толпахъ слышались слова: «Еслибъ онъ не былъ настоящимъ Димитріемъ, то князья и бояре, которые къ нему отъѣхали, воротились бы; значитъ онъ тотъ же самый. Да чтожъ намъ-то? вѣдь князья и бояре перебили его Поляковъ и его самого выгнали; мы объ этомъ ничего не знали».—«Онъ вѣдунъ, говорилъ одинъ: по глазамъ узнаетъ, кто виноватъ, кто нѣтъ.»—«Ахти мнѣ! отвѣчалъ другой: мнѣ никогда нельзя будетъ ему на глаза показаться: этимъ самымъ ножемъ я зарѣзалъ пятерыхъ Поляковъ».

1-го іюня войско Лжедимитрія приблизилось къ столицѣ и остановилось надъ рѣкою Москвою; сначала не знали, гдѣ лучше расположиться: нѣкоторые говорили, что надобно перейдти на другую сторону и занять большую дорогу на сѣверъ, по которой приходятъ въ Москву и ратные люди и припасы. Это мнѣніе взяло верхъ и войско перешло къ селу Тайнинскому. Но выбранное мѣсто оказалось очень невыгоднымъ, и чрезъ нѣсколько дней обнаружилась большая опасность: нѣкоторые изъ Русскихъ, находившихся при Лжедимитріи, завели сношенія съ Москвою, ночью бѣжали въ Москву, но были схвачены сторожами и объявили товарищей: однихъ изъ нихъ посадилили на колъ, другимъ отрубили головы. Счастливо избавившись отъ этой опасности, самозванецъ не хотѣлъ болѣе оставаться въ Тайнин-

скомъ: онъ думалъ отрѣзать Москву отъ сообщенія съ сѣверомъ, а между тѣмъ царскія войска отрѣзывали его отъ юга, перехватывая шедшихъ къ нему изъ Польши купцовъ и ратныхъ людей. Вотъ почему рѣшили возвратиться на старое мѣсто; но Московское войско стояло на Тверской дорогѣ: Лжедимитрій, разбивъ его, перешелъ на Волоколамскую дорогу и выбралъ наконецъ удобное мѣсто для стана: въ Тушинѣ, между двумя рѣками — Москвою и Всходнею. Сюда къ Рожинскому и товарищемъ его пріѣхалъ опять изъ Москвы отъословъ королевскихъ панъ Доморацкій съ приказомъ выходить изъ областей Московскихъ, но поѣхалъ съ прежнимъ отвѣтомъ: Рожинскій хотѣлъ вступить въ Москву послѣ рѣшительной битвы. Царское войско, въ числѣ семидесяти тысячъ, стояло на рѣкѣ Ходынкѣ, самъ царь съ дворомъ и отборными полками стоялъ на Прѣснѣ, готовый его поддерживать. Ночью врасплохъ Рожинскій напалъ на царское войско, захватилъ весь обозъ и гналъ бѣгущихъ до самой Прѣсни; но здѣсь, подкрѣпленные полками, высланными царемъ, бѣгущіе остановились и въ свою очередь погнали Поляковъ, которые остановились за рѣкою Химкою, отсюда опять ударили на Русскихъ, и отогнавши ихъ за Ходынку, возвратились въ свой Тушинскій станъ, очень довольные, что такъ кончилось дѣло, ибо нѣкоторые изъ нихъ, испуганные пораженіемъ у Прѣсни, прибѣжавъ въ станъ, велѣли уже запрягать возы, чтобы бѣжать дальше къ границѣ. Поляки хвалились, что они послѣдніе прогнали Русскихъ, которые не преслѣдовали ихъ болѣе изъ-за Ходынки, но признавались, что битва дорого имъ стоила. Опасаясь нападенія, они окопали свой станъ, обставили частоколомъ, подѣлали башни и ворота.

Въ половинѣ августа Рожинскій прислалъ къ боярамъ грамоту, требуя переговоровъ; бояре отвѣчали: «Пишете къ намъ, боярамъ и ко всѣмъ людямъ Московскаго государства о ссылкахъ, чтобы мы бояръ, дворянъ и изо всѣхъ чиновъ людей прислали къ вамъ говорить о добромъ дѣлѣ,

а вы пришлете къ намъ пановъ и рыцарскихъ людей. Пишете, чего знающимъ людямъ писать не годиться. Въ Россійскомъ государствѣ надъ нами государь нашъ царь и великій князь Василій Ивановичъ, и мы всѣ единодушнымъ изволеніемъ имѣемъ его какъ и прежнихъ великихъ государей, и во всякихъ дѣлахъ безъ его повелѣнія и начинанія ссылаться и дѣлать не привыкли. Удивляемся тому, что ты называешь себя человѣкомъ добраго рода, а не стыдно тебѣ, что вы, оставя государя своего Сигизмунда короля и свою землю, назвавши невѣдомо какого вора царемъ Димитріемъ, у него въ подданствѣ быть и кровь христіанскую невинно проливать хотите. Мы тебѣ отвѣтъ даемъ: то дѣло будетъ доброе, какъ ты князь Романъ Рожинскій со всѣми Литовскими людьми, поймавъ того вора, пришлете къ государю нашему, а сами немедленно изъ нашего государства въ свою землю выйдете; вамъ вѣдомо, что государь нашъ съ королемъ Литовскимъ помирился и, закрѣпивъ мирное постановленіе, пословъ и Сендомирскаго со всѣми людьми въ Литву отпустилъ». Между тѣмъ Лисовскій съ казаками дѣйствовалъ особо, взялъ Зарайскъ; для отнятія у него этого города пришелъ изъ Рязани воевода Захаръ Ляпуновъ, но былъ разбитъ Лисовскимъ на голову. Послѣ этого Лисовскій пошелъ къ Коломнѣ, взялъ ее приступомъ, раззорилъ, но на дорогѣ къ Москвѣ былъ разбитъ князьями Куракинымъ и Лыковымъ, и Коломна опять была занята на имя Шуйскаго.

Такъ война велась съ перемѣннымъ счастіемъ; но для Шуйскаго впереди не было ничего утѣшительнаго. Самозванецъ укрѣпился подъ Москвою; вопреки договору, заключенному съ послами королевскими, ни одинъ Полякъ не оставлялъ Тушинскій станъ, напротивъ приходили одинъ за другимъ новые отряды: пришелъ прежде всего Бобровскій съ гусарской хоругвью, за нимъ Андрей Млоцкій съ двумя хоругвями гусарскою и казацкою; потомъ Александръ Зборовскій; Выламовскій привелъ 1000 добрыхъ ратниковъ; наконецъ около осени пришелъ Янъ Сапѣга, староста Усвят-

скій, котораго имя, вмѣстѣ съ именемъ Лисовскаго, получило такую черную знаменитость въ нашей исторіи. Сапѣга пришелъ вопреки королевскимъ листамъ, разосланнымъ во всѣ пограничные города и къ нему особенно. Мстиславскій воевода Андрей Сапѣга прямо признался Смоленскому воеводѣ Шеину, что Польскому правительству нѣтъ никакой возможности удерживать своихъ подданныхъ отъ перехода за границу: «Я тебѣ настоящую и правдивую рѣчь пишу, что все это дѣлается противъ воли и заказу его королевской милости; во всемъ свѣтѣ, за грѣхи людскіе, такое своевольство стало, что и усмирить трудно; не таю отъ васъ и того, что многіе люди, подданные его королевской милости, и противъ самого государя встали и упорно сопротивляться осмѣлились; но Богъ милостивъ, государю нашему на нихъ помогъ, и они, убѣгая отъ королевскаго войска, идутъ, своею волею, въ чужія государства, противъ заказа его королевской милости.» Такимъ образомъ побѣда Сигизмунда надъ рокошанами доставила Лжедимитрію новыхъ союзниковъ. Узнавъ о походѣ Сапѣги, самозванецъ послалъ къ нему письмо, въ которомъ просилъ его не грабить по дорогѣ жителей, присягнувшихъ ему, Димитрію; письмо заключается словами: «А какъ придешь къ нашему царскому величеству и наши царскія пресвѣтлыя очи увидишь, то мы тебя пожалуемъ своимъ царскимъ жалованьемъ, тѣмъ, чего у тебя и на разумѣ нѣтъ».

Но нужнѣе всѣхъ этихъ подкрѣпленій для самозванца было присутствіе Марины въ его станѣ. Узнавъ, что, въ исполненіе договора, Мнишекъ съ дочерью отпущенъ изъ Ярославля въ Польшу и ѣдетъ къ границѣ подъ прикрытіемъ тысячнаго отряда, самозванецъ разослалъ въ присягнувшіе ему пограничные города приказъ: «Литовскихъ пословъ и Литовскихъ людей перенять и въ Литву не пропускать; а гдѣ ихъ поймаютъ, тутъ для нихъ тюрьмы поставить, да посажать ихъ въ тюрьмы». Но онъ не удовольствовался этимъ распоряженіемъ, и отправилъ перехватить ихъ Валавскаго съ полкомъ его; но Полякамъ, которые уже

давно служили Лжедимитрію, почему-то не хотѣлось, чтобы Марина была у нихъ въ станѣ: очень вѣроятно, что, увѣренные въ самозванствѣ своего царя, они не хотѣли силою заставить Мнишка и особенно его дочь признавать вора за настоящаго, прежняго Димитрія, и боялись дурныхъ для себя послѣдствій отъ подобнаго насилія, не могли они знать, что Мнишки пожертвуютъ всѣмъ для честолюбія. Какъ бы то ни было, Валавскій, по увѣренію одного изъ товарищей своихъ, съ умысломъ не нагналъ Мнишка. Тогда самозванецъ отправилъ Зборовскаго; этотъ, пріѣхавши недавно, хотѣлъ прислужиться Лжедимитрію, пошелъ очень скоро, нагналъ Мнишка подъ Бѣлою, разбилъ провожавшій его Московскій отрядъ, и воротилъ Мнишка съ семействомъ и посломъ Олесницкимъ; Гонсѣвскій, отдѣлившись отъ нихъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ, уѣхалъ за границу другой дорогою. Но теперь затрудненіе состояло въ томъ, что Марина и отецъ ея не хотѣли прямо ѣхать къ самозванцу въ Тушино, не хотѣли безусловно отдаваться ему въ руки: они пріѣхали прежде въ станъ къ Сапѣгѣ и оттуда уже вели переговоры съ Лжедимитріемъ. Говорятъ, что Мнишекъ и послы заранѣе условились, чтобъ ихъ захватили изъ Тушина, и для этого нарочно, противъ воли приставовъ, стояли два дня на одной станціи, все поджидая погони. По другому извѣстію, Марина, увидавши Тушинскаго вора, увидавши, что нѣтъ ничего общаго между нимъ и ея прежнимъ мужемъ, никакъ не хотѣла признать его; для убѣжденія ея къ тому нужно было время и долгіе переговоры. Оба эти извѣстія легко согласить: Марина могла заранѣе знать, что ее перейmутъ посланные изъ Тушина, могла быть согласна на это, ибо у нея менѣе чѣмъ у кого-нибудь было причинъ сомнѣваться въ спасеніи ея мужа, по крайней мѣрѣ она должна была желать убѣдиться въ этомъ лично и, убѣдившись въ противномъ, сначала отказалась признать обманщика своимъ мужемъ. Разсказываютъ, что подъѣзжая къ Тушину, Марина была чрезвычайно весела, смѣялась и пѣла. Но вотъ на восьмнадцатой милѣ отъ стана

подъѣзжаетъ къ ея каретѣ молодой Польскій шляхтичъ и говоритъ ей: Марина Юрьевна! вы веселы и пѣсенки распѣваете; оно бы и слѣдовало вамъ радоваться, еслибъ вы нашли въ Тушинѣ настоящаго своего мужа; но вы найдете совсѣмъ другаго». Веселость Марины пропала отъ этихъ страшныхъ словъ, и плачъ смѣнилъ пѣсни. Это нежеланіе Марины ѣхать немедленно въ Тушино, долгіе переговоры съ нею и отцемъ ея были очень вредны для Лжедимитрія, какъ признается одинъ изъ Поляковъ ему служившихъ, и послѣдовавшее потомъ согласіе Марины и отца ея признать его однимъ лицемъ съ первымъ Димитріемъ уже не могло изгладить перваго вреднаго впечатлѣнія, произведеннаго ихъ колебаніемъ, хотя самозванецъ и хлопоталъ объ этомъ изглаженіи; такъ въ одномъ письмѣ онъ говоритъ Маринѣ, чтобъ она, находясь въ Звенигородѣ, присутствовала въ тамошнемъ монастырѣ при торжествѣ положенія мощей: «отъ этого, пишетъ Лжедимитрій, въ Москвѣ можетъ возбудиться къ намъ большое уваженіе, ибо вамъ извѣстно, что прежде противное поведеніе возбудило къ намъ ненависть въ народѣ и было причиною того, что мы лишились престола.»

Мнишекъ только тогда рѣшился назваться тестемъ втораго самозванца, когда тотъ далъ ему запись, что тотчасъ по овладѣніи Москвою выдастъ ему 300,000 рублей и отдастъ во владѣніе Сѣверское княжество съ четырнадцатью городами. Олесницкій также получилъ жалованную грамоту на городъ Бѣлую. 5 сентября въ станѣ Сапѣги происходило тайное вѣнчаніе Марины со вторымъ Лжедимитріемъ, совершенное духовникомъ ея, іезуитомъ, который, разумѣется, убѣдилъ ее въ томъ, что все позволено для блага римской церкви. Послѣдняя не теряла еще совершенно надежды на воскресеніе Димитрія, какъ видно изъ писемъ кардинала Боргезе къ папскому нунцію въ Польшѣ. Сначала онъ пишетъ: «Мнѣ кажется мало вѣроятнымъ, чтобы Димитрій былъ живъ и спасся бѣгствомъ изъ своего государства, ибо, въ такомъ случаѣ, онъ не явился бы такъ

поздно въ Санборѣ, гдѣ, какъ говорятъ, онъ теперь». Потомъ пишетъ: «Если только онъ живъ, то еще можно уладить всѣ дѣла; мы отправимъ письма и сдѣлаемъ все возможное, чтобы примирить его съ Польскимъ королемъ». Далѣе пишетъ: «Начинаемъ вѣрить, что Димитрій живъ; но такъ какъ онъ окруженъ еретиками, то нѣтъ надежды, чтобъ онъ продолжалъ оставаться при прежнемъ намѣреніи; король Польскій благоразумно замѣчаетъ, что нельзя полагаться на него во второй разъ. Бѣдствія должны были бы побудить его къ оказанію знаковъ истиннаго благочестія; но дружба съ еретиками обнаруживаетъ, что у него нѣтъ этого чувства». Въ инструкціи, написанной кардиналомъ Боргезе новому нунцію Симонетта, находятся слѣдующія слова: «О дѣлахъ московскихъ теперь нечего много говорить потому что надежда обратить это государство къ престолу апостольскому исчезла со смертію Димитрія, хотя и говорятъ теперь, что онъ живъ. И такъ мнѣ остается сказать вамъ только то, что когда введется реформа въ орденъ монашескій Св. Василія между Греками, тогда можно будетъ современемъ воспитать много добрыхъ растеній, которыя, посредствомъ сношеній своихъ съ Московіею, могутъ сообщить свѣтъ истинный ея народу». Не смотря на то, въ Римѣ все еще не переставали колебаться между отчаяніемъ и надеждою и принимать участіе въ дѣлахъ самозванца. Такъ въ началѣ 1607 года Боргезе писалъ, что если Петръ Θедоровичъ будетъ признанъ законнымъ наслѣдникомъ, то Димитрію не отстанется надежды поправить свои дѣла. Въ ноябрѣ 1607 года надежда воскресла; Боргезе пишетъ: «Сыновья Сендомирскаго палатина, которые находятся здѣсь въ Римѣ, сообщили его святѣйшеству достовѣрное извѣстіе, что Димитрій живъ, и что объ этомъ пишетъ къ нимъ ихъ мать. Горимъ желаніемъ узнать истину». Потомъ въ августѣ 1608 года пишетъ: «Димитрій живъ и здѣсь во мнѣніи многихъ; даже самые невѣрующіе теперь не противорѣчатъ рѣшительно, какъ дѣлами прежде. Жаждемъ удостовѣриться въ его жизни и въ его побѣдахъ». Въ этомъ же мѣсяцѣ кар-

диналъ пишетъ: «Если справедливо извѣстіе о побѣдѣ Димитрія то необходимо должно быть справедливо и то, что онъ настоящій Димитрій».

Въ Польшѣ уже составили для воскресшаго Димитрія наказъ, какъ ему дѣйствовать для собственной безопасности и для введенія Уніи въ Московское государство. Составители наказа сочли нужнымъ изложить причины, почему Лжедимитрій не долженъ требовать императорскаго титула: a) этотъ титулъ не достался ему въ наслѣдство отъ предковъ, слѣдовательно надобно доказать какое-нибудь новое, имъ самимъ пріобрѣтенное право. b) Сами Русскіе противъ этого титула: что̀ же сказать объ иностранцахъ? c) Его не признаетъ ни одинъ государь христіанскій, а въ посольствахъ и другихъ дѣлахъ не надобно подавать повода къ новымъ затрудненіямъ. d) И о титулѣ королевскомъ бывали и бываютъ споры съ сосѣдними государями: что̀ же объ императорскомъ? e) Для принятія этого титула необходимо новое вѣнчаніе, котораго патріархъ совершить не можетъ; нѣтъ и курфирстовъ, для этого необходимыхъ. Но царь можетъ достигнуть желаннаго чрезъ Унію. За этимъ слѣдуютъ собственно наставленія:

1) Хорошо, еслибы государственныя должности и сопряженныя съ ними преимущества раздавались не по древности рода, надобно, чтобы доблесть, а не происхожденіе получало награду. Это было бы для вельможъ побужденіемъ къ вѣрной службѣ, а также и къ Уніи. Однако при этомъ должно смотрѣть, чтобы не возникли раздоры между старыми и новыми сенаторами. Не худо бы это распоряженіе отложить до Уніи, а тутъ раздавать высшія должности въ видѣ вознагражденія болѣе приверженнымъ къ ней, чтобы самъ государь вслѣдствіе Уніи получилъ титулъ царскій, а думные его сановники титулъ сенаторскій, то-есть, чтобы все это проистекало отъ папы; должно обѣщать и другія преимущества, чтобы скорѣе склонить къ дѣлу Божію.

2) Постоянное присутствіе при особѣ царской духовенства и бояръ влечетъ за собою измѣны, происки и опас-

ность для государя: пусть остаются въ домахъ своихъ, и ждутъ приказа, когда явиться. А вмѣсто нихъ его величеству имѣть совѣтниками мужей зрѣлыхъ и доблестныхъ, какъ для суда, такъ и для дѣлъ государственныхъ; пусть онъ бесѣдуетъ преимущественно съ тѣми изъ нихъ, отъ которыхъ зависитъ спокойствіе государства и любовь народная къ государю, не оставляя совершенно и прочихъ, но попеременно имѣя при себѣ то тѣхъ, то другихъ. Притомъ безпрестанныя угощенія бояръ и думныхъ людей, долгое пребываніе съ ними влекутъ за собою трату времени, опасность и не нужныя издержки, пораждаютъ неудовольствія и вѣроятно были причиною нынѣшней трагедіи. Однако надобно имѣть въ виду и то, чтобы эти бояре, вдали отъ глаза государева, не замышляли чего-нибудь опаснаго. Надобно запретить всякія собранія. Государь долженъ кушать иногда публично, а иногда въ своихъ покояхъ, по обычаю другихъ государей.

3). Недавній примѣръ научаетъ, что его величеству нужны тѣлохранители, которые бы, безъ его вѣдома, прямо, какъ до сихъ поръ бывало, никого не пропускали во дворецъ, или гдѣ будетъ государь. Нужно имѣть между тѣлохранителями иностранцевъ, хотя на половину съ своими, какъ для блеска, такъ и для безопасности. Въ комнатные служители надобно выбирать съ бо̀льшимъ вниманіемъ. Въ тѣлохранители и комнатные служители надобно выбирать такихъ людей, которыхъ счастіе и жизнь зависятъ отъ безопасности государя, или, говоря ясно, истинныхъ католиковъ, если совершится Унія. Изъ Москвитянъ брать въ тѣлохранители приверженныхъ къ Уніи, которые, обращаясь и разговаривая съ нашими, желали бы видѣть наше богослуженіе, слушать проповѣди и проч.

Такимъ образомъ отъ самихъ подданныхъ, а не отъ государя возникнутъ разговоры объ Уніи, государь будетъ скорѣе посредникомъ и судьею, чѣмъ дѣйствователемъ и поощрителемъ: это нужно для отвращенія ненависти, особенно теперь въ началѣ. При томъ надобно выбрать рас-

положенныхъ къ дому ея царскаго величества. Надобно обращать вниманіе и на то, что вѣрность людей, которымъ не за чѣмъ возвращаться въ отечество, бываетъ подозрительна. Между здѣшними нашими кажется много такихъ, которые по безнравственности и буйству въ великой ненависти у Москвитянъ. Надобно смотрѣть, чтобы поведеніе католиковъ, находящихся при ихъ величествахъ, не навлекало порицанія святой вѣрѣ и Уніи.

4) И Москвитянъ не очень должно отдалять отъ двора государева, ибо это ненавистно и опасно для государя и чужеземцевъ. Эти приближенные къ царю Москвитяне могутъ примѣромъ своимъ поощрять другихъ къ Уніи. Государь только посредствомъ нихъ можетъ сноситься съ подданными въ дѣлахъ необходимыхъ для государства. Наконецъ они доказали свою вѣрность тѣмъ, что при открытіи недавняго заговора подвергали опасности жизнь свою за государя. Надобно остерегаться, чтобы не подать повода къ новымъ заговорамъ: въ противномъ случаѣ должно было бы держать всегда иноземное войско, но все насильственное недолговѣчно. Какъ трудно безъ Русскихъ получить предостереженіе на случай бунта, крамолы и прочаго, долженствующаго быть извѣстнымъ государю, это извѣдано на опытѣ. При томъ не должно забывать о положеніи государства по смерти государя; если все будетъ дѣлаться силою и страхомъ, то надобно опасаться, что благія намѣренія государя относительно преобразованія вѣры, народа и государства обратятся въ ничто. Потомъ надобно позаботиться о ея величествѣ и о дворѣ ихъ величествъ. Важнѣе всего было бы сближеніе нашихъ съ Москвитянами и дружественныя бесѣды ихъ, особенно при дворѣ государевомъ. Пусть наши держатъ слугъ и мальчиковъ изъ Московскаго народа; но они должны смотрѣть внимательно, сколько и въ чемъ довѣрять каждому. Не худо, еслибы царица изъ вельможныхъ семействъ Московскихъ имѣла при дворѣ своемъ нѣсколько лицъ обоего пола. Полезно, чтобы Поляки, если возможно, взяли съ собою въ Польшу сыновей знат-

нихъ бояръ: это послужило бы къ перемѣнѣ нравовъ и вѣры и было бы ручательствомъ за безопасность нашихъ здѣсь. При раздачѣ должностей дворскихъ весьма полезно давать Полякамъ болѣе приближенныя, а Москвитянамъ почетнѣйшія, чтобъ оградить жизнь и безопасность государя.

5) Производить тщательно тайный розыскъ о скрытныхъ заговорщикахъ и участникахъ заговора: вызнавать расположеніе близкихъ особъ, чтобы знать, кому что повѣрить.

6) Для принятія просьбъ назначить извѣстныхъ вѣрностію секретарей, которые должны отправлять дѣла какъ можно скорѣе. Этимъ, съ одной стороны, пріобрѣтается расположеніе подданныхъ, съ другой, охраняется безопасность государя, ибо въ просьбахъ могутъ заключаться предостереженія.

7) Канцелярія должна употреблять скорѣе народный языкъ, чѣмъ Латинскій, особенно потому, что Латинскій языкъ считается у туземцевъ поганымъ. Однако государю нужно имѣть при себѣ людей, знающихъ языкъ Латинскій, политику и богословіе, истинныхъ католиковъ, которые бы не затрудняли благаго намѣренія, не сближали государя съ еретиками, не подсовывали книгъ аріанскихъ и кальвинскихъ на погубу государству и душамъ, не возбуждали омерзѣнія къ намѣстнику Христову, не отторгали отъ соединенія съ государями католическими. Такіе ученые по крайней мѣрѣ необходимы для сношеній съ государями христіанскими.

8) Вѣновая запись, данная царицѣ, должна быть за подписью думныхъ людей. Одной копіи быть здѣсь, а другой въ Польшѣ съ печатями и съ подписями. При случаѣ включить въ договоръ съ Польскимъ королевствомъ, чтобы ея царское величество была подъ покровительствомъ королевства при перемѣнѣ обстоятельствъ. Надобно, чтобы сенаторы и подданные по городамъ дали присягу ея царскому величеству, какъ своей государынѣ, на подданство и послушаніе; одинъ экземпляръ присяжнаго листа хранить здѣсь, а другой въ Польшѣ съ подписью правителей и старостъ

городовыхъ. На всякій случай дозволить царицѣ покупку какого нибудь имѣнія въ Польшѣ, по преимуществу сосѣдняго съ волостями, ей уступленными въ Московскомъ государствѣ.

9) Перенесеніе столицы, по крайней мѣрѣ на время, кажется необходимымъ по слѣдующимъ причинамъ: a) Это будетъ безопаснѣе для государя. b) Удобнѣе будетъ достать иностранное войско и получить помощь отъ союзнаго короля и другихъ государей христіанскихъ. c) При перемѣнѣ царя для царицы удобнѣе получить помощь отъ своихъ, безопаснѣе и легче выѣхать съ драгоцѣнностями и свободою въ отечество; однако разглашать о перенесеніи столицы не нужно, ибо это ни къ чему не послужитъ, надобно жить гдѣ-нибудь, только не въ Москвѣ. d) Міръ Московскій будетъ смирнѣе: онъ чтитъ государя въ далекѣ находящагося, но буйствуетъ въ присутствіи государя и мало его уважаетъ. e) Обычныя пированія съ думными людьми могли бы удобнѣе исподоволь прекратиться. f) Удобнѣе было бы вести переговоры объ Уніи. g) Удобнѣе пріискивать людей способныхъ. h) Легче учреждать коллегіи и семинаріи подлѣ границы Польской. i) Легче Московскихъ молодыхъ людей отправлять учиться въ Вильно и другія мѣста.

10) Перечисляются полезныя слѣдствія Уніи для образованности въ Россіи.

11) Императорское достоинство врядъ ли долго удержится въ домѣ Австрійскомъ и государствѣ Нѣмецкомъ, въ слѣдствіе распространенія протестантизма въ Германіи. Если еретики курфирсты выберутъ еретика или произойдетъ раздоръ по поводу избранія, то папа передастъ императорское достоинство тому изъ государей, кто ревностнѣе другихъ будетъ защищать церковь. Кто знаетъ, не наступило ли время когда императорское достоинство, перенесенное при Карлѣ Великомъ съ востока на западъ, будетъ перенесено съ запада на сѣверъ.

12) Если живъ сынъ старшаго брата царскаго, то пре-

столъ по праву принадлежитъ ему. Въ такомъ случаѣ обезпеченіемъ для Димитрія можетъ служить Унія, ибо Церковъ имѣетъ власть царей невѣрныхъ удалять отъ владычества надъ вѣрными и вручать скипетръ вѣрнымъ сынамъ своимъ.

13) Сохраненіе царскаго величества отъ внезапной смерти справедливо приписать молитвамъ Церкви; тѣмъ же молитвамъ надобно приписать и то, что люди, воставшіе на государя съ цѣлію воспрепятствовать Уніи, претерпѣли много неудачъ и множество погибло ихъ отъ меньшей силы.

За этимъ слѣдуетъ особое изложеніе средствъ, какъ ускорить дѣло Уніи.

1) Еретикамъ, непріятелямъ Уніи запретить въѣздъ въ государство.

2) Выгнать пріѣзжающихъ сюда изъ Константинополя монаховъ.

3) Руси Польской заградить путь къ проискамъ, ибо и теперь по ея наущенію произошло кровопролитіе, его царское величество едва спасся и возникла большая, чѣмъ прежде, ненависть къ Уніи.

4) Съ осторожностію должно выбирать людей, съ которыми объ этомъ говорить, ибо преждевременное разглашеніе и теперь повредило.

5) Государь долженъ держать при себѣ очень малое число духовенства католическаго. Письма, относящіяся къ этому дѣлу, какъ можно осторожнѣе принимать, писать, посылать, особенно изъ Рима.

6) Государю говорить объ этомъ должно рѣдко и осторожно. Напротивъ надобно заботиться о томъ, чтобы не отъ него началась рѣчь.

7) Пусть сами Русскіе первые предложатъ о нѣкоторыхъ неважныхъ предметахъ вѣры, требующихъ преобразованія, которые могутъ проложить путь Уніи. Поводомъ къ этому могутъ служить объѣзды и изслѣдованія по послѣднему заговору, въ которомъ участвовало и духовенство; преобразованіе

нравственности и способа ученія духовенства, отдаленіе неучей священниковъ, которые сами не знаютъ о вѣрѣ и другихъ не учатъ. Вслѣдствіе этого прихожане не знаютъ символа вѣры, десяти заповѣдей, молитвы Господней: отсюда между ними клятвопреступленія, прелюбодѣянія, пьянство, чародѣйство, обманъ, воровство, грабежи, убійства, рѣдкій почитаетъ за грѣхъ воровство, и грабежъ. Нѣтъ поучительныхъ проповѣдей для народа. Священники отличаются невѣжествомъ при исповѣди. Священство раздается за деньги. Предложить вопросъ объ отношеніи патріарха Московскаго къ Византійскому, откуда его власть? Обратить вниманіе на то, что молодые люди не получаютъ образованія, что большіе доходы духовенства не обращаются на дѣла полезныя. Почему не ввести наукъ, какія были при Св. Златоустѣ, Василіѣ, Николаѣ и другихъ святыхъ, которые были учеными, учили и учиться велѣли? а для этого нужно соединеніе съ церковію Латинскою, которая производитъ столько людей ученыхъ. Почему бы, по примѣру прежнихъ святыхъ патріарховъ, не произвести преобразованія въ вѣрѣ и нравахъ, чтобъ все было по прежнему, какъ жили до раздѣленія церквей и до владычества Турокъ, ибо съ того времени все въ духовныхъ дѣлахъ начало портиться? Почему бы не имѣть семинаріи и коллегіумъ? При случаѣ намекнуть на устройство католической церкви для соревнованія. Издать законъ, чтобы все подведено было подъ постановленія соборовъ и отцовъ Греческихъ и поручить исполненіе закона людямъ благонадежнымъ, приверженцамъ Уніи. Возникнутъ споры, дойдетъ дѣло до государя, который конечно можетъ назначить соборъ, а тамъ съ Божіею помощію, можетъ быть приступлено и къ Уніи.

8) Раздавать должности людямъ, приверженнымъ къ Уніи, внушать имъ, какія отъ нея произойдутъ выгоды; особенно высшее духовенство должно быть за Унію, оно должно руководить народъ къ предположенной цѣли, а это въ рукахъ его царскаго величества.

9) Намекнуть черному духовенству о льготахъ, бѣлому о достоинствахъ, народу о свободѣ, всѣмъ о рабствѣ Грековъ, которыхъ можно освободить только посредствомъ Уніи съ государями христіанскими.

10) Имѣть при государѣ священниковъ придворныхъ и способныхъ, которые бы указывали истинный путь словесно и письменно.

11) Учредить семинаріи, для чего призвать людей ученыхъ, хотя свѣтскихъ.

12) Отправить молодыхъ людей для обученія въ Вильно или лучше туда, гдѣ нѣтъ отщепенцовъ, въ Италію, въ Римъ.

13) Позволить Москвитянамъ присутствовать при нашемъ Богослуженіи.

14) Хорошо, еслибы Поляки набрали здѣсь молодыхъ людей, и отдали бы ихъ въ Польшѣ учиться отцамъ Іезуитамъ.

15) Хорошо, еслибъ у царицы между священниками былъ одинъ или два уніята, которые бы отправляли службу по обряду Русскому и бесѣдовали съ Русскими,

16) Для царицы и живущихъ здѣсь Поляковъ построить костелъ или монастырь католическій.

Этотъ наказъ былъ написанъ напрасно: Лжедимитрію не удалось взять Москвы, и товарищи его должны были думать о томъ, какъ зимовать въ Тушинѣ, ибо снѣгъ уже началъ набиваться въ ихъ палатки. У самозванца было въ это время Польскаго коннаго войска 18,000, пѣхоты 2,000, казаковъ Запорожскихъ 13,000, Донскихъ 15,000, кромѣ Русскихъ людей; послѣднихъ Поляки не много держали въ станѣ, потому что имъ не довѣряли; купцовъ Польскихъ бывало иногда при Тушинѣ тысячъ до трехъ: они стояли особымъ станомъ. Нѣкоторые думали, что надобно раздѣлиться на отряды и зимовать въ разныхъ волостяхъ Московскихъ; но большинство сочло опаснымъ раздѣлить силы, и рѣшилось зимовать въ Тушинѣ. Начали рыть землянки, для лошадей подѣлали стойла изъ хвороста и соломы.

Для продовольствія подѣлили завоеванныя волости между отрядами, и огромные обозы по первому пути потянулись къ Тушину, на каждую роту приходилось по тысячѣ и больше возовъ; везли намъ чего только душа хотѣла, говоритъ одинъ изъ Тушинскихъ Поляковъ; наскучило жить въ землянкахъ: начали брать изъ ближнихъ деревень избы и ставить ихъ въ обозѣ, у инаго было двѣ и три избы, а въ землянкахъ устроили погреба. Среди стана построили хоромы царю, царицѣ и Мнишку, было имъ гдѣ помѣститься просторно, и станъ Тушинскій превратился въ городъ [86].

ГЛАВА V.

Продолженіе царствованія Василія Ивановича Шуйскаго.

Шведскій король предлагаетъ помощь свою Шуйскому. — Царскій племянникъ, князь Скопинъ-Шуйскій отправляется въ Новгородъ для заключенія союза съ Швеціею. — Борьба въ Псковѣ между большими и меньшими людьми. — Псковъ цѣлуетъ крестъ самозванцу. — Шуйскій садится въ осаду въ Москвѣ. — Тушинскій дворъ. — Осада Троицкаго монастыря.—Тушинцы захватываютъ въ расплохъ сѣверные города. — Пересылки между послѣдними. — Неистовство Тушинцевъ. — Возстаніе противъ нихъ. — Положеніе Шуйскаго въ Москвѣ; неудача возстаній противъ него. — Война между Москвою и Тушинымъ. — Договоръ царя Василія съ Шведскимъ королемъ. — Походъ Скопина-Шуйскаго съ Шведами для освобожденія Москвы.

Самозванецъ выстроилъ себѣ столицу подъ самою Москвою, и къ нему на помощь приходили Польскіе отряды; договоръ, заключенный въ Москвѣ королевскими послами, былъ явно нарушенъ, Мнишекъ и дочь его признали Тушинскаго вора истиннымъ Димитріемъ. Но если со стороны Поляковъ было такое явное нарушеніе договора, если воръ утверждался съ Польскою помощію, то Шуйскому естественно было обратиться съ просьбою о помощи ко врагу Польши и короля ея, Карлу Шведскому, тѣмъ болѣе, что послѣдній уже давно предлагалъ эту помощь. Въ февралѣ 1607 года Выборгскій державецъ писалъ къ Корельскому воеводѣ князю Масальскому, что король его готовъ помогать царю и послы Шведскіе давно уже стоятъ на рубе-

жѣ, дожидаясь пословъ Московскихъ для переговоровъ. Но въ это время Шуйскій, успѣвъ отогнать Болотникова отъ Москвы, думалъ что сладитъ съ преждепогибшею украйною однѣми силами сѣверной Россіи, и потому далъ наказъ Масальскому такъ отвѣчать на письмо изъ Выборга: «Ты писалъ ко мнѣ, что государя вашего Арцыкарлуса послы стоятъ долго на рубежѣ понапрасну, дожидаются пословъ его царскаго величества: я твоему письму подивился, что пишешь все о тѣхъ же дѣлахъ, о которыхъ прежде не одинъ разъ мы вамъ отвѣтъ давали, и теперь даю знать, что о послахъ великаго государя у насъ указа нѣтъ и къ вамъ мы о томъ никогда не писывали, что будутъ государя нашего послы на съѣздъ. И вы бы впередъ къ намъ о посольскихъ съѣздахъ не писали, потому что посольскіе съѣзды и о послахъ ссылки въ Корелѣ никогда не бывали, государь бы вашъ велѣлъ о посольскомъ съѣздѣ ссылаться съ Новгородскими воеводами. Ты пишешь, что государя вашего воевода со многими людьми стоитъ въ Выборгѣ и еще воинскихъ людей собираетъ каждый день: но онъ этимъ только убытокъ государю своему дѣлаетъ, а намъ его сборы не страшны: знаете и сами, что у великаго государя нашего многія рати собственныя его государевы, а не сборныя и не наемныя, всегда готовы. Постановленнаго прежняго мира великій государь нашъ нарушать ни чѣмъ не велѣлъ, съ его стороны никакой неправды и задоровъ нѣтъ. Да вы же пишете, хотите знать отъ меня, кто у насъ царь и великій князь! Но государь вашъ знаетъ по нашей сказкѣ, что у насъ государь Василій Ивановичъ всея Руси. Пишете, будто его подданные стоятъ противъ него, и потому гонцамъ вашего государя къ нашему государю дороги нѣтъ, и что у васъ указъ естѣ съ своими воинскими людьми помогать нашему государю противъ его недруговъ, а русской землѣ государь вашъ не хочетъ никакой порухи, хочетъ помогать Новгородской землѣ: и вамъ давно извѣстно, что по Божіей милости, по прародительской степени, за прошеніемъ освя-

щеннаго собора и за челобитьемъ всего народнаго множества Московскаго государства учинился на великихъ государствахъ Василій Ивановичъ, и всѣ ему служатъ, и розни между ними никакой нѣтъ, по милости Божіей, и впередъ не будетъ, а вы теперь, не вѣдомо какимъ воровскимъ обычаемъ, пишете такія непригожія и злодѣйственныя слова. А что пишете о помощи, и я даю вамъ знать, что великому государю нашему помощи никакой ни отъ кого не надобно, противъ всѣхъ своихъ недруговъ стоять можетъ безъ васъ, и просить помощи ни у кого не станетъ, кромѣ Бога. А гонцамъ ѣздить было нельзя отъ того, что во всемъ Новгородскомъ уѣздѣ было моровое повѣтріе».

Въ другой разъ Карлъ прислалъ гонца своего въ Москву, когда царь былъ подъ Тулою. Отъ гонца сначала хотѣли скрыть цѣль царскаго похода, приставъ сказалъ ему, что Василій стоитъ на украйнѣ противъ Крымскаго хана. Царь писалъ къ боярамъ, чтобъ они велѣли отписать Карлу противъ всѣхъ статей, а писали бы къ нему не жестоко, а ласково. Не смотря на то, бояре сочли нужнымъ выразить свое негодованіе на короля, который и въ грамотѣ, присланной съ гонцомъ, писалъ, что причиною задержки гонцовъ было не моровое повѣтріе, а государевы недруги. Бояре отвѣчали ему, отъ имени царскаго: «У насъ у всѣхъ великихъ государей ведется: съ которыми великими государями ссылка о любви и о дружбѣ, то между ними такихъ непригожихъ рѣчей въ нашихъ государскихъ ссылкахъ не бываетъ: и тебѣ въ томъ пригоже остерегаться, и впередъ бы ты къ намъ такихъ невѣжливыхъ словъ не писалъ. Когда злаго врага, еретика и богоотступника растригу Гришку Отрепьева Московскимъ государствомъ убили, то воры казаки и бѣглые холопы, растригины совѣтники, боясь за свое воровство опалы и смертной казни, сбѣжали изъ Москвы въ украинскіе и въ Польскіе города и стали воровать; но теперь этихъ воровъ побили и въ нашихъ великихъ государствахъ смуты нѣтъ никакой; быва-

етъ во всѣхъ великихъ государствахъ, что воры, разбойники и душегубцы бѣгаютъ и воруютъ, избывая смертной казни. Ты писалъ, что хочешь намъ на нашихъ недруговъ помогать: наше царское величество въ томъ тебя похваляемъ, что ты намъ доброхотаешь и нашей любви къ себѣ ищешь, и противъ того любовью тебѣ воздавать будемъ же. Но и прежде мы къ тебѣ писали, и теперь объявляемъ, что недруга у насъ никакого нѣтъ, а хотя который пограничный государь и помыслитъ какую недружбу начать, то это намъ не страшно, помощи мы просимъ отъ единаго всемогущаго Бога, да и самому тебѣ извѣстно, что у нашего царскаго величества многія несчетныя Русскія и Татарскія рати».

Скоро однако Шуйскій долженъ былъ перемѣнить этотъ тонъ, когда его несчетныя рати были побиты и самозванецъ выстроилъ себѣ столицу подъ Москвою: отвергнувъ сперва два раза предложенную ему Карломъ помощь, теперь онъ счелъ необходимомъ отправить племянника своего, князя Скопина-Шуйскаго въ Новгородъ, чтобъ оттуда завести сношенія съ Шведскимъ королемъ о помощи. Въ Новгородѣ приняли Скопина съ честію: издавна Новгородцы отличались привязанностію къ Шуйскимъ, во времена Грознаго они стояли за нихъ всѣмъ городомъ. Но въ Псковѣ дѣла шли иначе. Не смотря на погромъ, бывшій надъ Псковомъ при великомъ князѣ Василіѣ, этотъ городъ сохранялъ еще остатки прежняго быта. Какъ остатокъ старины, сохранялась въ Псковѣ вражда двухъ сторонъ, такъ называемыхъ лучшихъ и меньшихъ людей; но послѣ окончательнаго присоединенія къ Москвѣ эта вражда должна была еще усилиться по той причинѣ, что Псковскіе лучшіе люди были выведены и на ихъ мѣсто были присланы другіе изъ Московскихъ областей; разумѣется, въ спокойное время эта вражда не могла рѣзко высказываться, но теперь, со смутою, настало для этого удобное время. «Гости, славные мужи, велики мнящіеся предъ Богомъ и людьми, богатствомъ кипящіе», по выраженію лѣтописца,

нашли случай изгубить предводителей противной стороны, которые люди въ правдѣ противъ нихъ говорили о градскомъ житіи и строеніи, и за бѣдныхъ сиротъ». Шуйскій прислалъ въ Псковъ просить у его жителей денежнаго вспоможенія. Гости и вообще богатые люди собрали 900 рублей со всего Пскова, съ большихъ и съ меньшихъ и со вдовицъ по раскладу, и послали съ этими деньгами въ Москву, не по выбору, главныхъ людей противной стороны — Самсона Тиѳинца, Ѳедора Умойся-Грязью, Ерему сыромятника, Овсейка Ржову, Илюшку мясника, и написали Шуйскому: «мы тебѣ гости Псковскіе радѣемъ, а эти пять человѣкъ тебѣ, государю, добра не хотятъ, и мелкіе люди казны тебѣ не дали». Тогда же знаменитый гость Григорій Щукинъ хвалился: «которые де поѣхали съ казною, и тѣмъ Живоначальный Троицы верха не видать и въ Псковѣ не бывать». Въ самомъ дѣлѣ, уже въ Новгородѣ, въ слѣдствіе упомянутой грамоты лучшихъ Псковичей къ царю, посадили въ тюрьму четверыхъ изъ Псковичей, посланныхъ съ деньгами, и держали ихъ до самаго того времени, какъ узнали, что дорога очистилась отъ воровскихъ людей и ихъ можно стало отправить въ Москву. Оставили на волѣ одного только Ерему сыромятника, потому что его имя въ грамотѣ пропустили: похотѣлъ ему добра Псковской воевода Петръ Шереметевъ за то, что Ерема на него много всякаго рукодѣлья дѣлалъ даромъ.

Когда посланные пріѣхали въ Москву, то ихъ, по оговорной грамотѣ, вывели казнить смертію. Къ счастію ихъ въ это время находился въ Москвѣ отрядъ Псковскихъ стрѣльцовъ, взятый царемъ на помощь противъ Лжедимитрія: стрѣльцы эти бросились къ Шуйскому, били челомъ за своихъ земляковъ и выручили ихъ въ томъ, «что тебѣ царю они не измѣнники, а наши головы въ ихъ головы». Между тѣмъ Ерема возвратился изъ Новгорода въ Псковъ и сказалъ своимъ, что остальныхъ четверыхъ его товарищей прямо изъ тюрьмы отослали въ Москву, съ казною, и на нихъ писана измѣна. Тогда народъ всталъ всѣмъ Псковомъ

на гостей, на семь человѣкъ и билъ на нихъ челомъ воеводѣ. Шереметевъ посадилъ гостей въ тюрьму и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы потребовать съ нихъ большія деньги, а между тѣмъ послалъ сказать въ Москву, чтобы присланнымъ туда четверымъ Псковичамъ не дѣлали никакого зла и тотчасъ отпустили бы ихъ домой, ибо за нихъ поднялось въ Псковѣ страшное смятеніе и гостямъ грозитъ гибель. Шуйскій испугался и отпустилъ Псковичей. Съ этихъ поръ встала страшная ненависть между лучшими и меньшими людьми: «большіе на меньшихъ, меньшіе на большихъ, и такъ было къ погибели всѣмъ». Понятно, какія слѣдствія должно было имѣть такое раздвоеніе въ городѣ, когда, по выраженію лѣтописца, «раздѣлилось царство русское на двое, и было два царя и двои люди несогласіемъ». Когда Шуйскій разослалъ по городамъ, въ томъ числѣ въ Новгородъ и Псковъ, плѣнниковъ, взятыхъ у самозванца, то Новгороды топили этихъ несчастныхъ въ Волховѣ, а Псковичи кормили ихъ, поили, одѣвали и плакали, на нихъ смотря: это былъ дурной знакъ для Шуйскаго!

Въ маѣ 1607 года, пришли изъ Тушинскихъ таборъ стрѣльцы Псковскіе и пригородные, также дѣти боярскіе, которые были взяты въ плѣнъ самозванцемъ, цѣловали ему крестъ и съ ласкою отпущены домой. Стрѣльцы, разойдясь по своимъ пригородамъ, а дѣти боярскіе по помѣстьямъ, смутили всѣ пригороды и волости, привели ихъ къ крестному цѣлованью таборскому царю Димитрію. Псковскій воевода Шереметовъ собралъ ратныхъ людей и послалъ воеводою съ ними сына своего Бориса противъ возмутителей; но Борисъ едва успѣлъ убѣжать отъ нихъ въ Псковъ по здорову. Въ это время пришли въ Псковъ Новгородцы и стали говорить Псковичамъ, чтобы соединиться и стоять вмѣстѣ на воровъ «а къ намъ Нѣмцы (Шведы) будутъ изъ-за моря тотчасъ въ помощь Новугороду и Пскову.» Но это обѣщаніе, что Нѣмцы придутъ на помощь, могло только заставить Псковичей передаться на сторону Лжедимитрія. Мы видѣли, что въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ Псковъ

постоянно боролся съ Нѣмцами, базпрестанно грозившими его самостоятельности и вѣрѣ; едва младенецъ въ Псковѣ начиналъ понимать, какъ уже существомъ самымъ враждебнымъ представлялся ему Нѣмецъ. Къ этой исторической враждѣ присоединялось теперь новое опасеніе; меньшіе люди видѣли, что Нѣмцы, союзники Шуйскаго, вмѣстѣ съ Новогородцами придутъ для того, чтобъ усилить воеводу и сторону лучшихъ людей, которые воспользуются своею силой для низложенія стороны противной. Псковичи объявили Новгородцамъ, что именно для Нѣмцевъ они соединяться съ Новгородомъ не хотятъ.

Въ это время, когда въ слѣдствіе появленія двухъ царей Псковъ раздѣлился, что же дѣлало начальство Псковское, воевода Шереметевъ и дьякъ, знаменитый въ послѣдствіи Иванъ Грамотинъ? Они воспользовались смутою, ослабленіемъ власти царской для собственныхъ выгодъ: взяли себѣ въ помѣстья и въ кормленіе лучшія дворцовыя села. Когда Тушинскій воевода Θедоръ Плещеевъ пришелъ съ войскомъ, набраннымъ въ пригородахъ и сталъ приводить къ крестному цѣлованію волости Псковскія, то крестьяне изъ волости явились въ Псковъ къ воеводѣ, прося оборонить ихъ отъ Плещеева; но Шереметевъ отвѣчалъ имъ, чтобы цѣловали крестъ таборскому царю; тѣ, дѣлать нечего, цѣловали крестъ и начали давать Плещееву кормъ и подымщину. Но потомъ Шереметевъ и Грамотинъ выслали вооруженный отрядъ грабить и брать въ плѣнъ крестьянъ по волости; плѣнныхъ мучили на пыткахъ, и вымучивши деньги, отпускали, приговаривая: «зачѣмъ мужикъ крестъ цѣловалъ!» но мужикъ зналъ, что самъ воевода велѣлъ ему крестъ цѣловать. Псковичи волновались все сильнѣе и сильнѣе, видя гибель пригородамъ и крестьянамъ, воеводскія неправды, обиды и грабежъ, опасаясь, что, когда придутъ Новгородцы съ Нѣмцами, то Шереметевъ еще болѣе возьметъ силы, и тогда уже не будетъ отъ него никому пощады. Одинъ сынъ боярскій распустилъ слухъ, что отправлена грамота въ Москву съ доносомъ на 70 человѣкъ посадскихъ; со

страхомъ указывали другъ другу на крѣпкія тюрьмы, поставленныя воеводою, тогда какъ прежде тюрьмы были простыя безъ ограды. Шереметевъ много разъ спрашивалъ у Псковичей: «что у васъ дума? скажите мнѣ!» Псковичи молчали, думы у нихъ не было никакой; но когда воевода говорилъ: «Нѣмцы будутъ во Псковъ», то былъ отвѣтъ: «Нѣмцевъ не хотимъ, и за то помремъ». Большіе люди также вмѣсто того, чтобъ утишать народъ, какъ нарочно больше и больше раздражали его: перестали ходить во всегородную избу, гнушались мелкими людьми, смѣялись надъ ними; когда звали ихъ на совѣтъ, то не ходили, и давали во всемъ волю мелкимъ людямъ да стрѣльцамъ, казакамъ, поселянамъ: а стрѣльцы превозносили таборскаго царя Димитрія за добродѣтель и милость, за хитрость воинскую, за силу великую. Эти слова наполняли всѣхъ радостію, чаяли истины и отъ всѣхъ золъ избавленія и отъ властельскихъ всякихъ насильствъ, потому что воеводы, несытые мздоиманіемъ и грабежомъ, восколебали міръ всякими неправдами, всякую правду вывели изо Пскова, всякій порядокъ добрый потоптали, умножили воровъ кормильцевъ своихъ, обманщиковъ, подметчиковъ, поклепщиковъ, людямъ праведнымъ не оставили мѣста гдѣ прожить. И вотъ, когда нисшее народонаселеніе было раздражено такимъ образомъ противъ воеводы и лучшихъ людей, 1-го сентября 1608 года пришла вѣсть, что Нѣмцы уже близко. Тогда народъ всталъ какъ пьяный, по выраженію лѣтописца, отворилъ ворота, цѣловалъ крестъ самозванцу и впустилъ въ городъ ратныхъ людей Плещеева, который сталъ воеводою въ Псковѣ. Ивань-городъ также присягнулъ Лжедимитрію; въ Орѣшекъ Скопинъ не былъ впущенъ тамошнимъ воеводою, Михайломъ Глѣбовичемъ Салтыковымъ, который также объявилъ себя за Тушино. Въ самомъ Новгородѣ Великомъ началось было волненіе между чернью, но митрополитъ Исидоръ утишилъ его. Скопинъ, узнавъ объ этомъ волненіи, вышелъ изъ Новгорода, но потомъ, когда дали ему знать, что все успокоилось, возвратился и вступилъ въ переговоры съ Шве-

дами касательно вспомогательнаго войска. Пріѣхавшій въ Новгородъ королевскій секретарь Монсъ Мартензонъ (у тогдашнихъ Русскихъ Монша Мартынычъ) договорился съ Скопинымъ, что Шведы вышлютъ на помощь царю 5000 человѣкъ, на содержаніе которыхъ Московское правительство обязалось выдавать ежемѣсячно по 100,000 ефимковъ. Заключеніе окончательнаго договора отложили до съѣзда въ Выборгѣ [87].

Но въ то время, какъ Шведы еще только обѣщали пособить Шуйскому, Поляки самозванцевы дѣйствовали въ пользу своего союзника подъ Москвою и на сѣверѣ. Сапѣга, хотѣвшій дѣйствовать отдѣльно и самостоятельно, пошелъ къ Троицкому монастырю, который обезпечивалъ сообщеніе Москвы съ сѣверными и восточными областями. Узнавъ о движеніи Сапѣги, Шуйскій послалъ брата своего Ивана перехватить ему дорогу; но Московское войско было на голову разбито подъ Рахмановымъ, и Шуйскій явился въ Москву съ очень не многими людьми: остальные разсѣялись по домамъ ждать развязки борьбы, не желая проливать крови ни за царя Московскаго, ни за царя Тушинскаго. Въ такомъ расположеніи духа находились многіе изъ жителей Москвы; Шуйскій долженъ былъ знать это, долженъ быть знать, какъ опасны равнодушные граждане при первой неудачѣ, и потому повѣстилъ, что намѣренъ выдержать осаду въ городѣ, но что если кто не хочетъ сидѣть вмѣстѣ съ нимъ, тому вольно выѣхать. Согласиться на такое предложеніе, явно объявить себя нерасположеннымъ къ царю или трусомъ, казалось совѣстно и опасно: не испытывалъ ли только Шуйскій вѣрность къ себѣ и усердіе, чтобы послѣ жестоко наказать невѣрныхъ или неусердныхъ? Всѣ цѣловали крестъ умереть за домъ пречистой Богородицы, но на другой, на третій и на слѣдующіе дни поѣхали въ Тушино боярскіе дѣти, стольники, стряпчіе, дворяне, жильцы, дьяки и подъячіе, поѣхали туда стольники — князь Димитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой, князь Димитрій Мамстрюковичъ Черкасскій, князь Алексѣй Юрьевичъ Сицкій, Ми-

хайла Матвѣевичъ Бутурлинъ и двое князей Засѣкиныхъ. Мы видѣли, что сначала подъ знамена самозванца собирались люди изъ самыхъ низкихъ слоевъ народонаселенія; но мы видѣли также, зачѣмъ собирались они? крестьяне, напримѣръ, собирались вовсе не побуждаемые сословнымъ интересомъ, не для того, чтобъ, оставаясь крестьянами, получить большія права: крестьянинъ шелъ къ самозванцу для того, чтобы не быть больше крестьяниномъ, чтобы получить выгоднѣйшее положеніе, стать помѣщикомъ вмѣсто прежняго своего помѣщика; но подобное движеніе произошло во всѣхъ сословіяхъ: торговый человѣкъ шелъ въ Тушино, чтобы сдѣлаться приказнымъ человѣкомъ, дьякомъ, подъячій, чтобы сдѣлаться думнымъ дворяниномъ, наконецъ люди родовитые, князья, но молодые, не надѣявшіеся, по разнымъ отношеніямъ, когда-либо или скоро подвинуться къ боярству въ Москвѣ, шли въ Тушино, гдѣ образовался особый дворъ, въ противоположность двору Московскому.

Поразивъ Шуйскаго, Сапѣга вмѣстѣ съ Лисовскимъ, приступили къ Троицкому монастырю 23 сентября. Войско осаждавшихъ, по самой большой мѣрѣ, простиралось до 30,000 человѣкъ; но такъ какъ, послѣ первыхъ неудачныхъ попытокъ овладѣть монастыремъ, Сапѣга увидалъ необходимость остаться подъ нимъ долгое время, почему долженъ былъ заботиться собраніемъ запасовъ на зиму и разсылать отряды для занятія другихъ городовъ, то число войска его нерѣдко измѣнялось, уменьшаясь иногда до 10,000 человѣкъ. Силы осажденныхъ трудно опредѣлить съ точностію, по недостатку свидѣтельствъ. По сохранившейся современной записи о сидѣвшихъ въ осадѣ оказывается, что дворянъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и казаковъ было тамъ 609 человѣкъ; если мы должны приложить сюда еще 700 разныхъ людей, надъ которыми начальствовали головы изъ дѣтей боярскихъ разныхъ городовъ, да если приложимъ сюда еще монаховъ, способныхъ нести воинскіе труды, то выйдетъ около 1,500 человѣкъ, кромѣ монастырскихъ слугъ и крестьянъ; при опредѣленіи числа послѣднихъ должно со-

образоваться съ возможностію помѣщенія внутри монастыря, гдѣ было еще много женщинъ и дѣтей: толпы окольныхъ жителей съ семействами собрались въ монастырь, и тѣснота была страшная. Воеводами монастырской заставы или гарнизона были: окольничій князь Григорій Борисовичъ Роща-Долгорукій и дворянинъ Алексѣй Голохвастовъ. Архимандритомъ монастыря былъ въ это время Іосафъ, о характерѣ котораго трудно сказать что-нибудь рѣшительное; гораздо рѣзче выдавался келарь монастыря Аврамій Палицынъ, на котораго мы должны обратить особенное вниманіе, какъ на человѣка, принимавшаго важное участіе къ событіяхъ и какъ историка этихъ событій. Аврамій Палицынъ назывался въ міру Аверкіемъ Ивановичемъ; въ 1588 году, въ царствованіе Θедора, Аверкій Палицынъ подвергся опалѣ; имѣніе его было отобрано въ казну, самъ онъ сосланъ и постригся или постриженъ въ монахи. Причина опалы неизвѣстна; но нельзя не обратить вниманія на годъ ея — 1588, ибо не задолго до этого времени, именно въ концѣ 1587 года, подверглись опалѣ Шуйскіе, друзья ихъ и клевреты въ слѣдствіе замысловъ противъ Годунова. Въ 1600 году, царь Борисъ снялъ опалу съ монаха Аврамія; но послѣдній при Годуновѣ и самозванцѣ оставался въ удаленіи, только съ восшествіемъ Шуйскаго на престолъ, Аврамій получаетъ важное значеніе: онъ становится келаремъ Троицкаго монастыря, перваго монастыря въ государствѣ, посредникомъ между монастыремъ и государемъ: это обстоятельство опять можетъ навести на мысль о прежнихъ связяхъ Палицына съ новымъ царемъ. Въ 1609 году дѣло по закладной кабалѣ было рѣшено въ его пользу, и онъ получилъ свою долю въ селѣ, тогда какъ монахамъ было запрещено брать въ залогъ земли. Мало того, при выдачѣ правой грамоты слѣдовало взять съ Палицына два рубли въ казну; Аврамій не хотѣлъ платить и подалъ просьбу, чтобы государь не велѣлъ на немъ своихъ пошлинъ искать. Государь пожаловалъ, для осаднаго времени, пошлинъ брать не велѣлъ. Разсмотрѣвъ внимательно поведеніе Палицына въ описываемое

время, можно вывести о немъ такое заключеніе: это былъ человѣкъ очень ловкій, дѣловой, уклончивый, начитанный, по тогдашнимъ понятіямъ краснорѣчивый, однимъ словомъ, настоящій келарь, ибо келарь былъ представителемъ монастыря предъ мірскими властями, охранителемъ его выгодъ, ходатаемъ по дѣламъ его въ судахъ; если каждый монастырь имѣлъ нужду въ опытномъ и ловкомъ келарѣ, то тѣмъ болѣе монастырь Троицкій, владѣвшій такою огромною недвижимою собственностію, имѣвшій столько льготъ; и въ обыкновенное время келарь его долженъ былъ часто отлучаться изъ монастыря, жить въ столицѣ, хлопоча по дѣламъ обители; во время осады Палицынъ находился въ Москвѣ, по волѣ царя, какъ самъ пишетъ,

Сапѣга и Лисовскій думали скоро управиться съ Троицкимъ монастыремъ, но встрѣтили сильное сопротивленіе: всѣ приступы ихъ были отбиты, осадныя работы уничтожены. Монахи ревностно помогали ратнымъ людямъ: тогда какъ одни отправляли богослуженіе, другіе работали въ хлѣбнѣ и поварнѣ надъ приготовленіемъ пищи для воиновъ; иные же день и ночь находились на стѣнѣ вмѣстѣ съ людьми ратными, выходили на вылазки, принимали даже начальство надъ отрядами; вѣроятно многіе изъ нихъ до постриженія были людьми служилыми. Сапѣга и Лисовскій въ грамотѣ своей сами засвидѣтельствовали о поведеніи Троицкихъ монаховъ; «Вы беззаконники, писали они къ нимъ, презрѣли жалованье, милость и ласку царя Ивана Васильевича, забыли сына его, а князю Василью Шуйскому доброхотствуете, и учите въ городѣ Троицкомъ воинство и народъ весь стоять противъ государя царя Дмитрія Ивановича и его позорить и псовать неподобно, и царицу Марину Юрьевну, также и насъ. И мы тебѣ, Архимандритъ Іоасафъ, свидѣтельствуемъ и пишемъ словомъ царскимъ, запрети попамъ и прочимъ монахамъ, чтобъ они не учили воинства не покоряться царю Дмитрію». Сапѣга съ Лисовскимъ писали и къ воеводамъ Троицкимъ и ко всѣмъ ратнымъ людямъ, убѣждая къ сдачѣ обѣщаніями богатыхъ наградъ; въ про-

тивномъ случаѣ грозили злою смертію. Убѣжденія и угрозы остались тщетными: монахи и ратные люди видѣли предъ стѣнами своими не того, кто называлъ себя сыномъ царя Ивана Васильевича; они видѣли предъ стѣнами обители св. Сергія толпы иновѣрцевъ, Поляковъ и Литву, пришедшихъ поругать и расхитить церковь и сокровища священныя. Здѣсь дѣло шло не о томъ, передаться ли царю Тушинскому отъ царя Московскаго, но о томъ, предать ли гробъ великаго чудотворца на поруганіе врагамъ православной вѣры; Троицкіе сидѣльцы защищали не престолъ Шуйскаго только, но гробъ св. Сергія, и потому здѣсь измѣна не могла пересилить вѣрности. Характеръ одушевленія осажденныхъ видимъ въ отвѣтѣ ихъ на грамоты Сапѣги. «Да вѣдаетъ ваше темное державство, что напрасно прельщаете Христово стадо, православныхъ Христіанъ. Какая польза человѣку возлюбить тьму больше свѣта, и преложить ложь на истину: какъ же намъ оставить вѣчную святую истинную свою православную христіанскую вѣру Греческаго закона, и покориться новымъ еретическимъ законамъ, которые прокляты четырьмя вселенскими патріархами? Или какое пріобрѣтеніе оставить намъ своего православнаго государя царя и покориться ложному врагу, и вамъ Латынѣ иновѣрной, уподобиться Жидамъ, или быть еще хуже ихъ»?

При господствѣ религіознаго одушевленія измѣна не могла пересилить вѣрности въ Троицкомъ монастырѣ, хотя измѣна вкралась и сюда. Если въ станѣ осаждающихъ нашлись казаки, которые, мучась совѣстію за то, что подняли руки на обитель св. Сергія, перебѣгали къ осажденнымъ и сообщали имъ о замыслахъ непріятеля; за то нашлись перебѣжчики и между монастырскими слугами, даже между дѣтьми боярскими, которые не стерпѣли сидѣть въ осадѣ, ставшей очень трудною въ зимнее время. Осенью, когда было еще тепло, толпы народа могли жить на открытомъ воздухѣ, но когда начались морозы, то всѣ столпились въ кельяхъ; отсюда страшная тѣснота и ея слѣд-

ствіе—повальная болѣзнь, къ которой присоединился еще недостатокъ топлива. Среди этихъ физическихъ бѣдствій открылось и зло нравственное — вражда между монахами, несогласіе между воеводами, послышались обвиненія въ измѣнѣ. 29 Марта 1609 года, дочь Бориса Годунова, Ксенія или Ольга, писала изъ Троицкаго монастыря, гдѣ находилась во время осады, къ одной своей теткѣ, что она «въ своихъ бѣдахъ чуть жива, совсѣмъ больна, вмѣстѣ съ другими старицами, и впередъ ни одна изъ нихъ себѣ жизни не чаетъ, съ часу на часъ ожидаютъ смерти, потому что у нихъ въ осадѣ шатость и измѣна великая». Стрѣльцы и монастырскіе служки жаловались на архимандрита и братію, что плохо ихъ кормятъ; архимандритъ писалъ царю въ оправданіе: «Какъ сѣли, въ осадѣ, всѣ люди ѣдятъ Троицкій хлѣбъ, а своего у нихъ было мало запасено, и деньги, что кому пригоже, даемъ. А какъ въ казнѣ денегъ не стало, то мы собирали съ братьи по рублю съ человѣка, а съ иныхъ по полтинѣ; другимъ, кому надобно, занимаемъ да даемъ. Мы говорили ратнымъ людямъ: ѣшьте въ трапезѣ, что братія ѣдятъ, возьми мое архимандричье себѣ, а свое передо мною поставь; но они братскія кушанья просятъ по кельямъ, потому что въ трапезѣ ставятъ передъ четверыми столькоже сколько по кельямъ пойдетъ одному: въ кельяхъ то у нихъ жены да дѣти, а у иныхъ жонки. А намъ смирить себя больше уже не знаемъ какъ? ѣдимъ мы съ братіею, съ Филиппова заговѣнья, сухари съ хлѣбомъ. Въ осадѣ намъ тѣснота и нужда великая: по дрова не выпустятъ, отъ кѣлій кровли, заднія сѣни и чуланы уже пошли на дрова, теперь жжемъ житницы».

Но не одни ратные люди писали жалобы на архимандрита и соборныхъ старцевъ: нашлись жалобщики и между братьею, въ которой произошло раздѣленіе по случаю доноса на казначея монастырскаго Іосифа Дѣвочкина. Палицынъ пишетъ, что дьяконъ и лѣваго клироса головщикъ Гурій Шишкинъ вывѣдалъ у Дѣвочкина измѣну и донесъ главному воеводѣ. Долгорукій тотчасъ схватилъ казначея и ве-

лѣлъ пытать. Такой поступокъ воеводы съ однимъ изъ главныхъ лицъ въ монастырѣ возбудилъ негодованіе архимандрита и соборныхъ старцевъ, вооруживъ ихъ и противъ доносчика Шишкина съ товарищами (если только были они у Шишкина), которые въ грамотѣ своей къ царю отъ 3-го Іюля 1609 года, жалуются, что на нихъ за доносъ на Дѣвочкина, архимандритъ и соборные старцы положили ненависть и морятъ ихъ всякими нуждами, голодомъ и жаждою, а сами соборные старцы ѣдятъ съ своими заговорщиками и пьютъ по кельямъ, по старому, по вся дни. А ратныхъ людей, дворянъ и дѣтей боярскихъ и слугъ монастырскихъ соборные старцы очень оскорбили». Долгорукій писалъ въ Москву къ Палицыну: «въ старцахъ, знаю въ какихъ, большая ссора: послѣ Осифова дѣла всякую смуту начали и міръ возмутили». Но большая ссора была и между двумя воеводами; Долгорукій пишетъ Аврамію: «За четыре дня до приступа пришелъ ко мнѣ монастырскій слуга Михайла Павловъ и говоритъ: Ты готовишься на воровъ, а Алексѣй Голохвастовъ на тебя наущаетъ, говоритъ старцу Малахею Ржевитину: поди къ слугамъ, которымъ вѣришь и къ мужикамъ Клементьевскимъ, говори имъ, что намъ отъ князя Григорія, въ осадѣ сидя, всѣмъ погибнуть, и намъ надъ княземъ Григоріемъ надобно какъ-нибудь промыслить, ключи бы у него городовые отнять. И я, князь Григорій, услыша такое слово, началъ говорить дворянамъ, головамъ, сотникамъ, дѣтямъ боярскимъ и всякимъ ратнымъ людямъ: мы готовимся на враговъ, а только Алексѣй такое слово говорилъ, то у насъ въ святомъ мѣстѣ будетъ дурно. Услыхавъ это, Алексѣй началъ запираться; и старецъ Малахея передъ дворянами заперся, что такого слова у Алексѣя не слыхалъ, но потомъ прислалъ ко мнѣ сказать: виноватъ я, князь Григорій Борисовичъ, въ томъ, что сперва заперся, потому что еслибы я сталъ говорить, то была бы у васъ большая смута, а если Богъ дастъ благополучное время, то я ни въ чемъ передъ государемъ не запрусь; и въ другой разъ присылалъ онъ ко мнѣ съ тѣмъ же словомъ.

А прежде, какъ я схватилъ вора Іосифа Дѣвочкина, то Алексѣй говорилъ монастырскимъ слугамъ, призвавши ихъ къ себѣ въ седьмомъ часу ночи: пожалуйста не выдавайте казначея князю Григорію. А какъ я пошелъ пытать казначея, то Алексѣй велѣлъ сбить съ города всѣхъ мужиковъ. Я послалъ провѣдать слугу, и тотъ, возвратившись, сказалъ: площадь полна мужиковъ съ оружіемъ изъ съѣзжей избы. И я мужиковъ отговорилъ отъ мятежа и пошелъ пытать казначея; но Алексѣй у пытки ни за какое дѣло не принялся, и то его нерадѣнье видѣли многіе дворяне и дѣти боярскіе и всякіе ратные люди и мнѣ о томъ послѣ говорили: за чѣмъ это Алексѣй съ тобою къ такому великому дѣлу не принялся»?—Тоже самое доносили и старцы въ упомянутой выше грамотѣ.

Заступленіе Голохвастова за Дѣвочкина, обвиненнаго въ измѣнѣ, умыселъ отнять у Долгорукаго городовые ключи, дали поводъ смотрѣть и на Голохвастова какъ на участника въ измѣнѣ казначея, дали поводъ думать, что второй воевода хочетъ прибрать къ своимъ рукамъ ключи для того, чтобъ отпереть непріятелю входъ въ монастырь. Палицынъ прямо обвиняетъ Голохвастова въ согласіи съ Дѣвочкинымъ, говоритъ, что этотъ воевода снесся съ врагами и назначилъ день, въ который хотѣлъ предать имъ монастырь такимъ образомъ: когда осажденные сдѣлаютъ вылазку, Голохвастовъ хотѣлъ затворить ворота и предать вышедшихъ на жертву Полякамъ, впустивъ въ то же время непріятеля другимъ входомъ въ монастырь. Изъ связи разсказа Палицына выходитъ, что Дѣвочкинъ, признавшись на пыткѣ въ собственной измѣнѣ, обговорилъ соучастниковъ, и въ томъ числѣ Голохвастова: «Нетерпѣливъ въ крѣпкихъ явился Іосифъ, все потонку умышленное объявилъ, и странно было слышать треснутіе думы Іудиной. Не напрасно Оська Селевинъ отскочилъ; не одного его, но и четверыхъ невѣждъ поселянъ также послалъ за нимъ, Полякамъ весь предался и другихъ не мало прельстилъ. Его лукавству и второй воевода Алексѣй Голохвастовъ потаковникъ былъ, и уже

сослался и проч. Но здѣсь должно замѣтить, во первыхъ, что самъ Палицынъ ослабляетъ довѣріе къ своимъ показаніямъ, умалчивая о подробностяхъ, закрывая истину слогомъ витіеватымъ, выраженіями темными; такъ до открытія упомянутыхъ грамотъ Долгорукаго и старцевъ никто не могъ догадаться о пыткѣ, которой былъ подвергнутъ Дѣвочкинъ, и которую Палицыну благоугодно было обозначить словомъ: крѣпкія: «нетерпѣливъ въ крѣпкихъ явился Іосифъ» Потомъ, еслибы осажденные довѣдались объ измѣнѣ послѣдняго какимъ-нибудь другимъ образомъ, то и Долгорукій, и старцы, въ своихъ донесеніяхъ въ Москву, не преминули бы довести объ этомъ до свѣдѣнія царя и Палицына; но въ упомянутыхъ донесеніяхъ ни слова не говорится объ измѣнѣ Голохвастова и о подробностяхъ замысла, какъ ихъ приводитъ Палицынъ. Долгорукій заключаетъ свое донесеніе Палицыну о поведеніи Голохвастова слѣдующими словами: «А къ государю о томъ я до сихъ поръ не пишу, потому что, по грѣхамъ, осада продлилась, и я здѣсь безсемеенъ: и если, Авраамій Ивановичъ, осада еще вдаль продлится, то тебѣ бы пожаловать, о томъ государю извѣстить, чтобы въ монастырѣ святому мѣсту какой нибудь вредъ не учинился. А про Алексѣя, въ осадѣ, вѣдаютъ многіе люди, что Алексѣй дѣла недѣлаетъ, только ссору чинитъ, и если все объ немъ писать, то и въ письмѣ не помѣстится. Такъ тебѣ бы, господинъ, порадѣть о святомъ мѣстѣ». Въ другой грамотѣ къ тому же Палицыну Долгорукій пишетъ: «Пожалуй государь Авраамій Ивановичъ, извѣсти государю тайно, что здѣсь въ осадѣ ссору дѣлаетъ большую Алексѣй Голохвастовъ, чтобы государь пожаловалъ, на просухѣ прислалъ сюда вѣрныхъ человѣкъ сто, и про него велѣлъ бы сыскать и велѣлъ бы его къ Москвѣ взять. И если государь пожалуетъ, будетъ ко мнѣ, холопу своему, о томъ писать, то онъ бы государь пожаловалъ, ко мнѣ отписалъ тайно». Изъ этихъ словъ оказывается, что Долгорукій боялся явно дѣйствовать противъ Голохвастова, у котораго было много приверженцевъ,

съ которымъ, какъ видно, одинаково думали архимандритъ и соборные старцы. Въ то время, когда Шуйскаго мало уважали, ибо отъ гнѣва его всегда можно было найдти убѣжище у царя Тушинскаго, въ то время одного приказа изъ Москвы было недостаточно для смѣны воеводы, нужно было прислать сто человѣкъ вѣрныхъ людей и поступить съ большою осторожностію и тайною.

Но упомянутыя грамоты Долгорукаго и старцевъ не дошли въ Москву; Голохвастовъ остался воеводою до конца осады и не обнаружилъ попытки къ измѣнѣ; сто человѣкъ вѣрныхъ не были присланы изъ Москвы, и дѣло осталось неразвѣданнымъ, вслѣдствіе чего и намъ теперь трудно обвинить Голохвастова, ибо прямое обвиненіе Палицына ослабляется молчаніемъ враговъ Голохвастова и самымъ характеромъ Палицынскаго повѣствованія, мало внушающимъ довѣрія. Трудно также обвинить рѣшительно и Дѣвочкина, потому что собственному признанію, вынужденному пыткою, вѣрить нельзя; двое соучастниковъ казначея, Гриша Брюшина и Худякъ умерли, не объяснивъ ничего. Разсказываютъ, что Дѣвочкинъ самъ открылъ свои замыслы Гурію Шишкину, но опять характеръ этого Гурія накидываетъ подозрѣніе на справедливость его доноса. Видно, что Шишкинъ былъ клевретъ Палицына; такъ онъ пишетъ послѣднему въ Москву: «Государю келарю старцу Авраамію, великаго твоего жалованья вскормленникъ и богомолецъ чернецъ Гурій Шишкинъ». Изъ этой же грамоты видно, что Гурій, обвиняя казначея Кочергина и старцевъ въ расхищеніи монастырской казны, добивался самъ казначейскаго мѣста, которое хотѣлъ получить чрезъ Палицына и Шуйскаго, мимо старцевъ, враговъ своихъ; просилъ, чтобы грамота о его назначеніи въ должность была прислана на имя Долгорукаго, тайно отъ старцевъ. Мы не разъ упоминали о грамотѣ къ Шуйскому, написанной отъ имени нѣкоторыхъ Троицкихъ старцевъ съ доносомъ на Голохвастова, архимандрита и соборныхъ старцевъ. Но эта грамота также подозрительна: она написана отъ имени нѣсколькихъ стар-

цевъ или, лучше сказать, всѣхъ: «Царю государю и великому князю Василью Ивановичу всея Руси, твоего государева богомолья Живоначальныя Троицы Сергіева монастыря священницы и братія Бога молятъ и челомъ бьютъ». Но въ концѣ грамоты читаемъ слѣдующее: «Да въ монастырѣ смута большая отъ королевы (Ливонской) старицы Мареы: тебя, государь, поноситъ праздными словами, а вора называетъ прямымъ царемъ и себѣ братомъ; вмѣщаетъ давно то смутное дѣло въ черныхъ людей. А какъ воры сперва пришли въ монастырь, то на первой вылазкѣ казначей отпустилъ къ вору монастырскаго дѣтину Оську Селевина съ своими воровскими грамотами, что онъ монастыремъ промышляетъ, хочетъ сдать, а та королева, съ тѣмъ же дѣтиною послала свои воровскія грамоты, что промышляетъ съ казначеемъ за одно, писала къ вору, называя его братомъ, и Литовскимъ панамъ, Сапѣгѣ съ товарищами, писала челобитье: спасибо вамъ, что вы вступились за брата моего, Московскаго государя царя Димитрія Ивановича; также писала въ большіе таборы къ пану Рожинскому съ товарищи. А къ Іосифу Дѣвочкину посылаетъ по вся дни съ пирогами, блинами и съ другими разными приспѣхами и съ оловяниками, а меды беретъ съ твоихъ же царскихъ обиходовъ, съ Троицкаго погреба; и люди королевины живутъ у него безвыходно и топятъ на него бани еженедѣльно, по ночамъ. И я, богомолецъ твой, королевѣ о томъ говорилъ, что она къ твоему государеву измѣннику по вся дни съ питьемъ и ѣдою посылаетъ: и королева за это положила на меня ненависть, и пишетъ къ тебѣ государю на меня ложно, будто бы я ее безчестилъ: и тебѣ бы государю пожаловать, о томъ свой царскій указъ учинить, чтобъ отъ ея безумія святому мѣсту какая опасность не учинилась». Странно, какъ вдугъ братія Троицкаго монастыря превратилась въ одного богомольца! Кто же этотъ богомолецъ? отгадать не трудно: прежде въ той же грамотѣ говорится, что на нихъ старцевъ или на него, богомольца, архимандритъ и соборные старцы положили ненависть за

доносъ на Дѣвочкина; но мы знаемъ, что доносчикомъ былъ Гурій Шишкинъ. Такимъ образомъ обвинители Дѣвочкина и Голохвастова, сами дѣйствуя не чисто, лишаютъ себя довѣренности [88].

Но какъ бы то ни было, какія бы ни были поползновенія къ измѣнѣ, Троицкій монастырь держался, тогда какъ другіе города сѣверной части Московскаго государства легко доставались въ руки Тушинцамъ. Но и здѣсь успѣхъ послѣднихъ не былъ продолжителенъ. Мы видѣли, что борьба, которою знаменуется смутное время, происходила собственно между противуобщественнымъ и общественнымъ элементами, между казаками, бездомовниками, людьми недовольными своимъ состояніемъ и стремящимися жить на счетъ другихъ, на счетъ общества, — и людьми земскими, охранителями порядка государственнаго. Въ этомъ отношеніи область Московскаго государства дѣлилась на двѣ части—южную и сѣверную. Въ южной части, Украйнѣ, прилегавшей къ степи и границѣ Литовской, преобладалъ элементъ казацкій, здѣсь города по преимуществу носили характеръ военныхъ укрѣпленій, сюда стекались изо всего государства люди безпокойные, не могшіе оставаться по разнымъ причинамъ на прежнихъ мѣстахъ жительства. Сѣверныя же области, давно уже спокойныя, были, относительно южныхъ, въ цвѣтущемъ состояніи: здѣсь мирные промыслы не были прерываемы Татарскими нашествіями, здѣсь сосредоточивалась дѣятельность торговая, особенно съ тѣхъ поръ, какъ открылся Бѣломорскій торговый путь, однимъ словомъ, сѣверныя области были самыя богатыя, и въ ихъ народонаселеніи преобладали земскіе люди, люди преданные мирнымъ выгоднымъ занятіямъ, желающіе охранить свой трудъ и его слѣдствія, желающіе порядка и спокойствія. Элементъ противуобщественный дѣйствовалъ во имя царя Тушинскаго; но къ несчастію, у людей земскихъ не было представителя, ибо и въ самой Москвѣ, тѣмъ болѣе въ областяхъ, послѣ недавнихъ страшныхъ и странныхъ событій, господствовала смута, шатость, сомнѣніе;

этимъ состояніемъ, отнимавшимъ руки у земскихъ людей, воспользовались Тушинцы и овладѣли многими сѣверными городами. Прежде другихъ захваченъ былъ Суздаль: здѣсь жители хотѣли было обороняться, но вокругъ какого-то Меншика Шилова собрались люди, которые начали цѣловать крестъ царю Димитрію. Мы видѣли уже, какъ въ смутное время могущественно дѣйствовалъ на нерѣшительную толпу первый примѣръ, первый сильный голосъ: весь городъ послѣдовалъ примѣру Шилова, волею и неволею, не сопротивлялся и архіепископъ. Въ Суздалѣ засѣлъ Лисовскій, опустошая окрестную страну. Владимиръ былъ увлеченъ Иваномъ Ивановичемъ Годуновымъ: крѣпко стоя подъ Кромами за родственника своего противъ перваго Лжедимитрія, Годуновъ не хотѣлъ теперь стоять за Шуйскаго; онъ не послушался царскаго указа, не поѣхалъ въ Нижній, остался во Владимирѣ и привелъ его жителей къ присягѣ самозванцу, хотя сначала, подобно Суздальцамъ, и они хотѣли было сѣсть въ осадѣ. Но Переяславцы, едва только отряды Сапѣгина войска показались предъ ихъ городомъ, присягнули самозванцу и, вмѣстѣ съ Тушинцами, двинулись на Ростовъ. Ростовцы, по словамъ современнаго извѣстія, жили просто, совѣту и обереганья не было; они хотѣли бѣжать далѣе на сѣверъ всѣмъ городомъ, но были остановлены митрополитомъ своимъ, Филаретомъ Никитичемъ Романовымъ, и воеводою Третьякомъ Сеитовымъ, который собралъ нѣсколько тысячъ войска, напалъ съ нимъ на Сапѣгиныхъ казаковъ и Переяславцевъ, но былъ разбитъ, бѣжалъ въ Ростовъ и тамъ упорно защищался еще три часа. Одолѣвъ наконецъ воеводу, казаки и Переяславцы ворвались въ соборную церковь, гдѣ заперся Филаретъ съ толпами народа и, несмотря на увѣщанія митрополита, вышедшаго съ хлѣбомъ и солью, выбили двери, перебили множество людей, поругали святыню; самъ лѣтописецъ говоритъ, что все это было сдѣлано не Литовскими людьми, а своими, Переяславцами: такой поступокъ послѣднихъ трудно объяснить иначе, какъ исторической враждою Переяс-

славля къ Ростову. Филарета съ безчестіемъ повезли въ Тушино, гдѣ ждали его почести еще болѣе унизительныя, чѣмъ прежнее поруганіе: самозванецъ, изъ уваженія къ его родству съ мнимымъ братомъ своимъ, царемъ Ѳеодоромъ, объявилъ его Московскимъ патріархомъ, и Филаретъ долженъ былъ изъ Тушина разсылать грамоты по своему патріаршеству, т. е. по областямъ, признававшимъ самозванца. Такъ дошла до насъ его грамота къ Сапѣгѣ объ освященіи церкви; она начинается: «Благословеніе великаго господина, преосвященнаго Филарета, митрополита Ростовскаго и Ярославскаго, нареченнаго патріарха Московскаго и всея Руси».

Ростовскіе бѣглецы смутили и напугали жителей Ярославля, лучшіе изъ которыхъ, покинувъ домы, разбѣжались, остальные съ воеводою своимъ, княземъ Ѳедоромъ Борятинскимъ, отправили повинную въ Тушино: «Милость, государь, надъ нами, надъ холопами своими, покажи, вину нашу намъ отдай, что мы противъ тебя государя стояли, по грѣху своему невѣдаючи; а прельщали насъ, холопей твоихъ, твои государевы измѣнники, которые надъ тобою умышляли, сказывали намъ, что тебя на Москвѣ убили; и въ томъ мы передъ тобою виноваты, что тѣмъ твоимъ государевымъ измѣнникамъ повѣрили; смилуйся надъ нами, вину нашу намъ отдай: а мы тебѣ государю ради служить и въ всемъ прямить и за тебя, прирожденнаго государя умереть; смилуйся пожалуй, чтобы мы на твою царскую милость были надежны». Послѣ этого Борятинскій послалъ въ Вологду къ тамошнему воеводѣ Пушкину наказъ и цѣловальную запись: Пушкинъ присягнулъ, по примѣру Борятинскаго; послѣдній отправилъ наказъ въ Тотьму, и Тотмичи «отъ нужды со слезами крестъ цѣловали». Въ Тотьмѣ присягнулъ вору и Козьма Даниловичъ Строгановъ, но въ тоже время, собирая ночью дѣтей боярскихъ и лучшихъ людей, читалъ имъ увѣщательныя грамоты царя Московскаго. Кого было слушать, на что̀ рѣшиться? двадцать два города присягнули царю Тушинскому, по большей части неволею,

застигнутые въ расплохъ, увлекаемые примѣромъ, въ тяжкомъ недоумѣніи, на чьей сторонѣ правда? (Октябрь 1608).

Но скоро изъ этого недоумѣнія земскіе люди, жители сѣверныхъ городовъ и селъ были выведены поведеніемъ Тушинцевъ. Одинъ изъ послѣднихъ, описывая приходъ Польскихъ отрядовъ на помощь Лжедимитію, говоритъ: «удивительное дѣло, что чѣмъ больше насъ собиралось, тѣмъ меньше мы дѣла дѣлали, потому что съ людьми умножились между ними и партіи». Сапѣга и Лисовскій дѣйствовали отдѣльно: нашлись люди, которые на зло гетману Рожинскому, и вопреки рѣшенію кола, хотѣли ввести опять Мѣховецкаго въ войско, и тотъ пріѣхалъ въ Тушино. Рожинскій, узнавъ объ этомъ, послалъ сказать ему, чтобъ выѣхалъ немедлѣно, иначе онъ прикажетъ его убить; Мѣховецкій скрылся у царя въ домѣ, но Рожинскій пришелъ туда самъ пятъ, собственноручно схватилъ Мѣховецкаго, и велѣлъ своимъ провожатымъ убить его, что они и сдѣлали. Самозванецъ сердился, но молчалъ, ибо Рожпнскій велѣлъ сказать, что и ему свернетъ голову. Но не такъ могли повредить Лжедимитрію партіи въ Тушинѣ, какъ поведеніе его сподвижниковъ, которые прежде всего думали о деньгахъ и требовали ихъ у своего царя. Тотъ просилъ, чтобъ подождали, но напрасно: взяли у него разряды и велѣли писать по городамъ грамоты, которыми налагались новыя подати; съ этими грамотами отправили въ каждый городъ по Поляку и по Русскому; главнымъ зачинщикомъ этого дѣла былъ Андрей Млоцкій. Сперва самозванецъ разсылалъ къ покорившимсягородамъ похвальныя грамоты, обѣщалъ дворянамъ и всѣмъ служилымъ людямъ царское жалованье, деньги, сукна, помѣстья, духовенству же и остальнымъ жителямъ тарханныя грамоты, по которымъ никакія царскія подати не будутъ съ нихъ собираться. И вдругъ, вслѣдствіе распоряженій Млоцкаго съ товарищами, пришли грамоты, требующія сильныхъ поборовъ. Когда въ Вологдѣ прочли эти грамоты предъ всѣмъ народомъ, то Вологжане противъ грамотъ ничего не сказали, только многіе заплакали и тихонько го-

ворили другъ другу: «хотя мы ему и крестъ цѣловали, но только бы Богъ свой праведный гнѣвъ отвратилъ, далъ бы побѣду государю Василію Ивановичу, то мы всею душею рады головами служить, пусть только другіе города — Устюгъ, Усолье и Поморскіе намъ помогутъ». Устюжане, по своему отдаленному положенію, имѣли время собрать свѣдѣнія, подумать, посовѣтоваться. Пріѣзжіе изъ Ярославля и Вологды разсказывали имъ о неохотной присягѣ народа Тушинскому царю, о хищности Тушинцевъ, объ угнетеніяхъ, которымъ подвергаются присягнувшіе; говорили, что города ждутъ только помощи, чтобъ возстать противъ притѣснителей, что цѣлость Московскаго государства, которою держался нарядъ въ землѣ, нарушена, что возобновляется прежнее страшное время удѣловъ: «которые города возьмутъ за щитомъ, или хотя и волею крестъ поцѣлуютъ, тѣ всѣ города отдаютъ панамъ на жалованье, въ вотчины, какъ прежде удѣлы бывали». Ярославцы послали въ Тушино 30,000 рублей, обязались содержать 1,000 человѣкъ конницы; но этими пожертвованіями не избавились отъ притѣсненія; Поляки врывались въ домы знатныхъ людей, въ лавки къ купцамъ, брали товары безъ денегъ, обижали простой народъ на улицахъ. Наслушавшись такихъ разсказовъ, Устюжане рѣшились не цѣловать креста тому, кто называется царемъ Димитріемъ (самозванцемъ они его назвать не могли, потому что не знали ничего вѣрнаго), а стоять накрѣпко и людей собирать со всего Устюжскаго уѣзда. Съ извѣстіемъ о рѣшеніи своемъ они тотчасъ послали къ Вычегодцамъ, убѣждая тамошнихъ начальныхъ людей снестись съ Строгановыми, Максимомъ Яковлевичемъ и Никитою Григорьевичемъ — «что ихъ мысль? хотятъ ли они съ нами Устюжанами стоятъ крѣпко о томъ дѣлѣ и совѣтъ съ нами крѣпкій о томъ дѣлѣ держатъ ли?» — и, въ случаѣ согласія, требовали присылки человѣкъ пяти, шести или десяти для совѣта. Грамоту свою Устюжане оканчиваютъ слѣдующими словами, изъ которыхъ видно, что особенно побуждало ихъ стоять крѣпко противъ Тушин-

скаго царя: «А въ Ярославлѣ правятъ по осьмнадцати рублей съ сохи; а у торговыхъ людей у всѣхъ товары всякіе переписали и въ полки отсылаютъ.» Не получая отвѣта отъ Вычегодцевъ, Устюжане послали къ нимъ вторую грамоту, въ которой извѣщаютъ объ успѣхѣ Шуйскаго, жалуются на долгое молчаніе и заключаютъ грамоту опять любопытными словами, изъ которыхъ всего лучше видно тогдашнее состояніе умовъ: «Да и то бы вы помыслили, на чемъ мы государю царю Василію Ивановичу душу дали: если послышимъ, что Богъ послалъ гнѣвъ свой праведный на всю Русскую землю, то еще до насъ далеко, успѣемъ съ повинною послать». Устюжане убѣждаютъ Вычегодцевъ не цѣловать креста Димитрію, потому что если они теперь поцѣлуютъ, по грамотѣ Вологодскаго воеводы Пушкина, то вся честь будетъ приписана ему, а не имъ; грамота заключается такъ: «Пожалуйста помыслите съ міромъ крѣпко, а не спѣшите крестъ цѣловать: не угадать, на чемъ совершится».

Въ томъ же духѣ писалъ Нижегородскій игуменъ Іоиль къ игумену Тихоновой пустыни Іонѣ, чтобъ тотъ убѣждалъ жителей Балахны не отставать отъ Нижегородцевъ, рѣшившихся держаться того царя, который будетъ на Москвѣ: «чтобъ христіанская неповинная кровь не лилась, а были бы Балахонцы и всякіе люди, по прежнему, въ одной мысли съ Нижегородцами, и прислали бы на договоръ лучшихъ людей, сколько человѣкъ пригоже, а изъ Нижняго мы къ вамъ пришлемъ также лучшихъ людей; говорить бы вамъ съ ними о томъ: кто будетъ на Московскомъ государствѣ государь, тотъ всѣмъ намъ и вамъ государь; а до тѣхъ бы поръ мы на васъ не посылали, а вы къ Нижнему ратью не приходили, ѣздили бы Балахонцы въ Нижній со всѣмъ, что у кого есть, по прежнему, а Нижегородцы бы ѣздили къ вамъ, на Балахну; да сослались бы съ нами о добромъ дѣлѣ, а не о крестномъ цѣлованіи». Дѣйствительно, людямъ спокойнымъ тяжелый вопросъ о томъ, кому цѣловать крестъ, представлялся недобрымъ дѣломъ, нарушавшимъ спокойствіе и всѣ добрыя сношенія между жите-

лями одного государства. Въ то время, какъ нѣкоторые города переписывались, уговаривая другъ друга подождать, не спѣшить присягою царю Тушинскому, жители Желѣзопольской Устюжны показали примѣръ геройскаго сопротивленія. 6 декабря 1607 года пришла къ нимъ грамота отъ Бѣлозерцевъ о совѣтѣ, чтобъ вѣры христіанской не попрать, за домъ Богородицы, за царя Василія и другъ за друга головы сложить, а Польскимъ и Литовскимъ людямъ не сдаться. Жители Устюжны обрадовались такому совѣту и послали на Бѣлоозеро подобную же грамоту. Въ это время пріѣхали посланцы изъ Тушина кормовъ править: устюженцы имъ отказали и отослали ихъ на Бѣлоозеро, а сами рѣшили сѣсть въ осадѣ, хотя острога и никакой крѣпости у нихъ не было. Они послали въ уѣзды по бояръ и дѣтей боярскихъ, поцѣловали крестъ въ соборной церкви не сдаваться Литвѣ, и выбрали себѣ въ головы Солменя Отрепьева, да Богдана Перскаго, да прикащика Алексѣя Суворова, потому что на Устюжнѣ воеводы тогда не было; но потомъ пріѣхалъ изъ Москвы Андрей Петровичъ Ртищевъ, и Устюженцы выбрали его себѣ воеводою; тогда же пришелъ съ Бѣлаозера къ нимъ на помощь Ѳома Подщипаевъ съ 400 человѣкъ».

Заслышавши о приближеніи Поляковъ, Черкасъ и Русскихъ воровъ, Ртищевъ выступилъ съ войскомъ къ нимъ на встрѣчу, но не хотѣлъ идти далеко, говоря, что Литва и Нѣмцы въ ратномъ дѣлѣ искусны и идутъ съ большимъ войскомъ. Ратные люди съ нимъ не согласились: «Пойдемъ, кричали они, противъ злыхъ супостатъ, умремъ за св. Божіи церкви и за вѣру христіанскую!» Воевода долженъ былъ двинуться впередъ и 5 января 1608 года встрѣтился съ Литвою при деревнѣ Батневкѣ: Устюженцы и Бѣлозерцы, не имѣя никакого понятія о ратномъ дѣлѣ, по словамъ современника, были окружены врагами и посѣчены какъ трава. Ртищевъ спасся бѣгствомъ въ Устюжну и не зналъ, что дѣлать? ратные люди побиты, подъ Москвою Литва, подъ Новгородомъ Литва, на Устюжнѣ нѣтъ

никакихъ укрѣпленій. Не смотря на такое отчаянное положеніе дѣла, Устюженцы и Бѣлозерцы, оставшіеся отъ пораженія, собрались и рѣшили: «Лучше намъ померетъ за домъ Божія Матери и за вѣру христіанскую на Устюжнѣ». На ихъ счастіе Поляки возвратились отъ Батневки назадъ: этимъ воспользовались Устюженцы и стали дѣлать острогъ день и ночь, рвы копали, надолбы ставили, пушки и пищали ковали, ядра, дробь, подметныя каракули и копья готовили; Скопинъ прислалъ пороху и 100 человѣкъ ратныхъ людей. Но вслѣдъ за ними прискакали подъѣздные люди съ вѣстію, что Поляки подъ начальствомъ Казаковскаго, идутъ подъ Устюжну, и дѣйствительно 3-го февраля караульные увидали съ башенъ непріятеля, и Литву и Черкасъ и Нѣмцевъ и Татаръ и Русскихъ людей. Какъ дождь напустили они на острогъ; осажденные съ крикомъ: «Господи помилуй!» начали отстрѣливаться и дѣлать вылазки. Непріятель отступилъ, но въ полдень опять двинулся на приступъ, и опять долженъ былъ отступить. Въ послѣдній часъ ночи Поляки повели новый приступъ: но горожане отбили и его, сдѣлали вылазки, отняли у осаждающихъ пушку и прогнали за четыре версты отъ города. 8 февраля, получивъ подкрѣпленіе, Поляки снова приступили къ Устюжнѣ съ двухъ сторонъ и снова были прогнаны съ большимъ урономъ, послѣ чего уже не возвращались. Какъ ясно видно изъ разсказа объ осадѣ Устюжны, горожанъ подкрѣпляло религіозное одушевленіе. До сихъ поръ 10 февраля празднуютъ они спасеніе своего города отъ Поляковъ крестнымъ ходомъ, въ которомъ носятъ чудотворную икону Богородицы.

Повсюду поведеніе Тушинцевъ все менѣе и менѣе давало возможности выбора между двумя царями—Московскимъ и Тушинскимъ. Поборамъ не было конца: изъ Тушина пріѣзжалъ одинъ съ требованіемъ всякихъ товаровъ, за нимъ изъ Сапѣгина стана другой съ тѣми же требованіями; воеводы не знали, кому удовлетворять, а удовлетворить всѣмъ было слишкомъ тяжко, если не совершенно невозможно; воеводы требовали грамотъ за подписью царскою, въ от-

вѣтъ получали ругательства. Сапѣга игралъ важную роль: къ нему воеводы обращались съ челобитными; такъ Ярославскій воевода, князь Борятинскій писалъ ему: тебѣ бъ, господинъ, надо мною смиловаться, и у государя быть обо мнѣ печальникомъ. Я послалъ къ тебѣ челобитеньку о помѣстьѣ: такъ ты бы пожаловалъ, у государя мнѣ помѣстьице выпросилъ, а я на твоемъ жалованьѣ много челомъ бью и радъ за это работать, сколько могу.» Но не одни денежные поборы выводили народъ изъ терпѣнія: страшнымъ неистовствомъ ознаменовывали свои походы Тушинцы, и не Поляки, потому что эти иноземцы пришли въ Московское государство только за добычею; они были равнодушны къ явленіямъ, въ немъ происходившимъ, а равнодушіе, холодность, не увлекаютъ къ добру, не увлекаютъ также и къ крайностямъ въ злѣ; поэтому у Поляковъ не было побужденія свирѣпствовать въ областяхъ Московскихъ: они пришли за добычею, за веселою жизнію, для которой имъ нужны были деньги и женщины; и буйство ихъ не заходило далѣе грабежа и похищенія женщинъ, крови имъ было не нужно; поживши весело на чужой сторонѣ, попировавши на чужой счетъ, въ случаѣ неудачи, они возвращались домой и тѣмъ все оканчивалось: дѣло не шло о судьбѣ ихъ родной страны, объ интересахъ, близкихъ ихъ сердцу. Но не таково было положеніе Русскихъ Тушинцевъ, Русскихъ казаковъ бездомовниковъ. Русскій человѣкъ, передавшійся Лжедимитрію, пріобрѣтшій чрезъ это извѣстное значеніе, извѣстныя выгоды, терялъ все это, терялъ все будущее, въ случаѣ еслибы восторжествовалъ Шуйскій, и понятно, съ какимъ чувствомъ онъ долженъ былъ смотрѣть на людей, которые могли дать Шуйскому побѣду, на приверженцевъ Шуйскаго: онъ смотрѣлъ на нихъ, не какъ на соотечественниковъ, но какъ на заклятыхъ враговъ, могущихъ лишить его будущности, онъ могъ упрочить выгоды своего положенія, освободиться отъ страха за будущее, только истребляя этихъ заклятыхъ враговъ. Что же касается до казаковъ старыхъ и новыхъ, то, долго сдерживаясь госу-

дарствомъ, они теперь спѣшили отомстить ему, пожить на его счетъ; они видѣли заклятаго врага себѣ не въ одномъ воинѣ вооруженномъ, шедшемъ на нихъ подъ знаменемъ Московскаго царя: злаго врага себѣ они видѣли въ каждомъ мирномъ гражданинѣ, живущемъ плодами честнаго труда, и надъ нимъ-то истощали всю свою свирѣпость; имъ нужно было опустошить государство вконецъ, истребить всѣхъ не казаковъ, всѣхъ земскихъ людей, чтобы быть безопасными на будущее время Поэтому не удивительно читать въ современныхъ извѣстіяхъ, что свои свирѣпствовали въ описываемое время гораздо больше, чѣмъ иноземцы, Поляки, что когда послѣдніе брали въ плѣнъ приверженца Московскаго царя, то обходились съ нимъ милостиво, сохраняли отъ смерти; когда же подобный плѣнникъ попадался Русскимъ Тушинцамъ, то былъ немедленно умерщвляемъ самымъ звѣрскимъ образомъ, такъ что иноземцы съ ужасомъ смотрѣли на такое ожесточеніе, и, приписывая его природной жестокости народа, говорили: если Русскіе другъ съ другомъ такъ поступаютъ, то что же будетъ намъ отъ нихъ? Но они напрасно безпокоились. Съ своей стороны Русскіе не понимали хладнокровія Поляковъ, и видя, что они милостиво обходятся съ плѣнными, называли ихъ малодушными, бабами. Писатель современный съ изумленіемъ разсказываетъ, что Русскіе Тушинцы служили постоянно твердымъ щитомъ для малочисленныхъ Поляковъ, которые почти не участвовали въ сраженіяхъ; но когда дѣло доходило до дѣлежа добычи, то здѣсь Поляки были первые, и Русскіе безъ спора уступали имъ лучшую часть. Русскіе Тушинцы и казаки не только смотрѣли хладнокровно на оскверненіе церквей, на поруганіе сана священническаго и иноческаго, но и сами помогали иновѣрцамъ въ этомъ оскверненіи и поруганіи. Жилища человѣческія превратились въ логовища звѣрей: медвѣди, волки, лисицы и зайцы свободно гуляли по городскимъ площадямъ, и птицы вили гнѣзда на трупахъ человѣческихъ. Люди смѣнили звѣрей въ ихъ лѣсныхъ убѣжищахъ, скрывались въ пещерахъ,

непроходимыхъ кустарникахъ, искали темноты, желали скорѣйшаго наступленія ночи, но ночи были ясны: вмѣсто луны пожарное зарево освѣщало поля и лѣса, охота за звѣрями смѣнилась теперь охотою за людьми, которыхъ слѣды отыскивали гончія собаки; казаки если гдѣ не могли истребить сельскихъ запасовъ, то сыпали въ воду и грязь и топтали лошадьми; жгли дома, съ неистовствомъ истребляли всякую домашнюю рухлядь; гдѣ не успѣвали жечь домовъ, тамъ портили ихъ, разсѣкали двери и ворота, чтобы сдѣлать жилища неспособными къ обитанію. Звѣри поступали лучше людей, говоритъ тотъ же современникъ, потому что звѣри наносили одну тѣлесную смерть, Тушинцы же и Поляки вносили развратъ въ общество, похищая женъ отъ мужей и дѣвицъ отъ родителей; безнаказанность, удобство для порока, легкая отговорка, легкое оправданіе неволею, насиліемъ, наконецъ привычка къ сценамъ буйства и разврата, все это должно было усиливать безнравственность. Многія женщины, избѣгая безчестія, убивали себя, бросались въ рѣки съ крутыхъ береговъ; но за то многія, попавшись въ плѣнъ и будучи выкуплены изъ него родственниками, снова бѣжали въ станъ обольстителей, не могши разлучиться съ ними, не могши отвыкнуть отъ порока. Была безнравственность и другаго рода: нашлись люди, и даже въ санѣ духовномъ, которые воспользовались бѣдствіями общества для достиженія своихъ корыстныхъ цѣлей, покупая у враговъ общества духовныя должности цѣною денегъ и клеветы на людей вѣрныхъ своимъ обязанностямъ. Но такіе покупщики не долго могли пользоваться купленнымъ, потому что примѣръ ихъ возбуждалъ другихъ, которые наддавали цѣну на этомъ безнравственномъ аукціонѣ, въ слѣдствіе чего власти мѣнялись, рушилось уваженіе и довѣріе къ нимъ, и къ анархіи политической присоединилась анархія церковная.

Вотъ какія челобитныя получалъ тушинскій царь отъ своихъ подданныхъ: «Царю государю и великому князю Димитрію Ивановичу всея Руси бьютъ челомъ и кланяются

сироты твои государевы, бѣдные, ограбленные и погорѣлые крестьянишки. Погибли мы, разорены отъ твоихъ ратныхъ воинскихъ людей, лошади, коровы и всякая животина побрана, а мы сами жжены и мучены, дворишки наши всѣ выжжены, а что было хлѣбца ржанаго, и тотъ сгорѣлъ, а достальной хлѣбъ твои загонные люди вымолотили и развезли; мы, сироты твои, теперь скитаемся между дворовъ, пить и ѣсть нечего, помираемъ съ женишками голодною смертью, до на насъ же просятъ твои сотныя деньги и панской кормъ, стоимъ въ деньгахъ на правежѣ, а денегъ намъ взять негдѣ.» Изъ другаго мѣста писали: «пріѣзжаютъ къ намъ ратные люди Литовскіе, и Татары, и Русскіе люди, бьютъ насъ и мучатъ и животы грабятъ. Пожалуй насъ, сиротъ твоихъ, вели намъ дать приставовъ!» Изъ третьяго мѣста писалъ крестьянинъ: «Стоитъ у меня въ деревнѣ приставъ твой государевъ, панъ Мошницкій: насильствомъ взялъ онъ у меня сынишка моего къ себѣ въ таборы, а самъ каждую ночь пріѣзжаетъ ко мнѣ, меня изъ дворишка выбиваетъ, хлѣба не даетъ, а невѣстку у себя на постели насильствомъ держитъ». Но не отъ однихъ притѣсненныхъ дошли до насъ жалобы на притѣсненія. Суздальскій воевода Плещеевъ доносилъ Сапѣгѣ, что «во многихъ городахъ отъ великихъ денежныхъ поборовъ произошла смута большая, мужики заворовались и крестъ цѣловали Василію Шуйскому, оттого денегъ мнѣ сбирать скоро нельзя, не та пора стала, въ людяхъ смута великая.» Въ каждомъ письмѣ своемъ къ Сапѣгѣ Плещеевъ жалуется на казаковъ. Владимирскій воевода Вельяминовъ принужденъ былъ вооружиться противъ казаковъ или загонныхъ людей, опустошавшихъ Владимирскій уѣздъ. Посланный противъ нихъ отрядъ взялъ въ плѣнъ начальника грабителей—пана Наливайку, который, по словамъ Вельяминова, многихъ людей, дворянъ и дѣтей боярскихъ, побилъ до смерти, на колъ сажалъ, а женъ и дѣтей позорилъ и въ плѣнъ бралъ. Вѣсть о злодѣйствахъ Наливайки дошла и до Тушина и привела въ сильный гнѣвъ самозванца, который хорошо

видѣлъ, какъ вредятъ казаки успѣху его дѣла; онъ послалъ во Владимиръ приказъ немедленно казнить Наливайку, а Сапѣгѣ, просившему освободить его, писалъ выговоръ въ слѣдующихъ словахъ: «Ты дѣлаешь не гораздо, что о такихъ ворахъ упрашиваешь: тотъ воръ Наливайко нашихъ людей, которые намъ, великому государю, служили, побилъ до смерти своими руками, дворянъ и дѣтей боярскихъ и всякихъ людей, мужиковъ и жонокъ 93 человѣка. И ты бъ къ намъ впередъ за такихъ воровъ не писалъ и нашей царской милости имъ не выпрашивалъ; мы того вора Наливайку, за его воровство, велѣли казнить. А ты бъ такихъ воровъ впередъ сыскивалъ, а сыскавъ, велѣлъ также казнить, чтобы такіе воры нашей отчины не пустошили и христіанской истинной православной крови не проливали». Но распоряженія самозванца не помогали, и возстанія вспыхнули въ разныхъ мѣстахъ. Встали черные люди, начали собираться по городамъ и волостямъ: въ Юрьевцѣ Польскомъ собрались съ сотникомъ Ѳедоромъ Краснымъ, на Решмѣ подъ начальствомъ крестьянина Григорья Лапши, въ Балахнинскомъ уѣздѣ Ивана Кушинникова, въ Гороховцѣ Ѳедора Наговицына, на Холую Ильи Деньгина, — собрались и пошли въ Лухъ, тамъ Литовскихъ людей побили и пошли въ Шую; Лисовскій выслалъ противъ нихъ извѣстнаго намъ Суздальскаго воеводу Ѳедора Плещеева, но тотъ былъ разбитъ у села Данилова и бѣжалъ въ Суздаль. Возставшіе укрѣпились въ селѣ Даниловѣ острогомъ, но не могли имъ защититься отъ множества враговъ, пришедшихъ осаждать ихъ: послѣ многихъ боевъ острогъ былъ взятъ и много черныхъ людей погибло. Но это не прекратило возстанія: Галичъ, Кострома, Вологда, Бѣлоозеро, Устюжна, Городецъ, Бѣжецкій Верхъ и Кашинъ отложились отъ Тушина. Города не довольствовались однимъ сверженіемъ Тушинскаго ига, но, чтобы не подвергнуться ему снова, спѣшили вооружить какъ можно болѣе ратныхъ людей на защиту Москвы, и разсылали грамоты въ другіе города, убѣждая ихъ также вооружиться и разослать призывныя грамоты

далѣе; грамоты оканчивались такъ: «А не станете о такомъ великомъ государевѣ дѣлѣ радѣть, то вамъ отъ Бога и отъ государя не пробудетъ.» Вологжане писали, что они посадили въ тюрьму посланцевъ Лжедимитріевыхъ, у которыхъ вынули грамоты, а въ грамотахъ будто бы заключался наказъ: жителей побивать, имѣніе ихъ грабить, женъ и дѣтей отвозить плѣнниками въ Литву. Изъ Тотьмы писали, что и тамъ захватили Тушинцевъ, которые везли приказъ освобождать преступниковъ изъ тюремъ; задержанные сказывали въ допросѣ, какіе люди окружаютъ Тушинскаго царя, называли князя Звенигородскаго, князя Димитрія Тимоѳеевича Трубецкаго, дьяка Сафонова; объявили различныя мнѣнія на счетъ происхожденія Тушинскаго вора: такъ одни называли его сыномъ князя Андрея Курбскаго, нѣкоторые поповымъ сыномъ изъ Москвы съ Арбата, другіе же просто говорили: «Димитрій воръ, а не царевичъ прямой, а родиною не вѣдаю откуда». Съ другой стороны явилась въ сѣверныхъ городахъ грамота Московскаго царя съ увѣщаніемъ сохранять единство, собираться всѣмъ вмѣстѣ: «А если вскорѣ не соберутся, говорила грамота, а станутъ всѣ врознь жить, и сами за себя не станутъ, то увидятъ надъ собою отъ воровъ конечное разворенье, домамъ запустѣніе, женамъ и дѣтямъ поруганіе; и сами они себѣ будутъ, и нашей христіанской вѣрѣ и своему отечеству предатели». Увѣщевая сѣверное народонаселеніе собиратъся вмѣстѣ, Шуйскій однако, запертый въ Москвѣ, не имѣлъ возможности самъ распоряжаться движеніими возставшихъ, и отдавалъ на ихъ волю направленіе этого движенія: «можно вамъ будетъ пройти къ намъ къ Москвѣ, то идите не мѣшкая, на какое мѣсто лучше; а если для большаго сбора, захотите посождаться въ Ярославлѣ, то объ этомъ къ намъ отпишите. Если вамъ извѣстно про боярина нашего и воеводу Ѳедора Ивановича Шереметева съ товарищами, то вы бы къ нему на встрѣчу кого-нибудь послали, чтобъ ему съ вами же вмѣстѣ сходиться.» Въ заключеніе царь увѣдомляетъ, что въ Москвѣ все благополучно, что войско

желаетъ биться съ ворами, и что въ воровскихъ полкахъ многіе прямятъ ему, Шуйскому, но надъ Литовскими людьми хотятъ промышлять, изождавъ время. Скопинъ-Шуйскій, съ своей стороны, присылалъ грамоты, въ которыхъ извѣщалъ о немедленномъ выступленіи своемъ съ сильною помощію Шведскою.

Вычегодцы и четверо Строгановыхъ отправили къ Москвѣ отрядъ исправно вооруженныхъ людей. Возставшіе города, озлобленные на Тушинцевъ, мучили и били ихъ; Тушинцы не оставались у нихъ въ долгу; такъ когда Лисовскій овладѣлъ Костромою вторично, то страшно опустошилъ ее; Галичъ былъ также снова взятъ Тушинцами. Въ Вологдѣ готовились къ упорной оборонѣ, не смотря на то, что между нею и другими сѣверными городами возникла распря. Въ Вологдѣ оставались, по старому, воевода Пушкинъ и дьякъ Вороновъ, которые прежде присягнули Димитрію; поэтому другіе города не хотѣли сноситься съ ними, а писали прямо къ міру. Вологжане обидѣлись такимъ недовѣріемъ и писали къ Устюжанамъ: «Пишете къ намъ о совѣтѣ, о государевомъ ратномъ и земскомъ дѣлѣ, а къ воеводѣ и къ дьяку не пишете; но воевода и дьякъ у государевыхъ и у земскихъ дѣлъ живутъ по прежнему и о всякихъ дѣлахъ съ нами радѣютъ вмѣстѣ единомышленно; и насъ беретъ сомнѣнье, что вы къ нимъ о совѣтѣ не пишете». Тотмичи не удовольствовались тѣмъ, что называли измѣнниками воеводу и дьяка, но обратили это названіе и на всѣхъ Вологжанъ. Ратные люди, собравшіеся въ Вологдѣ изъ разныхъ городовъ, писали къ Вычегодцамъ, что Вологжане всѣмъ имъ иногородцамъ, и на оборотъ, иногородцы Вологжанамъ крестъ цѣловали стоять крѣпко и другъ друга не выдавать, изъ города безъ совѣта мірскаго не выйти; но что происходитъ смута большая отъ Тотмичей, которые воеводу, дьяка и всѣхъ Вологжанъ называютъ измѣнниками, и пишутъ въ Вологду къ воеводѣ и къ міру съ бранью, на раздоръ, а не на единомысліе, утверждая, что Устюжане и Усольцы научаютъ ихъ такъ писать. «И вы

бы, господа, продолжаютъ иногородцы, посовѣтовавшись съ Устюжанами, отписали къ Тотмичамъ, чтобъ они на смуту и на раздоръ въ Вологду не писали бездѣльно. А мы на Вологдѣ до сихъ поръ измѣны никакой не знаемъ, и гдѣ въ комъ свѣдаемъ измѣну, тѣхъ людей захватываемъ и крѣпкими пытками пытаемъ, и по сыску и по винѣ, кто доведется, измѣнниковъ и казни предаемъ, съ Вологжанами вмѣстѣ». Но Тотмичи и жители другихъ городовъ считали себя въ правѣ называть Пушкина измѣнникомъ: они перехватили одного Тушинца, который съ пытки объявилъ имъ: «Съ Вологды Никита Пушкинъ пишетъ въ полки къ вору: я де вамъ Вологду сдамъ; треть жителей стоитъ, а два жеребья сдаются, и какъ придете, то мы Вологду сдадимъ». Пермичи не помогали общему дѣлу: на нихъ видно подѣйствовали слова Устюжанъ, писавшихъ въ началѣ, чтобы погодили цѣловать крестъ тому, кто называется Димитріемъ, успѣютъ сдѣлать это, когда онъ будетъ поближе: Пермичи точно не цѣловали креста Тушинскому царю, но за то и не помогали противъ него, дожидаясь, которая сторона возьметъ верхъ. Вычегодцы пишутъ къ нимъ: «Вы пишете къ намъ словомъ, что стоять съ нами единомысленно ради во всемъ, а дѣломъ съ нами ничего не дѣлаете; а богоотступники Литовскіе люди и съ ними Русскіе воры села и волости и деревни воюютъ, церкви Божія раззоряютъ, образа колупаютъ, окладъ и кузнь снимаютъ, православную вѣру попираютъ, крестьянъ сѣкутъ, женъ и дѣтей ихъ въ плѣнъ въ Литву ведутъ, имѣнье ихъ грабятъ, и хвалятся, хотятъ идти къ Вологдѣ и на Сухону и въ наши мѣста воевать. Такъ если какое раззореніе надъ здѣшними мѣстами и надъ нами сдѣлается отъ Литовскихъ людей и отъ воровъ, то вамъ отъ Бога и отъ государя это не пройдетъ, а съ Литовскими людьми и съ ворами вамъ не прожить, и вамъ отъ нихъ то же будетъ». Смутное время, надежда на безнаказанность развязывали руки людямъ, которые любятъ извлекать выгоды изъ общей бѣды: Пермскіе старосты и цѣловальники, обязанные от-

править хлѣбные запасы въ Сибирскіе непашенные города служилымъ людямъ на жалованье, купили въ Верхотурьѣ дешевою цѣною хлѣбъ съ подмѣсью, «и этими запасами, говоритъ царская грамота, въ Сибирскихъ городахъ ратныхъ людей безъ хлѣба поморили, потому что Верхотурскіе жилецкіе люди продаютъ хлѣбные запасы, мѣшая съ каменьемъ и пескомъ». На Двинѣ жители, свободные теперь отъ всякаго правительственнаго вліянія, посадили въ воду дьяка Илью Уварова; сначала хотѣли они предать смерти и воеводу своего, Ивана Милюкова-Гуся, обвиняя его въ разныхъ несправедливостяхъ; но потомъ передумали, пришли въ тюрьму, гдѣ онъ былъ посаженъ, и съ честію просили его идти въ приказную избу и по прежнему управлять ими.

Не смотря однако на измѣну, на распри между городами, на равнодушіе и бездѣйствіе нѣкоторыхъ областей, дѣла земскихъ людей противъ воровъ шли успѣшно. Толпы поволжскихъ инородцевъ, Мордвы и Черемисъ, осадили Нижній Новгородъ, къ нимъ присоединился отрядъ Тушинцевъ подъ начальствомъ князя Семена Вяземскаго; Нижегородцы сдѣлали вылазку, поразили осаждавшихъ и прогнали ихъ отъ своего города, при чемъ князь Вяземскій былъ взятъ въ плѣнъ: Нижегородцы повѣсили его, не давая знать въ Москву. Мы видѣли, что Нижегородцы чрезъ игумена Іоиля уговаривали Балахонцевъ не затѣвать усобицы изъ-за вопроса о правахъ Димитрія или Шуйскаго, а признавать государемъ того, кого признаетъ Москва. Но жители Балахны не послушались увѣщаній Іоиля, и Нижегородцы, подъ начальствомъ воеводы Алябьева овладѣли Балахною. Полки, собранные сѣверными городами, заняли опять Галичь и Кострому. Сохранилось извѣстіе, какъ въ это время города содержали своихъ ратныхъ людей: всякій служилый человѣкъ, отправляясь въ походъ въ чужой городъ, чужую область, получалъ отъ своего города деньги впередъ за мѣсяцъ, а по истеченіи мѣсяца, городъ отправившій его, высылалъ ему деньги въ то мѣсто, гдѣ онъ

находился. Предводительствовать ополченіемъ сѣверныхъ городовъ Скопинъ прислалъ воеводу Вышеславцева, который разбилъ Тушинцевъ, взялъ у нихъ Романовъ, Пошехонье; Молога и Рыбинскъ присягнули также царю Василію; собравъ тысячъ сорокъ ратниковъ, Вышеславцевъ двинулся изъ Романова и поразилъ Тушинскаго воеводу Тишкевича, слѣдствіемъ чего было занятіе Ярославля и Углича. Вятчане писали Пермичамъ, что въ Арзамасѣ, Муромѣ, Владимирѣ, Суздалѣ и въ другихъ городахъ, всякіе люди хотятъ государю добить челомъ и крестъ цѣловать, ждутъ только прихода боярина и воеводы, Ѳедора Ивановича Шереметева, которому царь Василій велѣлъ оставить осаду Астрахани и идти на сѣверъ по Волгѣ, приводя въ повиновеніе тамошніе города, что Шереметевъ и исполнялъ съ успѣхомъ. Дѣйствительно Муромцы, снесясь съ Нижегородскимъ воеводою Алябьевымъ, впустили его къ себѣ въ городъ, и Владимирцы, какъ скоро узнали о приближеніи Нижегородскаго войска, тотчасъ встали противъ Тушинцевъ. Воевода ихъ Вельяминовъ упорствовалъ въ вѣрности Лжедимитрію; Владимирцы схватили его и повели въ соборную церковь, чтобы тамъ исповѣдовавшись и причастившись, онъ приготовился къ смерти. Протопопъ собора, совершивъ таинства, вывелъ его къ народу и сказалъ: «вотъ врагъ Московскаго государства!» Тогда всѣмъ міромъ побили Вельяминова камнями, поцѣловали крестъ царю Василію и начали биться съ воровскими людьми, не щадя головъ своихъ. Въ извѣстіи объ этомъ событіи насъ останавливаетъ торжественность, какою оно сопровождалось: здѣсь мы не видимъ буйнаго возстанія черни, котораго слѣдствіемъ обыкновенно бываютъ немедленныя насилія, убійства; народъ, который удержалъ свой порывъ, который далъ обвиненному время христіански приготовиться къ смерти, этотъ народъ дѣйствовалъ въ полномъ сознаніи, умерщвлялъ не человѣка ему ненавистнаго; нѣтъ: онъ оказалъ уваженіе къ этому человѣку, а казнилъ воеводу-измѣнника государству. Здѣсь останавливаютъ насъ

также слова протопопа о Вельяминовѣ: «вотъ врагъ Московскаго государства!» Эти слова показываютъ, что Владимирцы уже поняли значеніе Тушина и его приверженцевъ, воровъ, которые грозятъ гибелью наряду, поддерживаемому государствомъ; протопопъ не говоритъ: вотъ врагъ Московскаго государя! ибо въ это время для городовъ вопросъ о правахъ Димитрія и Шуйскаго не былъ рѣшенъ, они вообще стараются его обходить, для нихъ борьба между царями-соперниками Димитріемъ и Шуйскимъ исчезаетъ, остается борьба между началами общественнымъ и противуобщественнымъ. Впрочемъ не вездѣ жители сѣверныхъ городовъ поступали подобно Владимирцамъ: въ Костромѣ самозванцева воеводу, князя Дмитрія Мосальскаго долго мучили, и потомъ, обрубивъ руки и ноги, утопили въ рѣкѣ.

Лѣтописецъ правъ, сказавъ, что Владимирцы начали биться съ воровскими людьми, не щадя головъ своихъ; тоже свидѣтельствуютъ и враги ихъ: Суздальскіе воеводы самозванцевы, Плещеевъ и Просовецкій пишутъ Сапѣгѣ, что они ходили подъ Владиміръ вмѣстѣ съ Лисовскимъ, и хотя побили подъ городомъ измѣнниковъ государевыхъ и городъ осадили, однако взять его не могли, потому что тамъ измѣнники сѣли на смерть; мало того, разсылаютъ во всѣ понизовые города воровскія грамоты прельщать и приводить къ присягѣ Шуйскому». Въ томъ же письмѣ Суздальскіе воеводы объясняютъ и причины, побудившія Владимирцевъ сѣсть на смерть въ осадѣ: «Пахолики Литовскіе и казаки, стоя въ Суздалѣ, воруютъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, монастырямъ и посадскимъ людямъ раззореніе и насильство великое, женокъ и дѣвокъ берутъ, села государевы, дворянскія и дѣтей боярскихъ и монастырскія вотчины выграбили и пожли, и намъ отъ пахоликовъ и казаковъ Литовскихъ позоръ великій: что станемъ о правдѣ говорить, о государевомъ дѣлѣ, чтобъ они государевы земли не пустошили, селъ не жгли, насильства и смуты въ землѣ не чинили: — и они насъ, холопей государевыхъ, позорятъ, руга-

ютъ и бить хотятъ». Воеводы увѣдомляютъ также о насиліяхъ Лисовскаго, который, подъ пустыми предлогами, отнимаетъ свободу у людей и грабитъ ихъ, тогда какъ они ни въ чемъ предъ государемъ не виноваты. Но изъ этихъ Суздальскихъ воеводъ, которые такъ жалуются на Лисовскаго, одинъ, именно Просовецкій, имѣлъ также дурную славу между жителями сѣверныхъ городовъ. Произведенный изъ казацкихъ атамановъ въ стольники при Тушинскомъ дворѣ, Просовецкій сначала былъ воеводою города Луха, и когда узнали, что самозванецъ назначаетъ его въ Суздаль воеводою на мѣсто Θедора Плещеева, то жители Суздаля писали Сапѣгѣ: «Государя царя и великаго князя Димитрія Ивановича всея Руси гетману, пану Яну Петру Павловичу Сапѣгѣ, каштеляновичу Кіевскому, старостѣ Усвятскому и Керепецкому, бьютъ челомъ холопи государевы Суздальцы, дворяне и дѣти боярскіе, всѣмъ городомъ. Слухъ до насъ дошелъ, что государь велѣлъ быть окольничему и воеводѣ Θедору Кирилловичу (Плещееву) къ себѣ въ полки, а у насъ въ Суздалѣ быть въ воеводахъ Андрею Просовецкому да Суздальцу Нехорошему Бабкину: и ты, государь, самъ жалуй, а государю будь печальникъ, чтобъ у насъ государь велѣлъ быть по старому Θедору Кирилловичу Плещееву, чтобы намъ службишки свои не потерять. А если ты милости не покажешь, а государь не пожалуетъ, Θедора Кирилловича къ себѣ въ полки возьметъ, то мы всѣмъ городомъ, покинувъ матерей, женъ а дѣтей, къ тебѣ и къ государю идемъ бить челомъ, а съ Андреемъ Просовецкимъ и Нехорошимъ Бабкинымъ быть не хотимъ, чтобы государевой службѣ порухи не было и намъ до конца не погинуть.» Суздальцы, какъ видно, были успокоены тѣмъ, что Плещеевъ остался у нихъ первымъ воеводою, а Просовецкій сдѣланъ вторымъ. Понятно послѣ этого, почему и Ярославцы, подобно Владимирцамъ, рѣшились сѣсть въ осадѣ на смерть. Весною 1609 года Тушинцы, подъ начальствомъ Наумова и Будзила, двинулись подъ Ярославль; четыре дня Ярославцы не пускали ихъ переправиться черезъ рѣку

Пахну въ милѣ отъ города; потерявъ надежду одолѣть Ярославцевъ здѣсь, Тушинцы ушли, переправились черезъ рѣку выше, зашли въ тылъ Ярославцамъ и поразили ихъ; но когда приблизились къ Ярославскому посаду, то опять встрѣтили упорное сопротивленіе; тутъ были стрѣльцы Архангельскіе въ числѣ 600, и Сибирскіе въ числѣ 1200; Тушинцамъ удалось наконецъ ворваться въ посадъ, но города взять они не могли и ушли, боясь Скопина, хотя Ярославль былъ имъ «больнѣе всѣхъ городовъ» по выраженію Ярославцевъ. Здѣсь надобно замѣтить, что Тушинцы, не имѣя успѣха при осадѣ городовъ, успѣшнѣе дѣйствуютъ въ чистомъ полѣ противъ нестройныхъ массъ возставшаго народонаселенія, не имѣвшаго вождей искусныхъ. Такъ Поляки, потерпѣвшіе неудачи подъ Владиміромъ и Ярославлемъ, разбивали на голову земскіе полки въ разныхъ мѣстахъ [89].

Но въ то время, какъ на сѣверѣ завязалась борьба между общественнымъ и противуобщественнымъ элементами народонаселенія, когда земскіе люди возстали за Московское государство, въ какомъ положеніи находилась Москва и ея царь, которому снова начали присягать сѣверные города? Здѣсь царемъ играли какъ дѣтищемъ, говоритъ современникъ-очевидецъ. Требованіе службы и вѣрности съ двухъ сторонъ, отъ двухъ покупщиковъ, необходимо возвысило ея цѣну, и вотъ нашлось много людей, которымъ показалось выгодно удовлетворять требованіямъ обѣихъ сторонъ и получать двойную плату. Нѣкоторые поцѣловавъ крестъ въ Москвѣ Шуйскому, уходили въ Тушино, цѣловали тамъ крестъ самозванцу и, взявъ у него жалованье, возвращались назадъ въ Москву, Шуйскій принималъ ихъ ласково, ибо раскаявшійся измѣнникъ былъ для него дорогъ: своимъ возвращеніемъ онъ свидѣтельствовалъ предъ другими о ложности Тушинскаго царя или невыгодѣ службы у него; возвратившійся получалъ награду, но скоро узнавали, что онъ отправился опять въ Тушино требовать жалованья отъ Лжедимитрія. Собирались родные и знакомые,

обѣдали вмѣстѣ, а послѣ обѣда одни отправлялись во дворецъ къ царю Василію, а другіе ѣхали въ Тушино. Оставшіеся въ Москвѣ были покойны на счетъ будущаго: если одолѣетъ Тушинскій царекъ, думали они, то у него наши братья, родные и друзья, они насъ защитятъ; если же одолѣетъ царь Василій, то мы за нихъ заступимся. Въ домахъ и на площадяхъ громко разсуждали и событіяхъ, громко превозносили Тушинскаго царя, громко радовались его успѣхамъ; многіе знали о сборахъ въ Тушино, знали, что такіе-то и такіе люди, оставаясь въ Москвѣ, радѣютъ самозванцу, но не говорили о нихъ Шуйскому; тѣхъ же, которые говорили, называли клеветниками и шопотниками. На сильнаго никто не смѣлъ сказать, ибо за него нашлось бы много заступниковъ, безъ воли которыхъ Шуйскій не смѣлъ казнить его, но на слабаго, не роднаго сильнымъ, доносъ шелъ безпрепятственно къ царю, и виновный подвергался наказанію, вмѣстѣ съ виноватымъ казнили иногда и невинныхъ; Шуйскій, говорятъ, вѣрилъ не тѣмъ, кто носилъ службу на лицѣ и на тѣлѣ, но тѣмъ, кто носилъ ее на языкѣ.

Но хотя Шуйскаго не любили въ Москвѣ, однако люди земскіе не хотѣли мѣнять его на какого-нибудь другаго боярина, тѣмъ менѣе на царя Тушинскаго, ибо хорошо знали, чѣмъ грозитъ его торжество. Вотъ почему попытки свергнуть Шуйскаго не удавались. Первая попытка сдѣлана была 17 февраля 1609 года, въ субботу на масляницѣ, извѣстнымъ уже намъ Григоріемъ Сумбуловымъ, княземъ Романомъ Гагаринымъ и Тимоѳеемъ Грязнымъ; число сообщниковъ ихъ простиралось до 300 человѣкъ. Они прежде всего обратились къ боярамъ съ требованіемъ свергнуть Шуйскаго, но бояре не взялись за это дѣло и разбѣжались по домамъ ждать конца дѣлу; одинъ только бояринъ, князь Василій Васильевичь Голицынъ, явился на площадь. Заговорщики кинулись за патріархомъ въ Успенскій соборъ и требовали, чтобы шелъ на лобное мѣсто; Гермогенъ не хотѣлъ идти, его потащили, подталкивая

сзади, обсыпали его пескомъ, соромъ, нѣкоторые схватывали его за грудь и крѣпко трясли. Когда поставили его на лобное мѣсто, то заговорщики начали кричать народу, что Шуйскій избранъ незаконно одними своими потаковниками, безъ согласія земли, что кровь христіанская льется за человѣка недостойнаго и ни на что непотребнаго, глупаго, нечестиваго, пьяницу, блудника. Но вмѣсто одобрительныхъ кликовъ заговорщики услыхали изъ толпы слова: «Сѣлъ онъ государь на царство не самъ собою, выбрали его большіе бояре и вы, дворяне и служивые люди, пьянства и никакого неистовства мы въ немъ не знаемъ; да если бы онъ царь вамъ и неугоденъ былъ, то нельзя его безъ большихъ бояръ и всенароднаго собранія съ царства свести». Тогда заговорщики стали кричать: «Шуйскій тайно побиваетъ и въ воду сожаетъ братью нашу, дворянъ и дѣтей боярскихъ, женъ и дѣтей, и такихъ побитыхъ съ двѣ тысячи». Патріархъ спросилъ ихъ: «Какъ же это могло статься, что мы ничего не знали? въ какое время и кто именно погибъ»? Заговорщики продолжали кричать: «И теперь повели многихъ нашу братью сажать въ воду: за это мы и стали». Патріархъ опять спросилъ: «Да кого же именно повели въ воду сажать?» Въ отвѣтъ закричали: «Мы послали уже ворочать ихъ, сами увидите»! Потомъ начали читать грамоту, написанную ко всему міру изъ Московскихъ полковъ отъ Русскихъ людей: «Князя-де Василья Шуйскаго одною Москвою выбрали на царство, а иные города того не вѣдаютъ, и князь Весилій Шуйскій намъ на царствѣ нелюбъ и для него кровь льется и земля не умирится: что бъ намъ выбрать на его мѣсто другаго царя»? Патріархъ началъ говорить: «До сихъ поръ Москвѣ ни Новгородъ, ни Казань, ни Астрахань, ни Псковъ и никоторые города не указывали, а указывала Москва всѣмъ городамъ; государь царь и великій князь Василій Ивановичъ возлюбленъ и избранъ и поставленъ Богомъ и всѣми Русскими властьми и Московскими боярами и вами дворянами, всякими людьми всѣхъ чиновъ и всѣми православными хри-

стіанами, изо всѣхъ городовъ на его царскомъ избраніи и поставленіи были въ то время люди многіе, и крестъ ему государю цѣловала вся земля, присягала добра ему хотѣть, а лиха не мыслитъ: а вы забыли крестное цѣлованье, немногими людьми возстали на царя, хотите его безъ вины съ царства свесть, а міръ того не хочетъ да и не вѣдаетъ, да и мы съ вами въ тотъ совѣтъ не пристаемъ же». Сказавъ это, Гермогенъ отправился домой. Заговорщики, ни кѣмъ не подкрѣпляемые, не могли его удерживать; они съ криками и ругательствами бросились во дворецъ; но Шуйскій не испугался, онъ вышелъ къ нимъ и съ твердостію сказалъ: «за чѣмъ вы, клятвопреступники, ворвались ко мнѣ съ такою наглостію? если хотите убить меня, то я готовъ; но свести меня съ престола безъ бояръ и всей земли вы не можете». Заговорщики, видя вездѣ неудачу, убѣжали въ Тушино, а князь Голицынъ остался въ Москвѣ съ прежнимъ значеніемъ. Любопытно однако, что народъ, не согласившись на сведеніе Шуйскаго съ престола, не бросился защищать его отъ заговорщиковъ. Послѣ этого событія патріархъ отослалъ въ Тушино двѣ грамоты, одну къ ушедшимъ туда послѣ 17 февраля, другую къ ушедшимъ прежде. Первая грамота начинается такъ: «Бывшимъ православнымъ христіанамъ всякаго чина, возраста и сана, теперь же не вѣдаемъ, какъ васъ и назвать. Не достаетъ мнѣ словъ, болитъ душа, и болитъ сердце, всѣ внутренности мои расторгаются и всѣ составы мои содрагаются, плачу и съ рыданіемъ вопію: помилуйте, помилуйте свои души и души своихъ родителей, возстаньте, вразумитесь и возвратитесь.» Патріархъ заключаетъ первую грамоту обѣщаніемъ выпросить у царя прощеніе раскаявшимся: «царь милостивъ, непамятозлобенъ, знаетъ, что не всѣ своею волею такъ дѣлаютъ: которые ваша братья въ субботу сыропустную и возставали на него, ложныя и грубыя слова говорили, какъ и вы же, тѣмъ онъ вины отдалъ, и теперь они у насъ невредимы пребываютъ; ваши собственныя жены и дѣти также на свободѣ въ своихъ домахъ живутъ.» Вторая гра-

мота начинается подобно первой: «Бывшимъ братіямъ нашимъ, а теперь не знаемъ какъ и назвать васъ, потому что дѣла ваши въ нашъ умъ не вмѣщаются, уши наши никогда прежде о такихъ дѣлахъ не слыхали и въ лѣтописяхъ мы ничего такого не читывали: кто этому не удивится? кто не восплачетъ? Слово это мы пишемъ не ко всѣмъ, но къ тѣмъ только, которые, забывъ смертный часъ и страшный судъ Христовъ и преступивъ крестное цѣлованіе, отъѣхали, измѣнивъ государю царю и всей землѣ, своимъ родителямъ, женамъ и дѣтямъ и всѣмъ своимъ ближнимъ, особенно же Богу; а которые взяты въ плѣнъ, какъ Филаретъ митрополитъ и прочіе, не своею волею, но силою, и на христіанскій законъ не стоятъ, крови православныхъ братій своихъ не проливаютъ, такихъ мы не порицаемъ, но молимъ о нихъ Бога». Описавъ событіе 17 февраля, патріархъ заключаетъ грамоту такъ: «Тѣ рѣчи были у насъ на лобномъ мѣстѣ, въ субботу сырную, послѣ чего всѣ разъѣхались, мы въ городъ, иные по домамъ, потому что враждующимъ поборниковъ не было и въ совѣтѣ къ нимъ не приставалъ никто; а которые были молодые люди, и тѣ имъ не потакали же, и такъ совѣтъ ихъ вскорѣ разрушился. Солгалось про старыхъ то слово, что красота граду старые мужи: а эти старые и молодымъ бѣду доспѣли, и за молодыхъ имъ въ день страшнаго суда Христова отвѣтъ дать. Это чудо въ лѣтописцы записали мы, чтобъ и прочіе не дерзали дѣлать подобнаго; а къ вамъ мы пишемъ, потому что Господь поставилъ насъ стражами надъ вами, стеречь намъ васъ велѣлъ, чтобы кого-нибудь изъ васъ сатана не укралъ. Отцы ваши не только къ Московскому царству враговъ своихъ не припускали, но и сами ходили въ морскіе отоки, въ дальнія разстоянія и въ незнаемыя страны, какъ орлы острозрящіе и быстролетящіе, какъ на крыльяхъ парящіе, и все подъ руку покорили Московскому государю царю.»

Другой заговоръ былъ составленъ бояриномъ Крюкомъ-Колычовымъ; положено было убить Шуйскаго въ Вербное Воскресенье. Но загоръ былъ открытъ; за Колычова никто

не заступился, онъ былъ пытанъ и казненъ; сообщниковъ его посажали въ тюрьмы, но не всѣхъ. Обо всѣхъ этихъ событіяхъ знали въ Тушинѣ чрезъ безпрестанныхъ перебѣжчиковъ или перелетовъ; до насъ дошелъ разсказъ одного изъ такихъ перелетовъ, подъячаго Чубарова, о томъ, какъ онъ перелеталъ изъ Москвы въ Тушино: «Вышелъ онъ изъ Москвы на государево царево Дмитрія Ивановича имя мая 6-го, вышелъ въ Тверскія ворота, съ подъячимъ Скурыгинымъ, и шли съ нимъ вмѣстѣ до деревни Пироговой, а отъ Пироговой въ другую деревню, и въ той деревнѣ ночевалъ, а на другой день утромъ крестьянинъ допроводилъ его до села Черкизова, а изъ Черкизова отослали его до села Братошина, а изъ Братошина привели его въ Тушино. Товарищъ его Скурыгинъ отсталъ отъ него отъ первой деревни Пироговой и пошелъ лѣсомъ, хотѣлъ пытаться прямо въ таборы къ государю.» Чубаровъ разсказывалъ въ Тушинѣ, что «которые бояре, дворяне и дѣти боярскіе, и торговые люди были въ заговорѣ съ Иваномъ Ѳедоровичемъ Колычевымъ, и хотѣли Шуйскаго убить на Вербное воскресенье, и тогда не случилось; изъ ихъ думы одинъ Иванъ Ѳедоровичъ былъ на пыткѣ и ни на кого изъ нихъ не говорилъ, потому одного и казнили, а ихъ ни кого казнить Шуйскій не велѣлъ: и они тѣмъ же своимъ старымъ заговоромъ промышляютъ, хотятъ его убить на Вознесеньевъ день изъ самопала, а на Николинъ день какая замятня будетъ ли, онъ того не знаетъ. А дѣти боярскіе и черные всякіе люди приходятъ къ Шуйскому, съ крикомъ и воплемъ, говорятъ: до чего имъ досидѣть! хлѣбъ дорогой, а промысловъ никакихъ нѣтъ, и ничего взять негдѣ и купить не на что. Шуйскій проситъ у нихъ сроку до Николина дня, и надѣется на Скопина, будто идетъ Скопинъ съ Нѣмецкими людьми, а Нѣмцевъ съ нимъ семь тысячъ; и какъ онъ къ Москвѣ съ силою подойдетъ, и ему Шуйскому съ своею силою его встрѣтить и приходить на большіе таборы. А вѣсть про Скопина на Москвѣ есть, что пошелъ изъ Новгорода; а въ которомъ городкѣ нынѣ, и того не вѣдали подлинно. Изъ

бояръ прямятъ государю Дмитрію Ивановичу князь Борисъ Лыковъ, князь Иванъ Куракинъ, князя Василій да князь Андрей Голицынъ, да князь Иванъ Дмитріевичъ Хворостининъ, а съ ними дворяне, дѣти боярскіе и торговые люди, а сколько ихъ человѣкъ и кто именно, того не упомнитъ». Перелеты увѣдомляли единогласно, что въ Москвѣ большая дороговизна на съѣстные припасы, дровъ также нѣтъ, жгутъ опальные дворы, что недовольные приходятъ къ Шуйскому всѣмъ міромъ и говорятъ: до чего намъ дойдти! голодною смертью помирать? и будто Шуйскій хочетъ жить въ Троицкой деревнѣ Ивантеевѣ. Дѣйствительно, когда, не смотря на побѣду князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго при селѣ Высоцкомъ, въ тридцати верстахъ отъ Коломны, городъ этотъ былъ осажденъ Тушинскимъ отрядомъ подъ начальствомъ Млоцкаго, то въ Москвѣ сдѣлалась сильная дороговизна: четверть ржи покупали по семи рублей ($23^1/_3$ нынѣшнихъ серебряныхъ), и толпы народа приходили къ Шуйскому съ вопросомъ: до какихъ поръ сидѣть и терпѣть голодъ? Шуйскій убѣдилъ Троицкаго келаря, Авраамія Палицына пустить въ продажу по 2 рубля ($6^2/_3$ нынѣшнихъ серебряныхъ) хлѣбъ изъ богатыхъ житницъ его монастыря, находившихся въ Москвѣ. Пониженіе цѣны на хлѣбъ поуспокоило народъ; къ тому же 28 мая выѣхалъ изъ Тушина князь Романъ Гагаринъ, глава недавняго возстанія противъ Шуйскаго, и началъ говорить во весь міръ, чтобы не прельщались: Тушинскій царь настоящій воръ, и все это заводъ Литовскаго короля, который хочетъ истребить православную христіанскую вѣру; а въ Тушинѣ подлинно извѣстно, что въ Новгородъ пришли Нѣмецкіе люди и Литву отъ Новгорода отбили прочь. Слыша такія рѣчи, люди въ Москвѣ укрѣпились, и никто не поѣхалъ въ Тушино.

Но если Москва не могла быть спокойна послѣ того, какъ подлѣ нея образовалась столица другаго царя, то не болѣе спокойно было и Тушино, гдѣ вся зима 1608—1609 года прошла въ смутахъ, бунтахъ, что и мѣшало вору дѣй-

ствовать рѣшительно противъ Москвы; на весну взбунтовалась войсковая челядь, разосланная для сбора припасовъ, поставила сама себѣ ротмистровъ и полковниковъ, ходила по волостямъ и грабила; а къ господамъ своимъ въ Тушино не хотѣла возвратиться; для укрощенія бунтовщиковъ Тушинцы должны были выслать цѣлыя роты. Притомъ силы самозванца были раздѣлены: отрядъ Запорожцевъ посланъ былъ къ Новгороду Великому для попытки: нельзя ли склонить его на сторону Тушинскаго царя, Сапѣга съ Лисовскимъ осаждали Троицкій монастырь, Млоцкій съ Бобовскимъ Коломну, у которой должны были биться съ Ляпуновымъ, воеводою Рязанскимъ, Мархоцкій сторожилъ большія дороги въ Москвѣ, а при вѣстяхъ о движеніяхъ Скопина, должны были отправить противъ него Зборовскаго. Подъ Москвою поэтому просходили битвы частыя, но мелкія; въ одной изъ нихъ въ концѣ февраля гетманъ Рожинскій получилъ тяжелую рану, отъ которой послѣ никогда не могъ оправиться. Лѣтомъ, въ самый Троицынъ день, произошла битва большая неожиданно для Тушинцевъ: часть ихъ подошла къ Москвѣ, опрокинула Московскій отрядъ, противъ ихъ высланный, прогнала его до самаго города, возвратилась и стала за Ходынкою на берегу. Но царю Василію дали знать, что Литовскіе люди поднялись на Москву всѣми таборами, и онъ выслалъ противъ нихъ все свое войско, съ пушками и гуляй-городами (подвижными дубовыми городками на возахъ, въ которыхъ сидѣли стрѣльцы и стрѣляли въ отверстія). Поляки, увидѣвъ это войско, бросились на него и одержали-было совершенную побѣду, овладѣли гуляй-городами, какъ вдругъ, по словамъ Поляковъ, въ ихъ войскѣ произошло по ошибкѣ замѣшательство, Москвичи поправились и вогнали непріятеля въ Ходынку, гуляй-города свои отгромили и ворвались бы въ самое Тушино, еслибы Заруцкій съ своими Донскими казаками не остановилъ ихъ на рѣчкѣ Химкѣ. По русскимъ же извѣстіямъ проигранное дѣло поправлено было прибытіемъ свѣжихъ силъ подъ начальствомъ князей Ивана Семеновича

Куракина, Андрея Васильевича Голицына и Бориса Михайловича Лыкова. Тушинцы, по свидѣтельству ихъ самихъ, потеряли всю свою пѣхоту, много у нихъ было побито, много взято въ плѣнъ Москвичами. Русскій лѣтописецъ говоритъ, что въ этомъ дѣлѣ у Московскихъ людей была такая храбрость, какой не бывало и тогда, когда Московское государство было въ собраньѣ.

Имѣя въ своихъ рукахъ много плѣнныхъ Поляковъ, царь Василій велѣлъ имъ выбрать кого-нибудь изъ своей среды и послать въ Тушино съ предложеніемъ, что онъ освободитъ всѣхъ плѣнныхъ, если Поляки покинутъ самозванца и выйдутъ изъ Московскаго государства; посланному позволялось отправиться на томъ условіи, что если предложеніе не будетъ принято, то онъ возвратится въ Москву. Выборъ палъ на Станислава Пачановскаго, который и поѣхалъ въ Тушино, гдѣ получилъ отъ своихъ такой отвѣтъ: «Скорѣе помремъ, чѣмъ наше предпріятіе оставимъ; дороги намъ наши родные и товарищи, но еще дороже добрая слава». Пачановскій долго колебался — остаться ли въ Тушинѣ или возвратиться въ Москву, наконецъ рѣшился возвратиться, за что въ Москвѣ оказывали ему уваженіе и содержали гораздо лучше чѣмъ другихъ плѣнниковъ. Особенною ласковостію къ плѣннымъ Полякамъ отличался братъ царскій, князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій: онъ вылѣчилъ отъ ранъ и даромъ освободилъ доставшагося ему шляхтича Борзецкаго, кромѣ того давалъ по сукну всѣмъ плѣннымъ, которые выходили на обмѣнъ. Предчувствовалъ ли князь Иванъ, что скоро самъ будетъ нуждаться въ подобной снисходительности [90]?

Описанная битва была послѣднимъ важнымъ дѣломъ между Москвою и Тушинымъ, ибо Скопинъ былъ уже не далеко. Мы оставили его въ Новгородѣ, гдѣ онъ завязалъ переговоры со Шведами. Въ концѣ февраля 1609 года стольникъ Головинъ и дьякъ Сыдавный Зиновьевъ заключили съ повѣренными Карла IX договоръ такого содержанія: король обязался отпустить на помощь Шуйскому двѣ

тысячи конницы и три тысячи пѣхоты наемнаго войска, да сверхъ этихъ наемниковъ обязался отправить еще неопредѣленное число войска въ знакъ дружбы къ царю. За эту помощь Шуйскій отказался, за себя и дѣтей своихъ и наслѣдниковъ, отъ правъ на Ливонію. Шуйскій обязался также, за себя и за наслѣдниковъ, быть въ постоянномъ союзѣ съ королемъ и его наслѣдниками противъ Сигизмунда Польскаго и его наслѣдниковъ, при чемъ оба государя обязались не заключать съ Сигизмундомъ отдѣльнаго мира, но если одинъ изъ нихъ помирится съ Польшею, то немедленно долженъ помирить съ нею и союзника своего, «а другъ друга въ мирномъ постановленьи не выгораживать». Шуйскій обязался, въ случаѣ нужды, отправить къ королю на помощь столько же ратныхъ людей, наемныхъ и безденежно, сколько въ настоящемъ случаѣ король посылаетъ къ нему, при чемъ плата наемнымъ должна быть совершенно одинакая. Шуйскій обязался не задерживать никого изъ присланныхъ на помощь Шведовъ (здѣсь любопытно, что въ числѣ Шведовъ упоминаются и Русскіе, которые королю служатъ) и гонцовъ, ѣздящихъ отъ нихъ въ Швецію и обратно. Если Шведы возьмутъ въ плѣнъ Русскихъ измѣнниковъ, то не должны убивать ихъ, а давать на окупъ, Литовскихъ же людей вольны бить и вести въ свою землю. Королевскимъ ратнымъ людямъ людской и конскій кормъ будетъ продаваться по цѣнѣ настоящей, а лишнихъ денегъ съ нихъ брать не будутъ; подъ пѣшихъ людей и подъ нарядъ будутъ даваться подводы и лошади безденежно; коннымъ людямъ, если у кого падетъ лошадь или убьютъ въ дѣлѣ, будетъ даваться другая лошадь немедленно, но въ зачетъ жалованья. Шведскіе полномочные, со своей стороны, обязались запретить своимъ ратнымъ людямъ, чтобъ они, будучи въ Московскомъ государствѣ, не жгли и не раззоряли, надъ иконами не ругались; крестьянъ не били и въ плѣнъ не брали. Обязались — городовъ и областей, вѣрныхъ Шуйскому или принесшихъ повинную, не воевать и не занимать ихъ, равно не занимать и тѣхъ го-

родовъ, которые будутъ взяты приступомъ или здадутся сами; къ ворамъ не приставать и царю Василію не измѣнять; надъ княземъ Скопинымъ и надъ государевыми людьми хитрости и измѣны никакой не сдѣлать, у князя Михаила Васильевича быть въ послушаньи и совѣтѣ, и самовольствомъ ничего не дѣлать. Шведскіе повѣренные выговорили также, чтобъ Шведская монета имѣла обращеніе въ Московскомъ государствѣ, и чтобъ Русскіе не ругались надъ королевскими деньгами подъ страхомъ царской опалы; выговорили, чтобъ Шведскимъ войскамъ, идущимъ въ Ливонію, былъ свободный пропускъ чрезъ Московскія владѣнія. Къ этому договору была еще дополнительная запись, въ которой Шуйскій обязался, спустя три недѣли по выступленіи Шведскаго войска изъ-за границы, доставить королевскимъ воеводамъ крѣпость за государевою Новгородскою печатью и за князя Скопина рукою, на городъ Корелу съ уѣздомъ, а послѣ этихъ трехъ недѣль спустя два мѣсяца доставить крѣпость на городъ Корелу съ уѣздомъ за государевою печатью и уступить королю этотъ городъ за его любовь и дружбу; потомъ, спустя одиннадцать недѣль, начиная съ того времени, какъ Шведы уже начнутъ служить царю, очистить городъ Корелу и отдать его королю, вывезши изъ церкви образа и всякое церковное строенье, а изъ города пушки, пищали, зелье, ядра, выведши всѣхъ Русскихъ людей и Корелянъ, которые захотятъ идти на Русь.

Еще въ началѣ января 1609 года Карлъ IX увѣдомлялъ Новгородцевъ, что онъ, по просьбѣ ихъ, послалъ имъ на помощь ратную силу «пособлять за старую греческую вѣру. По этому берегитесь, заключаетъ грамота, и примите думу, пока вамъ подмогу даютъ, или сами увидите: если Поляки и Литва надъ вами силу возьмутъ, то не пощадятъ ни патріарха, ни митрополитовъ, ни архіепископовъ, ни игуменовъ, ни воеводъ, ни дьяковъ, ни дворянъ, ни дѣтей боярскихъ, ни гостей, ни торговыхъ людей, ни дѣтенковъ въ пеленкахъ, не только что иныхъ, доколѣ не изведутъ

славный Россійскій родъ.» До насъ дошла также грамота Каянбургскаго Шведскаго воеводы Исаака Бема къ игумену Соловецкаго монастыря съ убѣжденіемъ не отступать отъ Шуйскаго; эта грамота, писанная ломаннымъ Русскимъ языкомъ, отличается наивностію выраженій, напримѣръ: «Вы такъ часто мѣняете великихъ князей, что Литовскіе люди вамъ всѣмъ головы разобьютъ: они хотятъ искоренить греческую вѣру, перебить всѣхъ Русаковъ и покорить себѣ всю Русскую землю. Какъ вамъ не стыдно, что вы слушаете всякій бредъ, и берете себѣ въ государи всякаго негодяя, какого вамъ приведутъ Литовцы»! Шведы выполнили свои обязательства: кромѣ пяти тысячь наемниковъ, они выставили еще около десяти тысячъ человѣкъ всякаго разноплеменнаго сброда, подъ начальствомъ Якова Делагарди, получившаго военное воспитаніе въ хорошей школѣ.

Первое столкновеніе Скопина должно было произойдти съ тѣмъ отрядомъ Запорожцевъ, которые, подъ начальствомъ Кернозицкаго, были высланы изъ Тушина къ Новгороду и на дорогѣ заняли Торжокъ и Тверь. Чтобы не допустить ихъ къ переправѣ черезъ Мсту, Скопинъ хотѣлъ выслать сильный отрядъ въ Бронницы; начальствовать этимъ отрядомъ вызвался извѣстный намъ окольничій Михайла Игнатьевичъ Татищевъ. Нѣсколько разъ встрѣчали мы этого человѣка, замѣтили его характеръ: онъ крупно разговаривалъ со Львомъ Сапѣгою, бранился съ самозванцемъ за телятину, нанесъ первый ударъ Басманову, потомъ опять перебранивался съ Польскими послами. Трудно представить себѣ, чтобъ этотъ человѣкъ, такъ сильно стоявшій за старину, убійца Басманова, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ заговорщиковъ противъ перваго Лжедимитрія, хотѣлъ передаться второму. Гораздо вѣроятнѣе, что Татищева не любили за его характеръ, не хотѣли быть подъ его начальствомъ. Какъ бы то ни было, нѣсколько Новгородцевъ явились къ Скопину и донесли ему, что Татищевъ сбирается измѣнить и нарочно выпросился идти въ Бронницы, чтобы помочь Кернозицкому овладѣть Новгородомъ. Обвиненіе въ измѣнѣ было

тогда легкимъ средствомъ для заподозрѣнія человѣка, отдаленія его; быть можетъ доносчики сами не хотѣли своимъ доносомъ сдѣлать большаго вреда Татищеву; но вышло иначе. Скопинъ, выслушавъ обвиненіе, собралъ всѣхъ ратныхъ людей, призвалъ Татищева и объявилъ о доносѣ на него: толпы взволновались и, безъ всякаго изслѣдованія бросились на Татищева и умертвили его. Передовой отрядъ поэтому не могъ быть отправленъ; Кернозицкій подошелъ къ Новгороду и сталъ у Хутынскаго монастыря; многіе дворяне уже отбѣжали въ Литовскіе полки, Скопинъ былъ въ большимъ горѣ, какъ явились Тихвинцы съ воеводою Горихвостовымъ въ числѣ 1000 человѣкъ; за ними шли съ Евсевіемъ Рязановымъ люди, собравшіеся въ заонѣжскихъ погостахъ. Горихвостовъ сталъ въ селѣ Грузинѣ; нѣсколько крестьянъ попались въ плѣнъ къ Кернозицкому и на пыткѣ объявили, что пришло въ Грузино ратныхъ людей множество, а за ними идетъ еще большая сила. Кернозицкій испугался и отступилъ.

Съ прибытіемъ шведскаго войска, весною 1609 года, Скопинъ началъ наступательныя дѣйствія на Тушинцевъ. Шведы подъ начальствомъ Горна и Русскіе подъ начальствомъ Чулкова и Чоглокова выгнали Кернозицкаго изъ Старой Русы, разбили при селѣ Каменкахъ въ Торопецкомъ уѣздѣ (25 апрѣля), очистили Торопецъ, Торжокъ, Порховъ, Орѣшекъ, воевода котораго, знаменитый Михайла Глѣбовичъ Салтыковъ, убѣжалъ въ Тушино. Скопинъ отправилъ и ко Пскову отрядъ подъ начальствомъ князя Мещерскаго. Здѣсь лучшіе люди и духовенство сносились съ войсками Шуйскаго, желая сдать городъ Московскому царю и тѣмъ усилить свою сторону, низложить противниковъ. Стрѣльцы, казаки, мелкіе люди, крестьяне провѣдали это, отняли лошадей у лучшихъ людей и отдали ихъ стрѣльцамъ для битвъ съ отрядомъ Мещерскаго, заключили женъ отъѣхавшихъ лучшихъ людей, переписали ихъ имѣнія. Казацкій атаманъ Корсяковъ далъ знать во Псковъ о приближеніи Мещерскаго; но лучшіе люди утаили это извѣстіе и

посадили въ тюрьму гонца. Меньшіе, ничего не зная, спокойно вышли всѣ за городъ на встрѣчу иконѣ Богородицы, приносимой 28 мая изъ Печерскаго монастыря, какъ вдругъ пушечная пальба извѣстила ихъ, что непріятель у города. Несмотря на то однако, что страшный пожаръ опустошилъ городъ, что двѣ стѣны были взорваны, стрѣльцы отбились въ своей слободѣ отъ Московскаго войска и дали время меньшимъ людямъ войдти въ городъ. При этомъ дѣлѣ былъ освобожденъ изъ тюрьмы гонецъ, присланный Корсяковымъ; а въ скорости потомъ двое духовныхъ лицъ, священникъ и дьяконъ побѣжали за стѣну въ непріятельскій станъ; священникъ былъ схваченъ, преданъ пыткѣ и оговорилъ много другихъ; оговоренныхъ также пытали, тѣ оговорили еще другихъ, и тогда пролилось много крови большихъ людей. У пытокъ стояли самозванцевы воеводы; но меньшіе люди вспомнили Псковскую старину и мало слушались воеводъ; набатный колоколъ, какъ прежде вѣчевой, сзывалъ народъ на площадь, и здѣсь главнымъ былъ простой мужикъ Тимоѳей, прозвищемъ Кудекуша Трепецъ. Ему далось пуще всѣхъ, говоритъ лѣтописецъ, и воеводамъ указывалъ, и стоялъ крѣпко у пытокъ; пристали къ нему и другіе подобные же и овладѣли городомъ. Злоба меньшихъ къ лучшимъ поджигалась все болѣе и болѣе: языки, пойманные на вылазкахъ, говорили, что большіе люди пишутъ изъ Пскова, зовутъ къ себѣ на помощь воеводъ царя Василія: «и бояръ многихъ мучили, жгли и ребра ломали, и часто приходили Новгородцы съ Нѣмцами и казаками, дѣти боярскіе, Новгородскіе и Псковскіе, Татары и стрѣльцы, и много было битвъ и кровопролитія, крестьянамъ и пригородамъ грабежа, и много всякой бѣды Псковичамъ.»

Увѣдомляя Скопина (отъ 2-го іюня 1609 года) о высылкѣ противъ него Зборовскаго и Шаховскаго и о нетерпѣніи, съ какимъ Москва и всѣ города ждутъ его, царь Василій писалъ племяннику: «И тебѣ бы, боярину нашему, никакъ своимъ походомъ не мѣшкать, намъ и всему нашему государству помощь на воровъ подать вскорѣ. И только Во-

жіею милостію, и твоимъ промысломъ и раденьемъ, государство отъ воровъ и отъ Литовскихъ людей освободится. Литовскіе люди твоего прихода ужаснутся и изъ нашей земли выйдутъ или, по Божіей милости, побѣду надъ собою увидятъ: то ты великой милости отъ Бога, чести и похвалы отъ насъ и отъ всѣхъ людей нашего государства сподобишься, всѣхъ людей великою радостію исполнишь, и слава дородства твоего въ нашемъ и окрестныхъ государствахъ будетъ памятна, а мы на тебя надежны какъ на свою душу.» Скопинъ еще 10 мая выступилъ изъ Новгорода; потерявъ надежду взять Псковъ, онъ отозвалъ Мещерскаго, чтобъ, не тратя времени, съ соединенными силами спѣшить къ Москвѣ. Мы видѣли, что изъ Тушина высланъ былъ противъ него Зборовскій, у котораго было тысячь до четырехъ войска Поляковъ и Русскихъ; послѣднихъ велъ князь Григорій Шаховской: онъ успѣлъ освободиться изъ своего заключенія во время занятія сѣверныхъ городовъ войсками самозванца и пробраться въ Тушино. У Торжка встрѣтился Зборовскій съ передовымъ отрядомъ Скопина, бывшимъ подъ начальствомъ Головина и Горна, и разбилъ его; но узнавъ отъ языковъ, что слѣдомъ идетъ самъ Скопинъ съ большимъ войскомъ, отступилъ къ Твери, гдѣ соединился съ казаками Кернозицкаго. Скопинъ, съ своей стороны, соединился въ Торжкѣ съ Смоленскимъ ополченіемъ, и далъ битву Зборовскому подъ Тверью: два крыла Поляковъ смяли Русскихъ и союзниковъ ихъ, но средина обратилась въ бѣгство, опомнилась только пробѣжавши нѣсколько миль, и возвратилась къ своимъ, торжествующимъ побѣду; но эта побѣда была сомнительна, потому что Шведская пѣхота не уступила поле битвы, и только ночью, когда битва прекратилась, отступила къ оставленному назади обозу. Поляки, именно тѣ, которые дѣйствовали съ успѣхомъ во время дня, совѣтовали также немедленно отступить, указывали на превосходство силъ Скопина; но тѣ, которые бѣжали, желая смыть съ себя пятно, настояли, чтобы не уходить отъ Твери. Зборовскій требо-

валъ, чтобы все войско стало въ одномъ мѣстѣ и наблюдало большую осторожность, но его не послушали: одни стали въ полѣ, а другіе въ самомъ посадѣ безо всякой осторожности; этимъ воспользовались Русскіе и Шведы, на разсвѣтѣ ударили и нанесли Полякамъ сильное пораженіе. Зборовскій былъ принужденъ отступить отъ Твери, и Скопинъ двинулся впередъ, какъ вдругъ, во 130 верстахъ отъ Москвы, получилъ вѣсть, что шедшіе за нимъ иноземцы отказываются служить подъ предлогомъ, что вмѣсто платы за четыре мѣсяца имъ дали только за два, что Русскіе не очищаютъ Корелы, хотя уже прошло одиннадцать условныхъ недѣль послѣ вступленія Шведовъ въ Россію. Скопинъ, пославши уговаривать Делагарди возвратиться, самъ перешелъ Волгу подъ Городнею, чтобы соединиться съ ополченіями сѣверныхъ городовъ, и по лѣвому берегу достигъ Колязина, гдѣ и остановился. Въ то время, какъ Зборовскій, соединившись съ Сапѣгою, безъ всякаго успѣха приступалъ къ Троицкому монастырю, Скопинъ соединился съ сѣверными отрядами и успѣлъ выпросить у Делагарди около тысячи человѣкъ иностранцевъ, которые пришли подъ начальствомъ Христіерна Сомме; тогда Сапѣга и Зборовскій, опасаясь усиленія Скопина выступили противъ него къ Колязину, но потерпѣли пораженіе на рѣкѣ Жабнѣ и удалились опять къ Троицкому монастырю.

Теперь главнымъ дѣломъ царя Василія и Скопина было достать какъ можно больше денегъ для уплаты иностранному войску: они слали грамоты за грамотами въ сѣверные города и монастыри съ требованіемъ денегъ на жалованье Нѣмецкимъ людямъ. Царь Василій писалъ въ Соловецкій монастырь, что «Литва и измѣнники стоятъ подъ Московскомъ государствомъ долгое время и чинятъ утѣсненье великое; и въ томъ многомъ стояньи изъ нашей казны служивымъ людямъ на жалованье много денегъ вышло, а которые монастыри въ нашей державѣ, и у нихъ всякая монастырская казна взята и роздана служилымъ людямъ. Что у васъ въ Соловецкомъ монастырѣ денежной всякой

монастырской казны, или чьи поклажи есть, то вы бы тотчасъ эту казну прислали къ намъ въ Москву, и когда всесильный Богъ намъ надъ врагами побѣду подастъ и съ измѣнниками и съ ворами управимся, то мы ту монастырскую казну исполнимъ вдвое.» Скопинъ билъ челомъ Пермскимъ приказнымъ людямъ въ такихъ выраженіяхъ: «иноземцамъ, наемнымъ людамъ наиму дать нечего, въ государевой казнѣ денегъ мало, извѣстно вамъ самимъ, что государь въ Москвѣ отъ враговъ сидитъ въ осадѣ больше году; что было казны и та раздана ратнымъ людямъ, которые сидѣли съ государемъ въ Москвѣ. И вамъ бы говорить гостямъ и торговымъ лучшимъ и середнимъ и всякимъ людямъ, чтобы они для покоя и христіанской избавы, чтобы Московское государство за наемными деньгами до конца не разорилось, дали на наемъ ратнымъ людямъ денегъ, суконъ, камокъ, тафты, сколько кому можно; а какъ, дастъ Богъ, отъ воровъ и отъ Литовскихъ людей Московское государство свободно будетъ, то государь велитъ тѣ деньги заплатить. Да собрать бы вамъ съ посаду и съ уѣзду, кромѣ того кто изъ воли своей дастъ, съ сохи по пятидесяти рублей денегъ, для избавы христіанскія, Нѣмецкимъ и Крымскимъ людямъ на наемъ. А у меня въ полкахъ дворяне и дѣти боярскіе всѣхъ городовъ Нѣмецкимъ людямъ деньги, лошадей и платье давали не однажды; а въ Новгородѣ митрополитъ, архимандриты, игумены, гости, посадскіе и уѣздные всякіе люди деньги, сукна и камки давали имъ сколько кому можно.» Писали къ Пермичамъ и другіе города, укоряя ихъ въ холодности къ общему дѣлу; Устюжане писали къ нимъ: «Только отъ васъ къ государю и службы, что всего 80 человѣкъ въ Ярославлѣ; а если вы теперь къ государю его казны не отпустите, и въ прибавку денегъ сбирать не станете, и ратныхъ людей не прибавите, то вамъ отъ государя какой милости ждать? А при государѣ царѣ Иванѣ Васильевичѣ въ походахъ и на берегу было съ васъ по тысячѣ человѣкъ. Вся Русская земля съ государемъ страдаетъ, да и окольныя государ-

ства по нашей христіанской вѣрѣ побораютъ и государю помогаютъ: и вамъ бы, господа, помня Бога, свои души и крестное цѣлованье, однокончно о государевѣ и о земскомъ ратномъ дѣлѣ порадѣть.» Пермичи отвѣчали Скопину, что обрадовались Божіей помощи, ему оказанной, но что требованіямъ его удовлетворить вполнѣ не могутъ, потому что сукнами, камками и тафтами у нихъ никто не торгуетъ, а собрали они девять сороковъ соболей, да черную лисицу доброхотнаго приношенія, что и высылаютъ ему тотчасъ же, послали собирать съ сохъ по пятидесяти рублей, а сборныхъ денегъ прислать не могутъ потому, что путь зимній еще не установился.» Но соболей и лисицу они прислали и не по зимнему пути: отчего же не могли прислать сборныхъ денегъ?

Не такъ поступили Соловецкіе монахи: въ два раза переслали они въ Москву болѣе 17,000 нынѣшнихъ серебряныхъ рублей, и даже ложку серебряную. Не такъ поступилъ и Петръ Семеновичъ Строгановъ, какъ свидѣтельсвуетъ жалованная грамота, данная ему Шуйскимъ: въ ней царь говоритъ, что Строгановъ противъ воровъ стоялъ крѣпко безъ всякаго позыбанья, ратныхъ многихъ людей на царскую службу противъ воровъ посылалъ, города отъ шатости укрѣплялъ, да у него же брались на царя въ Москвѣ и по другимъ городамъ въ ссуду большія деньги для раздачи служилымъ людамъ на жалованье. За такія его службы и радѣнье царь его пожаловалъ, велѣлъ писать во всѣхъ грамотахъ съ: вичемъ; онъ самъ, дѣти его, племянники, люди и крестьяне вездѣ освобождались отъ суда бояръ, воеводъ, дьяковъ и всякихъ приказныхъ людей, судитъ ихъ самъ царь или кому прикажетъ; за безчестье платится ему противъ Московскаго лучшаго человѣка вдвое, сто рублей; питье ему всякое про себя держать безъявочно, стояльщиковъ у него во дворахъ на Москвѣ и по инымъ городамъ Русскихъ всякихъ людей и иноземцевъ не ставить, лѣтомъ у него во дворѣ избы и мыльни топить вольно; сверхъ того, съ него самого, съ его сыновей и племян-

никовъ, съ его людей и крестьянъ проѣзжаго мыта, головщины и мостовщины нигдѣ не брать».

Плохо помогая деньгами царю Московскому, Пермичи обнаружили холодность и тогда, когда надобно было помочь отъ воровъ ближайшимъ къ нимъ Вятчанамъ. Напрасно Вятчане, Устюжане, Вычегодцы и Строгановы писали къ нимъ не разъ, чтобъ они выставили своихъ ратныхъ людей противъ воровъ, казаковъ, стрѣльцовъ и Черемисъ, засѣвшихъ въ Котельничѣ: Пермичи обѣщались и не прислали ратныхъ людей. На неотступныя просьбы Вятчанъ они отвѣчали, что ратные люди у нихъ собраны и готовы вступить въ походъ, но что ихъ смущаютъ разнорѣчивыя вѣсти изъ Вятки: пишутъ имъ, что измѣнники очистили Котельничь, убѣжали въ Яренскъ, и воевода Вятскій, князь Михайла Ухтомскій, распустилъ всѣхъ сборныхъ людей, поэтому и они, Пермичи, своихъ ратныхъ людей удержали у себя; а пріѣзжій сынъ боярскій Василій Тырковъ сказывалъ, что въ Котельничѣ государевыхъ измѣнниковъ было всего 1,400 человѣкъ, а у князя Ухтомскаго было ратныхъ людей въ сборѣ 12,000. «Съ такимъ собраньемъ, писали Пермичи въ Вятку, можно было бы надъ государевыми измѣнниками промыслить всякими мѣрами; а то намъ кажется, что князь Михайла Ухтомскій нарочно государевыхъ измѣнниковъ изъ Котельнича упустилъ, да и не послалъ за ними, а въ Яренскъ изъ Вятки ѣздятъ объ одну ночь, Татары Каринскіе и Василій Тырковъ съ государевыми ратными людьми у князя Ухтомскаго на измѣнниковъ просились, но князь Михайла ихъ не пустилъ. И вы бы, господа, на такую князя Михайла дурость не смотрѣли, и ратнымъ людямъ со всей Вятской земли велѣли быть въ сборѣ, тотчасъ, больше прежняго, чтобъ государевы измѣнники на васъ украдкою не пришли». Раздосадованные Вятчане отвѣчали на эту грамоту въ такихъ выраженіяхъ: «Вы къ намъ теперь писали самою глупостью, да не только что глупостью, пьянствомъ; видите надъ нами отъ враговъ раззоренье великое, у васъ ратные люди въ сборѣ есть, а вы ихъ къ Вяткѣ не присылаете, съ до-

роги ихъ воротили. Мы на вашу глупость не смотримъ, помнимъ Бога, свои души и крестное цѣлованье: съ измѣнниками не ссылаемся, надъ ворами промышляемъ и противъ враговъ стоимъ какъ насъ милосердый Богъ вразумитъ и сколько помощи подастъ. А вы надъ собою милость Божію и пречистой Богородицы, свое крестное цѣлованье и государево жалованье забыли, рады христіанскому кровопролитію и раззоренью: Вятскую землю ворамъ на раззоренье напрасно подаете, ратныхъ людей къ намъ не присылаете и съ нами на воровъ не стоите: такъ вы сами себѣ предатели и отъ своей вамъ глупости погибнуть. Прежде этого къ вамъ были посланы два государева измѣнника, велѣно вамъ казнить ихъ смертью: а вы надъ ними ничего не сдѣлали. Смотрите, какъ служатъ и прямятъ государю Устюжане и Соль Вычегодская: прислали къ намъ для обереганья ратныхъ многихъ людей и велѣли имъ быть на Вяткѣ до тѣхъ поръ, пока Яренскъ очистится. Такъ вы бы глупость свою покинули, непремѣнно прислали бы къ намъ для обереганья ратныхъ многихъ людей тотчасъ, чтобъ Вятской землѣ помочь и ворамъ не подать, да и самимъ бы вамъ отъ враговъ въ раззореньи не быть. Вы росказнямъ Тыркова вѣрите, а нашему письму не вѣрите: такъ вамъ бы самимъ такимъ пьянымъ всегда быть, какъ былъ пьянъ на Вяткѣ Василій Тырковъ». Намъ теперь трудно оправдать Пермичей: прямо видно желаніе ихъ медлить, дожидаться времени, не обременять себя пожертвованіями; предлогъ, подъ которымъ они отказали Вятчанамъ въ помощи, былъ ничтожный. Въ самомъ дѣлѣ, какое право имѣли они, мимо отписокъ воеводы и міра, повѣрить рѣчамъ какого-то Тыркова, который могъ лгать на Ухтомскаго по личнымъ отношеніямъ, особенно когда другіе города писали то же, что и Вятчане и посылали ратныхъ людей къ нимъ на помощь. Еслибъ даже извѣстія Тыркова были и справедливы, то во всякомъ случаѣ Пермичи должны были тотчасъ двинуться къ Вяткѣ, ибо если Ухтомскій дѣйствовалъ плохо по трусости, то они должны были ободритъ его своимъ приходомъ: если же

онъ благопріятствовалъ ворамъ, то Пермичи должны были спѣшить въ Вятку, чтобъ уничтожить всѣ крамолы; но измѣну Ухтомскаго предположить трудно, ибо онъ не сталъ бы тогда созывать къ себѣ отовсюду на помощь ратныхъ людей, вѣрныхъ царю Московскому. Наконецъ противъ Пермичей свидѣтельствуютъ и прежнія и послѣдующія ихъ нерѣшительность и недѣятельность. Когда Ухтомскаго смѣнилъ въ Вяткѣ воевода Мансуровъ, то и онъ писалъ также къ Пермичамъ о немедленной присылкѣ ратныхъ людей и наряда, но ему Пермичи отвѣчали, что у нихъ много ратныхъ людей было въ сборѣ, но что прежній воевода, князь Ухтомскій, писалъ къ нимъ объ уходѣ измѣнниковъ изъ Котельнича въ Яренскъ, и чтобъ они ратныхъ людей, не присылали, поэтому они и распустили войско; наряду у нихъ въ Перми лишняго нѣтъ, а какой есть, тотъ надобенъ самимъ. Не смотря на такую холодность къ общему дѣлу, Шуйскій далъ Пермичамъ грамоту, въ которой, за службу и радѣнье, освобождалъ ихъ отъ сбора по 50 рублей съ сохи.

Когда дѣла шли такимъ образомъ на сѣверовостокѣ, князь Скопинъ, стоя въ Колязинѣ, занимался обученіемъ своихъ сѣверныхъ новобранцевъ, при чемъ ревностно помогалъ ему Шведъ Сомме, а съ другой стороны шли дѣятельные переговоры съ Делагарди касательно возвращенія его отряда снова на службу царскую. Царь Василій принужденъ былъ поспѣшить исполненіемъ Выборгскаго договора и послалъ въ Корелу приказъ очистить этотъ городъ для Шведовъ. Между тѣмъ одинъ отрядъ, высланный Скопинымъ, занялъ Переяславль, Залѣсскій, съ другой стороны приближался бояринъ Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ, который безпрепятственно вошелъ въ Муромъ и взялъ приступомъ Касимовъ. Въ Касимовѣ явился къ нему изъ Москвы отъ царя князь Прозоровскій съ жалованнымъ словомъ за службу, что царю Василью служилъ и прямилъ; но Прозоровскій долженъ былъ также сказать Шереметеву, что идетъ медленно, государевымъ дѣломъ не радѣетъ. Та-

кимъ образомъ Шереметевъ получилъ и похвалу, и выговоръ въ одно время, за одно и тоже дѣло; товарищъ его Иванъ Салтыковъ былъ взятъ въ Москву: его, какъ видно, считали главнымъ виновникомъ медленности и нерадѣнья. Шереметевъ послѣ того перешелъ во Владимиръ.

Такимъ образомъ сѣверъ очищался и главныя рати царя Василія съ востока и запада сходились къ Москвѣ, чтобъ подъ ея стѣнами дать рѣшительный бой царю Тушинскому,-царю южной части государства, прежепогибшей украйны и степей казацкихъ. Побѣда Скопина надъ Зборовскимъ сильно встревожила Тушино: Самозванецъ писалъ Сапѣгѣ, чтобъ тотъ, бросивъ осаду Троицкаго монастыря, спѣшилъ на защиту Тушина: «Непріятель, пишетъ Лжедимитрій, вошелъ въ Тверь почти на плечахъ нашего войска. Мы не разъ уже писали вамъ, что не должно терять времени за курятниками, которые безъ труда будутъ въ нашихъ рукахъ, когда Богъ увѣнчаетъ успѣхомъ наше предпріятіе. Теперь же, при перемѣнѣ счастья, мы тѣмъ болѣе просимъ оставить тамъ все и спѣшить какъ можно скорѣе со всѣмъ войскомъ вашимъ къ главному стану, давая знать и другимъ, чтобъ спѣшили сюда же. Просимъ, желаемъ непремѣнно и подтверждаемъ, чтобъ вы иначе не дѣйствовали». Не довольствуясь этимъ, самозванецъ приписалъ собственноручно. «Чтобъ спѣшилъ какъ можно скорѣе»[90]. Но гроза поднималась надъ Тушиномъ съ другой стороны.

ГЛАВА VI.

Окончаніе царствованія Василія Ивановича Шуйскаго.

Польскій король Сигизмундъ осаждаетъ Смоленскъ.— Смута въ Тушинѣ по этому случаю.—Самозванецъ бѣжитъ изъ Тушина въ Калугу.—Послы отъ русскихъ Тушинцевъ у короля Сигизмунда и предлагаютъ русскій престолъ сыну его Владиславу.—Условія избранія Владислава.—Положеніе Марины въ Тушинѣ.—Положеніе Самозванца въ Калугѣ.—Марина убѣгаетъ изъ Тушина.—Поляки оставляютъ Тушино.—Народная любовь къ князю Скопину.—Торжественный въѣздъ его въ Москву.—Затруднительное положеніе короля Сигизмунда.— Смерть Скопина.— Ляпуновъ поднимается противъ царя Василія.— Побѣда Польскаго гетмана Жолкѣвскаго надъ Русскими при Клушинѣ.—Походъ Жолкѣвскаго къ Москвѣ.—Самозванецъ подъ Москвою.— Сверженіе Шуйскаго.— Правительстенныя распоряженія въ царствованіе Шуйскаго.

Мы видѣли, что при вступленіи Шуйскаго на престолъ королю Сигизмунду, угрожаемому страшнымъ рокошемъ, было не до Москвы. Но рокошъ кончился торжествомъ короля, который имѣлъ теперь возможность заняться дѣлами внѣшними, а между тѣмъ въ дѣла Московскаго государства вмѣшалась чуждая и враждебная Польшѣ держава. Сигизмундъ еще могъ ждать спокойно развязки дѣлъ, пока Шуйскій боролся съ самозванцемъ; но когда Шуйскій завелъ переговоры съ Шведами, съ Карломъ IX, заклятымъ врагомъ Сигизмунда и Польши, когда между царемъ Московскомъ и королемъ Шведскимъ заключенъ былъ вѣчный союзъ противъ Полши, тогда Сигизмундъ оставаться въ покоѣ не могъ; съ другой стороны послы Польскіе, возвратив-

шіеся изъ Москвы, увѣряли короля, что бояре за него, что стоитъ только ему показаться съ войскомъ въ предѣлахъ Московскихъ, какъ бояре заставятъ Шуйскаго отказаться отъ престола и провозгласятъ царемъ королевича Владислава. Послѣ Сигизмундъ объявлялъ Испанскому королю, что онъ предпринялъ Московскую войну во первыхъ для отмщенія за недавнія обиды, за нарушеніе народнаго права, потомъ, чтобъ дать силу своимъ наслѣдственнымъ правамъ на престолъ Московскій, ибопредокъ его Ягайло былъ сыномъ княжны Русской и женатъ былъ также на княжнѣ Русской, наконецъ, чтобъ возвратить области, отняться у его предковъ князьями Московскими. Походъ былъ впрочемъ предпринятъ не изъ однихъ частныхъ выгодъ короля, но и для блага всего христіанства: король видѣлъ, что колеблющемуся государству Московскому съ одной стороны угрожаютъ Турки и Татары, съ другой еретическіе государи: въ войскахъ Шуйскаго были Татары, были еретики Французы, Голландцы, Англичане, набранные тѣми (Шведами), которые хотѣли, заключивъ союзъ противъ Польши съ варварами, истребить католическую религію, и основать еретическое государство съ титуломъ Имперіи, который Москвитяне себѣ присвоиваютъ. Король отправился къ Московскимъ границамъ, повѣстивъ сенаторамъ, что ѣдетъ въ Литву для наблюденія за войною со Шведами въ Ливоніи и за ходомъ дѣлъ въ Россіи, обѣщаясь имѣть въ виду только однѣ выгоды республики; въ Люблинѣ объявилъ сеймовымъ депутатамъ, что все добытое на войнѣ Московской отдастъ республикѣ, ничего не удержитъ для себя. Эти обязательства очень важны для насъ: они устанавливаютъ точку зрѣнія, съ какой мы должны смотрѣть на поведеніе Сигизмунда относительно Московскаго государства. Мы не можемъ упрекать Сигизмунда въ близорукости, въ безразсудномъ упрямствѣ, упрекать его за то, что онъ непремѣнно хотѣлъ взять Смоленскъ, не послалъ тотчасъ сына своего Владислава въ Москву, раздражалъ тѣмъ Русскихъ и привелъ возстаніе, окончившееся изгнаніемъ Поляковъ

Мы прежде всего должны обратить вниманіе на положеніе Сигизмунда, который не могъ заботиться о своихъ династическихъ выгодахъ обязавшись думать только о выгодахъ республики: какъ бы онъ могъ возвратиться въ Польшу и явиться на сеймъ, потративъ Польскую кровь и деньги для того только, чтобъ посадить сына своего на Московскій престолъ, если это посаженіе не достовляло Польшѣ никакой непосредственной выгоды? Польскій престолъ былъ избирательный; по смерти Сигизмунда сынъ его Владиславъ, царь Московскій, могъ быть избранъ королемъ Польскимъ и нѣтъ: и прежніе цари Московскіе бывали искателями Польскаго престола, но не достагали его по невозможности согласить интересы Польскіе съ Московскими, а эта невозможность должна была существовать и при Владиславѣ, потому что если бы онъ, сидя на Московскомъ престолѣ, вздумалъ быть полезенъ Польшѣ, то ему могли приготовить участь Лжедимитрія. Другое дѣло, если бы Москва покорилась самому королю Сигизмунду, то есть присоединились къ Польшѣ, это было выгодно для послѣдней, и Сигизмундъ могъ добиваться этого; но прежде онъ долженъ былъ овладѣть какою-нибудь областію для Польши, чтобы достигнуть цѣли своего похода, доставить Рѣчи Посполитой что-нибудь вѣрное, тогда какъ овладѣніе Москвою было такимъ предпріятіемъ, котораго успѣхъ былъ очень сомнителенъ. Гетманъ Жолкѣвскій писалъ къ королю, что всѣ думаютъ, будто король выступилъ въ походъ для собственныхъ выгодъ, а не для выгодъ республики, и потому нетолько простой народъ, и сенаторы неохотно объ этомъ говорятъ, необходимо слѣдовательно увѣрить сенаторовъ въ противномъ. Понятно послѣ этого, что Сигизмундъ долженъ былъ спѣшить этимъ увѣреніемъ, не на словахъ, а на дѣлѣ, спѣшить пріобрѣтеніемъ для республики, а не для себя какого-нибудь важнаго мѣста въ Московскихъ владѣніяхъ. Издавна Смоленскъ былъ предметомъ спора между Москвою и Литвою; наконецъ первой удалось овладѣть имъ. Но Литва не могла позабыть такой важной потери, ибо этотъ городъ, ключь Днѣпровской области, считался тверды-

нею неприступною. Сигизмунда увѣдомляли, что воевода Смоленскій Шеинъ и жители охотно сдадутся ему; король не хотѣлъ упускать такого удобнаго случая и двинулся къ Смоленску, вопреки совѣтамъ гетмана Жолкѣвскаго, который хотѣлъ вести войско въ Сѣверскую землю, гдѣ худо укрѣпленные городки не могли оказать упорнаго сопротивленія.

Какъ смотрѣли въ это время въ Польшѣ на дѣла Московскія, на цѣль похода Сигизмундова, можно видѣть изъ письма какого-то Отоевскаго изъ Польши къ какому-то Вашійскому въ Ливонію отъ 12 декабря 1608 года. Отоевскій пишетъ о наймѣ Шведами полковъ на помощь Шуйскому, при чемъ прибавляетъ: «Намъ теперь слѣдуетъ положиться во всемъ на всемогущаго Бога и держать надежду на тѣхъ, которые теперь въ Русской землѣ пасутся, потому что имъ до сихъ поръ все сходило съ рукъ счастливо; Русскіе своимъ государямъ, которымъ они крестъ цѣловали, толпами измѣняютъ и землю свою нашимъ отдаютъ, и теперь здѣсь мірская молва, что наши мало не всею Русскою землю овладѣли, кромѣ Москвы, Новгорода и другихъ небольшихъ городовъ. Я вамъ объявляю, что на будущемъ сеймѣ постановятъ такое рѣшеніе: видя легкоуміе и непостоянство Московскихъ людей, которымъ ни въ чемъ вѣрить нельзя, надобно раззорить шляхту и купцовъ и развести въ Подолію или въ другія дальныя мѣста, а на ихъ мѣсто посадить изъ нашихъ земель добрыхъ людей, на которыхъ бы можно было въ нужное время положиться. Теперь намъ этимъ дѣломъ надобно промыслить раньше: прежде чѣмъ придутъ Шведы надобно Шуйскаго со всѣми его пріятелями разорить и искоренить до основанія». Изъ этого письма мы видимъ, какъ союзъ Шуйскаго со Шведами вывелъ Поляковъ изъ бездѣйствія, понудилъ ихъ ускорить рѣшительными мѣрами относительно Москвы. Съ другой стороны видимъ, что цѣлію королевскаго похода для Поляковъ было покореніе Московскаго государства Польшѣ, а не возведеніе на Московскій престолъ сына королевскаго. Но если Поляки хотѣли воспользоваться смутнымъ состо-

яніемъ Московскаго государства для его завоеванія, то это завоеваніе не могло быть легко, когда бы Поляки вступили въ Московскія области съ явно враждебнымъ видомъ, съ явно высказанною цѣлію завоеванія. Москва была раздѣлена между двумя искателями престола; чтобъ облегчить себѣ завоеваніе Русскихъ областей, Польша должна была выставить также искателя, именно королевича Владислава, на котораго еще при жизни перваго Лжедимитрія указывали бояре, о которомъ нѣкоторые изъ нихъ думали и теперь, какъ доносили Сигизмунду: и такъ посаженіе Владислава на престолъ Московскій было только предлогомъ для достиженія цѣли, но не могло быть цѣлію Сигизмундова похода.

Обо всѣхъ замыслахъ и движеніяхъ въ Польшѣ зналъ Смоленскій воевода Шеинъ, который посылалъ въ Литву за рубежъ своихъ лазутчиковъ; они приносили ему вѣсти, слышанныя ими отъ своихъ сходниковъ, т. е, людей подкупленныхъ, которые, сходясь въ условленныхъ мѣстахъ съ Русскими лазутчиками, увѣдомляли ихъ обо всѣмъ, что̀ у нихъ дѣлалось. Но не отъ однихъ лазутчиковъ-крестьянъ узнавалъ Шеинъ Польскія новости: у него былъ подкупленъ въ Польшѣ какой-то Янъ Войтеховъ, который непосредственно на письмѣ доносилъ ему обо всемъ. Въ Мартѣ 1609 года Войтеховъ писалъ ему, что по окончаніи сейма королевичь хотѣлъ было идти на Москву, но пріѣхалъ воевода Сендомирскій и посолъ отъ Лжедимитрія вмѣстѣ съ послами отъ Тушинскихъ Поляковъ съ просьбою къ королю и панамъ, чтобъ королевича на Московское царство не слали, ибо они присягнули Тушинскому царю головы свои положить, хотя бъ и противъ своей братьи. Войтеховъ сообщилъ также вѣсти и изъ Тушинскаго стана, писалъ что крутиголова Димитрій хочетъ оставить Тушино и утвердиться на новомъ мѣстѣ, потому что весною смрадъ задушитъ войско, весною же хочетъ непремѣнно добыть и Москву. Войтеховъ писалъ, что Сендомирскій воевода на сеймѣ именемъ Димитрія обязался отдать Польшѣ

Смоленскъ и Сѣверскую землю, и еслибъ Мнишекъ въ этомъ не присягнулъ, то Поляки непремѣнно хотѣли посадить королевича на царство Московское. Войтеховъ писалъ также, что много купцовъ Польскихъ пріѣхало домой изъ Тушина и сказываютъ, будто Лжедимитрій хочетъ бѣжать, боясь Рожинскаго и казаковъ, что у него нѣтъ денегъ на жалованье Польскому войску, которое будто бы говоритъ: «Если бы царь Московскій заплатилъ намъ, то мы воровъ выдали бы, а изъ земли Московской вышли»; что Шуйскому стоитъ привлечь къ себѣ Заруцкаго съ его Донскими казаками, и тогде можно сжечь Тушинскіе таборы. О самомъ себѣ Войтеховъ писалъ: «Пришлите мнѣ пожалуйста бобра добраго чернаго самороднаго, потому что меня слово обошло за прежнее письмо къ вамъ: такъ надобно что-нибудь въ очи закинуть.» Шеину сообщали также слухи, ходившіе въ Литвѣ о самозванцахъ, писали, что воръ Тушинскій пришелъ съ Бѣлой на Велижъ, звали его Богданомъ. и жилъ онъ на Велижѣ шесть недѣль, а пришелъ онъ съ Бѣлой въ скорости, какъ убили Разстригу, сказывалъ, что былъ у разстриги писаремъ ближнимъ; съ Велижа съѣхалъ съ однимъ Литвиномъ въ Витебскъ, изъ Витебска въ Польшу, а изъ Польши объявился воровскимъ именемъ. Петрушка, что сидѣлъ въ Тулѣ, и теперь живетъ въ Литвѣ; и прямой онъ сынъ царя Өедора, а вмѣсто его въ Москвѣ повѣсили мужика. Борисовъ сынъ, Өедоръ Годуновъ, также живъ и теперь у цесаря христіанскаго.

Между тѣмъ у пограничныхъ жителей Московскихъ и Литовскихъ по обычаю происходили ссоры, наѣзды. По этому поводу начальники пограничныхъ областей—староста Велижскій, Александръ Гонсѣвскій, бывшій недавно посломъ въ Москвѣ, и Смоленскій воевода Шеинъ, должны были войдти въ сношенія другъ съ другомъ. Гонсѣвскій звалъ Шеина на порубежный съѣздъ для рѣшенія спорныхъ дѣлъ; Шеинъ, въ такое смутное время, боялся принять на себя за это отвѣтственность, особенно когда ему доносили, что Гонсѣвскій нарочно для того и пріѣхалъ въ Ве-

лижъ, что бъ подговорить Смольнянъ къ сдачѣ королю. Шеинъ упрекалъ Гонсѣвскаго за то, что онъ не выполнилъ условій довогора, заключеннаго имъ съ товарищами въ Москвѣ, что Поляки не выведены изъ Московскаго государства, и отъ того происходитъ страшное кровопролитіе. Гонсѣвскій отвѣчалъ: «Ты хочешь, чтобъ Польскіе и Литовскіе люди были выведены изъ Московскаго государства: но какимъ образомъ это сдѣлать? Грамотами королевскими? Грамоты были посланы къ нимъ? король хотѣлъ послать еще гонца, и велѣлъ мнѣ обо всемъ этомъ переговорить съ тобою: но вы сами отъ добраго дѣла бѣгаете, держась своего обычая Московскаго: братъ брату, отецъ сыну, сынъ отцу не вѣрите; этотъ обычай теперь ввелъ царство Московское въ погибель. Я знаю, что у васъ, у государей и въ народѣ такой довѣренности, какъ у насъ, нѣтъ, и тебѣ, по обычаю Московскому, нельзя было со мною съѣздъ устроить; зная это, я писалъ тебѣ, чтобъ ты объявилъ о дѣлѣ архіепископу и другимъ Смольнянамъ, и съ ихъ вѣдома съѣздъ устроилъ: но и это не помогло. Припоминая себѣ дѣла Московскія, къ которымъ, будучи въ Москвѣ, приглядѣлся и прислушался, также и нынѣшнее ваше поведеніе видя, я дивлюсь тому: что ни дѣлаете, все только на бо̀льшее кровопролитіе и на пагубу государству своему». Гонсѣвскій былъ правъ на словахъ, но вовсе не правъ на дѣлѣ, потому что онъ-то и извѣстилъ короля о желаніи бояръ имѣть царемъ Владислава, онъ-то и теперь всѣхъ больше хлопоталъ о сдачѣ Смоленска, какъ прямо самъ король сказалъ Жолкѣвскому; слѣдовательно извѣстія, полученныя Шеинымъ о замыслахъ Гонсѣвскаго, были вполнѣ справедливы, и Шеинъ имѣлъ полное право не довѣрять Велижскому старостѣ.

Надобно было готовиться къ оборонѣ, принимать мѣры предосторожности; но въ такое смутное время трудно было разсчитывать на всеобщее усердіе, на всеобщее повиновеніе: стрѣлецкіе сотники и дѣти боярскіе отказывались стоять на сторожѣ противъ Поляковъ. А между тѣмъ изъ-

за границы приходили вѣсти одна другой страшнѣе о движеніяхъ Сигизмунда. Донесеніе Войтехова, что обѣщанія Мнишка, данныя на сеймѣ, удержали Поляковъ отъ войны, оказалось ложнымъ; въ маѣ 1609 года лазутчики донесли Шеину, что король строго запретилъ Сендомирскому воеводѣ и всѣмъ вообще Полякамъ ходить къ Москвѣ. Въ Іюлѣ доносили, что Гонсѣвскій идетъ съ нарядомъ подъ Смоленскъ, что туда же, въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, ждутъ самого Сигизмунда, что Гонсѣвскій приводилъ жителей пограничныхъ Московскихъ волостей къ присягѣ на имя королевское. Вѣсти были справедливы. Въ Минскѣ съѣхался съ королемъ гетманъ Жолкѣвскій и разспрашивалъ о подробностяхъ касательно предпринимаемаго похода, хотѣлъ знать, что́ ручается королю за успѣхъ его? Тѣ, которые обнадеживали Сигизмунда, говорили, что пока онъ находится далеко, то боярамъ Московскимъ трудно отозваться въ его пользу, и потому, чтобъ заставить ихъ высказать свое расположеніе, королю необходимо спѣшить къ границамъ. Въ Минскъ пришло письмо отъ Гонсѣвскаго, который настаивалъ, чтобъ король какъ можно скорѣе выступалъ подъ Смоленскъ беззащитный, ибо ратные люди Смоленскіе ушли на помощъ къ Скопину. Сигизмундъ выѣхалъ изъ Минска, а въ Оршѣ свидѣлся съ Литовскимъ канцлеромъ Львомъ Сапѣгою, который также убѣждалъ короля спѣшить походомъ. Сапѣга пошелъ впередъ къ Смоленску, безпрестанными записками побуждая къ скорости и Жолкѣвскаго, которому очень не нравилась вся эта поспѣшность и, какъ ему казалось, необдуманность: опытному полководцу странно было предположить, что такая сильная крѣпость, какъ Смоленскъ, захочетъ сдатся войску, въ которомъ было только 5000 пѣхоты. Несмотря на то, 19 сентября нетерпѣливый Сапѣга уже стоялъ подъ Смоленскомъ, 21-го прибылъ туда и самъ король; всего войска собралось, кромѣ 5000 пѣхоты, 12,000 конницы, 10,000 казаковъ Запорожскихъ и неопредѣленное число Татаръ Литовскихъ; Запорожцевъ было также не всегда одинакое

число, потому что часть ихъ отъѣзжала за кормами; въ числѣ 12,000 конницы было много волонтеровъ, которые, набравши добычи, разбѣгались. Число осажденныхъ, способныхъ ко оборонѣ, полагаютъ до 70,000.

Перейдя границу, Сигизмундъ отправилъ въ Москву складную грамоту, а въ Смоленскъ универсалъ, въ которомъ говорится, что по смерти послѣдняго Рюриковича, царя Ѳедора, стали Московскими государями люди нецарскаго рода, и не по Божію изволенію, но собственною волею, насиліемъ, хитростію и обманомъ, вслѣдствіе чего возстали братъ на брата, пріятель на пріятеля, что многіе изъ большихъ, меньшихъ и среднихъ людей Московскаго государства и даже изъ самой Москвы, видя такую гибель, били челомъ ему, Сигизмунду, чтобъ онъ, какъ царь христіанскій и наиближайшій родичь Московскаго государства, вспомнилъ свойство и братство съ природными, старинными государями Московскими, сжалился надъ гибнущимъ государствомъ ихъ. И вотъ онъ Сигизмундъ самъ идетъ съ большимъ войскомъ не для того, чтобъ проливать кровь русскую, но чтобъ оборонять русскихъ людей, стараясь болѣе всего о сохраненіи православной Русской вѣры. Потому Смольняне должны встрѣтить его съ хлѣбомъ и съ солью, и тѣмъ положить всему дѣлу доброе начало, въ противномъ же случаѣ войско королевское не пощадитъ никого. Смольняне отвѣчали королю, что у нихъ обѣтъ положенъ въ дому у Пречистой Богородицы: за православную вѣру, за святыя церкви, за царя и за царское крестное цѣлованіе всѣмъ померетъ, а Литовскому королю и его панамъ отнюдь не поклониться. Посады были пожжены, жены и дѣти служивыхъ людей, бывшихъ въ войскѣ Скопина, перебрались изъ уѣзда въ крѣпость; но крестьяне въ осаду не пошли и даточныхъ людей не дали, потому что король обольстилъ ихъ вольностію. Смольняне посылали челобитныя въ Москву съ просьбою о помощи; но вмѣсто помощи царь Василій могъ присылать имъ только милостивыя грамоты. Несмотря на то, осажденные рѣшились защищаться отчаянно, и если всту-

пали въ переговоры съ королемъ, то единственно для того, чтобы выиграть время. При этихъ переговорахъ Смольняне прямо говорили посланнымъ королевскимъ, что они хвалятъ Сигизмунда за его доброе расположеніе, но опасаются его подданныхъ, на которыхъ положиться нельзя. Еслибы король и обѣщалъ что-нибудь подъ клятвою, то Поляки не сдержатъ его слова, по примѣру стоявшихъ подъ Москвою, которые, увѣряя, что сражаются за Русскихъ, сами забираютъ семейства ихъ и разоряютъ волости. Такимъ образомъ кромѣ враждебныхъ пограничныхъ отношеній, издавна господствовавшихъ между Литвою и Смольнянами, послѣдніе не могли сдаться Сигизмунду вслѣдствіи слабости королевской власти въ Польшѣ, вслѣдствіе недостатка ручательства въ томъ, что обязательства королемъ данныя будутъ исполнены его подданными. Нѣкоторые изъ Смольнянъ объявили еще, что они не хотятъ терпѣть отъ Поляковъ того же, что терпѣли отъ нихъ жители Москвы во время перваго Лжедмитрія, и потому рѣшились умереть вѣрными царю Василію, и скорѣе собственными руками умертвятъ своихъ женъ, чѣмъ согласятся видѣть ихъ въ рукахъ Поляковъ. Трудно было полагаться и на обѣщанія самого Сигизмунда, который, увѣряя Смольнянъ, что будетъ охранять ихъ вѣру, въ Польшѣ объявлялъ, что началъ войну преимущественно для славы Божіей, для распространенія католической религіи. Между причинами, побуждавшими Смольнянъ къ сопротивленію, можно положить еще и ту, что служилые люди Смоленскіе были въ войскѣ Скопина, а семейства ихъ сидѣли въ осадѣ въ Смоленскѣ: эти семейства, разумѣется всѣми силами должны были противиться сдачѣ города Сигизмунду, ибо тогда они были бы разлучены съ своими; съ другой стороны, присутствіе Смоленскихъ служилыхъ людей въ станѣ Скопина одушевляло осажденныхъ надеждою, что земляки ихъ непремѣнно явятся на помощь къ нимъ, на выручку семействъ своихъ. Наконецъ указываютъ еще причину сопротивленія, именно со стороны богатѣйшихъ купцовъ Смоленскихъ: они дали въ долгъ Шуйскому много

денегъ: еслибы они сдались Сигизмунду, то и эти деньги пропали бы.

Съ самаго начала осада пошла неудачно; осажденные позволяли себѣ очень смѣлыя вещи: однажды шестеро смѣльчаковъ переѣхали изъ крѣпости въ лодкѣ черезъ Днѣпръ къ шанцамъ непріятельскимъ, среди бѣлаго дня схватили знамя и благополучно ушли съ нимъ обратно за рѣку. 12 октября король велѣлъ своему войску идти на приступъ: разбивши ворота петардою, часть войска ворвалась было въ городъ, но не получила подкрѣпленія отъ своихъ и была вытѣснена осажденными. Подкопы также неудавались, потому что осажденные имѣли при стѣнахъ въ землѣ тайные подслухи. Не Смоленскъ, но Тушино испытало на себѣ весь вредъ отъ королевскаго похода: когда здѣсь узнали объ этомъ походѣ, то началось сильное волненіе; Поляки кричали, что Сигизмундъ пришелъ за тѣмъ, чтобъ отнять у нихъ заслуженныя награды и воспользоваться выгодами, которыя они пріобрѣли своею кровію и трудами. Гетманъ Рожинскій былъ первый противъ короля, потому что въ тушинѣ онъ былъ полновластнымъ хозяиномъ, а въ войскѣ королевскомъ не могъ имѣть такого значенія. Онъ собралъ коло и, разумѣется, легко уговорилъ товарищей своихъ не отказываться отъ цѣли уже столь близкой и дать другъ другу присягу ни съ кѣмъ не входить въ переговоры и не оставлять Димитрія, но, посадивъ его на престолъ, требовать всѣмъ вмѣстѣ награжденія; если же царь станетъ медлить, то захватить области Сѣверскую и Рязанскую и кормиться доходами съ нихъ до тѣхъ поръ, пока не получатъ полнаго вознагражденія. Всѣ Поляки охотно подписали конфедераціонный актъ и отправили къ королю подъ Смоленскъ пословъ, Мархоцкаго съ товарищами, съ просьбою, чтобъ онъ вышелъ изъ Московскаго государства и не мѣшалъ ихъ предпріятію. Рожинскій хотѣлъ уговорить и Сапѣгу къ конфедераціи, для чего поѣхалъ самъ къ нему въ станъ подъ Троицкій монастырь, но Сапѣга не рѣшился на мѣру, которая вела къ открытой борьбѣ съ королемъ.

Между тѣмъ Скопинъ, соединившись опять съ Делагарди, двинулся изъ Колязина на Александровскую слободу, откуда передовой отрядъ его, подъ начальствомъ Волуева и Сомме, вытѣснилъ Поляковъ. Скопинъ остановился въ слободѣ, дожидаясь Шереметева и новыхъ подкрѣпленій изъ Швеціи; онъ медлилъ, а Москва опять терпѣла голодъ: покупали четверть по семи рублей и народъ волновался, кричали, что лгутъ, будто придетъ скоро князь Михайла Васильевичъ, приходили въ Кремль міромъ къ царю Василью, шумѣли и начинали мыслить опять къ Тушинскому вору. Въ это мятежное время вдругъ пришла станица отъ Скопина съ письмомъ къ царю, царь послалъ письмо къ патріарху и настала въ Москвѣ радость, зазвонили въ колокола, начали пѣть молебны. Но радовались не долго, потому что голодъ все усиливался: крестьянинъ Сальковъ съ толпою Русскихъ воровъ перехватилъ коломенскую дорогу, по которой шли въ Москву запасы изъ земли Рязанской, свободной отъ Тушинцевъ; царь выслалъ противъ него одного воеводу, но Сальковъ разбилъ его; выслалъ другаго —тотъ ничего не сдѣлалъ разбойникамъ, наконецъ вышелъ третій воевода, князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, и разбилъ Салькова на голову на Владимирской дорогѣ, на рѣчкѣ Пехоркѣ; на четвертый день послѣ битвы Сальковъ явился въ Москву съ повинною: у него изо всей шайки осталось только 30 человѣкъ. Въ самой Москвѣ казаки завели измѣну: атаманъ Гороховой, которому пришла очередь стоять въ Красномъ селѣ, снесся съ Тушинцами и сдалъ имъ Красное село: Тушинцы выжгли его; мало этого, подведенные также измѣнниками, они подкрались ночью къ деревянному городу и зажгли его; Москвичи отбили ихъ и затушили пожаръ: выгорѣло саженъ сорокъ. Скопинъ все стоялъ въ Александровской слободѣ. Сапѣга пошелъ туда изъ-подъ Троицкаго монастыря, разбилъ высланный противъ него Скопинымъ отрядъ, но не могъ осилить самого Скопина и, послѣ жаркаго боя съ нимъ, возвратился опять подъ Троицу. Послѣ этого онъ уговаривалъ Рожинскаго

дѣйствовать вмѣстѣ противъ Скопина; но тотъ, раздосадованный отказомъ Сапѣги приступить къ конфедераціи, отказался помогать ему и уѣхалъ въ Тушино, которому король скоро нанесъ послѣдній ударъ.

Въ то время, какъ Тушинскіе Поляки отправили пословъ къ Сигизмунду подъ Смоленскъ, король отправилъ своихъ пословъ въ Тушино, пана Станислава Стадницкаго съ товарищами. Они должны были внушать Полякамъ, что имъ гораздо приличнѣе служить природному своему государю, чѣмъ иноземному искателю приключеній, и что они прежде всего должны заботиться о выгодахъ Польши и Литвы. Король обѣщалъ имъ вознагражденіе изъ казны Московской въ томъ случаѣ, когда соединенными силами Москва будетъ покорена, притомъ обѣщалъ, что они будутъ получать жалованье съ того времени, какъ соединятся съ полками его; начальнымъ людямъ сулилъ богатыя награды не только въ Московскомъ государствѣ, но и въ Польшѣ. Что же касается до Русскихъ Тушинцевъ, то Сигизмундъ уполномочилъ пословъ обѣщать имъ сохраненіе вѣры, обычаевъ, законовъ, имущества, и богатыя награды, если они предадутся ему. Съ другой стороны послы должны были войдти въ сношеніе съ самимъ Шуйскимъ и начальными людьми въ Москвѣ, передать имъ грамоты королевскія. Грамота къ Шуйскому (отъ 12 ноября 1609 г. н. с.) начинается упрекомъ за дурной поступокъ съ послами Польскими при возстаніи на самозванца, потомъ король продолжаетъ: «Ты заключилъ перемиріе съ этими послами нашими, вымогая изъ нихъ силою, по своей волѣ дѣла, трудныя, чтобы мы свели своихъ людей, которые противъ воли нашей въ землю Московскую вошли съ человѣкомъ Москвичемъ, называющимся Дмитріемъ Ивановичемъ; ты велѣлъ нашимъ посламъ цѣловать на этомъ крестъ; но мы этого условія не приняли, и ты къ намъ пословъ своихъ за подтвержденіемъ перемирья не прислалъ, и самъ разными способами его нарушилъ: людей нашихъ, въ Москвѣ задержанныхъ и въ заточенье разосланныхъ, ты до 28 сен-

тября 1608 года, на рубежѣ не поставилъ, какъ было договорено, иныхъ до сихъ поръ задержалъ, а нѣкоторыхъ послѣ перемирья велѣлъ побить, за невинно побитыхъ людей нашихъ и за разграбленіе имущества ихъ удовлетворенія не сдѣлалъ; сверхъ того съ непріятелемъ нашимъ Карломъ Зюдерманландскимъ ссылался, казною ему противъ насъ помогалъ. Мы однако хотимъ Московское государство успокоить, и для того отправляемъ къ людямъ нашимъ, которые стоятъ подъ Москвою таборами, пословъ нашихъ великихъ, пана Станислава Стадницкаго съ товарищами, и тебѣ объ этомъ объявляемъ, чтобы ты боярамъ своимъ думнымъ велѣлъ съ нашими послами съѣхаться на безопасномъ мѣстѣ подъ Москвою и о добрыхъ дѣлахъ договоръ поставить для унятія этой войны въ Московскомъ государствѣ.» Грамоты къ патріарху и всему духовенству заключали въ себѣ слѣдующее: «Такъ какъ въ государствѣ Московскомъ съ давняго времени идетъ большая смута и разлитіе крови христіанской, то мы, сжалившись, пришли сами своею головою, не для того, чтобы желали большей смуты и пролитія крови христіанской въ вашемъ государствѣ, но для того, чтобъ это великое государство успокоить. Если захотите нашу королевскую ласку съ благодарностію принять и быть подъ нашею рукою, то увѣряемъ васъ нашимъ господарскимъ истиннымъ словомъ, что вѣру вашу православную правдивую Греческую, всѣ уставы церковные и всѣ обычаи старинные, цѣло и ненарушимо будемъ держать, не только оставимъ при васъ старыя отчины и пожалованія, но и сверхъ того всякою честью, вольностію и многимъ жалованьемъ васъ, церкви Божіи и монастыри одаривать будемъ.» Грамота къ боярамъ и всѣмъ людямъ Московскимъ была точно такого же содержанія.

Послы, отправленные изъ Тушина къ королю, и королевскіе, отправленные въ Тушино, встрѣтились въ Дорогобужѣ; послы королевскіе допытывались у Тушинскихъ, зачѣмъ они ѣдутъ къ Смоленску, но тѣ не сказали имъ ничего.

Пріѣхавъ подъ Смоленскъ, Тушинскіе послы правили посольство сперва предъ королемъ, потомъ предъ рыцарствомъ. Рѣчь, произнесенная предъ королемъ при почтительныхъ формахъ, была самаго непочтительнаго содержанія: Тушинцы объявляли, что король не имѣетъ накакого права вступаться въ Московское государство и лишать ихъ награды, которую они пріобрѣли у царя Димитрія своими трудами и кровію. Получивъ отъ короля суровый отвѣтъ, Тушинскіе послы отправились немедленно изъ-подъ Смоленска и пріѣхали въ Тушино прежде коммиссаровъ королевскихъ. Выслушавши ихъ донесеніе, Рожинскій съ товарищами начали совѣтоваться, принимать ли королевскихъ коммиссаровъ, или нѣтъ, потому что прежде они уговорились стоять при Димитріи и не входить ни съ кѣмъ въ переговоры, еслибы кто захотѣлъ вести ихъ съ ними, а не съ царемъ. Рожинскій, Зборовскій и многіе другіе начальные люди утверждали, что должно оставаться при первомъ рѣшеніи. Но войско не соглашалось: въ таборахъ пронесся слухъ, что у короля много денегъ и можетъ онъ заплатить жалованье войску, если оно, отступивши отъ Димитрія, перейдетъ на его сторону. Въ это время явился посланный отъ Сапѣги и отъ всего войска, бывшаго подъ Троицкимъ монастыремъ, и потребовалъ, чтобы Тушинцы непремѣнно вступили въ переговоры съ королевскими коммиссарами, въ противномъ случаѣ Сапѣга сейчасъ же перейдетъ на службу королевскую. Тогда Рожинскій долженъ былъ допустить коммиссаровъ; начались переговоры, сопровождавшіеся сильными волненіями. Что же дѣлалъ во все это время самозванецъ? Его время прошло, на него не обращали никакого вниманія; мало того, вожди Тушинскихъ Поляковъ срывали на немъ свое сердце съ тѣхъ поръ, какъ вступленіе короля въ Московскіе предѣлы поставило ихъ въ затруднительное положеніе: такъ панъ Тишкевичъ ругалъ его въ глаза, называя его обманщикомъ, мошенникомъ. Лжедимитрій хотѣлъ уѣхать изъ стана съ своими Русскими приверженцами, которымъ непріятно было такое обращеніе Поляковъ съ ихъ

царемъ прирожденнымъ; несмотря на то, что всѣ лошади его были заперты Поляками, царику удалось было выйдти изъ стана съ 400 Донскихъ казаковъ, но Рожинскій догналъ его и привелъ назадъ въ Тушино, гдѣ онъ былъ съ того времени подъ строгимъ надзоромъ. Когда 27 декабря Лжедимитрій спросилъ у Рожинскаго, о чемъ идутъ у нихъ переговоры съ королевскими коммиссарами, то гетманъ, бывшій въ нетрезвомъ видѣ, отвѣчалъ ему: «А тебѣ что за дѣло, зачѣмъ коммиссары пріѣхали ко мнѣ? Ч.... знаетъ, кто ты таковъ? Довольно мы пролили за тебя крови, а пользы не видимъ.» Пьяный Рожинскій грозилъ ему даже побоями. Тогда Лжедимитрій рѣшился, во что бы то ни стало, бѣжать изъ Тушина, и въ тотъ же день вечеромъ, переодѣвшись въ крестьянское платье, сѣлъ въ навозныя сани и уѣхалъ въ Калугу самъ другъ съ шутомъ своимъ Кошелевымъ.

Послѣ отъѣзда самозванцева Рожинскому съ товарищами ничего больше не оставалось, какъ вступить въ соглашеніе съ королемъ, умѣривъ свои, сначала безразсудныя, требованія. Но въ Тушинѣ было много Русскихъ: что имъ было теперь дѣлать? Двинуться за самозванцемъ они не могли: Поляки бы ихъ не пустили; да и трудно имъ было надѣяться, что самозванецъ успѣетъ поправить свои обстоятельства. Они не могли рѣшиться просить помилованія у Шуйскаго, промѣнять положеніе важное на участь еще неизвѣстную даже и въ случаѣ помилованія: Шуйскій не могъ смотрѣть на нихъ такъ снисходительно, какъ смотрѣлъ онъ на тѣхъ отъѣзжиковъ изъ Тушина, которые оставляли самозванца во всемъ его могуществѣ; теперь они не по доброй волѣ оставляли самозванца, а были имъ самимъ оставлены. Русскимъ Тушинцамъ, какъ и Польскимъ, оставался одинъ выходъ — вступить въ соглашеніе съ коммиссрами королевскими. Послѣдніе просили ихъ собраться въ коло; собрались — нареченный патріархъ Филаретъ съ духовенствомъ, Заруцкій съ людьми ратными, Салтыковъ съ людьми думными и придворными; пришелъ и ханъ Касимовскій съ

своими Татарами. Стадницкій говорилъ рѣчь, доказывалъ добрыя намѣренія короля относительно Московскаго государства, говорилъ о готовности Сигизмунда принять его въ свою защиту для освобожденія отъ тирановъ безправныхъ. Рѣчь была неопредѣленная, и совѣсть многихъ могла быть покойна; охотно слушали и рѣчь посла и грамоту королевскую, цѣловали Сигизмундову подпись, хвалили рѣчь посполитую за скорую помощь. Но, принимая покровительство короля, Русскіе требовали прежде всего неприкосновенности православной вѣры Греческаго закона, и коммиссары поручились имъ въ этомъ; написали и отвѣтную грамоту королю, въ которой ясно высказывается нерѣшительность и желаніе продлить время, дождаться, что̀ произойдетъ въ Москвѣ и областяхъ ей вѣрныхъ: «Мы, Филаретъ патріархъ Московскій и всея Руси, и архіепископы, и епископы и весь освященный соборъ, слыша его королевскаго величества о святой нашей православной вѣрѣ радѣнье и о христіанскомъ освобожденіи подвигъ, Бога молимъ и челомъ бьемъ. А мы бояре, окольничіе и т. д., его королевской милости челомъ бьемъ и на преславномъ Московскомъ государствѣ его королевское величество и его потомство милостивыми господарями видѣть хотимъ; только этого вскорѣ намъ, духовнаго и свѣтскаго чина людямъ, которые здѣсь въ таборахъ, постановить и утвердить нельзя безъ совѣту его милости пана гетмана, всего рыцарства, и безъ совѣту Московскаго государства изъ городовъ всякихъ людей; а какъ такое великое дѣло постановимъ и утвердимъ, то мы его королевской милости дадимъ знать.» Русскіе Тушинцы вступили въ конфедерацію съ Польскими, обязавшись взаимно не оставлять другъ друга и не приставать ни къ бѣжавшему царику, ни къ Шуйскому и его братьямъ; но, какъ говорятъ, многіе изъ нихъ спѣшили выйдти изъ нерѣшительнаго положенія и цѣловали крестъ Сигизмунду. Рѣшено было также, чтобы Русскіе и Польскіе Тушинцы отправили отъ себя пословъ къ королю для окончательныхъ переговоровъ.

31-го января 1610 года послы отъ Русскихъ Тушинцевъ были торжественно представлены королю; явились люди разныхъ чиновъ и приняли на себя представительство Московскаго государства; здѣсь были: Михайла Глѣбовичъ Салтыковъ съ сыномъ Иваномъ, князь Василій Михайловичъ Рубецъ-Мосальскій, князь Юрій Хворостининъ, Левъ Плещеевъ, Никита Вельяминовъ; дьяки: Грамотинъ, Чичеринъ, Соловецкій, Витовтовъ, Апраксинъ и Юрьевъ; здѣсь были и Михайла Молчановъ, и Тимоѳей Грязный, и Ѳедоръ Андроновъ, бывшій Московскій кожевникъ. Михайла Салтыковъ началъ рѣчь, говорилъ о расположеніи Московскаго народа къ королю, и отъ имени этого народа благодарилъ короля за милость. Сынъ его, Иванъ Салтыковъ, билъ челомъ королю отъ имени Филарета, нареченнаго патріарха, и отъ имени всего духовенства, и также благодарилъ Сигизмунда за стараніе водворить миръ въ Московскомъ государствѣ. Наконецъ дьякъ Грамотинъ, отъ имени думы, двора и всѣхъ людей объявилъ, что въ Московскомъ государствѣ желаютъ имѣть царемъ королевича Владислава, если только король сохранитъ ненарушимо Греческую вѣру, и не только не коснется древнихъ правъ и вольностей Московскаго народа, но еще прибавитъ такія права и вольности, какихъ прежде не бывало въ Московскомъ государствѣ. Изъ этого видно, что долгое пребываніе Русскихъ и Поляковъ въ одномъ станѣ произвело свои дѣйствія; но тутъ же обнаружилось и главное препятствіе къ соединенію Московскаго государства съ Польшею: говорятъ, что Салтыковъ заплакалъ, когда началъ просить короля о сохраненіи Греческой вѣры: онъ не могъ остаться равнодушнымъ при мысли о той опасности, какая ждетъ православіе со стороны Сигизмунда. И когда начались переговоры между сенаторами и послами объ условіяхъ, на которыхъ Владиславу быть царемъ Московскимъ, то Русскіе опять прежде всего требовали ненарушимости православія. Наконецъ 4 февраля согласились написать слѣдующія условія: 1) Владиславъ долженъ былъ вѣнчаться на царство въ Москвѣ отъ русскаго патріарха, по старому

обычаю; король прибавилъ сюда, что это условіе будетъ исполнено, когда водворится совершенное спокойствіе въ государствѣ. Изъ этой прибавки явно было намѣреніе Сигизмунда не посылать сына въ Москву, но подъ предлогомъ неустановившагося спокойствія, домогаться государства для себя. 2) Чтобы святая вѣра Греческаго закона оставалась неприкосновенною, чтобъ учители Римскіе, Люторскіе и другихъ вѣръ раскола церковнаго не чинили. Если люди Римской вѣры захотятъ приходить въ церкви Греческія, то должны приходить со страхомъ, какъ прилично православнымъ христіанамъ, а не съ гордостію, не въ шапкахъ, псовъ съ собою въ церковь не водили бы и не сидѣли бы въ церкви не въ положенное время. — Сюда король прибавилъ, чтобы для Поляковъ въ Москвѣ былъ выстроенъ костелъ, въ который Русскіе должны входить съ благоговѣніемъ. Король и сынъ его обѣщались не отводить никого отъ Греческой вѣры, потому что вѣра есть даръ Божій, и силою отводитъ отъ нея и притѣснять за нее не годится. Жидамъ запрещается въѣздъ въ Московское государство. 3) Король и сынъ его обязались чтить гробы и тѣла святыхъ, чтить Русское духовенство наравнѣ съ католическимъ и не вмѣшиваться въ дѣла и суды церковные. 4) Обязались не только не трогать имѣній и правъ духовенства, но и распространять ихъ. 5) Въ томъ же самомъ обязались относительно бояръ, окольничихъ, всякихъ думныхъ, ближнихъ и приказныхъ людей. 6) Служилымъ людямъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ жалованье будетъ выдаваемо какъ при прежнихъ законныхъ государяхъ. 7) Также точно будетъ поступаемо съ ружниками и оброчниками. 8) Судамъ быть по старинѣ, перемѣна законовъ зависитъ отъ бояръ и всей земли. 9) Между Московскимъ государствомъ, короною Польскою и великимъ княжествомъ Литовскимъ быть оборонительному и наступательному союзу противъ всѣхъ непріятелей. 10) На Татарскихъ украйнахъ держать обоимъ государствамъ людей сообща, о чемъ должно переговорить думнымъ боярамъ съ панами радными. 11) Никого не казнить: не осудя прежде

съ боярами и думными людьми; имѣніе казненныхъ отдается наслѣдникамъ; король не долженъ никого вызывать насильно въ Литву и Польшу. Великихъ чиновъ людей невинно не понижать, а меньшихъ людей возвышать по заслугамъ. Въ этомъ послѣднемъ условіи нельзя не видѣть вліянія дьяковъ и людей подобныхъ Андронову, которыхъ было много въ Тушинскомъ станѣ: люди неродовитые, выхваченные бурями смутнаго времени снизу на верхъ, хотятъ удержать свое положеніе, и требуютъ, чтобы новое правительство возвышало людей низшихъ сословій по заслугамъ, которыя они ему окажутъ. Выговорено было и другое любопытное условіе: «Для науки вольно каждому изъ народа Московскаго ѣздить въ другія государства христіянскія, кромѣ бусурманскихъ поганскихъ, и господарь отчинъ, имѣній и дворовъ у нихъ за то отнимать не будетъ». Здѣсь надобно вспомнить, что люди, писавшіе этотъ договоръ, были Салтыковъ, Мосальскій, ревностные приверженцы перваго Лжедимитрія, а слѣдовательно и приверженцы его плановъ, а мы знаемъ, что Лжедимитрій, упрекая бояръ въ невѣжествѣ, обѣщалъ позволить имъ выѣздъ за-границу. 12-мъ условіемъ было положено: Русскихъ плѣнниковъ, отведенныхъ въ Польшу, возвратить. 13) Польскимъ и Литовскимъ панамъ не давать правительственныхъ мѣстъ въ Московскомъ государствѣ; тѣхъ пановъ, которые должны будутъ остаться при Владиславѣ, награждать денежнымъ жалованьемъ, помѣстьями и отчинами, но съ общаго совѣта обоихъ государствъ; также король долженъ переговорить съ боярами о томъ, чтобы въ пограничныхъ крѣпостяхъ Польскіе люди могли остаться до совершеннаго успокоенія государства. Понятно, съ какою цѣлію было внесено Поляками послѣднее условіе: въ случаѣ сопротивленія восточныхъ областей, король могъ удержать въ своихъ рукахъ по крайней мѣрѣ пограничныя мѣста. 14) Подати будутъ сбираться по старинѣ; король не можетъ прибавлять никакой новой подати безъ согласія думныхъ людей; податямъ должны подлежать только мѣста заселенныя. 15) Между обоими

государствами вольная торговля; Русскіе могутъ ѣздить и въ чужія страны черезъ Польшу и Литву; тамги остаются старыя. 16) Крестьянскій переходъ запрещается въ Московскихъ областяхъ, также между Московскими областями и Литвою. 17) Холопей невольниковъ господскихъ оставить въ прежнемъ положеніи, чтобы служили господамъ своимъ по прежнему, а вольности имъ король давать не будетъ. 18) О казакахъ Волжскихъ, Донскихъ, Яицкихъ и Терскихъ король долженъ будетъ держать совѣтъ съ боярами и думными людьми: будутъ ли эти казаки надобны или нѣтъ.

Въ приведенномъ договорѣ насъ останавливаетъ особенно то, что на первомъ планѣ король, а не королевичъ; къ договору было приписано: «Чего въ этихъ артикулахъ не доложено, и дастъ Богъ его королевская милость будетъ подъ Москвою и на Москвѣ, и будутъ ему бить челомъ патріархъ и весь освященный соборъ, и бояре, и дворяне и всѣхъ становъ люди: тогда объ этихъ артикулахъ его господарская милость станетъ говорить и уряжать, по обычаю Московскаго государства, съ патріархомъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, съ боярами и со всею землею. Ясно было, что имя Владислава служило здѣсь только прикрытіемъ для замысловъ Сигизмундовыхъ, ибо прямо дѣйствовать во имя стараго короля было нельзя: купцы изъ югозападной Россіи, находившіеся въ Москвѣ, дали знать ея жителямъ, чтобъ они не вѣрили обѣщаніямъ человѣка, введшаго унію. Сигизмундъ спѣшилъ сдѣлать и второй шагъ впередъ для исполненія своихъ замысловъ; онъ потребовалъ отъ пословъ, и послы согласились повиноваться ему до прибытія Владислава, въ чемъ и дали такую присягу: «пока Богъ намъ дастъ государя Владислава на Московское государство, буду служить и прямить и добра хотѣть его государеву отцу, нынѣшнему наияснѣйшему королю Польскому и великому князю Литовскому, Жигимонту Ивановичу.» Достигши этого, король отправилъ къ Польскимъ сенаторамъ письмо, въ которомъ, увѣдомивъ о пріѣздѣ Тушинскихъ

пословъ и объ ихъ просьбѣ на счетъ Владислава, продолжаетъ: «хотя при такомъ усильномъ желаніи этихъ людей мы, по совѣту находящихся здѣсь пановъ, и не разсудили вдругъ опровергнуть надежды ихъ на сына нашего, дабы не упустить случая привлечь къ себѣ и Москвитянъ, держащихъ сторону Шуйскаго, и дать дѣламъ нашимъ выгоднѣйшій оборотъ: однако, имѣя въ виду, что походъ предпринятъ не для собственной пользы нашей и потомства нашего, а для общей выгоды республики, мы безъ согласія всѣхъ чиновъ ея не хотимъ постановить съ ними ничего положительнаго.» Отстранивъ такимъ образомъ отъ себя нареканіе, что имѣетъ въ виду только свои династическія выгоды, король обращается къ сенаторамъ съ просьбою о помощи войскомъ и деньгами, потому что, пишетъ онъ, только недостатокъ въ деньгахъ можетъ помѣшать такому цвѣтущему положенію дѣлъ нашихъ, когда открывается путь къ умноженію славы рыцарства, къ расширенію границъ республики и даже къ совершенному овладѣнію цѣлою Московскою монархіей.

Между тѣмъ въ Тушинѣ, несмотря на то, что Рожинскій и другіе начальные люди, послѣ бѣгства Лжедимитріева, должны были вступить въ соглашеніе съ королемъ, большая часть войска хотѣла искать бѣжавшаго царика и помогать ему овладѣть Москвою. Марина оставалась въ Тушинѣ; блѣдная, рыдающая, съ распущеными волосами ходила она изъ палатки въ палатку и умоляла ратныхъ людей снова принять сторону ея мужа, хотя положеніе ея при самозванцѣ было самое тяжелое, какъ видно изъ переписки ея съ отцемъ. Изъ одного письма узнаемъ, что старый Мнишекъ уѣхалъ изъ Тушина въ сердцахъ на дочь, не далъ ей благословенія. Изъ этого же письма узнаемъ объ ея отношеніяхъ ко второму мужу: она проситъ отца, чтобъ тотъ напомнилъ объ ней Лжедимитрію, напомнилъ о любви и уваженіи, какое онъ долженъ былъ оказывать женѣ своей. Въ другомъ письмѣ Марина говоритъ: о дѣлахъ моихъ не знаю, что писать, кромѣ того, что въ нихъ од-

но отлагательство со дня на день: нѣтъ ни въ чемъ исполненія; со мною поступаютъ такъ же, какъ и при васъ, а не такъ, какъ было обѣщано при отъѣздѣ вашемъ. Я хотѣла послать къ вамъ своихъ людей, но имъ надобно дать денегъ на пищу, а денегъ у меня нѣтъ». Но духъ ея не ослабѣвалъ, она не хотѣла отказываться отъ цѣли, для которой пожертвовала всѣмъ, переѣзжая изъ стана Сапѣги въ Тушино; самая великость жертвъ, ею принесенныхъ, дѣлала цѣль эту для нея еще драгоцѣннѣе, и отнимала возможность возвратиться назадъ. Въ отвѣтъ родственнику своему Стадницкому, который увѣдомлялъ ее о вступленіи короля въ Московскіе предѣлы, Марина писала: «крѣпко надѣюсь на Бога, защитника притѣсненныхъ, что Онъ скоро объявитъ судъ свой праведный надъ измѣнникомъ и непріятелемъ нашимъ (Шуйскимъ)». Въ этомъ письмѣ собственною рукою приписала: «Кого Богъ освѣтитъ разъ, тотъ будетъ всегда свѣтелъ. Солнце не теряетъ своего блеска потому только, что иногда черныя облака его заслоняютъ.» Эти слова Марина прибавила потому, что Стадницкій въ письмѣ своемъ не далъ ей царскаго титула. Замѣчательно письмо ея къ королю, въ которомъ она прибѣгаетъ подъ его защиту и желаетъ счастливаго окончанія его предпріятія; Марина пишетъ: «разумѣется ни съ кѣмъ счастіе такъ не играло, какъ со мною: изъ шляхетскаго рода возвысило оно меня на престолъ Московскій и съ престола ввергнуло въ жестокое заключеніе. Послѣ этого, какъ будто желая потѣшить меня нѣкоторою свободою, привело меня въ такое состояніе, которое хуже самого рабства, и теперь нахожусь въ такомъ положеніи, въ какомъ, по моему достоинству, не могу жить спокойно. Если счастіе лишило меня всего, то осталось при мнѣ однако право мое на престолъ Московскій, утвержденное моею коронаціею, признаніемъ меня истинною и законною наслѣдницею, признаніемъ, скрѣпленнымъ двойною присягою всѣхъ сословій и провинцій Московскаго государства:» Изъ этого письма видно, вопервыхъ, ужасное положеніе Марины въ Тушинѣ,

при второмъ самозванцѣ; вовторыхъ, Марина основываетъ свои права на Московскій престолъ не на правахъ мужей своихъ, но на своей коронаціи и присягѣ жителей Московскаго государства признавать ее своею царицею въ случаѣ безпотомственной смерти перваго Лжедимитрія: слѣдовательно Марина отдѣляетъ свое дѣло отъ дѣла втораго самозванца; онъ могъ быть обманщикъ, какимъ признаетъ его Польское правительство, но она чрезъ это не лишается правъ своихъ.

Марина впрочемъ напрасно такъ рано отчаялась въ дѣлѣ своего втораго мужа. Отдѣленіе отъ Поляковъ имѣло для него сначала свою выгодную сторону, ибо до сихъ поръ главный упрекъ ему состоялъ въ томъ, что онъ Ляхами опустошаетъ Русскую землю; теперь ссора съ Поляками освобождала его отъ этого нареканія. Пріѣхавъ подъ Калугу, самозванецъ остановился въ подгородномъ монастырѣ и послалъ монаховъ въ городъ съ извѣщеніемъ, что онъ выѣхалъ изъ Тушина, спасаясь отъ гибели, которую готовилъ ему король Польскій, злобившійся на него за отказъ уступить Польшѣ Смоленскъ и Сѣверскую землю, что онъ готовъ, въ случаѣ нужды, положить голову за православіе и отечество». Воззваніе оканчивалось словами: «Не дадимъ торжествовать ереси, не уступимъ королю ни кола, ни двора». Калужане спѣшили въ монастырь съ хлѣбомъ и солью, проводили Лжедимитрія съ торжествомъ въ городъ и дали ему средства окружить себя царскою пышностію». Но скоро обнаружилось, что и по отдѣленіи отъ Поляковъ самозванецъ долженъ былъ оставаться воровскимъ царемъ, потому что сила его основывалась на казакахъ. Князь Шаховской, всей крови заводчикъ, остался вѣренъ самозванцу и привелъ къ нему козаковъ, съ которыми стоялъ въ Царевѣ Займищѣ; вѣроятно въ Калугу манила Шаховскаго надежда первой роли при Лжедимитріѣ, ибо тамъ не было болѣе Рожинскаго.

Чтобъ отнять силу у послѣдняго, Лжедимитрій хотѣлъ поселить раздоръ въ Тушинѣ, и, злобясь особенно на Русскихъ Тушинцевъ, показавшихъ мало къ нему усердія, хотѣлъ во-

оружить противъ нихъ Поляковъ. Съ этою цѣлію Лжедимитрій отправилъ въ Тушино Поляка Казимирскаго съ письмомъ къ Маринѣ и другимъ лицамъ, гдѣ увѣрялъ, что готовъ возвратиться въ станъ, если Поляки обяжутся новою присягою служить ему и если будутъ казнены отложившіеся отъ него Русскіе, но письма были отняты у Казимирскаго и самъ онъ получилъ запрещеніе, подъ смертною казнію, возмущать войско. Рожинскій хотѣлъ отплатить самозванцу тою же монетою: онъ далъ Казимирскому письмо къ прежнему воеводѣ Калужскому, Поляку Скотницкому, гдѣ убѣждалъ послѣдняго съ помощію бывшихъ въ Калугѣ Поляковъ схватить Лжедимитрія и переслать назадъ въ Тушино. Но Казимирскій, пріѣхавъ въ Калугу, отдалъ письмо самозванцу, который тотчасъ велѣлъ бросить въ Оку Скотницкаго, хотя вовсе не могъ быть убѣжденъ въ томъ, что этотъ несчастный исполнитъ порученіе Рожинскаго: такой же участи подвергся и окольничій Иванъ Ивановичъ Годуновъ. Подозрѣвая двойную измѣну, не вѣря болѣе ни Полякамъ, ни знатнымъ Русскимъ, самозванецъ хотѣлъ жестокостію предупреждать вредные для него замыслы. Но если самозванецъ не вѣрилъ знатнымъ Русскимъ людямъ, то холопамъ и казакамъ онъ вѣрилъ: выгоды ихъ были тѣсно связаны съ его собственными. Такъ Донскіе казаки не послушались Млоцкаго, убѣждавшаго ихъ вступить въ королевскую службу, и отправились въ Калугу. Тѣ изъ Тушинскихъ Поляковъ, которые не хотѣли соединяться со королемъ и думали опять сблизиться съ Лжедимитріемъ, болѣе всего надѣялись на Донскихъ казаковъ и уговаривали ихъ начать дѣло, явно двинуться изъ Тушина въ Калугу, увѣряя, что если Рожинскій пойдетъ ихъ преслѣдовать, то они Поляки ударятъ ему въ тылъ. Несмотря на несогласіе главнаго воеводы своего Заруцкаго, казаки, подъ начальствомъ князей Трубецкаго и Засѣцкаго, ушли изъ Тушивна, Рожинскій погнался за ними: они остановились и дали битву, въ надеждѣ получить помощь отъ самихъ Поляковъ, но тѣ обманули ихъ, и Рожинскій положилъ съ двѣ тысячи казаковъ ца мѣстѣ, остальные разсѣялись по разнымъ мѣ-

стамъ, нѣкоторые пришли назадъ въ Тушино къ Заруцкому.

Отъѣздъ Марины подалъ поводъ къ новымъ волненіямъ въ Тушинѣ: ночью 11 февраля она убѣжала верхомъ въ гусарскомъ платьѣ, въ сопровожденіи одной служанки и нѣсколькихъ сотенъ Донскихъ казаковъ. На другой день поутру нашли письмо отъ нея къ войску: «Я принуждена удалиться, писала Марина, избывая послѣдней бѣды и поруганія. Не пощажена была и добрая моя слава и достоинство, отъ Бога мнѣ данное! въ бесѣдахъ равняли меня съ безчестными женщинами, глумились надо мною за покалами. Не дай Богъ, чтобы кто-нибудь вздумалъ мною торговать и выдать тому, кто на меня и Московское государство не имѣетъ никакого права. Оставшись безъ родныхъ, безъ пріятелей, безъ подданныхъ и безъ защиты, въ скорби моей поручивши себя Богу, должна я ѣхать поневолѣ къ моему мужу. Свидѣтельствую Богомъ, что не отступлю отъ правъ моихъ — какъ для защиты собственной славы и достоинства, потому что будучи государынею народовъ, царицею Московскою, не могу сдѣлаться снова Польскою шляхтянкою, снова быть подданною,—такъ и для блага того рыцарства, которое, любя доблесть и славу, помнитъ присягу». Въ письмѣ Марина объявляла, что ѣдетъ къ мужу поневолѣ: но скоро узнали, что она живетъ въ Дмитровѣ у Сапѣги. Рожинскій писалъ къ королю, что Марина сбилась съ дороги и потому попала въ Дмитровъ; но одинъ изъ его товарищей по Тушину, Мархоцкій, пишетъ иначе: по его словамъ, Сапѣга переманилъ къ себѣ Марину обѣщаніемъ взять ея сторону. Мы не можетъ отвергнуть этого объясненія, если вспомнимъ, какое житье было Маринѣ при ворѣ, къ которому она могла отправиться только по самой крайней необходимости. Какъ бы то ни было, Тушино волновалось. Собралось коло подлѣ ставки Рожинскаго; люди, державшіе его сторону, т. е. хотѣвшіе соединиться съ королемъ, пришли пѣшкомъ, только съ саблями, ничего не опасаясь отъ своихъ; но противники Рожинскаго, человѣкъ

сто, пріѣхали верхами съ ружьями, а нѣкоторые и въ полномъ вооруженіи. Начали разсуждать, къ кому лучше обратиться, къ королю или къ Димитрію? Приверженцы соединенія съ королемъ говорили, что стоять за Димитрія нѣтъ возможности: Москва его ненавидитъ, Москва склоннѣе къ королю, чѣмъ къ нему. Нѣкоторые изъ противниковъ Рожинскаго объявили, что лучше вступить въ переговоры съ Шуйскимъ; имъ возражали: «Шуйскій не будетъ такимъ простякомъ, что станетъ покупать у васъ миръ, видя ужь войну съ королемъ». Другіе говорили: «уйдемъ за Волгу, откроемъ бокъ королевскому войску, пусть его сдавитъ непріятель!» Имъ возражали, что это будетъ понапрасну, королю отъ того не будетъ никакого вреда, потому что Москва, имѣя ихъ въ землѣ своей, все же должна будетъ раздѣлить свои силы. Наконецъ нѣкоторые кричали, что надобно возвратиться въ Польшу; и на этотъ крикъ легко было возражать: «Разъѣдемся, король не прекратитъ войны, а мы безъ службы не обойдемся; потерявши награду за столько трудовъ, принуждены будемъ этою же весною вступить въ службу за новое жалованье.» Не могши противопоставить доказательствъ доказательствамъ, противники Рожинскаго подняли крикъ; зачинщикомъ былъ панъ Тишкевичъ, личный врагъ Рожинскаго; раздались ружейные выстрѣлы въ ту сторону, гдѣ стоялъ гетманъ, приверженцы его отвѣчали также залпомъ; коло разбѣжалось. Противники Рожинскаго, закричавъ: «Кто добръ, тотъ за нами!» выѣхали изъ стана въ поле и рѣшили ѣхать въ Калугу къ Лжедимитрію. Но болѣе благоразумные начали ихъ уговаривать, чтобы до времени остались покойно въ Тушинѣ, а если королевскія условія не понравятся, то надобно отойти за нѣсколько миль отъ столицы въ согласіи и порядкѣ и оттуда уже расходиться куда кто хочетъ. На это всѣ согласились. Въ такихъ обстоятельствахъ Рожинскій написалъ письмо Сигизмунду, гдѣ увѣдомлялъ его о бѣгствѣ Марины и мятежѣ войска, говорилъ, что если въ положенный срокъ не получится извѣстіе, могущее удовлетворить

рыцарство, то трудно будетъ удержать его отъ дальнѣйшаго безпорядка. Чтобы избавиться отъ опасностей, грозившихъ ему со всѣхъ сторонъ, и отъ своего войска, и отъ Лжедимитрія изъ Калуги, и отъ Скопина, Рожинскому необходимо было немедленное прибытіе короля на помощь: по этому онъ старался уговорить Сигизмунда къ скорому походу въ Тушино, писалъ, что Москвичи очень желаютъ этого, что царь Василій въ ссорѣ съ Скопинымъ; совѣтовалъ написать письмо къ Скопину, котораго, по словамъ лазутчиковъ, не трудно будетъ преклонить на Польскую сторону; что Русскіе Тушинцы, вмѣстѣ съ патріархомъ Филаретомъ, оскорблены невниманіемъ короля, который не прислалъ къ нимъ еще ни одной грамоты, также разбойничествомъ Запорожцевъ въ Зубцовскомъ уѣздѣ. — Но король не трогался изъ-подъ Смоленска и не высылалъ никого въ Тушино для окончательныхъ переговоровъ съ рыцарствомъ; въ слѣдствіе этого Рожинскій принужденъ былъ покинуть Тушино: онъ въ первыхъ числахъ марта 1610 года, зажегъ станъ и двинулся по дорогѣ къ Іосифову Волоколамскому монастырю; не многіе изъ Русскихъ Тушинцевъ послѣдовали за нимъ; большая часть поѣхали съ повинною или въ Москву или въ Калугу; Салтыковъ съ товарищами оставались у короля подъ Смоленскомъ.

Такъ Москва освободилась отъ Тушина. Скопину оставалось только раздѣлываться съ отрядомъ Сапѣги. Мы оставили Скопина въ Александровской слободѣ, гдѣ онъ продолжалъ торговаться съ Шведами, требовавшими новыхъ договоровъ, новыхъ уступокъ. Не смотря на сопротивленіе жителей, Корела была сдана Шведамъ; мало того, царь Василій долженъ былъ обязаться: «Наше царское величество вамъ любительному государю Каролусу королю, за вашу любовь, дружбу, вспоможеніе и протори, которыя вамъ учинились и впередъ учинятся, полное воздаяніе воздадимъ, чего вы у нашего царскаго величества по достоинству ни попросите: города, или земли, или уѣзда.» Этимъ обязательствомъ еще была куплена помощь четырехъ-ты-

сячнаго отряда Шведовъ. Сапѣга не могъ долѣе оставаться подъ Троицкимъ монастыремъ, 12 января снялъ знаменитую осаду и расположился въ Дмитровѣ съ малымъ отрядомъ, потому что большая часть его людей отправилась за Волгу для сбора припасовъ. Въ половинѣ февраля Русскіе и Шведы подошли подъ Дмитровъ; Сапѣга вышелъ къ нимъ на встрѣчу и былъ разбитъ, Дмитровъ былъ бы взятъ, еслибъ не отстояли его Донскіе казаки, которые сидѣли въ особомъ укрѣпленіи подъ городомъ. Здѣсь также Марина показала большое присутствіе духа: когда Поляки, испуганные пораженіемъ, вяло принимались за оборону укрѣпленій, то она выбѣжала изъ своего дома къ валамъ и закричала: «чтò вы дѣлаете, негодяи! Я женщина, а не потеряла духа». Видя, что дѣла Сапѣги идутъ очень дурно, она рѣшилась отправиться въ Калугу. Сапѣга не хотѣлъ отпускать ее; въ ней родилось подозрѣніе, что и Сапѣга хочетъ выдать ее королю, и потому она сказала ему: «Не будетъ того, чтобы ты мною торговалъ, у меня здѣсь свои Донцы: если будешь меня останавливать, то я дамъ тебѣ битву.» Сапѣга послѣ этого не мѣшалъ ей, и она отправилась въ Калугу опять въ мужскомъ платьѣ, то ѣхала верхомъ, то въ саняхъ. Сапѣга не долго послѣ нея оставался въ Дмитровѣ: какъ только пришли къ нему отряды изъ-за Волги съ припасами, то онъ двинулся къ Волоколамску, и Скопинъ могъ безпрепятственно вступить въ Москву.

Знаменитому воеводѣ было не болѣе 24 лѣтъ отъ роду. Въ одинъ годъ пріобрѣлъ онъ себѣ славу, которую другіе полководцы снискивали подвигами жизни многолѣтней, и, чтò еще важнѣе, пріобрѣлъ сильную любовь всѣхъ добрыхъ гражданъ, всѣхъ земскихъ людей, желавшихъ землѣ успокоенія отъ смутъ, отъ буйства бездомовниковъ, казаковъ, и все это Скопинъ пріобрѣлъ, не ознаменовавъ себя ни однимъ блистательнымъ подвигомъ, ни одною изъ тѣхъ побѣдъ, которыя такъ поражаютъ воображеніе народа, такъ долго остаются въ его памяти. Что же были за причины

славы и любви народной, пріобрѣтенныхъ Скопинымъ? Мы видѣли, какъ замутившееся, расшатавшееся въ своихъ основахъ общество Русское страдало отъ отсутствія точки опоры, отъ отсутствія человѣка, къ которому можно было бы привязаться, около котораго можно было бы сосредоточиться: такимъ человѣкомъ явился наконецъ князь Скопинъ. Москва въ осадѣ отъ вора, терпитъ голодъ, видитъ въ стѣнахъ своихъ небывалыя прежде смуты, кругомъ въ областяхъ свирѣпствуютъ Тушинцы; посреди этихъ бѣдъ произносится постоянно одно имя, которое оживляетъ всѣхъ надеждою: это имя—имя Скопина. Князь Михайла Васильевичъ въ Новгородѣ, онъ договорился со Шведами, идетъ съ ними на избавленіе Москвы, идетъ медленно, но все идетъ, Тушинцы отступаютъ передъ нимъ; Скопинъ уже въ Торжкѣ, вотъ онъ въ Твери, вотъ онъ въ Александровской слободѣ; въ Москвѣ сильный голодъ, волненіе, но вдругъ все утихаетъ, звонятъ колокола, народъ спѣшитъ въ церкви, тамъ поютъ благодарные молебны, ибо пришла вѣсть что князь Михайла Васильевичъ близко! Во дворцѣ кремлевскомъ невзрачный старикъ, нелюбимый, не дѣятельный уже потому, что нечего ему дѣлать, сидя въ осадѣ, и вся государственная дѣятельность перешла къ Скопину, который одинъ дѣйствуетъ, одинъ движется, отъ него одного зависитъ великое дѣло избавленія. Не разсуждали, не догадывались, что сила князя Скопина опиралась на искусныхъ ратниковъ иноземныхъ, что безъ нихъ онъ ничего не могъ сдѣлать, останавливался когда они уходили; не разсуждали, не догадывались, не знали подробно, какое дѣйствіе имѣло вступленіе короля Сигизмунда въ Московскіе предѣлы, какъ онъ прогналъ Лжедимитрія и Рожинскаго изъ Тушина, заставилъ Сапѣгу снять осаду Троицкаго монастыря: Сигизмундъ былъ далеко подъ Смоленскомъ, ближе видѣли, что Тушино опустѣло и Сапѣга ушелъ отъ Троицкаго монастыря, когда князь Скопинъ приблизился къ Москвѣ, и ему приписали весь успѣхъ дѣла, страхъ и бѣгство враговъ. Справедливо сказано, что слава растетъ по мѣрѣ удаленія, уменьшаетъ

славу близость присутствія лица славнаго. Отдаленная дѣятельность Скопина, направленная къ цѣли, желанной всѣми людьми добрыми, доходившая до ихъ свѣдѣнія не въ подробностяхъ, но въ главномъ, какъ нельзя больше содѣйствовала его прославленію, усиленію народной любви къ нему. Но должно прибавить, что и близость, присутствіе знаменитаго воеводы не могли нарушить того впечатлѣнія, какое онъ производилъ своею отдаленною дѣятельностію: по свидѣтельству современниковъ, это былъ красивый молодой человѣкъ, обнаружившій свѣтлый умъ, зрѣлость сужденія не по лѣтамъ, въ дѣлѣ ратномъ искусный, храбрый и осторожный вмѣстѣ, ловкій въ обхожденіи съ иностранцами; кто зналъ его, всѣ отзывались объ немъ какъ нельзя лучше.

Таковъ былъ этотъ человѣкъ, которому, повидимому, суждено было очистить Московское государство отъ воровъ и Поляковъ, поддержать колебавшійся престолъ стараго дяди, примирить Русскихъ людей съ фамиліею Шуйскихъ, упрочить ее на престолѣ царскомъ, ибо по смерти бездѣтнаго Василія голосъ всей земли не могъ не указать на любимца народнаго. Но если граждане спокойные, найдя себѣ точку опоры въ племянникѣ царскомъ, для блага земли и самого Скопина, должны были терпѣливо дожидатся кончины царя Василія, чтобы законно возвести на престолъ своего избранника, чистаго отъ нареканій въ искательствахъ властолюбивыхъ, то не хотѣлъ спокойно дожидатся этого Ляпуновъ, человѣкъ плоти и крови, не умѣвшій сдерживаться, не умѣвшій подчинять своихъ личныхъ стремленій благу общему, не сознававшій необходимости средствъ чистыхъ для достиженія цѣли высокой, для прочности дѣла. Когда Скопинъ былъ еще въ Александровской слободѣ, къ нему явились посланные отъ Ляпунова, которые поздравили его царемъ отъ имени послѣдняго и подали грамоту, наполненную укорительными рѣчами противъ царя Василія. Въ первую минуту Скопинъ разорвалъ грамоту и велѣлъ схватить присланныхъ, но потомъ позволилъ имъ упро-

сить себя и отослалъ ихъ назадъ въ Рязань, не донося въ Москву. Этимъ воспользовались, чтобъ заподозрить Скопина въ глазахъ дяди; царю внушили что если бы князю Михаилу не было пріятно предложеніе Ляпунова, то онъ прислалъ бы въ Москву Рязанцевъ, привозившихъ грамоту; съ этихъ поръ, прибавляетъ лѣтописецъ, царь и его братья начали держать мнѣніе на князя Скопина.

12 марта Скопинъ съ Делагарди имѣлъ торжественный въѣздъ въ Москву. По приказу царя, вельможи встрѣтили Михаила у городскихъ воротъ, съ хлѣбомъ и солью; но простые граждане предупредили ихъ, падали ницъ и со слезами били челомъ, что очистилъ Московское государство. Современные писатели сравниваютъ пріемъ Скопина съ торжествомъ Давида, котораго Израильтяне чтили больше чѣмъ Саула. Царь Василій однако не показалъ знаковъ неудовольствія, напротивъ встрѣтилъ племянника съ радостными слезами. Иначе велъ себя братъ царскій, князь Димитрій Шуйскій. Царь Василій отъ поздняго брака своего имѣлъ только одну или двухъ дочерей, которыя умерли вскорѣ послѣ рожденія; слѣдовательно братъ его Димитрій считалъ себя наслѣдникомъ престола; но онъ увидалъ страшнаго соперника въ Скопинѣ, которому сулила вѣнецъ любовь народная при неутвержденномъ еще порядкѣ престолонаслѣдія. Князъ Димитрій явился самымъ ревностнымъ навѣтникомъ на племянника передъ царемъ: послѣдній, или будучи увѣренъ въ скромности Скопина, не считая его соперникомъ себѣ и не имѣя причины желать отстраненія его отъ наслѣдства, или, по крайней мѣрѣ, побуждаемый благоразуміемъ не начинать вражды съ любимцемъ народа, сердился на брата за его докучные навѣты и даже, говорятъ, прогналъ его однажды отъ себя палкою! Говорятъ также, что царь имѣлъ искреннее объясненіе съ племянникомъ, при чемъ Скопинъ успѣлъ доказать свою невинность и опасность вражды въ такое смутное время. Несмотря на то однако, что царь не показывалъ ни малѣйшей непріязни къ Скопину, народъ, нелюбившій старшихъ Шуйскихъ, толко-

валъ уже о враждѣ дяди съ племянникомъ. Делагарди слыша толки о зависти и ненависти, остерегалъ Михаила, уговаривалъ его какъ можно скорѣе оставить Москву и выступить къ Смоленску, противъ Сигизмунда.

Положеніе послѣдняго было вовсе неблестящее. Если въ началѣ Полякамъ удалось овладѣть Ржевомъ Володимировымъ и Зубцовымъ, которые были сданы имъ воеводами самозванца, то нѣкоторые города прежде погибшей Сѣверской украйны выставили отчаянное сопротивленіе Запорожцамъ. Стародубцы ожесточенно рѣзались съ ними, а когда городъ ихъ былъ охваченъ пламенемъ, побросали въ огонь сперва имѣніе свое, а потомъ кинулись и сами. Такое же мужество оказали жители Почепа, изъ которыхъ 4000 погибло при упорной защитѣ. Въ Черниговѣ непріятель встрѣтилъ меньше сопротивленія; Новгородъ Сѣверскій также присягнулъ Владиславу; Мосальскъ нужно было брать приступомъ, Бѣлую голодомъ. А Смоленскъ все держался и жители его имѣли причины къ такому упорному сопротивленію: Поляки, и особенно Запорожцы, несмотря на королевскія увѣщанія, страшно свирѣпствовали противъ жителей городовъ, сдавшихся на имя Владислава. Смоленскіе перебѣжчики увѣряли въ Польскомъ станѣ, что въ городѣ у нихъ голодъ и моровое повѣтріе, что самъ воевода Шеинъ хотѣлъ было сдать Смоленскъ королю, но архіепископъ Сергій не допустилъ до этого. Однажды міръ съ воеводою ходилъ уговаривать архіепископа къ сдачѣ, но тотъ, снявъ съ себя облаченіе и положивъ посохъ, объявилъ, что готовъ принять муку, но церкви своей не предастъ, и охотнѣе допуститъ умертвить себя, чѣмъ согласится на сдачу города. Народъ, увлеченный этими словами, отложилъ свое намѣреніе, и, надѣвъ на Сергія опять облаченіе, поклялся стоять противъ Поляковъ до послѣдней капли крови. Воевода предлагалъ сдѣлать вылазку, но и на это архіепископъ не согласился, подозрѣвая Шеина въ намѣреніи вывести людей изъ города и ударить челомъ королю. Тушинскій Полякъ Вильчекъ, начальствовавшій въ Можайскѣ, продалъ этотъ городъ ца-

рю Василію за 100 рублей (333 $^{1}/_{3}$ нынѣшнихъ серебряныхъ). Въ Іосифовѣ монастырѣ, гдѣ остановился Рожинскій, вспыхнуло опять возстаніе противъ него: уходя отъ возмутившихся, гетманъ оступился на каменныхъ ступеняхъ и упалъ на тотъ бокъ, который былъ прострѣленъ у него подъ Москвою; отъ этого случая и съ горя, что дѣла совершенно разстроились, Рожинскій умеръ (4 апрѣля н. с.), имѣя не болѣе 35 лѣтъ отъ роду После его смерти Зборовскій съ большею частію войска пошелъ дальше къ Смоленску, другіе съ Руцкимъ и Мархоцкимъ остались въ Іосифовѣ монастырѣ, но 21 мая н. с., были вытѣснены оттуда Русскими и иноземными войсками, бывшими подъ начальствомъ Волуева, Горна и Делавилля. Уходя изъ монастыря съ величайшею опасностію, Поляки должны были покинуть Русскихъ, выведенныхъ ими изъ Тушина, и въ томъ числѣ митрополита Филарета, который такимъ образомъ получилъ возможность уѣхать въ Москву. Изъ полуторы тысячи Поляковъ и Донскихъ казаковъ, бывшихъ въ Іосифовѣ монастырѣ, спаслось только 300 человѣкъ, потерявши все и знамена; при этомъ бѣгствѣ, по признанію самихъ Поляковъ, большую помощь оказали имъ Донскіе казаки. Всѣ Тушинскіе Поляки соединились теперь на рѣкѣ Угрѣ и здѣсь завели сношеніе съ Лжедимитріемъ, который два раза самъ пріѣзжалъ къ нимъ изъ Калуги, потому что безъ выдачи денегъ впередъ они не трогались, и успѣлъ многихъ привлечь къ себѣ; чрезъ это войско самозванца увеличилось до 6200 человѣкъ. Но Зборовскій, отъ имени остальныхъ Поляковъ, отправился подъ Смоленскъ изъявить свою преданность королю; туда же пріѣхалъ и Янъ Сапѣга и даже ханъ Касимовскій; не смѣлъ пріѣхать Лисовскій, какъ опальный; онъ не могъ оставаться одинъ на востокѣ при разрушеніи Тушинскаго стана и успѣхахъ Скопина, и потому двинулся изъ Суздаля на западъ, засѣлъ въ Великихъ Лукахъ. И Лжедимитрій и король находились въ затруднительномъ положеніи: первый съ своими 6000 войска не могъ ничего предпринять противъ Москвы, наоборотъ Московскіе

отряды подходили подъ самую Калугу; движеніе Скопина и Шведовъ къ Смоленску противъ короля должно было рѣшить борьбу и рѣшить, по всѣмъ вѣроятностямъ, въ пользу царя Василія: тогда что останется царю Калужскому? Съ другой стороны, король видѣлъ, что его вступленіе въ Московскіе предѣлы принесло пользу только Шуйскому, выгнавши вора изъ Тушина, раздробивши его силы; Шуйскій торжествовалъ, у него было большое войско подъ начальствомъ знаменитаго полководца, у него была Шведская помощь; а король, который поспѣшилъ подъ Смоленскъ съ малыми силами, въ надеждѣ, что одного его присутствія будетъ достаточно для покоренія Московскаго государства, истерзаннаго смутою,—король видѣлъ передъ собою неравную борьбу съ могущественнымъ и раздраженнымъ врагомъ. При такихъ обстоятельствахъ естественно было произойти сближенію между королемъ и Калужскимъ царикомъ. Братъ Марины, староста Саноцкій, находившійся подъ Смоленскомъ, получилъ изъ Калуги достовѣрное извѣстіе, что Лжедимитрій хочетъ отдаться подъ покровительство короля, но ждетъ, чтобъ Сигизмундъ первый началъ дѣло. Въ слѣдствіе этого король созвалъ тайный совѣтъ, на которомъ рѣшили отправить старосту Саноцкаго въ Калугу, чтобъ онъ уговорилъ царика искать королевской милости. Съ другой стороны хотѣли попытаться войдти въ переговоры и съ Московскимъ царемъ; но Василій, видя, что счастіе обратилось на его сторону, запретилъ своимъ воеводамъ пропускать Польскихъ пословъ до тѣхъ поръ, пока король не выйдетъ изъ Московскихъ предѣловъ. Но счастіе улыбнулось Шуйскому на очень короткое время.

23 Апрѣля князь Скопинъ, на крестинахъ у князя Ивана Михайловича Воротынскаго, занемогъ кровотеченіемъ изъ носа, и послѣ двухнедѣльной болѣзни умеръ. Пошелъ общій слухъ объ отравѣ: знали ненависть къ покойному дяди его, князя Димитрія, и стали указывать на него какъ на отравителя; толпы народа двинулись было къ дому царскаго брата, но были отогнаны войскомъ. Что же касается до

вѣрности слуха объ отравѣ, то Русскіе современники далеки отъ рѣшительнаго обвиненія; лѣтописецъ говоритъ: «многіе на Москвѣ говорили, что испортила его тетка княгиня Екатерина, жена князя Дмитрія Шуйскаго (дочь Малюты-Скуратова, сестра царицы Марьи Григорьевны Годуновой), а подлинно то единому Богу извѣстно.» Палицынъ говоритъ почти тѣми же словами: «Не знаемъ какъ сказать, Божій ли судъ его постигъ, или злыхъ людей умыселъ совершился? Одинъ Создавшій насъ знаетъ.» Жолкѣвскій, который, живя въ Москвѣ, имѣлъ всѣ средства узнать истину, отвергаетъ обвиненіе, приписывая смерть Скопина болѣзни. Этимъ важнымъ свидѣтельствомъ опровергается свидѣтельство другаго иноземца, Буссова, нерасположеннаго къ царю Василію. Псковскій лѣтописецъ, по извѣстнымъ намъ причинамъ также не любившій Шуйскаго, говоритъ утвердительно объ отравѣ, обстоятельно разсказываетъ, какъ жена Дмитрія Шуйскаго на пиру сама поднесла Скопину чашу, заключавшую отраву. Но въ этомъ разсказѣ встрѣчаемъ смѣшное искаженіе: отравительница вмѣсто Екатерины названа Христиною: по всѣмъ вѣроятностямъ это имя образовалось изъ слова: крестины или крестинный пиръ, на которомъ занемогъ Скопинъ.

Какъ бы то ни было, смерть Скопина была самымъ тяжелымъ, рѣшительнымъ ударомъ для Шуйскаго. И прежде не любили, не уважали Василія, видѣли въ немъ царя несчастнаго, Богомъ не благословеннаго; но Скопинъ примирилъ царя съ народомъ, давши послѣднему твердую надежду на лучшее будущее. И вотъ этого примирителя теперь не было болѣе, и, что всего хуже, шла молва, что самъ царь, изъ зависти и злобы, лишилъ себя и царство крѣпкой опоры. Для народа ударъ былъ тѣмъ тяжеле, что онъ послѣдовалъ въ то время, когда возродилась надежда на лучшее будущее, на умилостивленіе небесное; подобные удары обыкновенно отнимаютъ послѣдній духъ, послѣднія силы. Будущее для народа нисколько уже не связывалось теперь съ фамиліею Шуйскихъ: царь старъ и бездѣтенъ, наслѣд-

никъ—князь Дмитрій, котораго и прежде не могли любить и уважать, а теперь обвиняли въ отравленіи племянника: извѣстно, какъ по смерти любимаго человѣка начинаютъ любить все имъ любимое, и преслѣдовать все бывшее ему непріятнымъ и враждебнымъ; понятно, слѣдовательно, какое чувство должны были питать къ Дмитрію Шуйскому по смерти Скопина. Говорятъ, что народъ плакалъ по князѣ Михаилѣ точно также, какъ плакалъ по царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ: дѣйствительно можно сказать, что Скопинъ былъ послѣдній изъ Рюриковичей, вѣнчанный въ сердцахъ народа; въ другой разъ домъ Рюрика пресѣкался на престолѣ Московскомъ.

Когда такимъ образомъ порвана была связь Русскихъ людей съ Шуйскимъ, когда взоры многихъ невольно и тревожно обращались въ разныя стороны, ища опоры для будущаго, — раздался голосъ, призывавшій къ выходу изъ тяжелаго, безотраднаго положенія: то былъ голосъ знакомый, голосъ Ляпунова. Не задолго передъ тѣмъ, когда большинство своею привязанностію указывало на Скопина, какъ на желаннаго наслѣдника престола, Ляпуновъ не хотѣлъ дожидаться, и предложилъ Скопину престолъ при жизни царя Василія, тогда какъ это дѣло, если бы Скопинъ согласился на него, могло только усилить смуту, а не прекратить ее: здѣсь Ляпуновъ всего лучше показалъ, что его цѣлію, дѣйствовалъ ли онъ сознательно или безсознательно, не было прекращеніе смутнаго времени. Теперь, когда Скопина не было болѣе, и неудовольствіе противъ Шуйскаго усилось, Ляпуновъ первый поднимается противъ царя Василія; но онъ только начинаетъ движеніе, а цѣли его не указываетъ, требуетъ сверженія Шуйскаго, какъ царя недостойнаго, погубившаго знаменитаго племянника своего, но преемника Шуйскому достойнѣйшаго не называетъ; онъ заводитъ переговоры со царикомъ Калужскимъ, въ Москвѣ входитъ въ думу съ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ, чтобъ ссадить Шуйскаго, по выраженію лѣтописца, а между тѣмъ явно отлагается отъ Москвы, пере-

стаетъ слушаться ея царя, посылаетъ возмущать города, вѣрные послѣднему.

Въ то время, какъ уже Ляпуновъ поднялъ возстаніе въ Рязани, войско Московское въ числѣ 40,000 вмѣстѣ съ Шведскимъ, котораго было 8,000, выступило противъ Поляковъ по направленію къ Смоленску. Кто же былъ главнымъ воеводою вмѣсто Скопина? князь Дмитрій Шуйскій, обвиняемый въ отравленіи племянника, и безъ того ненавидимый ратными людьми за гордость! Король, узнавъ, что въ Можайскѣ собирается большое царское войско, отправилъ на встрѣчу къ нему гетмана Жолкѣвскаго, который 14 іюня осадилъ Царево Займище, гдѣ засѣли Московскіе воеводы, Елецкій и Волуевъ. Здѣсь соединился съ гетманомъ Зборовскій, приведшій тѣхъ Тушинскихъ Поляковъ, которые предпочли службу королевскую службѣ царю Калужскому; несмотря однако на это подкрѣпленіе, Жолкѣвскій не хотѣлъ брать приступомъ Царево Займище, зная что Русскіе, слабые въ чистомъ полѣ, неодолимы при защитѣ укрѣпленій. Елецкій и Волуевъ, видя, что Жолкѣвскій намѣренъ голодомъ принудить ихъ къ сдачѣ, послали въ Можайскъ къ князю Дмитрію Шуйскому съ просьбою объ свобожденіи. Шуйскій двинулся и сталъ у Клушина, истомивши войско походомъ въ сильный жаръ. Два Нѣмца изъ Делагардіева войска перебѣжали къ Полякамъ и объявили гетману о движеніи Шуйскаго; Жолкѣвскій созвалъ военный совѣтъ: разсуждали, что дожидаться непріятеля опасно, потому что мѣсто подъ Царевымъ Займищемъ неудобное; идти на встрѣчу также опасно, потому что тогда Елецкій и Волуевъ будутъ съ тыла: рѣшились раздѣлить войско: часть оставить у Царева Займища для сдержанія Елецкаго и Волуева, и съ остальными гетману идти къ Клушину противъ Шуйскаго. Въ ночь съ 23 на 24 іюня, вышло Польское войско изъ обоза, и на другой день утромъ напало на Шуйскаго, раздѣлившись, но причинѣ тѣсноты мѣста, на два отряда; одинъ схватился съ Шведами и заставилъ Делагарди отступить. Другой отрядъ Поляковъ напалъ

на Московское войско и прогналъ часть его, именно конницу, но Шуйскій съ пѣхотою засѣлъ въ деревнѣ Клушинѣ и упорно отбивался, пушки его наносили сильный уронъ Полякамъ, и исходъ битвы былъ очень сомнителенъ, какъ вдругъ наемные Нѣмцы начали передаваться Полякамъ, сперва два, потомъ шесть и такъ все больше и больше: Поляки подъѣзжали къ ихъ полкамъ, кричали: Kum! Kum! и Нѣмцы прилетали какъ птицы на кличь, а наконецъ объявили, что всѣ хотятъ вступить въ переговоры съ гетманомъ. Когда уже съ обѣихъ сторонъ дали заложниковъ и начали договариваться, возвратился Делагарди и хотѣлъ прервать переговоры, но никакъ не могъ: иноземные наемники обязались соединиться съ гетманомъ, Делагарди же и Горнъ съ небольшимъ отрядомъ Шведовъ получили позволеніе отступить на сѣверъ, къ границамъ своего государства. Между тѣмъ Русскіе, видя, что Нѣмцы измѣняютъ, начали собираться въ дорогу, срывать наметы; Нѣмцы дали знать Полякамъ, что Русскіе бѣгутъ, тѣ бросились за ними въ погоню и овладѣли всѣмъ обозомъ. Димитрій Шуйскій, по словамъ лѣтописца, возвратился въ Москву со срамомъ: «былъ онъ воевода сердца не храбраго, обложенный женствующими вещами, любящій красоту и пищу, а не луковъ натягиваніе». Измѣну наемниковъ лѣтописецъ приписываетъ также главному воеводѣ; Нѣмецкіе люди просили денегъ, а онъ сталъ откладывать, подъ предлогомъ, что денегъ нѣтъ, тогда какъ деньги были. Нѣмецкіе люди начали сердиться и послали подъ Царево Займище сказать Жолкѣвскому, чтобъ шелъ не мѣшкая, а они съ нимъ биться не станутъ.

Изъ подъ Клушина Жолкѣвскій возвратился подъ Царево Займище и увѣдомилъ Елецкаго и Волуева о своей побѣдѣ. Воеводы долго не вѣрили, гетманъ показывалъ имъ знатныхъ плѣнниковъ, взятыхъ подъ Клушинымъ. И убѣдившись въ страшной истинѣ, они все еще не хотѣли сдаваться на имя королевича, а говорили Жолкѣвскому: «Ступай подъ Москву: будетъ Москва ваша, и мы будемъ го-

товы присягнуть королевичу». Гетманъ отвѣчалъ: «Когда возьму я васъ, то и Москва будетъ за нами». Воеводы неволею поцѣловали крестъ Владиславу; но гетманъ, съ своей стороны, долженъ былъ присягнуть: христіанской вѣры у Московскихъ людей не отнимать; престоловъ Божіихъ не разорять, костеловъ Римскихъ въ Московскомъ государствѣ не ставить; быть Владиславу государемъ такъ же, какъ были и прежніе природные государи; боярамъ и всякихъ чиновъ людямъ быть по прежнему; въ Московскіе города не посылать на воеводство Польскихъ и Литовскихъ людей, и въ староство городовъ не отдавать: у дворянъ, дѣтей боярскихъ и всякихъ служилыхъ людей жалованья, помѣстій и вотчинъ не отнимать, всѣмъ Московскимъ людямъ никакого зла не дѣлать; противъ Тушинскаго царика промышлять за одно; важна послѣдняя статья: «Какъ дастъ Богъ, добьетъ челомъ государю наіяснѣйшему королевичу Владиславу Жигимонтовичу городъ Смоленскъ, то Жигимонту королю идти отъ Смоленска прочь со всѣми ратными Польскими и Литовскими людьми, порухи и насильства на посадѣ и въ уѣздѣ не дѣлать, помѣстья и вотчины въ Смоленскѣ и въ другихъ городахъ, которые государю королевичу добили челомъ, очистить, и городамъ всѣмъ порубежнымъ быть къ Московскому государству по прежнему».

Жолкѣвскій понималъ, что овладѣть Москвою можно только именемъ Владислава и притомъ только съ условіемъ, что послѣдній будетъ царствовать, какъ прежніе природные государи; понималъ, что малѣйшій намекъ на униженіе Московскаго государства предъ Польшею, на нарушеніе его цѣлости, можетъ испортить все дѣло. Гетманъ согласился на условія, обезпечивавшія самостоятельность и цѣлость Московскаго государства, ибо его цѣль была—какъ можно скорѣе свергнуть Шуйскаго и возвести на его мѣсто Владислава. Жолкѣвскій долженъ былъ выбирать изъ двухъ одно: или, уступая требованіямъ Русскихъ, отнять Москву у Шуйскаго и отдать ее Владиславу; или, не ус-

тупая ихъ требованіямъ, дѣйствуя согласно королевскимъ намѣреніямъ, усилить Шуйскаго, вооружить противъ себя всю землю, стать между двумя огнями, между Москвою и Калугою. Разумѣется, гетманъ выбралъ первое.

Когда Елецкій и Волуевъ присягнули Владиславу, и когда, по ихъ примѣру, присягнули ему Можайскъ, Борисовъ, Боровскъ, Іосифовъ монастырь, Погорѣлое Городище и Ржевъ, то войско гетмана увеличилось десятью тысячами Русскихъ. Самъ Жолкѣвскій говоритъ, что эти новые подданные королевича были довольно вѣрны и доброжелательны, часто приносили ему изъ столицы извѣстія, входя въ сношенія съ своими, и переносили письма, которыя гетманъ писалъ въ Москву къ нѣкоторымъ лицамъ, также универсалы, побуждавшіе къ низложенію Шуйскаго. Къ этимъ универсаламъ гетманъ присоединялъ и запись, данную имъ воеводамъ при Царевѣ Займищѣ, думая, что она послужитъ для Московскихъ жителей полнымъ ручательствомъ за ихъ будущее при Владиславѣ. Но вотъ что отвѣчали гетману изъ Москвы Смоленскіе и Брянскіе служилые люди, которымъ онъ чрезъ ихъ земляковъ подослалъ грамоты и запись: «Мы эти грамоты и отвѣтныя рѣчи и запись, сами прочитавши, давали читать въ Москвѣ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ и многихъ разныхъ городовъ всякимъ людямъ; и они, прочитавъ, говорятъ: въ записи не написано, чтобъ господарю нашему королевичу Владиславу Сигизмундовичу окреститься въ нашу христіанскую вѣру, и окрестившись, сѣсть на Московскомъ государствѣ». Гетманъ отвѣчалъ: что крещеніе королевича есть дѣло духовное, принадлежитъ патріарху и всему духовенству; но въ Москвѣ думали, что дѣло касается не патріарха только, а всей земли, и потому нѣкоторые, видя, что Шуйскому не усидѣть на престолѣ, склоннѣе были къ царику Калужскому, чѣмъ Владиславу. Самозванецъ разсчитывалъ на это расположеніе: узнавъ, что при Клушинѣ дѣло Шуйскаго проиграно, онъ приманилъ къ себѣ деньгами войско Сапѣги и двинулся къ Москвѣ. На дорогѣ ему нужно было

взять Пафнутіевъ Боровскій монастырь, гдѣ засѣлъ Московскій воевода, князь Михайла Волконскій съ двоими товарищами. Послѣдніе, видя непреклонность старшаго воеводы, рѣшили сдать монастырь тайно, и отворили острожные ворота, куда устремилось войско Лжедимитрія. Тогда Волконскій, увидавъ измѣну, бросился въ церковь; тщетно измѣнившіе товарищи звали его выйдти съ челобитьемъ къ побѣдителямъ: «умру у гроба Пафнутія Чудотворца,» отвѣчалъ Волконскій, сталъ въ церковныхъ дверяхъ и до тѣхъ поръ бился съ врагами, пока изнемогъ отъ ранъ, и палъ у лѣваго клироса, гдѣ и былъ добитъ. Раззоривъ монастырь, самозванецъ пошелъ на Серпуховъ: этотъ городъ сдался; Крымскіе Татары, пришедшіе на помощь къ царю Василію и взявшіе отъ него большіе дары, не устояли передъ войскомъ Сапѣги и, вмѣсто помощи, разсѣялись для грабежа, гнали плѣнныхъ какъ скотъ въ свои улусы. Сдались Лжедимитрію Коломна и Кашира; но не сдался Зарайскъ, гдѣ воеводствовалъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій. Еще прежде Ляпуновъ, поднявшись противъ царя Василія по смерти Скопина, присылалъ къ Пожарскому племянника своего Ѳедора Ляпунова, уговаривать его соединиться съ землею Рязанскою противъ Шуйскаго; но Пожарскій, отправивъ грамоту въ Москву, потребовалъ подкрѣпленія у царя Василія и получилъ его. Теперь жители Зарайска пришли къ воеводѣ всѣмъ городомъ просить его, чтобъ цѣловалъ крестъ самозванцу; Пожарскій отказался и съ немногими людьми заперся въ крѣпости; Никольскій протопопъ Дмитрій укрѣплялъ его и благословлялъ умереть за православную вѣру, и Пожарскій еще больше укрѣплялся; наконецъ онъ заключилъ такой уговоръ съ жителями Зарайска: «Будетъ на Московскомъ государствѣ по старому царь Василій, то ему и служить, а будетъ кто другой и тому также служить.» Утвердивши этотъ уговоръ крестнымъ цѣлованіемъ, начали быть въ Зарайскомъ городѣ безъ колебанія, на воровскихъ людей начали ходить и побивать ихъ и городъ Коломну опять обратили къ царю Василію.

Лжедимитрій однако шелъ впередъ и сталъ у села Коломенскаго. У Шуйскаго было еще тысячь тридцать войска; но кто хотѣлъ сражаться за него? Мы видѣли, что служилые люди переписывались съ Жолкѣвскимъ объ условіяхъ, на которыхъ долженъ царствовать Владиславъ; Голицынъ ссылался съ Ляпуновымъ, который прислалъ въ Москву Алексѣя Пѣшкова къ брату своему Захару и ко всѣмъ своимъ совѣтникамъ, чтобъ царя Василія съ государства ссадить. Начали сноситься съ полками Лжедимитрія, однако не для того, чтобъ принять вора на мѣсто Шуйскаго: не хотѣли ни того, ни другаго, и потому условились, что Тушинцы отстанутъ отъ своего царя, а Москвичи сведутъ своего. Тушинцы уже указывали на Сапѣгу, какъ на человѣка дойстойнаго быть Московскимъ государемъ. Шуйскій видѣлъ, что трудно будетъ ему удержаться на престолѣ, и потому хотѣлъ вступить въ переговоры съ гетманомъ Жолкѣвскимъ; но когда предстоитъ тяжелое дѣло, то любятъ откладывать его подъ разными предлогами, и Шуйскій отложилъ посольство къ гетману, думая, что выгоднѣе будетъ дождаться, пока самъ гетманъ пришлетъ къ нему.

Но Захаръ Ляпуновъ съ товарищами не хотѣли дожидаться. 17 іюля пришли они во дворецъ большою толпою: первый подступилъ къ царю Захаръ Ляпуновъ и сталъ говорить: «Долго ль за тебя будетъ литься кровь христіянская? земля опустѣла, ничего добраго не дѣлается въ твое правленіе, сжалься надъ гибелью нашею, положи посохъ царскій, а мы уже о себѣ какъ-нибудь промыслимъ.» Шуйскій уже привыкъ къ подобнымъ сценамъ; видя предъ собою толпу людей незначительныхъ, онъ думалъ пристращать ихъ окрикомъ, и потому съ непристойно-бранными словами отвѣчалъ Ляпунову: «Смѣлъ ты мнѣ вымолвить это, когда бояре мнѣ ничего такого не говорятъ,» и вынулъ было ножъ, чтобъ еще больше пристращать мятежниковъ. Но Захара Ляпунова трудно было испугать, брань и угрозы только могли возбудить его къ подобному же. Ляпуновъ былъ высокій, сильный мужчина; услыхавъ брань, уви-

давъ грозное движеніе Шуйскаго, онъ закричалъ ему: «Не тронь меня: вотъ какъ возьму тебя въ руки, такъ и сомну всего!» Но товарищи Ляпунова не раздѣляли его горячки: видя, что Шуйскій не испугался и не уступаетъ добровольно ихъ требованію, Хомутовъ и Иванъ Никитичъ Салтыковъ закричали: «пойдемъ прочь отсюда!» и пошли прямо на Лобное мѣсто. Въ Москвѣ уже свѣдали, что въ Кремлѣ что-то дѣлается, и толпы за толпами валили къ Лобному, такъ что когда пріѣхалъ туда патріархъ, и надобно было объяснить въ чемъ дѣло, то народъ уже не помѣщался на площади. Тогда Ляпуновъ, Хомутовъ и Салтыковъ закричали, чтобъ всѣ шли на просторное мѣсто, за Москву рѣку, къ Серпуховскимъ воротамъ, туда же долженъ былъ отправиться вмѣстѣ съ ними и патріархъ. Здѣсь бояре, дворяне, гости и торговые лучшіе люди совѣтовали, какъ бы Московскому государству не быть въ раззореньи и расхищеньи: пришли подъ Московское государство Поляки и Литва, а съ другой стороны Калужскій воръ съ Русскими людьми, и Московскому государству съ обѣихъ сторонъ стало тѣсно. Бояре и всякіе люди приговорили: бить челомъ государю царю Василью Ивановичу, чтобъ онъ государь царство оставилъ для того, что кровь многая льется, а въ народѣ говорятъ, что онъ государь несчастливъ, и города украинскіе, которые отступили къ вору, его государя на царство не хотятъ же. Въ народѣ сопротивленія не было, сопротивлялись немногіе бояре, но не долго; сопротивлялся патріархъ, но его не послушали. Во дворецъ отправился своякъ царскій, князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій просить Василія, чтобъ оставилъ государство и взялъ себѣ въ удѣлъ Нижній Новгородъ. На эту просьбу, объявленную бояриномъ отъ имени всего Московскаго народа, Василій долженъ былъ согласиться, и выѣхалъ съ женою въ прежній свой боярскій домъ.

Но надежда перейдти изъ этого дома опять во дворецъ не оставила старика: онъ сносился съ своими приверженцами, увеличивалъ число ихъ, подкупалъ стрѣльцовъ. Об-

стоятельства были благопріятны: Тушинцы обманули Москвичей, ибо когда послѣдніе послали сказать имъ, что они сдѣлали свое дѣло, свергнули Шуйскаго, и ждутъ, что Тушинцы также исполнятъ свое обѣщаніе и отстанутъ отъ вора, то получили насмѣшливый отвѣтъ: «Вы не помните государева крестнаго цѣлованія, потому что царя своего съ царства ссадили, а мы за своего померети ради.» Патріархъ воспользовался этимъ и началъ требовать, чтобъ возвести опять Шуйскаго на престолъ, и много нашлось людей, которые были согласны на это. Разумѣется, не могли согласиться зачинщики дѣла 17-го іюля: боясь, чтобъ это дѣло не испортилось, они спѣшили покончить съ Шуйскимъ: 19-го іюля опять тотъ же Захаръ Ляпуновъ съ тремя князьями— Засѣкинымъ, Тюфякинымъ и Мериномъ-Волконскимъ, да еще съ какимъ-то Михайлою Аксеновымъ и другими, взявши съ собою монаховъ изъ Чудова монастыря, пошли къ отставленному царю и объявили, что для успокоенія народа онъ долженъ постричься. Мысль отказаться навсегда отъ надежды на престолъ, и особенно когда эта надежда начала усиливаться, была невыносима для старика: отчаянно боролся онъ противъ Ляпунова съ товарищами, его должно было держать во время обряда; другой, князь Тюфякинъ, произносилъ за него монашескіе обѣты, самъ же Шуйскій не переставалъ повторять, что не хочетъ постриженія. Постриженіе это, какъ насильственное, не могло имѣть никакого значенія, и патріархъ не призналъ его: онъ называлъ монахомъ князя Тюфякина, а не Шуйскаго. Не смотря на то, невольнаго постриженника свезли въ Чудовъ монастырь; постригли также и жену его; братьевъ посадили подъ стражу [92].

Отъ кратковременнаго, исполненнаго смутами царствованія Шуйскаго, мы не въ правѣ ожидать обилія внутреннихъ правительственныхъ распоряженій: большую часть царствованія Шуйскій провелъ въ осадѣ, во время которой правительственная дѣятельность его должна была ограничиваться одною Москвою. Онъ далъ нѣсколько тарханныхъ

грамотъ церквамъ и монастырямъ, распорядился, чтобъ монастыри давали содержаніе священно- и церковно-служителямъ дворцовыхъ селъ, бѣжавшимъ отъ воровъ. На первомъ планѣ стоялъ вопросъ крестьянскій и холопскій. Мы видѣли временную мѣру Годунова — позволеніе переходить крестьянамъ между мелкими землевладѣльцами; болѣе ли двухъ лѣтъ эта мѣра имѣла дѣйствіе, рѣшить нельзя, ибо въ извѣстномъ намъ распоряженіи Лжедимитрія о крестьянахъ ничего о ней не говорится, хотя, съ другой стороны, на основаніи этого распоряженія, нельза рѣшительно утверждать, что Годуновская мѣра не имѣла болѣе силы, ибо распоряженіе Лжедимитрія на счетъ иска крестьянъ могло относиться къ тѣмъ лицамъ, между которыми крестьянскій переходъ былъ запрещенъ и при Годуновѣ. Шуйскій въ Мартѣ 1607 года подтвердилъ прикрѣпленіе крестьянъ и постановилъ, что принимающій чужихъ крестьянъ обязанъ платить 10 рублей пени съ человѣка, а старымъ господамъ ихъ по три рубля за каждое лѣто; кромѣ того подговорщикъ подвергался наказанію кнутомъ. Побѣжитъ замужняя женщина, или вдова, или дѣвица въ чужую отчину и выйдетъ замужъ, то мужика, который женится на бѣглянкѣ, отдать къ прежнему господину со всѣмъ имѣніемъ и съ дѣтьми, которыя отъ нея родились. Если кто держитъ рабу до 17 лѣтъ въ дѣвицахъ, вдову послѣ мужа больше двухъ лѣтъ, парня холостаго за 20 лѣтъ, не женитъ и воли имъ не даетъ, такимъ давать отпускныя въ Москвѣ казначею, а въ другихъ городахъ намѣстникамъ и судьямъ: не держи не женатыхъ вопреки закону Божію, не умножай разврата. Подтвержденіе прикрѣпленія при Шуйскомъ объясняется тѣмъ же, чѣмъ объясняются всѣ послѣдующія подтвержденія: прикрѣпленіе было въ пользу служилыхъ людей, мелкихъ землевладѣльцевъ, и чѣмъ болѣе государство чувствовало нужду въ послѣднихъ, тѣмъ нужнѣе казалось прикрѣпленіе; бояре, богатые землевладѣльцы, которые имѣли такую силу при Шуйскомъ, не хотѣли возстановленіемъ перохода раздражать служилыхъ людей, отнимать у нихъ

средства, когда эти служилые люди защищали ихъ отъ казаковъ, холопей, ратовавшихъ подъ знаменами Болотникова и Тушинскаго вора. Мы видѣли также, что Русскіе Тушинцы, предлагая условія, на которыхъ выбирали въ цари королевича Владислава, вытребовали, чтобъ крестьянскому переходу не быть.

Но если могущественные при Шуйскомъ бояре, по обстоятельствамъ времени, не могли помѣшать повторенію указа о крестьянскомъ прикрѣпленіи, то могли останавливать царскія распоряженія о холопяхъ, находя ихъ для себя невыгодными. 7-го Марта 1607 года царь Василій указалъ: которые холопи послужатъ въ холопствѣ добровольно, полгода, годъ или больше, а не въ холопствѣ родились и не старинные господскіе люди, и кабалъ на себя давать не захотятъ, такихъ добровольныхъ холопей въ неволю не отдавать: не держи холопа безъ кабалы ни одного дня, а держалъ безкабально и кормилъ, то у себя самъ потерялъ. Но 12 Сентября 1609 года, когда объ этой статьѣ доложено было на Верху боярамъ, то всѣ бояре прежній приговоръ 1607 года указали отставить, а приговорили: о добровольномъ холопствѣ быть той статьѣ, какъ уложено при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ, т. е. холопъ, послужившій съ полгода и больше, прикрѣпляется окончательно. Въ 1608 году бояре приговорили: которые холопи были въ воровствѣ, государю добили челомъ, получили отпускныя, и потомъ опять сбѣжали въ воровство: такихъ если возьмутъ на дѣлѣ, въ языкахъ, казнить или отдавать старымъ господамъ; которые же съ нынѣшняго воровства прибѣгутъ къ государю сами, такихъ старымъ господамъ не отдавать. Отказано было въ просьбѣ тѣмъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, которые, подвергшись опалѣ при Лжедимитріи, хотѣли повернуть къ себѣ назадъ холопей, отпущенныхъ на волю въ слѣдствіе опалы. Положено, чтобъ отвѣтчики въ холопьихъ искахъ, объявившіе, что искомые старымъ господиномъ холопи отъ нихъ убѣжали, должны цѣловать крестъ, что убѣжали безъ хитрости со стороны ихъ, от-

вѣтчиковъ. Запрещено было давать простыя записки на холопство до смерти: можно было давать такія записки только на урочныя лѣта.

Посадскимъ людамъ Шуйскій подтверждалъ грамоты Грознаго, которыми устанавливалось самоуправленіе; у крестьянъ Зюздинской волости въ Перми установлено было самоуправленіе въ слѣдствіе просьбы ихъ, заключавшейся въ слѣдующемъ; «Живутъ они отъ Пермскихъ городовъ, отъ Кайгородка верстъ за двѣсти и больше, и въ писцовыхъ книгахъ написаны особо, дворишки ставили они на дикомъ черномъ лѣсу и люди они все пришлые; и вотъ пріѣзжаютъ къ нимъ въ волость Кайгородцы, посадскіе и волостные люди, и правятъ на нихъ тягло себѣ въ подмогу, имѣнье ихъ грабятъ, самихъ бьютъ, женъ и дѣтей безчестятъ, и волочатъ ихъ въ напрасныхъ поклепныхъ дѣлахъ лѣтомъ въ пашенную пору.» Государь ихъ пожаловалъ, велѣлъ имъ за всякіе денежные доходы платить одинъ разъ въ годъ по 60 рублей, особо отъ Кайгородцевъ, которымъ запрещено было къ нимъ пріѣзжать; при этомъ Зюздинскіе крестьяне получили право выбирать у себя въ погостѣ судью, кого между собою излюбятъ. Зюздинскіе крестьяне жаловались на Кайгородцевъ, Вятчане на Пермичей: «Отпустили они, по царскому указу, съ Вятки въ Пермь, къ Соли Камской, въ ямскіе охотники 46 человѣкъ, а Пермскій воевода, князь Вяземскій, стакнувшись съ Пермичами, Вятскихъ охотниковъ билъ, мучилъ безъ вины, для того, чтобъ они съ яму разбрелись, а гоньбу бы гоняли Пермичи, получая съ Вятки прогонныя деньги, приклепывая прогоны и корыстуясь этими деньгами сами, какъ прежде бывало; Вятскихъ торговыхъ людей Пермскій воевода мучилъ на правежѣ на смерть. Царь писалъ Вяземскому, что если Вятчане въ другой разъ на него пожалуются, то онъ велитъ на немъ доправить ихъ убытки вдвое безъ суда; однако въ томъ же году царь велѣлъ Пермичамъ гонять ямскую гоньбу однимъ по прежнему. Не на однихъ воеводъ приходили жалобы; холопъ боярина Шереметева подалъ челобитную, въ которой пи-

салъ: «Былъ всполохъ въ Нижнемъ Новгородѣ отъ воровскихъ людей, стали въ вѣстовой колоколъ бить, побѣжали посадскіе люди въ городъ съ рухлядью, побѣжалъ и крестьянинъ государя моего, боярина Шереметева, съ двумя новыми зипунами; но какъ бѣжалъ онъ въ Ивановскія ворота стрѣльцы сотни Колзакова прибили его и зипуны отняли. Я на другой день билъ челомъ воеводамъ о сыску; сотникъ Колзаковъ зипуны сыскалъ, но пропилъ ихъ въ кабакѣ съ тѣми же стрѣльцами, а у крестьянина сталъ просить на выкупъ десяти алтынъ. Я пошелъ къ вечернѣ въ Спасскій соборъ и сталъ опять бить челомъ воеводамъ, а сотникъ Колзаковъ сталъ бить челомъ на меня, будто я его бранилъ. Тутъ дьякъ Василій Семеновъ сталъ Колзакову говорить: «Не умѣлъ ты этого холопа на двое перерѣзать, у тебя свои холопи лучше его», да сталъ въ соборѣ же бранить........ государя моего Ѳедора Ивановича Шереметева; я вступился за государя своего, но онъ сталъ меня бранить и хотѣлъ зарѣзать, а сотнику Колзакову кричалъ: гдѣ ни встрѣтишь съ своими стрѣльцами этого холопа или другихъ холопей Ѳедора Шереметева или крестьянъ его, грабь до нага и бей до смерти; вины не бойся, я за васъ отвѣчаю.»

И Шуйскій заботился о населеніи Сибири разными средствами: отправлено было въ Пелымъ изъ Московскихъ тюремъ восемь человѣкъ въ пашенные крестьяне; но они оттуда бѣжали, подговоривши съ собою въ проводники двоихъ старыхъ крестьянъ; въ слѣдствіе этого царь писалъ въ Пермь: впередъ въ Перми на посадѣ и во всемъ уѣздѣ велѣть заказъ учинить крѣпкій: кто поѣдетъ или пѣшкомъ пойдетъ изъ Сибирскихъ городовъ безъ проѣзжихъ грамотъ и подорожныхъ, такихъ хватать, распрашивать и сажать въ тюрьму до нашего указа.» Въ тоже время въ Перми велѣно было набирать для Сибири пашенныхъ крстьянъ изъ охочихъ людей, отъ отца сына, отъ братьи братью, отъ дядей племянниковъ, отъ сосѣдей сосѣдей, а не съ тягла.

Постоянныя неудачи Русскаго войска, превосходство ино-

странныхъ ратныхъ людей надъ Русскими, сдѣлавшееся очевиднымъ при соединеніи полковъ Скопина со Шведами, необходимость, какую увидалъ этотъ воевода учить своихъ при помощи Шведовъ,—все это заставило подумать о переводѣ съ иностранныхъ языковъ устава ратныхъ дѣлъ, чтобъ и Русскіе узнали всѣ новыя военныя хитрости, которыми хвалятся чужіе народы. Переводчиками были Михайла Юрьевъ и Иванъ Ѳоминъ. Печатаніе книгъ продолжалось въ Москвѣ: имъ занимались Анисимъ Родишевскій (Волынецъ), Иванъ Андрониковъ Тимоѳеевъ, и Никита Ѳедоровъ Фофановъ Псковитянинъ; въ предисловіи къ Общей Минеи, напечатанной послѣднимъ, говорится, что Шуйскій велѣлъ сдѣлать новую штанбу, еже есть печатныхъ книгъ дѣло, и домъ новый превеликій устроить.

Относительно нравственнаго состоянія Русскаго общества мы видѣли, въ какомъ ходу было чародѣйство; о Шуйскомъ прямо говорится, что онъ сильно вѣрилъ ему; царь объявлялъ въ своихъ грамотахъ народу, что Лжедимитрій прельстилъ всѣхъ чародѣйствомъ: но легко понять, какъ распространеніе подобныхъ мнѣній должно было вредно дѣйствовать на нравственныя силы народа. При такихъ убѣжденіяхъ народъ долженъ былъ походить на напуганнаго ребенка и лишиться нравственнаго мужества: гдѣ же спасеніе, когда какой-нибудь чернокнижникъ, съ помощію адской силы, такъ легко можетъ всѣхъ прельстить? Надобно представить себѣ это жалкое положеніе Русскаго человѣка въ описываемое время, когда онъ при каждомъ шагѣ съ испуганнымъ видомъ долженъ былъ озираться на всѣ стороны: вотъ злой человѣкъ слѣдъ выйметъ, вотъ по вѣтру болѣзнь напуститъ. Гибельно дѣйствуютъ на нравы отсутствіе общественной безопасности, когда нѣтъ защиты отъ насилій сильнаго или злонамѣреннаго, когда человѣкъ, выходя изъ дому, не имѣетъ увѣренности, дадутъ ли ему благополучно возвратиться домой; но еще гибельнѣе должна дѣйствовать на нравы эта напуганность, это убѣжденіе, что повсюду противъ человѣка направлены враждебныя не-

вещественныя силы. Если правительство увѣряло народъ, что разстрига прельстилъ всѣхъ вѣдовствомъ и чернокнижествомъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что въ Перми въ 1606 году, крестьянина Талева огнемъ жгли и на пыткѣ три встряски ему было по наговору, что онъ напускаетъ на людей икоту [93].

ГЛАВА VII.

Междуцарствіе.

Присяга боярамъ.— Грамоты по областямъ о сверженіи Шуйскаго.— Кандидаты на престолъ. — Сношенія бояръ съ гетманомъ Жолкѣвскимъ.— Дѣйствія самозванца.— Договоръ съ Жолкѣвскимъ объ избраніи королевича Владислава.— Присяга Владиславу.— Король Сигизмундъ хочетъ самъ быть царемъ въ Москвѣ. — Жолкѣвскій отгоняетъ самозванца отъ Москвы.—Посольство митрополита Филарета и князя Вас. Вас. Голицына къ королю подъ Смоленскъ.— Самозванецъ въ Калугѣ.— Польское войско вводится въ Москву.—Жолкѣвскій уѣзжаетъ изъ Москвы.—Съѣзды великихъ пословъ съ панами подъ Смоленскомъ.— Дѣйствія Салтыкова и Андронова въ Москвѣ въ пользу короля. — Казань и Вятка присягаютъ самозванцу. — Смерть самозванца.

По смерти царя Ѳеодора до избранія Годунова правительствующею царицею считалась Ирина, но теперь, по сверженіи Шуйскаго, некому было стать или, по крайней мѣрѣ, считаться въ главѣ правительства кромѣ думы боярской, и вотъ всѣ должны были присягать — до избранія новаго царя повиноваться боярамъ: «Всѣ люди, сказано въ крестоприводной записи, били челомъ князю Мстиславскому съ товарищи, чтобъ пожаловали, приняли Московское государство пока намъ Богъ дастъ государя.» Присягавшій клялся: слушать бояръ и судъ ихъ любить, что они кому за службу и за вину приговорятъ; за Московское государство и за нихъ, бояръ, стоять и съ измѣнниками биться до смерти; вора, кто называется царевичемъ Димитріемъ, не хотѣть; другъ на друга зла не мыслить и не дѣлать, а

выбрать государя на Московское государство боярамъ и всякимъ людямъ всею землею. Боярамъ всѣхъ праведнымъ судомъ судить, а государя выбрать съ нами со всякими людьми, всею землею, сославшись съ городами; бывшему государю Василью Ивановичу отказать, на государевѣ дворѣ ему не быть и впередъ на государствѣ не сидѣть; намъ надъ государемъ Васильемъ Ивановичемъ и надъ государынею и надъ его братьями, убійства не учинить и никакого дурна, а князю Дмитрію и князю Ивану Шуйскимъ съ боярами въ приговорѣ не сидѣть.» Въ грамотахъ, разосланныхъ по городамъ отъ 20 іюля, Москва объявляла: Видя междоусобіе между православными христіанами, Польскіе и Литовскіе люди пришли въ землю Московскаго государства и многую кровь пролили, церкви и монастыри раззорили, святынѣ поругались и хотятъ православную вѣру въ Латинство превратить; Польскій король стоитъ подъ Смоленскомъ, гетманъ Жолкѣвскій въ Можайскѣ, а воръ въ Коломенскомъ; Литовскіе люди, по ссылкѣ съ Жолкѣвскимъ, хотятъ государствомъ Московскимъ завладѣть, православную вѣру раззорить, а свою Латинскую ввести. И мы, продолжаютъ Москвичи, поговоря между собою и услыша отъ всякихъ людей украинскихъ городовъ, что государя царя Василья Ивановича на Московскомъ государствѣ не любятъ, къ нему не обращаются и служить ему не хотятъ, кровь христіанская междоусобная льется многое время, всталъ отецъ на сына и сынъ на отца; другъ на друга,— видя всякіе люди Московскому государству такое конечное раззоренье, били челомъ ему государю всею землею, всякіе люди, чтобъ онъ государство оставилъ для междоусобныя брани, и для того: которые люди, боясь отъ него опалы, или его не любя, къ нему и ко всему Московскому государству не обращаются, тѣ бы всѣ были въ соединеньѣ и стояли бы за православную христіанскую вѣру всѣ заодно. И государь государство оставилъ, съѣхалъ на свой старый дворъ и теперь въ чернецахъ; а мы цѣловали крестъ на томъ, что намъ всѣмъ противъ воровъ стоять всѣмъ госу-

дарствомъ заодно и вора на государство не хотѣть. И вамъ бы всѣмъ, всякимъ людямъ, стоять съ нами вмѣстѣ заодно и быть въ соединеньѣ, чтобы наша православная христіанская вѣра не раззорилась, и матери бы наши, жены и дѣти въ Латинской вѣрѣ не были.

Изъ этихъ грамотъ мы видимъ, что тотчасъ по сверженіи Шуйскаго самою сильною стороною въ Москвѣ была та, которая не хотѣла имѣть государемъ ни Польскаго королевича, ни Лжедимитрія, слѣдовательно хотѣла избрать кого-нибудь изъ своихъ знатныхъ людей. Этой стороны держался патріархъ, и нѣтъ сомнѣнія, что подъ его-то вліяніемъ преимущественно писаны были присяжная запись и грамоты, разосланныя по городамъ. Эта сторона имѣла въ виду двоихъ кандидатовъ на престолъ — князя Василья Васильевича Голицына и четырнадцатилѣтняго Михаила Ѳедоровича Романова, сына митрополита Филарета Никитича. Но эта сторона, по обстоятельствамъ, скоро должна была уступить другой. Въ Можайскѣ стоялъ гетманъ Жолкѣвскій, требуя, чтобы Москва признала царемъ Владислава, имѣя у себя значительный отрядъ Русскихъ служилыхъ людей, уже присягнувшихъ королевичу, а въ Коломенскомъ стоялъ Лжедимитрій. Временному правительству Московскому не было возможности отбиваться отъ Жолкѣвскаго и Лжедимитрія вмѣстѣ, особенно когда у послѣдняго были приверженцы между нисшимъ народонаселеніемъ города. Некогда было созывать соборъ для выбора царя всею землею, надобно было выбирать изъ двоихъ готовыхъ искателей престола, Лжедимитрія и Владислава. Если у самозванца могли быть приверженцы въ нисшихъ слояхъ Московскаго народонаселенія, то бояре и всѣ лучшіе люди никакъ не могли согласиться принять вора, который приведетъ въ думу своихъ Тушинскихъ и Калужскихъ бояръ, окольничихъ и дворянъ думныхъ, который имѣніе богатыхъ людей отдастъ на разграбленіе своимъ казакамъ и шпынямъ городскимъ, своимъ давнимъ союзникамъ. Поэтому для бояръ и лучшихъ людей, для людей охранительныхъ,

имѣвшихъ что охранять, единственнымъ спасеніемъ отъ вора и его казаковъ былъ Владиславъ, то-есть гетманъ Жолкѣвскій съ своимъ войскомъ. Главою стороны Лжедимитріевой былъ Захаръ Ляпуновъ, прельщенный громадными обѣщаніями вора; главою стороны Владиславовой былъ первый бояринъ князь Мстиславскій, который объявилъ, что самъ онъ не хочетъ быть царемъ, но не хочетъ также видѣть царемъ и кого-нибудь изъ своихъ братьевъ бояръ, а что должно избрать государя изъ царскаго рода. Узнавши, что Захаръ Ляпуновъ хочетъ тайно впустить самозванцево войско въ Москву, Мстиславскій посладъ сказать Жолкѣвскому, чтобы тотъ шелъ немедленно подъ столицу. Гетманъ 20 іюля двинулся изъ Можайска, въ Москву посылалъ грамоты, въ которыхъ объявлялъ, что идетъ защищать столицу отъ вора; къ князю Мстиславскому съ товарищи прислалъ онъ грамоту, изъ которой бояре могли видѣть, какія выгоды пріобрѣтутъ они отъ тѣснаго соединенія съ Польшею; представитель Польскаго вельможества счелъ нужнымъ изложить предъ Московскими боярами аристократическое ученіе: «Дошли до насъ слухи, пишетъ гетманъ, что князь Василій Шуйскій сложилъ съ себя правленіе, постригся, и братья его находятся подъ крѣпкою стражею: мы отъ этого въ досадѣ и кручинѣ великой, и опасаемся, чтобы съ ними не случилось чего дурнаго. Сами вы знаете, и намъ всѣмъ въ Польшѣ и Литвѣ извѣстно, что князья Шуйскіе въ Московскомъ государствѣ издавна бояре большіе, и природнымъ своимъ господарямъ вѣрою и правдою служили и головъ своихъ за нихъ не щадили. Князь Иванъ Петровичъ Шуйскій славно защищалъ Псковъ, а князь Михайла Васильевичъ Шуйскій-Скопинъ сильно стоялъ за государство. А всѣ великія государства стоятъ своими великими боярами. Находящихся въ рукахъ вашихъ князей Шуйскихъ, братьевъ вашихъ, какъ людей достойныхъ, вы должны охранять, не дѣлая никакого покушенія на ихъ жизнь и здоровье и не допуская причинять имъ никакого насильства, раззоренія и притѣсненія; потому что

наияснѣйшій господарь король его милость съ сыномъ своимъ королевичемъ его милостію и князей Шуйскихъ, равно какъ и всѣхъ васъ великихъ бояръ, когда вы будете служить господарямъ вѣрою и правдою, готовъ содержать во всякой чести и довѣріи и жаловать господарскимъ жалованьемъ».

Не смотря однако на то, что Мстиславскій звалъ гетмана на помощь и что помощь его была необходима противъ самозванца, для большинства Москвичей была страшно тяжела мысль взять въ государи иновѣрнаго королевича изъ Литвы. Патріархъ сильно противился признанію Владислава, и хотя гетманъ былъ уже въ восьми миляхъ отъ Москвы, однако бояре отписали ему, что не нуждаются въ его помощи, и требовали, чтобы Польское войско не приближалось къ столицѣ. Но у Жолкѣвскаго былъ могущественный союзникъ — самозванецъ, пугало всѣхъ лучшихъ людей: «Лучше служить королевичу, говорили они, чѣмъ быть побитыми отъ своихъ холопей и въ вѣчной работѣ у нихъ мучиться». Патріархъ все настаивалъ на избраніи Русскаго православнаго царя; однажды онъ захотѣлъ убѣдить народъ примѣромъ изъ исторіи: «Помните, православные христіане! что Карлъ въ великомъ Римѣ сдѣлалъ!» Но народу было не до Карла и не до великаго Рима: «Всѣ люди посмѣялись, говоритъ современникъ, заткнули уши чувственныя и разумныя и разошлись». Ростовскій митрополитъ Филаретъ Никитичъ также выѣзжалъ на Лобное мѣсто и говорилъ народу: «Не прельщайтесь, мнѣ самому подлинно извѣстно королевское злое умышленье надъ Московскимъ государствомъ: хочетъ онъ имъ съ сыномъ завладѣть, и нашу истинную христіанскую вѣру раззорить, а свою Латинскую утвердить». Но и это увѣщаніе осталось безъ дѣйствія.

24 іюля Жолкѣвскій уже стоялъ въ 7 верстахъ отъ Москвы на лугахъ Хорошовскихъ, а съ другой стороны самозванецъ уже началъ добывать Москву. Во время сраженія съ нимъ, Мстиславскій, чтобы завязать сношенія съ гетманомъ, послалъ

спросить его: «врагомъ или другомъ пришелъ онъ подъ Москву?» Жолкѣвскій отвѣчалъ, что готовъ помогать Москвѣ, если она признаетъ царемъ Владислава. Въ то же время въ станъ къ гетману явились послы отъ Лжедимитрія. Послѣдній, желая отстранить соперника, далъ Сапѣгѣ запись, въ которой обѣщалъ, тотчасъ по вступленіи на престолъ, заплатить королю Польскому 300,000 злотыхъ, а въ казну республики, въ продолженіи 10 лѣтъ, выплачивать ежегодно по 300,000 злотыхъ, сверхъ того королевичу платить по 100,000 злотыхъ ежегодно также въ продолженіи 10 лѣтъ, обѣщался завоевать для Польши у Шведовъ всю Ливонію и для войны Шведской выставлять по 15,000 войска. Касательно земли Сѣверской далъ уклончивое обѣщаніе, что онъ не прочь вести объ этомъ переговоры, и если дѣйствительно будетъ что-либо кому слѣдовать, то почему же и не отдать должнаго? однако лучше каждому остаться при своемъ. Съ этою записью изъ стана Сапѣги отправились послы подъ Смоленскъ уговаривать короля принять предложеніе самозванца. Пріѣхавъ сперва въ станъ къ гетману, они объявили Жолкѣвскому о цѣли своего посольства къ королю и сказали, что Лжедимитрій хочетъ послать и къ нему, гетману, съ подарками; но Жолкѣвскій, давши свободный путь къ королю, самъ уклонился отъ всѣхъ сношеній съ воромъ.

Между тѣмъ сношенія съ Москвою продолжались. Когда Мстиславскій прислалъ письмо къ гетману, то письменнаго отвѣта не получилъ, Жолкѣвскій велѣлъ сказать ему, что письменныя сношенія только затянутъ дѣло, которому не будетъ конца. Начались съѣзды; но дѣло и тутъ затянулось, потому что прежде всего надобно было отстранить самое могущественное препятствіе, иновѣріе Владислава; патріархъ объявилъ боярамъ относительно избранія королевича: если крестится и будетъ въ православной христіанской вѣрѣ, то я васъ благословляю; если же не крестится, то во всемъ Московскомъ государствѣ будетъ нарушеніе православной христіанской вѣрѣ, и да не будетъ на васъ

нашего благословенія.» Бояре настаивали, чтобы первымъ условіемъ Владиславова избранія было поставлено принятіе православія; но гетманъ безъ наказа королевскаго никакъ не могъ на это согласиться. Личные переговоры Мстиславскаго съ Жолкѣвскимъ, происходившіе 2-го августа противъ Дѣвичьяго монастыря, были прерваны извѣстіемъ, что самозванецъ приступаетъ къ Москвѣ: воръ былъ отбитъ съ помощію Рускаго войска, пришедшаго съ Жолкѣвскимъ и находившагося подъ начальствомъ Ивана Михайловича Салтыкова, сына Михайлы Глѣбовича. Покушенія самозванца съ одной стороны, а съ другой ропотъ Польскаго войска, не получавшаго жалованья и грозившаго возвратиться, заставляли гетмана ускорить переговорами: онъ объявилъ, что принимаетъ только тѣ условія, которыя были утверждены королемъ, и на которыхъ цѣловалъ крестъ Салтыковъ съ товарищами подъ Смоленскомъ, прибавки же, сдѣланныя боярами теперь въ Москвѣ, между которыми главная состояла въ томъ, что Владиславъ приметъ православіе въ Можайскѣ, — должны быть переданы на рѣшеніе короля. Бояре согласились; съ своей стороны гетманъ согласился тутъ же внести въ договоръ нѣкоторыя измѣненія и прибавки, которыхъ не было въ Салтыковскомъ договорѣ. Эти измѣненія очень любопытны, показывая разность взгляда Тушинцевъ, заключавшихъ договоръ подъ Смоленскомъ, и бояръ, заключавшихъ его теперь въ Москвѣ. Такъ въ Салтыковскомъ договорѣ внесено условіе свободнаго выѣзда за границу для науки: въ Московскомъ договорѣ этого условія нѣтъ. Салтыковскій договоръ, составленный подъ сильнымъ вліяніемъ людей, могшихъ получить важное значеніе только въ Тушинѣ, требовалъ возвышенія людей незнатныхъ смотря по ихъ заслугамъ; въ Московскій договоръ бояре внесли условіе: «Московскихъ княжескихъ и боярскихъ родовъ пріѣзжими иноземцами въ отечествѣ и въ чести не тѣснить и не понижать.» Салтыковскій договоръ былъ составленъ извѣстными приверженцами перваго Лжедимитрія, которые не могли опасаться мести за 17-е мая

1606 года; но составители Московскаго договора сочли необходимымъ прибавить, чтобы не было мести за убійство Поляковъ 17-го мая. Прибавлены были также слѣдующія условія: Сапѣгу отвести отъ вора; помогать Москвѣ противъ послѣдняго и, по освобожденіи столицы отъ него, Жолкѣвскій долженъ отступить съ Польскими войсками въ Можайскъ и тамъ ждать конца переговоровъ съ Сигизмундомъ; Марину отослать въ Польшу и запретить ей предъявлять права свои на Московскій престолъ; города Московскаго государства, занятые Поляками и ворами, очистить, какъ было до смутнаго времени; о вознагражденіи короля и Польскихъ ратныхъ людей за военныя издержки должны говорить съ Сигизмундомъ великіе послы Московскіе, наконецъ гетманъ обязался писать королю, бить ему челомъ, чтобы снялъ осаду Смоленска.

27 августа, на половинѣ дороги отъ Польскаго стана къ Москвѣ, происходила торжественная присяга Московскихъ жителей королевичу Владиславу; здѣсь, въ двухъ шатрахъ, гдѣ стояли богатоукрашенные налои, присягнули въ первый день 10,000 человѣкъ; гетманъ, съ своей стороны, именемъ Владислава, присягнулъ въ соблюденіи договора. На другой день присяга происходила въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи патріарха; сюда пришли Русскіе Тушинцы, прибывшіе подъ Москву съ Жолкѣвскимъ — Михайла Салтыковъ, князь Мосальскій и другіе. Они подошли подъ благословеніе къ патріарху; тотъ встрѣтилъ ихъ грозными словами: «Если вы пришли правдою, а не лестію, и въ вашемъ умыслѣ не будетъ нарушенія православной вѣрѣ, то будь на васъ благословеніе отъ всего вселенскаго собора и отъ меня грѣшнаго; если же вы пришли съ лестію, съ злымъ умысломъ противъ вѣры, то будьте прокляты.» Салтыковъ со слезами на глазахъ сталъ увѣрять Гермогена, что будетъ у нихъ прямой, истинный государь, и патріархъ благословилъ его. Но когда подошелъ Михайла Молчановъ, то Гермогенъ закричалъ на него: «Окаянный еретикъ! тебѣ не слѣдъ быть въ церкви», и велѣлъ выгнать

его вонъ. Гетманъ и бояре угощали, дарили другъ друга; думали, что смутное время кончилось избраніемъ царя изъ чужаго народа, изъ царскаго племени. Но смутное время было ещё далеко до окончанія: при избраніи Владислава не удовлетворялось главному требованію народа: для успокоенія послѣдняго надобно было обмануть его, и временное правительство, не наказавшись прошедшимъ, рѣшилось прибѣгнуть къ обману. По городамъ разосланы были грамоты съ приказомъ присягать Владиславу, и въ этихъ грамотахъ правительствующіе бояре писали, что такъ какъ совѣтные люди изъ городовъ для царскаго выбора не пріѣзжали, то Москва цѣловала крестъ королевичу Владиславу на томъ, что ему государю быть въ нашей православной христіанской вѣрѣ Греческаго закона. Но понятно, что истины скрыть было нельзя; многіе очень хорошо знали, что дѣло о принятіи православія королевичемъ отложено, и нѣкоторые изъ нихъ имѣли сильныя побужденія разглашать объ этомъ въ Москвѣ, давать знать въ станъ къ самозванцу и по городамъ: и вотъ когда другіе города повиновались Москвѣ и присягнули Владиславу, Суздаль, Владиміръ, Юрьевъ, Галичь и Ростовъ начали тайно пересылаться съ самозванцемъ, изъявляя готовность передаться ему. Прежде эти самые города встали противъ Лжедимитрія и отчаянно оборонялись отъ его сподвижниковъ, увидавши въ нихъ враовъ, враговъ государства. Но теперь высшій интересъ, интересъ религіозный становится на первомъ планѣ и отстраняетъ всѣ другіе: для многихъ лучше было покориться тому, кто называлъ себя православнымъ царемъ Димитріемъ сыномъ царя Ивана Васильевича, чѣмъ Литовскому иновѣрному королевичу. Съ этихъ поръ, съ прозглашенія Владислава царемъ, народныя движенія въ Московскомъ государствѣ принимаютъ религіозный характеръ, и король Сигизмундъ спѣшитъ дать имъ силу.

Черезъ два дня послѣ торжественной присяги съ обѣихъ сторонъ, къ гетману пріѣхалъ изъ-подъ Смоленска Ѳедоръ Андроновъ съ письмомъ отъ короля, гдѣ тотъ требовалъ,

чтобъ Московское государство было упрочено за нимъ самимъ, а не за сыномъ его. Въ слѣдъ за Андроновымъ пріѣхалъ Гонсѣвскій съ подробнѣйшимъ наказомъ для гетмана; но не только самъ гетманъ, даже и Гонсѣвскій, узнавъ положеніе дѣлъ, счелъ невозможнымъ нарушить договоръ и исполнить желаніе короля, котораго одно имя, по собственному сознанію Поляковъ, было ненавистно Московскому народу. Рѣшившись не обнаруживать ни въ чемъ намѣреній короля, Жолкѣвскій началъ приводить въ исполненіе ту статью договора, которою онъ обязался отвести Сапѣгу отъ вора и прогнать послѣдняго отъ Москвы. Онъ послалъ къ первому съ увѣщаніемъ не препятствовать дѣлу короля и республики и уговорить самозванца къ изъявленію покорности Сигизмунду, въ какомъ случаѣ Жолкѣвскій обѣщалъ выпросить ему у Польскаго правительства Самборъ или Гродно въ кормленіе: въ случаѣ же несогласія самозванца, Сапѣга долженъ былъ выдать его гетману или, по крайней мѣрѣ, отступить отъ него. Самъ Сапѣга готовъ былъ выполнить требованія гетмана; но товарищи его никакъ не согласились. Жолкѣвскій увидалъ необходимость употребить мѣры подѣйствительнѣе простыхъ увѣщаній; онъ двинулся ночью изъ своего стана и на разсвѣтѣ стоялъ уже передъ станомъ Сапѣги въ боевомъ порядкѣ; князь Мстиславскій вывелъ къ нему также на помощь пятнадцатитысячный отрядъ Московскаго войска, оставивъ, по распоряженію гетмана, другой сильный отрядъ въ городѣ для сдержанія приверженцевъ Лжедимитрія. Соединившись съ Жолкѣвскимъ, первый бояринъ Московскаго государства, князь Мстиславскій, поступилъ подъ начальство короннаго гетмана Польскаго! Войско Сапѣги испугалось, увидя передъ собою соединенные полки Жолкѣвскаго и Мстиславскаго; Русскіе, замѣтивъ эту робость, хотѣли тотчасъ же ударить на него; но гетманъ не хотѣлъ проливать крови своихъ, дожидался мирной покорности, которая и не замедлила: Сапѣга явился на личное свиданіе къ гетману и обѣщалъ или уговорить самозванца къ

покорности или отступить отъ него. Но Лжедимитрій, или, лучше сказать, жена его, находившіеся тогда въ Угрѣшскомъ монастырѣ, не хотѣли слышать ни объ какихъ условіяхъ: несогласіе нѣкоторыхъ городовъ на избраніе Владислава обѣщало имъ новую смуту, новую возможность поправить свои дѣла. Тогда гетманъ объявилъ боярамъ свое намѣреніе — пройдя ночью черезъ Москву, подступить къ монастырю и захватить тамъ врасплохъ самозванца. Бояре согласились, позволили Польскому войску, въ ночное время, пройти черезъ городъ почти пустой, потому что бояре еще прежде вывели тридцать тысячь войска въ поле. Впрочемъ довѣренность не была обманута: Поляки прошли поспѣшно черезъ городъ, не сходя съ коней, безо всякаго вреда для жителей. Польское и Литовское войско соединились у Коломенской заставы и пошли къ Угрѣшскому монастырю; но изъ Москвы успѣли увѣдомить Лжедимитрія объ опасности, и тотъ бѣжалъ въ Калугу съ женою и Заруцкимъ, который перешелъ на его сторону, разсорившись съ Жолкѣвскимъ за то, что гетманъ не хотѣлъ дать ему главнаго начальства надъ Русскимъ войскомъ, передавшимся на имя королевича. Не надѣясь догнать самозванца, гетманъ возвратился въ станъ свой, а бояре въ Москву. На другой день Русскіе приверженцы Лжедимитрія, не послѣдовавшіе за нимъ въ Калугу, пріѣхали къ гетману и объявили желаніе присягнуть Владиславу, если только при нихъ останутся тѣ званія, которыя они получили отъ самозванца. Жолкѣвскій былъ не прочь удовлетворить этому требованію; но бояре Московскіе никакъ не хотѣли на это согласиться. Извѣщая города о послѣднихъ событіяхъ, они писали: «Литовскіе люди—Янъ Сапѣга съ товарищами, и Русскіе люди, бояре—князь Михаилъ Туренинъ да князь Ѳедоръ Долгорукій, и воровскіе совѣтники, князь Ал. Сицкій, Александръ Нагой, Григорій Сунбуловъ, Ѳед. Плещеевъ, князь Ѳед. Засѣкинъ, да дьякъ Петръ Третьяковъ, и всякіе служилые и неслужилые люди вину свою государю королевичу принесли». Здѣсь любопытно отдѣленіе двухъ

бояръ—князя Туренина и Долгорукаго отъ остальныхъ приверженцевъ Лжедимитрія, которые называются воровскими совѣтниками, какъ будто бы двое означенныхъ бояръ не были также воровскими совѣтниками. Нѣкоторые изъ этихъ воровскихъ совѣтниковъ, недовольные Московскимъ пріемомъ, опять отъѣхали къ самозванцу.

Отогнавъ Лжедимитрія, гетманъ началъ настаивать на скорѣйшее отправленіе пословъ къ Сигизмунду, что давало ему случай удалить изъ Московскаго государства подозрительныхъ людей, на которыхъ указано было народу какъ на достойныхъ занять престолъ. Жолкѣвскій началъ уговаривать Голицына принять на себя посольство, льстилъ ему, представляя, что такое великое дѣло должно быть совершенно именно такимъ знаменитымъ мужемъ, какимъ былъ онъ, Голицынъ; притомъ увѣрялъ его, что это посольство дастъ ему удобный случай къ пріобрѣтенію особенной милости короля и королевича. Голицынъ принялъ предложеніе. Жолкѣвскій отъ его удаленія получалъ двойную выгоду: во первыхъ удалялъ изъ Москвы, отдавалъ въ руки королевскія искателя престола; во вторыхъ удалялъ изъ Москвы самаго виднаго по способностямъ и дѣятельности боярина, съ остальными легко было управиться. Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ, носившій въ это время званіе стольника, былъ еще очень молодъ, и потому его нельзя было включить въ посольство; тогда гетманъ постарался, чтобъ посломъ отъ духовенства назначили отца Михаилова, митрополита Филарета; Жолкѣвскій представлялъ, что на такое важное дѣло нужно послать человѣка, не только по званію, но и по происхожденію знаменитаго, а послѣднему условію вполнѣ удовлетворялъ только одинъ Филаретъ. Увѣдомляя короля о присягѣ Москвы Владиславу, гетманъ писалъ ему: «Одинъ Богъ знаетъ, что въ сердцахъ людскихъ кроется, но, сколько можно усмотрѣть, Москвитяне искренно желаютъ, чтобы королевичъ у нихъ царствовалъ. Для переговоровъ о крещеніи и другихъ условіяхъ отправляютъ къ вашей королевской милости князя Василія Го-

лицына съ товарищами; переговоры эти не будутъ трудны, потому что Голицынъ, пришедши къ патріарху съ другими боярами, объявилъ ему, что «о крещеніи они будутъ бить челомъ, но если бы даже король и не исполнилъ ихъ просьбы, то воленъ Богъ да господарь, мы ему уже крестъ цѣловали и будемъ ему прямить». Удаливши чрезъ посольство Голицына и отца Михаилова, Жолкѣвскій распорядился и на счетъ бывшаго царя Василія, который могъ быть также опасенъ, ибо патріархъ не считалъ его монахомъ: по настоянію гетмана, бояре отправили Василія въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь, а братьевъ его въ Бѣлую, чтобъ отсюда удобнѣе было переслать ихъ въ Польшу; патріархъ кажется догадывался объ этомъ намѣреніи, и настаивалъ, чтобъ Шуйскаго отвезли въ Соловецкій монастырь, но тщетно. Царицу Марію заключили въ Суздальскомъ Покровскомъ монастырѣ.

Филаретъ и Голицынъ отправились въ челѣ посольства; между остальными членами его были: окольничій князь Мезецкій, думный дворянинъ Сукинъ, думный дьякъ Томила-Луговской, дьякъ Сыдавный-Васильевъ; изъ духовныхъ Спасскій архимандритъ Евфимій, Троицкій келарь Аврамій Палицынъ и другіе; къ нимъ присоединены были выборные изъ разныхъ чиновъ люди; число лицъ посольства простиралось до 1,246 человѣкъ. Посламъ данъ былъ такой наказъ: 1) Требовать, чтобъ Владиславъ принялъ греческую вѣру въ Смоленскѣ отъ митрополита Филарета и Смоленскаго архіепископа Сергія, чтобъ пришелъ въ Москву православнымъ; 2) чтобъ Владиславъ, будучи на престолѣ, не сносился съ папою о дѣлахъ вѣры, а только о дѣлахъ государственныхъ; 3) если кто-нибудь изъ людей Московскаго государства захочетъ, по своему малоумію, отступить отъ греческой вѣры, такихъ казнить смертію, а имѣніе ихъ отписать въ казну; слѣдовательно здѣсь сдѣлано исключеніе изъ того условія договора, по которому имѣніе у преступниковъ не отбиралось, но шло къ наслѣдникамъ; 4) чтобъ королевичъ взялъ съ собою изъ Польши немно-

гихъ необходимыхъ людей; 5) прежняго титула Московскихъ государей не умалять; 6) жениться Владиславу въ Московскомъ государствѣ, на дѣвицѣ греческаго закона; 7) города и мѣста, занятые Поляками и воромъ, очистить къ Московскому государству, какъ было до смуты и какъ условлено съ гетманомъ; 8) Полякамъ и Литовцамъ, которые пріѣдутъ съ Владиславомъ, давать помѣстья внутри государства, а не въ порубежныхъ городахъ. Цѣль условія ясна: Поляки, владѣя порубежными мѣстами, легко могли завести ихъ за Польшу; 9) всѣхъ плѣнниковъ, взятыхъ въ Московскомъ государствѣ во время смутъ, возвратить безъ выкупа; 10) король долженъ отступить отъ Смоленска, на посадѣ и въ уѣздѣ никакого насилія не дѣлать; 11) на будущій сеймъ должны пріѣхать Московскіе послы, въ присутствіи которыхъ вся Рѣчь Посполитая должна подкрѣпить великое утвержденіе между двумя государствами.

На случай неодолимаго сопротивленія съ Польской стороны посламъ дозволено было умѣрить свои требованія, именно, касательно первой статьи: если королевичь на принятіе православной вѣры въ Смоленскѣ не согласится и отложитъ это дѣло до прибытія своего въ Москву, гдѣ приметъ рѣшеніе, постановленное духовенствомъ православнымъ и латинскимъ—то послы должны отвѣчать, что у нихъ на такой случай нѣтъ наказа, просить позволенія переписаться съ патріархомъ, боярами и всею землею, а королевича просить идти немедленно въ Москву; прибавлено, чтобы послы не спорили о вѣрѣ съ панами или учителями латинскими. Касательно четвертой статьи послы должны были настоять, чтобъ Владиславъ не привозилъ съ собою больше пяти сотъ человѣкъ Поляковъ. Касательно титула послы могли согласиться, что Владиславъ постановитъ о немъ окончательное рѣшеніе въ Москвѣ по приговору патріарха, бояръ и всѣхъ думныхъ людей. Статью о женитьбѣ послы могли измѣнить такъ: Владиславъ не можетъ жениться безъ совѣта патріарха, всего духовенства, бояръ и думныхъ людей. Послы не должны были соглашаться на вознагражденіе

короля за подъемъ и на уплату жалованья Польскому войску, бывшему при ворѣ съ Сапѣгою; не должны были соглашаться ни построеніе костела въ Москвѣ, на оставленіе Польскихъ чиновниковъ въ порубежныхъ Русскихъ городахъ до совершеннаго успокоенія государства; должны были уклониться отъ переговоровъ о порубежныхъ спорныхъ дѣлахъ, «чтобъ за тѣмъ большому дѣлу мѣшкоты не было.» Въ случаѣ же упорнаго настаиванія съ Польской стороны на счетъ означенныхъ послѣднихъ пунктовъ, послы должны были отвѣчать, что они не имѣютъ о нихъ наказа, и потому рѣшеніе этихъ дѣлъ должно оставить до будущихъ переговоровъ между Сигизмундомъ и его сыномъ, когда уже Владиславъ будетъ государемъ Московскимъ. Въ Москвѣ, какъ видно, надѣялись, что какъ скоро Владиславъ станетъ царемъ, то будетъ по необходимости блюсти выгоды своего государства: вотъ почему послы должны были прежде всего настаивать на скорѣйшій пріѣздъ Владислава въ Москву.

Патріархъ отправилъ съ послами отъ себя письмо къ Сигизмунду, гдѣ умолялъ короля отпустить сына въ греческую вѣру: «любви ради Божіей смилуйся, великій государь, не презри нашего прошенія, да и вы сами Богу не погрубите, и насъ богомолъцевъ своихъ и такихъ неисчетныхъ народовъ не оскорбите.» Но Сигизмундъ прежде всего долженъ былъ думать о томъ, чтобъ не оскорбить своего народа и, поставленный въ необходимость возвратиться въ Польшу или съ цѣлымъ Московскимъ государствомъ, или по крайней мѣрѣ съ частію его, продолжалъ осаду Смоленска. Съ другой стороны, Янъ Потоцкій, главный начальникъ надъ осаждающими войсками, завидуя успѣху Жолкѣвскаго въ Москвѣ, хотѣлъ непремѣнно взять Смоленскъ, его желаніе соотвѣтствовало и желанію войска, раздраженнаго долгою осадою. Не смотря однако на ревность и мужество осаждающихъ, ихъ приступы были постоянно отбиваемы осажденными, хотя между послѣдними свирѣпствовала заразительная болѣзнь. Когда получено было извѣстіе о договорѣ Жолкѣвскаго съ временнымъ Московскимъ правительствомъ,

то и Смольняне вступили въ переговоры съ королемъ; но какъ скоро Сигизмундъ объявилъ Шеину, что Смоленскъ, древняя собственность Литвы, долженъ сдаться не королевичу, а самому королю, то воевода никакъ не согласился отдѣлиться отъ Москвы безъ согласія всей земли. Окончаніе переговоровъ было отложено до пріѣзда великихъ Московскихъ пословъ. И въ этомъ случаѣ городъ раздѣлился, если вѣрить рѣчамъ перебѣжчиковъ: дворяне, которыхъ было около двухъ сотъ человѣкъ, стрѣльцы, числомъ около двѣнадцати тысячъ, даже духовенство и воевода соглашались сдать городъ на имя короля, полагая, что имъ все равно жить, подъ властію Сигизмунда или его сына, какъ скоро вѣра и права будутъ сохранены; но торговые и посадскіе люди никакъ не хотѣли отложиться отъ Москвы и настаивали, чтобъ дожидаться пословъ.

Между тѣмъ чрезъ избраніе Владислава Шведы необходимо превращались изъ союзниковъ въ враговъ Московскому государству: они взяли Ладогу, но не имѣли успѣха подъ Ивань-городомъ, жители котораго, не смотря на крайность, оставались вѣрны самозванцу; Горнъ разбилъ Лисовскаго подъ Ямою, послѣ чего Лисовскій и Просовецкій съ донскими казаками отступили ко Пскову, но разсорились, потому что Лисовскій хотѣлъ служить Владиславу, а Просовецкій самозванцу: въ слѣдствіе этого Лисовскій пошелъ въ Островъ, а Просовецкій остановился въ двадцати верстахъ отъ Пскова. Самозванецъ по прежнему укрѣпился въ Калугѣ и долженъ былъ, повидимому, готовиться къ войнѣ съ прежнимъ своимъ союзникомъ Сапѣгою, который выступилъ въ Сѣверскую землю какъ будто для того, чтобъ отнять ее у самозванца, но на дѣлѣ было иное: по соглашенію съ двоюроднымъ братомъ своимъ канцлеромъ Львомъ, Сапѣга долженъ былъ поддерживать Лжедимитрія, отвлекавшаго вниманіе Москвитянъ отъ замысловъ королевскихъ. Владѣнія Калужскаго царя были довольно обширны: такъ напримѣръ Серпуховъ принадлежалъ ему; здѣсь сидѣлъ воеводою отъ

него извѣстный намъ Ѳеодоръ Плещеевъ. Оставшись одинъ подъ Москвою съ небольшимъ своимъ войскомъ, Жолкѣвскій видѣлъ ясно всю опасность положенія, видѣлъ, что Русскіе только въ слѣдствіе крайней необходимости согласились принять нв престолъ иноземца, и никогда не согласятся принять иновѣрца, а Сигизмундъ никогда не согласится позволить сыну принять православіе. Но и теперь, какъ прежде, самозванецъ продолжалъ помогать гетману: изъ страха предъ простымъ народомъ, который не замедлитъ встать за Лжедимитрія при первомъ удобномъ случаѣ, бояре сами предложили Жолкѣвскому ввести Польское войско въ Москву: Гетманъ согласился съ радостію и послалъ росписать квартиры въ городѣ; но въ Москвѣ сторожили каждое движеніе: монахъ ударилъ въ набатъ и объявилъ собравшемуся народу, что Поляки входятъ въ Москву; бояре испугались волненія и упросили гетмана обождать еще дня три. Но гетманъ самъ испугался, созвалъ коло въ своемъ войскѣ и сказалъ: «Правда, что я самъ хотѣлъ поставить войско въ столицѣ; но теперь внимательно осмотрѣвшись, впалъ въ раздумье. Въ такомъ большомъ и публичномъ собраніи я не могу открыть причинъ, которыя препятствуютъ мнѣ поставить тамъ войско, вышлите ко мнѣ въ палатки по два человѣка изъ полка, я имъ все открою». Когда депутаты пришли, гетманъ началъ объяснять дѣло: «Москва городъ большой, людный, почти всѣ жители Московскаго государства сходятся въ Кремль по дѣламъ суднымъ, здѣсь всѣ разряды. Я долженъ стать въ самомъ Кремлѣ, вы другіе въ Китай-городѣ, остальные въ Бѣломъ. Но въ Кремлѣ собирается всегда множество народа, бываетъ тамъ иногда по пятнадцати и по двадцатитысячъ; имъ ничего не будетъ стоить, выбравши удобное время, истребить меня тамъ; пѣхоты у меня нѣтъ, вы люди до пѣшаго бою неспособные, а у нихъ въ рукахъ ворота.» Приведши въ примѣръ перваго Лжедимитрія, который погибъ вмѣстѣ съ Поляками, гетманъ заключилъ: «Мнѣ кажется гораздо лучше размѣстить войско по слободамъ око-

ло столицы, которая будетъ такимъ образомъ какъ будто въ осадѣ.»

Но этому плану всего больше воспротивился полкъ Зборовскаго, состоявшій изъ Тушинскихъ Поляковъ; послѣдніе не переставали жалѣть, что у нихъ вырвана была изъ рукъ добыча; теперь, по крайней мѣрѣ, надѣялись, что если Москва будетъ въ ихъ рукахъ, то и казна царская будетъ у нихъ же, а тутъ гетманъ какъ нарочно медлитъ, обнаруживаетъ опасеніе и хочетъ становиться только въ слободахъ. Депутатъ Зборовскаго полка, Мархоцкій, отвѣчалъ гетману: «Напрасно ваша милость считаетъ Москву такъ могущественною, какъ была она во время Димитрія, а насъ такъ слабыми, какъ были тѣ, которые пріѣхали къ нему на свадьбу. Спросите у самихъ Москвичей, и они вамъ скажутъ, что отъ прихода Рожинскаго до настоящаго времени погибло 300,000 дѣтей боярскихъ Въ то время, когда Дмитрія и нашихъ побили, вся земля была въ собраніи около Москвы, потому что царь готовился къ войнѣ съ Крымомъ; но хотя Русскихъ было и много, а нашихъ только три хоругви, однако и тутъ нашихъ одолѣли только измѣною. А ты теперь пріѣхалъ на войну, будемъ биться и пѣши, когда понадобится. Ваша милость жалуетесь, что у васъ мало пѣхоты: мы каждый день отъ каждой хоругви будемъ посылать къ вамъ въ Кремль пѣхоты съ ружьями, сколько прикажите. Если боитесь поставить все войско въ столицѣ, то поставьте нашъ полкъ: мы рѣшились дожидаться въ Москвѣ или смерти, или награды за прежніе труды. Что же касается до расположенія войска въ слободахъ, то мнѣ кажется, что это будетъ гораздо опаснѣе, чѣмъ помѣщеніе его въ самомъ городѣ. Недавно мы вступили въ мирныя сношенія съ Москвою, и уже такъ стали безпечны, что большая часть нашихъ всегда въ Москвѣ, а не въ обозѣ, и такъ ѣздятъ туда неосторожно, какъ будто бы въ Краковъ. То же самое будетъ, когда расположимся въ слободахъ: большая часть нашихъ всегда будетъ въ городѣ, а не при хоругвяхъ.» Жолкѣвскій отвѣчалъ съ сердцемъ: «Я

не вижу того, что ваша милость видите: такъ будьте гетманомъ, сдаю вамъ начальство»! Мархоцкій отвѣчалъ: «Я начальства не хочу, но утверждаю одно, что если вы войска въ столицѣ не поставите, то не пройдетъ трехъ недѣль, какъ Москва измѣнитъ. А отъ полка своего я объявляю, что мы другихъ еще трехъ лѣтъ подъ Москвою стоять не намѣрены».

Съ тѣмъ депутаты и разошлись отъ гетмана. Жолкѣвскій не тронулся убѣжденіями Мархоцкаго и послалъ Гонсѣвскаго въ Москву къ боярамъ предложить имъ, чтобъ они отвели ему Новодѣвичій монастырь и слободы. Бояре согласились; но патріархъ возражалъ, что неприлично оставить монахинь въ монастырѣ вмѣстѣ съ Поляками, неприлично и выслать ихъ для Поляковъ. Мнѣніе патріарха нашло отголосокъ сильный: около Гермогена начали собираться дворяне, торговые и посадскіе люди, стрѣльцы. Патріархъ дважды посылалъ за боярами, зовя ихъ къ себѣ: они отговаривались, что заняты государственнымъ дѣломъ. Тогда Гермогенъ послалъ сказать имъ, что если они не хотятъ идти къ нему, то онъ пойдетъ къ нимъ, и не одинъ, а со всѣмъ народомъ. Бояре испугались, пошли къ патріарху и толковали съ нимъ часа два, опровергая слова его о неблагонамѣренныхъ замыслахъ гетмана. Гермогенъ говорилъ, что Жолкѣвскій нарушаетъ условія, не отправляетъ ни кого противъ Калужскаго вора, хочетъ ввести войска свои въ Москву, а Русскіе полки высылаетъ на службу противъ Шведовъ. Бояре, съ своей стороны, утверждали, что введеніе Польскихъ войскъ въ Москву необходимо: иначе чернь предастъ ее Лжедмитрію; Иванъ Никитичъ Романовъ даже сказалъ патріарху, что если гетманъ отойдетъ отъ Москвы, то имъ всѣмъ боярамъ придется идти за нимъ для спасенія головъ своихъ, что тогда Москва достанется вору и патріархъ будетъ отвѣчать за эту бѣду. Патріарху прочли строгій уставъ, написанный гетманомъ для предотвращенія и наказанія буйствъ, которыя могутъ позволить себѣ Поляки; въ тоже время Гонсѣвскій, узнавъ,

о чемъ идетъ дѣло у патріарха съ боярами, прислалъ сказать послѣднимъ, что гетманъ завтра же высылаетъ войска противъ самозванца, если только Московскіе полки будутъ готовы. Это извѣстіе дало боярамъ рѣшительный перевѣсъ въ спорѣ; Мстиславскій воспользовался случаемъ, чтобъ превознести гетмана; говорятъ даже, будто бояре, въ торжествѣ, рѣшились сказать Гермогену, чтобъ онъ смотрѣлъ за церковью, а въ мірскія дѣла не вмѣшивался, ибо прежде духовенство никогда не управляло государственными дѣлами. Какъ будто бы преданіе государства иновѣрцамъ не касалось церкви!

Какъ бы то ни было, патріархъ уступилъ боярамъ, уступилъ и народъ. Салтыковъ, Шереметевъ, Андрей Голицынъ, дьякъ Грамотинъ попеременно разъѣзжали среди толпы, выговаривали за мятежъ, приказывали не замышлять новаго; народъ утихъ; Гонсѣвскій поскакалъ въ станъ къ гетману съ извѣстіемъ, что нѣтъ никакой опасности расположить войско въ столицѣ, что сами бояре просятъ объ этомъ; гетманъ согласился. Ночью, съ 20 на 21 сентября, Поляки тихо вступили въ Москву, помѣстились въ Кремлѣ, Китаѣ и Бѣломъ городѣ; заняли и монастырь Новодѣвичій, заняли Можайскъ, Борисовъ, Верею для безопасности сообщеній своихъ съ королемъ. Жолкѣвскій, для собственной выгоды, хотѣлъ свято исполнить обѣщанное: рѣшеніе распрей между Поляками и Москвичами предоставлено было равному числу судей изъ обоихъ народовъ; судъ былъ безпрестрастный и строгій: такъ когда одинъ пьяный Полякъ выстрѣлилъ въ икону Богородицы, то судъ приговорилъ его къ отсѣченію рукъ и къ сожженію; другой Полякъ насильно увелъ дочь у одного изъ Московскихъ жителей: преступника высѣкли кнутомъ. Обязанность продовольствовать Поляковъ была возложена на замосковные города и волости, которые были расписаны по разнымъ ротамъ; но когда посланные для сбора припасовъ Поляки, по ихъ собственному признанію, самовольно брали все, чтò кому нравилось, силою отнимали женъ и дочерей у

жителей, то послѣдніе согласились платить Полякамъ деньгами, сборъ которыхъ приняли на себя. Гетману всего важнѣе было прибрать къ рукамъ стрѣльцовъ, потому что на нихъ должно было опереться народное возстаніе, и онъ довелъ дѣло до того, что, по согласію бояръ, начальство надъ стрѣльцами поручено было Гонсѣвскому; сами стрѣльцы легко согласились на это, ибо Жолкѣвскій обходительностію, подарками и угощеніями, такъ привлекъ ихъ къ себѣ, что они готовы были исполнить все, чего бы онъ ни захотѣлъ, сами приходили къ нему и спрашивали, не подозрѣваетъ ли онъ кого въ измѣнѣ, вызываясь тотчасъ схватить подозрительнаго человѣка. Гетману удалось даже поладить и съ патріархомъ: сперва сносился онъ съ нимъ посредствомъ другихъ, а потомъ сталъ ходить къ нему самъ и пріобрѣлъ его расположеніе.

Не смотря однако на всѣ эти пріязненныя отношенія и ловкія мѣры, Жолкѣвскій зналъ, что возстаніе вспыхнетъ при первой вѣсти о нежеланіи короля отпустить Владислава въ Москву, зналъ, что эта вѣсть можетъ придти очень скоро, — и потому спѣшилъ оставить столицу. Съ одной стороны, личнымъ присутствіемъ хотѣлъ онъ подкрѣпить своихъ единомышленниковъ, уговорить короля исполнить договоръ; съ другой стороны, онъ долженъ былъ спѣшить изъ Москвы для сохраненія своей славы, для выхода изъ положенія, которое скоро грозило стать крайне затруднительнымъ: съ необыкновеннымъ успѣхомъ окончилъ онъ походъ свой, а теперь безславно могъ погибнуть съ своимъ ничтожнымъ отрядомъ среди всеобщаго возстанія. Бояре испугались, когда гетманъ объявилъ, что долженъ ѣхать, упрашивали его остаться, но Жолкѣвскій былъ непреклоненъ. Бояре провожали его далеко за городъ; даже простой народъ обнаружилъ къ нему расположеніе, платя лаской за ласку: когда онъ ѣхалъ по улицамъ, то Москвичи забѣгали впередъ и желали счастливаго пути. На мѣсто гетмана остался Гонсѣвскій.

Уѣзжая изъ Москвы, Жолкѣвскій взялъ съ собою сверженнаго

наго царя Василія, взялъ и двоихъ братьевъ его. 20 октября король писалъ боярамъ: по договору вашему съ гетманомъ Жолкѣвскимъ, велѣли мы князей Василія, Димитрія и Ивана Ивановичей Шуйскихъ отослать въ Литву, чтобъ тутъ въ господарствѣ Московскомъ смутъ они не дѣлали; поэтому приказываемъ вамъ, чтобъ вы отчины и помѣстья ихъ отобрали на насъ господаря». Двое другихъ подозрительныхъ лицъ, Филаретъ и Голицынъ, были уже подъ Смоленскомъ во власти короля. Они выѣхали изъ Москвы 11 сентября; съ дороги, отъ 18 сентября они писали въ Москву, что королевскія войска осадили Осташковъ, разоряютъ его окрестности; отъ 21 сентября писали, что не имѣя возможности взять Осташковъ, Поляки разсѣялись по уѣздамъ Ржевскому и Зубцовскому и пустошатъ ихъ; отъ 30-го сентября писали, что многіе Русскіе дворяне пріѣзжаютъ къ королю подъ Смоленскъ, и, по волѣ королевской, присягаютъ уже не одному королевичу, но и самому королю, и король за это ихъ жалуетъ, даетъ грамоты на помѣстья и вотчины, а тѣмъ, кто уже присягнулъ королевичу, велитъ опять присягать себѣ, кто же не хочетъ, тѣхъ сажаютъ подъ стражу; что король нѣсколько разъ посылалъ къ Смольнянамъ, чтобъ они присягнули ему вмѣстѣ съ сыномъ, Смольняне не согласились, и король промышляетъ надъ ихъ городомъ всякими мѣрами. 7 октября послы пріѣхали подъ Смоленскъ; ихъ приняли съ честію, отвели 14 шатровъ за версту отъ королевскаго стана, но кормы давали скудные: на жалобы пословъ отвѣчали, что король не въ своей землѣ, а на войнѣ, и взять ему самому негдѣ. 10 числа великіе послы представились королю и били челомъ, чтобъ отпустилъ сына своего на царство Московское. Левъ Сапѣга, именемъ королевскимъ, отвѣчалъ въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, что Сигизмундъ желаетъ спокойствія въ Московскомъ государствѣ и назначитъ время для переговоровъ. Между тѣмъ въ совѣтѣ королевскомъ шли споры, соглашаться ли на просьбу пословъ, отпускать ли королевича въ Москву, или нѣтъ?

Сначала Левъ Сапѣга, отчаявшись въ возможности взять Смоленскъ, былъ въ числѣ тѣхъ, которые соглашались на отпускъ королевича въ Москву; но скоро перемѣнилъ мнѣніе, особенно когда получилъ письмо отъ королевы Констанціи, которая писала ему: «Ты начинаешь терять надежду на возможность взять Смоленскъ, и совѣтуешь королю на время отложить осаду: заклинаемъ тебя, чтобъ ты такого совѣта не подавалъ, а вмѣстѣ съ другими сенаторами настаивалъ на продолженіе осады: здѣсь дѣло идетъ о чести не только королевской, но и цѣлаго войска.» Сапѣга сталъ внушать королю, что присяга, данная Московскимъ народомъ Владиславу, подозрительна: не хотятъ ли Москвичи только выиграть время? отъ этой присяги для Польши больше вреда, чѣмъ пользы, потому что для невѣрнаго надобно оставить осаду Смоленска, покинуть надежду на пріобрѣтеніе областей Смоленской и Сѣверской, и все это будетъ соединено съ страшнымъ вредомъ и позоромъ, если Москвичи обманутъ Владислава. Гораздо лучше продолжать начатое, не выпускать изъ рукъ того, что уже въ рукахъ, и, взявши свое, вести съ торжестомъ Владислава въ Москву. Требовавшіе выполненія гетманскаго договора съ Москвою представляли:-король обѣщалъ, гетманъ съ войскомъ присягнули: нельзя сдѣлать клятвопреступниками короля, гетмана и цѣлое войско. Народъ Московскій безъ государя быть не привыкъ: если имъ не дать королевича, ими избраннаго, то, разрѣшенные этимъ отъ присяги, они обратятся къ другому, и упорно будутъ стоять противъ насъ, видя наше клятвопреступленіе. Силою этой войны намъ не кончить, потому что у насъ нѣтъ достаточныхъ для того средствъ; если же войны не окончимъ, то бѣда съ двухъ сторонъ, отъ Москвы и отъ своихъ: отъ Москвы, ибо изберетъ себѣ чужаго государя; отъ своихъ, потому что начнутся воинскія конфедераціи въ слѣдствіе неуплаты жалованья; заплатить имъ изъ Польши трудно, потому что казны нѣтъ, а королю надобно прежде всего заботиться о своей славѣ, ибо если славу потеряетъ, то все потеряетъ и у

своихъ и у чужихъ. Война не можетъ идти хорошо, потому что не только нѣтъ средствъ продолжать ее, но нѣтъ средствъ и долгу заплатить; ратные люди въ отчаяніи двинутся въ Польшу за жалованьемъ: отсюда ненависть къ королю войска, ненависть шляхты, наконецъ возмущеніе, и тогда уже дѣло пойдетъ о жизни и царствѣ. Если же королевичь будетъ отправленъ въ Москву, то будетъ у насъ спокойное сосѣдство, легко могутъ быть возвращены Лифляндія и Швеція, да и отъ Татаръ будетъ меньше вреда; большая часть шляхты могла бы испомѣститься въ Москвѣ, въ слѣдствіе чего рѣчь посполитая могла бы быть безопаснѣе отъ бунтовъ, ибо причина возстанія—бѣдность гражданъ. Король, давши Москвѣ сына, пріобрѣтетъ себѣ вѣчную славу у своихъ и чужихъ. Если, чего не дай Богъ, приключится смерть королю, и выборъ другаго сына его въ короли встрѣтитъ препятствія, то старшій братъ, царь Московскій, поможетъ ему.

Противники возражали: государь молодой, еще ребенокъ, не можетъ управлять безъ руководителей, которыми должны быть или Поляки, или Москвитяне, или смѣшанно изъ того и другаго народа. Если назначить Поляковъ, Москвитяне оскорбятся, ибо народъ Московскій иностранцевъ не терпитъ: это показалъ онъ на Димитріи, погубивъ его за то, что допускалъ иностранцевъ къ дѣламъ тайнымъ. Ввѣрить королевича Московскимъ воспитателямъ —трудно, во первыхъ уже потому, что тамъ нѣтъ такихъ людей, которые бы умѣли воспитывать государя какъ слѣдуетъ: если станутъ воспитывать его въ своихъ обычаяхъ, то погрузятъ въ грубость государя, подающаго такія надежды. Воспитателями, разумѣется, должны быть люди самые знатные, но они на такомъ мѣстѣ не бывали, гдѣ бы могли пользоваться короткимъ обхожденіемъ съ государемъ (государей своихъ они чтутъ какъ божество); короткое обращеніе и молодость государя, участіе, которое они будутъ имѣть въ правленіи, породятъ въ нихъ презрѣніе ко власти царской, станутъ другъ съ другомъ ссориться, и тотъ, кто осилитъ всѣхъ другихъ, начнетъ за-

мышлять и противъ государя; примѣровъ тому много, не у варваровъ, а въ образованныхъ государствахъ, ибо честолюбіе сдержать трудно, зло это вкрадывается мало по малу, особенно когда судьба благопріятствуетъ, а народъ Московскій еще къ этому очень склоненъ, потому что очень гордъ и завистливъ. Прежніе государи сдерживали это въ немъ страхомъ, но молодой государь сдержать не сможетъ. Потомъ кого выбрать въ воспитатели? надобно вѣдь узнать добрыя свойства и обычаи человѣка, прежде, чѣмъ допустить его до такого мѣста, и кто его узнаетъ? сами другъ другу будутъ мѣшать, другъ друга чернить, потому что если при встрѣчѣ и поклонахъ обнаруживаютъ такое смѣшное соперничество, то что же будетъ въ такомъ важномъ случаѣ? Соединить Поляковъ съ Москвитянами? но чтобъ они ужились, потребно содѣйствіе Духа Святаго, потребны люди съ умѣреннѣйшими характерами. При молодомъ государѣ сейчасъ между ними возникнетъ соперничество: одни, приверженные къ отцу и къ нему самому, будутъ совѣтовать ему только одно доброе; но другіе будутъ только угождать, льстить молодому человѣку для своихъ выгодъ, одна особенная милость Божія можетъ сдѣлать, что онъ имъ не поддастся. Согласія между Польскими и Московскими воспитателями быть не можетъ по причинѣ различія нравовъ. Настоящее состояніе Московскаго государства требуетъ человѣка, который бы оборонилъ его отъ враговъ внѣшнихъ, усмирилъ волненія внутреннія, каждаго возвратилъ въ прежнее состояніе, потому что если въ больномъ государственномъ тѣлѣ смѣшавшіеся соки не возвратятся каждый въ свое мѣсто, то болѣзнь возвратится снова, молодой человѣкъ этого сдѣлать не можетъ, а безъ этого жизнь и власть его будутъ въ опасности. Простой народъ тамъ поднялся, всталъ на пановъ, чуть не всю власть въ рукахъ держитъ. Бояре, вожди народа, употребляютъ его, какъ орудіе для своихъ честолюбивыхъ цѣлей. Ихъ надобно укротить, потому что безъ этого надобно каждую минуту опасаться волненія, многоглавый

звѣрь можетъ быть укрощенъ только мечемъ. Дитя этого сдѣлать не можетъ, а если сдѣлаетъ по чьему-нибудь внушенію, то возбудитъ сильное волненіе; при томъ же государя молодаго опасно пріучать къ крови. Попы имѣютъ огромное значеніе; они главы народныхъ движеній; съ ними и у старика голова закружится, съ ними надобно покончить, въ противномъ случаѣ ядъ останется безъ лѣкарства; государь не можетъ быть въ такомъ случаѣ безопасенъ, а охранять его могутъ только Поляки, которыхъ если будетъ не много, то не защитятъ, а скорѣе погубятъ. Большаго войска держать при себѣ они не допустятъ, да и что будетъ за жизнь государю безпрестанно въ станѣ, въ безпокойствахъ. Избранію ихъ и крестному цѣлованію вѣрить нельзя. Если бы его по желанію и по долгомъ размышленіи выбрали, то можно было бы надѣяться, что добровольно выбрали, добровольно будутъ служить, ибо любовь подданныхъ основа правительства. Но этого ничего нѣтъ, только маска да слово добровольнаго избранія; нужда служитъ причиною привязанности; какое тутъ вольное избраніе, когда стоятъ съ саблею надъ головою? пристойнымъ именемъ только необходимость прикрыли, ибо если королевичь имъ такъ сильно полюбился, то зачѣмъ не выбирали его прежде, пока были въ силахъ? Зачѣмъ противъ гетмана шли, за Шуйскаго умирали? На отца вездѣ искали помощи, клятвопреступникомъ его называли, говорили, что нарушилъ клятву имъ и государю ихъ. Хорошее доказательство добраго расположенія! Не любовь была причиною избранія королевича, а необходимость, ибо когда тонешь, то радъ, если и самый злой врагъ протянетъ руку. Изъ условій избранія легко видѣть, что о насъ не думали; въ двухъ изъ нихъ обнаружили свое нерасположеніе: чтобъ королевичь крестился въ греческую вѣру, и чтобъ Полякамъ не давать пограничныхъ мѣстъ. Если креститься христіянину велятъ, то значитъ за христіянина его не считаютъ, а какое расположеніе можно имѣть къ нехристіянину? Говорятъ, что королевичь

окрестится: хорошо же думаютъ они о своемъ кандидатѣ, что за кусокъ хлѣба согласится быть отступникомъ и быть въ поруганіи у всѣхъ народовъ и у нихъ. Говорятъ, что это условіе патріархъ внесъ: тѣмъ хуже. Полякамъ ничего не давать на границахъ: но для чего ихъ боятся? и можно ли того любить, кого опасаемся? для чего испомѣщать ихъ внутри государства? не вѣрятъ имъ, а царемъ кого берутъ? королевича Польскаго? Крестному цѣлованію ихъ вѣрить: но надобно прежде посмотрѣть, что съ другими государями дѣлалось: развѣ Иванъ не отъ яду умеръ? говорятъ, что онъ былъ тиранъ: но Ѳедоръ и маленькій братъ его Димитрій были ни въ чемъ невинны — и погибли же. Говорятъ, что это Годуновъ сдѣлалъ; но Годунова царемъ выбрали, и если бы Богъ его не покаралъ, то сынъ бы его царствовалъ; взяли того въ государи, крестъ цѣловали и сейчасъ же убили, измѣнникомъ назвавши; Шуйскому присягнули и до тѣхъ поръ при немъ стояли, пока бѣда не пришла. А нашему измѣнить — первая причина то, что католикъ, патріархъ разрѣшитъ. Трудно вѣрить народу, который уже привыкъ нарушать клятву; возьмемъ въ примѣръ римскую республику, гдѣ перемѣна государей вошла въ обычай; это наслѣдство досталось и нынѣшнимъ Итальянцамъ.

Говорятъ: присягнулъ гетманъ, все войско, король обѣщалъ: надобно исполнить обѣщаніе. Надобно выполнить обѣщаніе, но съ толкомъ, не опуская изъ виду обстоятельствъ, которыя такъ же важны, какъ и главное дѣло. Дадимъ королевича, устранивши препятствія, потому что мы его обѣщали на спокойную землю. Говорятъ: если королевича не дадимъ, то обратятся къ другому государю. Но къ кому обратятся? ни одинъ своего государства не покинетъ, а сына, кромѣ Англійскаго короля, ни у кого нѣтъ, да и тотъ еретикъ, и плохая надежда, чтобъ окрестился. Мы ближе всѣхъ, намъ удобнѣе всѣхъ дѣйствовать. Столица въ нашихъ рукахъ, и нашихъ недостатковъ знать они не могутъ, потому что, судя по успѣху, ставятъ насъ

выше, чѣмъ мы сами себя считаемъ. Правда, что войску будетъ тяжело, но изъ этого еще не слѣдуетъ непремѣнно, чтобъ оно взбунтовалось. Съ Польскихъ поборовъ деньги будутъ, хотя и не всѣ; получивши часть, подождутъ остальнаго. Вѣдь они не иностранцы, а сыны отечества, себѣ пріобрѣтаютъ, не чужому государю. Говорятъ, что когда королевича дадимъ, то Москва все заплатитъ и рѣчи посполитой дастъ вознагражденіе. Но въ казнѣ Московской нѣтъ ничего, или очень мало: гдѣ же взять денегъ? а захотятъ брать у частныхъ людей, то всего скорѣе вспыхнетъ возстаніе. Обѣщаютъ возвращеніе Ливоніи, оборону отъ Татаръ, и не говорятъ о землѣ Сѣверской, которую должны будемъ потерять. Ливонію возвратить трудно, Московскаго войска скоро употребить въ дѣло не можемъ, потому что оно истощено, надобно дать ему отдохнуть. Будетъ возстаніе на короля, если отдастъ сына безъ воли Поляковъ: если безъ согласія республики не можетъ онъ заключать союзовъ, то тѣмъ болѣе не можетъ давать государя сосѣднему народу. Король имѣетъ право заботиться о своемъ потомствѣ, но безъ вреда для республики: а это вредъ, когда онъ отдастъ своего сына чужому народу безъ вѣдома республики. Взвѣсивши всѣ доводы за и противъ, трудно рѣшить, что должно избрать. Если бы королевичь былъ совершеннолѣтній, и республика дала свое согласіе, то скорѣе бы можно было согласиться отпустить королевича въ Москву; но теперь надобно избрать что нибудь среднее: всего бы лучше, если бы взяли въ государи короля, мужа лѣтъ зрѣлыхъ и опытнаго въ управленіи. Но предложить имъ это опасно: возбудится ихъ подозрительность, взволнуется духовенство ихъ, которое хорошо знаетъ, что король ревностный католикъ. На счетъ королевича, какъ въ нѣжномъ возрастѣ находящагося, они имѣютъ надежду, что могутъ пріучить его ко всему, и къ своимъ обычаямъ; но на счетъ короля такой надежды питать они не могутъ. И такъ предложить имъ прямо короля нельзя; но въ добромъ дѣлѣ открытый путь не всегда приноситъ

пользу, особенно когда имѣемъ дѣло съ людьми неоткровенными: если неудобно дать королю сейчасъ же царскаго титула, то по крайней мѣрѣ управленіе государствомъ при насъ останется, а со временемъ откроется дорога и къ тому, что намъ нужно. Мы не будемъ имъ отказывать въ королевичѣ, будемъ стоять при прежнемъ обѣщаніи, а думѣ боярской покажемъ причины, почему мы не можемъ отпустить къ нимъ сейчасъ же королевича, укажемъ, что препятствія къ тому не съ нашей, но съ ихъ стороны, и медленность эта клонится не къ нашей, но къ ихъ выгодѣ, причемъ нужно различать знатныхъ людей отъ простаго народа: однимъ нужно говорить одно, другому — другое. И знатнымъ людямъ, и простому народу можно выставить на видъ, что государство еще не успокоено, наполнено врагами внутренними и внѣшними, трудно отъ всего этого избавиться, имѣя такого бѣднаго государя; надобно выдавать большія суммы денегъ изъ казны войску, а если пріѣдетъ сейчасъ же Владиславъ, то эти деньги, нужныя для войска, надобно будетъ обратить на царя, для поддержанія великолѣпія двора. Доходы царскіе идутъ теперь въ разныя стороны, должности заняты людьми недостойными; все это надобно привести въ порядокъ до пріѣзда царя, чтобъ пріѣхать ему на государство богатое, а не истощенное. Людей знатныхъ надобно привлекать частными обѣщаніями и выставлять имъ на видъ, между прочимъ, и то, что королевичь молодъ, что для установленія спокойствія въ такомъ разстроенномъ государствѣ надобны разумъ и время, и если не успокоить, то начнется волненіе еще больше прежняго; что надобно обратить вниманіе на безпасность государя, потому что въ землѣ размножились злые люди, которыхъ зовутъ в о р а м и; государь былъ бы безопасенъ только при многочисленномъ отрядѣ тѣлохранителей, а содержаніе этого отряда соединено съ истощеніемъ земли и казны; когда же королевичь достигнетъ совершеннаго разума и возраста, то ему уже не надобно будетъ тѣлохранителей. Надобно ждать сейма, проситъ

республику объ отпускѣ королевича, на все это потребуется время, а между тѣмъ какъ быть безъ главы государству разстроенному? непріятель воспользуется этимъ и усилится. Государь молодой не можетъ управлять и не можетъ войти въ ихъ порядки, потому что не знаетъ ихъ. Пусть вышлютъ сыновей своихъ и людей знатныхъ ко двору королевскому, чтобы и королевичь присмотрѣлся къ ихъ обычаямъ, и они узнали бы его обычаи; тогда онъ пріѣдетъ въ Москву уже какъ человѣкъ знакомый и будетъ управлять по обычаямъ земли. А между тѣмъ каждаго привлекать на свою сторону обѣщаніями, тоже самое дѣлать и съ духовными лицами, потому что и между ними не безъ честолюбія. Если бы они согласились отсрочить пріѣздъ королевича, то говорить, что въ это время государство не можетъ быть безъ главы, а кого же ближе признать этимъ главою, какъ не короля, единственнаго опекуна сына своего. Конечно для благоразумнѣйшихъ важнѣе всего будетъ жить спокойно въ домахъ и имѣть хлѣбъ до тѣхъ поръ, пока королевичь придетъ въ совершенныя лѣта. Говорить объ этомъ съ послами, которые теперь у насъ (съ Филаретомъ и Голицынымъ), не слѣдуетъ: ихъ выслали изъ Москвы какъ людей подозрительныхъ; лучше отправить пословъ въ Москву, и тамъ толковать съ добрыми людьми; но если кто изъ этихъ пословъ склонится къ намъ, то хорошо будетъ также послать его въ Москву.»

Эти доводы превозмогли: положено было не отпускать королевича. 15 октября былъ первый съѣздъ пословъ съ панами радными, которые объявили, что королю нельзя отступить отъ Смоленска и вывести войско изъ Московскаго государства, ибо онъ пришелъ съ тѣмъ, чтобы успокоить это государство, истребить вора, очистить города, а потомъ дать сына своего на престолъ Московскій. Послы отвѣчали, что государство гораздо скорѣе успокоится, если король выведетъ изъ него свои войска, что для истребленія вора довольно одного отряда Жолкѣвска-

го, потому что воръ теперь силенъ только Польскими войсками, что походъ королевскій на вора разорить Московское государство, и безъ того уже опустошенное; послы сказали, что имъ странно даже и толковать объ этомъ, ибо условіе объ отступленіи короля отъ Смоленска подтверждено клятвенно гетманомъ въ договорѣ съ Волуевымъ и Елецкимъ при Царевѣ-Займищѣ; въ договорѣ же Московскомъ сказано вообще объ очисткѣ всѣхъ городовъ къ Московскому государству, и гетманъ обязался просить короля о снятіи осады Смоленска, и слѣдовательно объ этомъ и рѣчи быть не должно. Паны возражали, что король не можетъ дать своего пятнадцатилѣтнаго сына на престолъ Московскій, но хочетъ прежде самъ идти на вора, послѣ чего поѣдетъ на сеймъ, бесъ согласія котораго не можетъ отпустить королевича въ Москву. 17 октября былъ другой съѣздъ: паны повторили прежнее, только болѣе рѣзкимъ тономъ, и наконецъ высказались прямо на счетъ Смоленска: «Для чего, сказали они, вы не оказали королю до сихъ поръ никакой почести и раздѣляете сына съ отцемъ, за чѣмъ до сихъ поръ не отдадите королю Смоленска? Вы бы велѣли Смольнянамъ присягнуть королю и королевичу вмѣстѣ, и тѣмъ бы оказали почесть королю.» Послы, выслушавъ это, спросили у пановъ: «Когда вы избрали короля своего, а у него былъ отецъ въ Швеціи, Яганъ король, то для чего вы раздѣлили отца съ сыномъ, сыну цѣловали крестъ, а отцу не цѣловали»? Паны возражали, что Яганъ король не приходилъ успокоивать ихъ государства, и заключили такъ: «Не взявъ государю нашему Смоленска, прочь не отхаживать.» Тогда желая уклониться отъ переговоровъ о Смоленскѣ, и выполнить скорѣе главную статью наказа, послы начали говорить, чтобъ теперь король исполнилъ договоръ, а сынъ его, царь Московскій, снесется уже съ нимъ относительно Смоленска, если не получить этого города король считаетъ для себя такимъ безчестьемъ.» Впрочемъ, прибавили послы, честь государская состоитъ въ ненарушеніи даннаго слова, а король не-

разъ объявлялъ, что предпринялъ походъ не для овладѣнія городами.»

20 октября былъ третій съѣздъ. Здѣсь паны прямо объявили, что еслибъ король согласился отступить отъ Смоленска, то они, паны и все рыцарство, на то не согласятся и скорѣе помрутъ, а вѣковѣчную свою отчину достанутъ.» Послы въ отвѣтъ на это велѣли читать гетманскій договоръ; паны съ сердцемъ закричали: «Не разъ вамъ говорено, что намъ до гетманской записи дѣла нѣтъ»! Не смотря однако на это, они тотчасъ же начали толковать о вознагражденіи королю и войску, упомянутомъ въ гетманскомъ договорѣ; послы отвѣчали, что странно будетъ платить изъ Московской казны за опустошеніе Московскаго государства, и что объ этомъ вознагражденіи царь Владиславъ снесется послѣ самъ съ отцемъ своимъ. Въ заключеніе послы просили пановъ донести королю, что до сихъ поръ все говорили не о главномъ дѣлѣ, тогда какъ они желаютъ больше всего знать: дастъ ли король на царство сына своего, и приметъ ли королевичъ православную вѣру греческаго закона? Паны обѣщались донести объ этомъ Сигизмунду. 23 октября былъ четвертый съѣздъ: паны объявили, что король жалуетъ своего сына, но отпуститъ его не раньше сейма. Тутъ же они прочли статьи, на которыя соглашался король: 1) Въ вѣрѣ и женитьбѣ королевича воленъ Богъ да онъ самъ; 2) съ папою королевичъ о вѣрѣ ссылаться не будетъ; 3) плѣнныхъ выдать король велитъ; 3) о числѣ людей при королевичѣ и о ихъ наградѣ послы должны договориться съ самимъ Владиславомъ; 5) на счетъ казни отступникамъ отъ вѣры король согласенъ съ статьею наказа; касательно же другихъ статей будетъ рѣшеніе на сеймѣ. Объ отступленіи отъ Смоленска послѣдовалъ рѣшительный отказъ; паны заключили отвѣтъ свой такъ: «Какъ скоро Смоленскъ поддастся и присягнетъ королю, то его величество пойдетъ самъ на вора, истребитъ его и, успокоивъ государство, отправится со всѣмъ войскомъ и съ вами, послами на сеймъ: сдѣсь дастъ вамъ въ цари сына

своего, съ которымъ вы и поѣдете въ Москву.» Послы отвѣчали, что взять Смоленскъ, идти на вора, успокоить государство, идти на сеймъ — все это требуетъ долгаго времени, тогда какъ для Московскаго государства дорога теперь каждая минута, и медленность королевская, породивъ сомнѣніе, произведетъ смуту, почему они послы просятъ пановъ отвратить короля отъ этого намѣренія и настоять на выполненіи гетманскаго договора; просили также позволенія обосляться съ Смольнянами, съ которыми до сихъ поръ запрещено было имъ сноситься. Тогда же митрополитъ Филаретъ имѣлъ разговоръ со Львомъ Сапѣгою о томъ, надобно ли королевичу креститься? Сапѣга окончилъ этотъ разговоръ такъ: «Объ этомъ, преосвященный отецъ! поговоримъ въ другой разъ, какъ время будетъ, я къ тебѣ нарочно пріѣду поговорить; а теперь одно скажу, что королевичь крещенъ и другаго крещенья нигдѣ не написано.» На это послы сказали: «бьемъ челомъ королю и королевичу со слезами, чтобъ королевичь крестился въ нашу православную вѣру Греческаго закона. Вамъ панамъ самимъ извѣстно, что Греческая вѣра мать всѣмъ христіанскимъ вѣрамъ, всѣ другія вѣры отъ нея отпали и составились. Вѣра есть даръ Божій, и мы надѣемся, что Богъ благодатію своею коснется сердца королевича. и пожелаетъ онъ окреститься въ нашу православную вѣру, и потому вамъ, панамъ раднымъ, не должно отводить отъ этого королевича и противиться благодати Божіей. Никакъ не можетъ статься, что государю быть одной вѣры, а подданнымъ другой, и сами вы не терпите, чтобъ короли ваши были другой вѣры. А тебѣ, Льву Ивановичу, и больше всѣхъ надобно о томъ радѣть, чтобъ государь нашъ, королевичь Владиславъ Жигимонтовичь, былъ въ нашей православной вѣрѣ Греческаго закона, потому что дѣдъ твой и отецъ и ты самъ и иные вашего рода многіе были въ нашей православной христіанской вѣрѣ Греческаго закона, и невѣдомо какимъ обычаемъ ты съ нами теперь поразрознился: такъ тебѣ по нашей вѣрѣ пригоже поборать.»

21 Октября былъ пятый сѣздъ. Паны, желая испугать пословъ и показать имъ необходимость подчиниться воли Сигизмунда, увѣдомили ихъ объ успѣхахъ Шведовъ на сѣверо-западѣ и объ усиленіи самозванца, къ которому ушло изъ Москвы 300 дворянъ. Послы отвѣчали, что они сомнѣваются въ справедливости этихъ извѣстій, ибо изъ Москвы къ нимъ объ этомъ не пишутъ; если же въ Московскихъ людяхъ есть измѣна, и гетману отъ этого идти съ войскомъ на вора нельзя, то король можетъ послать войска, которыя стоятъ въ Можайскѣ, Боровскѣ, Вязьмѣ, Дорогобужѣ, Бѣлой, ибо эти войска теперь ничего не дѣлаютъ, только раззоряютъ и пустошатъ государство. Если король укажетъ эти войска послать на вора, и мы отпишемъ во всѣ города объ этой милости королевской, и особенно о томъ, что онъ и сына своего скоро отпуститъ на царство, то весь народъ обрадуется и отъ вора отстанетъ; если же самъ король пойдетъ съ войскомъ на Московское государство, то народъ придетъ въ сомнѣніе, все договоренное рушится и будетъ хуже прежняго. Паны отвѣчали съ сердцемъ: «Мы вамъ говоримъ прямыя вѣсти про Шведовъ и про вора, а вы сами не знаете, чего просите: еслибъ король и захотѣлъ отойти отъ Смоленска въ свое государство, то войска его, люди вольные, не послушаются, и тѣ изъ нихъ, которыя стоятъ въ разныхъ мѣстахъ Московскихъ, а ихъ всѣхъ 80,000, если не получатъ денегъ, передадутся къ вору, и тогда вашему государству конецъ.» Послы отвѣчали: «просимъ королевское величество чтобъ умилосердился надъ государствомъ Московскимъ, велѣлъ своимъ ратнымъ людямъ идти на вора, а Черкасъ и Татаръ велѣлъ изъ государства вывести, которые стоя по городамъ, королевичу присягнувшимъ, жгутъ, раззоряютъ и людей въ полонъ берутъ.» Паны закричали на это: «Пришли вы не съ указомъ, а къ указу, и не отъ государя пришли, пришли отъ Москвы съ челобитьемъ къ государю нашему, и что вамъ государь нашъ укажетъ, то и дѣлайте. Сказываемъ мы вамъ прямыя вѣсти, что Шведы Ивань-Го-

родъ и Ладогу взяли, ко Пскову и къ инымъ городамъ хотятъ идти, а съ другой стороны воръ сбирается со многими людьми, и многіе люди измѣня, къ нему изъ Москвы пріѣзжаютъ, да къ нему же хотятъ придти на помощь Турскіе и Крымскіе люди. А многаго мы еще вамъ не сказали: Датскій король хочетъ доступить Архангельска да Колы. Видите сами, сколько на ваше государство недруговъ смотрятъ, всякій хочетъ себѣ что-нибудь сорвать: и вамъ надобно о своемъ государствѣ радѣть, пока злой часъ не пришелъ, а государскаго похода не отговаривать; хотя бы и самъ государь нашъ захотѣлъ въ свое государство идти, то вы должны были ему челомъ бить, чтобъ онъ прежде ваше государство успокоилъ; государь нашъ, жалѣя о государствѣ вашемъ, самъ хочетъ идти на вора, а вы этой государской милости не разумѣете и походъ отговариваете.» Послы отвѣчали: «Указывать мы его величеству не можемъ: что хочетъ, то и дѣлаетъ; но какъ намъ приказано бить челомъ отъ патріарха, бояръ и всѣхъ людей Московскаго государства, такъ мы и дѣлаемъ; отговариваемъ мы походъ королевскій, потому что государство наше и безъ того пусто и раззорено, и тѣмъ приходъ королевича отложится, отъ чего вся земля придетъ въ уныніе и сомнѣніе. Просимъ позволенія отписать въ Москву къ патріарху, боярамъ и ко всякимъ людямъ, что впередъ дѣлать намъ по ихъ приказу, а безъ того ни на что согласиться не можемъ.» Паны отвѣчали: «Вамъ и безъ указу Московскаго, какъ великимъ посламъ, все дѣлать можно; такъ сперва потѣшьте короля, сдѣлайте, чтобъ Смольняне королю и королевичу крестъ цѣловали. Вы королевича называете своимъ государемъ, а короля отца его безчестите: чего вамъ стоитъ поклониться его величеству Смоленскомъ, которымъ онъ хочетъ овладѣть не для себя, а для сына же своего. Король оставитъ ему послѣ себя, не только Смоленскъ, но и Польшу и Литву, тогда и Польша, и Литва, и Москва будутъ все одно.» — «Свидѣтельствуемся Богомъ, сказали на это послы, что у насъ объ этомъ ни-

чего въ наказѣ не написано, и теперь, и впередъ на сеймѣ мы не согласимся, чтобъ намъ какимъ-нибудь городомъ Польшѣ и Литвѣ поступиться. Московское государство все Божье, да государя нашего королевича Владислава Жигимонтовича: и какъ онъ будетъ на своемъ царскомъ престолѣ, то во всемъ будетъ воленъ Богъ да онъ, государь нашъ, а безъ него намъ не только что говорить, и помыслить объ этомъ нельзя.» «Мы хотимъ, говорилъ Сапѣга, чтобъ Смоленскъ цѣловалъ крестъ королю для одной только чести.»—Честь королю, отвѣчали послы, будетъ большая отъ всего свѣта и отъ Бога милость, если онъ Московское государство успокоитъ, кровь христіянскую уйметъ, сына своего посадитъ на Россійскій престолъ, и тогда не только Смоленскъ; но и все Россійское государство будетъ за сыномъ его.» Паны кричали: «Много уже пустаго мы отъ васъ слышимъ; скажите одно: хотите ли послать къ Смольнянамъ, чтобъ они государю нашему честь сдѣлали, крестъ поцѣловали?» «Сами вы знаете, отвѣчали послы, что наказъ нашъ писанъ съ гетманскаго согласія, на чемъ гетманъ крестъ цѣловалъ за короля и за васъ, пановъ; но чтобъ королю крестъ цѣловать, того не только въ наказѣ нѣтъ, но и въ мысляхъ у всего народа не бывало; какъ же намъ безъ совѣту всей земли это сдѣлать?» —«Когда такъ, то Смоленску пришелъ конецъ», закричали паны. Послы опять начали просить, чтобъ имъ позволено было переслаться съ патріархомъ и боярами; жаловались, что дворянамъ, которые съ ними пріѣхали, содержать себя нечѣмъ, съ голоду помираютъ, потому что помѣстьями и вотчинами ихъ владѣютъ Литовскіе ратные люди, что сами они, послы во всемъ терпятъ нужду большую, а лошади ихъ всѣ отъ безъ кормицы пали. Паны отвѣчали: «Всему этому вы сами причиною: еслибъ вы исполнили королевскую волю, то и вамъ, и дворянамъ вашимъ было бы всего довольно.»

Въ это время пришелъ подъ Смоленскъ гетманъ Жолкѣвскій, и 30 Октября имѣлъ торжественный въѣздъ въ станъ;

привезъ сверженнаго царя Василія и братьевъ его, и представилъ ихъ Сигизмунду; говорятъ, что когда отъ Василія требовали, чтобъ онъ поклонился королю, то онъ отвѣчалъ: «Нельзя московскому и всея Руси государю кланяться королю: праведными судьбами Божіими приведенъ я въ плѣнъ не вашими руками, но выданъ московскими измѣнниками, своими рабами.» 2-го Ноября былъ шестой съѣздъ въ присутствіи Жолкѣвскаго. Послы начали говорить: «Обрадовались мы, что гетманъ Станиславъ Станиславичъ пріѣхалъ: при немъ дастъ Богъ государское дѣло станетъ дѣлаться успѣшнѣе, потому что гетманъ о государскомъ жалованьѣ писалъ въ Москву не разъ, и всѣмъ людямъ московскаго государства королевичево жалованье сказывалъ, за великаго государя короля, за все польское и литовское государство московскому государству крестъ цѣловалъ, и всѣ люди его гетманскому слову повѣрили. О чемъ мы прежде били челомъ и съ вами, панами родными, говорили, въ иномъ вы намъ не вѣрили, а теперь гетманъ Станиславъ Станиславичъ, по своему крестному цѣлованью, станетъ за насъ же говорить. Левъ Сапѣга отвѣчалъ: «Много разъ мы съ вами съѣзжались, но ничего добра не сдѣлали; мы твердимъ безпрестанно, чтобъ вы королю честь сдѣлали, велѣли Смольнянамъ крестъ цѣловать его величеству и сыну его королевичу. Но вы отговариваетесь не дѣльно, что безъ согласія московскихъ бояръ того сдѣлать не можете, тогда какъ вамъ дана полная мочь говорить и становить обо всемъ.» Послы сказали на это: «мы надѣялись въ тотъ самый день какъ сюда пріѣхали все по гетманскому договору получить; но и по сіе время ни одной статьи этого договора не исполнено. Ты самъ знаешъ, Станиславъ Станиславичъ! можемъ ли мы отъ себя что-нибудь новое затѣять: самъ ты видѣлъ въ Москвѣ, какъ патріархъ и бояре о всѣхъ статьяхъ договорныхъ со всѣми людьми совѣтовались и не разъ всѣмъ статьи читали и что имъ казалось противно, объясняли, а объ иныхъ статьяхъ посылали ихъ къ тебѣ; не одинъ патріархъ съ боярами совѣтовались и приговаривали, но

съ людьми всѣхъ чиновъ. Какъ же можно намъ изъ этихъ статей что нибудь безъ совѣта со всею землею перемѣнить? Чтобъ Смоленскъ отдать королю, этого не только въ статьяхъ, но и въ поминѣ ни у тебя, ни у другаго кого не было. Ты не разъ говорилъ всѣмъ намъ, что какъ скоро мы пріѣдемъ къ королю, то его величество тотчасъ же отъ Смоленска со всѣмъ войскомъ отойдетъ въ Польшу.» Гетманъ долго говорилъ съ панами по латынѣ, потомъ отвѣчалъ посламъ: «Какой я съ Московскимъ государствомъ договоръ заключилъ, то все я дѣлалъ по указу и волѣ королевской, и весь этотъ договоръ король соблюдаетъ. Но чтобъ его величеству отойти отъ Смоленска, о томъ я вамъ не говорилъ, а совѣтовалъ послать о томъ съ челобитьемъ; да и какъ мнѣ было своему государю приказывать? А гдѣ въ записи утверждено, чтобъ идти мнѣ на вора и я не пошелъ, въ томъ виноватъ не я: приговорено было при мнѣ послать съ московскимъ войскомъ бояръ, князя Ивана Михайловича Воротынскаго, Ивана Никитича Романова и окольничаго Головина. Я уже отрядилъ для этого войско и поставилъ его въ Борисовѣ, Можайскѣ, Боровскѣ, но ваши люди къ нему въ сходъ не пришли. Въ то время воръ сослался тайно съ нѣкоторыми московскими людьми: эти люди сысканы и грамоты воровскія въ Москвѣ во многихъ мѣстахъ найдены. Тогда бояре, князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій съ товарищами пріѣзжали ко мнѣ въ станъ и просили, чтобъ я со всѣмъ войскомъ моимъ вошелъ въ Москву, и если я въ Москву не войду, пойду на вора, то многіе бояре, видя въ московскихъ людяхъ шатость, въ Москвѣ не останутся, съ женами и дѣтьми пойдутъ за мною, и я потому въ Москву и вошелъ, а на вора отпустилъ Петра Сапѣгу: чай онъ надъ нимъ и теперь промышляетъ. Потомъ у меня съ боярами многія статьи перемѣнены, противъ договора, спросите объ этомъ дворянъ, Ивана Измайлова съ товарищами, которые пріѣхали со мною къ королю бить челомъ о помѣстьяхъ: они вамъ скажутъ, какъ со мною бояре въ Москвѣ дѣлали и совѣтовались. По ихъ примѣру и вы здѣсь съ панами так-

же дѣлайте, чтобъ было къ королевской чести и къ вашей пользѣ. Грамота, что послана изъ Москвы въ Смоленскъ, была у меня: но въ ней писано то, что вы хотѣли; а я писать ни приказывалъ, ни заказывалъ. Знаю я мой договоръ, чтобъ изъ пушекъ по Смоленску не бить и никакой тѣсноты не дѣлать, и король этотъ договоръ выполняетъ. А чтобъ Смольняне отца съ сыномъ не раздѣляли и крестъ цѣловали обоимъ, то вамъ надобно сдѣлать для чести королевской. Если же вы этого Смольнянамъ не прикажете, то наши сенаторы говорятъ, что король за честь свою станетъ мстить, а мы за честь государя своего помереть готовы, и потому Смоленску будетъ худо. Не упрямьтесь, исполните волю королевскую, а какъ Смоленскъ сдастся, тогда объ уходѣ королевскомъ договоръ напишемъ.»

«Попомни Бога и душу свою, Станиславъ Станиславовичь! отвѣчали послы: въ записи, данной Елецкому и Волуеву, прямо написано, что когда Смолняне королевичу крестъ поцѣлуютъ, то король отойдетъ отъ Смоленска, порухи и насильства городу не будетъ, всѣ порубежные города будутъ къ Московскому государству по прежнему. Мы надѣялись отъ тебя помощи, что ты за свое крестное цѣлованіе станешь, за Московское государство королю будешь бить челомъ, а своей братьи панамъ сенаторамъ говорить, чтобъ и они короля приводили на унятіе крови. Ты говоришь, что послѣ нашего отъѣзда у тебя съ боярами во многомъ договоръ перемѣненъ, и ссылаешься на дворянъ, Ивана Измайлова съ товарищами: но мы ихъ и спрашивать не хотимъ: надобна намъ отъ бояръ грамота, а словамъ такихъ людей, которые за помѣстьями къ королю пріѣзжаютъ, вѣрить нельзя. Въ договорѣ статья была написана, что при государѣ королевичѣ Польскимъ и Литовскимъ людямъ у земскихъ дѣлъ въ приказахъ не быть и не владѣть, а теперь и до государева приходу уже помѣстья и вотчины раздаютъ. Мы объ этомъ упомянули для того, чтобъ не вышло въ людяхъ сомнѣнія и печали.» Сапѣга отвѣчалъ: «Государь король Московскихъ людей, которые его милости ищутъ,

отъ себя не отгоняетъ; да и кому же ихъ до приходу королевичева жаловать, какъ не его величеству? И теперь государь пожаловалъ боярина князя Мстиславскаго конюшимъ, а князя Юрія Трубецкаго боярствомъ, и за то всѣ бояре его величеству благодарны.» Чтобъ возвратиться къ главному дѣлу, послы велѣли думному дьяку Томилѣ Луговскому читать договоръ гетмана съ Елецкимъ и Волуевымъ при Царевѣ Займищѣ. Но Сапѣга не далъ ему читать и закричалъ: «Вамъ давно заказано упоминать объ этой записи, вы этимъ хотите только позорить пана гетмана! если впередъ объ этой записи станете говорить, то вамъ будетъ худо.» Луговской отвѣчалъ: «Хотя и помереть, а правду говорить: вы эту запись ни во что ставите, а мы и теперь, и впередъ будемъ ею защищаться.» Тутъ вмѣшался въ споръ Жолкѣвскій: «Я, сказалъ онъ, готовъ присягнуть, что ничего не помню, что̀ въ этой записи писано: писали ее русскіе люди, которые были со мною и ее мнѣ поднесли; я, не читавши руку свою и печать приложилъ, и потому лучше эту запись оставить, а говорить объ одной Московской, которую и его величество утверждаетъ.» Другіе паны кричали: «мы о Смоленскѣ въ послѣдній разъ вамъ говоримъ; если вы не заставите Смольнянъ королю и королевичу крестъ цѣловатъ, то крестное цѣлованіе съ гетмана сошло, его величество и мы Смоленску больше терпѣть не будемъ, не останется камень на камнѣ, будетъ надъ нимъ тоже, что надъ Іерусалимомъ.» Послы отвѣчали по прежнему, что они своевольно договора не нарушатъ, а пусть позволятъ имъ послать гонца къ патріарху и боярамъ и ко всѣмъ чинамъ, и что имъ вся земля прикажетъ, то они и сдѣлаютъ: «Ты, Левъ Ивановичъ! говорили *они*, самъ бывалъ въ послахъ, такъ знаешь, можно ли послу сверхъ наказа что-нибудь сдѣлать? и ты былъ посломъ отъ государя къ государю, а мы посланы отъ всей земли, какъ же мы смѣемъ безъ совѣта всей земли сдѣлать то, чего нѣтъ въ наказѣ?» Потомъ послы обратились къ Жолкѣвскому, чтобъ заставить его употребить всѣ усилія для спасе-

нія Смоленска: «Не скажетъ ли весь народъ, говорили они, что до твоего пріѣзда подъ Смоленскъ король сохранялъ договоръ, къ городу не приступалъ, а какъ ты пріѣхалъ, то Смоленскъ взяли?» Гетманъ далъ слово всѣми силами стараться о томъ, чтобъ къ Смоленску не дѣлали приступа до возвращенія гонца, отправляемаго послами къ патріарху и боарямъ за новымъ наказомъ. Гетману дали знать также, что Филаретъ сердится на него за приведеніе подъ Смоленскъ сверженнаго царя Василія и за представленіе его королю въ свѣтскомъ платьѣ. Вотъ почему Жолкѣвскій при окончеціи съѣзда подошелъ къ митрополиту съ оправданіями: «Я, говорилъ онъ, взялъ бывшаго царя не по своей волѣ, но по просьбѣ бояръ, чтобъ предупредить на будущее время народное смятеніе; къ тому же онъ въ Іосифовѣ монастырѣ почти умиралъ съ голода. А что привезъ я его въ свѣтскомъ платьѣ, то онъ самъ не хочетъ быть монахомъ, постригли его неволею, а невольное постриженіе противно и вашимъ и нашимъ церковнымъ уставамъ, это говоритъ и патріархъ». Филаретъ отвѣчалъ: «правда, бояре желали отослать князя Василія, за Польскою и Московскою стражею, въ дальніе крѣпкіе монастыри, чтобъ не было смуты въ народѣ: но ты настоялъ, чтобъ его отослать въ Іосифовъ монастырь. Его и братьевъ его отвозить въ Польшу не слѣдовало, потому что ты далъ слово изъ Іосифова монастыря его не братъ, да и въ записи утверждено, чтобъ въ Польшу и Литву ни однаго русскаго человѣка ни вывозить, ни ссылать. Ты натомъ крестъ цѣловалъ и крестное цѣлованіе нарушилъ; надобно бояться Бога, а расторгать мужа съ женою не пригоже; а что въ Іосифовѣ монастырѣ его не кормили, въ томъ виноваты ваши приставы, бояре отдали его на ваши руки».

Боясь за Смоленскъ, послы поѣхали на другой день къ Жолкѣвскому, чтобъ напомнить ему его обѣщаніе Гетманъ объявилъ имъ какъ будто отъ себя, что для спасенія Смоленска одно средство: впустить въ него Польское войско, какъ сдѣлано было въ Москвѣ, и тогда, можетъ-быть, ко-

роль не будетъ принуждать Смоленскъ цѣловать ему крестъ и самъ не пойдетъ на вора подъ Калугу. Послы въ отвѣтъ прочли ему статью договора, чтобъ ни въ одинъ городъ не вводитъ Польскаго войска, и снова настаивали, чтобъ имъ позволено было отправить гонца въ Москву. Гетманъ обѣщалъ хлопотать объ этомъ. Чтобъ узнать, къ чему повели его хлопоты, послы на другой день опять поѣхали къ нему. Жолкѣвскій объявилъ, что король соглашается на отправленіе гонца, но прежде требуетъ, чтобъ въ Смоленскъ были впущены его ратные люди. Послы отвѣчали прежнее, что сами собою согласиться на это не могутъ. На другой день гетманъ прислалъ къ нимъ племянника своего сказать, что король согласился на отправленіе гонца въ Москву, но съ тѣмъ, чтобъ черезъ двѣ недѣли онъ возвратился съ полнымъ наказомъ. Но потомъ посламъ объявлено было, чтобъ они пріѣхали къ гетману 18 Ноября; тутъ нашли они всѣхъ пановъ радныхъ, и Сапѣга объявилъ, что непремѣнно должны впустить въ Смоленскъ ратныхъ людей королевскихъ, потому что Шеину и всѣмъ Смольнянамъ вѣрить нельзя: подъѣзжалъ подъ Смоленскъ гость Шоринъ и дѣти боярскіе, и Шеинъ спрашивалъ у нихъ про вора, гдѣ онъ теперь и какъ силенъ? Ясно, что они хотятъ съ воромъ ссылаться и впустить его въ городъ. — Послы повторили, что ничего не могутъ сдѣлать безъ новаго наказа изъ Москвы; что же касается до Смольнянъ, то Шорину и другимъ такимъ же ворамъ вѣрить нельзя: подъѣзжаютъ они подъ Смоленскъ не по нашему совѣту, Смольнянъ обманываютъ и прельщаютъ, а вамъ сенаторамъ говорятъ на нихъ ложно. Паны отвѣчали, что обсылки съ Москвою король и они ждать не хотятъ: «Увидите, что завтра будетъ надъ Смоленскомъ»? Послы просили, чтобъ дали имъ по крайней мѣрѣ посовѣтоваться съ митрополитомъ, котораго не было на этомъ съѣздѣ по болѣзни. Паны согласились.

Пріѣхавши въ свой станъ, послы держали совѣтъ. Филаретъ говорилъ: «Того никакими мѣрами учинить нельзя,

чтобъ въ Смоленскъ королевскихъ людей впустить; если разъ и немногіе королевскіе люди въ Смоленскѣ будутъ, то намъ Смоленска не видать; а если король и возьметъ Смоленскъ приступомъ мимо крестнаго цѣлованья, то положиться на судьбы Божіи, толькобъ намъ своею слабостью не отдать города». Потомъ призваны были за совѣтомъ дворяне и всѣ посольскіе люди, спрошено: «Если Смоленскъ возьмутъ приступомъ, то они послы отъ патріарха, бояръ и всѣхъ людей Московскаго государства не будутъ ли въ проклятіи и ненависти?« Всѣ отвѣчали: одноличпо на томъ стоять, чтобъ въ Смоленскъ Польскихъ и Литовскихъ людей не пустить ни одного человѣка: если и не многіе королевскіе люди въ Смоленскѣ будутъ, то намъ Смоленска не видать. Если которая кровь прольется или что надъ Смоленскомъ сдѣлается, то это будетъ не отъ насъ; толькобъ своею слабостію Смоленска не потерять, «Смоленскіе дворяне и дѣти боярскіе, бывшіе при посольствѣ, сказали: «Хотя въ Смоленскѣ наши матери и жены и дѣти погибнутъ: только бы на томъ крѣпко стоять, чтобъ Польскихъ и Литовскихъ людей въ Смоленскъ не пустить».

На другой день послы объявили панамъ это рѣшеніе; просили со слезами, чтобъ король не приступалъ къ Смоленску, но и слезы не помогли. 21 ноября все войско приступило къ городу, зажгли подкопъ, взорвали башню и часть стѣны сажень на десять, три раза Поляки вламывались въ городъ и три раза были отбиты.

29 Ноября посламъ велѣно было пріѣхать къ Жолкѣвскому, у котораго они нашли всѣхъ другихъ пановъ. Тѣже предложенія со стороны Поляковъ, тотъ же отвѣтъ со стороны пословъ. 2 Декабря новый съѣздъ: Сапѣга встрѣтилъ пословъ словами: «надумались ли вы? впустите ли въ Смоленскъ королевскихъ ратныхъ людей? знайте, что Смоленскъ не взятъ только по просьбѣ гетманской и нашей; король показалъ милость, чтобъ не пролить крови невинной вмѣстѣ съ виновною». Тотъ же отвѣтъ отъ пословъ. Паны

продолжали: «Государь васъ жалуетъ, позволилъ вамъ писать въ Москву, только пишите правду, лишняго не прибавляйте. И такъ вы въ Москву писали и не одинъ разъ, а это вы дѣлаете не пригоже, что пишете тайно, и отъ государя людей отводите, чтобъ къ королю бить челомъ о помѣстьяхъ и объ всякихъ дѣлахъ не ѣздили. Комужъ ихъ кромѣ нашего государя жаловать»? Послы отвѣчали: «Только бы не эти воры, которые изъ Москвы пріѣзжаютъ, вамъ говорятъ неправду и насъ корятъ, то кровь христіанская перестала бы литься, и христіанство на обѣ стороны было бы въ покоѣ и тишинѣ. О помѣстьяхъ мы писали и вамъ говорили для того, что это можетъ весь народъ привести въ сомнѣніе».

4 Декабря посламъ дали знать, чтобъ они отправили отъ себя въ Москву гонца, съ которымъ вмѣстѣ поѣдетъ и королевскій коморникъ Исаковскій: 6 числа Исаковскій и гонецъ дѣйствительно выѣхали. Но между тѣмъ приводилась въ исполненіе статья извѣстнаго намъ разсужденія о томъ, что нельзя немедленно отправить королевича въ Москву; видя непреклонность главныхъ пословъ, обратились къ второстепеннымъ, обѣщаніями склонили ихъ измѣнить своему дѣлу, бросить главныхъ пословъ и отправиться въ Москву, чтобъ тамъ дѣйствовать въ пользу короля. Филаретъ и Голицынъ узнали, что думный дворянинъ Сукинъ, дьякъ Сыдавный Васильевъ, Спасскій архимандритъ, Троицкій келарь Аврамій и могіе другіе дворяне и разныхъ чиновъ люди, взявши отъ короля грамоты на помѣстья и другія пожалованія, отпущены по домамъ. Хотѣли поколебать и думнаго дьяка Томилу Луговскаго. Сапѣга прислалъ звать его къ себѣ; Луговской поѣхалъ, и встрѣтилъ канцлера вмѣстѣ съ Сукинымъ и Сыдавнымъ, наряженными въ богатое платье; Сапѣга сказалъ Луговскому: «Подожди не много: я только представлю этихъ господъ и другихъ дворянъ королю для отпуска, потому что Сукинъ старъ, а другіе, живя здѣсь проѣлись». Томила остановилъ Сапѣгу и сказалъ: «Левъ Ивановичъ! Не слыхано нигдѣ;

чтобъ послы дѣлывали такъ, какъ Сукинъ и Сыдавный дѣлаютъ: покинувъ государское и земское дѣло и товарищей своихъ, ѣдутъ въ Москву! Какъ имъ будетъ посмотрѣть на чудотворный образъ Богородицы, отъ которой отпущены? За нашъ грѣхъ теперь у насъ такое великое дѣло началось, какого въ Московскомъ государствѣ не бывало, кровь христіанская безпрестанно льется, и впередъ не знаемъ, какъ ей уняться. Хотя бы Василій Сукинъ и въ самомъ дѣлѣ занемогъ, то ему лучшебъ умереть тутъ, гдѣ посланъ, а отъ дѣла не отъѣзжать; и старше его живутъ, а дѣлъ не бросаютъ. Если Сыдавный для того отпущенъ, что проѣлся, то и всѣхъ насъ давно пора отпустить, всѣ мы также проѣлись, подмога намъ всѣмъ дана одинакая. Судитъ имъ Богъ, что такъ дѣлаютъ. Объявляю тебѣ, Левъ Ивановичъ! какъ только они въ Москву пріѣдутъ, то во всѣхъ людяхъ начнется сомнѣнье и печаль; и во всѣхъ городахъ отъ того надобно ожидать большой шатости. Да и митрополиту съ княземъ Васильемъ Васильевичемъ впередъ нельзя будетъ ничего дѣлать. Послано съ митрополитомъ духовнаго чина пять человѣкъ, а насъ послано съ княземъ Васильемъ Васильевичемъ также пять человѣкъ: половину отпускаютъ, а другую оставляютъ! Воленъ Богъ да государь Сигизмундъ король, а намъ впередъ ничего нельзя дѣлать»! Сапѣга отвѣчалъ: «Печалиться вамъ объ этомъ не для чего: вы всѣ въ волѣ государевой, его величество пожаловалъ ихъ, отпустилъ по ихъ челобитью, а посольское дѣло вы можете и безъ нихъ отправить. Въ Москвѣ отъ ихъ пріѣзда никакого худа быть не можетъ, а только добро: они государю нашему служатъ вѣрно, быть можетъ, глядя на нихъ, и изъ васъ кто нибудь захочетъ также послужить вѣрою и правдою, и государь ихъ также пожалуетъ великимъ своимъ жалованьемъ, помѣстьемъ и вотчинами, а кто захочетъ, то и въ Москву прикажетъ отпустить». Луговской сказалъ на это: «Надобно у Бога и у Сигизмунда короля просить, чтобъ кровь христіанская литься перестала и государство успокоилось, а

присланы мы къ королевскому величеству не о себѣ промышлять и челомъ бить, но о всемъ Московскомъ государствѣ».

Сапѣга прервалъ разговоръ, пошелъ къ королю, а Луговскому велѣлъ дожидаться. Пришедши отъ короля, онъ взялъ Томилу въ особую комнату и говорилъ ему наединѣ: «Я хочу тебѣ всякаго добра, только ты меня послушай и сослужи государю прямую службу, а его величество наградитъ тебя всѣмъ, чего только захочешь; я, надѣясь на тебя, уже увѣрилъ государя, что ты его послушаешь. Смольняне требуютъ, чтобъ къ нимъ прислали кого-нибудь изъ васъ, пословъ, сказать имъ, что надобно дѣлать? они васъ послушаютъ и государеву волю исполнятъ. Такъ Василій Сукинъ готовъ, ждетъ тебя, ступайте съ нимъ вмѣстѣ подъ Смоленскъ и скажите жителямъ, чтобъ цѣловали крестъ королю и королевичу или впустили бы королевскихъ людей въ Смоленскъ». Луговской отвѣчалъ: «Сдѣлать мнѣ этого никакъ нельзя. Присланы отъ патріарха, бояръ, и отъ всѣхъ людей Московскаго государства митрополитъ Филаретъ, да бояринъ князь Василій Васильевичь Голицынъ съ товарищами, а мнѣ безъ ихъ совѣта не только что дѣлать, и помыслить ничего нельзя. Какъ мнѣ это сдѣлать и вѣчную клятву на себя навести? Не только Господь Богъ и люди Московскаго государства мнѣ за это не потерпятъ, и земля меня не понесетъ. Я присланъ отъ Московскаго государства въ челобитчикахъ, и мнѣ первому соблазнъ ввести? по Христову слову, лучше навязать на себя камень и вринуться въ море. Да и государеву дѣлу въ томъ прибыли не будетъ. Знаю я подлинно, что подъ Смоленскъ и лучше меня подъѣзжали и королевскую милость сказывали, да они и тѣхъ не послушали, а если мы теперь поѣдемъ и объявится въ насъ ложь, то они впередъ еще крѣпче будутъ и никого уже слушать не станутъ. Надобно, чтобъ мы съ ними повольно всѣ съѣзжались. а не подъ стѣною за приставомъ говорили: это они уже всѣ знаютъ.» Сапѣга продолжалъ прежнее: «Ты только поѣзжай и себя

имъ объяви, а говорить съ ними станетъ Сукинъ; ѣхать бы тебѣ, не упрямиться и королевскаго жалованья себѣ похотѣть.» Луговской отвѣчалъ: «Государскому жалованью я радъ и служить государю готовъ въ томъ, что мнѣ можно сдѣлать; а чего мнѣ сдѣлать нельзя, въ томъ бы королевское величество опалы своей на меня не положилъ; а этого мнѣ никакъ сдѣлать нельзя, чтобъ подъ городъ ѣхать своевольно, да и Сукину ѣхать непригоже, отъ Бога ему это такъ не пройдетъ.» Этимъ разговоръ кончился; Сапѣга поѣхалъ къ королю, а Луговской возвратился къ себѣ въ станъ и разсказалъ все старшимъ посламъ.

Филаретъ и Голицынъ на другой день призвали къ себѣ Сукина, Сыдавнаго, Спасскаго архимандрита, и говорили имъ, чтобъ они попомнили Бога и свои души, вспомнили бы, какъ они отпущены изъ соборнаго храма Пречистой Богородицы, какъ благословлялъ ихъ патріархъ. Сукинъ съ товарищами отвѣчали: «Послалъ насъ король съ своими листами въ Москву для своего государскаго дѣла: и намъ какъ не ѣхать?» Эти люди говорили прямо; но келарь Палицынъ схитрилъ и тутъ: онъ не хотѣлъ имѣть неловкихъ для себя объясненій съ митрополитомъ, не поѣхалъ къ нему подъ предлогомъ болѣзни, которая однако не помѣшала ему отправиться въ Москву. 43 человѣка покинули такимъ образомъ станъ посольскій. Захаръ Ляпуновъ также покинулъ пословъ, но въ Москву не поѣхалъ, а перешелъ въ Польскій станъ: онъ ежедневно пировалъ у пановъ, забавлялъ ихъ насмѣшками надъ послами и утверждалъ, что старшіе послы все дѣлаютъ сами собою, не спрашиваются съ дворянами, все таятъ отъ нихъ. Въ послѣднихъ словахъ мы видимъ причину, почему Ляпуновъ покинулъ пословъ. Филаретъ и Голицынъ объявили панамъ, что пріѣздъ Сукина съ товарищами въ Москву произведетъ смуту и всему дѣлу поруху. Но дѣло рушилось уже и безъ этого.

Мы видѣли, что бояре и вообще лучшіе люди, боясь вора и его приверженцевъ, крѣпко держались за Владислава, что

по ихъ желанію Поляки были введены въ Москву. Больше всѣхъ приверженностію къ Владиславу отличался первый бояринъ, князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій; еще въ началѣ августа 1610 года Сигизмундъ прислалъ Мстиславскому и товарищамъ его похвальную грамоту, въ которой прямо сказано о давней приверженности Мстиславскаго къ королю и королевичу: «И о прежнемъ твоемъ къ намъ радѣньи и пріязни бояре и думные люди сказывали: это у насъ и у сына нашего въ доброй памяти, дружбу твою и радѣнье мы и сынъ нашъ сдѣлаемъ памятными передъ всѣми людьми, въ государской милости и чести учинитъ тебя сынъ нашъ, по твоему отечеству и достоинству, выше всѣхъ братьи твоей, бояръ». Мстиславскій не усумнился принять званіе конюшнаго изъ Смоленскаго стана. Другой бояринъ Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ писалъ униженное письмо ко Льву Сапѣгѣ, чтобъ тотъ смиловался, билъ челомъ королю и королевичу объ его вотчинныхъ деревнишкахъ; 21 сентября (н. с.) 1610 года Сигизмундъ прислалъ боярамъ грамоту, въ которой приказывалъ вознаградить Михайлу Салтыкова съ товарищами за то, что они первые пріѣхали изъ Тушина къ королю и присягнули ему; вознагражденіе должно было состоять въ возвращеніи движимаго и недвижимаго имѣнія, отобраннаго Шуйскимъ въ казну за измѣну. Въ этой грамотѣ о королевичѣ ни слова. Сигизмундъ прямо говоритъ, что Салтыковъ съ товарищами пріѣхали «къ нашему королевскому величеству, стали служить прежде всѣхъ, и били намъ челомъ, чтобъ мы ихъ пожаловали, вѣрныхъ подданныхъ нашихъ, за ихъ къ намъ вѣрную службу». Михайлѣ Глѣбовичу была пожалована волость Чаранда, которая была прежде за Димитріемъ Годуновымъ, а потомъ за княземъ Скопинымъ, волость Тотьма, на Костромѣ, Красное село и Рѣшма; сыну Салтыкова Ивану Михайловичу дана волость Вага, которая была прежде за Борисомъ Годуновымъ, а потомъ за Димитріемъ Шуйскимъ. Многіе челобитчики отправились сами къ королю въ станъ Смоленскій: до насъ дошло множество листовъ или грамотъ Сигизмун-

довыхъ, жалованныхъ разнымъ людямъ на помѣстья, званія, должности; всѣ эти грамоты написаны отъ имени Сигизмунда; вездѣ употребляются выраженія: боярамъ нашимъ, мы пожаловали, велѣли. Въ числѣ челобитчиковъ была и царица Марѳа, о которой король писалъ боярамъ: «Присылала къ намъ богомолица наша инока Марѳа, блаженной памяти великаго господаря Ивана Васильевича господарыня, бьючи челомъ, что князь Василій Шуйскій, будучи на великомъ господарствѣ Московскомъ, ограбилъ ее, отнялъ то, чѣмъ пожаловалъ ее великій князь Иванъ Васильевичъ, а велѣлъ кормить съ дворца скудною пищею; которые люди живутъ у нея, тѣмъ жалованья денежнаго и хлѣбнаго не даютъ, она нынѣ во всемъ обнищала и одолжала. Вы бъ велѣли ей и людямъ ея давать жалованье, какъ обыкновенно на Москвѣ держатъ господарскихъ женъ, которыя въ черницы постригаются». Поднялись и всѣ опальные предшествовавшаго царствованія: Василій Яковлевичъ Щелкаловъ выхлопоталъ привилей на помѣстье и вотчину; Аѳанасій Власьевъ билъ челомъ, чтобъ отдали ему назадъ дворъ и имѣніе, отобранные Шуйскимъ, извѣстный намъ Благовѣщенскій протопопъ Терентій выпросилъ, чтобъ опредѣлили его опять къ Благовѣщенью. Но грамоты отъ имени короля писались только къ боярамъ въ Москву; грамоты же по городамъ писались отъ одного Владислава. Такимъ образомъ временное правительство Московское, дума боярская, молча согласилась признать короля правителемъ до пріѣзда Владиславова; по всѣмъ вѣроятностямъ, бояре, или по крайней мѣрѣ, большая часть ихъ, этимъ и ограничивались; не ограничивался этимъ Михайла Глѣбовичъ Салтыковъ, который прямо велъ дѣло къ тому, чтобъ царемъ былъ провозглашенъ не Владиславъ, а Сигизмундъ. Но одного Салтыкова было мало, и потому въ Смоленскомъ станѣ признали полезнымъ принять услуги и другаго рода людей, именно тѣхъ Тушинцевъ, которые готовы были на все, чтобъ только выйдти изъ толпы, которые, заключая договоръ подъ Смоленскомъ, выговорили, чтобъ будущее пра-

вительство возвышало людей низкаго происхожденія по ихъ заслугамъ. Въ челѣ этихъ людей по способностямъ и энергіи былъ Ѳедоръ Андроновъ, о которомъ извѣстно только то, что онъ былъ купецъ кожевникъ, обратилъ на себя вниманіе Годунова (чернокнижествомъ, какъ увѣряли враги Андронова), переведенъ былъ изъ Погорѣлаго Городища въ Москву; потомъ во время смутъ, видимъ его въ Тушинѣ и подъ Смоленскомъ. Здѣсь онъ умѣлъ приблизиться къ королю или его совѣтникамъ до такой степени, что Сигизмундъ послалъ его въ Москву въ званіи думнаго дворянина, хотя можно думать, что онъ это званіе получилъ еще въ Тушинѣ. Въ концѣ октября 1610 года король писалъ боярамъ: «Ѳедоръ Андроновъ намъ и сыну нашему вѣрою и правдою служилъ и до сихъ поръ служитъ, и мы за такую службу хотимъ его жаловать, приказываемъ вамъ, чтобъ вы ему велѣли быть въ товарищахъ съ казначеемъ нашимъ Васильемъ Петровичемъ Головинымъ». Андроновъ продолжалъ служить вѣрою и правдою королю. Всѣ требованія Гонсѣвскаго онъ исполнялъ безпрекословно, если только не предупреждалъ ихъ: лучшія вещи изъ казны царской были отобраны и отосланы къ королю, нѣкоторыя взялъ себѣ Гонсѣвскій. Для прилики Гонсѣвскій велѣлъ переписать казну боярамъ и печати свои приложить; но когда потомъ бояре пришли въ казну, то уже печатей своихъ не нашли, нашли только печать Андронова; они спросили его —что это значитъ? Андроновъ отвѣчалъ, что Гонсѣвскій велѣлъ распечатать. По словамъ Поляковъ были въ казнѣ царской литыя золотыя изображенія Спасителя и двѣнадцати апостоловъ; послѣднія еще Шуйскій перелилъ въ деньги для уплаты Шведскимъ наемникамъ; Полякамъ Гонсѣвскаго досталось только изображеніе Спасителя, оцѣненное въ 30,000 червонныхъ; нѣкоторые хотѣли было отослать его въ Краковскій косцелъ, но жадность большинства превозмогла и священное изображеніе было разбито на куски.

Андроновъ не довольствовался казначейскими распоряженіями, хотѣлъ служить и другія службы королю; по пріѣздѣ

своемъ въ Москву онъ писалъ Льву Сапѣгѣ, оправдывая Жолкѣвскаго въ уступкѣ требованіямъ Москвитянъ: «еслибъ не учинить тѣхъ договоровъ по ихъ волѣ, писалъ Андроновъ, то конечно пришлось бы доставать саблею и огнемъ. Панъ гетманъ разсудилъ, что лучше теперь обойтись съ ними по ихъ штукамъ; а когда приберемъ ихъ къ рукамъ, тогда и штуки ихъ эти мало помогутъ: надѣемся на Бога, что со временемъ всѣ ихъ штуки уничтожимъ и умыселъ ихъ на иную сторону обратимъ, на правдивую». Андроновъ пишетъ о необходимости держать подъ Москвою отрядъ Польскаго войска, въ которомъ ни одинъ человѣкъ не долженъ выѣзжать изъ стану, но всѣ каждую минуту должны быть готовы на случай возстанія; а они, слуги королевской милости, Андроновъ съ товарищами, будутъ держать при себѣ нѣсколько тысячъ стрѣльцовъ и козаковъ. Андроновъ предлагаетъ также выгнать изъ приказовъ людей, оставшихся здѣсь отъ прежняго царствованія, похлѣбцовъ Шуйскаго, какъ онъ выражается, и мѣста ихъ занять людьми, преданными королю: «Надобно, пишетъ онъ, немедленно указъ прислать, чтò дѣлать съ тѣми, которые тутъ были при Шуйскомъ и больше дурили чѣмъ самъ Шуйскій». Списокъ этихъ людей, вѣроятно составленный Андроновымъ, дошелъ до насъ въ отрывкахъ; нѣкоторыя указанія любопытны, наприм.: дьякъ Григорій Елизаровъ сидѣлъ въ Новгородской четверти, самъ еретикъ и еретики ему приказаны (не забудемъ, что Андронова также обвиняли въ чернокнижіи); дьякъ Смолянинъ, сынъ боярскій бывалъ; Михайла Бѣгичевъ, а дьячество ему дано за шептанье; дьяки дворцовые: Филиппъ да Анфиногенъ Ѳедоровы дѣти Голенищева — злые шептуны.» Предложеніе Андронова было приведено въ исполненіе: товарищи его по Тушину и Смоленскому стану были посажены по приказамъ: Степанъ Соловецкій сѣлъ думнымъ дьякомъ въ Новгородской четверти; Василій Юрьевъ у денежныхъ сборовъ; Евдокимъ Витивтовъ въ разрядѣ первымъ думнымъ дьякомъ; Иванъ Грамотинъ печатникомъ, посольскимъ и помѣстнымъ дья-

комъ; въ большомъ приходѣ князь Өедоръ Мещерскій; въ Пушкарскомъ приказѣ князь Юрій Хворостининъ; въ Панскомъ приказѣ Михайла Молчановъ; въ Казанскомъ дворцѣ Иванъ Салтыковъ.

Бояре сильно оскорбились, когда увидали рядомъ съ собою въ думѣ торговаго мужика Андронова, съ важнымъ званіемъ казначея; особеннымъ безчестіемъ для себя считали они то, что этотъ торговый мужикъ осмѣливался говорить противъ Мстиславскаго и Воротынскаго, распоряжался всѣмъ, пользовался полною довѣренностію короля и Гонсѣвскаго, потому что дѣйствовалъ прямо, хлопоталъ, чтобъ царемъ былъ Сигизмундъ, тогда какъ бояре колебались, держались за Владислава. Гонсѣвскій съ людьми, присягнувшими королю, управлялъ всѣмъ: когда онъ ѣхалъ въ думу, то ему подавали множество челобитныхъ; онъ приносилъ ихъ къ боярамъ, но бояре ихъ не видали, потому что подлѣ Гонсѣвскаго садились Михайла Салтыковъ, князь Василій Мосальскій, Өедоръ Андроновъ, Иванъ Грамотинъ; бояре и не слыхали, что онъ говорилъ съ этими своими совѣтниками, что приговаривалъ, а подписывали челобитныя Грамотинъ, Витовтовъ, Чечеринъ, Соловецкій, потому что всѣ старые дьяки отогнаны были прочь. Но если сердились старые бояре, ревнивые къ своему сану, Голицынъ, Воротынскій, сердились за то, что король ихъ обезчестилъ, посадилъ вмѣстѣ съ ними въ думу торговаго мужика Андронова, то еще больше сердился на Андронова бояринъ Салтыковъ, который за свою службу хотѣлъ играть главную роль и долженъ былъ подѣлиться выгодами этой службы съ торговымъ мужикомъ. Между этими людьми немедленно же началось столкновеніе, соперничество. Андроновъ писалъ Сапѣгѣ: «Надобно воспрепятствовать, милостивый панъ, чтобъ не раздавали безъ толку помѣстій: а то и его милость панъ гетманъ даетъ, и Иванъ Салтыковъ также даетъ листы на помѣстья; а прежде бывало въ одномъ мѣстѣ давали, кому государь прикажетъ; и я боюсь, чтобъ при такой раздачѣ кто-нибудь не получилъ себѣ богатой

награды за малыя услуги. Я же, какъ привыкъ до вашей милости утекать, (потому что никогда въ своихъ просьбахъ не получалъ отказа), такъ и теперь прошу: смилуйтесь, ваша милость, попросите королевскую милость, чтобъ меня пожаловалъ сельцомъ Раменьемъ, да сельцомъ Шубинымъ съ деревнями въ Зубовскомъ уѣздѣ, что было дано Заруцкому.» Салтыковъ писалъ къ тому же Сапѣгѣ: «Я радъ служить и прямить и всякихъ людей къ королевскому величеству приводить: да гонятъ ихъ отъ короля измѣнники; а староста Велижскій, Александръ Ивановичъ Гонсѣвскій, ихъ слушаетъ и потакаетъ, а меня безчеститъ и дѣла дѣлать не даетъ; беретъ всякія дѣла, по ихъ приговору, на себя, не разсудя Московскаго обычая. Московскіе люди крайне скорбятъ, что королевская милость и жалованье измѣнились, и многіе люди разными притѣсненіями и раззореньемъ оскорблены, по приговору торговаго человѣка Ѳедора Андронова; а съ Мстиславскаго съ товарищи и съ насъ дѣла посняты, и на такомъ человѣкѣ правительство и вѣра положены. При Шуйскомъ были такіе же временщики, Измайловы, и такой же мужикъ Михалка Смываловъ, и изъ-за нихъ до сихъ поръ льется кровь. И теперь, по такимъ думцамъ и правителямъ, не быть къ Москвѣ ни одному городу, если не будетъ уйму такимъ правителямъ. Какъ такому человѣку знать правительство? Отецъ его въ Погорѣломъ городищѣ торговалъ лаптями, а онъ взятъ въ Москву изъ Погорѣлова, по приказу Бориса Годунова, для вѣдовства и еретичества, и на Москвѣ былъ торговый мужикъ. Покажи милость, государь Левъ Ивановичъ! не дай потерять у короля государства Московскаго; пришли человѣка, которому вѣрить можно, и вели дѣла ихъ разсмотрѣть. Много казны въ недоборѣ, потому что за многихъ Ѳедоръ Андроновъ вступается и спускаетъ, для посуловъ, съ правежу; другихъ не своего приказа насильно беретъ къ себѣ подъ судъ, а самъ государевыхъ денегъ въ казну не платитъ.» Салтыковъ обвиняетъ Андронова въ самоуправствѣ, нашлись люди (вѣроятно самъ Андроновъ), которые обвинили въ томъ

же Салтыкова; обвиненія состояли въ томъ, будто Салтыковъ называетъ себя въ Москвѣ владѣльцемъ или правителемъ, вершитъ дѣла безъ приговору бояръ, гонитъ однихъ, награждаетъ другихъ, говоритъ боярамъ безчестное слово, что положилъ государь всякія дѣла на немъ, а имъ велѣлъ его слушаться. Салтыковъ, въ отвѣтной грамотѣ Сапѣгѣ, отвергаетъ всѣ эти обвиненія, при чемъ шлется на князя Мстиславскаго, на всѣхъ бояръ, на всю Москву, на всякихъ людей. Королю доносили также, что богатыя волости, данныя Салтыковымъ: Вага, Черанда, Тотьма, Рѣшма, съ которыхъ однихъ денежныхъ доходовъ сходило 60,000, произвели зависть, ропотъ въ боярахъ и во всякихъ людяхъ. Салтыковъ отвѣчаетъ, что эти волости искони за ихъ братьею бывали, а доходу съ нихъ будетъ не больше 3000: «А я, государь Левъ Ивановичъ! поѣхалъ къ государю къ королю, покинувъ жену и дѣтей, да имѣнія больше чѣмъ на 60,000, надѣясь на государскую милость и на ваше сенаторское жалованье; служилъ я и прямилъ, съ сыномъ своимъ Иваномъ, государю королю и королевичу и вамъ великимъ сенаторамъ, и великимъ государствамъ, коронѣ Польской и великому княжеству Литовскому, и горло свое вездѣ тратилъ, чая себѣ милости. Московское и Новгородское государства Богъ поручилъ государямъ, королю и королевичу, ихъ государскимъ счастьемъ, вашимъ сенаторскимъ промысломъ и нашими службишками; иные пріѣхали къ государю со мною, а имъ даны съ уѣздами города, а не волости; а нашъ родъ сенаторскій.»

О своихъ дѣйствіяхъ въ пользу Сигизмунда въ Москвѣ Салтыковъ пишетъ Сапѣгѣ: «Я бояръ и всякихъ Московскихъ людей на то приводилъ, и къ тебѣ писалъ, чтобъ государю королю идти къ Москвѣ не мѣшкая, а славу бы пустить во всякихъ людяхъ, что идетъ на вора къ Калугѣ; теперь бояръ и всякихъ Московскихъ людей я на то привелъ, что послали бить челомъ королю князя Мосальскаго, чтобъ пожаловалъ король, сына своего государство очистилъ, вора въ Калугѣ доступилъ: такъ королю непремѣн-

но бы идти къ Москвѣ, не мѣшкая, а славу пустить, что идетъ на вора къ Калугѣ. Какъ будетъ король въ Можайскѣ, то пожалуй, отпиши ко мнѣ сейчасъ же, а я бояръ и всѣхъ людей приведу къ тому, что пришлютъ бить челомъ королю, чтобъ пожаловалъ въ Москву, государство сына своего очищалъ и вора доступалъ. Непремѣнно бы идти королю въ Москву не мѣшкая, потому что въ Москвѣ большая смута отъ вора становится и люди къ нему прельщаются. А подъ Смоленскомъ королю что̀ стоять? Если будетъ король въ Москвѣ, тогда и Смоленскъ будетъ его.» Въ другой грамотѣ къ тому же Льву Сапѣгѣ Салтыковъ писалъ: «Здѣсь въ Москвѣ меня многіе люди ненавидятъ, потому что я королю и королевичу во многихъ дѣлахъ радѣю.» Салтыковъ писалъ правду: по отъѣздѣ Жолкѣвскаго скоро начала становится смута между Москвичами: «Нѣсколько недѣль, говоритъ одинъ Полякъ-очевидецъ, мы провели съ Москвичами во взаимной недовѣрчивости, съ дружбою на словахъ, съ камнемъ за пазухой; угощали другъ друга пирами, а думали иное. Мы наблюдали величайшую осторожность: стража день и ночь стояла у воротъ и на перекресткахъ. Для предупрежденія зла, по совѣту доброжелательныхъ къ намъ бояръ, Гонсѣвскій разослалъ по городамъ 18,000 стрѣльцовъ, подъ предлогомъ охраненія этихъ мѣстъ отъ Шведовъ, но собственно для нашей безопасности: этимъ способомъ мы ослабили силы непріятеля. Москвичи уже скучали нами, не знали только какъ сбыть насъ и, умышляя ковы, часто производили тревогу, такъ что по два, по три и по четыре раза въ день мы садились на коней и почти не разсѣдлывали ихъ.»

21 ноября Сигизмундъ далъ знать боярамъ, что ему надобно прежде истребить Калужскаго вора и его приверженцевъ, вывести Польскихъ и Литовскихъ людей, очистить города и, успокоивши такимъ образомъ Московское государство, пойдти на сеймъ и тамъ покончить дѣло относительно Владислава; король въ своей грамотѣ причисляетъ Смоленскъ къ тѣмъ городамъ, которые вору прямятъ, и

потому пишетъ: «до тѣхъ поръ пока Смольяне не добьютъ намъ челомъ, отступить намъ негодится, и для всего государства Московскаго не безпечно». 30 ноября Салтыковъ и Андроновъ, пришедши вечеромъ къ патріарху, просили его благословить народъ на присягу королю. Такъ говоритъ Казанская грамота, посланная въ Хлыновъ; она прибавляетъ, что на другой день приходилъ къ патріарху просить о томъ же дѣлѣ и Мстиславскій, что патріархъ не согласился на его просьбу, и у нихъ съ патріархомъ была ссора, патріарха хотѣли зарѣзать; тогда патріархъ посылалъ по сотнямъ къ гостямъ и торговымъ людямъ, чтобы приходили къ нему въ соборную церковь; гости, торговые и всякіе люди, пришедши въ Успенскій соборъ, отказались цѣловать королю крестъ, не смотря на то, что толпы вооруженныхъ Поляковъ стояли у собора. На приведенное извѣстіе нельзя во всемъ положиться, ибо это пишутъ Казанцы, желающіе оправдать свою присягу Лжедимитрію; ни откуда не видно, чтобы Салтыковъ счелъ возможнымъ и полезнымъ такъ круто повернуть дѣло и прямо требовать присяги королю; соображаясь съ намѣреніями Салтыкова, высказанными въ его письмахъ къ Сапѣгѣ, можно положить, что онъ, вмѣстѣ съ Мстиславскимъ, ходилъ къ Гермогену требовать его согласія на призваніе короля въ Москву и что патріархъ не согласился. Какъ бы то ни было, народъ видѣлъ ясно, что дѣло идетъ дурно относительно Владислава, и волненія въ пользу вора усиливались. Схваченъ былъ попъ Харитонъ, который ѣздилъ въ Калугу отъ имени всѣхъ Москвичей звать самозванца къ столицѣ, на первой пыткѣ онъ оговорилъ въ сношеніяхъ съ воромъ князей — Василія и Андрея Васильевичей Голицыныхъ, Ивана Михайловича Воротынскаго и Засѣкина; на второй пыткѣ онъ съ князя Андрея Голицына сговорилъ, что тотъ съ воромъ не ссылался: не смотря на то и Голицына отдали подъ стражу вмѣстѣ съ Воротынскимъ и Засѣкинымъ, потому что онъ еще прежде возбудилъ противъ себя ненависть Поляковъ: однажды, когда Гонсѣвскій сидѣлъ въ думѣ съ

боярами и явился туда дворянинъ Ржевскій съ объявленіемъ, что король пожаловалъ ему окольничество, то Голицынъ обратился къ Гонсѣвскому съ такими словами: «Паны Поляки! кривда большая намъ отъ васъ дѣлается. Мы приняли королевича въ государи, а вы его намъ не даете; именемъ королевскимъ, а на его листы къ намъ пишутъ; подъ титуломъ королевскимъ пожалованія раздаютъ какъ сейчасъ видите; люди худые съ нами, великими людьми, равняются. Или впередъ съ нами такъ не дѣлайте, или освободите насъ отъ крестнаго цѣлованія и мы будемъ промышлять о себѣ.» Дѣло Харитона и вѣсть, что Иванъ Плещеевъ хочетъ напасть на Поляковъ въ Москвѣ дали Гонсѣвскому поводъ ввести Нѣмцевъ въ Кремль и прибрать все къ своимъ рукамъ.

Дѣла на сѣверозападѣ шли дурно для Поляковъ и ихъ приверженцевъ. Въ Новгородъ отправленъ былъ съ войскомъ сынъ Михайлы Салтыкова, Иванъ, для охраненія его отъ Шведовъ и воровъ. Салтыковъ, называя себя подданнымъ королевскимъ, доносилъ своему государю Сигизмунду, что на дорогѣ въ Новгородъ онъ послалъ его жителямъ грамоту съ увѣщаніемъ цѣловать крестъ королевичу Владиславу, отъ Московскаго государства не отступать и во всемъ великимъ государямъ служить и прямить. Новгородцы отвѣчали, что они послали въ Москву узнать о подлинномъ крестномъ цѣлованьи и привезть списокъ съ утвержденной записи, и когда посланные возвратятся, тогда они, Новгородцы поцѣлуютъ крестъ Владиславу, но прежде этого Салтыкова въ городъ не пустятъ, потому что другіе города, присягнувши Владиславу, впустили къ себѣ Польскихъ и Литовскихъ людей и Черкасъ, и тѣ лучшихъ людей били, грабили и жгли. Въ то же время Салтыковъ узналъ, что въ Новгородъ присылаютъ изъ Пскова грамоты съ увѣщаніемъ покориться лучше царику Калужскому, чѣмъ иновѣрному Поляку, и на многихъ Новгородцевъ это увѣщаніе подѣйствовало. Въ такихъ обстоятельствахъ Салтыковъ слалъ грамоту за грамотою въ Москву, чтобы бояре тот-

часъ же отпустили Новгородскихъ пословъ для предупрежденія смуты въ пользу вора. Наконецъ эти посланцы возвратились; но и тутъ Новгородцы впустили къ себѣ Салтыкова не прежде, какъ взявши съ него присягу, что войдетъ въ городъ только съ Русскими людьми, а Литовскихъ никакихъ людей въ городъ не пуститъ. Салтыковъ привелъ Новгородцевъ къ присягѣ Владиславу и разослалъ по окрестнымъ городамъ увѣщательныя грамоты послѣдовать примѣру Новгородцевъ и отъ Московскаго государства не отставать. Торопчане послушались; но скоро дали знать Салтыкову, что, не смотря на ихъ крестное цѣлованье Владиславу, Литовскіе люди опустошаютъ ихъ уѣздъ, мучатъ, жгутъ, бьютъ и ведутъ въ полонъ людей; видя это, другіе города рѣшились не цѣловать креста Поляку и сѣсть въ осадѣ. Салтыковъ, отъ имени дворянъ и дѣтей боярскихъ, билъ челомъ Сигизмунду, чтобъ унялъ своихъ подданныхъ, какъ будто король имѣлъ для того какія-нибудь средства!

Еще хуже для Владислава шли дѣла на востокѣ: здѣсь Казань явно присягнула самозванцу, Вятка послѣдовала ея примѣру. Лѣтопись говоритъ, что когда Казанцы согласились цѣловать крестъ Лжедимитрію, то этому воспротивился второй воевода, знаменитый Богданъ Бѣльскій, за что и былъ убитъ; но грамоты, разосланныя изъ Казани въ другіе города, написаны отъ имени воеводъ Морозова и Бѣльскаго: впрочемъ Бѣльскій могъ сопротивляться и послѣ разсылки грамотъ, за что и былъ убитъ. Вмѣстѣ съ грамотами разосланы были и присяжныя записи, какъ цѣловали крестъ Казанцы: присягавшій долженъ былъ клясться: «отъ литовскихъ людей намъ никакихъ указовъ не слушать и съ ними не ссылаться, противъ ихъ стоять и биться до смерти. Казаковъ намъ Волжкихъ и Донскихъ, Терскихъ и Яицкихъ, и Архангельскихъ стрѣльцовъ въ городъ помногу не пускать и указовъ ихъ не слушать же; а пускать казаковъ въ городъ для торговли понемногу, десятка по два или по три, и долго имъ въ городѣ не жить.» Эти

слова очень замѣчательны: Казанцы присягаютъ Лжедимитрію, ибо видятъ, что Москва занята Поляками, но вмѣстѣ съ тѣмъ не хотятъ казаковъ: дурной знакъ для самозванцевъ, царей казацкихъ, невольная вѣрность къ нимъ не будетъ продолжительна. Замѣчателенъ также отвѣтъ Пермичей Вятчанамъ на ихъ увѣщанія признать Димитрія: Пермичи говорятъ въ своей отпискѣ, что они получили Вятскія грамоты и разослали ихъ по своимъ городамъ, но о желаніи своемъ присягать Димитрію ни слова, пишутъ только: «Въ соединеньи быть и за православную Христіанскую вѣру на раззорителей стоять мы ради. И вамъ бы, господа, съ нами быть въ совѣтѣ по прежнему, и съ торгами, съ хлѣбомъ и мясомъ и со всякими товарами, торговыхъ и всякихъ людей изъ Вятки къ намъ отпускать, и намъ бы со своими торгами къ вамъ ѣздить по прежнему; и впередъ какія у насъ вѣсти будутъ, то мы къ вамъ эти вѣсти станемъ писать; а что, господа, у васъ впередъ какихъ вѣстей откуда-нибудь объявится, и вамъ бы, господа, о томъ къ намъ писать почасту.» Такимъ образомъ Пермичи остаются вѣрны своему прежнему выжидательному поведенію, желая сноситься съ своими сосѣдями о добромъ дѣлѣ, а не о крестномъ цѣлованіи.

Но города переписывались о присягѣ Лжедимитрію, когда уже его не было въ живыхъ. Въ то время какъ онъ принужденъ былъ бѣжать изъ-подъ Москвы въ Калугу отъ Жолкѣвскаго, вмѣстѣ съ другими отступилъ отъ него къ Владиславу и царь Касимовскій. Но потомъ старый татаринъ выпросился у гетмана въ Калугу повидаться съ сыномъ, который оставался при ворѣ, и обѣщался привести этого сына съ собою. Но какъ скоро старый царъ явился въ Калугу, то былъ утопленъ по приказанію Лжедимитрія. Тогда крещенный татаринъ Петръ Урусовъ, начальникъ татарской стражи Лжедимитрія, поклялся съ товарищами отмстить за смерть царя: 11 декабря они вызвали самозванца за городъ охотиться за зайцами, убили его и бѣжали въ степи, опустошая все на дорогѣ. Неразлучный

спутникъ самозванца, шутъ Кошелевъ, бывшій свидѣтелемъ смерти своего господина, прискакалъ съ извѣстіемъ о ней въ Калугу; Марина, ходившая послѣдніе дни беременности, въ отчаяніи бросилась бѣгать по городу, крича о мщеніи, но истить было некому, убійцы были далеко; въ Калугѣ оставались сотни двѣ татаръ, казаки бросились на нихъ, гоняли какъ зайцевъ, лучшихъ мурзъ побили, дворы ихъ разграбили. Заруцкій хотѣлъ бѣжать, но его схватили міромъ и не пустили; князь Григорій Шаховской просилъ у міра, чтобъ его отпустили въ Москву съ повинною, но ему не повѣрили, не отпустили, и когда Марина родила сына Ивана, то его провозгласили царевичемъ. Но при всеобщей смутѣ новорожденный ребенокъ былъ плохой вождь, и Калужане должны были исполнить требаваніе Московскаго правительства и цѣловать крестъ Владиславу: сначала, впрочемъ, они отвѣчали, что присягнутъ тогда, когда королевичъ будетъ въ Москвѣ и приметъ православную вѣру; но потомъ безусловно приняли къ себѣ князя Юрія Трубецкаго и цѣловали крестъ всѣмъ городомъ[94].

ГЛАВА VIII.

Окончаніе междоцарствія.

Движеніе въ Москвѣ противъ Поляковъ въ слѣдствіе смерти самозванца.— Возстаніе Ляпунова. — Переписка городовъ. — Первое ополченіе противъ Поляковъ; причины его неуспѣха.—Переговоры великихъ пословъ съ панами подъ Смоленскомъ.—Сожженіе Москвы. — Русское ополченіе осаждаетъ въ ней Поляковъ.—Отсылка великихъ пословъ въ глубь Польскихъ владѣній.—Взятіе Смоленска.—Василій Шуйскій съ братьями въ Варшавѣ.— Троеначальники въ ополченіи подъ Москвою.—Смерть Ляпунова.—Новгородъ Великій взятъ Шведами —Продолженіе борьбы лучшихъ людей съ меньшими въ Псковѣ.— Безнарядье у Поляковъ въ Москвѣ и въ Русскомъ станѣ подъ Москвою.—Призывныя грамоты изъ Троицкаго монастыря.—Архимандритъ Діонисій.—Признаки народнаго очищенія.—Дѣятельность Минина въ Нижнемъ Новгородѣ.—Князь Пожарскій.—Второе ополченіе для освобожденія Москвы.— Остановка ополченія въ Ярославлѣ.— Сношенія его съ Новгородомъ Великимъ.— Походъ ополченія къ Москвѣ. — Отношеніе его къ казакамъ.—Битва съ Поляками.—Очищеніе Москвы.—Походъ короля Сигизмунда къ Москвѣ.— Его возвращеніе.—Избраніе царя Михаила Ѳедоровича Романова.

Смерть вора была вторымъ поворотнымъ событіемъ въ исторіи смутнаго времени, считая первымъ вступленіе Сигизмунда въ предѣлы Московскаго государства. Теперь, по смерти самозванца, у короля и Московскихъ приверженцевъ его не было болѣе предлога требовать дальнѣйшаго движенія Сигизмундова въ Русскія области, не было болѣе предлога стоять подъ Смоленскомъ; лучшіе люди, которые согласились признать царемъ Владислава изъ страха покориться казацкому царю, теперь освобождались отъ этого страха и могли дѣйствовать свободнѣе противъ Поляковъ. Какъ только на Москвѣ узнали, что воръ убитъ,

то по словамъ современнаго извѣстія, Русскіе люди обрадовались и стали другъ съ другомъ говорить, какъ бы всей землѣ, всѣмъ людямъ соединиться и стать противъ Литовскихъ людей, чтобъ они изъ земли Московской вышли всѣ до одного, на чемъ крестъ цѣловали. Салтыковъ и Андроновъ писали къ Сигизмунду, что патріархъ призываетъ къ себѣ всякихъ людей явно и говоритъ: если королевичъ не крестится въ христіанскую вѣру и всѣ Литовскіе люди не выйдутъ изъ Московской земли, то королевичъ намъ не государь; такія же слова патріархъ и въ грамотахъ писалъ во многіе города, а Москвичи посадскіе всякіе люди, лучшіе и мелкіе, всѣ принялись и хотятъ стоять. Но и тутъ при всеобщей готовности стоять противъ Поляковъ, первый двинулся Ляпуновъ. До смерти вора Прокофій былъ вѣренъ Владиславу: такъ въ октябрѣ онъ взялъ Пронскъ у самозванца на имя королевича; но въ генварѣ 1611 года, Московскіе бояре писали къ Сигизмунду о возстаніи Ляпунова въ Рязани, о томъ, что Заруцкій дѣйствуетъ вмѣстѣ съ нимъ и отправился съ казаками своими въ Тулу; бояре требовали отъ короля, чтобъ онъ схватилъ находящагося у него подъ Смоленскомъ Захара Ляпунова, который сносится съ братомъ.

Опять города стали переписываться другъ съ другомъ; но теперь грамоты ихъ уже другаго рода: прежде уговаривали они другъ друга подождать, не спѣшить присягою тому, кто называется Димитріемъ, ибо приверженцы его грабительствуютъ въ городахъ присягнувшихъ; но теперь затронуто было начало высшее: города увѣщеваютъ другъ друга стать за вѣру православную, вооружиться на Поляковъ, грозящихъ ей гибелью. Первые подали голосъ жители волостей Смоленскихъ, занятыхъ, опустошенныхъ Поляками; они написали грамоту къ братьямъ своимъ, къ остальнымъ жителямъ Московскаго государства, но это братство въ ихъ глазахъ не народное, не государственное, а религіозное: «мы братья и сродники, потому что отъ св. купели св. Крещеніемъ породились.» Смольяне пишутъ, что они

покорились Полякамъ, дабы не отбыть православнаго христіанства и не подвергнуться конечной гибели, и не смотря на то, подвергаются ей: вѣра поругана и церкви Божіи раззорены. «Гдѣ наши головы? пишутъ Смольяне: гдѣ жены и дѣти, братья, родственники и друзья? Кто изъ насъ ходилъ въ Литву и Польшу выкупать своихъ матерей, женъ и дѣтей, и тѣ свои головы потеряли; собранъ былъ Христовымъ именемъ окупъ, и то все разграблено! Если кто хочетъ изъ васъ померетъ христіанами, да начнутъ великое дѣло душами своими и головами, чтобы быть всѣмъ христіанамъ въ соединеніи. Неужели вы думаете жить въ мирѣ и покоѣ? Мы не противились, животы свои всѣ принесли — и всѣ погибли, въ вѣчную работу латинство пошли. Если не будете теперь въ соединеніи, обще со всею землею, то горько будете плакать и рыдать неутѣшнымъ вѣчнымъ плачемъ: перемѣнена будетъ христіанская вѣра въ латинство, и раззорятся божественныя церкви со всею лѣпотою, и убіенъ будетъ лютою смертію родъ вашъ христіанскій, поработятъ и осквернятъ и разведутъ въ полонъ матерей, женъ и дѣтей вашихъ.» Смольняне пишутъ также, что нечего надѣяться имѣть когда-либо царемъ Владислава, ибо на сеймѣ положено: «вывесть лучшихъ людей, опустошить всѣ земли, владѣть всею землею Московскою».

Москвичи, получивъ эту грамоту, разослали ее въ разные города съ приложеніемъ собственной увѣщательной грамоты, въ которой писали: «Пишемъ мы къ вамъ, православнымъ хрістіанамъ, всѣмъ народамъ Московскаго государства, господамъ братьямъ своимъ, православнымъ христіанамъ. Пишутъ къ намъ братья наши, какъ намъ всѣмъ православнымъ христіанамъ остальнымъ не погибнуть отъ враговъ православнаго христіанства, Литовскихъ людей. Для Бога, судьи живымъ и мертвымъ, не презрите бѣднаго и слезнаго нашего рыданія, будьте съ нами за одно противъ враговъ нашихъ и вашихъ общихъ; вспомните одно: только въ корню основаніе крѣпко будетъ, то и дерево неподвижно; если же корня не будетъ, то къ чему прилѣ-

питься»? этими словами Москвичи хотятъ показать значеніе Москвы, корня государственнаго; но и они, вѣрные господствующему интересу времени, спѣшатъ выставить значеніе Москвы съ религіозной точки зрѣнія: «Здѣсь образъ Божіей Матери, вѣчной заступницы христіанской, который евангелистъ Лука написалъ; здѣсь великіе свѣтильники и хранители—Петръ, Алексій, Іона чудотворцы: или вамъ, православнымъ христіанамъ, все это ни почемъ? Писали намъ истину братья наши, и теперь мы сами видимъ вѣрѣ христіанской перемѣну въ Латинство и церквамъ Божіимъ раззореніе; о своихъ же головахъ что и писать вамъ много? А у насъ святѣйшій Гермогенъ патріархъ прямъ, какъ самъ пастырь, душу свою за вѣру христіанскую полагаетъ неизмѣнно, и ему всѣ христіане православные послѣдуютъ, только неявственно стоятъ.»

Явственнѣе стояли жители другихъ областей: въ началѣ генваря 1611 года Нижегородцы послали въ Москву провѣдать, что тамъ дѣлается? Посланные видѣлись съ патріархомъ, получили отъ него благословеніе на возстаніе, но грамоты отъ него не привезли, потому что у патріарха писать было некому: дьяки и подъячіе и всякіе дворовые люди взяты, и дворъ его весь разграбленъ. Мы видѣли, что прежде Нижегородцы увѣщевали Балахонцевъ оставаться вѣрными тому царю, который будетъ на Москвѣ, не затѣвая изъ-за искателей престола междоусобной брани, но теперь царя на Москвѣ не было, его мѣсто заступалъ патріархъ, блюститель вѣры, и патріархъ призывалъ къ возстанію; Нижегородцы ему повинуются: вмѣстѣ съ Балахонцами цѣлуютъ крестъ стоять за Московское государство и приглашаютъ другіе города памятовать Бога, пречистую Богородицу, Московскихъ чудотворцевъ, и стоять всѣмъ вмѣстѣ за одно. Нижегородцы послали грамоту и въ Рязань; Ляпуновъ отвѣчалъ имъ: «Мы, господа, про то вѣдаемъ подлинно, что на Москвѣ святѣйшему Гермогену патріарху и всему освященному собору и христоименитому

народу отъ богоотступниковъ своихъ и отъ Польскихъ и Литовскихъ людей пененье и тѣснота большая; мы боярамъ Московскимъ давно отказали и къ нимъ писали, что они, прельстясь на славу вѣка сего, Бога отступили, приложились къ западнымъ жестокосердымъ, на своихъ овецъ обратились; а по своему договорному слову и по крестному цѣлованью, на чемъ имъ гетманъ крестъ цѣловалъ, ничего не совершили». Возставшіе Русскіе люди еще не отказывались отъ присяги Владиславу, но клялись: «Стоять за православную вѣру и за Московское государство, королю Польскому креста не цѣловать, не служить ему и не прямить, Московское государство отъ Польскихъ и Литовскихъ людей очищать, съ королемъ и королевичемъ, съ Польскими и Литовскими людьми и кто съ ними противъ Московскаго государства станетъ, противъ всѣхъ биться неослабно; съ королемъ, Поляками и Русскими людьми, которые королю прямятъ, никакъ не ссылаться; другъ съ другомъ междоусобія никакого не начинать. А кого намъ на Московское государство и на всѣ государства Россійскаго царствія государемъ Богъ дастъ, тому намъ служить и прямить и добра хотѣть во всемъ вправду, по сему крестному цѣлованью. А будетъ по кого съ Москвы пошлютъ бояре, велятъ схватить и привести въ Москву или отослать въ какіе нибудь города, или пеню и казнь велятъ учинить: то намъ за этихъ людей стоять другъ за друга всѣмъ единомышленно и ихъ не выдавать, пока Богъ намъ дастъ на Московское государство государя. А если король не дастъ намъ сына своего на Московское государство, и Польскихъ и Литовскихъ людей изъ Москвы и изъ всѣхъ Московскихъ и украинскихъ городовъ не выведетъ; и изъ подъ Смоленска самъ не отступитъ и воинскихъ людей не отведетъ, то намъ биться до смерти. Ярославцы, въ грамотѣ своей въ Казань, указываютъ на мужество патріарха Гермогена какъ на чудо, въ которомъ Богъ обнаруживаетъ Русскому народу свою волю и всѣ должны слѣдовать этому божественному указанію: «Совершилось нечаемое: святѣйшій патріархъ Гермогенъ

сталъ за православную вѣру неизмѣнно и, не убоясь смерти, призвавши всѣхъ православныхъ христіанъ, говорилъ и укрѣпилъ, за православную вѣру всѣмъ велѣлъ стоять и помереть, а еретиковъ при всѣхъ людяхъ обличалъ: и еслибъ онъ не отъ Бога былъ посланъ, то такого дѣла не совершилъ бы, и тогда кто бы началъ стоять? Еслибъ не только вѣру попрали, но еслибъ даже на всѣхъ хохлы подѣлали, то и тогда никто слова не смѣлъ бы молвить, боясь множества Литовскихъ людей и Русскихъ злодѣевъ, которые, отступя отъ Бога, съ ними сложились. И въ города патріархъ приказалъ, чтобъ за православную вѣру стали, а кто умретъ, будутъ новые страстотерпцы: и слыша это отъ патріарха и видя своими глазами, города всѣ обослались и пошли къ Москвѣ.» Во время этого страшнаго бѣдствія, постигшаго Русскую землю, три человѣка, по словамъ Ярославцевъ, были утѣшеніемъ скорбныхъ людей: патріархъ Гермогенъ, Смоленскій архіепископъ Сергій и воевода Шеинъ. Ярославцы даютъ знать, что они уже послали три отряда отъ себя къ Москвѣ, что жители городовъ встрѣчаютъ ратныхъ людей съ образами и кормъ даютъ. Въ городахъ было сильное движеніе: собранные для очищенія государства ратные люди ходили по соборамъ и монастырямъ, съ плачемъ служили молебны объ избавленіи отъ находящей скорби и, получа благословеніе отъ духовенства, выступали изъ городовъ при пушечной и ружейной пальбѣ, для пріѣзжихъ людей, чтобъ и въ другихъ городахъ былъ вѣдомъ походъ. Когда воевода Иванъ Ивановичь Волынскій двинулся изъ Ярославля съ войскомъ, родственникъ его, другой Волынскій, остался въ городѣ съ старыми дворянами «для всякаго промысла, всѣхъ служивыхъ людей выбивать въ походъ, и по городамъ писать, а приговоръ учинили крѣпкій за руками: кто не пойдетъ или воротится, тѣмъ милости не дать, и по всѣмъ городамъ тоже укрѣпленье писали.»

Если города еще не совершенно отказывались отъ присяги Владиславу, то духовенство говорило рѣшительнѣе.

Соловецкій игуменъ Антоній писалъ къ Шведскому королю Карлу IX: Божіею милостію въ Московскомъ государствѣ святѣйшій патріархъ, бояре и изо всѣхъ городовъ люди ссылаются, на совѣтъ къ Москвѣ сходятся, совѣтуютъ и стоятъ единомышленно на Литовскихъ людей; и хотятъ выбирять на Московское государство царя изъ своихъ прирожденныхъ бояръ, кого Богъ изволитъ, а иныхъ земель иновѣрцевъ никого не хотятъ. И у насъ въ Соловецкомъ монастырѣ, и въ Сумскомъ острогѣ и во всей поморской области тотъ же совѣтъ единомышленный: не хотимъ никого иновѣрцевъ на Московское государство царемъ, кромѣ своихъ прирожденныхъ бояръ Московскаго государства».—Встали и Пермичи, недѣятельные до тѣхъ поръ, пока дѣло шло между разными искателями престола—Димитріемъ, Шуйскимъ, Владиславомъ; но теперь они двинули свои отряды, когда патріархъ благословилъ возстаніе на богохульныхъ Ляховъ; Пермичи знаютъ только одного патіарха; отъ него получили они грамоту о возстаніи, къ нему посылаютъ отписку съ именами своихъ ратныхъ людей. Встали и Новгородцы Великаго Новгорода и, по благословенію митрополита своего Исидора, крестъ цѣловали помогать Московскому государству на раззорителей православной вѣры и стоять за нее единомышленно; поклявшись въ этомъ, Новгородцы посадали въ тюрьму Владиславовыхъ, т. е. королевскихъ воеводъ—Салтыкова и Корнила Чоглокова «за ихъ многія неправды и злохитрство».

Не смотря однако на всеобщее одушевленіе и ревность къ очищенію государства отъ враговъ иновѣрныхъ, предпріятіе не могло имѣть успѣха по двумъ причинамъ, и вопервыхъ потому, что въ челѣ предпріятія становился Ляпуновъ, человѣкъ страстный, не могшій довольно освободиться отъ самого себя, принесть свои личныя отношенія и стремленія въ жертву общему дѣлу. Будучи, по тогдашнимъ понятіямъ, человѣкомъ худороднымъ, выдвинутый смутами бурнаго времени изъ толпы, стремясь страстно къ первенству, Ляпуновъ нена-

видѣлъ людей, которые загораживали ему дорогу, которые опирались на старину, хотѣли удержать свое прежнее значеніе. Въ то время когда города призывали другъ друга къ возстанію на враговъ вѣры, одинъ Ляпуновъ не удержался и сдѣлалъ въ своей грамотѣ выходку противъ бояръ. И послѣ, ставши главнымъ вождемъ ополченія, онъ не только не хотѣлъ сдѣлать никакой уступки людямъ родовитымъ и сановнымъ, но находилъ особенное удовольствіе унижать ихъ, величаясь предъ ними своимъ новымъ положеніемъ, и тѣмъ самымъ возбуждалъ негодованіе, вражду, смуту. Другою, еще болѣе важною причиною неуспѣха было то, что Ляпуновъ, издавна неразборчивый въ средствахъ, и теперь, при возстаніи земли для очищенія государства, для установленія наряда, подалъ руку—комуже? врагамъ всякаго наряда, людямъ, жившимъ смутою, казакамъ! Съ нимъ соединились казаки, бывшіе подъ начальствомъ Заруцкаго, Просовецкаго, князя Дмитрія Тимоѳеевича Трубецкаго — все Тушинскихъ бояръ и воеводъ. Говорятъ, будто Ляпуновъ приманилъ Заруцкаго обѣщаніемъ, что по изгнаніи Поляковъ, провозгласитъ царемъ сына Марины, съ которою Заруцкій былъ уже тогда въ связи. Мало того, Сапѣга, пролившій столько Русской крови, такъ долго сражавшійся противъ Троицкаго монастыря, Сапѣга объявилъ желаніе сражаться противъ своихъ Поляковъ за православную вѣру, и Ляпуновъ принялъ предложеніе! Вотъ что писалъ Сапѣга къ Калужскому воеводѣ, князю Трубецкому: «Писали мы къ вамъ, господинъ! много разъ въ Калугу о совѣтѣ, но вы отъ насъ бѣгаете за посмѣхъ: мы вамъ никакого зла не дѣлали и впередъ дѣлать не хотимъ; мы хотѣли съ вами за вашу вѣру христіанскую и за свою славу и при своихъ заслугахъ горло свое дать, и вамъ слѣдовало бы съ нами совѣтоваться что ваша дума? Про насъ знаете, что мы люди вольные, королю и королевичу не служимъ, стоимъ при своихъ заслугахъ, а на васъ никакого лиха не мыслимъ и заслугъ своихъ на васъ не просимъ, а кто будетъ на Московскомъ государствѣ царемъ,

тотъ намъ и заплатитъ за наши заслуги. Такъ вамъ бы съ нами быть въ совѣтѣ и ссылаться съ нами почаще, что будетъ ваша дума, а мы отъ васъ не прочь, и стоять бы вамъ за православную христіанскую вѣру и за святыя церкви, а мы при васъ и при своихъ заслугахъ горла свои дадимъ. Намъ сказывали, что у васъ въ Калугѣ нѣкоторые бездѣльники разсѣваютъ слухи, будто мы святыя церкви раззоряемъ и пѣть въ нихъ не велимъ и лошадей въ нихъ ставимъ: но у насъ этого во всемъ рыцарствѣ не сыщешь, это вамъ бездѣльники лгутъ, смущаютъ васъ съ нами; у насъ въ рыцарствѣ большая половина Русскихъ людей, и мы заказываемъ и бережемъ накрѣпко, чтобъ надъ святыми божіими церквами раззоренія никакого не было, а отъ вора какъ уберечься, да развѣ кто что сдѣлалъ въ отъѣздѣ»? Бывшій Тушинскій воевода Ѳедоръ Плещеевъ писалъ къ Сапѣгѣ: «отъ Прокофья Ляпунова идутъ къ тебѣ послы о томъ же добромъ дѣлѣ и о совѣтѣ; а совѣту съ тобою Прокофій и всѣ города очень рады, про заслуженное же они такъ говорятъ: не только что тогда заплатимъ, какъ будетъ царь на Москвѣ, и нынче рады заслуженное платить.» Въ самомъ дѣлѣ Ляпуновъ писалъ къ пану Чернацкому, уговаривая его прислать пословъ отъ имени Сапѣги, для заключенія условій, при чемъ обнаруживалъ страшное злоупотребленіе начитанностію св. писанія: «Какъ въ старину великій Моисей согласился лучше съ людьми Божіими страдать, нежели имѣть временную грѣха сладость: такъ и вы, по апостольскому гласу, не плотскаго господина, а вѣчнаго владыки волю ищете творити, желая по правдѣ поборниками быти, видя Польскаго короля неправое возстаніе на Московское государство и всемірное губительство въ настоящее время.» Но, по крайней мѣрѣ, этотъ незаконный союзъ не состоялся почему-то: черезъ мѣсяцъ Сапѣга писалъ въ Кострому, уговаривая жителей ея признать опять Владислава: «Теперь вы государю измѣнили, пишетъ Сапѣга, и невѣдомо для чего, и хотите на Московское государство невѣдомо кого. Знаете

вы сами Польскихъ и Литовскихъ людей мочь и силу: кому съ ними биться»?

Но бойцевъ нашлось много: они шли изъ земли Рязанской и Сѣверской съ Ляпуновымъ, изъ Муромской съ княземъ Литвиномъ-Мосальскимъ, изъ Низовой съ княземъ Репнинымъ, изъ Суздальской съ Артеміемъ Измайловымъ; изъ Вологодской земли и Поморскихъ городовъ съ Нащокинымъ, князьями Пронскимъ и Козловскимъ; изъ Галицкой земли съ Мансуровымъ; изъ Ярославской и Костромской съ Волынскимъ и княземъ Волконскимъ. Все это были полки гражданскіе, полки земскихъ людей, преимущественно людей чистаго сѣвера; но вотъ туда же, къ Москвѣ, для той же цѣли, для очищенія земли шла казацкая рать Просовецкаго съ сѣвера, шли съ юга казацкія рати Тушинскихъ бояръ, князя Дмитрія Трубецкаго и Заруцкаго. Трубецкой и Заруцкій приглашали отовсюду запольныхъ, то-есть застепныхъ казаковъ, обѣщая имъ жалованье; въ ихъ призывной грамотѣ говорится также: «А которые боярскіе люди крѣпостные и старинные, и тѣ бы шли безо всякаго сомнѣнія и боязни, всѣмъ имъ воля и жалованье будетъ, какъ и другимъ казакамъ, и грамоты имъ отъ бояръ и воеводъ и отъ всей земли дадутъ.» Такъ предводители казаковъ старались увеличивать число ихъ въ Московскомъ государствѣ.

Въ это время всеобщаго возстанія, въ это время когда къ стѣнамъ Москвы подходили отовсюду отряды подъ предводительствомъ людей не знаменитыхъ, которыхъ выдвигало на первый планъ только отсутствіе сановниковъ первостепенныхъ,—что же дѣлали члены думы царской, правители Московскіе? Въ началѣ возстанія еще въ 1610 году, Салтыковъ съ товарищами предложилъ боярамъ просить короля, чтобъ отпустилъ Владислава въ Москву, къ посламъ, Филарету и Голицыну, написать, чтобъ отдались во всемъ на волю королевскую, а къ Ляпунову, чтобъ не затѣвалъ возстанія и не собиралъ войска. Бояре написали грамоты и понесли ихъ къ патріарху для скрѣпленія; но

Гермогенъ отвѣчалъ имъ: «Стану писать къ королю грамоты и духовнымъ всѣмъ властямъ велю руки приложить, если король дастъ сына на Московское государство, крестится королевичь въ православную христіанскую вѣру и Литовскіе люди выйдутъ изъ Москвы. А что положиться на королевскую волю, то это вѣдомое дѣло, что намъ цѣловать крестъ самому королю, а не королевичу, и я такихъ грамотъ не благословляю вамъ писать, и проклинаю того, кто писать ихъ будетъ; а къ Прокофью Ляпунову напишу, что если королевичь на Московское государство не будетъ, въ православную христіанскую вѣру не крестится и Литвы изъ Московскаго государства не выведетъ, то благословляю всѣхъ, кто королевичу крестъ цѣловалъ, идти подъ Москву и помереть всѣмъ за православную вѣру.» Лѣтописецъ говоритъ, что Салтыковъ началъ Гермогена позорить и бранить, и, вынувши ножъ, хотѣлъ его зарѣзать; но патріархъ, осѣнивъ его крестнымъ знаменіемъ, сказалъ ему громко: «Крестное знаменіе да будетъ противъ твоего окаяннаго ножа, будь ты проклятъ въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ»; а Мстиславскому сказалъ тихо: «Твое дѣло начинать и пострадать за православную христіанскую вѣру; если же прельстишься на такую дьявольскую прелесть, то преселитъ Богъ корень твой отъ земли живыхъ.» Такимъ образомъ грамоты были отправлены безъ подписи патріаршей; князей Ивана Михайловича Воротынскаго и Андрея Васильевича Голицына, сидѣвшихъ подъ стражею, силою заставили приложить къ нимъ руки.

Грамоты эти привезены были подъ Смоленскъ 23 Декабря; на другой день они были доставлены посламъ съ требованіемъ, чтобъ тѣ немедленно же исполнили приказъ боярскій, иначе имъ будетъ худо. Когда грамоты были прочтены, то Филаретъ отвѣчалъ, что исполнить ихъ нельзя: «отправлены мы отъ патріарха, всего освященнаго собора, отъ бояръ, отъ всѣхъ чиновъ и отъ всей земли, а эти грамоты писаны безъ согласія патріарха и освященнаго собора, и безъ вѣдома всей земли: какъ же намъ ихъ слу-

шать? и пишется въ нихъ о дѣлѣ духовномъ; о крестномъ цѣлованіи Смольнянъ королю и королевичу; тѣмъ больше безъ патріарха намъ ничего сдѣлать нельзя.» Голицынъ и всѣ оставшіеся члены посольства также объявили, что грамоты незаконныя. 27 декабря позваны были послы къ панамъ, у которыхъ нашли дьяка Чичерина, присланнаго изъ Москвы съ извѣстіемъ о смерти самозванца. Паны объявили посламъ, что королевскимъ счастіемъ воръ въ Калугѣ убитъ. Послы встали и съ поклономъ благодарили за эту вѣсть. — «Теперь, съ насмѣшливымъ видомъ спросили паны, что вы скажете о боярской грамотѣ.» Голицынъ отвѣчалъ, что они отпущены не отъ однихъ бояръ, и отчетъ должны отдавать не однимъ боярамъ, а сначала патріарху и властямъ духовнымъ, потомъ боярамъ и всей землѣ; а грамота писана отъ однихъ бояръ, и то не отъ всѣхъ. Паны говорили: «Вы все отговаривались, что нѣтъ у васъ изъ Москвы о Смоленскѣ указа, теперь и получили указъ повиноваться во всѣмъ волѣ королевской, а все еще упрямитесь?» Сапѣга прочелъ грамоту боярскую и сказалъ: «видите, что мы говорили съ вами на съѣздахъ, то самое Духъ Святый внушилъ вашимъ боярамъ: они въ тѣхъ же самыхъ словахъ велятъ вамъ исполнить, чего мы отъ васъ требовали: значитъ самъ Богъ открылъ имъ это».

Голицынъ отвѣчалъ: «Пожалуйте, мое челобитье безкручинно выслушайте и до королевскаго величества донесите. Вы говорите, чтобъ намъ слушаться боярскаго указа: въ правдѣ ихъ указа слушаться я буду и радъ дѣлать сколько Богъ помощи подастъ; но бояре должны надъ нами дѣлать праведно, а не такъ какъ они дѣлаютъ. Отпускали насъ къ великимъ государямъ бить челомъ патріархъ, бояре и всѣ люди Московскаго государства, а не одни бояре: отъ однихъ бояръ я, и не поѣхалъ бы; а теперь они такое великое дѣло пишутъ къ намъ одни, мимо патріарха, священнаго собора и не по совѣту всѣхъ людей Московскаго государства: это ихъ къ намъ первое

не добро, да и всѣмъ людямъ Московскаго государства, думаемъ, будетъ въ томъ великое сомнѣние и скорбь: чтобъ отъ того кровь христіанская вновь не пролилась! Другая къ намъ боярская немилость: намъ въ наказѣ написали и бить челомъ королю велѣли, чтобъ королевское величество отъ Смоленска отступилъ и вывелъ бы своихъ людей изъ Московскаго государства вывелъ, и бить челомъ о томъ намъ велѣно накрѣпко. А теперь къ намъ бояре пишутъ, что они къ королю съ княземъ Андреемъ Мосальскимъ писали, били челомъ, чтобъ король шелъ на вора подъ Калугу. Мы бьемъ челомъ королю по нашему наказу, чтобъ шелъ въ свое государство, князь Мосальскій бьетъ челомъ, чтобъ шелъ подъ Калугу; мы ничего этого не знаемъ, наводимъ на себя гнѣвъ королевскій, отъ васъ слышимъ многія жестокія слова. А князю Мосальскому съ такимъ дѣломъ можно бы и къ намъ пріѣхать, и съ нами вмѣстѣ королю бить челомъ. Во семъ этомъ господъ нашихъ бояръ судитъ съ нами Богъ. Они же къ намъ пишутъ, что намъ про вора провѣдывать непригоже—гдѣ онъ и какъ силенъ? какъ будто мы ему добра хотимъ. И за это мы будемъ на бояръ Богу жаловаться. Сами они знаютъ, что мы вору никогда добра не искивали, а писали мы къ боярамъ о ворѣ для того, что вы на всѣхъ съѣздахъ намъ говорили, что съ воромъ въ сборѣ много людей; мы не знаемъ, что вамъ отвѣчать, потому и писали къ боярамъ, спрашивали ихъ о ворѣ, и тѣмъ было имъ меня, позорить не пригоже. Сами они знаютъ, что по Божіей милости, отца моего и дѣда изъ думы не высылывали и думу они всякую вѣдали, не купленное у нихъ было боярство, не за Москвою въ бояре ставлены, вору добра не искивали, креста ему не цѣловали, у вора не бывали и отъ него ничего не хотѣли; только нашего и дѣла было, что за Пречистой Богородицы образъ и за крестное цѣлованіе противъ вора стояли и нещадно головы свои на смерть предавали. Да они же теперь брата моего, князя Андрея, отдали подъ стражу, невѣдома за что, а ко мнѣ писали

по пустой сказкѣ, будто я, идучи подъ Смоленскъ, съ воромъ ссылался, и тѣмъ меня позорятъ: какъ дастъ Богъ увижу на Московскомъ государствѣ государя нашего Владислава Жигимонтовича, то я ему во всемъ безчестьи стану на нихъ бить челомъ, и теперь вамъ сенаторамъ бью челомъ, чтобъ вы мое челобитье до королевскаго величества донесли».

Паны обѣщали, но требовали по прежнему, чтобъ исполненъ былъ указъ боярскій относительно Смоленска; послы по прежнему отговаривались тѣмъ, что нѣтъ у нихъ приказа отъ патріарха; паны возражали, что патріархъ особа духовная, въ земскія дѣла не вмѣшивается, послы отвѣчали: «Изначала у насъ въ Русскомъ царствѣ при прежнихъ великихъ государяхъ такъ велось: если великія государственныя или земскія дѣла начнутся, то великіе государи наши призывали къ себѣ на соборъ патріарховъ, митрополитовъ и архіепископовъ и съ ними о всякихъ дѣлахъ совѣтовались, безъ ихъ совѣта ничего не приговаривали, и почитаютъ государи наши патріарховъ великою честію, встрѣчаютъ ихъ и провожаютъ и мѣсто имъ сдѣлано съ государями рядомъ; такъ у насъ честны патріархи, а до нихъ были митрополиты; теперь мы стали безгосударны, и патріархъ у насъ человѣкъ начальный, безъ патріарха теперь о такомъ великомъ дѣлѣ совѣтовать не пригоже. Когда мы на Москвѣ были, то безъ патріархова вѣдома никакого дѣла бояре не дѣлывали, обо всемъ съ нимъ совѣтовались, и отпускалъ насъ патріархъ вмѣстѣ съ боярами, о томъ гетману Станиславу Станиславовичу извѣстно, да и въ вѣрющихъ грамотахъ, и въ наказѣ и во всякихъ дѣлахъ въ началѣ писанъ у насъ патріархъ, и потому намъ теперь безъ патріарховыхъ грамотъ по однимъ боярскимъ нельзя дѣлать. Какъ патріарховы грамоты безъ боярскихъ, такъ боярскіе безъ патріарховыхъ не годятся; надобно теперь дѣлать по общему совѣту всѣхъ людей: не однимъ боярамъ, всѣмъ государь надобенъ, и дѣло нынѣшнее общее всѣхъ людей, такого у насъ дѣла на Москвѣ не бывало.

Да пожалуйте скажите, паны радные, что отвѣчали Смольняне на боярскую грамоту»?

«Смольняне закоснѣли въ своемъ упорствѣ, отвѣчали паны: они боярскихъ грамотъ не слушаютъ, просятъ, чтобъ имъ позволено было видѣться съ вами, и говорятъ, что сдѣлаютъ такъ, какъ вы имъ велите, слѣдовательно отъ васъ однихъ зависитъ все». Послы отвѣчали: «Сами вы, паны, можете разсудить, какъ насъ Смольнянамъ послушать, если они боярскихъ грамотъ не послушали. Ясно теперь видно, что въ Москвѣ сдѣлано не какъ слѣдуетъ: еслибъ писали патріархъ, бояре и всѣ люди Московскаго государства по общему совѣту, а не одни бояре, то Смольнянамъ и отговариваться было бы нельзя. А мы теперь сами не знаемъ, какъ дѣлать? осталась насъ здѣсь одна половина, а другая отпущена въ Москву, начальный съ нами человѣкъ митрополитъ, тотъ безъ патріарховой грамоты не только что дѣлать, и говорить не хочетъ, а намъ безъ него ничего нельзя сдѣлать». Паны отпустили пословъ и сказали, чтобъ завтра, 28 числа, они пріѣзжали вмѣстѣ съ Филаретомъ на послѣдній съѣздъ. Но на этомъ съѣздѣ Филаретъ сказалъ панамъ: «Вчерашнія ваши рѣчи я отъ князя Василья Васильевича слышалъ: онъ говорилъ вамъ то самое, что и я бы сказалъ; я, митрополитъ, безъ патріарховой грамоты на такое дѣло дерзнуть не смѣю, чтобъ приказать Смольнянамъ цѣловать крестъ королю». Голицынъ прибавилъ: «А намъ безъ митрополита такого великаго дѣла дѣлать нельзя». Паны отпустили пословъ съ сердцемъ; когда они выходили изъ комнаты, то паны кричали: «Это не послы, это воры»! Въ слѣдъ за этимъ пріѣхалъ къ панамъ Иванъ Бестужевъ съ какими-то рѣчами отъ Смольнянъ; но паны не стали его слушать и выгнали вонъ. Когда онъ былъ на дворѣ, то Сапѣга закричалъ ему въ окно: «Вы государевой воли не исполняете, грамотъ боярскихъ не слушаете: смотрите что съ вами будетъ»! Бестужевъ оборотился и сказалъ: «Все мы въ Божіей волѣ, что Ему угодно, то и будетъ; бьемъ мы челомъ королю о томъ,

что всѣ люди Московскаго государства приговорили и излюбили: насъ бы королевское величество тѣмъ пожаловалъ, а съ Москвою мы рознитьея не хотимъ».

Между тѣмъ Захаръ Ляпуновъ и Кирилла Осзоновъ продолжали наговаривать панамъ, что во всемъ виноваты главные послы, которые дворянамъ ничего не объявляютъ. Паны призвали къ себѣ дворянъ и сказали имъ: «Намъ извѣстно, что послы съ вами ни о чемъ не совѣтуются и даже скрываютъ отъ васъ боярскія грамоты». Дворяне отвѣчали: «Это какой-нибудь бездѣльникъ, воръ вамъ сказывалъ, который хочетъ ссору видѣть между вами и послами; поставьте его съ нами съ очей на очи. Боярскую грамоту послы намъ читали, и мы имъ сказали, что исполнить ее нельзя, писана она безъ патріарха и безъ совѣта всей земли».

Около мѣсяца послѣ того пословъ не звали на съѣздъ. Голицынъ придумалъ средство къ сдѣлкѣ съ королемъ: уговорить Смольнянъ впустить къ себѣ въ городъ небольшой отрядъ Польскаго войска съ тѣмъ, чтобъ король не требовалъ отъ нихъ присяги на свое имя и немедленно снялъ бы осаду. Дано было знать объ этомъ панамъ, и 27 января 1611 года назначенъ былъ съѣздъ. Голицынъ предложилъ панамъ впустить въ Смоленскъ человѣкъ 50 или 60 Поляковъ; паны отвѣчали: «Этимъ вы только безчестите короля; стоитъ онъ подъ Смоленскомъ полтора года, а тутъ какъ на смѣхъ впустятъ 50 человѣкъ»! Послы отвѣчали, что больше 100 человѣкъ впустить они не согласятся и тѣмъ съѣздъ кончился. Между тѣмъ еще 23 генваря пріѣхалъ подъ Смоленскъ Иванъ Никитичъ Салтыковъ съ новыми боярскими грамотами къ Смольнянамъ и посламъ, подтверждавшими прежнія. Смольняне отвѣчали, что если впередъ пришлютъ къ нимъ съ такими воровскими грамотами, то они велятъ застрѣлить посланнаго: есть при королѣ послы отъ всего Московскаго государства, черезъ нихъ и должно съ ними говорить. 29 генваря сообщена была новая грамота посламъ, а 30 они позваны были на съѣздъ къ панамъ, у которыхъ нашли и

Салтыкова. Послы объявили, что и на новой грамотѣ нѣтъ подписи патріарховой, и потому имъ остается одно, продолжать дѣло о впускѣ въ Смоленскъ королевскихъ людей, при чемъ они надѣются, что король, по обѣщанію своему, не велитъ Смольнянамъ присягать на свое имя. Поляки закричали, что это клевета, что никогда не было и рѣчи о томъ, чтобъ оставить присягу на королевское имя. «Вы сами на послѣднемъ съѣздѣ намъ объявили, отвѣчали послы, что король свое крестное цѣлованіе оставилъ, а велѣлъ только говорить о людяхъ, сколько ихъ впустить въ городъ, и мы за то тогда же благодарили короля». «Клевета! клевета!» продолжали кричать паны. — «Если вы увидали въ насъ неправду, сказалъ Филаретъ: то королю бы пожаловать, отпустить насъ въ Москву, а на наше мѣсто велѣть выбрать другихъ; мы никогда и ни въ чемъ не лгали, что говоримъ и что отъ васъ слышимъ, все помнимъ. Посольское дѣло—что скажется, того не переговаривать, и бываетъ слово посольское крѣпко; а если отъ своихъ словъ отпираться, то чему впередъ вѣрить? И намъ впередъ ничего нельзя уже дѣлать, если въ насъ неправда объявилась». Филарету отвѣчали не паны, а Салтыковъ: «Вы послы, закричалъ онъ, должны вѣрить панамъ ихъ милости, они не солгутъ; огорчать вамъ пановъ радныхъ и приводить на гнѣвъ, великаго государя короля не пригоже; вы должны безпрекословно исполнять волю королевскую по боярскому указу, а на патріарха смотрѣть нечего: онъ вѣдаетъ не государственныя, а свои поповскія дѣла; его величеству, стоявъ подъ такимъ лукошкомъ два года и не взявъ его, прочь отойти, стыдно; вы, послы сами должны бы вступиться за честь королевскую и велѣть Смольнянамъ цѣловать крестъ королю». Послы отвѣчали ему, чтобъ онъ вспомнилъ, съ кѣмъ говоритъ, что ему не слѣдъ вмѣшиваться въ разсужденія пословъ, выбранныхъ всѣмъ государствомъ и оскорблять ихъ непригожими словами. Обратясь къ панамъ, Филаретъ сказалъ: «Если вамъ, паны, есть до насъ какое дѣло, то говорите съ нами вы, а не

позволяйте вмѣшиваться въ разговоръ посторонним людямъ, съ которыми мы словъ терять не хотимъ». Паны велѣли Салтыкову замолчать, и спросили пословъ: «Хотите ли вы наконецъ дѣлать по боярской грамотѣ?» Филаретъ отвѣчалъ: «Сами вы знаете, что намъ духовному чину отецъ и начальникъ святѣйшій патріархъ, и кого онъ свяжетъ словомъ, того не только царь, самъ Богъ не разрѣшитъ: и мнѣ безъ патріаршей грамоты о крестномъ цѣлованіи на королевское имя никакими мѣрами не дѣлывать, а вы бы на меня въ томъ не досадовали: обѣщаюсь вамъ Богомъ, что хотя мнѣ и смерть принять, а безъ патріаршей грамоты такого великаго дѣла не дѣлывать».—«Ну такъ ѣхать вамъ къ королевичу въ Вильну тотчасъ же», закричали паны и отпустили пословъ.

1-го Февраля послы опять были позваны къ панамъ: прежній вопросъ, прежній отвѣтъ, прежняя угроза: «собирайтесь ѣхать въ Вильну». Намъ не наказано ѣхать въ Вильну, говорили послы.—«Бояре велятъ вамъ туда ѣхать, кричали паны». Филаретъ сказалъ на это: «Если королевское величество велитъ насъ вести въ Литву и въ Польшу неволею, въ томъ его государская воля: а намъ никакъ нельзя ѣхать, не на чѣмъ и не съ чѣмъ: что было то все проѣли, да и товарищи наши отпущены въ Москву, и намъ дѣлать нечего». 7 Февраля опять позвали пословъ и объявили имъ, что король, милосердуя о Смольнянахъ, жалуетъ ихъ, позволяетъ присягнуть одному королевичу; но чтобъ не оскорбить и королевской чести, надобно впустить въ Смоленскъ по крайней мѣрѣ 700 человѣкъ; если же послать 100 человѣкъ, то Шеинъ велитъ ихъ или въ тюрьмы посажать, или побить. Послы отвѣчали, что больше двухъ сотъ человѣкъ впустить они не согласны. На другой день посламъ было объявлено, чтобъ они вошли въ переговоры съ Смольнянами о введеніи въ ихъ городъ королевскихъ людей безъ опредѣленія числа. Послы едва могли уговорить ихъ впустить 200 человѣкъ, ибо Смольняне понимали хорошо, что это первый шагъ къ

овладѣнію ихъ городомъ, и потому поставили непремѣннымъ условіемъ, что прежде чѣмъ будутъ введены Поляки въ Смоленскъ, король отступитъ со всѣмъ своимъ войскомъ за границу, и отрядъ, который войдетъ въ городъ, не будетъ имѣть здѣсь никакой власти и будетъ вести себя чинно. Но въ совѣтѣ королевскомъ написаны были другаго рода условія: 1) стражѣ у городскихъ воротъ быть пополамъ королевской и городской, однимъ ключамъ быть у воеводы, а другимъ у начальника Польскаго отряда; 2) король обѣщаетъ не мстить гражданамъ за ихъ сопротивленіе и грубости и безъ вины никого не ссылать; 3) когда Смольняне принесутъ повинную и исполнятъ все требуемое, тогда король сниметъ осаду и городъ останется за Московскимъ государствомъ впредь до дальнѣйшаго разсужденія; 4) Смольняне, передавшіеся прежде королю, не подчинены суду городскому, но вѣдаются Польскимъ начальствомъ; 5) Смолняне обязаны заплатить королю всѣ военные убытки, причиненные ихъ долгимъ сопротивленіемъ. Но понятно, что Смольняне не могли принять этихъ условій, которыя обнаруживали слишкомъ ясно королевскіе замыслы; они требовали, чтобъ воротные ключи были у одного Смоленскаго воеводы; чтобъ Смоленскъ и весь Смоленскій уѣздъ были по прежнему къ Московскому государству, чтобъ какъ скоро они поцѣлуютъ крестъ Владиславу, король отступилъ отъ ихъ города, очистилъ весь уѣздъ, и потомъ, когда онъ пойдетъ въ Литву со всѣмъ войскомъ, они впустятъ къ себѣ его отрядъ сполна; Смольняне отказались также платить за убытки, отговариваясь своею бѣдностію и обѣщая только поднести дары королю.

Услыхавъ эти требованія, Поляки рѣшились употребить средство, которое бы заставило пословъ быть уступчивѣе. 26 марта Филаретъ и Голицынъ съ товарищами были позваны на переговоры; такъ какъ наступила оттепель и ледъ на Днѣпрѣ былъ худъ, то они должны были идти пѣшкомъ. Паны объявили имъ, чтобъ они безъ отговорокъ ѣхали въ Вильну, объявили, что ихъ уже не отпустятъ въ прежній

станъ, но что они должны остаться на этой сторонѣ рѣки. Послы просили позволить имъ, по крайней мѣрѣ, зайти въ прежній станъ, взять тамъ необходимыя вещи; но и въ томъ имъ было отказано. Какъ скоро они вышли изъ собранія, то ихъ окружили ратные люди съ заряженными ружьями и отвели въ назначенное помѣщеніе: митрополиту досталась одна изба, князю Голицыну, Мезецкому и Томилѣ Луговскому другая; на дворѣ и кругомъ двора разставили стражу, и входъ къ посламъ запрещенъ былъ для дворянъ посольскихъ. Такъ провели послы Свѣтлое Воскресенье; къ этому дню король прислалъ имъ: станъ говядины, тушу баранью старую, двухъ барашковъ, одного козленка, четырехъ зайцевъ, одного тетерева, четырехъ поросятъ, четырехъ гусей и семь курицъ: все это послы раздѣлили съ своими дворянами. Переговоры о Смоленскѣ возобновились. Паны предложили прежнее условіе, исключивши только статью о вознагражденіи за военные убытки; послы также уступили, обѣщались уговорить Смольнянъ впустить Польскій отрядъ весь въ городъ прежде Сигизмундова отступленія дня за два или за три, если король назначитъ день отступленія и напишетъ его въ договорной записи. Но тутъ пришла вѣсть о раззореніи Московскомъ.

Въ то время какъ Сигизмундъ считалъ необходимымъ взять Смоленскъ для Польши какими бы то ни было средствами и тратилъ время въ безплодныхъ и унизительныхъ для своего достоинства переговорахъ, возстаніе противъ сына его не ослабѣвало въ Московскомъ государствѣ, и Поляки поведеніемъ своимъ подливали все болѣе и болѣе масла въ огонь. Украинскіе города, бывшіе за воромъ — Орелъ, Болховъ, Бѣлевъ, Карачевъ, Алексинъ и другіе по смерти вора цѣловали крестъ королевичу; несмотря на то, королевскіе люди, подъ начальствомъ какого-то пана Запройскаго, выжгли ихъ, людей побили и въ плѣнъ повели. Гонсѣвскій велѣлъ отряду Запорожскихъ казаковъ идти въ Рязанскія мѣста, чтобы мѣшать Ляпунову собираться къ Москвѣ; Черкасы соединились съ Исакомъ Сумбуловымъ,

воеводою, преданнымъ Владиславу, и осадили Ляпунова въ Пронскѣ; но къ нему на выручку пошелъ съ Коломенцами и Рязанцами Зарайскій воевода князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій; Черкасы, услыхавъ объ его выступленіи, отошли отъ Пронска, и освобожденный Ляпуновъ отправился въ Рязань; скоро самъ Пожарскій былъ осажденъ у себя въ Зарайскѣ Черкасами и тѣмъ же Сумбуловымъ, но сдѣлалъ вылазку, выбилъ непріятеля изъ острога и нанесъ ему сильное пораженіе: Черкасы бросились бѣжать въ Украйну, Сумбуловъ къ Москвѣ: для возстанія на югѣ не было болѣе препятствія.

Главный двигатель этого возстаніи, начальный человѣкъ въ государствѣ въ безгосударное время находился въ Москвѣ: то былъ патріархъ, по мановенію котораго, во имя вѣры, вставала и собиралась земля. Салтыковъ пришелъ къ нему съ боярами и сказалъ: «Ты писалъ, чтобы ратные люди шли къ Москвѣ; теперь напиши имъ, чтобы возвратились назадъ.»— «Напишу, отвѣчалъ Гермогенъ, если ты, измѣнникъ, вмѣстѣ съ Литовскими людьми, выйдешь вонъ изъ Москвы; если же вы останетесь, то всѣхъ благословляю померетъ за православную вѣру; вижу ей поруганіе, вижу раззореніе святыхъ церквей, слышу въ Кремлѣ пѣніе латинское и не могу терпѣть». Патріарха отдали подъ стражу, никого не велѣли пускать къ нему. Патріархъ сказалъ не все: съ самаго отъѣзда Жолкѣвскаго начались для жителей Москвы оскорбленія, которыя увеличивались все болѣе и болѣе уже вслѣдствіе опаснаго положенія Поляковъ, видѣвшихъ себя осажденными среди волнующагося народа. Только что гетманъ уѣхалъ, Гонсѣвскій сталъ жить на старомъ дворѣ царя Бориса, Салтыковъ, бросивъ свой домъ, поселился на дворѣ Ивана Васильевича Годунова; Андроновъ на дворѣ Благовѣщенскаго протопопа; вездѣ у воротъ стояла Польская стража, уличныя рѣшетки были сломаны; Русскимъ людямъ запрещено было ходить съ саблями; топоры отбирались у купцовъ, которые выносили ихъ на продажу, у плотниковъ, которые шли съ ними на рабо-

ту, запрещено было носить и ножи; боялись, что за недостаткомъ оружія народъ вооружится кольями—и запретили крестьянамъ возить мелкія дрова на продажу; гетманскія строгости относительно буйства Поляковъ были оставлены: жены и дѣвицы подвергались насиліямъ; по вечерамъ побивали людей, которые шли по улицамъ изъ двора во дворъ; къ заутренѣ не только мирскимъ людямъ, но и священникамъ ходить не давали.

17 марта, въ Вербное Воскресенье патріарха освободили для обычнаго торжественнаго шествія на ослѣ: но никто изъ народа не пошелъ за вербою; разнесся слухъ, что Салтыковъ и Поляки хотятъ въ это время изрубить патріарха и безоружный народъ; по всѣмъ площадямъ стояли Литовскія роты, конныя и пѣшія на готовѣ. Дѣйствительно сами Поляки — очевидцы пишутъ, что Салтыковъ говорилъ имъ: «Нынче былъ случай, и вы Москву не били, ну такъ они васъ во вторникъ будутъ бить; я этого ждать не буду; возьму жену и поѣду къ королю.» Онъ хотѣлъ предупредить жителей Москвы, напасть на нихъ прежде, чѣмъ придетъ къ нимъ помощь отъ Ляпунова, чего именно ждалъ во вторникъ. Полякистали готовиться ко вторнику, встаскивать пушки на башни Кремлевскія и Китая-города; дѣйствительно въ Московскія слободы пробрались тайкомъ ратные люди изъ Ляпуновскихъ полковъ, чтобы поддержать жителей въ случаѣ схватки съ Поляками, пробрались и начальные люди: князь Пожарскій, Бутурлинъ, Колтовской. Но вторникъ начался тихо, Москвичи ничего не предпринимали, купцы спокойно отперли лавки въ Китаѣ-городѣ и торговали. Въ это время Николай Козаковскій на рынкѣ началъ принуждать извощиковъ, чтобы шли помогать Полякамъ тащить пушки на башню. Извощики не согласились, начался споръ, крикъ: тогда осьмитысячный отрядъ Нѣмецкій, перешедшій при Клушинѣ къ Полякамъ и находившійся теперь въ Кремлѣ, думая, что началось народное возстаніе, ринулся на толпу и сталъ бить Русскихъ; Поляки послѣдовали примѣру Нѣмцевъ, и началась страшная рѣзня безоружнаго

народа: въ Китаѣ-городѣ погибло до 7000 человѣкъ, князь Андрей Васильевичъ Голицынъ, сидѣвшій подъ стражею въ собственномъ домѣ, былъ умерщвленъ озлобленными Поляками. Но въ Бѣломъ городѣ Русскіе имѣли время собраться и вооружиться; они ударили въ набатъ, подняли страшный крикъ, загородили улицы столами, скамьями, бревнами, и стрѣляли изъ-за этихъ укрѣпленій въ Поляковъ и Нѣмцевъ; изъ оконъ домовъ палили, бросали каменья, бревна, доски. Ратные люди, пробравшіеся прежде въ слободы, оказали дѣятельную помощь: на Срѣтенкѣ Поляки были остановлены княземъ Димитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ, который соединился съ пушкарями, отбилъ непріятеля, втопталъ его въ Китай-городъ и поставилъ себѣ острожекъ у Введенья на Лубянкѣ; Иванъ Матвѣевичъ Бутурлинъ стоялъ въ Яузскихъ воротахъ, Иванъ Колтовской на Замоскворѣчьѣ. Поляки, загнатые въ Кремль и Китай-городъ, обхваченные со всѣхъ сторонъ возставшимъ народонаселеніемъ, придумали средство — огнемъ выкурить непріятеля. Попытались запалить Москву въ нѣсколькихъ мѣстахъ, Москвичи не давали, надобно было съ ними стрѣляться, дѣлать вылазки, наконецъ удалось поджечь въ разныхъ мѣстахъ: говорятъ, что Михайла Салтыковъ первый зажегъ собственный домъ свой. Поднялся страшный вѣтеръ и къ вечеру пламя разлилось по всему Бѣлому городу, начало-было горѣть и въ Китаѣ у Поляковъ, но здѣсь пожаръ не распространился: вѣтеръ былъ не съ той стороны. Ночь была свѣтлая: булавку можно было увидать; набатъ не переставалъ гудѣть на всѣхъ колокольняхъ. На другое утро въ середу Поляки держали совѣтъ — что дѣлать? бояре говорили: «хотя вы цѣлый городъ выпалите, все же будете заперты въ стѣнахъ: надобно постараться всѣми мѣрами запалить Замоскворѣчье, около котораго нѣтъ стѣнъ: тамъ легко вамъ будетъ выйти, легко и помощь получить.» Слѣдуя этому совѣту, Поляки пошли на Замоскворѣчье и встрѣтили сильное сопротивленіе: тамъ были стрѣлецкія слободы, было кому оборонять; однако, хотя съ большимъ трудомъ,

съ большею потерею въ людяхъ, Полякамъ удалось наконецъ поджечь Замоскворѣчье. По другую сторону они возобновили нападеніе на Пожарскаго, который цѣлый день отбивался изъ своего острожка, наконецъ палъ отъ ранъ и былъ отвезенъ въ Троицкій монастырь. Народъ вышелъ въ поле, въ жестокій морозъ: въ Москвѣ негдѣ было больше жить. Въ Великій четвергъ, нѣкоторые изъ Москвичей пришли къ Гонсѣвскому бить челомъ о милости: тотъ велѣлъ имъ снова цѣловать крестъ Владиславу и отдалъ приказъ своимъ прекратить убійство; покорившимся Москвичамъ велѣно было имѣть особый знакъ—подпоясываться полотенцами.

Великій четвергъ прошелъ спокойно для Поляковъ, но въ пятницу пришла вѣсть, что Просовецкій приближается къ Москвѣ съ тридцатью тысячами войска. Гонсѣвскій выслалъ противъ него Зборовскаго и Струся; Просовецкій, потерявъ въ стычкѣ съ ними человѣкъ съ двѣсти своихъ казаковъ, засѣлъ въ гуляй-городахъ, на которые Поляки не посмѣли напасть, и ушли въ Москву. Просовецкій также отступилъ на нѣсколько миль, гдѣ дождался Ляпунова, Заруцкаго и другихъ воеводъ: въ понедѣльникъ на Святой недѣлѣ все ополченіе, въ числѣ 100,000 человѣкъ, подошло къ Москвѣ и расположилось близъ Симонова монастыря, обставивъ себя гуляй-городами. Черезъ нѣсколько дней Гонсѣвскій вывелъ все свое войско къ Русскому обозу, но Русскіе не вышли съ нимъ биться; онъ послалъ Нѣмцевъ выбить Русскихъ стрѣльцовъ изъ деревушки, находившейся подлѣ обоза, но Нѣмцы были отражены съ урономъ. Отбивъ Нѣмцевъ, стрѣльцы начали наступать и на Поляковъ, конница которыхъ должна была спѣшиться и стрѣляться съ ними. Конница Русская во все это время не выходила изъ обоза; но когда Поляки начали отступать къ Москвѣ, Русскіе вышли за ними изъ обоза; Поляки остановились, чтобы дать имъ отпоръ—Русскіе опять въ обозъ; Поляки опять начали отступленіе, Русскіе опять за ними. Полякамъ пришлось очень трудно, едва успѣли они войдти въ Москву и больше уже изъ нея никогда не выходили.

1 апрѣля ополченіе подошло къ стѣнамъ Бѣлаго города: Ляпуновъ сталъ у Яузскихъ воротъ, князь Трубецкой съ Заруцкимъ противъ Воронцовскаго поля, воеводы Костромскіе и Ярославскіе у Покровскихъ воротъ, Измайловъ у Срѣтинскихъ, князь Мосальскій у Тверскихъ. 6 апрѣля, раннимъ утромъ Поляки услыхали шумъ, взглянули—а уже Русскіе заняли большую часть стѣнъ Бѣлаго города; у Поляковъ осталось здѣсь только пять воротъ или башенъ. Начались ежедневныя сшибки; Ляпуновъ храбростію, распорядительностію выдавался изо всѣхъ воеводъ: «всего Московскаго воинства властель, скачетъ по полкамъ всюду, какъ левъ рыкая», выражается о немъ лѣтописецъ. Поляки находились въ самомъ затруднительномъ положеніи; «Рыцарству на Москвѣ тѣснота великая, писали Потоцкому подъ Смоленскъ, сидятъ въ Китаѣ и въ Кремлѣ въ осадѣ, ворота всѣ поотняты, пить, ѣсть нечего.» Съѣстные припасы для себя, конскій кормъ должны были доставать съ бою. Въ началѣ мая, на Поклонной горѣ раскинулся станъ знаменитаго рыцаря Яна Сапѣги; онъ завелъ переговоры съ Русскими и началъ обнаруживать непріязненныя намѣренія относительно осажденныхъ; потомъ не поладивъ съ ополченіемъ, вооружился противъ него, былъ отбитъ и передался на сторону Гонсѣвскаго. Но послѣднему было мало отъ него пользы: скоро Сапѣжинскимъ рыцарямъ соскучилось стоять подъ Москвою, гдѣ было нечего грабить, и они отправились къ Переяславлю Залѣсскому; Гонсѣвскій отпустилъ съ ними также часть своего войска; за чѣмъ онъ себя ослабилъ такимъ образомъ,—Поляки, бывшіе съ нимъ, не объясняютъ: по всѣмъ вѣроятностямъ онъ принужденъ былъ къ этому недостаткомъ въ съѣстныхъ припасахъ.

Осажденныхъ послѣ этого осталось очень мало, тысячи съ три съ чемъ-нибудь, кромѣ Нѣмцевъ и пѣхоты Польской, бывшей, какъ мы знаемъ, въ очень небольшомъ числѣ. Чтобъ прикрыть въ глазахъ осаждающихъ эту малочисленность свою, Поляки начали распускать слухъ, будто гет-

манъ Литовскій идетъ на помощь съ большими силами, тогда какъ Русскіе знали лучше ихъ, идетъ ли къ нимъ кто или нѣтъ. Въ знакъ радости Поляки начали стрѣлять изъ пушекъ и изъ ружей: «Намъ казалось, говоритъ одинъ изъ нихъ, что стрѣльба у насъ была очень густая, но Москва изъ этой самой стрѣльбы замѣтила, что насъ только горсть осталась въ стѣнахъ Кремля и Китая.» Настрѣлявшись и думая, что задали большой страхъ Москвѣ, Поляки разошлись по домамъ и заснули спокойно, въ ночь съ 21 на 22 мая. Но осаждающіе не спали: за три часа до разсвѣта приставили они лѣстницу и полѣзли на стѣны Китая-города; сторожъ на башнѣ, ввѣренной Мархоцкому, услыхалъ шумъ, сначала не зналъ, отъ кого онъ происходитъ—отъ людей, или собакъ, которыхъ тогда въ погорѣлой Москвѣ было множество, но потомъ разсмотрѣлъ, что это люди и закричалъ: «Москва! къ звонку!» Мархоцкій вскочилъ и велѣлъ ударить въ колоколъ, потомучто у Русскихъ обычай, говоритъ онъ, на каждой башнѣ держать по колоколу. Когда осаждающіе услыхали колоколъ, увидали, что они открыты, то съ крикомъ бросились на стѣны; Поляки выбѣжали на тревогу изъ домовъ и отбили Русскихъ отъ Китай-города; тогда осаждающіе обратились въ другую сторону, къ башнямъ Бѣлаго города, находившимся во власти Поляковъ, и въ продолженіе дня успѣли овладѣть ими всѣми. На другое утро Русскіе осадили Нѣмцевъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ и принудили ихъ къ сдачѣ. Послѣ этого Русскіе смѣялись надъ Поляками: «Идетъ къ вамъ на помощь гетманъ Литовскій съ большею силою, кричали они имъ: идетъ съ нимъ пятьсотъ человѣкъ войска! больше не надѣйтесь, уже это вся Литва вышла; идетъ и Конецпольскій, живности вамъ везетъ, везетъ одну кишку:» потому что ротмистры были Кишка и Конецпольскій. Но не шелъ гетманъ Литовскій Ходкѣвичь даже и съ пятью стами человѣкъ, не шелъ Конецпольскій съ Кишкою: Сигизмунду было не до Москвы, ему нужно было прежде всего покончить съ Смоленскомъ.

8 Апрѣля Филаретъ и Голицынъ были призваны къ Сапѣгѣ, и канцлеръ объявилъ имъ, что во вторникъ на Страстной недѣлѣ Русскіе люди начали сбираться на бой, королевскіе вышли къ нимъ на встрѣчу, сожгли городъ и много христіанской крови пролилось съ обѣихъ сторонъ. Тутъ же Сапѣга объявилъ, что патріархъ за возбужденіе возстанія взятъ подъ стражу и посаженъ на Кирилловскомъ подворьѣ. Послы горько заплакали, и Филаретъ сказалъ: «Это случилось за грѣхи всего православнаго христіанства, а отъ чего сталось, и кто на такое раззореніе промыслилъ, тому Богъ не потерпитъ, и во всѣхъ государствахъ такое немилосердіе отзовется. Припомните наши слова, мы на всѣхъ съѣздахъ говорили, чтобъ королевское величество велѣлъ всѣ статьи утвердить по своему обѣщанію и по договору, иначе людямъ будетъ сомнѣнье и скорбь. Такъ и случилось. Такъ хотя бы теперь королевское величество смиловался, а вы бы паны радные о томъ порадѣли, чтобъ кровь христіанскую унять, и всѣ бы люди получили покой и тишину.» Сапѣга отвѣчалъ, что король именно за тѣмъ и пришелъ въ Московское государство, чтобъ его успокоить, но Русскіе люди сами и вовсемъ виноваты; Полякамъ же нельзя было Москвы не жечь, иначе сами были бы побиты. «Но скажите, прибавилъ онъ: какъ этому злу помочь и кровь унять?» Послы отвѣчали: «Теперь мы и сами не знаемъ, что̀ дѣлать. Посланы мы отъ всей земли, и во первыхъ отъ патріарха; но слышимъ отъ васъ, что этотъ начальный нашъ человѣкъ теперь у васъ подъ стражею. Московскаго государства бояре и всякіе люди пришли подъ Москву и съ королевскими людьми бьются. Кто мы теперь такіе, отъ кого послы—не знаемъ; кто насъ отпускалъ, тѣ, какъ вы говорите, умышляютъ противное нашему посольству. И съ Смоленскомъ теперь не знаемъ что̀ дѣлать: потому что если Смольняне узнаютъ, что королевскіе люди, которыхъ Москвичи впустили къ себѣ, Москву выжгли, то побоятся, чтобъ и съ ними того же не случилось, когда они впустятъ къ себѣ королевскихъ людей.» Сапѣга отвѣчалъ: «Что сдѣ-

лалось въ Москвѣ, объ этомъ говорить нечего: говорите, что дѣлать впередъ?» Послы отвѣчали: «Другаго средства поправить дѣло нѣтъ, какъ то, чтобъ король наши статьи о Смоленскѣ подтвердилъ и время своего отступленія въ Польшу именно назначилъ на письмѣ, за вашими сенаторскими руками. А мы объ этой королевской милости дадимъ знать въ Москву патріарху, боярамъ и всѣмъ людямъ Московскаго государства, напишемъ и тѣмъ, которые теперь пришли подъ Москву, чтобъ они унялись и съ королевскими людьми не бились, и чтобъ изъ Москвы къ намъ какъ можно скорѣе отписали и прислали людей изо всѣхъ чиновъ.» Сапѣга соглашался, но требовалъ, чтобъ договоръ о Смоленскѣ былъ заключенъ немедленно немедленно были впущены въ городъ королевскіе люди. Послы отвѣчали, что этого сдѣлать нельзя до обсылки съ Москвою, Смольняне не послушаются. Сапѣга велѣлъ посламъ написать двѣ грамоты: одну къ патріарху и боярамъ, другую къ воеводамъ ополченія, стоящаго подъ Москвою. Но когда на другой день Луговской принесъ эти грамоты къ Сапѣгѣ, тотъ спросилъ его: «Хотите ли теперь же впустить въ Смоленскъ людей королевскихъ»? Луговской отвѣчалъ, что рѣшено ждать отвѣта изъ Москвы.—«Когда такъ, сказалъ Сапѣга, то васъ всѣхъ пошлютъ въ Вильну.» Луговской отвѣчалъ: «Надобно кровь христіанскую унять, а Польшею насъ стращать нечего: Польшу мы знаемъ.»

12 Апрѣля посламъ дали знать, что на другой день ихъ повезутъ въ Польшу. Напрасно Филаретъ и Голицынъ представляли, что имъ изъ Москвы нѣтъ приказа ѣхать въ Польшу и что не съ чѣмъ имъ подняться въ путь: ихъ не слушали, подвезли къ ихъ двору судно и велѣли перебираться. Когда посольскіе люди стали переносить въ судно вещи и запасы господъ своихъ, то Польскіе приставы перебили слугъ, запасы велѣли выбросить изъ судна, лучшее взяли себѣ. Ограбленныхъ пословъ и дворянъ повезли всѣхъ вмѣстѣ въ одномъ суднѣ, гдѣ находились солдаты съ заряженными ружьями; за судномъ шли еще двѣ лодки съ

людьми посольскими. На дорогѣ послы терпѣли во всѣмъ крайнюю нужду; когда проѣзжали они чрезъ земли гетмана Жолкѣвскаго, то послѣдній, находившійся въ это время тамъ, прислалъ спросить ихъ о здоровьѣ: послы отвѣчали ему, чтобъ онъ попомнилъ свою душу и крестное цѣлованіе

Вслѣдъ за послами окончили свое дѣло и Смольняне. Цынга опустошала ихъ городъ, лишенный соли: изъ 80,000 жителей, сколько считалось при началѣ осады, едва осталось 8,000, но оставшіеся въ живыхъ не думали о сдачѣ. Извѣстный намъ Андрей Дедешинъ, перебѣжавшій къ королю, указалъ ему на часть стѣны, построенную на спѣхъ сырою осеннею порою, и потому не прочную; король велѣлъ обратить пушки въ ту сторону, и стѣна была выбита. Ночью 3 Іюня Поляки повели приступъ и вошли чрезъ проломъ въ городъ, Шеинъ съ 15 товарищами стоялъ на роскатѣ, онъ объявилъ; что скорѣе умретъ, чѣмъ сдастся кому-нибудь изъ простыхъ ратниковъ; тогда прибѣжалъ къ нему Яковъ Потоцкій и Шеинъ сдался ему; жители заперлись въ соборной церкви Богородицы, зажгли порохъ, находившійся въ низу въ погребахъ, и взлетѣли на воздухъ, по примѣру Сагунтинцевъ, какъ говорятъ Польскіе историки. Шеина привели въ королевскій станъ и пытали, по 27 допроснымъ пунктамъ:

1) Для чего, въ какой надеждѣ, послѣ сдачи столицы, не хотѣлъ сдать Смоленска на имя королевское? О. Одну надежду имѣлъ, что король отступитъ отъ Смоленска, давши сына на царство Московское, о чемъ прислана была грамота изъ Москвы.

2) Откуда получалъ извѣстія? если изъ обоза королевскаго, то отъ кого, сколько разъ и какими способами? Шеинъ назвалъ всѣхъ перебѣжчиковъ.

3) Черезъ кого сносился съ Голицынымъ и о чемъ? О. Ни о чемъ.

4) Какія сношенія имѣлъ съ Ляпуновымъ и другими измѣнниками? О. Никакихъ.

5) Для чего не слушалъ совѣтовъ архіепископа и втораго воеводы Горчакова, чтобъ сдать Смоленскъ? О. Отъ Горчакова ничего не слыхалъ; архіепископъ же только одинъ разъ сказалъ, когда начались сношенія съ послами Московскими и привезены были условія отъ сенаторовъ; говорилъ онъ, что «гнѣвъ Божій надъ всею землею и надъ ними распростерся, чего мечь не истребитъ, то повѣтріе истребляетъ, лучше намъ поддаться за присягою ихъ, хотя бы насъ потомъ и перебили.» Такія слова онъ только разъ сказалъ въ большой толпѣ людей, никто на нихъ не обратилъ вниманія, а потомъ самъ онъ никогда объ этомъ не вспоминалъ; а прежде, сначала осады, архіепископъ часто его, Шеина, упрекалъ, за чѣмъ промысла надъ непріятелемъ не чинить, языковъ не достаетъ и на вылазки людей не пускаетъ.

6) Что замышлялъ дѣлать послѣ, если бы отсидѣлся въ Смоленскѣ? О. Всѣмъ сердцемъ былъ я преданъ королевичу; но если бы король сына на царство не далъ, то такъ какъ земля безъ государя быть не можетъ, поддался бы тому, кто бы былъ царемъ на Москвѣ.

7) Кто ему совѣтовалъ и помогалъ такъ долго держаться въ Смоленскѣ? О. Никто особенно, потому что никто не хотѣлъ сдаваться.

8) Прежде чѣмъ король пришелъ подъ Смоленскъ, отъ кого онъ, Шеинъ, получалъ вѣсти изъ Польши и Литвы? О. Отъ хлоповъ пограничныхъ.

9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, и 16, вопросы всѣ въ томъ же родѣ, то-есть о сношеніяхъ съ разными лицами и мѣстами. Отвѣты отрицательные.

17) Сколько было доходовъ съ волостей Смоленскихъ до осады, и куда они дѣлись? На этотъ вопросъ Шеинъ отвѣчалъ обстоятельно; по его словамъ въ казнѣ было 900 рублей.

18) Куда дѣвалъ имѣнія, оставшіяся послѣ умершихъ. О. Я не бралъ этихъ имѣній

19) Не закопаны ли гдѣ-нибудь въ Смоленскѣ деньги? О. Не знаю.

20 Васька Полочанинъ съ чѣмъ приходилъ въ Смоленскъ? О. сказалъ, что король послалъ въ Ригу за пушками.

21) Не сносился ли съ кѣмъ-нибудь изъ купцовъ въ королевскомъ обозѣ? О. Ни съ кѣмъ.

22) Кто привозилъ соль и другіе запасы изъ королевскаго обоза въ Смоленскъ? О. Родственники Смольнянъ, въ обозѣ бывшіе.

23) Изъ Смоленскихъ дѣтей боярскихъ съ кѣмъ имѣлъ сношенія и что они ему совѣтовали? О. Ни съ кѣмъ.

24) Сколько было наряду въ Смоленскѣ? Орудій 170, пороху 8,500 пудовъ при началѣ осады

25) Съ Иваномъ Никитинымъ Салтыковымъ черезъ кого сносился? О. Не сносился ни черезъ кого; а когда Салтыковъ королю измѣнилъ, то присылалъ грамоту, на которую данъ былъ отвѣтъ съ вѣдома архіепископа.

26) У перваго самозванца Гришки Отрепьева чѣмъ былъ и въ какой милости? О. Былъ я въ Новгородѣ Сѣверскомъ по приказу царя Бориса; когда другіе поклонились Гришкѣ, то и я поклонился; сначала онъ на меня сердитъ былъ, потомъ сталъ ласковъ, звалъ на службу; при смерти его я не былъ.

27) Когда началъ сноситься съ царикомъ Калужскимъ, и что это были за сношенія? О. Я съ самозванцемъ никакой ссылки не имѣлъ; разъ присылалъ онъ Ивана Зубова въ Смоленскъ съ длинною грамотою, въ которой всю библію и псалтырь выписалъ, уговаривая, чтобъ Смольняне ему поддались, воеводу своего свергнули, посадили на его мѣсто Зубова, прислали къ нему въ Тушино всю казну, а купцы прислали бы къ нему всѣ свои товары: когда сядетъ въ Москвѣ, то за все заплатитъ. Смольняне вмѣсто воеводства посадили Зубова въ тюрьму.

Послѣ пытки Шеина отправили въ Литву, гдѣ держали сначала въ тѣсномъ заключеніи, въ оковахъ; семейство воеводы было подѣлено между королемъ и Сапѣгою: сына

взялъ себѣ Сигизмундъ, жену и дочь Сапѣга; радость о взятіи Смоленска была неописанная въ Литвѣ и Польшѣ; король говорилъ благодарственную рѣчь рыцарству, главная мысль которой заключалась въ слѣдующемъ: «Одолѣли вы упорнаго непріятеля, одолѣли не тѣмъ, что поморили его голодомъ, но одолѣли своими подвигами; упорныя сердца мужествомъ побѣдили упорнымъ.» Скарга говорилъ проповѣдь: «Прежде всего радуемся тому, что Господь Богъ указуетъ путь къ расширенію своей церкви и правды католической, къ спасенію душъ людскихъ. Народъ этотъ, въ старый расколъ съ церковію Божіею погруженный, утратилъ правду Божію, впалъ въ суевѣріе и въ грѣхи, на небо вопіющіе; на него напала такая глупая гордость, что на Латиновъ смотрѣлъ какъ на поганыхъ, какъ на Жидовъ и невѣрныхъ; а Господь Богъ бѣдствіями и униженіями приводитъ его къ сознанію заблужденій своихъ.» Знаменитый проповѣдникъ не счелъ за нужное позаботиться о томъ, чтобы факты, имъ приводимые, были хотя сколько нибудь вѣрны; такъ напримѣръ по его словамъ патріархъ Гермогенъ, не желая присягать Владиславу, призываетъ на помощь Скопина, но Скопина свои отравляютъ; патріархъ призываетъ Лжедимитрія; но послѣдній, когда уже сбирался подъ Москву, убитъ своими и т. д.

Вмѣсто того, чтобъ тотчасъ по взятіи Смоленска идти къ Москвѣ, король принужденъ былъ распустить войско и отправиться на сеймъ въ Варшаву. Здѣсь въ упоеніи торжества думали, что взятіемъ Смоленска все кончено, забыли, что въ Москвѣ горсть Поляковъ осаждена многочисленнымъ непріятелемъ; спѣшили насладиться зрѣлищемъ торжественнаго въѣзда въ Варшаву плѣннаго царя Московскаго. 29 октября 1611 года Жолкѣвскій съ нѣкоторыми панами, послами земскими, съ дворомъ и служилымъ рыцарствомъ своимъ ѣхалъ Краковскимъ предмѣстіемъ въ замокъ королевскій: за нимъ ѣхала открытая карета, запряженная въ 6 лошадей, въ каретѣ сидѣлъ сверженный царь Московскій, Василій, въ бѣлой парчевой ферязи въ мѣхо-

вой шапкѣ: это былъ сѣдой старикъ, не очень высокаго роста, круглолицый, съ длиннымъ и немного горбатымъ носомъ, большимъ ртомъ, большею бородою; смотрѣлъ онъ изъ подлобья и сурово; передъ нимъ сидѣли два брата его, а въ середкѣ у нихъ приставъ. Когда всѣхъ троихъ Шуйскихъ поставили передъ королемъ, то они низко поклонились, держа въ рукахъ шапки. Жолкѣвскій началъ длинную рѣчь о измѣнчивости счастья, прославлялъ мужество короля, указывалъ на плоды его подвиговъ — взятіе Смоленска и Москвы, распространился о могуществѣ царей Московскихъ, изъ которыхъ послѣдній стоялъ теперь передъ королемъ и билъ челомъ. Тутъ Василій Шуйскій, низко наклонивши голову, дотронулся правою рукою до земли и потомъ поцѣловалъ эту руку, второй братъ, Димитрій, ударилъ челомъ до самой земли, третій братъ Иванъ трижды билъ челомъ и плакалъ. Гетманъ продолжалъ, что вручаетъ Шуйскихъ королю не какъ плѣнниковъ, но для примѣра счастья человѣческаго, просилъ оказать имъ ласку, при чемъ всѣ Шуйскіе опять молча били челомъ. Когда гетманъ окончилъ рѣчь, Шуйскихъ допустили къ рукѣ королевской. Было это зрѣлище великое, удивленіе и жалость производящее, говорятъ современники; но въ толпѣ пановъ радныхъ послышались голоса, которые требовали не жалости, но мести Шуйскому, какъ виновнику смерти многихъ Поляковъ; раздался голосъ Юрія Мнишка, который требовалъ мести за дочь свою. Шуйскихъ заключили въ замкѣ Гостынскомъ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Варшавы.

Какой-то Юрій Потемкинъ привезъ въ станъ подъ Москву извѣстіе о взятіи Смоленска; но бояре, Мстиславскій съ товарищами, получили эту вѣсть прямо отъ короля. Король писалъ, что одною изъ причинъ, побудившихъ его взять Смоленскъ, была измѣна дворянъ Смоленскаго уѣзда, отставшихъ отъ королевскаго дѣла вмѣстѣ съ Иваномъ Никитичемъ Салтыковымъ. Король послалъ Салтыкова съ Смоленскими дворянами въ Дорогобужъ; эти дворяне начали

совѣтоваться, какъ бы отъѣхать въ Московскіе полки, но одинъ изъ нихъ донесъ объ ихъ умыслѣ Сигизмунду; должно быть тутъ же былъ обнесенъ и Салтыковъ, но послѣ онъ успѣлъ оправдаться предъ королемъ и вошелъ къ нему въ прежнюю милость.

Бояре, называя себя вѣрными подданными короля, отвѣчали, что они, слыша о погибели многихъ невинныхъ христіанскихъ душъ, простыхъ людей, женъ и младенцевъ, бѣдно со свѣта сего сошедшихъ за непокорство Шеина и другихъ лихихъ людей, поскорбѣли о нихъ христіанскимъ обычаемъ и братскою любовію, какъ о братьи своей единокровной; «о томъ же, что вамъ великимъ государямъ надъ непослушниками вашими подалъ Богъ побѣду и одолѣнье, Богу хвалу воздаемъ, и васъ, великихъ государей, на вашихъ преславныхъ и прибылыхъ государствахъ, поздравляемъ.» Бояре извѣщаютъ короля, что Новгородцы Новгорода Великаго за его государское имя мучили на пыткахъ боярина Ивана Михайловича Салтыкова, и мучивъ, посадили на колъ. Мы видѣли, что Новгородцы сами извѣщали воеводъ возставшаго ополченія о посаженіи Салтыкова въ тюрьму; лѣтописецъ сообщаетъ подробности: Салтыковъ, отнявъ у Шведовъ Ладогу, оттуда прямо хотѣлъ идти къ Москвѣ, потому что опасался враждебнаго расположенія жителей Новгородскихъ. Послѣдніе послали просить его, чтобъ возвратился къ нимъ въ Новгородъ, и цѣловали крестъ, что не сдѣлаютъ ему ничего дурнаго. Салтыковъ повѣрилъ и возвратился; но спустя немного времени, Новгородцы забыли клятву, схватили его и, не удовольствовавшись тюремнымъ заключеніемъ, подвергнули пыткѣ: тщетно Салтыковъ клялся, что у него не было никакой мысли противъ Московскаго государства, тщетно обѣщалъ, что если отецъ его придетъ съ Литовскими людьми, то онъ и противъ него станетъ биться: сыну Салтыкова не повѣрили, и онъ страшною смертію поплатился за поведеніе отца. Говорятъ, что заводчикомъ дѣла былъ дьякъ Семенъ Самсоновъ. Бояре увѣдомляли также Сигиз-

мунда, что они много разъ писали къ возставшему ополченію съ увѣщаніемъ обратиться: «но тѣ воры отъ воровства своего не перестаютъ и къ вашей государской милости не обращаются, нашихъ грамотъ и приказу ни въ чемъ не слушаютъ, насъ укоряютъ и безчестятъ всякими непригожими рѣчами, похваляются на насъ лютыми позорными смертями, и людей нашихъ, которые у насъ по городамъ, мучать злыми смертями и пытками, помѣстья и вотчины наши роздали и раззоряютъ.» Наконецъ увѣдомляютъ, о сношеніяхъ возставшаго ополченія съ Шведскимъ королемъ на счетъ избранія одного изъ его сыновей въ государи Московскіе. По словамъ лѣтописца, начальники ополченія начали думать, что безъ государя быть нельзя, и придумали послать къ Шведамъ просить у ихъ короля сына на Московское государство.

Но, заводя переговоры о будущемъ царѣ, ополченіе должно было подумать о томъ, какъ устроить временное правительство, ввести какой-нибудь порядокъ въ управленіе войскомъ и землею. Мы видѣли, сколько воеводъ съ разныхъ сторонъ пришло подъ Москву съ своими отрядами. Кому изъ нихъ надобно было дать первенство? Высшее званіе, званіе бояръ, носили князь Дмитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой и Заруцкій, хотя оба получили боярство въ Тушинѣ; но этимъ боярамъ не могъ уступить думный дворянинъ Ляпуновъ, первый по способностямъ и энергіи. 30 іюня 1611 годи, Московскаго государства разныхъ земель царевичи, бояре, окольничіе и всякіе служилые люди и дворовые, которые стоятъ за домъ Пресвятой Богородицы и за православную христіанскую вѣру противъ разорителей вѣры христіанской, Польскихъ и Литовскихъ людей, подъ Москвою, приговорили и выбрали всею землею бояръ и воеводъ, князя Дмитрія Тимоѳеевича Трубецкаго, Ивана Мартыновича Заруцкаго да думнаго дворянина и воеводу Прокофья Петровича Ляпунова на томъ, что имъ, будучи въ правительствѣ, земскимъ и всякимъ ратнымъ дѣломъ промышлять, расправу всякую между всякими людьми чинить

вправду, а ратнымъ и всякимъ земскимъ людямъ ихъ бояръ во всемъ слушать.» Приговоръ утверждаетъ, чтобъ относительно раздачи помѣстій примѣривались, какъ было при прежнихъ Россійскихъ прирожденныхъ государяхъ. Помѣстья и отчины, разнятыя боярами по себѣ и розданныя другимъ безъ земскаго приговора, отобрать назадъ и изъ нихъ дворцовыя и черныя волости отписать во дворецъ, а помѣстныя и вотчинныя земли раздать безпомѣстнымъ и раззоренымъ дѣтямъ боярскимъ. Отобрать дворцовыя села и черныя волости, равно и денежное жалованье у всѣхъ людей, которые, служа въ Москвѣ, Тушинѣ или Калугѣ, получили ихъ не по мѣрѣ своей. Помѣстья, данныя кому бы то ни было на имя короля или королевича, отобрать, но не отбирать ихъ у тѣхъ дворянъ, у которыхъ, кромѣ ихъ, другихъ помѣстій и дачь нѣтъ. Которые дворяне и дѣти боярскіе были отправлены изъ Москвы съ послами подъ Смоленскъ и теперь заложены въ Литву, у тѣхъ, равно, какъ у женъ и дѣтей Смоленскихъ сидѣльцевъ, помѣстій не отнимать. Церковныхъ земель не брать въ раздачу, и которыя были прежде отобраны, возвратить. Не отнимать помѣстій у женъ и дѣтей умершихъ или побитыхъ дворянъ; не отнимать вотчинъ у сподвижниковъ Скопина. Бояре, поговоря со всею землею, вольны раздавать вотчины, при чемъ не должно нарушать прежняго приговора патріарха Гермогена (какой это былъ приговоръ и когда состоялся, неизвѣстно). Дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ и всякихъ чиновъ людямъ, съѣзжавшимъ съ Москвы, бывшимъ въ Тушинѣ и Калугѣ и сидѣвшимъ по городамъ, давать вотчины противъ Московскихъ сидѣльцевъ, а не противъ Тушинскихъ окладовъ ихъ. Ратнымъ людямъ, которыхъ помѣстья находились въ порубежныхъ мѣстахъ и раззорены отъ Литвы или отъ Крымцевъ, дать помѣстья въ другихъ замосковныхъ городахъ «какъ имъ можно сытымъ быть.» Если дворяне и дѣти боярскіе, не пріѣхавшіе на земскую службу подъ Москву до 29 мая, и лишенные за то своихъ помѣстій по прежнему боярскому приговору,

пріѣдутъ и будутъ бить челомъ боярамъ и всей землѣ, что они до сихъ поръ не пріѣзжали по бѣдности: о такихъ сдѣлать обыскъ, и если окажется, что они сказали правду, то помѣстья имъ возвратить, равно какъ тѣмъ, у которыхъ помѣстья отобраны по ложному челобитью, или которые были на Москвѣ по неволѣ. Дворянъ и дѣтей боярскихъ, посланныхъ въ города на воеводства и на другія посылки, и способныхъ къ службѣ, возвратить и велѣть имъ быть въ полки тотчасъ, а на ихъ мѣсто посылать дворянъ, которымъ на службѣ быть нельзя. Въ помѣстномъ приказѣ посадить дворянина изъ большихъ дворянъ и съ нимъ дьяковъ, выбравъ всею землею, и велѣть испомѣстить напередъ дворянъ и дѣтей боярскихъ бѣдныхъ, разоренныхъ, безпомѣстныхъ и малопомѣстныхъ. Если атаманы и казаки служатъ давно и захотятъ верстаться помѣстными и денежными окладами и служить съ городовъ, то ихъ желаніе исполнить; а которые верстаться не захотятъ, тѣмъ давать хлѣбное и денежное жалованье. Съ городовъ и изъ волостей атамановъ и казаковъ свести и запретить имъ грабежи и убійства; посылать по городамъ и въ волости за кормами дворянъ добрыхъ и съ ними дѣтей боярскихъ, казаковъ и стрѣльцовъ, и велѣть кормъ сбирать по указу. Если же кто изъ ратныхъ людей по городамъ, въ волостяхъ и по дорогамъ будетъ разбойничать, такихъ сыскивать, унимать и наказывать, даже казнить смертію, для чего устроить разбойный и земскій приказъ по прежнему. Младшіе воеводы не должны самовольно распоряжаться денежными доходами и брать ихъ себѣ, но должны присылать въ казну. Печать къ грамотамъ о всякихъ дѣлахъ устроить земскую, а при большихъ земскихъ дѣлахъ у грамотъ быть рукѣ боярской. Всякія ратныя дѣла большія вѣдать боярамъ и разряднымъ дьякамъ въ большомъ приказѣ. Которые ратные люди теперь подъ Москвою за православную христіанскую вѣру отъ Литовскихъ людей будутъ побиты или отъ ранъ изувѣчены, тѣхъ убитыхъ и раненыхъ записывать въ разрядѣ, а заслуги ихъ писать воеводамъ и го-

лованъ по полкамъ и присылать въ большой разрядъ за руками, чтобъ впередъ всякихъ ратныхъ людей служба въ забвеньи не была. Крестьянъ и людей бѣглыхъ или вывезенныхъ другими помѣщиками въ смутное время, сыскивать и отдавать прежнимъ помѣщикамъ. Строить землю и всякимъ земскимъ и ратнымъ дѣломъ промышлять боярамъ, которыхъ избрали по этому всей земли приговору; смертною казнью безъ приговору всей земли боярамъ не по винѣ не казнить и по городамъ не ссылать; семьями (скопомъ) и заговоромъ никому никого не побивать, недружбы никакой никому не мстить; а кому до кого дѣло, бей челомъ объ управѣ боярамъ и всей землѣ. А кто станетъ ходить скопомъ и заговоромъ, кто кого убьетъ до смерти по недружбѣ, или на кого кто скажетъ какое измѣнное земское дѣло, про то сыскивать вправду, а по сыску наказанье и смертную казнь надъ ними приговаривать боярамъ, поговоря со всею землею, смотря по винѣ: а не объявя всей землѣ, смертною казнью никого не казнить и по городамъ не ссылать. А кто кого убьетъ безъ земскаго приговора, того самого казнить смертію. Если же бояре, которыхъ выбрали теперь всею землею для всякихъ земскихъ и ратныхъ дѣлъ въ правительство, о земскихъ дѣлахъ радѣть и расправы чинить не станутъ во всемъ въ правду, и по этому земскому приговору всякихъ земскихъ и ратныхъ дѣлъ дѣлать не станутъ, и за ними всякія земскія дѣла пооставовятся, или которые воеводы бояръ во всякихъ дѣлахъ слушать не станутъ: то намъ всею землею вольно бояръ и воеводъ перемѣнить, и на ихъ мѣсто выбрать другихъ, поговоря со всею землею, кто къ ратному и земскому дѣлу пригодится».

Въ приговорѣ этомъ видимъ съ одной стороны умное забвеніе прошедшаго: служившіе Шуйскому въ Москвѣ и царику въ Тушинѣ и Калугѣ уравнены; но съ этою уступкою, съ желаніемъ примиренія и забвенія прошедшаго, соединена твердость въ стремленіи возстановить строгую справедливость: требуется, чтобъ всѣ отдали полученное

нии сверхъ мѣры на какой бы то ни было службѣ. Ясно высказалось также охранительное направленіе, чтобъ все было по старому, стремленіе примѣриваться какъ было при прежнихъ государяхъ. Но это стремленіе къ возстановленію наряда, такъ ясно выразившееся въ ополченіи, на этотъ разъ оказалось безплоднымъ по приведеннымъ уже причинамъ: по характеру человѣка, который стоялъ въ челѣ именно лучшихъ земскихъ людей въ противоположность казака, по характеру Ляпунова, и потому что чистое было смѣшано съ нечистымъ, подлѣ земскихъ людей стояли казаки. Лѣтописи сохранили намъ любопытное извѣстіе, что ратные люди били челомъ троеначальникамъ, чтобъ они не попрекали другъ друга Тушиномъ: разумѣется, этотъ упрекъ могъ быть дѣлаемъ только Ляпуновымъ Трубецкому и Заруцкому, которые были Тушинскіе бояре; хотя онъ былъ равный имъ по власти троеначальникъ, однако, по своему боярству Трубецкой и Заруцкій занимали предъ нимъ высшія мѣста, онъ писался третьимъ, и ему пріятно было напоминать старшимъ товарищамъ, что они не имѣютъ права величаться своимъ боярствомъ, добытымъ въ Тушинѣ. Въ начальникахъ была великая ненависть и гордость, говоритъ лѣтопись: другъ передъ другомъ честь и начальство получить желали, и ни одинъ меньше другаго быть не хотѣлъ, всякій хотѣлъ одинъ владѣть. Прокофій Ляпуновъ не по своей мѣрѣ вознесся, и отъ гордости его отецкимъ дѣтямъ много позору и безчестія было, не только дѣтямъ боярскимъ, но и самимъ боярамъ. Приходили къ нему на поклонъ, и стояли у его избы долгое время, никакого человѣка къ себѣ прямо не пускалъ, а къ казакамъ былъ очень жестокъ, и за то была на него ненависть большая, Разумѣется, больше всѣхъ долженъ былъ ненавидѣть Ляпунова Заруцкій, который также хотѣлъ исключительнаго первенства; Трубецкой не могъ играть видной роли, былъ въ тѣни, лѣтопись прямо говоритъ, что ему отъ Ляпунова и Заруцкаго чести никакой не было. Значитъ собственно въ подмосковномъ станѣ было

двоевластіе, а не троевластіе, начальствовали, т.-е. соперничали другъ съ другомъ Ляпуновъ и Заруцкій. Ляпуновъ, не смотря на то, что возбудилъ противъ себя негодованіе отецкихъ дѣтей, опирался на дворянъ и дѣтей боярскихъ, на чистое ополченіе сѣверныхъ или сѣверовосточныхъ областей, однимъ словомъ на не казаковъ; Заруцкій опирался на казаковъ, былъ ихъ главнымъ воеводою и представителемъ. Земскій приговоръ былъ написанъ дворянами и дѣтьми боярскими; лѣтопись говоритъ, что Ляпуновъ къ ихъ совѣту присталъ и велѣлъ написать приговоръ, тогда какъ Трубецкому и Заруцкому, казацкимъ воеводамъ, это дѣло было нелюбо, и понятно почему: приговоръ былъ направленъ прямо противъ казаковъ, грозилъ имъ жестокимъ наказаніемъ за своевольство и грабежи, былъ направленъ прямо противъ Заруцкаго, который захватилъ себѣ много городовъ и волостей: теперь, по смыслу приговора, онъ долженъ былъ ихъ возвратить. И съ этихъ поръ, говоритъ лѣтопись, какъ Ляпуновъ велѣлъ написать приговоръ, начали думать, какъ бы его убить. Дѣло началось тѣмъ, что у Николы на Угрѣшѣ Матвѣй Плещеевъ, схвативъ 28 человѣкъ казаковъ, посадилъ ихъ въ воду; казаки вынули всѣхъ своихъ товарищей изъ воды, привели въ таборы подъ Москву, собрали кругъ и начали шумъ на Ляпунова; хотѣли его убить. Лѣтопись умалчиваетъ о подробностяхъ, но видно, что въ этомъ случаѣ казаки имѣли правду на своей сторонѣ; если Плещеевъ поймалъ казаковъ на грабежѣ, то обязанъ былъ привести ихъ въ станъ и отдать на судъ, а онъ самовольно посадилъ ихъ въ воду, тогда какъ въ приговорѣ было утверждено, что смертная казнь назначается съ вѣдома всей земли. Ляпуновъ выѣхалъ изъ стана, чтобъ бѣжать въ Рязанскую землю, но казаки нагнали его подъ Симоновомъ и уговаривали остановиться; казаки должны были понять, какъ опасно выпустить Ляпунова изъ стана и дать ему возможность собрать свое новое ополченіе, къ которому, разумѣется, присоединились бы всѣ дворяне и дѣти бояр-

скіе. Ляпуновъ переночевалъ въ Никитскомъ острожкѣ: на другое утро пришли къ нему всею ратью и уговорили возвратиться въ станъ.

Но если казаки такъ сильно желали смерти Ляпунова, то не меньше желалъ этого Гонсѣвскій въ Москвѣ: казаки съ Трубецкимъ и Заруцкимъ не были ему страшны; страшно ему было ополченіе земскихъ людей, когда оно имѣло такого дѣятельнаго и талантливаго предводителя какъ Ляпуновъ. На одной изъ стычекъ Поляки взяли въ плѣнъ Донскаго казака, который былъ побратимомъ атамана Исидора Заварзина; этотъ Заварзинъ началъ стараться, какъ бы освободить товарища, и выпросилъ у Гонсѣвскаго позволеніе повидаться съ нимъ и поговорить, давъ закладъ. Гонсѣвскій воспользовался этимъ случаемъ, велѣлъ написать грамоты отъ имени Ляпунова, въ которыхъ тотъ писалъ во всѣ города; «гдѣ поймаютъ казака—бить и топить; а когда, дастъ, Богъ, государство Московское успокоится, то мы весь этотъ злой народъ истребимъ». Подъ руку Ляпунова искусно было подписано на грамотѣ. Плѣнный казакъ отдалъ эту грамоту Заварзину: «Вотъ, братъ, смотри, какую измѣну надъ нашею братьею казаками Ляпуновъ дѣлаетъ! вотъ грамоты, которыя Литва перехватила». Взявъ грамоту, Заварзинъ отвѣчалъ: «Теперь мы его, б. . . . . .сына убьемъ». Когда Заварзинъ пришелъ въ станъ и показалъ грамоту; то казаки собрали кругъ; Трубецкой и Заруцкій въ кругъ не поѣхали; посылали за Ляпуновымъ два раза, онъ не поѣхалъ; въ третій разъ пришли къ нему не казаки, Сильвестръ Толстой, Юрій Потемкинъ, и поручились, что ему ничего не будетъ; Ляпуновъ вошелъ въ кругъ; атаманъ Карамышевъ сталъ кричать, что онъ измѣнникъ, и показалъ грамоту, подписанную его рукою; Ляпуновъ посмотрѣлъ на грамоту, и сказалъ: «Рука похожа на мою, только я не писалъ». Начался споръ и кончился тѣмъ, что Ляпуновъ лежалъ мертвый подъ казацкими саблями; съ нимъ вмѣстѣ убили Ивана Никитича Ржевскаго: Ржевскій былъ Ляпунову большой не-

другъ, но тутъ, видя его правду, за него сталъ и умеръ съ нимъ вмѣстѣ. По нѣкоторымъ извѣстіямъ Ржевскій говорилъ казакамъ: «За посмѣхъ вы Прокофья убили, Прокофьевой вины нѣтъ».

Со смертію Ляпунова дворяне и дѣти боярскіе остались безъ вождя, во власти казацкихъ предводителей. Лѣтописецъ разсказываетъ, что вскорѣ по смерти Ляпунова принесенъ былъ въ станъ изъ Казани списокъ съ иконы Казанской Богородицы; духовенство и всѣ служилые люди пошли пѣшкомъ на встрѣчу иконѣ, а Заруцкій съ казаками выѣхали верхомъ. Казакамъ не понравилось, за чѣмъ служилые люди захотѣли отличиться передъ ними благочестіемъ и начали ругать ихъ. Лѣтописецъ прибавляетъ, что дворяне и стольники искали себѣ смерти отъ насилія и позору, многіе изъ нихъ были побиты, многіе изувѣчены; другіе разъѣхались по городамъ своимъ и по домамъ, боясь убійства отъ Заруцкаго и казаковъ. Нашлись изъ нихъ и такіе, которые купили у Заруцкаго воеводства и разныя должности и отправились по городамъ наверстывать заплаченныя деньги; остались подъ Москвою большею частію тѣ, которые привыкли жить вмѣстѣ съ казаками въ Тушинѣ и Калугѣ. Станъ наполнялся также Москвичами, торговыми, промышленными и всякими черными людьми, которые кормились тѣмъ, что держали всякіе съѣстные харчи; въ станѣ же были приказы, сидѣли въ нихъ дьяки и подъячіе, съ городовъ и волостей на казаковъ кормы сбирали и подъ Москву привозили, но казаки отъ воровства своего не отстали, ѣздили по дорогамъ станицами, грабили и побивали.

Въ то время когда казаки убійствомъ Ляпунова и разогнаніемъ лучшихъ служилыхъ людей остановили ходъ земскаго дѣла подъ Москвою, на сѣверо-западѣ Новгородъ великій достался въ руки Шведамъ. Мы видѣли, что послѣдніе имѣли мало успѣха: имъ удалось овладѣть только Корелою; Ладогу они потеряли, и вторичный приступъ къ ней былъ неудаченъ, равно какъ и приступъ къ Орѣшку. Въ мартѣ мѣсяцѣ Делагарди приблизился къ Новгороду,

сталъ въ семи верстахъ отъ него у Хутынскаго монастыря и послалъ спросить у Новгородцевъ, друзья они или враги Шведамъ, и хотятъ ли соблюдать Выборгскій договоръ? Разумѣется, Новгородцы отвѣчали, что это не ихъ дѣло, что все зависитъ отъ будущаго государя Московскаго. Узнавъ, что земля встала противъ Влидислава, Москва выжжена Поляками, которые осаждены земскимъ ополченіемъ, Карлъ IX писалъ къ его начальникамъ, чтобъ впередъ не выбирали чужихъ государей, а выбрали бы кого-нибудь изъ своихъ. Въ отвѣтъ на это, пріѣхавшій въ Новгородъ отъ Ляпунова воевода Василій Ивановичъ Бутурлинъ предложилъ Делагарди съѣздъ, на которомъ объвилъ, что вся земля проситъ короля дать на Московское государство одного изъ сыновей. Начались переговоры и затянулись, ибо и Шведы, подобно Полякамъ, требовали прежде всего денегъ и городовъ, а между тѣмъ въ Новгородѣ происходили явленія, которыя подавали Делагарди надежду легко овладѣть имъ. По Шведскимъ извѣстіямъ самъ Бутурлинъ, ненавидѣвшій Поляковъ и подружившійся съ Делагарди еще въ Москвѣ, далъ ему теперь совѣтъ овладѣть Новгородомъ. По Русскимъ извѣстіямъ между Бутурлинымъ и старымъ воеводою, княземъ Иваномъ Никитичемъ Одоевскимъ-Большимъ, было несогласіе, мѣшавшее послѣднему принять дѣятельныя мѣры для безопасно сти города; Бутурлинъ ссылался со Шведами, торговые люди возили къ нимъ всякіе товары, и когда Делагарди перешелъ Волховъ и сталъ у Колмовскаго монастыря, то Бутурлинъ продолжалъ съѣзжаться съ нимъ и здѣсь; къ довершенію бѣды, между ратными и посадскими людьми не было совѣта. Посадскіе люди взволновались и перебрались съ имѣніемъ въ городъ, и дѣйствительно 8 іюля Делагарди повелъ приступъ, но послѣ жестокой сѣчи ему не удалось вломиться въ городъ; посады были сожжены по приказанію Бутурлина. Семь дней послѣ того Шведы стояли въ бездѣйствіи. Это ободрило Новгородцевъ: въ то время какъ нѣкоторые изъ нихъ молились день и ночь,

другіе стали пить, ободряя другъ друга: «не бойтесь Нѣмецкаго нашествія, нашего города имъ не взять, людей въ немъ множество». Пьяные лазили на стѣны, безстыдно ругались надъ Шведами. У послѣднихъ въ плѣну былъ Иванъ Шваль, холопъ Лутохина. Шваль, зная, какъ плохо стерегутъ городъ, обѣщалъ Шведамъ ввести ихъ въ него. 15 іюля (какъ разсказывалъ потомъ самъ Делагарди) пріѣхалъ въ Шведскій станъ дьякъ Анфиногенъ Голенищевъ отъ Бутурлина, который велѣлъ сказать Делагарди, чтобъ шелъ прочь отъ Новгорода, а не пойдетъ, такъ его проводятъ; Делагарди велѣлъ отвѣчать: «Бутурлинъ меня все обманываетъ, присылаетъ съ угрозами, хочетъ меня отъ Новгорода проводить: такъ пусть же знаетъ, что я за такія рѣчи буду у него въ Новгородѣ». И дѣйствительно ночью на 16 іюля Шваль ввелъ Шведовъ въ Чудинцовскія ворота такъ, что никто не видалъ; жители только тогда узнали, что непріятель въ городѣ, когда Шведы начали бить сторожей по стѣнамъ и по дворамъ. Первое сопротивленіе встрѣтили Шведы на площади, гдѣ расположился Бутурлинъ съ своимъ отрядомъ; но это сопротивленіе было не продолжительно: Бутурлинъ вышелъ изъ города, и при отступленіи казаки и стрѣльцы ограбили лавки и дворы подъ тѣмъ предлогомъ, что Шведы отнимутъ же все. Было еще сильное, но безполезное сопротивленіе въ двухъ мѣстахъ: стрѣлецкій голова Василій Гаютинъ, дьякъ Анфиногенъ Голенищевъ, Висилій Орловъ да казачій атаманъ Тимоѳей Шаровъ съ сорока казаками рѣшились защищаться до послѣдней крайности; много уговаривали ихъ Шведы къ сдачѣ: они не сдались и умерли всѣ вмѣстѣ за православную вѣру. Софійскій протопопъ Аммосъ заперся на своемъ дворѣ съ нѣсколькими Новгородцами, долго бился противъ Шведовъ и много перебилъ ихъ; Аммосъ былъ въ это время подъ запрещеньемъ у митрополита Исидора; митрополитъ служилъ молебенъ на городской стѣнѣ, видѣлъ подвигъ Аммоса, заочно простилъ и благословилъ его. Шведы, озлобленные сопротивленіемъ, зажгли наконецъ

дворъ протопопа, и онъ погибъ въ пламени со всѣми товарищами: ни одинъ не отдался живой въ руки Шведамъ.

Это были послѣдніе защитники Великаго Новгорода. Исидоръ и Одоевскій, видя что нѣтъ никого ратныхъ людей въ городѣ, послалъ договариваться съ Делагарди. Первымъ условіемъ была присяга Новгородцевъ королевичу Шведскому; Делагарди, съ своей стороны, обязался не раззорятъ Новгорода, и былъ впущенъ въ Кремль; подробности договора были слѣдующія: 1) между Новгородомъ и Швеціей будетъ искренняя дружба и вѣчный миръ на основаніи договоровъ Теузинскаго и заключенныхъ при царѣ Василіѣ; Новгородцы обязываются прервать всякія сношенія съ Польшею, въ покровители и защитники принять короля Шведскаго, его преемниковъ мужескаго пола и королевство Шведское, безъ вѣдома котораго не будутъ заключать ни съ кѣмъ ни мира, ни союза. 2) Новгородцы избираютъ и просятъ въ цари котораго-нибудъ изъ сыновей короля Карла и утверждаютъ это избраніе присягою, въ слѣдствіе чего и государство Московское должно признать короля Карла покровителемъ, а одного изъ сыновей его—царемъ своимъ. 3) До прибытія королевича Новгородцы будутъ повиноваться Делагарди, обязываются вмѣстѣ съ нимъ приводить къ присягѣ королю ближайшіе города, не щадя при этомъ жизни своей; обязываются не скрывать ничего отъ Делагарди, за благовременно увѣдомлять его обо всѣхъ вѣстяхъ изъ Москвы или откуда бы то ни было, не предпринимать никакихъ важныхъ дѣлъ безъ его вѣдома и согласія, тѣмъ болѣе не умышлять противъ него ничего враждебнаго; обѣщаются объявить безъ утайки о всѣхъ доходахъ Новгорода съ областями и о всѣхъ деньгахъ, находящихся на-лицо въ казнѣ. 4) Делегарди обязуется: если Новгородское и Московское государства признаютъ короля Карла и наслѣдниковъ его своими покровителями, то король отпуститъ на царство котораго-нибудь изъ сыновей своихъ, какъ скоро оба государства чрезъ своихъ полномочныхъ пословъ будутъ просить о томъ его величество; Делагарди обя-

зывается, какъ послѣ воцаренія королевича, такъ и теперь до его прихода не дѣлать никакого притѣсненія православной вѣрѣ, не трогать церквей и монастырей, уважать духовенство и не касаться его доходовъ. 5) Изъ городовъ и уѣздовъ Новгородскихъ не присоединять ничего къ Швеціи, исключая Корелы съ уѣздомъ; что же касается до вознагражденія за издержки на вспомогательныя войска для Шуйскаго, то объ этомъ король постановитъ съ боярами и народомъ Русскимъ по отпускѣ сына своего на царство. 6) Запрещается вывозить изъ Россіи въ Шведцію деньги, колокола, воинскіе снаряды безъ вѣдома и согласія Русскихъ; Русскихъ людей не выводить въ Швецію, а Шведовъ не задерживать въ Россіи. Всякихъ чиновъ люди сохраняютъ старыя права; имѣнія ихъ остаются неприкосновенными; судъ совершается по прежнему; для суда безпристрастнаго въ судебныхъ мѣстахъ должны засѣдать по ровному числу Русскіе и Шведскіе чиновники. За обиды, нанесенныя Русскимъ Шведами и наоборотъ, должно наказывать безъ всякаго потворства. 7) Бѣглецовъ выдавать. 8)Шведскіе ратные люди, оказавшіе услуги Россіи, съ согласія вельможъ Русскихъ, получаютъ награды въ видѣ имѣній (отчинъ?), жалованья, помѣстій. Между обоими государствами будетъ свободная торговля съ узаконенными пошлинами 9) Казаки могутъ переходить, по ихъ желанію, за границы; но слуги боярскіе останутся по прежнему въ крѣпости у своихъ владѣльцевъ; плѣнники будутъ возвращены безъ окупа. 10) Всѣ эти условія будутъ всегда сохраняемы ненарушимо не только въ отношеніи къ Новгородскому, но и Владимирскому и Московскому государствамъ, если жители ихъ, вмѣстѣ съ Новгородцами, признаютъ короля покровителемъ, а королевича государемъ. 11) Войско Шведское не будетъ помѣщено въ отдаленной части города, гдѣ бы оно могло быть въ тягость жителямъ; но послѣдніе должны помогать деньгами для его продовольствія. Никто изъ жителей не можетъ выѣзжать изъ города для жительства въ деревняхъ или вывозить свое имѣніе безъ

вѣдома и согласія Делагарди. Послѣдній присягнулъ въ соблюденіи договора; Новгородцы также поклялись исполнять условія, еслибъ даже Владимирское и Московское государства на то не согласились. Этою статьею, слѣдовательно, Новгородъ отдѣлялъ свое дѣло отъ дѣла Московскаго государства. Изъ договора ясно видно также, что онъ былъ написанъ побѣдителемъ; Московское государство не могло принять его въ этомъ видѣ, ибо съ избраніемъ королевича въ цари соединялась обязанность признать короля отца и всѣхъ его наслѣдниковъ покровителями Русскаго царства; притомъ самое главное условіе для Русскихъ, именно принятіе православной вѣры королевичемъ, было опущено въ договорѣ.

Новгородъ отдѣлился отъ Московскаго государства. Псковъ давно уже отдѣлился отъ него, но не съ тѣмъ, чтобъ признать государемъ иноземца; здѣсь оставался послѣдній уголъ, гдѣ еще могъ явиться новый самозванецъ. Мы оставили Псковъ въ то время, когда онъ находился во власти младшихъ гражданъ, которые преслѣдовали духовенство и лучшихъ людей, какъ измѣнниковъ. Сперва основывались на доказательствахъ явнаго отступничества; но потомъ нашлись люди, которымъ выгодно показалось пользоваться смутою и изъ частной корысти обвинять праваго и виноватаго: много было смуты и кровопролитія по правдѣ и по неправдѣ, говоритъ лѣтописецъ. Иные доносили воровствомъ, продажами и посулами, а другіе по простотѣ, смотря на другихъ приклikали, и многихъ перемучили. А кто за кого вступится и станетъ говоритъ, что безъ вины мучатъ, и того прихватятъ, крича: «и ты такой же, за измѣнника стоишь.» Тюрьма была всегда полна. Но какъ обыкновенно бываетъ, господство черни, превратившееся въ безумное тиранство немногихъ, возбудило сильное противодѣйствіе и въ большинствѣ самихъ младшихъ гражданъ: выведенные изъ терпѣнія насиліями стрѣльцовъ и Кудекуши, они соединились съ духовенствомъ и лучшими людьми. Въ

августѣ 1609 года стрѣльцы повели казнить какого-то Алексѣя Хозина, и это самовольство послужило поводомъ къ возстанію: поднялись всякіе люди, большіе и меньшіе; даже и тѣ, которые прежде прикликали, корыстовались отъ своихъ же и посулы брали, теперь, видя, дочего дошло дѣло, видя, что нѣтъ ни правому безопасности, ни виноватому суда, встали на стрѣльцовъ — за чѣмъ хотятъ владѣть безъ городскаго вѣдома, и ведутъ казнить не общею всѣхъ думою, сами вздумали своимъ самовольствомъ, а Псковомъ того не вѣдаютъ. Всѣ напустили на стрѣльцовъ, хотѣли отнять у нихъ Алексѣя Хозина; стрѣльцы не хотѣли уступить, вооружились и зазвонили въ колоколъ на Романихѣ; и вотъ пронеслась вѣсть, что стрѣльцы бьютъ Псковичей, и всякіе посадскіе люди двинулись на стрѣльцовъ. Тѣ, видя, что имъ не устоять противъ всѣхъ Псковичей, ухватили Алексѣя Хозина, отрубили ему голову и побѣжали въ свою слободу; а Псковичи заперли отъ нихъ городъ. Тогда лучшіе люди, видя, что большинство за нихъ, хотѣли воспользоваться выгодою своего положенія, схватили Тимоѳея Кудекушу и другихъ кликуновъ семь человѣкъ и побили ихъ камнями; но при этомъ лучшіе не умѣли умѣрить себя: стали всѣхъ меньшихъ безъ разбора называть кликунами, виноватыхъ вмѣстѣ съ не виноватыми, священники взялись не за свое дѣло, стали пытать мелкихъ людей крѣпкими муками во всегородной избѣ, иныхъ по торгамъ бить кнутомъ, десяти человѣкамъ головы отсѣкли и помѣтали въ ровъ, тюрьмы опять наполнились, теперь уже мелкими людьми: другіе изъ меньшихъ разбѣжались по пригородамъ и селамъ. Когда пришло въ Псковъ извѣстіе, что царь Василій торжествуетъ, что Тушинскій станъ раззоренъ и меньшимъ людямъ такимъ образомъ не будетъ помощи отъ своего царя Димитрія, то лучшіе люди захотѣли порѣшить съ своими противниками: они заперли городъ; бояре, гости, дѣти боярскіе, монастырскіе слуги вооружились, сѣли на коней; около нихъ собрались всѣ ихъ приверженцы, помощники и хлѣбосольцы; вся площадь

и кремль наполнились вооруженным народом; зазвонили во всѣ Троицкіе колокола; начали пѣть молебен за царя Василія, поздравляли друг друга, цѣловались, толковали, как бы мелких людей смирить до конца, всѣх привести к присягѣ, а непокорных и стрѣльцов в слободѣ побить. Тогда мелкіе люди, видя что настал для них рѣшительный час, пошли на Запсковье, ударили в колокол у Козьмы и Дамьяна, и собрались огромною толпою; Полонищане, услыхав звон, пришли на помощь Запсковью. Лучшіе люди велѣли стрѣлять с Покровской башни по Стрѣлецкой слободѣ, но Полонищане не дали им стрѣлять и сбили с башни. Тогда лучшіе люди рѣшились идти биться на Запсковье; но Запсковляне обратили на площадь полковую пушку, сбили замок у Возвоских ворот и послали вѣсть к стрѣльцам в слободу, чтоб шли на помощь к мелким людям на Запсковье. Лучшіе люди, услыхав, что Запсковляне сносятся с стрѣльцами, испугались и завели сношенія с меньшими, стали просить, чтоб тѣ не принимали в город стрѣльцов, обѣщались жить всѣ вмѣстѣ по старому, Новгороду креста не цѣловать и зла никакого ни кому не дѣлать. Запсковляне отвѣчали им: «Нам стрѣльцы не измѣнники: за чѣм вы их не пускаете в город»? Лучшіе люди, видя, что мелких трудно уговорить, бросились на Полонище, чтоб силою воспрепятствовать стрѣльцам войти в город; но Полонищане отбили лучших от ворот. Тогда двое воевод, дѣти боярскіе и лучшіе люди, числом 300 человѣк, выѣхали в Новгород, иные в Печоры, другіе скрылись до времени по домам, а народ впустил стрѣльцов в город. На этот раз мелкіе люди с умѣренностію воспользовались своею побѣдою: переписали имѣніе тѣх, которые отъѣхали в Новгород, но кто укрывался в Печорах или во Псковѣ, тѣх имѣнія не тронули. Послѣ этого началась усобица между Новгородом и Псковом, напоминавшая давнюю старину: Новгородцы с Шведами и Псковскими отъѣзжиками приходили в расплох на Псковскую волость, отгоняли скот,

брали въ плѣнъ крестьянъ, портили хлѣбъ и луга. Но это было еще только началомъ бѣдъ: въ Москвѣ, Новгородѣ и Торопцѣ цѣловали крестъ Литовскому королевичу; во Псковъ пришла грамота изъ Москвы отъ патріарха и бояръ, чтобъ цѣловали крестъ Владиславу: «какъ вамъ стоять противъ Московскаго, Литовскаго и Польскаго царства»? Но Псковичи не испугались и не цѣловали креста. Пришелъ Лисовскій и безъ малаго четыре года воевалъ Псковскую волость, подо всѣ пригороды подходилъ, какъ волкъ искрадомъ хваталъ и поѣдалъ. Въ мартѣ 1611 года пришелъ подъ Печоры Литовскій гетманъ Ходкѣвичъ изъ Ливоніи, шесть недѣль стоялъ подъ Печорами, семь приступовъ было. 23 марта въ Ивань-городѣ проявился послѣдній воръ Сидорка, назвавшись царевичемъ Димитріемъ; казаки встрепенулись, послышавъ своего: 15 апрѣля они вышли изо Пскова, сказали, что идутъ на Лисовскаго, и вмѣсто того пошли къ вору въ Ивань-городъ. Въ эти смутные годы, говоритъ лѣтописецъ, воеводъ не было во Псковѣ, одинъ былъ дьякъ Иванъ Леонтьевичъ Луговской да посадскіе люди даны ему въ помощь, и съ этими людьми дьякъ всякія дѣла, и ратныя и земскія дѣлалъ: и Божіею милостію иноземцы не овладѣли ни однимъ городомъ Псковскимъ, но овладѣли, когда воеводъ во Псковѣ умножилось. Еще въ началѣ весны Псковичи послали челобитчиковъ по всей землѣ къ подмосковнымъ воеводамъ, что Лисовскій волость воюетъ, Ходкѣвичъ подъ Печорами стоитъ, Новгородцы съ Нѣмцами мало отходятъ, а отъ Ивань-города воръ наряжается подо Псковъ, многія напасти отовсюда сходятся, а помощи ни откуда нѣтъ. Но подмосковный станъ не могъ оказать этой помощи: ему было не до Пскова.

Мы оставили этотъ станъ въ то время, когда, по смерти Ляпунова, казаки восторжествовали, а лучшіе люди въ ополченіи или должны были покинуть общее дѣло, или выносить буйство казаковъ. 14 августа 1611 года (по новому стилю) пришелъ опять подъ Москву Сапѣга съ съѣстными припасами, началъ биться съ ополченцами, осажденные По-

ляки сдѣлали вылазку въ Бѣлый городъ, но неудачно. На другой день они были счастливѣе: Полякамъ Сапѣгинымъ удалось переправиться черезъ Москву рѣку и снабдить осажденныхъ съѣстными припасами; осажденные, съ своей стороны, опять сдѣлали вылазку и отобрали у Русскихъ четверо воротъ въ Бѣломъ городѣ, самый сильный бой былъ за Никитскія ворота; но Полякамъ удалось удержать и ихъ за собою, Тверскіе остались за Русскими. Поляки говорятъ, что на Русскихъ напалъ такой страхъ, что на другой день они не только не сдѣлали попытки овладѣть снова потерянными воротами, но очень плохо стерегли и тѣ, которыя оставались въ ихъ рукахъ. Но если ополченіе Трубецкаго и Заруцкаго дѣйствительно оробѣло, то при этомъ страхѣ оно было спасено отсутствіемъ всякой дисциплины у Поляковъ. Когда тѣ изъ нихъ, которые бились цѣлый день при овладѣніи воротами, утомились къ вечеру и послали просить у Гонсѣвскаго свѣжихъ хоругвей себѣ на смѣну, то ни одна хоругвь не двинулась, не смотря на приказаніе Гонсѣвскаго. На другой день Гонсѣвскій собралъ войско и объявилъ, что надобно пользоваться обстоятельствами, ударить всѣми силами и забрать остальныя укрѣпленія Бѣлаго города; Сапѣга, съ своей стороны, далъ знать, что какъ скоро осажденные пойдутъ на стѣны Бѣлаго города, то онъ ударитъ на ополченіе съ поля; большая часть войска была согласна съ Гонсѣвскимъ, но нѣкоторые, завидуя ему, начали говорить, что идетъ гетманъ Литовскій Ходкѣвичъ, и не для чего отнимать у него славу и давать ее Гонсѣвскому, и большинство согласилось ничего не дѣлать. Сапѣга заболѣлъ, и 14 сентября умеръ въ Кремлѣ въ домѣ Шуйскаго; 6 октября (н. с.) пришелъ наконецъ подъ Москву гетманъ Ходкѣвичъ, сталъ у Андроньева монастыря и имѣлъ нѣсколько стычекъ съ ополченцами, но не очень счастливыхъ, по свидѣтельству самихъ Поляковъ, которые объясняютъ и причину несчастія: между Потоцкимъ, губернаторомъ Смоленскимъ, и Ходкѣвичемъ, была вражда: Потоцкому не хотѣлось, чтобъ слава завое-

ванія Москвы досталась Ходкѣвичу; отсюда въ войскѣ, двинувшемся подъ Москву, образовались двѣ стороны — Потоцкаго и Ходкѣвича; при томъ же Поляки не хотѣли повиноваться Ходкѣвичу, какъ гетману Литовскому. Наконецъ Русскіе ратные люди имѣли полное право смѣяться надъ ничтожностію силъ гетмана: съ нимъ пришло не болѣе 2,000 войска, ослабленнаго нравственно раздорами и физически предшествовавшими трудами въ Ливоніи; пѣхоты вовсе не было. Такъ прошла осень 1611 года; когда наступила зима, у Поляковъ не достало съѣстныхъ припасовъ, за сѣномъ нужно было ѣздить за нѣсколько миль въ сопровожденіи вооруженныхъ отрядовъ для безопасности, и Ходкѣвичъ отступилъ отъ Москвы къ монастырю Рогачеву (между рѣкою Пугою и Волгою, въ 20 верстахъ отъ Ржевы); отошло съ нимъ не мало и тѣхъ Поляковъ, которые сидѣли въ Кремлѣ и Китаѣ; тѣмъ же изъ нихъ, которые остались въ Москвѣ, равно какъ охотникамъ изъ Сапѣжинскихъ полковъ, пожелавшимъ остаться съ ними, положено было особое жалованье, а въ закладъ отданы сокровища изъ казны царской: первымъ дано двѣ короны — Годуновская и Лжедимитріева, посохъ царскій единороговый съ дорогими камнями, богатое сѣдло гусарское Лжедимитріево, нѣсколько роговъ единороговыхъ, которые цѣнились тогда очень дорого; Сапѣжинцамъ дали двѣ шапки царскихъ, золотой посохъ и яблоко, усыпанное дорогими каменьями. Бояре, осажденные въ Кремлѣ, видѣли, что только немедленное прибытіе короля или королевича съ войскомъ можетъ спасти ихъ, и потому въ началѣ октября отправили къ Сигизмунду новое посольство, составленное изъ князя Юрія Никитича Трубецкаго, Михайлы Глѣбовича Салтыкова и думнаго дьяка Янова. Новое посольство, говорилось въ вѣрющей грамотѣ, отправлено потому, что старые послы, какъ писалъ самъ король, дѣлали не потому наказу, какой былъ имъ данъ, ссылались съ Калужскимъ воромъ, съ Смоленскими сидѣльцами, съ Ляпуновымъ и другими измѣнниками. Грамота къ Сигизмуду начинается такъ: «Най-

лонѣйшему великому государю Жигимонту III-му и проч. великаго Московскаго государства ваши государскіе богомольцы: Арсеній архіепископъ Архангельскій и весь освященный соборъ, и ваши государскіе вѣрные подданные, бояре, окольничіе и проч. Гермогенъ былъ заключенъ, да и ни въ какомъ случаѣ не согласился бы подписать грамоту, гдѣ бояре называли себя вѣрными подданнными Сигизмунда; бывшій Лжедимитріевъ патріархъ Игнатій воспользовался вступленіемъ Жолкѣвскаго въ Москву, чтобъ освободиться изъ заключенія и уѣхать въ Польскія владѣнія; въ челѣ Кремлевскаго духовенства оставался Арсеній — Грекъ, которому поручено было служить въ Архангельскомъ соборѣ, и который потому назывался архіепископомъ Архангельскимъ. Благодаря Польскому безнарядью, безнарядное ополченіе Трубецкаго и Заруцкаго могло держаться подъ Москвою, придавая себѣ по прежнему видъ людей, пришедшихъ сражаться за православную вѣру противъ богоборныхъ Польскихъ и Литовскихъ людей. Но Русскіе люди вовсе не такъ смотрѣли на это ополченіе по смерти Ляпунова; вотъ что писали Казанцы къ Пермичамъ: «Подъ Москвою, господа, промышленника и поборника по Христовой вѣрѣ, который стоялъ за православную христіанскую вѣру, за домъ Пресвятой Богородицы и за Московское государство противъ Польскихъ и Литовскихъ людей и Русскихъ воровъ, Прокофья Петровича Ляпунова казаки убили, преступя крестное цѣлованье. Митрополитъ, мы и всякіе люди Казанскаго государства согласились съ Нижнимъ Новгородомъ и со всѣми городами Поволжскими, съ горными и луговыми, съ горными и луговыми Татарами и Луговою Черемисою на томъ, что намъ быть всѣмъ въ совѣтѣ и въ соединеньи, за Московское и Казанское государство стоять, другъ друга не побивать, не грабить и дурнаго ничего ни надъ кѣмъ не дѣлать; а кто до вины дойдетъ, тому указъ чинить по приговору, смотря по винѣ; новыхъ воеводъ, дьяковъ, головъ и всякихъ приказныхъ людей въ города не пускать и прежнихъ не перемѣнять, быть всѣмъ по преж-

нему; казаковъ въ городъ не пускать же, стоять на томъ крѣпко до тѣхъ поръ, пока Богъ дастъ на Московское государство государя; а выбрать бы намъ на Московское государство государя всею землею Россійской державы; если же казаки станутъ выбирать государя по своему изволенью, одни, не сославшись со всею землею, то такого государя намъ не хотѣть.»

Изъ этой грамоты мы видимъ, что земскіе люди, жители чистой половины Московскаго государства, жители Поволжья, противоположнаго казацкой прежепогибшей украйнѣ, вовсе не пришли въ отчаяніе отъ гибели Ляпунова и торжества казаковъ подъ Москвою, вовсе не соединяли дѣла очищенія земли съ личностію одного человѣка, одного воеводы; скорбно отзываясь о гибели представителя своего, они въ тоже время даютъ знать, что общее дѣло отъ этого не проиграно, что между ними господствуютъ совѣтъ и соединенье, даютъ знать, что они не допускаютъ никакой перемѣны, никакой новизны до возстановленія законнаго порядка, до избранія царя всею землею, и повторяютъ свой первый приговоръ надъ казаками: казаковъ въ города не пускать, и государя ими одними избраннаго не хотѣть.

Нравственныя силы чистаго, общественнаго народонаселенія были напряжены по прежнему, и по прежнему раздавались увѣщанія къ единодушному стоянію за вѣру отцовскую противъ враговъ богоборныхъ. Прежде призывалъ къ возстанію за вѣру начальный человѣкъ въ безгосударное время, патріархъ; теперь не было его слышно изъ темницы кремлевской; но вмѣсто грамотъ патріаршихъ шли призывныя грамоты отъ властей прославленнаго недавно новою славою Троицкаго Сергіева монастыря, отъ архимандрита Діонисія и келаря Авраамія Палицына. Послѣдній намъ уже хорошо извѣстенъ: мы видѣли, какъ хитрый келарь не хотѣлъ терпѣть нужды подъ Смоленскомъ, не хотѣлъ дожидаться заточенія въ глубь Польши, и уѣхалъ, не повидавшись съ послами. По пріѣздѣ въ свой монастырь онъ нашелъ, что дѣло Владислава проиграно и сталъ ревностно

за дѣло освобожденія: когда ополченіе Ляпунова подошло къ Москвѣ, Авраамій явился къ нему со святою водою. Другимъ характеромъ отличался человѣкъ, котораго имя стоитъ вмѣстѣ съ именемъ Палицына въ знаменитыхъ посланіяхъ Троицкихъ, архимандритъ Діонисій; съ нимъ-то мы и должны теперь познакомиться.

Однажды, при началѣ смутнаго времени, въ Москвѣ, на рынокъ, гдѣ продавались книги, пришелъ молодой монахъ, высокій, стройный, красивый. Глаза всѣхъ обратились на него, и одинъ изъ присутствовавшихъ, вспомнивъ поведеніе нѣкоторыхъ монаховъ, обратился къ нему съ неприличными словами. Монахъ, вмѣсто того, чтобъ осердиться, глубоко вздохнулъ, облился слезами и сказалъ ему: Да, братъ! я въ самомъ дѣлѣ такой грѣшникъ, какъ ты обо мнѣ подумалъ: Богъ тебѣ открылъ обо мнѣ правду. Еслибъ я былъ настоящій монахъ, то не бродилъ бы по этому рынку, не скитался бы между мірскими людьми; а сидѣлъ бы въ своей келіи; прости меня грѣшнаго, Бога ради, въ моемъ безуміи!» Всѣ присутствовавшіе, тронутые этими рѣчами, обратились съ крикомъ на человѣка, который осмѣлился оскорбить достойнаго инока, называли его дерзкимъ невѣждою. «Нѣтъ, братья! говорилъ имъ монахъ, дерзкій невѣжда-то я, а не онъ, всѣ слова его обо мнѣ справедливы; онъ посланъ отъ Бога на мое утвержденіе, чтобъ мнѣ впередъ не скитаться по рынку, а сидѣть въ келіи.» Съ этими словами монахъ ушелъ; обидчикъ бросился за нимъ просить прощенія. Этотъ монахъ былъ изъ Старицкаго Богородскаго монастыря, именемъ Діонисій.

Скоро опять увидали Діонисія на площадяхъ Московскихъ, въ санѣ архимандрита своего монастыря, и тутъ уже онъ не говорилъ, что неприлично было ему, какъ монаху, показываться среди народа, тутъ онъ былъ на своемъ мѣстѣ. Увѣщевая духовенство, патріархъ Гермогенъ ставилъ въ примѣръ Діонисія: «Смотрите, говорилъ онъ, на Старицкаго архимандрита: никогда онъ отъ соборной церкви не отлучается, на царскихъ и всемірныхъ соборахъ всегда

тутъ.» Подъ всемірными соборами патріархъ разумѣлъ эти шумныя собранія народа, гдѣ противники царя Василія требовали его низверженія, гдѣ патріархъ защищалъ царя, а Діонисій былъ подлѣ патріарха и увѣщевалъ народъ, несмотря на оскорбленія, которымъ подвергались увѣщатели отъ буйной толпы.

Изъ Старицкаго монастыря Діонисій былъ переведенъ на архимандрію въ Троицкій Сергіевъ монастырь. Когда Москва была раззорена и казаки, Сапѣжинцы, свирѣпствовали въ окрестныхъ областяхъ, толпы бѣглецовъ съ разныхъ сторонъ устремились къ Троицкому Монастырю, и страшно было смотрѣть на нихъ: одни были изломаны, обожжены, у другихъ ремни изъ хребтовъ вырѣзаны, волосы съ головъ содраны, руки и ноги обсѣчены, многіе приходили въ монастырь для того только, чтобъ исповѣдаться, пріобщиться и умереть; многіе не успѣвали достигнуть и монастыря, умирали на дорогѣ; монастырь, слободы, окрестныя деревни и дороги наполнены были мертвыми и умирающими. Діонисій призвалъ келаря, казначея, всю братію, слугъ и крестьянъ монастырскихъ, и началъ имъ говорить, что во время такой бѣды надобно изъ всѣхъ силъ помогать людямъ, которые ищутъ пріюта у св. Сергія. Ему отвѣчали единодушно: «Кто, государь архимандритъ! въ такой бѣдѣ съ разумомъ сберется? Никому невозможно стало промышлять кромѣ единаго Бога.» Діонисій заплакалъ и началъ опять говорить имъ: «Вѣдь это искушеніе намъ отъ Господа Бога: отъ большой осады насъ Господь Богъ избавилъ; а теперь за лѣность нашу и за скупость можетъ насъ и безъ осады смирить и оскорбить »—«Что же намъ дѣлать?» спросили келарь, братія и слуги. Діонисій отвѣчалъ: «Домъ св. Троицы не запустѣетъ, если станемъ молиться Богу, чтобъ далъ намъ разумъ: только положимъ на томъ, чтобъ всякій промышлялъ, чѣмъ можетъ.» Слуги и крестьяне посовѣтовались между собою, и сказали архимандриту съ братіею: «Если вы, государи, будете изъ монастырской казны давать бѣднымъ на кормъ, одежду, лѣченіе и работникамъ, кто

возьмется отрапать, служить, лѣчить, собирать и погребать: то мы за головы свои и за животы не стоимъ.» И вотъ пошелъ промыслъ всѣмъ бѣднымъ, живымъ и умирающимъ, въ монастырѣ и кругомъ монастыря. Прежде всего начали строить домы, больницы для раненыхъ, избы на страннопріимство всякаго чина людямъ, прибѣгавшимъ изъ Москвы и другихъ городовъ, особыя избы мущинамъ, особыя женщинамъ, въ Служней слободѣ и въ селѣ Клементьевѣ; монастырскіе люди ѣздили по лѣсамъ и дорогамъ, подбирали раненыхъ и мертвыхъ; женщины, которымъ монастырь далъ пріютъ и содержаніе, безпрестанно шили и мыли рубашки живымъ, саваны мертвымъ. А внутри монастыря, въ келіи архимандричьей, сидѣли писцы борзые, изъ которыхъ особенно отличался Алексѣй Тихоновъ, собирали они учительныя слова изъ божественныхъ писаній, составляли увѣщательныя посланія и разсылали по городамъ и полкамъ, призывая къ очищенію земли.

Лѣтомъ 1611 года, когда еще Ляпуновъ былъ живъ, разосланы были Діонисіемъ грамоты въ Казань, во всѣ понизовые города, въ Новгородъ Великій, на Поморье, въ Вологду и Пермь: «Православные христіяне! говорилось въ грамотѣ: вспомните истинную православную христіанскую вѣру, что всѣ мы родились отъ христіанскихъ родителей, знаменались печатію, святымъ крещеніемъ, обѣщались вѣровать во св. Троицу; возложите упованіе на силу креста Господня и покажите подвигъ свой, молите служилыхъ людей, чтобъ быть всѣмъ православнымъ христіянамъ въ соединеніи и стать сообща противъ предателей христіанскихъ, Михайлы Салтыкова и Ѳедьки Андронова и противъ вѣчныхъ враговъ христіанства, Польскихъ и Литовскихъ людей. Сами видите конечную отъ нихъ погибель всѣмъ христіанамъ, видите, какое раззоренье учинили они въ Московскомъ государствѣ; гдѣ святыя Божіи церкви и Божіи образы? гдѣ иноки сѣдинами цвѣтущіе, инокини добродѣтелями украшенныя, не все ли до конца раззорено и обругано злымъ поруганіемъ; не пощажены ни

старики, ни младенцы грудные. Помяните и смилуйтесь надъ видимою общею смертною погибелью, чтобы васъ самихъ также лютая не постигла смерть. Пусть служилые люди безъ всякаго мѣшканія спѣшатъ къ Москвѣ, въ сходъ къ боярамъ, воеводамъ и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ. Сами знаете, что всякому дѣлу одно время надлежитъ, безвременное же всякому дѣлу начинаніе суетно и бездѣльно бываетъ; хотя бы и были въ вашихъ предѣлахъ какія неудовольствія, для Бога отложите все это на время, чтобы всѣмъ вамъ сообща потрудиться для избавленія православной христіанской вѣры, пока къ врагамъ помощь не пришла. Смилуйтесь, сдѣлайте это дѣло поскорѣе, ратными людьми и казною помогите, чтобы собранное теперь здѣсь подъ Москвою войско отъ скудости не разошлось.»

6 октября Троицкія власти опять разослали грамоты по областямъ съ извѣстіемъ, что «пришелъ къ Москвѣ, къ Литовскимъ людямъ на помощь Ходкѣвичъ, а съ нимъ пришло всякихъ людей съ 2,000 человѣкъ, и стали по дорогамъ въ Красномъ селѣ и по Коломенской дорогѣ, чтобы имъ къ боярамъ, воеводамъ и ратнымъ людямъ, которые стоятъ за православную христіанскую вѣру, никакихъ запасовъ не пропустить и голодомъ отъ Москвы отогнать, и насъ, православныхъ христіанъ привести въ конечную погибель; а бояре, воеводы и всякіе ратные люди стоятъ подъ Москвою крѣпко и неподвижно, хотятъ за православную христіанскую вѣру, по своему обѣщанію, пострадать и смертію животъ вѣчный получить. А Коширяне, Колужане, Туляне и другихъ замосковныхъ городовъ дворяне и дѣти боярскіе и всякіе служилые люди къ Москвѣ пришли, а изъ Сѣверскихъ городовъ Юрій Беззубцевъ со всѣми людьми идетъ къ Москвѣ же на спѣхъ, а на другой сторонѣ многихъ городовъ дворяне и дѣти боярскіе и всякіе служилые и ратные люди собираются теперь въ Переяславлѣ Залѣсскомъ и хотятъ идти къ Москвѣ же.» Грамота оканчивается тѣмъ же увѣщаніемъ, какое мы видѣли и въ прежнихъ грамотахъ. Конечно у Троицы очень хорошо знали о поведе-

нія казаковъ въ подмосковномъ станѣ: но все же это войско стояло подъ хоругвіею православной вѣры и Московскаго государства, держало въ осадѣ вѣчныхъ враговъ креста Христова и успѣшно билось съ ними: и потому неудивительно, что Троицкія власти считаютъ своею обязанностію въ минуту опасности призывать Русскихъ людей на помощь ополченію Трубецкаго и Заруцкаго. Но любопытно для насъ то, что двѣ тысячи Ходкѣвичева войска могли нагнать такой страхъ, могли возбудить опасеніе, что такая горсть Поляковъ можетъ занять всѣ дороги и заморить голодомъ ополченіе Трубецкаго и Заруцкаго.

Троицкія грамоты не могли остаться безъ дѣйствія: народъ былъ готовъ встать какъ одинъ человѣкъ; непрерывный рядъ смутъ и бѣдствій не сокрушилъ могучихъ силъ юнаго народа, но очистилъ общество, привелъ его къ сознанію необходимости пожертвовать всѣмъ для спасенія вѣры, угрожаемой врагами внѣшними, и наряда государственнаго, которому грозили враги внутренніе, воры. Явились признаки сознанія о необходимости нравственнаго очищенія жителей для подвига очищенія земли отъ враговъ, признаки того, что народъ, не видя никакой внѣшней помощи, углубился во внутренній, духовный міръ свой, чтобъ оттуда извлечь средства спасенія. По областямъ промчалось слово, города переслали другъ другу грамоты, гдѣ писали, что въ Нижнемъ Новгородѣ было откровеніе Божіе какому-то благочестивому человѣку, именемъ Григорію, велѣно ему Божіе слово проповѣдать во всемъ Россійскомъ государствѣ; говорили, что этотъ Григорій сподобился страшнаго видѣнія въ полуночи: видѣлъ онъ, какъ снялась съ его дома крыша, и свѣтъ великій облисталъ комнату, куда явились два мужа съ проповѣдію о покаяніи, очищеніи всего государства; во Владимирѣ было также видѣніе. Вслѣдствіе этого, по совѣту всей земли Московскаго государства, во всѣхъ городахъ, всѣмъ православнымъ народомъ приговорили поститься, отъ пищи и питья воздерживаться три дня даже и съ грудными младенцами: и по при-

говору, по своей волѣ православные христіане постились: три дня — въ понедѣльникъ, вторникъ и среду ничего не ѣли, ни пили, въ четвергъ и пятницу сухо ѣли. Такъ, при господствѣ религіознаго чувства, выразилась въ народѣ мысль о необходимости очищенія всей земли, отдѣленія себя отъ настоящаго смутнаго и оскверненнаго общественнымъ развратомъ времени. Мы видѣли, что еще Шуйскій думалъ объ этомъ очищеніи, и два патріарха хотѣли очистить народъ отъ грѣха недавнихъ клятвопреступленій; но это дѣйствіе было произвольно съ ихъ стороны и потому преждевременно; теперь же народъ, путемъ испытаній, самъ пришелъ къ мысли о необходимости очищенія: православные христіане постились, говоритъ грамота, по своему изволенію.

И такъ все было готово; ждали только начала движенія; движеніе обнаружилось въ Нижнемъ Новгородѣ. Правительственными лицами здѣсь въ описываемое время были: воеводы—князь Василій Андреевичъ Звенигородскій и Андрей Семеновичъ Алябьевъ, стряпчій Иванъ Ивановичъ Биркинъ, дьякъ Василій Семеновъ; въ числѣ земскихъ старостъ былъ Кузьма Мининъ Сухорукій, мясной торговецъ. Биркинъ сперва служилъ Шуйскому, потомъ Тушинскому вору, потомъ опять Шуйскому, опять измѣнилъ ему вмѣстѣ съ Ляпуновымъ, который и прислалъ его въ Нижній. Здѣсь считали его человѣкомъ ненадежнымъ, земскій староста Кузьма Мининъ прямо называлъ его сосудомъ сатаны. Когда въ октябрѣ 1611 года, Нижегородцы получили Троицкую грамоту, то старшіе люди въ городѣ съ духовенствомъ собрались для совѣта, и Мининъ сказалъ: «Св. Сергій явился мнѣ во снѣ и приказалъ возбудить уснувшихъ; прочтите грамоты Діонисіевы въ соборѣ, а тамъ что будетъ угодно Богу.» Стряпчій Биркинъ сталъ противорѣчить, но Мининъ остановилъ его, замѣтивъ, что догадывается о его замыслѣ. На другой день Нижегородцы сошлись въ соборной церкви; тамъ протопопъ Савва увѣщевалъ ихъ стать за вѣру и потомъ прочелъ Троицкую грамоту; послѣ протопопа началъ

говоритъ Мининъ: «Захотимъ помочь Московскому государству, такъ не жалѣть намъ имѣнія своего, не жалѣть ничего, дворы продавать, женъ и дѣтей закладывать, и бить челомъ—кто бы вступился за истинную православную вѣру и былъ у насъ начальникомъ.» Послѣ этого начались частыя сходки, Мининъ продолжалъ свои увѣщанія: «Что же намъ дѣлать?» спрашивали его.—«Ополчаться», отвѣчалъ Мининъ: «сами мы неискусны въ ратномъ дѣлѣ, такъ станемъ кличъ кликать по вольныхъ служилыхъ людей».—«А казны намъ откуда взять служилымъ людямъ?» послышался опять вопросъ; Мининъ отвѣчалъ: «я убогій съ товарищами своими, всѣхъ насъ 2,500 человѣкъ, а денегъ у насъ въ сборѣ 1,700 рублей; брали третью деньгу: у меня было 300 рублей, и я 100 рублей въ сборныя деньги принесъ: тоже и вы всѣ сдѣлайте».—«Будь такъ, будь такъ!» закричали всѣ. Начался сборъ; пришла одна вдова и сказала: осталась я послѣ мужа бездѣтна и есть у меня 12,000 рублей, 10,000 отдаю въ сборъ, 2,000 оставляю себѣ». Кто не хотѣлъ давать волею, у тѣхъ брали силою. Но прежде чѣмъ скликать ратныхъ людей, надобно было найдти воеводу. Въ это время въ Суздальскомъ уѣздѣ жилъ стольникъ и воевода извѣстный, князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, который пріѣхалъ сюда отъ Троицы и долѣчивался отъ ранъ, полученныхъ при раззореніи Москвы. Мининъ снесся съ нимъ, уладилъ дѣло, и сказалъ народу, что не закѣмъ больше посылать кромѣ князя Пожарскаго. Посланы были къ нему Печерскій архимандритъ Θеодосій, дворянинъ добрый Жданъ Петровичъ Болтинъ да изо всѣхъ чиновъ лучшіе люди. Пожарскій отвѣчалъ посланнымъ: «Радъ я вашему совѣту, готовъ хотя сейчасъ ѣхать, но выберите прежде изъ посадскихъ людей, кому со мною у такого великаго дѣла быть и казну сбирать». Посланные отвѣчали, что у нихъ въ городѣ такого человѣка нѣтъ. Пожарскій сказалъ имъ на это: «Есть у васъ Кузьма Мининъ, бывалъ онъ человѣкъ служилый, ему это дѣло за обычай».

Когда посланные возвратились и объявили Нижегород-

цамъ слова Пожарского, тѣ стали бить челомъ Кузьмѣ, чтобы принялся за дѣло; Мининъ отказывался для укрѣпленія, чтобы Нижегородцы сдались на всю его волю: «Соглашусь, говорилъ онъ, если напишите приговоръ, что будете во всемъ послушны и покорны и будете ратнымъ людямъ давать деньги.» Нижегородцы согласились, и Мининъ написалъ въ приговорѣ свои прежнія слова, что не только отдавать имѣнія, но женъ и дѣтей продавать. Когда приговоръ былъ подписанъ, Кузьма взялъ его и отправилъ тотчасъ къ Пожарскому, чтобы Нижегородцы, охладѣвъ въ усердіи, не взяли его назадъ.

Вѣсть, что Нижегородцы встали и готовы на всякія пожертвованія для ратныхъ людей, скоро распространилась по городамъ ближайшимъ; Смоленскіе дворяне, лишившіеся помѣстій въ своей области въ слѣдствіе завоеванія ея Поляками, и получившіе земли въ Арзамасскомъ уѣздѣ, прислали бить челомъ Нижегородцамъ, чтобы тѣ приняли ихъ къ себѣ, потому что Заруцкій выгналъ ихъ изъ новыхъ помѣстій, не велѣвши крестьянамъ слушаться ихъ. Нижегородцы послали этихъ челобитчиковъ къ Пожарскому упрашивать его, чтобы шелъ къ Нижнему немедленно; онъ поѣхалъ, на дорогѣ присоединилъ къ себѣ служилыхъ людей Дорогобужскихъ и Вяземскихъ, испомѣщенныхъ въ Ярополчѣ и также выгнанныхъ Заруцкимъ, и вмѣстѣ съ ними вступилъ въ Нижній, гдѣ былъ принятъ съ великой честію. Прежде всего новый начальникъ ополченія занялся раздачею жалованья ратнымъ людямъ; но скоро Нижегородской казны стало не достаточно; нужно было писать по всѣмъ городамъ, просить ихъ содѣйствія. Эти грамоты написаны отъ имени Димитрія Пожарскаго, Ивана Биркина, Василья (Семенова?) Юдина и всякихъ ратныхъ и земскихъ людей Нижняго Новгорода; въ нихъ говорится, что «по Христову слову, встали многіе лжехристи, и въ ихъ прелести смялась вся земля наша, встала междоусобная брань въ Россійскомъ государствѣ и длится немалое время. Усмотря между нами такую рознь, хищники нашего спасенія, Польскіе и

Литовскіе люди, умыслили Московское государство разворить, и Богъ ихъ злокозненному замыслу попустилъ совершиться. Видя такую ихъ неправду, всѣ города Московскаго государства, сославшись другъ съ другомъ, утвердились крестнымъ цѣлованіемъ — быть намъ всѣмъ православнымъ христіанамъ въ любви и соединеніи, прежняго междоусобія не начинать, Московское государство отъ враговъ очищать, и своимъ произволомъ, безъ совѣта всей земли, государя не выбирать, а просить у Бога, чтобы далъ намъ государя благочестиваго, подобнаго прежнимъ природнымъ христіанскимъ государямъ. Изо всѣхъ городовъ Московскаго государства дворяне и дѣти боярскіе подъ Москвою были, Польскихъ и Литовскихъ людей осадили крѣпкою осадою, но потомъ дворяне и дѣти боярскіе изъ-подъ Москвы разъѣхались для временной сладости, для грабежей и похищенья; многіе покушаются, чтобы быть на Московскомъ государствѣ паньѣ Маринкѣ съ законопреступнымъ сыномъ ея. Но теперь мы Нижняго Новгорода всякіе люди, сославшись съ Казанью и со всѣми городами Понизовыми и поволжскими, собравшись со многими ратными людьми, видя Московскому государству конечное раззоренье, прося у Бога милости, идемъ всѣ головами своими на помощь Московскому государству; да къ намъ же пріѣхали въ Нижній изъ Арзамаса Смольняне, Дорогобужане и Вятчане, и другихъ многихъ городовъ дворяне и дѣти боярскіе: и мы всякіе люди Нижняго Новгорода, посовѣтовавшись между собою, приговорили животы свои и домы съ ними раздѣлить, жалованье имъ и подмогу дать и послать ихъ на помощь Московскому государству. И вамъ бы, господа, помнить свое крестное цѣлованіе, что намъ противъ враговъ нашихъ до смерти стоять: идти бы теперь на Литовскихъ людей всѣмъ вскорѣ. Если вы, господа, дворяне и дѣти боярскіе, опасаетесь отъ казаковъ какого-нибудь налогу или какихъ-нибудь воровскихъ заводовъ, то вамъ бы никакъ этого не опасаться: какъ будемъ всѣ верховые и понизовые города въ сходу, то мы всею землею

о томъ совѣтъ учинимъ и дурна никакого ворамъ дѣлать не дадимъ; самимъ вамъ извѣстно, что къ дурну ни къ какому до сихъ поръ мы не приставали, да и въ передъ никакого дурна не захотимъ: непремѣнно быть бы вамъ съ нами въ одномъ совѣтѣ и ратными людьми на Польскихъ и Литовскихъ людей идти вмѣстѣ, чтобы казаки по прежнему не разогнали Низовой рати воровствомъ, грабежемъ, иными воровскими заводами и Маринкинымъ сыномъ. А какъ мы будемъ съ вами въ сходѣ, то станемъ надъ Польскими и Литовскими людьми промышлять вмѣстѣ за одно, сколько милосердый Богъ помощи подастъ, о всякомъ земскомъ дѣлѣ учинимъ крѣпкій совѣтъ, и которые люди подъ Москвою или въ какихъ-нибудь городахъ захотятъ дурно учинить или Маринкою и сыномъ ея новую кровь захотятъ начать: то мы дурна никакого имъ сдѣлать не дадимъ. Мы всякіе люди Нижняго Новгорода утвердились на томъ и въ Москву къ боярамъ и ко всей землѣ писали, что Маринки и сына ея и того вора, который стоитъ подъ Псковомъ, до смерти своей въ государи на Московское государство не хотимъ, точно также и Литовскаго короля.»

Эта грамота, возвѣщавшая второе возстаніе земли, отличается отъ грамотъ, писанныхъ во время перваго возстанія, тѣмъ, что въ ней объявляется движеніе чисто земское, направленное столько же, если еще не больше, противъ казаковъ, сколько противъ Польскихъ и Литовскихъ людей; основная мысль грамоты: надобно намъ соединиться и дѣйствовать вмѣстѣ, чтобы не дать казакамъ сдѣлать ничего дурнаго. Грамота имѣла сильное дѣйствіе, ибо въ областяхъ всѣ были готовы къ возстанію и ждали только начала. Отовсюду слали въ Нижній выборныхъ на совѣтъ, присылали и казну, шли ратные люди. Первые пришли Коломничи: сначала въ Коломнѣ сидѣлъ, по королевскому приказу, извѣстный намъ Василій Сукинъ, покинувшій посольское дѣло подъ Смоленскомъ; но уже 26 августа 1611 года король писалъ боярамъ въ Москву, что Сукинъ вмѣстѣ съ сыномъ ему измѣнилъ и отъѣхалъ къ ворамъ измѣнникамъ.

Оказывается, что Сукинъ переѣхалъ въ Троицкій монастырь, ибо его имя встрѣчаемъ въ грамотахъ Троицкихъ подлѣ именъ Діонисія и Палицына. За Коломничами пришли Рязанцы, за ними служилые люди Украинскихъ городовъ; пришли добрые казаки и стрѣльцы, которые сидѣли въ Москвѣ въ осадѣ съ царемъ Василіемъ: — всѣ получили жалованье. Между всѣми этими гостями и Нижегородцами былъ великій совѣтъ и любовь, говоритъ лѣтописецъ. Но дурныя вѣсти пришли оттуда, откуда менѣе всего ихъ ожидали: Казань, которая до сихъ поръ такъ сильно увѣщевала другіе города къ общему дѣлу, теперь отказалась въ немъ участвовать, по заводу дьяка Никанора Шульгина. Какъ видно, Шульгинъ былъ недоволенъ тѣмъ, что не царственная Казань, главный городъ Понизовья, не онъ, захватившій въ ней всю власть, стали въ челѣ возстанія, а второстепенный Нижній съ своимъ земскимъ старостою; Шульгина поддерживалъ сватъ его, строитель Амфилохій Рыбушкинъ, который не слушался Троицкихъ грамотъ: тогда Троицкія власти вызвали отца его Пимена, архимандрита Старицкаго Богородицкаго монастыря, и за измѣну сына томили его тяжкими трудами, заставляли печь хлѣбы. Къ Шульгину же въ Казань перешелъ Иванъ Биркинъ, также недовольный первенствомъ Пожарскаго и Минина въ Нижнемъ.

Получивъ вѣсть о недобромъ совѣтѣ Шульгина и Биркина, князь Димитрій, Кузьма и всѣ ратные люди положили упованіе на Бога, и какъ Іерусалимъ былъ очищенъ послѣдними людьми, такъ и въ Московскомъ государствѣ послѣдніе люди собрались и пошли противъ безбожныхъ Латынъ и противъ своихъ измѣнниковъ. Дѣйствительно это были послѣдніе люди Московскаго государства, коренные, основные люди: когда ударили бури смутнаго времени, то потрясли и свѣяли много слоевъ, находившихся на поверхности; но когда коснулись основаній общественныхъ, то встрѣтили и людей основныхъ, о силу которыхъ напоръ ихъ долженъ былъ сокрушиться.

Такъ окончился 1611 и начался 1612 годъ. Въ концѣ генваря въ Костромѣ и Ярославлѣ явились грамоты отъ бояръ Московскихъ съ увѣщаніемъ отложиться отъ Заруцкаго и быть вѣрными царю Владиславу: «Сами видите, пишутъ бояре, Божію милость надъ великимъ государемъ нашимъ, его государскую правду и счастье: самаго большаго заводчика смуты, отъ котораго христіанская кровь начала литься, Прокофья Ляпунова, убили воры, которые съ нимъ были въ этомъ заводѣ, Ивашка Заруцкій съ товарищами, и тѣло его держали собакамъ на съѣденіе на площади три дня. Теперь князь Дмитрій Трубецкой да Иванъ Заруцкій стоятъ подъ Москвою на христіанское кровопролитіе и всѣмъ городамъ на конечное разоренье: ѣздятъ отъ нихъ изъ табора по городамъ безпрестанно казаки, грабятъ, разбиваютъ и невинную кровь христіанскую проливаютъ, насилуютъ православныхъ христіанъ, боярынь и простыхъ женъ берутъ на блудъ, дѣвицъ растлѣваютъ насильствомъ мучительскимъ, церкви разоряютъ, иконы святыя обдираютъ и многія скаредныя дѣла на иконахъ дѣлаютъ, чего умъ нашъ страшится написать. А Польскіе и Литовскіе люди, видя ваше непокорство, также города всѣ пустошатъ и воюютъ. И то многимъ изъ васъ извѣстно: какъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ сидѣли ратные люди отъ насъ изъ Москвы, то они церковь Божію соблюдали, какъ свое око; а когда Ивашка Заруцкій съ товарищами Дѣвичій монастырь взяли, то они церковь Божію разорили, и черницъ — королеву, дочь князя Владиміра Андреевича и Ольгу, дочь царя Бориса, на которыхъ прежде взглянуть не смѣли, ограбили до нага, а другихъ бѣдныхъ черницъ и дѣвицъ грабили и на блудъ брали; и какъ пошли изъ монастыря, то церковь и монастырь выжгли: это ли христіанство? хуже они жидовъ: сами своихъ казнятъ и ругаютъ: васъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, гостей и лучшихъ торговыхъ людей эти воры казаки, наши и ваши холопи, грабятъ, побиваютъ и позорятъ, и впередъ всѣми вами и вашими домами владѣть хотятъ, что сами вы лучше насъ знаете. А теперь вновь тѣ-

же воры Ивашка Заруцкій съ товарищами государей выбираютъ себѣ такихъ же воровъ казаковъ, называя государскими дѣтьми: сына калужскаго вора, о которомъ и поминать непригоже; а за другимъ воромъ подъ Псковъ послали такихъ же воровъ и бездушниковъ, Казарина Бѣгичева да Нехорошка Лопухина съ товарищами, а другой воръ, также Димитрій объявился въ Астрахани у князя Петра Урусова, который Калужскаго убилъ. И такими воровскими государями крѣпко ли Московское государство будетъ и кровь христіанская литься и Московское государство пустошиться впередъ перестанетъ ли? А такими правителями, княземъ Дмитріемъ Трубецкимъ, да Ивашкою Заруцкимъ Московскому государству можно ли состояться? они никогда въ своемъ домѣ не умѣли ничего расправить, а теперь такимъ великимъ и преславнымъ государствомъ и вами всѣми владѣютъ и указываютъ, не для чего другаго, какъ только для своихъ бездѣльныхъ корыстей, воровства и содомскаго грѣха, а Московскому государству на конечное разоренье. А великій государь Жигимонтъ король съ большаго сейма, по совѣту всей Польской и Литовской земли, сына своего великаго государя королевича Владислава на Владимирское и Московское государство отпустилъ, и самъ до Смоленска его провожаетъ со многою конною и пѣшею ратью, для большаго успокоенья Московскаго государства, и мы его прихода къ Москвѣ ожидаемъ съ радостью. Сами можете разсудить, что Московское государство усмирить и кровь христіанскую унять можемъ только Сигизмундомъ королемъ и сыномъ его. Видя нашу бѣду и конечное разоренье, между нами нестроенье и несовѣтъ, кто не подивится, не восплачетъ и не возрыдаетъ? Со всѣхъ сторонъ Московское государство непріятели рвутъ, и всѣмъ пограничнымъ государямъ въ посмѣхъ мы и въ позоръ и въ укоризну стали: А все это отъ васъ, отъ вашего непокорства и крестнаго преступленія».

Бояре писали правду: казаки подмосковнаго стана дѣйствительно вошли въ сношенія съ Иваньгородскимъ самозван-

цемъ, которому въ это время удалось утвердиться въ Пскове, почему онъ обыкновенно и называется Псковскимъ. Козаринъ Бѣгичевъ, пріѣхавши изъ-подъ Москвы въ Псковъ, не пожалѣлъ своей души и старости: какъ взглянулъ на вора, такъ и закричалъ: вотъ истинный государь нашъ Калужскій! а 2 марта, подмосковный станъ присягнулъ самозванцу, по заводу Ивана Плещеева. Между тѣмъ изъ Ярославля дали знать въ Нижній, что Заруцкій прислалъ много казаковъ въ Ярославль, а Просовецкій уже идетъ съ войскомъ, хотятъ захватить Ярославль и всѣ поморскіе города, чтобъ не дать соединиться Нижегородской рати съ Ярославцами. Получивъ эту вѣсть, Пожарскій немедленно послалъ двоюроднаго брата своего, князя Дмитрія Петровича Лопату-Пожарскаго и дьяка Семена Самсонова занять Ярославль до прихода Просовецкаго, въ чемъ они и успѣли. Въ слѣдъ за Лопатою, по тому же направленію двинулась и главная рать; казны Нижегородской не достало ей на жалованье, и потому взяли деньги у купцовъ иногородныхъ, торговавшихъ въ Нижнемъ, всего 5206 рублей, изъ которыхъ 4116 рублей было взято у Строгановскихъ приказчиковъ. Въ Балахнѣ, Юрьевѣ Поволжскомъ жители встрѣтили войско съ радостію, дали денегъ, проводили съ честію. На Решмѣ явился къ Пожарскому Кирилла Чоглоковъ и подалъ грамоту отъ Трубецкаго, Заруцкаго и всего подмосковнаго войска; казаки писали, что они, преступя всемірное крестное цѣлованіе—не выбирать государя безъ совѣта всей земли, цѣловали крестъ вору, который во Псковѣ; но теперь они сыскали, что во Псковѣ прямой воръ, а не тотъ, что былъ въ Тушинѣ и въ Калугѣ, отстали отъ него и цѣловали крестъ, что впередъ имъ никакого вора не затѣвать, а быть съ Нижегородскимъ ополченіемъ въ совѣтѣ и соединеніи, противъ враговъ стоять и Московское государство очищать. Пожарскій и Мининъ не повѣрили казацкому раскаянію, у нихъ было твердо положено не соединяться съ казаками: однако, не желая преждевременно раздражать ихъ, они отпустили Чоглокова съ честію и велѣли сказать казакамъ, что ни-

сколько ихъ не опасаются и спѣшатъ къ нимъ на помощь подъ Москву.

Давъ отдохнуть войску нѣсколько времени въ Кинешмѣ, Пожарскій пошелъ къ Костромѣ, но на Плесѣ получилъ извѣстіе, что Костромской воевода Иванъ Шереметевъ прямитъ Владиславу и не хочетъ пускать Нижегородское ополченіе въ городъ; Пожарскій подумалъ съ Мининымъ, и рѣшили, не останавливаясь, идти къ Костромѣ. Здѣсь между жителями были двѣ стороны: одна держалась воеводы, другая не хотѣла Владислава; послѣдняя была многочисленнѣе, и какъ скоро Пожарскій вошелъ въ посадъ Костромы, народъ всталъ на Шереметева, отнялъ у него воеводство и убилъ бы его, еслибы не защитилъ Пожарскій, у котораго Костромичи выпросили себѣ другаго воеводу, извѣстнаго намъ князя Романа Гагарина. Въ тоже время Суздальцы присылали просить защиты отъ Просовѣцкаго: къ нимъ былъ посланъ братъ Лопаты, князь Романъ Петровичъ Пожарскій.

Наконецъ въ первыхъ числахъ апрѣля ополченіе достигло Ярославля, гдѣ получило грамоту отъ Троицкихъ властей: Діонисій, Аврамій Палицынъ, Сукинъ и Андрей Палицынъ увѣдомляли, что «2 марта злодѣй и богоотступникъ Иванъ Плещеевъ съ товарищами, по злому воровскому казачью заводу, затѣяли подъ Москвою въ полкахъ крестное цѣлованье, цѣловали крестъ вору, который въ Псковѣ называется царемъ Димитріемъ; бояринa князя Дмитрія Тимоѳеевича Трубецкаго, дворянъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и Московскихъ жилецкихъ людей привели къ кресту неволею: тѣ цѣловали крестъ, боясь отъ казаковъ смертнаго убійства; теперь князь Дмитрій у этихъ воровскихъ заводцевъ живетъ въ великомъ утѣсненіи и радѣетъ соединиться съ вами. 28 марта пріѣхали въ Сергіевъ монастырь два брата Пушкины, прислалъ ихъ къ намъ для совѣта бояринъ князь Дмитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой, чтобъ мы послали къ вамъ, и всѣ бы православные христіане, соединясь, промышляли надъ Польскими и Литовскими людьми,

и надъ тѣми врагами, которые завели теперь смуту. И вамъ бы положить на своемъ разумѣ о томъ: можетъ ли и небольшая хижина безъ настоятеля утвердиться, и можетъ ли одинъ городъ безъ властодержателя стоять: не только что такому великому государству безъ государя быть? Соберитесь, государи, въ одно мѣсто, гдѣ Богъ благоволитъ, и положите совѣтъ благъ, станемъ просить у Вседержителя, да отвратитъ свой праведный гнѣвъ и дастъ стаду своему пастыря, пока злые заводцы и ругатели остальнымъ намъ православнымъ христіанамъ порухи не сдѣлали. Намъ извѣстно, что замосковные города—Калуга, Серпуховъ, Тула, Рязань по воровскому заводу креста не цѣловали, а радѣютъ и ждутъ вашего совѣта. Да марта же 28 пріѣхалъ къ намъ изъ Твери жилецъ и сказывалъ, что въ Твери, Торжкѣ, Старицѣ, Ржевѣ, Погорѣломъ Городищѣ также крестъ не цѣловали, ждутъ отъ васъ промысла и совѣта; Ивана Плещеева въ Тверь не пустили, товарищамъ его и казакамъ хлѣба купить не дали. Молимъ васъ усердно, поспѣшите придти къ намъ въ Троицкій монастырь, чтобъ тѣ люди, которые теперь подъ Москвою, рознью своею не потеряли Большаго Каменнаго города, остроговъ, наряду.» Въ этой же грамотѣ впервые говорится о страдальческой кончинѣ патріарха Гермогена (въ изгнаніи нужне умориша). Лѣтописецъ разсказываетъ, что Поляки прислали къ Гермогену Русскихъ людей, которые стали уговаривать его отписать къ Нижегородскому ополченію, чтобы не ходило подъ Москву; Гермогенъ отвѣчалъ: «да будутъ благословенны тѣ, которые идутъ для очищенія Московскаго государства, а вы измѣнники будьте прокляты». Поляки велѣли за это уморить его голодомъ: онъ умеръ 17 февраля и погребенъ въ Чудовѣ монастырѣ.

7 апрѣля изъ Ярославля пошли грамоты по городамъ: «Бояре и окольничіе и Дмитрій Пожарскій, и стольники и дворяне большіе и стряпчіе, и жильцы, и головы, и дворяне, и дѣти боярскіе всѣхъ городовъ, и Казанскаго государства князья, мурзы и татары, и разныхъ городовъ стрѣльцы,

пушкари и всякіе служилые и жилецкіе люди челомъ бьютъ. По умноженію грѣховъ всего православнаго христіанства, Богъ навелъ неутолимый гнѣвъ на землю нашу: въ первыхъ прекратилъ благородный корень царскаго поколѣнія (и т. д. слѣдуетъ перечисленіе бѣдствій смутнаго времени до убійства Ляпунова и буйства казаковъ, за нимъ послѣдовавшаго). Изъ-подъ Москвы князь Дмитрій Трубецкой да Иванъ Заруцкій, и атаманы и казаки къ намъ и по всѣмъ городамъ писали, что они цѣловали крестъ безъ совѣта всей земли государя не выбирать, Псковскому вору, Маринѣ и сыну ея не служить; а теперь цѣловали крестъ вору Сидоркѣ, желая бояръ, дворянъ и всѣхъ лучшихъ людей побитъ, имѣнье ихъ разграбить и владѣть по своему воровскому казацкому обычаю. Какъ сатана омрачилъ очи ихъ! при нихъ Калужскій ихъ царь убитъ и безглавенъ лежалъ всѣмъ на показъ шесть недѣль, объ этомъ они изъ Калуги въ Москву и по всѣмъ городамъ писали! Теперь мы всѣ православные христіане общимъ совѣтомъ, согласились со всею землею, обѣтъ Богу и души свои дали на томъ, что намъ ихъ воровскому царю Сидоркѣ и Маринѣ съ сыномъ не служить и противъ Польскихъ и Литовскихъ людей стоять въ крѣпости неподвижно. И вамъ, господа, пожаловать, совѣтовать со всякими людьми общимъ совѣтомъ, какъ бѣ намъ въ нынѣшнее конечное раззоренье быть небезгосударнымъ, выбрать бы намъ общимъ совѣтомъ государя, чтобъ отъ такихъ находящихъ бѣдъ безъ государя Московское годарство до конца не раззорилось. Сами, господа, знаете, какъ намъ теперь безъ государя противъ общихъ враговъ, Польскихъ, Литовскихъ и Нѣмецкихъ людей и Русскихъ воровъ, которые новую кровь начинаютъ, стоять? и какъ намъ безъ государя о великихъ государственныхъ и земскихъ дѣлахъ съ окрестными государями ссылаться? и какъ государству нашему впередъ стоять крѣпко и неподвижно? Такъ по всемірному своему совѣту пожаловать бы вамъ, прислать къ намъ въ Ярославль изъ всякихъ чиновъ людей человѣка по два, и съ ними совѣтъ свой отписать, за сво-

ими руками. Да отписать бы вамъ отъ себя подъ Москву въ полки, чтобъ они отъ вора Сидорки отстали, съ нами и со всею землею розни не чинили. Въ Нижнемъ Новгородѣ гости и всѣ земскіе посадскіе люди, не пощадя своего имѣнья, дворянъ и дѣтей боярскихъ снабдили денежнымъ жалованьемъ; а теперь изо всѣхъ городовъ пріѣзжаютъ къ намъ служилые люди, бьютъ челомъ всей землѣ о жалованьѣ, а дать имъ нечего. Такъ вамъ бы, господа, прислать къ намъ въ Ярославль денежную казну ратнымъ людямъ на жалованье.» У грамоты находятся подписи, изъ которыхъ мы узнаемъ начальныхъ людей рати; не смотря на то, что главнымъ вождемъ ополченія былъ избранъ Пожарскій, первыя мѣста уступлены людямъ, превышавшимъ главнаго вождя саномъ: первая подпись принадлежитъ боярину Морозову, вторая боярину князю Владиміру Тимоѳеевичу Долгорукову, третья окольничему Головину, четвертая князю Ивану Никитичу Одоевскому, пятая князю Пронскому, шестая князю Волконскому, седьмая Матвею Плещееву, осьмая князю Львову, девятая Мирону Вельяминову, десятая уже князю Пожарскому; на 15-мъ мѣстѣ читаемъ: «въ выборнаго человѣка всею землею, въ Козьмино мѣсто Минина князь Пожарскій руку приложилъ;» за Мининымъ слѣдуетъ еще 34 подписи, и въ томъ числѣ князей Долгорукова и Туренина, Шереметевыхъ, Салтыкова, Бутурлина.

Толпы служилыхъ людей пріѣзжали въ Ярославль для соединенія съ ополченіемъ, посадскіе люди привозили денежную казну; но подъ Москву нельзя было предпринять немедленнаго похода: казаки заняли Угличь, Пошехонье, свирѣпствовали по уѣздамъ, Шведы стояли въ Тихвинѣ. Нельзя было двинуться на югъ, оставивъ въ тылу этихъ враговъ. Князь Дмитрій Михайловичъ и Кузьма начали думать со всею ратью, духовенствомъ, и посадскими людьми, какъ бы земскому дѣлу было прибыльнѣе и положили: отправилъ пословъ въ Новгородъ, занять Шведовъ мирными переговорами, а на казаковъ послать войско. Въ Новгородъ отправился Степанъ Татищевъ съ выборными изъ каждаго города

по человѣку, повезъ грамоты къ митрополиту Исидору, князю Одоевскому и Делагарди: у митрополита и Одоевскаго ополченіе спрашивало, какъ у нихъ положено со Шведами? къ Делагарди писало, что если король Шведскій дастъ брата своего на государство и окреститъ его въ православную христіанскую вѣру, то они ради быть съ Новгородцами въ одномъ совѣтѣ. Это было написано для того, говоритъ лѣтопись, чтобъ, какъ пойдутъ подъ Москву на очищеніе Московскаго государства, Шведы не пошли воевать въ Поморскіе города. Грамоты въ Новгородъ были написаны 13 мая; 19 Исидоръ, Одоевскій и Делагарди отпустили Татищева съ отвѣтомъ, что пришлютъ въ Ярославль своихъ пословъ; но Татищевъ объявилъ, что въ Новгородѣ добра ждать нечего. Не смотря на то, въ іюнѣ начальники ополченія разослали грамоты по украинскимъ городамъ, которые держались Псковскаго вора, Марины и сына ея, чтобъ они отъ вѣдомаго вора отстали: «Только вы отъ того вора отстанете и съ нами будете въ соединеньи, то враги наши, Польскіе и Литовскіе люди изъ Московскаго государства выйдутъ; если же отъ вора не отстанете, то Польскіе и Литовскіе люди Москву и всѣ города до конца разорятъ, всѣхъ насъ и васъ погубятъ, землю нашу пусту и безпамятну учинятъ, и того всего взыщетъ Богъ на насъ, да и окрестныя всѣ государства назовутъ васъ предателями своей вѣрѣ и отечеству, а больше всего, какой вамъ дать отвѣтъ на второмъ пришествіи предъ праведнымъ Судіею? Да писали къ намъ изъ Великаго Новгорода митрополитъ Исидоръ и бояринъ князь Одоевскій, что у нихъ отъ Нѣмецкихъ людей православной вѣрѣ порухи и православнымъ христіанамъ роззоренья нѣтъ, Шведскаго короля Карла не стало, а послѣ него сѣлъ на государствѣ сынъ его Густавъ Адольфъ, а другой сынъ его Карлусъ Филиппъ будетъ въ Новгородъ на государство вскорѣ, и дается на всю волю людей Новгородскаго государства, хочетъ креститься въ нашу православную христіанскую вѣру греческаго закона. И вамъ бы, господа, про то было вѣдомо, и прислали бы вы къ намъ, для

общаго земскаго совѣта, изъ всякихъ чиновъ человѣка по два и по три, и совѣтъ свой отписали къ намъ, какъ намъ противъ общихъ враговъ, Польскихъ и Литовскихъ людей стоять и какъ намъ въ нынѣшнее злое время безгосударнымъ быть и выбрать бы намъ государя всею землею. А если вы, господа, къ намъ на совѣтъ вскорѣ не пришлете, отъ вора не отстанете и со всею землею не соединитесь и общимъ совѣтомъ съ нами государя не станете выбирать: то мы, съ сердечными слезами разставшись съ вами, всемірнымъ совѣтомъ съ Поморскими, Понизовыми и Замосковными городами, будемъ выбирать государя. Да объявляемъ вамъ, что 6 іюня прислали къ намъ изъ подъ Москвы князь Дмитрій Трубецкой, Иванъ Заруцкій и всякіе люди повинную грамоту, пишутъ, что они своровали, цѣловали крестъ Псковскому вору, а теперь они сыскали, что это прямой воръ, отстали отъ него и цѣловали крестъ впередъ другаго вора не затѣвать и быть съ нами во всемірномъ совѣтѣ; о томъ же они писали и къ вамъ во всѣ Украинскіе города».

На этотъ разъ изъ подмосковнаго стана писали правду: 11 апрѣля пріѣхалъ оттуда во Псковъ Иванъ Плещеевъ обознавать вора; Плещеевъ, по словамъ лѣтописи, обратился на истинный путь, не захотѣлъ вражды въ землѣ, и началъ говорить всѣмъ, что это истинный воръ. Очень можетъ быть, что несогласіе многихъ въ самомъ подмосковномъ станѣ, несогласіе сѣверозападныхъ городовъ, при чемъ Тверичи не впустили его къ себѣ въ городъ, содѣйствовало обращенію Плещеева на истинный путь. Какъ бы то ни было, отказъ его признать вора произвелъ свое дѣйствіе вь Псковѣ: 18 мая воръ долженъ былъ бѣжать изъ города съ воеводою княземъ Хованскимъ, но Плещеевъ вошелъ въ переговоры съ Хованскимъ и убѣдилъ его выдать вора, въ слѣдствіе чего 20 числа самозванца привели назадъ въ городъ и посадили въ палату, а 1-го іюля повезли къ Москвѣ.

Пожарскій послалъ и въ далекую Сибирь грамоты съ

увѣдомленіемъ о Новгородскихъ дѣлахъ и съ требованіемъ присылки выборныхъ для совѣта на счетъ избранія королевича. Онъ увѣдомлялъ города, что посланные имъ противъ казаковъ и Черкасъ отряды вездѣ имѣли успѣхъ: князь Дмитрій Лопата Пожарскій выгналъ казаковъ изъ Пошехонья, князь Дмитрій Мамстрюковичь Черкасскій выгналъ Малороссійскихъ казаковъ или Черкасъ изъ Антоніева монастыря въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, потомъ выгналъ великороссійскихъ казаковъ изъ Углича; воевода Наумовъ отогналъ отряды Заруцкаго отъ Переяславля. Но среди этихъ успѣховъ въ самомъ Ярославѣ происходили смуты: туда явился съ Казанскимъ ополченіемъ извѣстный намъ Иванъ Биркинъ вмѣстѣ съ Татарскимъ головою Лукьяномъ Мяснымъ; еще дорогою они ссорились другъ съ другомъ, Биркинъ велъ себя какъ непріятель въ городахъ и уѣздахъ, когда же пришелъ въ Ярославль, то возобновилъ ссору съ Мяснымъ изъ за того, кому быть главнымъ пачальникомъ, едва дѣло не дошло между ними до бою; но что всего хуже, эта ссора отразилась и въ ополченіи Пожарскаго: большинство было противъ Биркина и откинуло его, но Смольняне приняли его сторону. Биркинъ ушелъ съ большею частію своихъ назадъ, но Лукьянъ Мясной остался съ двадцатью человѣками князей и мурзъ, тридцатью дворянами и сотнею стрѣльцовъ. Смута не прекратилась и по уходѣ Биркина: начались споры между начальниками о старшинствѣ, каждый изъ ратныхъ людей принималъ сторону своего воеводы, а разсудить ихъ было не кому: тогда придумали по старинѣ взять въ посредники, въ третьи лицо духовное, послали къ бывшему Ростовскому митрополиту Кириллу, живпіему въ Троицкомъ монастырѣ, чтобъ онъ былъ на прежнемъ столѣ своемъ въ Ростовѣ. Кириллъ согласился, пріѣхалъ въ Ростовъ, потомъ въ Ярославль, и сталъ укрѣплять людей: какая ссора начнется у начальниковъ, и тѣ обо всемъ докладывали ему.

Озабоченные великимъ и труднымъ дѣломъ, обращая безпокойные взоры во всѣ стороны—нельзя ли гдѣ найти по-

мощь, начальники ополченія вспомнили о державѣ, съ которою прежніе цари Московскіе были постоянно въ дружественныхъ сношеніяхъ, которой помогали деньгами во время опасной войны съ Турціею: эта держава была Австрія. Вожди ополченія, по неопытности своей, думали, что Австрія теперь захочетъ быть благодарною, поможетъ Московскому государству въ его нуждѣ, и 20 іюня написали грамоту къ императору Рудольфу, въ которой, изложивъ всѣ бѣдствія, претерпѣнныя Русскими людьми отъ Поляковъ, писали: «Какъ вы, великій государь, эту нашу грамоту милостиво выслушаете, то можете разсудить, пригожее ли то дѣло Жигимонтъ король дѣлаетъ, что, преступивъ крестное цѣлованье, такое великое христіанское государство разорилъ и до конца разоряетъ, и годится ль такъ дѣлать христанскому государю! И между вами, великими государями, какому впередъ быть укрѣпленью кромѣ крестнаго цѣлованья? Бьемъ челомъ вашему цесарскому величеству всею землею, чтобъ вы, памятуя къ себѣ дружбу и любовь великихъ государей нашихъ, въ нынѣшней нашей скорби на насъ призрѣли, своею казною намъ помогли, а къ Польскому королю отписали, чтобъ онъ отъ неправды своей отсталъ и воинскихъ людей изъ Московскаго государства велѣлъ вывести.»

Въ іюлѣ пріѣхали въ Ярославль обѣщанные послы Новгородскіе, изъ духовныхъ игуменъ Вяжицкаго монастыря Геннадій, изъ дворянъ городовыхъ князь Ѳедоръ Оболенскій, да изо всѣхъ пятинъ изъ дворянъ и изъ посадскихъ людей по человѣку. 26 числа они правили посольство предъ Пожарскимъ и, по обычаю, начали рѣчь изложеніемъ причинъ смуты: «Послѣ пресѣченія царскаго корня всѣ единомысленно избрали на государство Бориса Ѳедоровича Годунова по его въ Россійскомъ государствѣ правительству, и всѣ ему въ послушаніи были; потомъ отъ государя на бояръ ближнихъ и на дальныхъ людей, по наносу злыхъ людей, гнѣвъ воздвигнулся, какъ вамъ самимъ вѣдомо. И нѣкоторый воръ, чернецъ, сбѣжалъ изъ Московскаго госу-

дарства въ Литву, назвался» и проч. Здѣсь нельзя не замѣтить, что послы именно хотѣли связать гнѣвъ Бориса на ближнихъ и дальнихъ людей съ появленіемъ самозванца, какъ причину съ слѣдствіемъ. Упомянувъ о послѣдующихъ событіяхъ, о переговорахъ начальниковъ перваго ополченія съ Делагарди, у котораго съ Бутурлинымъ «за нѣкоторыми мѣрами договоръ не стался, а Яковъ Пунтусовъ Новгородскій деревянный городъ взятьемъ взялъ, и Новгородцы утвердились съ нимъ просить къ себѣ въ государи Шведскаго королевича,»—послы увѣдомили, что этотъ королевичь Карлъ Филиппъ отъ матери и брата отпущенъ со всѣмъ, теперь въ дорогѣ и, надобно думать, скоро будетъ въ Новгородѣ. Послы кончили рѣчь словами: «Вѣдомо вамъ самимъ, что Великій Новгородъ отъ Московскаго государства никогда отлученъ не былъ, и теперь бы вамъ также, учиня между собою общій совѣтъ, быть съ нами въ любви и соединеніи подъ рукою одного государя.» Слова эти не моглине скорбить начальниковъ ополченія, представителей Московскаго государства: Новгородъ, давно уже часть послѣдняго, требуетъ, чтобъ цѣлое было съ нимъ въ любви и соединеніи и приняло государя, котораго онъ избралъ. Пожарскій отвѣчалъ горькими словами: «При прежнихъ великихъ государяхъ послы и посланники прихаживали изъ иныхъ государствъ, а теперь изъ Великаго Новгорода вы послы! искони, какъ начали быть государи на Россійскомъ государствѣ, Великій Новгородъ отъ Россійскаго государства отлученъ не бывалъ; такъ и теперь бы Новгородъ съ Россійскимъ государствомъ былъ по прежнему.» Послѣ этихъ словъ Пожарскій немедленно перешелъ къ тому, какъ обманчиво и непрочно избраніе иностранныхъ принцевъ: «Уже мы въ этомъ искусились, сказалъ онъ: чтобъ и Шведскій король не сдѣлалъ съ нами также, какъ Польскій. Польскій Жигимонтъ король хотѣлъ дать на Россійское государство сына своего королевича, да черезъ крестное цѣлованье гетмана Жолкѣвскаго и черезъ свой листъ манилъ съ годъ и не далъ; а надъ Московскимъ государствомъ,

что Польскіе и Литовскіе люди сдѣлали, то вамъ самимъ вѣдомо. И Шведскій Карлусъ король также на Новгородское государство хотѣлъ сына своего отпустить вскорѣ, да до сихъ поръ, уже близко году, королевичь вь Новгородъ не бывалъ.» Князь Оболенскій старался оправдать медленность королевича Филиппа смертію отца, вѣсть о которой застала его уже на пути въ Новгородъ, потомъ Датскою войною; онъ кончилъ такъ: «Такой статьи, какъ учинилъ надъ Московскимъ государствомъ Литовскій король, отъ Шведскаго королевства мы не чаемъ.» Пожарскій отвѣчалъ рѣшительно, что, наученные опытомъ, они не дадутся въ другой разъ въ обманъ и признаютъ Филиппа царемъ тогда только, какъ онъ пріѣдетъ въ Новгородъ и приметъ Греческую вѣру. «А въ Швецію намъ пословъ послать никакъ нельзя, заключилъ Пожарскій: вѣдомо вамъ самимъ, какіе люди посланы къ Польскому Жигимонту королю, бояринъ князь Василій Голицынъ съ товарищами! а теперь держатъ ихъ въ заключеніи какъ полоняниковъ, и они отъ нужды и безчестья, будучи въ чужой землѣ, погибаютъ.» Посланники возразили, что Шведскій король не можетъ повторить поступка Сигизмундова, ибо также наученъ опытомъ въ его безполезности: «Учинилъ Жигимонтъ король неправду, да тѣмъ себѣ какую прибыль сдѣлалъ, что пословъ задержалъ? Теперь и безъ нихъ вы бояре и воеводы не въ собраньи ли и противъ враговъ нашихъ, Польскихъ и Литовскихъ людей, не стоите ли?» Отвѣтъ Пожарскаго на это важенъ для насъ во первыхъ потому, что показываетъ мнѣніе его объ одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей смутнаго времени, во вторыхъ потому, что обнаруживаетъ характеръ самого Пожарскаго, противоположность этого характера характеру Ляпунова, что, разумѣется, не могло не имѣть важнаго вліянія на успѣхъ втораго ополченія; Пожарскій отвѣчалъ: «Надобны были такіе люди въ нынѣшнее время: еслибъ теперь такой столпъ, князь Василій Васильевичь, былъ здѣсь, то за него бы всѣ держались, и я за такое великое дѣло мимо его не при-

нялся бы; а то теперь меня къ такому дѣлу бояре и вся земля силою приневолили. И видя то, что сдѣлалось съ Литовской стороны, въ Швецію намъ пословъ не посылывать и государя не нашей православной вѣры Греческаго закона не хотѣть.» Послѣднія слова Пожарскаго сильно тронули Новгородскихъ пословъ; настаиваніе именно на то, чтобъ не выбирать государя неправославнаго пробудило въ нихъ чувство, которое служило самою крѣпкою связью между всѣми Русскими людьми, которое подняло всю землю противъ Польскихъ и Литовскихъ людей; Оболенскій сказалъ: «Мы отъ истинной православной вѣры не отпали, королевичу Филиппу Карлу будемъ бить челомъ, чтобъ онъ былъ въ нашей православной вѣрѣ Греческаго закона, и за то хотимъ всѣ помереть: только Карлъ королевичь не захочетъ быть въ православной христіанской вѣрѣ Греческаго закона, то не только съ вами боярами и воеводами и со всѣмъ Московскимъ государствомъ вмѣстѣ, хотя бы вы насъ и покинули, мы одни за истинную нашу православную вѣру хотимъ помереть, а не нашей, не-Греческой вѣры государя не хотимъ.» Переговоры кончились тѣмъ, что Пожарскій не согласился вступить ни въ какія обязательства со Шведами; но, чтобъ явнымъ разрывомъ не возбудитъ послѣднихъ противъ ополченія, положили отправить въ Новгородъ посла, Перфилья Секерина, для продленія времени: для того послали, говоритъ лѣтописецъ, чтобъ не помѣшали Нѣмецкіе люди итди на очищеніе Московскаго государства, того у нихъ и въ думѣ не было, что взять на Московское государство иноземца. «Если, господа, писали начальники ополченія Новгородамъ, если королевичь, по вашему прошенью, васъ не пожалуетъ, и въ Великій Новгородъ нынѣшняго года по лѣтнему пути не будетъ, то во всѣхъ городахъ всякіе люди о томъ будутъ въ сомнѣніи; а намъ безъ государя быть невозможно: сами знаете, что такому великому государству безъ государя долгое время стоять нельзя. А до тѣхъ поръ, пока королевичь не придетъ въ Новгородъ, людямъ Новгородскаго государства

быть съ нами въ любви и совѣтѣ, войны не начинать, городовъ и уѣздовъ Московскаго государства къ Новгородскому государству не подводить, людей къ кресту не приводить и задоровъ никакихъ не дѣлать.»

По отправленіи втораго посла въ Новгородъ ополченіе стало уже собираться въ походъ изъ Ярославля, какъ открылся казацкій заговоръ на жизнь Пожарскаго. Изъ подмосковнаго стана, отъ Заруцкаго, пріѣхали въ Ярославль двое казаковъ—Обреска и Степанъ, у нихъ уже были здѣсь соумышленники—Иванъ Доводчиковъ Смолянинъ, Смоленскіе стрѣльцы — Шанда съ пятью товарищами, да Рязанецъ Семенъ Хваловъ; послѣдній жилъ на дворѣ у князя Пожарскаго, который кормилъ его и одѣвалъ. Придумывали разные способы, хотѣли зарѣзать Пожарскаго соннаго, наконецъ рѣшили умертвить его гдѣ-нибудь на дорогѣ, въ тѣснотѣ. Однажды князь былъ въ съѣзжей избѣ, оттуда пошелъ смотрѣть пушки, назначаемыя подъ Москву, и принужденъ былъ отъ тѣсноты остановиться у дверей разрядныхъ; казакъ, именемъ Романъ, взялъ его за руку, вѣроятно для того, чтобъ помочь вырваться изъ толпы: въ это время заговорщикъ, казакъ Степанъ кинулся между ними, хотѣлъ ударить ножемъ въ животъ князя, но промахнулся и ударилъ Романа по ногѣ; тотъ упалъ и началъ стонать. Пожарскій никакъ не воображалъ, что ударъ былъ направленъ противъ него, думалъ, что несчастіе случилось по неосторожности въ тѣснотѣ и хотѣлъ уже идти дальше, какъ народъ бросился къ нему съ крикомъ, что его самого хотѣли зарѣзать; начали искать и нашли ножъ, схватили убійцу, который на пыткѣ повинился во всемъ, и назвалъ товарищей, которые также признались. По приговору всей земли, преступниковъ разослали въ города по тюрьмамъ, нѣкоторыхъ же взяли подъ Москву на обличенье: тамъ повинились они вторично предъ всею ратью и были прощены, потому что Пожарскій просилъ за нихъ.

Понятно, съ какимъ чувствомъ послѣ этого Пожарскій и все ополченіе должны были выступать въ походъ подъ Мо-

скву, гдѣ подъ видомъ союзниковъ должны были встрѣтить убійцъ. Но медлить долѣе нельзя было, потому что приходили вѣсти о приближеніи Ходкѣвичакъ Москвѣ. Пожарскій отправилъ передовые отряды, первый подъ начальствомъ воеводъ Михайлы Самсоновича Дмитріева и Θедора Левашова; имъ наказано было, пришедши подъ Москву, не входить въ станъ къ Трубецкому и Заруцкому: но поставить себѣ особый острожекъ у Петровскихъ воротъ; второй отрядъ былъ отправленъ подъ начальствомъ князя Дмитрія Петровича Лопаты-Пожарскаго и дьяка Семена Самсонова, которымъ велѣно было стать у Тверскихъ воротъ. Кромѣ извѣстій о движеніяхъ Ходкѣвича была и другая причина спѣшить походомъ къ Москвѣ: надобно было спасти дворянъ и дѣтей боярскихъ, находившихся подъ Москвою, отъ буйства казаковъ. Украинскіе города, подвигнутые грамотами ополченія, выслали своихъ ратныхъ людей, которые пришли въ станъ къ Трубецкому и расположились въ Никитскомъ острогѣ; но Заруцкій съ своими казаками не давалъ имъ покоя. Несчастные Украинцы послали въ Ярославль Кондырева и Бѣгичева съ товарищами бить челомъ, чтобъ ополченіе шло подъ Москву немедленно спасти ихъ отъ казаковъ; когда посланные увидали здѣсь, въ какомъ довольствѣ и устройствѣ живутъ ратники новаго ополченія и вспомнили свое утѣсненіе отъ казаковъ, то не могли промолвить ни слова отъ слезъ. Князь Пожарскій и другіе знали лично Кондырева и Бѣгичева, но теперь едва могли узнать ихъ: въ какомъ жалкомъ видѣ они явились въ Ярославль! Ихъ обдарили деньгами, сукнами и отпустили къ своимъ съ радостною вѣстію, что ополченіе выступаетъ къ Москвѣ. Но какъ скоро Заруцкій и казаки его узнали, съ какими вѣстями возвратились Кондыревъ и Бѣгичевъ, то хотѣли побить ихъ, и они едва спаслись въ полкъ къ Дмитріеву, а товарищи ихъ, остальные Украинцы, принуждены были разбѣжаться по своимъ городамъ. Разогнавъ Украинскихъ людей, Заруцкій хотѣлъ и прямо помѣшать движенію ополченія; онъ отправилъ многочисленный отрядъ ка-

заковъ перенять дорогу у князя Лопаты-Пожарскаго, разбить полкъ, умертвить воеводу; но и этотъ замыселъ не удался: отрядъ Лопаты храбро встрѣтилъ казаковъ и обратилъ ихъ въ бѣгство.

Наконецъ и главное ополченіе выступило изъ Ярославля. Отслуживъ молебенъ въ Спасскомъ монастырѣ у гроба Ярославскихъ Чудотворцевъ (знаменитаго князя Θедора Ростиславича Чернаго и сыновей его Давида и Константина), взявъ благословеніе у Митрополита Кирилла и у всѣхъ властей духовныхъ, Пожарскій вывелъ ополченіе изъ Ярославля. Отошедши 7 верстъ отъ города, войско остановилось на ночлегъ Здѣсь Пожарскій сдалъ рать князю Ивану Андреевичу Хованскому и Кузьмѣ Минину, приказавъ идти въ Ростовъ и ждать его тамъ, а самъ съ немногими людьми поѣхалъ въ Суздаль, въ Спасо-Евфиміевъ монастырь проститься у гробовъ родительскихъ, послѣ чего, какъ было условлено, пагналъ рать въ Ростовѣ. Въ этомъ городѣ къ ополченію присоеденилось еще много ратныхъ людей изъ разныхъ областей, такъ что Пожарскій могъ послать отрядъ подъ начальствомъ Образцова въ Бѣлозерскъ на случай враждебнаго движенія Шведовъ. Нужно было сдѣлать еще важное распоряженіе: митрополитъ Кириллъ, который въ Ярославѣ былъ посредникомъ, примирителемъ ссоръ между воеводами, остался въ своей епархіи; нужно было подъ Москвою имѣть такое же лице, тѣмъ болѣе, что предвидѣлись распри еще большія, вслѣдствіе сосѣдства Трубецкаго и Заруцкаго. И вотъ 29 Іюля Пожарскій, отъ имени всѣхъ чиновъ людей, написалъ къ Казанскому митрополиту Ефрему: «За преумноженіе грѣховъ всѣхъ насъ православныхъ христіанъ, Вседержитель Богъ совершилъ ярость гнѣва своего въ народѣ нашемъ, угасилъ два великія свѣтила въ мірѣ: отнялъ у насъ главу Московскаго государства и вождя людямъ, государя царя и великаго князя всея Руси, отнялъ и пастыря и учителя словесныхъ овецъ стада его, святѣйшаго патріарха Московскаго и всея Руси; да и по городамъ многіе пастыри и учители, митро-

политы, архіепископы и епископы, какъ пресвѣтлыя звѣзды, погасли, и теперь оставилъ насъ сиротствующихъ, и были мы въ поношеніе и посмѣхъ, на поруганіе языковъ; но еще не до конца оставилъ насъ сирыми, даровалъ намъ единое утѣшеніе, тебя великаго господина, какъ нѣкое великое свѣтило положи на свѣщницѣ въ Россійскомъ государствѣ сіяющее. И теперь, великій господинъ! не малая у насъ скорбь, что подъ Москвою вся земля въ собраньѣ, а пастыря и учителя у насъ нѣтъ; одна соборная церковь пречистой Богородицы осталась на Крутицахъ, и та вдовствуетъ. И мы, по совѣту всей земли, приговорили: въ дому Пречистой Богородицы на Крутицахъ быть митрополитомъ игумену Сторожевскаго монастыря Исаіи: этотъ Исаія отъ многихъ свидѣтельствованъ, что имѣетъ житіе по Богѣ. И мы игумена Исаію послали къ тебѣ, великому господину, въ Казань, и молимъ твое преподобіе всею землею, чтобъ тебѣ великому господину не оставить насъ въ послѣдней скорби и безпастырныхъ, совершить игумена Исаію на Крутицы митрополитомъ и отпустить его подъ Москву къ намъ въ полки поскорѣе, да и ризницу бы дать ему полную, потому что церковь Крутицкая въ крайнемъ оскуденіи и раззореніи.»

По извѣстіямъ Русскихъ лѣтописцевъ, Заруцкій, услыхавъ, что ополченіе двинулось изъ Ярославля, собрался съ преданными ему казаками, т.-е. почти съ половиною всего войска, стоявшаго подъ Москвою, и двинулся въ Коломну, гдѣ жила Марина съ сыномъ; взявши ихъ и выгромивъ городъ, пошелъ на Рязанскія мѣста, и опустошивши ихъ, сталъ въ Михайловѣ. Поляки разказываютъ иначе причину, побудившую Заруцкаго оставить подмосковный станъ: по ихъ словамъ, Ходкѣвичъ, стоя въ Рогачевѣ, завелъ сношенія съ Заруцкимъ, склоняя его разными обѣщаніями перейдти на сторону королевскую. Посредникомъ былъ одинъ изъ войска Сапѣги, именемъ Бориславскій, который явился въ подмосковный станъ, объявивши, что недоволенъ гетманомъ и службою королевскою и хочетъ слу-

жить у Русскихъ. Послѣдніе повѣрили; но одинъ Полякъ, Хмелевскій, также убѣжавшій изъ Польскаго стана, открылъ Трубецкому о переговорахъ Бориславскаго съ Заруцкимъ. Бориславскаго взяли на пытку, жгли огнемъ, и онъ погибъ въ мукахъ, а Заруцкій счелъ залучшее уйдти изъ стана подъ Коломну. Казаки, оставшіеся съ Трубецкимъ подъ Москвою, отправили атамана Внукова въ Ростовъ просить Пожарскаго идти поскорѣе подъ Москву; но это посольство имѣло еще другую цѣль: казаки хотѣли развѣдать, не затѣваетъ ли ополченіе чего-нибудь противъ нихъ? Но Пожарскій и Мининъ обошлись со Внуковымъ и товарищами его очень ласково, одарили деньгами и сукнами и отпустили подъ Москву съ извѣстіемъ, что идутъ немедленно, и дѣйствительно въ слѣдъ за ними двинулись черезъ Переяславль къ Троицкому монастырю.

Прибывши къ Троицѣ, 14-го Августа ополченіе расположилось между монастыремъ и Клементьевскою слободою: то былъ послѣдній станъ до Москвы, предстояло сдѣлать послѣдній шагъ,—и ополченіемъ овладѣло раздумье; боялись не Поляковъ осажденныхъ, не гетмана Ходкѣвича, боялись казаковъ. Пожарскій и Мининъ хотѣли непремѣнно обезпечить себя относительно казаковъ какимъ-нибудь договоромъ, укрѣпиться съ ними, по тогдашнему выраженію, чтобъ другъ на друга никакого зла не умышлять. Въ ополченіи встала рознь: одни хотѣли идти подъ Москву; другіе не соглашались, говорили, что казаки манятъ князя Дмитрія подъ Москву для того, чтобъ убить его также какъ Ляпунова. Въ это время пришло предложеніе отъ другихъ союзниковъ ненадежныхъ, отъ наемниковъ иноземныхъ, Маржерета съ треми товарищами, которые писали, что набравъ ратныхъ людей, готовы идти на помощь къ ополченію. Бояре, воеводы и по избранію Московскаго государства всякихъ чиновъ людей у ратныхъ и земскихъ дѣлъ стольникъ и воевода, князь Дмитрій Пожарскій, написали отвѣтъ на имя однихъ товарищей Маржеретовыхъ: «Мы государямъ вашимъ королямъ, за ихъ жалованье, что они о Москов-

скомъ государствѣ радѣютъ и людямъ велятъ сбираться намъ на помощь, челомъ бьемъ и ихъ жалованье рады высылать; васъ, начальныхъ людей за ваше доброхотство похваляемъ, и нашею любовью, гдѣ будетъ возможно, воздавать вамъ хотимъ; но тому удивляемся, что вы въ совѣтѣ съ Францужениномъ Яковомъ Маржеретомъ, о которомъ мы всѣ знаемъ подлинно: выѣхалъ онъ при царѣ Борисѣ Ѳедоровичѣ изъ цесарской области, и государь его пожаловалъ помѣстьемъ, вотчинами и денежнымъ жалованьемъ; а послѣ при царѣ Василіи Ивановичѣ Маржеретъ присталъ къ вору и Московскому государству многое зло чинилъ; а когда Польскій король прислалъ гетмана Жолкѣвскаго, то Маржеретъ пришелъ опять съ гетманомъ, и когда Польскіе и Литовскіе люди, оплоша Московскихъ бояръ, Москву раззорили, выжгли и людей сѣкли, то Маржеретъ кровь христіанскую проливалъ пуще Польскихъ людей, и, награбившись государевой казны, пошелъ изъ Москвы въ Польшу съ измѣнникомъ Михайлою Салтыковымъ. Намъ подлинно извѣстно, что Польскій король тому Маржерету велѣлъ у себя быть въ радѣ: и мы удивляемся, какимъ это образомъ теперь Маржеретъ хочетъ намъ помогать противъ Польскихъ людей? Мнится намъ, что Маржеретъ хочетъ быть въ Московское государство по умышленью Польскаго короля, чтобъ зло какое-нибудь учинить. Мы этого опасаемся, и потому къ Архангельскому городу на береженье ратныхъ людей отпускаемъ. Да и наемные люди изъ иныхъ государствъ намъ теперь не надобны: до сихъ поръ мы съ Польскими людьми не могли сладить, потому что государство Московское было въ розни, а теперь все Россійское государство избрало за разумъ, правду, дородство и храбрость къ ратнымъ и земскихъ дѣламъ стольника и воеводу князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго Стародубскаго; да и тѣ люди, которые были въ воровствѣ съ Польскими и Литовскими людьми, стали теперь съ нами единомышленно, и мы Польскихъ и Литовскихъ людей побиваемъ и города очищаемъ: что гдѣ соберется доходовъ, отдаемъ нашимъ

ратнымъ людямъ, стрѣльцамъ и казакамъ, а сами мы бояре и воеводы, дворяне и дѣти боярскіе служимъ и бьемся за св. Божіи церкви, за православную вѣру и свое отечество безъ жалованья. А до Польскихъ и Литовскихъ людей самихъ за ихъ неправду, гнѣвъ Божій доходитъ: Турскіе и Крымскіе люди Волынь и Подолію до конца запустошили и впередъ, по нашей ссылкѣ, Польскую и Литовскую землю Крымскіе люди пустошить хотятъ. Такъ, уповая на милость Божію, оборанимся и сами, безъ наемныхъ людей. А если по какому-нибудь случаю, враговъ нашихъ не одолѣемъ, то пошлемъ къ вамъ своихъ людей, наказавши имъ подлинно, сколько имъ людей нанимать и почемъ имъ давать. А вы бы любовь свою намъ показали, о Яковѣ Маржеретѣ отписали, какимъ образомъ онъ изъ Польской земли у васъ объявился, и какъ онъ теперь у васъ, въ какой чести? А мы думали, что ему, за его неправду, кромѣ Польши, ни въ какой землѣ мѣста не будетъ.»

Отъ наемныхъ иностранцевъ можно было отдѣлаться, но отъ казаковъ подмосковнаго стана нельзя: пришла вѣсть, что Ходкѣвича ожидаютъ подъ Москву съ часу на часъ. Пожарскому было уже не до уговору съ казаками: онъ наскоро послалъ передъ собою князя Туренина съ отрядомъ, приказавъ ему стать у Чертольскихъ воротъ, и назначилъ 18 августа днемъ выступленія цѣлаго ополченія къ Москвѣ. Отпѣвши молебенъ у Чудотворца, благословившись у архимандрита, войска выступили, монахи провожали ихъ крестнымъ ходомъ, и вотъ когда послѣдніе люди двигались на великое дѣло, сильный вѣтеръ подулъ отъ Москвы на встрѣчу ополченію! дурной знакъ! сердца упали; со страхомъ и томленіемъ подходили ратники къ образамъ св. Троицы, Сергія и Никона Чудотворцевъ, прикладывались ко кресту изъ рукъ архимандрита, который кропилъ ихъ святою водою. Но когда этотъ священный обрядъ былъ конченъ, вѣтеръ вдругъ перемѣнился и съ такою силою подулъ въ тылъ войску, что всадники едва держались на лошадяхъ: тотчасъ же всѣ лица просіяли, вездѣ

послышались обѣщанія: померeть за домъ Пречистой Богородицы, за православную христіанскую вѣру.

Время было уже къ вечеру, когда, не доходя 5 верстъ до Москвы, ополченіе остановилось на рѣкѣ Яузѣ; къ Арбатскимъ воротамъ посланы были отряды развѣдать удобныя мѣста для стана; когда они возвратились, исполнивъ порученіе, то уже наступала ночь и Пожарскій рѣшился провести ее на томъ мѣстѣ, гдѣ остановился. Трубецкой безпрестанно присылалъ звать Пожарскаго къ себѣ въ станъ, но воевода и вся рать отвѣчали: «отнюдь не бывать тому, чтобъ намъ стать вмѣстѣ съ казаками.» На другой день утромъ, когда ополченіе пододвинулось ближе къ Москвѣ, Трубецкой встрѣтилъ его съ своими ратными людьми и предлагалъ стать вмѣстѣ въ одномъ острогѣ, расположенномъ у Яузскихъ воротъ; но получилъ опять прежній отвѣтъ: «отнюдь намъ вмѣстѣ съ казаками не стаивать», и Пожарскій расположился въ особомъ острогѣ у Арбатскихъ воротъ; Трубецкой и казаки разсердились. Такимъ образомъ подъ Москвою открылось любопытное зрѣлище. Подъ ея стѣнами стояли два ополченія, имѣвшія, повидимому одну цѣль—вытѣснить враговъ изъ столицы, а между тѣмъ рѣзко раздѣленныя и враждебныя другъ другу; старое ополченіе, состоявшее преимущественно изъ казаковъ, имѣвшее вождемъ Тушинскаго боярина, было представителемъ Россіи больной, представителемъ народонаселенія преждепогибшей южной украйны, народонаселенія съ противуобщественными стремленіями; второе ополченіе, находившееся подъ начальствомъ воеводы, знаменитаго своею вѣрностію установленному порядку, было представителемъ здоровой, свѣжей половины Россіи, того народонаселенія съ земскимъ характеромъ, которое въ самомъ началѣ смутъ выставило сопротивленіе ихъ исчадіямъ, воровскимъ слугамъ, и теперь, не смотря на всю видимую безнадежность положенія, на торжество казаковъ по смерти Ляпунова, собрала, съ большими пожертвованіями, послѣднія силы и выставило ихъ на очищеніе государства. Залогъ успѣха теперь заключался

въ томъ, что эта здоровая часть Русскаго народонаселенія, сознавъ, съ одной стороны, необходимость пожертвовать всѣмъ для спасенія вѣры и отечества, съ другой сознало ясно, гдѣ источникъ зла, гдѣ главный врагъ Московскаго государства, и порвала связь съ больною, зараженною частію. Слова Минина въ Нижнемъ: «Похотѣть намъ помочь Московскому государству, то не пожалѣть намъ ничего», и слова ополченія подъ Москвою: «отнюдь намъ съ казаками вмѣстѣ не стаивать» — вотъ слова, въ которыхъ высказалось внутреннее очищеніе, выздоровленіе Московскаго государства; чистое отдѣлилось отъ нечистаго, здоровое отъ зараженнаго, и очищеніе государства отъ враговъ внѣшнихъ было уже легко.

Это очищеніе было тѣмъ болѣе легко, что государство, съ которымъ должно было бороться, само страдало тяжкою, неизлѣчимою болѣзнію внутренняго безнарядья. Еще осенью 1611 года Поляки, находившіеся въ Москвѣ, послали сказать королю, что они долѣе 6 Января 1612 года здѣсь не останутся; когда назначенный срокъ прошелъ, они сдержали свое слово: собрали коло, выбрали маршалкомъ конфедераціи Іосифа Цеклинскаго и, въ числѣ 7000 коннаго войска, отправились въ Польшу требовать заслуженнаго жалованья. Въ Москвѣ осталась часть Сапѣжинскаго войска и отрядъ, присланный изъ Смоленска съ двумя Конецпольскими; главнымъ начальникомъ вмѣсто Гонсѣвскаго Яковъ Потоцкій прислалъ племянника своего отъ сестры, Николая Струса, съ цѣлію мѣшать Ходкѣвичу. Четыре тысячи Сапѣжинцевъ, примкнувшіе было къ Ходкѣвичу, также, какъ говорятъ, по интригамъ партіи Потоцкаго, бросили гетманскій станъ, составили конфедерацію, выбрали себѣ въ маршалки Яна Залинскаго и ушли въ Литву. При такомъ состояніи дѣлъ мы не будемъ удивляться бездѣйствію Ходкѣвича въ продолженіи слишкомъ полугода; все что онъ могъ дѣлать — это снабжать осажденныхъ съѣстными припасами.

21 Августа узналъ Пожарскій о движеніи Ходкѣвича изъ

Вязьмы къ Москвѣ, и вечеромъ того же дня непріятель уже стоялъ на Поклонной горѣ. Чтобъ загородить ему дорогу въ Кремль, Русское войско стало по обоимъ берегамъ Москвы рѣки: ополченіе Пожарскаго на лѣвомъ подлѣ Новодѣвичьяго монастыря, ополченіе Трубецкаго на правомъ у Крымскаго двора; Трубецкой прислалъ сказать Пожарскому, что для успѣшнаго нападенія на гетмана со стороны ему необходимо нѣсколько конныхъ сотенъ; Пожарскій выбралъ пять лучшихъ сотенъ и отправилъ ихъ на тотъ берегъ. На разсвѣтѣ 22 числа гетманъ перешелъ Москву рѣку у Новодѣвичьяго монастыря и напалъ на Пожарскаго; бой продолжался съ перваго часа по восходѣ солнечномъ до осьмаго, и грозилъ окончиться дурно для Пожарскаго; онъ былъ уже придвинутъ къ Чертольскимъ воротамъ, и видя, что Русская конница не въ состояніи бороться съ Польскою, велѣлъ всей своей рати сойти съ коней, но при этой перемѣнѣ строя русскіе люди едва могли сдерживать натискъ непріятеля. А на другомъ берегу ополченіе Трубецкаго стояло въ совершенномъ бездѣйствіи: казаки спокойно смотрѣли на битву и ругались надъ дворянами: «богаты пришли изъ Ярославля, отстоятся и одни отъ гетмана,» кричали они. Но не могли спокойно смотрѣть на битву головы тѣхъ сотенъ, которыя были отдѣлены къ Трубецкому изъ ополченія Пожарскаго: они двинулись на выручку своихъ, Трубецкой не хотѣлъ было отпускать ихъ, но они его не послушали и быстро рванулись черезъ рѣку; примѣръ ихъ увлекъ и нѣкоторыхъ казаковъ: атаманы: Филатъ Межаковъ, Аѳанасій Коломна, Дружина Романовъ и Марко Козловъ пошли за ними, крича Трубецкому: «отъ вашей ссоры Московскому государству и ратнымъ людямъ пагуба становится»! Приходъ на помощь свѣжаго отряда рѣшилъ дѣло въ пользу Пожарскаго; гетманъ, потерявши надежду пробиться съ этой стороны къ Кремлю, отступилъ назадъ къ Поклонной горѣ; съ другой стороны Кремлевскіе Поляки, сдѣлавши вылазку для очистки Водяныхъ воротъ, были побиты и потеряли знамена. Но въ ночь четыреста во-

зовъ съ запасами подъ прикрытіемъ отряда изъ 600 человѣкъ пробрались къ городу: дорогу указывалъ Русскій, Григорій Орловъ; стража, опередившая возы, успѣла уже войти въ городъ, какъ явились Русскіе, начали сильную перестрѣлку и овладѣли возами.

23 числа осажденные снова сдѣлали вылазку изъ Китая города и на этотъ разъ удачно; они переправились черезъ Москву рѣку, взяли Русскій острогъ, бывшій у церкви св. Георгія (въ Яндовѣ) и засѣли тутъ, распустивши на колокольнѣ Польское знамя. Другаго дѣла 23 числа не было: гетманъ употребилъ этотъ день на передвижку своего войска отъ Поклонной горы къ Донскому монастырю, чтобъ пробиться къ городу по Замоскворѣчью черезъ нынѣшнія Ордынскую и Пятницкую улицы; очень быть можетъ, что онъ не надѣялся встрѣтить сильнаго сопротивленія со стороны стоявшихъ здѣсь казаковъ Трубецкаго, ибо видѣлъ равнодушіе ихъ наканунѣ; онъ могъ надѣяться, что ополченіе Пожарскаго захочетъ отомстить казакамъ и не двинется къ нимъ на помощь. На этотъ разъ Трубецкой расположился по берегу Москвы рѣки отъ Лужниковъ (старыхъ), его же казацкій отрядъ сидѣлъ въ острогѣ у церкви св. Климента (на Пятницкой). Обозъ Пожарскаго былъ расположенъ по прежнему на лѣвомъ берегу, подлѣ церкви Ильи Обыденнаго; но самъ Пожарскій съ большею частію войска переправился на Замоскворѣчье, чтобъ вмѣстѣ съ Трубецкимъ не пускать гетмана въ городъ.

24 числа, въ понедѣльникъ, опять на разсвѣтѣ, начался бой и продолжался до шестаго часа по восхожденіи солнца; Поляки смяли Русскихъ и втоптали ихъ въ рѣку, такъ что самъ Пожарскій съ своимъ полкомъ едва устоялъ, и принужденъ былъ переправиться на лѣвый берегъ; Трубецкой съ своими казаками ушелъ въ таборы за рѣку; казаки покинули и Клементьевскій острожекъ, который тотчасъ же былъ занятъ Поляками, вышедшими изъ Китая города. Поляки, по обычаю, распустили свои знамена на церкви св. Климента; этотъ видъ Литовскихъ знаменъ на православ-

ной церкви раздражилъ казаковъ: они съ яростію бросились опять къ острожку и выбили оттуда Поляковъ; но одно чувство у этихъ дикарей быстро смѣнялось другимъ: увидавъ, что они одни бьются съ непріятелемъ, а дворяне Пожарскаго имъ не помогаютъ, казаки въ сердцахъ опять вышли изъ острога, ругая дворянъ; «они богаты и ничего не хотятъ дѣлать, мы наги и голодны и одни бьемся; такъ не выйдемъ же теперь на бой никогда.» Клементьевскій острогъ опять былъ занятъ Поляками и гетманъ расположилъ свой обозъ у церкви великомученицы Екатерины (на Ордынкѣ). Видя успѣхъ непріятеля; видя съ другой стороны, что съ однимъ своимъ ополченіемъ нельзя поправить дѣло, Пожарскій и Мининъ послали князя Димитрія Петровича Лопату-Пожарскаго за Келаремъ Авраміемъ Палицынымъ, который въ это время въ обозѣ, у церкви Иліи Обыденнаго служилъ молебенъ. Пожарскій упросилъ Авраміи въ сопровожденіи многихъ дворянъ отправиться въ станъ къ казакамъ и уговорить ихъ, чтобъ шли противъ Поляковъ и постарались не пропустить запасовъ въ Китай и Кремль. Келарь отправился сначала къ самому важному мѣсту, въ Клементьевскому острогу, у котораго еще стояла толпа казаковъ; и началъ говорить имъ: «Отъ васъ началось дѣло доброе, вы стали крѣпко за православную вѣру и прославились во многихъ дальнихъ государствахъ своею храбростію: а теперь, братья, хотите такое доброе начало однимъ разомъ погубить?» Эти слова тронули казаковъ: они отвѣчали, что готовы идти на враговъ и помрутъ, а безъ побѣды не возвратятся, только пусть келарь ѣдетъ въ таборы къ другимъ казакамъ и уговоритъ ихъ также вступить въ дѣло. Келарь поѣхалъ и на берегу рѣки увидалъ множество казаковъ, которые сбирались переходить на тотъ берегъ въ свои таборы; Палицынъ уговорилъ и ихъ возвратиться назадъ; другіе казаки, которые стояли уже на другомъ берегу, видя что братья ихъ возвращаются назадъ, не зная еще въ чемъ дѣло, бросились также назадъ черезъ рѣку, одни въ бродъ, другіе по лавамъ; видя, что

дѣло пошло на ладъ, Палицынъ переѣхалъ черезъ рѣку въ самые таборы казацкіе: здѣсь одни казаки преспокойно пили, другіе играли въ зернь, но Палицынъ успѣлъ и ихъ уговорить, и вотъ вся эта толпа оборванцевъ, босыхъ, нагихъ (ибо все награбленное тотчасъ пропивалось и проигрывалось) бросилась черезъ рѣку по слѣдамъ товарищей, съ крикомъ: «Сергіевъ! Сергіевъ!» Видя общее движеніе казаковъ, ополченіе Пожарскаго также двинулись впередъ, острогъ Клементьевскій былъ снова взятъ у Поляковъ, и Русская пѣхота залегла по ямамъ и крапивамъ по всѣмъ дорогамъ, чтобы не пропускать гетмана къ городу.

Уже начинало темнѣть, а рѣшительнаго еще ничего не было; по всѣмъ полкамъ пѣли молебны со слезами, чтобъ Богъ избавилъ отъ погибели Московское государство, дали обѣтъ всею ратью поставить три храма: во имя Срѣтенія Богородицы, Іоанна Богослова и Петра митрополита. Сдѣлать рѣшительный шагъ суждено было человѣку, который началъ великое дѣло: Мининъ подошелъ къ Пожарскому и началъ просить у него людей, чтобъ промыслить надъ гетманомъ: «Бери кого хочешь», отвѣчалъ ему князь Дмитрій. Мининъ взялъ уже извѣстнаго намъ перебѣжчика ротмистра Хмѣлевскаго, да три дворянскихъ сотни, перешелъ рѣку и устремился на двѣ Польскія роты, конную и пѣшую, стоявшія у Крымскаго двора; тѣ испугались и, не дожидаясь удара отъ Русскихъ, бросились бѣжать къ гетманскому стану, причемъ одна рота смяла другую; видя это, Русская пѣхота выскочила изъ ямъ, и пошла также къ Польскимъ таборамъ, а за нею двинулось и все конное ополченіе; Поляки не могли выдержать этого дружнаго натиска: потерявши 500 человѣкъ — потеря страшная при малочисленности его войска! —гетманъ вышелъ изъ Екатерининскаго стана и отступилъ на Воробьевы горы; разгоряченные Русскіе ратники хотѣли преслѣдовать непріятеля, но осторожные воеводы остановили ихъ, говоря, что не бываетъ на одинъ день по двѣ радости; только сильная стрѣльба продолжалась два часа:

въ полкахъ нельзя было разслышать голоса человѣческаго, и небо стало въ заревѣ, точно отъ пожара. На другойдень восходящее солнце застало уже гетмана на дорогѣ къ Можайску.

Соединенными усиліями обоихъ ополченій гетманъ былъ отраженъ и къ сидѣвшимъ въ Кремлѣ и Китаѣ Полякамъ не пропущено припасовъ; надобно было теперь думать о томъ, какъ бы стѣснить ихъ окончательно; но пошла опять рознь между ополченіями Трубецкаго и Пожарскаго, то есть между казаками и дворянами: князь Трубецкой, какъ бояринъ, требовалъ, чтобы стольникъ князь Пожарскій и торговый человѣкъ Мининъ ѣздили къ нему въ таборы для совѣта; но тѣ никакъ не согласились, не потому, говоритъ лѣтопись, чтобы считали это для себя унизительнымъ, но боясь убійства отъ казаковъ. Скоро явились новые поджигатели вражды, о дѣйствіяхъ которыхъ такъ разсказываетъ грамота, разосланная по городамъ отъ Пожарскаго: «По благословенію великаго господина преосвященнаго Кирилла, митрополита Ростовскаго и Ярославскаго и всего освященнаго собора, по совѣту и приговору всей земли, пришли мы въ Москву, и въ гетманскій приходъ съ Польскими и Литовскими людьми, съ Черкасами и Венграми бились мы четыре дня и четыре ночи. Божіею милостію и Пречистой Богородицы и Московскихъ чудотворцевъ: Петра, Алексія, Іоны и Русской земли заступника великаго чудотворца Сергія и всѣхъ святыхъ молитвами, всемірныхъ враговъ нашихъ, гетмана Хоткѣева съ Польскими и Литовскими людьми, съ Венграми, Нѣмцами и Черкасами отъ острожковъ отбили, въ городъ ихъ съ запасами не пропустили, и гетманъ со всѣми людьми пошелъ къ Можайску. Иванъ и Василій Шереметевы до 5-го сентября къ намъ не бывали; 5-го сентября пріѣхали, стали въ полкахъ князя Дмитрія Тимоѳеевича Трубецкаго, и началъ Иванъ Шереметевъ съ старыми заводчиками всякаго зла, съ княземъ Григорьемъ Шаховскимъ да съ Иваномъ Плещеевымъ да съ княземъ Иваномъ Засѣкинымъ атамановъ и казаковъ научать на всякое зло, чтобы раздѣленіе и ссору въ землѣ учинить, начали наго-

варивать атамановъ и казаковъ на то, чтобъ шли по городамъ, въ Ярославль, Вологду и другіе города православныхъ христіанъ раззорять. Да Иванъ же Шереметевъ съ княземъ Григорьемъ Шаховскимъ научаютъ атамановъ и казаковъ, чтобъ у насъ начальника, князя Дмитрія Михайловича, убить, какъ Прокофья Ляпунова убили, а Прокофій убитъ отъ завода Ивана же Шереметева, и насъ бы всѣхъ ратныхъ людей переграбить и отъ Москвы отогнать. У Ивана Шереметева съ товарищами, у атамановъ и казаковъ такое умышленье, чтобы Литва въ Москвѣ сидѣла, а имъ бы по свему таборскому воровскому начинанью все дѣлать, государство раззорять и православныхъ христіанъ побивать. Такъ вамъ бы, господа, про такое злое начинанье было вѣдомо, а жить бы вамъ съ великимъ опасеньемъ и къ намъ обо всемъ отписать, какъ намъ противъ такихъ воровскихъ заводовъ стоять».

Важнѣе всего, разумѣется, было не допустить казаковъ уйти изъ-подъ Москвы и овладѣть сѣверными городами. Казаки кричали, что они голодны и холодны, не могутъ долѣе стоять подъ Москвою, пусть стоятъ подъ нею богатые дворяне. Услыхавши о томъ, какъ рушится доброе дѣло подъ Москвою, Троицкій архимандритъ Діонисій созываетъ братію на соборъ для совѣта: что дѣлать? денегъ въ монастырѣ нѣтъ, нечего послать казакамъ; какую имъ почесть оказать и упросить, чтобъ отъ Москвы не расходились, не отомстивши врагамъ крови христіанской? Приговорили послать казакамъ сокровища церковныя, ризы, стихари, епитрахили саженыя въ закладъ въ тысячѣ рубляхъ на короткое время, написали имъ и грамоту. Но посылка тронула казаковъ: совѣстно, страшно показалось имъ брать въ закладъ церковныя вещи изъ монастыря св. Сергія, и они возвратили ихъ въ монастырь съ двумя атаманами, и въ грамотѣ обѣщались все претерпѣть, а отъ Москвы не уйти. Надобно было послѣ этого уладить дѣло между воеводами: приговорили всею ратью, что Пожарскій и Мининъ въ казацкіе таборы ѣздить не будутъ, а будутъ всѣ воеводы

съѣзжаться на среднемъ мѣстѣ на Неглинной и промышлять земскимъ дѣломъ. Воеводы разослали по городамъ грамоты: «Были у насъ до сихъ поръ разряды разные, а теперь по милости Божіей, мы Дмитрій Трубецкой и Дмитрій Пожарскій, по челобитью и приговору всѣхъ чиновъ людей, стали за одно и укрѣпились, что намъ да выборному человѣку Кузьмѣ Минину Москвы доступать и Россійскому государству во всемъ добра хотѣть безъ всякой хитрости, а разрядъ и всякіе приказы поставили мы на Неглинной, на Трубѣ, снесли въ одно мѣсто и всякія дѣла дѣлаемъ за одно, и надъ Московскими сидѣльцами промышляемъ: у Пушечнаго двора и въ Егорьевскомъ монастырѣ, да у Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ поставили туры, и изъ-за нихъ по городу бьемъ изъ пушекъ безпрестанно и всякими промыслами промышляемъ. Выходятъ изъ города къ намъ выходцы, Русскіе, Литовскіе, Нѣмецкіе люди и сказываютъ, что въ городѣ изъ нашихъ пушекъ побивается много людей, да много помираетъ отъ тѣсноты и голоду, ѣдятъ Литовскіе люди человѣчину, а хлѣба и никакихъ другихъ запасовъ ничего у нихъ не осталось, и мы надѣемся овладѣть Москвою скоро. И вамъ бы, господа, во всякихъ дѣлахъ слушать нашихъ грамотъ— Дмитрія Трубецкаго и Дмитрія Пожарскаго и писать объ всякихъ дѣлахъ къ намъ обоимъ; а которыя грамоты станутъ приходить къ вамъ отъ кого-нибудь одного изъ насъ, то вы бы этимъ грамотамъ не вѣрили».

Когда такимъ образомъ дѣло уладилось подъ Москвою, пришли дурныя вѣсти съ сѣвера: Малороссійскіе казаки или Черкасы, отдѣлившись отъ Ходкѣвича, подошли нечаянно къ Вологдѣ и взяли ее; Вологодскій архіепископъ Сильвестръ такъ описывалъ это происшествіе въ грамотѣ къ Пожарскому: «22 сентября, за часъ до восхожденія солнца раззорители православной вѣры пришли на Вологду безвѣстно изгономъ, городъ взяли, людей всякихъ посѣкли, церкви Божія поругали, городъ и посады выжгли до основанія; воевода князь Иванъ Одоевскій-Меньшой ушелъ, а другаго воеводу князя Григорья Долгорукаго и дьяка Корташова

убили; меня грѣшнаго взяли въ полонъ и держали у себя четыре ночи, много разъ приводили къ казни, но Господь смилосердовался, чуть живаго отпустили. А когда они пришли къ Вологдѣ, то воеводскимъ нерадѣньемъ и оплошествомъ, отъ города отъѣзжихъ карауловъ, сторожей на башняхъ, на острогѣ и на городской стѣнѣ, головы и сотниковъ съ стрѣльцами, у наряда пушкарей и затинщиковъ не было; были у воротъ на кураулѣ немногіе люди, и тѣ не слыхали, какъ Литовскіе люди въ городъ вошли, а большіе ворота были не замкнуты. Польскіе и Литовскіе люди пошли съ Вологды 25 сентября; и теперь, господа, городъ Вологда жженое мѣсто, окрѣпить для осады и нарядъ прибрать некому; Вологжане, которые убѣжали, въ городъ сходиться не смѣютъ; пришелъ съ Бѣлаозера воевода Образцовъ съ своимъ полкомъ и сѣлъ на Вологдѣ, но его никто не слушаетъ, другъ друга грабятъ: такъ вамъ бы, господа, прислать на Вологду воеводу крѣпкаго и дьяка; а все, господа дѣлалось хмѣлемъ, пропили городъ Вологду воеводы».

Съ другой стороны приходили въ Москву вѣсти, что Ходкѣвичъ хочетъ прислать въ расплохъ отряды и провезти запасы осажденнымъ въ Китай и Кремль. Воеводы стали думать, какъ бы не пропустить Поляковъ и велѣли всей рати плести плетеницы и копать большой ровъ на Замоскворѣцкомъ полуостровѣ, отъ одного берега рѣки до другаго; сами воеводы стояли поперемѣнно день и ночь, наблюдая за работами. Еще въ половинѣ сентября Пожарскій послалъ въ Кремль грамоту: «Полковникамъ и всему рыцарству, Нѣмцамъ, Черкасамъ и гайдукамъ, которые сидятъ въ Кремлѣ, князь Дмитрій Пожарскій челомъ бьетъ. Вѣдомо намъ, что вы, будучи въ городѣ въ осадѣ, голодъ безмѣрный и нужду великую терпите, ожидаючи со дня на день своей гибели, а крѣпитъ васъ и упрашиваетъ Николай Струсь, да Московскаго государства измѣнники, Ѳедька Андроновъ съ товарищами, которые сидятъ съ вами вмѣстѣ для своего живота. Вамъ самимъ вѣдомо, въ прошломъ году (по сен-

тябрьскому счету) Карлъ Ходкѣвичъ былъ здѣсь со всѣмъ своимъ войскомъ, панъ Сапѣга съ великимъ собраніемъ, а въ Москвѣ Польскіе люди сидѣли съ Зборовскимъ и другими многими полковниками, войска Польскаго и Литовскаго было тогда много: но мы, надѣясь на милость Божію, Польскихъ и Литовскихъ людей не побоялись. Теперь же вы сами гетмановъ приходъ видѣли, и какъ гетманъ отъ насъ отошелъ, а мы еще и не совсѣми людьми были. Гетмана въ другой разъ не ждите: Черкасы, которые были съ нимъ, покинули его и пошли въ Литву; самъ гетманъ ушелъ въ Смоленскъ, гдѣ нѣтъ никого прибылыхъ людей, Сапѣжинское войско все въ Польшѣ. Вѣдаете сами, какая въ Москвѣ неправда сталась отъ Жигимонта короля да отъ Польскихъ и Литовскихъ людей: и вамъ бы въ той неправдѣ душъ своихъ не погубить, такой нужды и голоду за неправду терпѣть нечего; присылайте къ намъ не мѣшкая, сберегите головы ваши и животы ваши въ цѣлости, а я возьму на свою душу и у всѣхъ ратныхъ людей упрошу: которые изъ васъ захотятъ въ свою землю, тѣхъ отпустимъ безо всякой зацѣпки, а которые захотятъ Московскому государю служить, тѣхъ пожалуемъ по достоинству.» Отвѣтомъ былъ гордый и грубый отказъ, не смотря на то, что голодъ былъ ужасный; отцы ѣли дѣтей своихъ, одинъ гайдукъ съѣлъ сына, другой мать, одинъ товарищъ съѣлъ слугу своего; ротмистръ, посаженный судить виновныхъ, убѣжалъ съ судилища, боясь, чтобъ обвиненные не съѣли судью.

Наконецъ 22 октября казаки пошли на приступъ и взяли Китай городъ. Въ Кремлѣ Поляки держались еще мѣсяцъ; чтобъ избавиться отъ лишнихъ ртовъ, они велѣли боярамъ и всѣмъ Русскимъ людямъ выслать своихъ женъ вонъ изъ Кремля. Бояре сильно встужили и послали къ Пожарскому, Минину и всѣмъ ратнымъ людямъ съ просьбою, чтобы пожаловали, приняли ихъ женъ безъ позору. Пожарскій велѣлъ сказать имъ, чтобы выпускали женщинъ безъ страха, и самъ пошелъ принимать ихъ, принялъ всѣхъ честно и

каждую проводилъ къ своему пріятелю, приказавши всѣмъ ихъ довольствовать. Казаки взволновались и опять послышались среди нихъ обычныя угрозы—убить князя Дмитрія, зачѣмъ не далъ грабить боярынь? Доведенные голодомъ до крайности, Поляки вступили въ переговоры съ ополченіемъ, требуя только одного, чтобъ имъ сохранена была жизнь, что̀ и было обѣщано. Сперва выпустили бояръ — князя Ѳеодора Ивановича Мстиславскаго, Ивана Михайловича Воротынскаго, Ивана Никитича Романова съ племянникомъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ и матерью послѣдняго Мароою Ивановною и всѣхъ другихъ Русскихъ людей. Когда казаки увидали, что бояре собрались на каменномъ мосту, ведшемъ изъ Кремля чрезъ Неглинную, то хотѣли броситься на нихъ, но были удержаны ополченіемъ Пожарскаго и принуждены возвратиться въ таборы, послѣ чего бояре были приняты съ большою честію. На другой день сдались и Поляки: Струсь съ своимъ полкомъ достался казакамъ Трубецкаго, которые многихъ плѣнныхъ ограбили и побили; Будзило съ своимъ полкомъ отведенъ былъ къ ратникамъ Пожарскаго, которые не тронули ни одного Поляка. Струсь былъ допрошенъ, Андронова пытали, сколько сокровищъ царскихъ утрачено, сколько осталось? Отыскали и старинныя шапки царскія, которыя отданы были въ закладъ Сапѣжинцамъ, оставшимся въ Кремлѣ. 27-го ноября ополченіе Трубецкаго сошлось въ церкви Казанской Богородицы за Покровскими воротами, ополченіе Пожарскаго къ церкви Іоанна Милостиваго на Арбатѣ, и взявши кресты и образа, двинулись въ Китай городъ съ двухъ разныхъ сторонъ, въ сопровожденіи всѣхъ Московскихъ жителей; ополченія сошлись у Лобнаго мѣста, гдѣ Троицкій архимандритъ Діонисій началъ служить молебенъ, и вотъ изъ Фроловскихъ (Спасскихъ) воротъ, изъ Кремля показался другой крестный ходъ: шелъ Галасунскій (Архангельскій) архіепископъ Арсеній съ кремлевскимъ духовенствомъ и несли Владимірскую: вопль и рыданія раздались въ народѣ, который уже потерялъ было надежду когда либо уви-

дать этотъ дорогой для Москвичей и всѣхъ Русскихъ образъ. Послѣмолебна войско и народъ двинулись въ Кремль, и здѣсь печаль смѣнила радость, когда увидали, въ какомъ положеніи озлобленные иновѣрцы оставили церкви: вездѣ нечистота, образа разсѣчены, глаза вывернуты, престолы ободраны; въ чанахъ приготовлена страшная пища—человѣческіе трупы! Обѣднею и молебномъ въ Успенскомъ соборѣ окончилось великое народное торжество, подобное которому видѣли отцы наши ровно черезъ два вѣка.

Трубецкой поселился въ Кремлѣ, на дворѣ Годунова, куда для совѣщаній пріѣзжалъ къ нему Пожарскій, помѣстившійся на Арбатѣ, въ Воздвиженскомъ монастырѣ. Казаки по прежнему не давали имъ покоя, все требуя жалованья; они позабыли, говоритъ лѣтописецъ, что всю казну во многихъ городахъ выграбили; однажды ворвались они въ Кремль, крича, что побьютъ начальныхъ людей, дворяне остановили ихъ, и едва между ними и дворянами не дошло до боя. А между тѣмъ схватили какихъ - то подозрительныхъ людей; оказалось, что то были Вяземскіе дѣти боярскіе, отобрали у нихъ грамоты, изъ грамотъ узнали, что въ Вязьмѣ самъ король Сигизмундъ...

Когда въ Варшавѣ узнали, что дѣла идутъ плохо въ Москвѣ для Поляковъ, то нашлось много людей, которые сложили всю вину на короля, упрекали его въ медленности, въ неумѣньи пользоваться обстоятельствами, требовали, чтобъ онъ какъ можно скорѣе шелъ къ Москвѣ и поправилъ дѣло, но никто не указывалъ, съ какими средствами, съ какимъ войскомъ королю идти къ Москвѣ. Король однако пошелъ; въ августѣ онъ пріѣхалъ въ Вильну и ждалъ войска, но войско не являлось ни откуда; потому что у короля денегъ не было; кое - какъ набралъ Сигизмундъ три тысячи Нѣмцевъ, изъ которыхъ составилъ два пѣхотныхъ полка и отправился съ ними къ Смоленску, куда прибылъ въ октябрѣ мѣсяцѣ. Онъ надѣялся, что конница или рыцарство, находившееся въ Смоленскѣ, примкнетъ къ нему, но получилъ отказъ; онъ созвалъ коло, и

въ горячей рѣчи умолялъ войско слѣдовать за нимъ — но все понапрасну. Грустный король двинулся изъ Смоленска съ одною своею Нѣмецкою пѣхотою, а тутъ еще печальное предзнаменованіе: только что онъ хотѣлъ проѣхать въ ворота, называвшіеся Царскими, какъ затворы сорвались съ петель, упали и загородили дорогу: король долженъ былъ выѣхать въ другіе ворота. Впрочемъ нѣкоторымъ изъ рыцарства стало стыдно, что отпустили короля своего съ горстью наемниковъ въ землю непріятельскую, и 1200 человѣкъ конницы нагнали короля на дорогѣ въ Вязьму; въ этомъ городѣ онъ соединился съ Ходкѣвичемъ и пошелъ осаждать Погорѣлое Городище; здѣсь сидѣлъ воеводою князь Юрій Шаховскій, который на требованіе сдачи отвѣчалъ королю; «Ступай къ Москвѣ; будетъ Москва за тобою, и мы твои.» Король послушался и пошелъ дальше. Подступивъ подъ Волокъ-Ламскій, онъ отправилъ къ Москвѣ отрядъ войска подъ начальствомъ молодаго Адама Жолкѣвскаго: съ нимъ отпущены были князь Данила Мезецкій, товарищъ Филарета и Голицына по посольству, и дьякъ Грамотинъ, которые должны были уговаривать Москвитянъ къ покорности Владиславу. Въ Москвѣ, когда узнали о приближеніи короля, то на воеводъ напалъ сильный страхъ; ибо ратные люди почти всѣ разъѣхались, выйти на встрѣчу къ непріятелю было не съ кѣмъ, сѣсть въ осадѣ также нельзя, потому что не было достаточно съѣстныхъ припасовъ. Не смотря на это, рѣшили—помереть всѣмъ вмѣстѣ, и когда отрядъ Жолкѣвскаго приблизился къ Москвѣ, то его встрѣтили мужественно и прогнали. При этой схваткѣ былъ взятъ въ плѣнъ Поляками Смолянинъ Иванъ Философовъ; Жолкѣвскій велѣлъ распрашивать плѣнника, хотятъ ли Москвичи взять королевича на царство, людна ли Москва и есть ли въ ней запасы? Философовъ отвѣчалъ рѣшительно, что Москва и людна и хлѣбна, и всѣ обѣщались помереть за православную вѣру, а королевича на царство не брать; тоже самое Философовъ повторилъ и передъ самимъ королемъ. Дѣйствительно ни одинъ городъ не сда-

вался, ни одинъ Русскій человѣкъ не пріѣзжалъ въ станъ бить челомъ королевичу. Потерявъ всякую надежду овладѣть Москвою, Сигизмундъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ взять Волоколамскъ и велѣлъ приступать къ нему жестокими приступами; воеводами были здѣсь Карамышевъ и Чемесовъ, но отъ нихъ, говоритъ лѣтописецъ, мало было промыслу въ городѣ, весь промыслъ былъ отъ атамановъ — Нелюба Маркова и Ивана Епанчина; подъ ихъ начальствомъ осажденные бились на приступахъ съ ожесточеніемъ, едва не схватываясь за руки съ непріятелемъ, и на трехъ приступахъ побили много Литовскихъ и Нѣмецкихъ людей. Король, видя и тутъ неудачу, снялъ осаду Волока, и пошелъ назадъ; тутъ были новыя потери въ его маленькомъ войскѣ отъ голода и холода. Князь Данила Мезецкій убѣжалъ отъ короля съ дороги, и, пріѣхавъ въ Москву, объявилъ, что Сигизмундъ пошелъ прямо въ Польшу со всѣми людьми.

Какъ силенъ былъ прежде страхъ, нагнанный приближеніемъ Сигизмунда къ Москвѣ, такъ сильна была теперь радость, когда узнали объ его отступленіи отъ Волока. Дѣало очищенія государства казалось конченнымъ. Пришлвѣсть, что и врагъ внутренній потерпѣлъ неудачу; Заруцкій съ воровскими казаками вышелъ изъ Михайлова и взялъ приступомъ Переяславль Рязанскій; но Михайла Матвѣевичъ Бутурлинъ разбилъ его на голову и принудилъ бѣжать.

Отступленіе Сигизмунда дало досугъ заняться избраніемъ царя всею землею. Разосланы были грамоты по городамъ съ приглашеніемъ прислать властей и выборныхъ въ Москву для великаго дѣла; писали, что Москва отъ Польскихъ и Литовскихъ людей очищена, церкви Божіи въ прежнюю лѣпоту облеклись и Божіе имя славится въ нихъ по прежнему; но безъ государя Московскому государству стоять нельзя, печься объ немъ и людьми Божіими промышлять некому, безъ государя въ досталь Московское государство раззорятъ все; безъ государя государство ничѣмъ не строится и воровскими заводами на многія части раздѣляется и воровство многое множится; и потому бояре и воеводы

приглашали, чтобъ всѣ духовныя власти были къ нимъ въ Москву, и изъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, гостей, торговыхъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей выбравъ лучшихъ, крѣпкихъ и разумныхъ людей, по скольку человѣкъ пригоже, для земскаго совѣта и государскаго избранія, всѣ города прислали бы въ Москву жь, и чтобъ эти власти и выборные лучшіе люди договорились въ своихъ городахъ накрѣпко и взяли у всякихъ людей о государскомъ избраньи полные договоры. Когда съѣхалось довольно много властей и выборныхъ, назначенъ былъ трехдневный постъ, послѣ котораго начались соборы. Прежде всего стали разсуждать о томъ, выбирать ли изъ иностранныхъ королевскихъ домовъ, или своего природнаго Русскаго? и порѣшили: «Литовскаго и Шведскаго короля и ихъ дѣтей и иныхъ Нѣмецкихъ вѣръ и никоторыхъ государствъ иноязычныхъ не христіанской вѣры Греческаго закона на Владимірское и Московское государство не избирать, и Маринки и сына ея на государство не хотѣть, потому что Польскаго и Нѣмецкаго короля видѣли на себѣ неправду и крестное преступленье и мирное нарушенье: Литовскій король Московское государство раззорилъ, а Шведскій король Великій Новгородъ взялъ обманомъ.» Стали выбирать своихъ: тутъ начались козни, смуты и волненія: всякій хотѣлъ по своей мысли дѣлать, всякій хотѣлъ своего, нѣкоторые хотѣли и сами престола, подкупали и засылали; образовались стороны, но ни одна изъ нихъ не брала верхъ. Однажды, говоритъ хронографъ, какой-то дворянинъ изъ Галича принесь на соборъ письменное мнѣніе, въ которомъ говорилось, что ближе всѣхъ по родству съ прежними царями былъ Михаилъ Θедоровичъ Романовъ, его и надобно избрать въ цари. Раздались голоса недовольныхъ: «кто принесъ такую грамоту, кто, откуда?» Въ это время выходитъ донской атаманъ и также подаетъ письменное мнѣніе: «что это ты подалъ, атаманъ?» спросилъ его князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій: «О природномъ царѣ Михайлѣ Θедоровичѣ», отвѣчалъ атаманъ. Одинакое мнѣніе, поданное

дворининомъ и Донскимъ атаманомъ рѣшило дѣло: Михаилъ Ѳедоровичъ былъ провозглашенъ царемъ. Но еще не всѣ выборные находились въ Москвѣ; знатнѣйшихъ бояръ не было: князь Мстиславскій съ товарищами тотчасъ послѣ своего освобожденія разъѣхались изъ Москвы: имъ неловко было оставаться въ ней подлѣ воеводъ-освободителей; теперь послали звать ихъ въ Москву для общаго дѣла; послали также надежныхъ людей по городамъ и уѣздамъ вывѣдать мысль народа насчетъ новаго избранника, и окончательное рѣшеніе отложили на двѣ недѣли отъ 8 до 21 февраля 1613 года. Наконецъ Мстиславскій съ товарищами пріѣхали, пріѣхали и запоздавшіе выборные, возвратились посланники по областямъ съ извѣстіемъ, что народъ съ радостію признаетъ Михаила царемъ. 21 февраля, въ недѣлю православія, т, е. въ первое Воскресенье Великаго поста былъ послѣдній соборъ: каждый чинъ подалъ письменное мнѣніе, и всѣ эти мнѣнія найдены сходными, всѣ чины указывали на одного человѣка—Михаила Ѳедоровича Романова. Тогда Рязанскій архіепископъ Ѳеодоритъ, Троицкій келарь Аврамій Палицынъ, Новоспасскій архимандиртъ Іосифъ и бояринъ Василій Петровичъ Морозовъ пошли на Лобное мѣсто и спросили у народа, наполнявшаго Красную площадь, кого они хотятъ въ цари? — « Михаила Ѳедоровича Романова — былъ отвѣтъ·[95]

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Лѣтоп. о матеж. стр. 46

2) Понятно, что о случившемся при смерти Ѳеодора ходили разные слухи, записанные иностранцами; наприм. Буссовъ разсказываетъ, что царица Ирина убѣждала мужа вручить скипетръ брату ея, Годунову; но царь предложилъ скипетръ старшему изъ своихъ двоюродныхъ братьевъ, Ѳедору Никитичу Романову, имѣвшему на престолъ ближайшее право; Ѳедоръ Никитичъ уступалъ скипетръ брату своему Александру, Александръ третьему брату, Ивану, Иванъ Михаилу, Михаилъ какому-то знаменитому князю, такъ что никто не бралъ скипетра, хотя каждому хотѣлось взять его. Царь, долго передавая жезлъ изъ рукъ въ руки, потерялъ терпѣніе и сказалъ: «такъ возьми же его, кто хочетъ»! Тутъ сквозь толпу важныхъ особъ протянулъ руку Годуновъ и схватилъ скипетръ.—Въ нашихъ хронографахъ (какѣ наприм. въ хронографѣ Румянц. Муз. № 457 и др.) сказано: благословилъ и приказалъ быть по себѣ на престолѣ Москов. г-ства братаничу своему, Ѳедору Никитичу Романову. Но слова избирательной грамоты Мих. Ѳедор. рѣшаютъ дѣло.

3) Симбирскій Сборн. Введеніе къ разрядной.

4) Акты арх. эксп. II, № 6.

5) С. г. г. и д. II, № 82,

6) Лѣтоп. о матеж. 48.

7) Акты арх. эксп. II, № 7. Шиль въ Samml. von Wichmann, 451, 452; Де Ту-Hist. univers. CXX, 180.

8) Маржеретъ.

9) Буссовъ въ Rerum Rossic. scriptores exterr Хронографы, какъ напр. хроногр. Румянцев. Музея. № 457 и др.

10) Вспомнимъ приведенное выше извѣстіе, что чрезвычайные, великіе соборы созывались по пятницамъ.

11) Кто исчислялъ? по всему видно, что патріархъ съ своими единомышленниками. Въ актѣ сказано очень неопредѣленно: «И сіе въ свидѣтельство приводяще.»

12) Это извѣстіе находится у Татищева въ неизданныхъ его бумагахъ (Библ. Моск. Арх. Мин. Ин. Д. Татищевск. бумаги въ портф. Мюллера, тетр. № 7): Извѣстіе это читается такъ у Татищ.: Онъ же яко волкъ одѣлся въ одежду овчію, такъ долго искавъ, нынѣ сталъ отрицаться и по неколикократномъ прошеніи онъ уѣхалъ къ царицѣ въ Новодѣвичъ монастырь, причина жь тому была сія, что боляре хотѣли, чтобъ онъ государству по предписанной грамотѣ крестъ цѣловалъ, чего онъ учинить и явно отказать не хотѣлъ, надѣяся что простой народъ выбрать его безъ договора бояръ принудитъ. Сіе его отрицаніе и упрямство видя, Шуйскіе начали говорить, что непристойно болѣе его просить, и представляли, чтобъ обирать иного. Тогда патріархъ пошелъ съ крестнымъ ходомъ, и Годуновъ безо всякаго отрицанія принялъ.

13) Дополн. къ акт. истор. II, № 76; яко братію и царствію помогателя имѣти.

14) Хроногр. Карамзинскій, № 3 (въ Археогр. коммисс.); также рукоп. Импер. Публ. Библ. № 1406, 1411. Иное сказаніе о Самозванцахъ во Времен. Москов. Истор. общ. кн. 16.

15) Акты арх. эксп. II, № 10.

16) ТЖ. № 1.

17) Маржеретъ. Лѣтоп. о мятеж. стр. 50.

18) Акты арх. эксп. II, № 6.

19) ТЖ. № 8; Допол. къ акт. истор. 1, № 145.

20) Палицынъ; хроногр. Имп. Публ. Библ. № 198.

21) Шиля— Relation, стр. 462; Буссовъ; С г. г. и д. II, стр. 155, 157; Дополн. къ акт. истор. I. № 146; Москвитянинъ 1844 г., № 5.

22) Дѣла Польск. № 24; Adelung—übersicht der Reisend II, 13, Trebickiego Posolstwo Lva Sapiehy; Histor. Russ. Monum. I, № XXXI; Zycie Lwa Sapiehy, у Бобровича;—Zycia slawnych polakow, t. IV.

23) Архивъ Мин. Ин. Д. наказъ Клаусу какъ склонять жителей Риги къ подданству; царскія грамоты Псковскимъ и Иванъ-городскимъ

воеводамъ; грамота Густава къ Карлу Шведскому; Петрей; Adelung-ueberѕicht, II, 4.

24) Архивъ Мин. Ин. Д. Выписка о пріѣздѣ королевича Густава; наказъ Клаусу.— По смерти Годунова Густавъ былъ переведенъ въ Ярославль, потомъ въ Кашинъ, гдѣ и умеръ, см. Буссова.

25) Дѣла Датскія, архивъ древній 1516—1603, связка 1; Бюшинговъ Магазинъ, VII, VIII; лѣтоп. о мятеж. стр. 66.

26) Памятн. дипломат. снош. т. II; Арх. Мин. Ин. Д. Дѣла Англійскія въ царств. Годунова.

27) Арх. Мин. Ин. Д. о пріѣздѣ Любскихъ и иныхъ поморскихъ вольныхъ городовъ пословъ; Мюллера—Samml. russ. Gesch. V. 164. Histor. Russ. Monim. II, № XXXII, XXXIII, XXXIV; лѣтоп. о мятеж. 65.

28) Дѣла Крымскія въ столбцахъ, № 2; Памят. диплом. снош. II, стр. 720.

29) Арх. Мин. Ин. Д. бумаги о пріѣздѣ Грузинскихъ пословъ и донесеніе Москов. посланника Татищева; Лѣтоп. о мятеж. стр. 68

30) Дѣла Нагайскія (1601—1604 г.); Лѣтоп. о матеж. 53.

31) Акты истор. II, № 1, 7—23, 26, 28, 29, 30, 35, 36, 39, 40—43, 45, 50—52, 345, 346.

32) С. г. г. и д. II, № 73; Акты арх. эксп. II, № 11; Акты истор. II, № 48, 223.

33) Дѣла Датскія, связка 1-я.

34) Мы видѣли, что по Флетчеру, стрѣльцы получали по семи рублей въ годъ; не можетъ быть, чтобъ при Борисѣ жалованье было уменьшено, слѣд. тотъ или другой ошибся; впрочемъ Флетчеръ могъ смѣшать жалованье десятника съ жалованьемъ простаго стрѣльца.

35) Буссовъ.

36) С. г. г. и д. II, № 71 и 72.

37) Цѣны этимъ товарамъ: сукна страфили середней земли по 14 рублей поставъ; сукна стамбреды по 3 рубля съ четвертью половинка; сукна Жеганской земли по 2 рубля половинка; сукна калитки по 3 рубля половинка. Бочка вина краснаго по 4 рубля бочка, вино бѣлое по тойже цѣнѣ; сахаръ по 6 рубл. пудъ; перецъ черный по 3 рубля пудъ; мѣдь красная по 2 рубля по 4 гривны пудъ; мѣдь волоченая по 2 рубля 20 алтынъ пудъ; мѣдь въ тазахъ по 2 съ полтиною пудъ; мѣдь зеленая въ котлахъ по 2 съ полтиною пудъ; мѣдь паздера по 4 рубля; мѣдь зеленая тонкая по 3 рубля; желѣзо бѣлое по 5 рублей четвертинка; пудъ ладану по 3 рубля; пудъ зелья пищальнаго по 3 рубля; пудъ бумаги хлопчатой по 2; стопа

бумаги писчей 4 гривны; бочка сельдей 2 рубля; пудъ соли алтынъ; сукна лундыши по 20 алтынъ аршинъ, по 20 рублей половинка; сѣра горячая по 20 алтынъ пудъ; зеркала по гривнѣ штука; изюмъ по 30 алтынъ пудъ; атласъ полузолотный по 30 алтынъ аршинъ и по 20; литра золота и серебра пряденаго по 5 рублей; бочка лимоновъ по 3 рубля, бочка романеи 13 рублей; пудъ мыла греческаго 60 алтынъ; яхонтъ 50 рублей; ожерелья по 20 рублей; кипа суконъ Рославскихъ по 40 рублей; пудъ винныхъ ягодъ 20 алтынъ; пудъ черносливу четыре гривны; берковецъ сандалу по 5 рублей; пудъ цилибухи 5 рублей; колокола вѣсомъ въ 30 пудъ по 2 съ полтиною пудъ; свинецъ по 2 рубля съ полтиною берковецъ; миткали по 2 рубля миткаль; киндяки — по 40 алтынъ киндякъ, сарочинское пшено по 4 гривны пудъ; подсвѣчникъ мѣдный по 8 алтынъ; рукомойникъ мѣдный по полтинѣ; сафьянъ черный по 10 алтынъ; замки круглые по рублю дюжина; погребцы по рублю погребецъ; косякъ камкасея по 4 рубли; полотенцо Астрадамское по рублю; камка кармазину по 30 алтынъ аршинъ; пудъ гвоздики и корицы 20 рублей; пудъ анису по полтора рубли; паникадило мѣдное по рублю; ртуть по 3 рубля пудъ; ярь по 5 рублей пудъ; аршинъ бархату полузолотнаго полтора рубля; аршинъ бархата съ серебромъ по рублю и 20 алтынъ; канфора по рублю съ полтиною пудъ, бочка москательнаго товара 50 рублей; пудъ проволоки желѣзной по рублю съ полтиною; пудъ камешковъ льячныхъ по рублю; камешковъ бѣлыхъ льячныхъ по гривнѣ кистка; тафта по 3 алтына аршинъ; пудъ кардамону по 11 рублей; инбирь въ патокѣ по гривнѣ фунтъ; цвѣтъ мускатный по 25 рублей пудъ; гвоздика по 10 рублей пудъ; полотенце полушелковое по 2 рубля; пудъ масла спиконардова по 8 рублей; пудъ масла деревяннаго полтора рубля; сердолики по 5 рублей; пудъ масла бобковаго по три рубля; пудъ ядеръ миндальныхъ по 2 рубля; бархатъ рытый цвѣтной по рублю аршинъ, таусинный гладкій таже цѣна; вино алканъ 15 рублей бочка, ренское — 14, бастръ 13; бѣлое Французское 4 рубля; пудъ сахаровъ чиненыхъ по 4 рубля; лимоны въ патокѣ по рублю пудъ; пудъ олова прутоваго по 2 рубля съ полтиною; пудъ олова блюднаго таже цѣна; пудъ киновари 12 рублей; пудъ квасцовъ 25 алтынъ. — Выписка изъ Англійскихъ дѣлъ въ царств. Бириса.

38) Акты арх. эксп. II, № 14, 19, 20, 23, 24, 225. Акты юридич. стр. 201, 202.

39) Дѣла Англійскія; вотъ имена отправленныхъ въ Англію: Никифоръ Григорьевъ, Софонъ Кожуховъ, Казаринъ Давыдовъ, Ѳедоръ Костомаровъ. Буссовъ говоритъ, что выбрано было 18 молодыхъ людей, и по 6 отправлено было въ Любекъ, Англію и Францію; но изъ Англійскихъ дѣлъ видно, что въ Англію отправлено было 4; а

въ Любекъ, по свидѣтельству Брамбаха, отправлено 5. См. Willebrandt—Hansische Chronik, III, 121.—Объ отправленіи въ цезарскую землю см. Дѣла Шведскія, № 17.

40) Въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ хранится письмо какого-то Тобіи Лонціуса къ царю Борису отъ 24генваря 1601 года; Лонціусъ пишетъ, будто какой-то Крамеръ приглашалъ его въ царскую службу и говорилъ ему, что царь хочетъ завести у себя школы и университеты.—Кто былъ этотъ Крамеръ?— неизвѣстно. Крамеръ говорилъ правду, разказывая о намѣреніи Бориса завести школы (хотя и не Университеты); но долженъ былъ договорить; ибо Буссовъ говоритъ о возраженіяхъ духовенства, въ слѣдствіе которыхъ посланы были Русскіе молодые люди учитьсяза границу; свидѣтельство Буссова мы должны принять, ибо посылка молодыхъ людей—фактъ несомнѣнный; слѣд. Крамеръ не могъ приглашать Лонціуса въ профессора! Борисъ могъ вызывать ученыхъ людей, которые могли быть ему полезны своими знаніями, но не могъ вызывать ихъ на профессорскія каѳедры. Письмо Лонціуса можетъ быть объяснено тѣмъ, что Крамеръ, которому было наказано промышлять одноличнo, промышлялъ всякими мѣры, всякою хитростію —Образецъ опасныхъ грамотъ иностранцамъ см. С. г. г. и д. т. II № 75. См. также грамоту, данную Борисомъ Якобу Людовику Корнелію Венеціянцу, у Чьямпи Bibliogr. crit.

41) Дѣла Англійскія; Буссовъ.

42) Буссовъ; Палицынъ (стр. 20); Исторія объ Іовѣ патріархѣ, рукоп. Рум. муз. № 156.

43) См. Исторіи Россіи, VII, 259.

44) Палицынъ. стр. 8.

45) Маржеретъ; Буссовъ; Палицынъ, 20.

46) Лѣтоп. о мятеж. 62, Буссовъ.

47) Портфель Татищева, тетр. № 7. Въ текстѣ помѣщено извѣстіе лѣтописца о Борисовѣ, а на сторонѣ прибавлено: Другіе сказываютъ, якобы Бѣльскій отцу духовному въ смерти царя Іоанна и царя Ѳедора каялся, что сдѣлалъ по наученію Годунова, которое попъ тотъ сказалъ патріарху, а патріархъ царю Борису, по которомъ немедленно велѣлъ Бѣльскаго взявъ сослать. — Ср. Также Russia at the close of the sixteenth century, ed. by Edward A. Bond. Изъ Горсея описаніе смерти Іоанна IV: He setts him downe upon his bead; calls Rodovona Boerken, a gentilman whome he favored, to bringe the chess board. He setts his men, all savinge the Kinge, which by no means he could not make stand in his place withe the rest upon the plain board; his chieff favoret and Boris Fedorowich Coddonove and others about him. The Emperor in his lose gown, shirttand lynnen hose, faints and falls backward. Creat owtcrie

and sturr; one sent for aqua vita, another to the oppoteka for marigold and rose water, and to call his gostlie father and the phizicions. Jo the mean he was strangled und stark dead.

48) Буссовъ.

49) Лѣтоп. о мятеж. 54.

50) Русск. истор. Сборн. т. II, стр. 268.

51) Акты истор. II. № 38, 54.

52) Маржеретъ,

53) Хронографы.

54) Палицынъ.

55) Палицынъ 10, 11; Лѣтоп. о мятеж. 63; Буссовъ; Маржеретъ; рукоп. Румянц. Муз. № 591.

56) Mémoires d'Aszentini у Карамз. XI, прим. 170.

57) Дѣла Датскія 1516—1603, связка 1-я.

58) Исторія Россіи, VII, 25.

59) Палицынъ, стр. 14 и сл; Лѣтоп. о мятеж. 71; Акты истор. II № 44.

60) Извѣстія Товянскаго въ: Zycie J. P. Sapiehy, 1791, Буссовъ; Паерле; Лѣтоп. о мятеж. 62; «держаху рѣчь велію на Москов. государство»; надобно поправить: «держаху рень велику», какъ въ Хронографѣ гр. Толстаго, № 198; въ этомъ хронографѣ и другихъ говорится, что самозванецъ писалъ, будто его уберегли Щелкаловы отъ убійства и отпустили въ Литовскую землю.

61) См. Consilium datum amico de recuperanda et in posterum stabilienda pace regni Poloniae, p. 27. Legende de la vie de Demetrius, изд. кн. Оболенскаго, см. предисловіе.

62) Adelung—Uebersicht der Reis. II, 181.

63) Histor. Russiae monimenta, II, № LV. Въ слѣдствіе этого распространился слухъ, что Лжедимитрій былъ воспитанъ Францисканцами; Heri Cèraldi въ письмѣ къ в. г. Тосканскому.

64) Извѣстный Иванъ Насѣдка Ключарь пишетъ къ составителю житія Діонисіева: «Мнится мнѣ, государь мой, и для того надобно вамъ держати тѣ грамоты осадныя для преди на гордость вельможъ лукавыхъ, какъ надъ царствующимъ градомъ учинилась отъ нихъ погибель; какъ царю Борису Өедоровичу, какъ царю Василью Іоанновичу; и что о сихъ глаголати? но паче возопить: охъ, охъ! увы, увы!»—Печатн. житіе Діонисія, стр. 84. Кромѣ Буссова и другіе современники иностранцы указывали на тѣхъ же виновниковъ появленія самозванца; Notizie estratte dalla storia della sollevazioni segvite in Polonta et. c. di Alessandro Cilli (Ciampi—Bibliogr. crit.); «Altri volsero, che il detto Feodorovic (Борисъ) legitimamente in imperatore fusse ellete, ma che il detto Demetrio (per istigazione di

quell che malvolontieri obbedivano a questo principe, sotto apparenti colorie metafore) non fosse quell veroe legitimo Demetrio figlio del gran Ciovanni di Basilio, ma finto, falso, ambitioso di regnare.—О разсказѣ Лжедимитрія Вишневецкому въ Historia de Pseudodemetrio, рукоп. И. П. Библ. Польск. отд. № 33. См. также Historica narratio de mirab. via ac ratione, qua paternum imperium consecutus est Demetrius, anno 1605.

65) Дѣла Польскія, № 26: лѣтоп. о мятеж. 73; Акты арх. эксп. II, № 28, 64. По извѣту Варлаама самозванецъ вышелъ изъ Москвы въ Литву въ 1602 году, а по свидѣтельству Польскихъ пословъ (Suplement. ad histor. Russ. Monum. p. 410) 1601, что вѣроятнѣе. С. г. г. и д. II, № 152, 76, 79; Cilli notizie estratte et. c.; Annuae litterae Societatis Iesu, 1604. — Lubienskiego — Pisma posmiertne въ Dziejopisowie krajowi, стр. 51.

66) Supplement, ad histor. Russiae Monum., p. 410; рукоп. И. Публ. Библ. Отд. Польск. № 119; Буссовъ; Иное сказ. о самозванцахъ, Врем. Ист. общ. кн. 16. С. г. г. и д. II, стр. 178; Портфель Татищ. № 7 въ библ. Архива Мин. Ин. Д.; Дополн. къ акт. истор. I, № 151; Акты арх. эксп. II, № 28; Hisroria de Pseudodemetr.

67) Дополн. къ акт. истор. I, № 151; Петрицій стр. 19; С. г. г. и д. II, стр. 175, № 78. Маржеретъ. Паерле; Борши — Wyprawa czara Moskiewskiego, рукоп. Библ. Главнаго Штаба. Рукоп. Румянц. Муз. № 301; historica narratio de mirabili via, et. s.

68) Акты арх. эксп. II, № 27; Буссовъ; Петрей; Акты истор. II, № 53. Паерле. Лѣтоп. о мятеж. стр. 84 и слѣд.. Маржеретъ; Хронографы; Milton—history of Moscov. 53; С. г. г. и д. II, стр. 177.

69) С. г. г. и д. II, № 85, 87; Акты арх. эксп. II, № 32; С. г. г. и д. II, № 83; Акты историч. II, № 55; Лѣтоп. о мятеж. стр. 87 и слѣд.; Акты арх. эксп. II, № 34; Буссовъ; Петрей Rerum rossicar. script. exteri, p. 173); о смерти Ѳеодора лѣтописецъ говоритъ: взять его за таенные уды и раздавы.

70) Акты арх. эксп. II, № 35; С. г. г. и д. II, № 89; Акты арх. эксп. II, № 36, 38, 224, Буссовъ; лѣтоп. о мятеж. стр. 95. С. г. г. и д. II, № 92, 93, 121; Акты истор. II, № 58—60, 64, 347; Акты арх. эксп. II, № 42. Сборн. Мухан. № 135—137; С. г. г. и д. II, № 130; Акты историч. II, № 63, 62; Андрей Лавицкій въ письмѣ къ padre provinciale di Polonia у Ciampi въ Bibliogr. critica; лѣтопись изъ библіот. Волынскаго, въ Библіот. Архива Мин. Ин. Д.; Иное сказаніе о самозванцахъ, во Времен. Москов. Истор. общ., кн. 16.; Борши—Wyprawa czara Moskievsk.—День вѣнчанія на царство самозванца я полагаю по Рус-

скимъ источникамъ (см. Иное сказаніе во Времен.).—О духовникѣ самозванца см. Акты, относ. до юридич. быта, стр. 236.

71) С. г. г. и д. II, № 121; Legende de la vie et de la mort de Demetrius; Хронографъ Карамзинскій стр. 719. Палицынъ; Adelung: Uebers. der Reisend. II, 168. Petricii—Historiae Moschoviticae, I, p. 84, 86; Борши. Wyprawa czara Moskiewskiego, рукоп. Библ. Глав. Штаба.

72) Сказаніе еже содѣяся (въ чтеніяхъ Моск. Истор. Общ. 1847, № 9); Палицынъ; Лѣтоп. о мятеж.

73) С. г. г. и д. II, № 94, 100, 105; Girald: Neri—Lettere al G. Duca di Toscana, у Ciampi—Bibliogr. crit.; Histor. Chodkiewicza, Нарушевича; Нѣмцевича Dz. pan. Zygm. III, t. II; Zabczyca—Posel Moskiewski, 1605; С. г. г. и д. II, № 110, 112, 117; рукоп. И. Публ. Библ. Отд. Польск. № 111, 119.

74) Нѣмцевича—Dz. Panow. Zygm. III, VI; Нарушевича—Histor. Chodkiew. I. 237; Акты Историч. II, № 56; С. г. г. и д. II № 96, 97, 103, 120; рукопись Жолкѣвскаго, стр. 15, 16, 17; С. г. г. и д. III, № 13; Дѣла Польскія, № 30, годъ 1615.

75) Ciampi—bibliogr. crit.; Adelung—Uebersicht der Reisenden, II, 172, 181, 183; Histor. Rus. Monim. II, № XXXVI, XXXVII, XXXIX, XLI, XLII, XLIII, XLV, XLVI, XLIX, LIV, LVI, LVII, LVIII, LXI, LXIII, LXVII, LXXIII, LXXV, LXXIV, LXXVI; С. г. г. и д. II, № 98, 107, 124; Древн. Вивліоѳ. ч. XIII, стр. 116.

76) Histor. Russ. Monim. II, № LXXVII; С. г. г. и д. II, № 126; Дневникъ пословъ въ Сказан. Современ. 167, 168. Лѣтоп. о мятеж. стр. 99; Чтенія Москов. истор. общ. № 1, 1846 г., Histor. Russ. Monim. II, № LXVI.

77) Акты арх. эксп. II, № 81.

78) Палицынъ, 28, 29, 32; Petricii—Histor. Moscou. II, 108, 111, 112, 116, 127, 129; Степен. книга Латухина; Histor. Russ. Monum. II, p. 173; Сказаніе еже содѣася, въ чтен. Моск. истор. общ. т. IX, Буссовъ; Де-Ту; Лѣтоп. о мятеж. стр. 100; Пясецкій, подъ г. 1606; Lubienskiego pisma posmiertne, p. 94, 95, Histor. de Pseudodemetrio.

79) Лѣтоп. о мятеж. стр. 102; С. г. г. и д. II, № 140, 141, 142.

80) Карамзинъ: «Свидѣтельство едва ли достойное уваженія, и если не вымышленное, то вынужденное страхомъ изъ двухъ малодушныхъ слугъ, которые, желая спасти себя отъ мести Россіянъ, не боялись клеветать на пепелъ своего милостивца, развѣянный вѣтромъ! Современники вѣрили; но трудно убѣдить потомство, чтобъ Лжедимитрій, хотя и не разсудительный, могъ дерзнуть на дѣло ужасное и безумное; ибо легко было предвидѣть, что бояре и Москви-

тяне не дали бы рѣзать себя какъ агнцевъ, и что кровопролитіе заключилось бы гибелью Ляховъ вмѣстѣ съ ихъ главою.»

81) С. г. г. и д. II, № 146; Русск. достопамятн. I, 175: по свидѣтельству надгробной надписи въ Архангел. соборѣ Шуйскій умеръ въ 1612 году 60-ти лѣтъ; Хронографы о Гермогенѣ: «Былъ же словесенъ мужъ и хитрорѣчивъ (но не) сладноучителенъ, отъ блаженныхъ же словесъ присно народъ упояшесь, и всякія книги ветхаго закона и новыя благодати и уставы церковные и правила законныя до конца извыче, а нравомъ грубъ и къ бывающимъ въ запрещеніяхъ косенъ къ разрѣшеніямъ, ко злымъ же и благимъ не быстро распрозорителенъ, но ко льстивымъ паче и къ лукавымъ прилежа. О Василіѣ царѣ злорѣчствомъ навадиша мятежницы словесы лестными. Онъ же имъ о всемъ вѣруя, и сего ради ко царю Василію строптиво и неблаголѣпно бесѣдоваше всегда, понеже внутрь юду имый навѣтованный огнь ненависти и супостатнаго коварства, якоже лѣпо бѣ никакоже отчелюбно совѣщевающеся со царемъ.»

82) Симбирск. Сборн. разрядная книга, стр. 152; Histor Russ. Monim. II, № CI, p. 183; лѣтоп. о мятеж. стр. 104 и слѣд дѣла Польскія, № 26; Буссовъ; Маржеретъ; Акты арх. эксп. II, № 48; Histor. Russ. Monim. II, № CI, p. 183; Хронографы; Кобѣржицкій—Histor. Vladisl. 434; Собр. гос. гр. и д. II, № 151; разрядныя книги; акты арх. эксп. II, № 57, 58, 61, рукопись Филар. стр. II; Хронографъ Лобковскій (см. Москвитянинъ, 1850, ноябрь, кн. 1); Латухинская Степенная книга; Никонов. лѣтоп. VIII, 82 и слѣд; Акты арх. эксп. II, № 67, 73; Сборникъ Импер. Публ. Библ., № 17, стр. 292; Кобѣржицкій Historia Vladislai; Marchochiego—Histor. Wojny Moskiewskiej, стр. 6 и слѣд., Акты истор. II, № 75; Времен. Москов. Истор. Общ. кн. 23. Бѣлорусская рукописная лѣтопись, хранящаяся въ Синод. Биб. подъ № 790.

83) Извѣстія объ этихъ событіяхъ не вполнѣ ясны. Лѣтописецъ Русскій не говоритъ объ обѣщаніи помилованія, данномъ Болотникову, Илейкѣ, Шаховскому и Телятевскому. Буссовъ говоритъ объ обѣщаніи, данномъ Болотникову и Илейкѣ, Шаховской же, по его словамъ, не участвовалъ въ переговорахъ, потому что былъ посаженъ подъ стражу осажденными, которые сердились на него за обманъ. Шуйскій, овладѣвъ городомъ, приказалъ выпустить на волю всѣхъ заключенныхъ, въ томъ числѣ и Шаховскаго, который увѣрилъ царя, что народъ озлобился на него за намѣреніе покориться ему, Шуйскому. Тайная казнь Болотникова какъ будто указываетъ на обѣщаніе и подтверждаетъ показаніе Буссова. Но если принять вѣрность показанія Буссова относительно Болотникова, то надобно принять вѣрность его и относительно Илейки, а именно, что и по-

слѣднему дано обѣщаніе помилованія. Что же касается до Телятевскаго, то о немъ всеобщее молчаніе. Карамзинъ говоритъ: «Князя Телятевскаго, знатнѣйшаго и тѣмъ виновнѣйшаго измѣнника, изъ уваженія къ его именитымъ родственникамъ, не лишили ни свободы, ни боярства, къ посрамленію сего вельможнаго достоинства и къ соблазну государственному». При этомъ Карамзинъ ссылается на списокъ бояръ въ Древн. Росс. Вивліоѳ. XX, 86, гдѣ говорится, что Телятевскій умеръ въ боярскомъ санѣ въ 1612 году. Но смерть Телятевскаго въ 1612 году, въ боярскомъ санѣ, вовсе не исключаетъ еще того, что онъ могъ подвергнуться опалѣ при Шуйскомъ и получить прежнее значеніе по сверженіи послѣдняго. Съ другой стороны нельзя не принять къ свѣдѣнію и показанія Буссова, что Телятевскій еще при Восмѣ перешелъ на сторону Шуйскаго.

84) Лѣтоп. о мятеж. 123 и слѣд., Мархоцкій, стр. 6 и слѣд. Исторія смутнаго врем. Бутурлина, примѣч. № VII; лѣтоп. Малиновск. въ архивѣ Мин. Ин. Д. II, 24; Сборник. Импер. Публ. Библ. № 17, стр. 285; Буссовъ.

85) Собр. гос. гр. и дог. II, № 139, 152; Histor. Russ. Manum. II, № LXXVII, № CI; Акты историч. II, № 55; Дѣла Польскія № 26, 27; Lubenskiego—pisma posmertne, стр. 96 (Dziejopisowie Krajowie).

86) Мархоцкій, стр. 28 и слѣд.; Лѣтоп. о мятеж. стр. 132 и слѣд., Акты историч. II, № 92, 95, 89, 90; Собр. гос. гр. и д. II, № 163; Histor. Russ. Monum. II № LXXVIII и слѣд. до LXXXII; рукоп. Румянц. Муз. № 390.—За сообщеніе любопытнаго наказа второму Лжедимитрію я обязанъ князю Михаилу Андреевичу Оболенскому.

87) Дѣла Шведскія, № 8; Пол. собр. русск. лѣтоп. т. IV, 323

88) Лѣтоп. о мятеж. стр. 135 и слѣд.; Москвитянинъ, годы 1841, 42, 44; Чтенія Москов. Истор. Общ. 1846, № 4; Палицынъ;—Акты историч. II, № 182, 240, 242; Дополн. къ акт. истор. I, № 157.

89) Лѣтоп. о мятеж. стр. 138 и слѣд.; Акты историч. II, № 98, 99, 100, 101, 106, 107, 108, 110, 128, 115, 116, 130; Акты арх. эксп. II, № 88, 89, 91, 93, 95, 98, 99, 101, 102, 103, 104, 110; Палицынъ, стр. 38 и слѣд. Histor. de Pseudodemetrio; Времени Москов. истор. общ. кн 23; Руск. Вѣстн. 1842г. № 3; Древн. Вивліоѳ. XVIII.

90) Палицынъ, стр. 41; Житіе преп. Діонисія (печатн. стр. 17); Хронографы; Латухинск. Степен. книга; Лѣтоп. о мятеж. стр. 146 и слѣд.; Мархоцкій, стр. 46 и слѣд.; Времен. Москов. Истор. общ. кн. 16.

91) Акты истор. II, № 158—160, 271; акты арх. эксп. II, № 96, 108, 135, 136, 137, 140, 143, 144, 145, 147, 148, 149, 150, 153, 156; Пол. собр. русск. лѣтоп. IV, 325; Собр. гос. гр. и дог. II, 149; Никон. лѣтоп. VIII, 116; рукоп. Румянцев. Муз. № 390 Сборникъ Мухан. № 100 и слѣд.

92) Kobierzicki—Historia Vladislai, p. 82 et squ. Naruszewicz—Histor. Chodkiewicza (у Бобровича—Zycia slawn. Polak.) Pametniki Maskiewicza, стр. 11 и слѣд. Рукопись Жолкѣвскаго, стр. 24 и слѣд. Rzodla do dziejow Polsk. Grabowskiego. I, стр. 83; Акты арх. эксп. II, № 92; Акты историч. II, № 96, 174, 199, 186, 188, 192, 194, 209, 199, 219, 267, 270; Niemcewicz—Dzieje Panovan. Zygimunta III t. II.—весь; Histor. Russiae Monum. II. № XC, LXXXIX, XCII; Wyprava K. J, M. de Moskwy;—рукоп. библіот. Глав, Штаба; Буссовъ; Собр. гос. грам. и дог. II, № 171, 178, Муханова—Подлин. свидѣт. о взаимн. отнош. Россіи и Польши, стр. 241; Сборникъ Муханова, № 104, 105, 106, 107; Акты западн. Россіи IV, № 180; Бутурлина—Истор. смутн. времени, III, приложен. № 5; Видекиндъ; Histor. belli Sveco—Moscou; Лѣтоп. о мятеж. стр. 165 и слѣд.; Хронографы; Мархоцкій. стр. 58 и слѣд.; Москов. Арх. Мин. Ин. Д. Архивъ царства Польск. связка 1-я; Historia de Pseudodemetrio; Чтенія Москов. Истор. Общ. 1847, № 4.

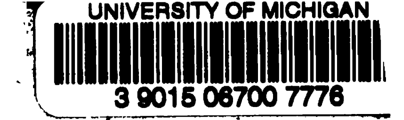
93) Акты юридич, стр. 362; Судебникъ изд. 1786 г.; Акты историч. II, № 85, 250, 251; Акты арх. эксп. № 69, 78, 82, 142, 133; Акты истор. № 66.

94) Kobierzicki—Historia Vladislai; p. 292 et. squ.; Рукопись Жолкѣвскаго, стр. 120 и слѣд.; Materialy do histor. Polsk рукоп. Библ. Глав. Штаба, № 11,498, Zycie Lwa Sapegi—у Бобровича Zycia slawn. Polak.; Мархоцкій, стр. 100 и слѣд.; Pametniki Samuela Maskiewicza стр. 31 и слѣд. Wyprava K. J, M. de Moskwy—рукоп. Библ Глав. Штаба; Собр. гос. грам. и дог. I, № 203. Акты историч. II, № 287; Акты арх. эксп. II, № 164, 165; Дополненія къ Дѣяніямъ Петра В.—Голикова, т. II, стр. 52 и слѣд.; Акты историч. II, № 228, 298, 299, 310, 306. Собр. гос. гр. и дог, II, № 208, 209, 210, 211, 218; Акты арх. эксп. II, № 166; Собр. гос. грам. и дог. II, 214, 224; Никон. лѣтоп. VIII, 150, 151; Акты историч. II, №306; Акты арх. эксп II, № 170, 171; Акты историч. II, № 313, 317; Акты западн. Россіи, IV, № 183.

95) Wyprava K. J. M. do Moskwy, рукоп. Библ. Глав. Штаба; pametniki Maskiewicza, p. 49 и слѣд.; Мархоцкій, стр. 113 и слѣд. Пасецкій подъ годомъ 1611; Historia de Pseudodemetrio;—Рукоп.

Публичн. Библіот. отд. XVII, № 13; Skargi—Na Moskiewskie zwyciestvo Kazanie, 1611; Zycie Jana Stanislawa Sapiehy рукоп. Публич Библіот. отд. Польское, № 16; Хронографы (въ особенности Каранзинскій № 1 въ Археографич. Коммиссіи); Дѣла Польскія, № 30; Лѣтопись о мятежахъ, стр. 189 и слѣд.; Видекиндъ—Historia belli Sueco-Mosc. p. 237 er squ.; Шаума—Tragaedia Demetrio Moscovitica (въ чтеніяхъ Москов. Истор. Общ. 1847, № 2.); Дѣла Шведскія, № 12; Полн. собр. русск. лѣтоп. III, 264 и слѣд.; IV, 325 и слѣд. Relacia o Zamordowaniu okrutnym Jozaplata Kuncewicza, archiepiscopa Polockiego 1624; Акты западн. Россіи, IV. № 190; Materialy de Histor. Polsk. рукоп. Библіот. Главн. Штаба, № 11. 498; Histor J. K. Chodkiewicza; Житіе преподобн. Діонисія по рукописи Синод. Библіот.; Хронографы (см. Москвитян. 1850 г., Ноябрь, кн. 1); Хронографъ принадл. князю Мих. Андр. Оболенскому; Временникъ Моск. Истор. Общ. кн. 17, Krajewski — Chronologia woyny Moskiewsk.; Палицынъ. стр. 244 и слѣд.; Новый лѣтописецъ (Временникъ Москов. Истор. Общ. кн. 17); Никон. лѣтоп. т. VIII; Памятники дипломатич. снош. т. II, стр. 1403 и слѣд., Акты арх. эксп. т. II, № 176 Сбор. гос. гр. и дог. II, № 223, 226: Акты арх. эсп. II, 172; Собр гос. гр. и дог. II. № 241; Акты арх. эксп. II, № 180, 181, 182, 183; Акты историч. II, № 318, 319, 327, 333; Акты арх. эсп. II № 185, 188, 190, 194; Собр гос. гр. и дог. II, № 251; Акты историч. II, № 321, 324. 325; Собр. гос. гр. и дог. II, № 249, 267; Акты истор. II, № 332; Собр. гос. гр. и дог. II № 263. 286, 264; Акты арх. эксп. II, № 197, 199, 201, 202,; Собр. гос. грам. и дог. II, 270, 271, 272, 273, 274, 276, 277, 278, 279, 280; Акты арх. эксп. II, № 210. 203; Собр. гос. и дог. II, № 281; 282; Акты арх эксп. II, № 202; Собр. гос. грам. и дог. II, № 285; Ученыя Записки Импер. Академ. Наукъ по I и III отдѣл. т. III, вып. 1; Собр. гос. гр. и дог. III, № 3, 4, т. I, № 203; Дворцовые Разряды, т. I, стр. 1 и слѣд.; Pamietniki de panowania Zygmunta III, Wladisl. IV i Jana Kszimierza, p. 34; хроногр. кн. M. A. Оболенскаго.

Примѣч. Нѣкотрыя стороны вопроса о первомъ самозванцѣ подвергнутся дальнѣйшему обсужденію въ особомъ дополненіи къ одному изъ слѣдующихъ томовъ Исторіи Россіи.

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 06700 7776

